

Рассылается по специальному списку

М 00074

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть первая

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО КРИЗИСА 1929 ГОДА

Выпуск первый

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1983

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ
В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть первая

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО КРИЗИСА 1929 ГОДА

Выпуск первый

STORIA DEL MARXISMO

Volume terzo

IL MARXISMO NELL'ETA DELLA TERZA INTERNAZIONALE

I

**DALLA RIVOLUZIONE D'OTTOBRE
ALLA CRISI DEL'29**

Giulio Einaudi editore
Torino — 1980

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть первая

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО КРИЗИСА 1929 ГОДА

Перевод с итальянского

Выпуск первый

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1983

Общая редакция и предисловие
АМБАРЦУМОВА Е. А.

Редактор *ЦЫГАНКОВ И. И.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
ЭРИК ХОБСБОМ	
Вступление	15
ИЗРАЭЛЬ ГЕТЦЛЕР	
Октябрь 1917 года: марксистская дискуссия о революции в России	23
1. Экономическое развитие, социальные преобразования, власть	24
2. Столкновение со «старыми большевиками»	31
3. Меньшевики против «диктатуры меньшинства»	40
4. Детерминизм Каутского	50
5. Роза Люксембург: свобода и социализм	54
6. Большевизм и социал-демократия в критике Отто Бауэра	58
МИХАИЛ РЕЙМАН	
Большевики от первой мировой войны до Октября	69
1. Мировая война и переворот в эволюции большевизма	69
2. Российская революция 1917 года: «Апрельские тезисы»	78
3. Кризис революционного процесса и позиция социалистических партий. «Государство и революция»	87
4. Октябрьская революция: победа большевиков и ее итоги	97
МОНТИ ДЖОНСТОН	
Ленин и революция	103
1. Первые годы	103
2. Партия как авангард	105

3. Революционные перспективы	107
4. Государство. Какого типа?	109
5. Партия и власть после Октября	117
6. Ленин как международный руководитель	126

ВИТТОРИО СТРАДА

Ленин и Троцкий 128

1. Роль личности в истории: орудия и действующие лица	130
2. Наследие народничества и западноевропейский опыт	132
3. Исторические законы и исторический момент	137
4. Две революционные парадигмы	139

БАРУХ КНЕЙ-ПАЦ

Троцкий: перманентная революция и революция отсталости 143

1. Маркс, Парвус и вопрос о характере русской революции	150
2. Социология русской истории	154
3. Теория отсталости	158
4. Революция отсталости	162
5. От социологии к политике: отсталость и большевизм	170

ИЗРАЭЛЬ ГЕТЦЛЕР

Мартов и меньшевики до и после революции 177

1. Ортодоксальность меньшевиков и революция	177
2. Поражение Мартова	183
3. Призрак бонапартизма	189
4. Борьба с «марксистской совестью»	194

ЭРВИН ВАЙССЕЛЬ

Социалистический Интернационал и дискуссия о социализации 202

1. Вызов и ответ	203
2. Полная и частичная социализация	205
3. Дискуссия о дополнительных мерах	210
4. Практические попытки	212
5. Разочарования и крах	214

Социал-демократия и австромарксизм 222

1. Основные характеристики и первоначальные границы 223
2. «Великая партия в малой стране» 228
3. Ценности и противоречия 232
4. Линцская программа 236
5. «Интегральный социализм» 240

ДЖАКОМО МАРРАМАО

Между большевизмом и социал-демократией: Отто Бауэр и политическая культура австромарксизма 245

1. Отто Бауэр и Октябрьская революция 245
2. Предвоенный период австромарксизма: от «Bernstein-Debatte»
к полемике с Каутским 255
3. От диаспоры в «национальном вопросе» к коалиционному пра-
вительству 265
4. От «большой Венны» и «красной Венны»: демократия как «состоя-
ние равновесия» и парадоксы «народной республики» 274
5. Дискуссии о демократии и диктатуре: от Линцкого съезда до
поражения 294

МОНТИ ДЖОНСТОН

Передовая ленинская партия—политическое орудие нового типа 306

1. Ортодоксальная традиция 307
2. Сознательность и стихийность 311
3. Большевики и меньшевики 315
4. Критика со стороны Троцкого и Розы Люксембург 319
5. Образец массовой партии (1905—1907) 322
6. Демократический централизм, партия и фракционность 323
7. Война и Интернационал 330

АЛЬДО АГОСТИ

Основатели международного коммунистического движения 332

1. Программа 333
2. Кого принимали в III Интернационал 336

3. Процесс отбора	355
4. Между I и II конгрессами Коммунистического Интернационала	360

МИЛОШ ГАЙЕК

Левый коммунизм	366
-----------------	-----

1. Концепция социалистической революции	366
2. Отношение к левым социалистам, парламенту и профсоюзам	369
3. Вопрос о путчах	374

АЛЬДО АГОСТИ

Мир III Интернационала: «генеральные штабы»	379
---	-----

1. Мировая революция и «всемирная партия революции»	380
2. Международные руководящие группы	385
3. «Теоретики» и «теория» в деятельности Коммунистического Интернационала	413
4. Национальные руководящие группы	421
5. Роль внутренних и внешних факторов в развитии руководящих национальных групп	432

МИЛОШ ГАЙЕК

Дискуссия о едином фронте и неудавшаяся революция в Германии	441
---	-----

1. Революционный подъем	442
2. «Марна немецкой революции»	446
3. Путчизм и пролетарский класс	451
4. Политика единого фронта	458
5. Стабилизация капитализма и «социал-фашизм»	461

МИЛОШ ГАЙЕК

Большевизация коммунистических партий	464
---------------------------------------	-----

1. Появление лозунга большевизации	464
2. Эволюция коммунистических партий в период стабилизации	468
3. Большевизация в организационной сфере	473
4. Большевизация в идеологической сфере	476
5. Национальный вопрос в Европе	480

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляя читателям русский перевод (в двух выпусках) первой части третьего тома международного исследования «История марксизма», вышедшего в леволиберальном итальянском издательстве «Эйнауди», напомним, что общая характеристика этой работы была дана в нашем предисловии к русскому переводу второго тома («Прогресс», 1981). Здесь укажем лишь, что авторы в целом, за отдельными исключениями, придерживаются левых воззрений и могут быть отнесены к левому течению в социалистическом движении, а некоторые, например М. Джонстон и В. Страда, являются коммунистами, хотя последний даже в такой «еврокоммунистической» партии, как ИКП, слывет правым ревизионистом. Но если первый, известный тем, что нередко затевал в Компартии Великобритании дискуссии по острым вопросам, подчеркивает свою верность ленинизму как творческому марксизму, то второй неоднократно выступал в печати, в том числе и в буржуазной, с выпадами против ленинизма. Уже из этого примера ясно, что говорить в данном случае об «авторском коллективе» было бы большой натяжкой.

Сопоставив, в частности, работы о большевистской партии, написанные М. Джонстоном и М. Рейманом (в прошлом доцент Пражского университета и сотрудник Института истории социализма ЧСАН, в 1968 г. — активный участник так называемой «пражской весны», в 1976 г. эмигрировал и ныне живет в ФРГ), мы обнаружим, что если М. Джонстон покаывает социально-исторические корни ленинизма, отстаивая его правильность от нападок апологетов буржуазной демократии, то М. Рейман только и ищет случая, чтобы навести тень на ленинизм, то упрощая и искажая его, то отказывая ленинским концепциям в оригинальности, хотя в конечном счете все же признает, что ленинские выводы соответствовали реальностям революционного процесса.

Это не единственный факт, подтверждающий противоречивость и «разношерстность» настоящей работы. Если итальянский левый социалист Дж. Маррамао в своей статье об австромарксизме стремится выпятить его значение, то израильский левый социалист М. Мерхав (он родился и долго жил в Австрии и после переезда в Израиль продолжал сотрудничать в теоретическом журнале СПА «Цукунфт» и в Линцском институте истории рабочего движения; умер в 1978 г.) демонстрирует нерешительность, политическую трусость «левой» австрийской социал-демократии, фактически подтверждая правильность марксистско-ленинского подхода:

либо революционность, либо оппортунизм; третьего не дано. Статья Мерхава, как и другие материалы об австромарксизме, по-своему, нередко вопреки воле их авторов, свидетельствует о правильности ленинской критики каутскианства, центризма вообще, на платформе которого стоял австромарксизм. В связи с этим понятен конечный отход руководства СПА от марксизма, педантскую, догматическую «верность» которому оно раньше демонстрировало.

Статьи о «марксистских» ипостасях социал-реформизма — австрийской и еще более правой, германской, — написаны с разной степенью критичности, объективности. Но в представленных работах (например, Маррамао и австрийского левого социалиста Э. Вайсселя) имеется фактический материал, который может оказаться небесполезным не только для историков, но и для всех, кто интересуется корнями популярных концепций западного — да и не только западного — рабочего движения. В идеологии австромарксизма, в частности, читатель легко обнаружит зародыши концепции структурных реформ (впрочем, имевшей и буржуазно-реформистский аналог в концепции «государства благосостояния»), корни которой шли от германской и австрийской социал-демократии периода первой мировой войны к И. Шумпетеру, начинавшему свою деятельность в Австрии, и затем к таким влиятельным современным экономистам, как Дж. Гэлбрейт и Г. Мюрдаль. Примечательно, что в связи с выходом третьего тома «Истории марксизма» Дж. Наполитано, тогдашний заместитель генерального секретаря ИКП Э. Берлингуэра, оспаривающий у него с еще более еврокоммунистических позиций руководство «третьим путем», заявил, что «стратегия структурных реформ входила в наследие европейской социал-демократии, а затем стала одной из основ концепций Тольятти» (цит. по: «Мессаджеро», 15 сентября 1981 г.). Заявление, которое покорило бы Тольятти!

В статье о позициях германской и австрийской социал-демократии между двумя мировыми войнами Э. Вайссель указывает на ее приверженность идее огосударствления производства как панацеи от всех бед, на завроженность социал-демократов преимуществами «организованного капитализма» и всевластия государства. Следует отметить, что от этой завроженности лидеры реформистской части рабочего движения на Западе никак не могут отрешиться, хотя их и должны были отрезвить и недавнее сокрушительное поражение лейбористов в Англии, выступавших под этим знаменем, и крах аналогичной экономической политики правительства Миттерана во Франции. Вайссель, однако, не видит, что историческое поражение западноевропейской социал-демократии в период между двумя мировыми войнами было предопределено неприятием ею революции, революционного

подъема в Европе, который она только и старалась сбить. Показательно, что в Германии она пришла к власти в результате не победы, а поражения революции; находясь же у власти, она как будто ставила целью подтвердить уничтожающую характеристику, данную ей В. И. Лениным, — «рабочие приказчики класса капиталистов».

И уж совсем несостоятельна аналогия, которую проводит Вайссель между бауэровской апологией «малых дел» и ленинской ориентацией на всестороннюю подготовку революции. Ибо в первом случае роль шла о сугубо реформистской деятельности, тогда как во втором — о революционной.

Работа американского историка И. Гетцлера о Мартове интересна не только фактами, но и тем, что автор практически признает крах меньшевистской тактики неучастия в буржуазно-демократической революции и правильность ленинского подхода в этом вопросе. Отмечая «скудность» критики большевизма Каутским, Гетцлер, однако, не проявляет той же объективности к Мартову и демонстрирует явную узость в понимании демократии, когда пишет о политике большевиков. Он не хочет понять, что создание сильной и сплоченной партии было для В. И. Ленина не самоцелью, а верным путем к победе революции и социализма. Многочисленные высказывания В. И. Ленина насчет того, что построение социализма должно быть делом не одной только партии, а широчайших народных масс, достаточно хорошо известны, однако Гетцлер — равно и Рейман — всеми силами стремится дискредитировать большевизм как партийную концепцию. Но при всей предвзятости антибольшевистской критики Гетцлера, явно идущей в русле современных «ниспровержений ленинизма» с позиций внеклассовой демократии, описанию им взглядов и идейной эволюции Мартова нельзя отказать в актуальности.

В двух статьях выпуска анализируется фигура Троцкого. Первая из них — работа израильского историка Б. Кней-Паца — явно апологетическая. Приписывая Троцкому авторство тех или иных «новаций» в марксистской стратегии, Кней-Пац игнорирует глубочайшую разработку В. И. Лениным, в частности, революционной роли крестьянства (произведенную еще до революции 1905 г.), да и вообще диалектики социальной отсталости, которую В. И. Ленин исследовал в ходе всей своей творческой деятельности. Троцкий представлял «революцию против отсталости» как насильственную модернизацию сверху, тогда как для В. И. Ленина революция не могла не быть делом самих трудящихся масс, воспитывающихся и поднимающихся в ходе ее. Троцкий, как и деятели его типа, взявшие на вооружение его программу и методы построения «организованного», по существу тоталитарного, общества, которое мыслилось им социальным идеалом, был,

выражаясь популярным социологическим термином, маргинальной личностью, да еще в концентрированном виде, компенсирующей свою социальную ущемленность социальной мстительностью и злобой; поэтому, например, широчайшую народную крестьянскую массу он и ему подобные высокомерно третировали как пассивный строительный материал для своих холодно-бесчеловечных конструкций. Кней-Пац представляет Троцкого исключительно трагической личностью (в соответствии с довлеющим в книге духом сочувствия побежденным), проходя мимо того факта, что его личная судьба явилась исторически справедливой расплатой за его «революционную беспощадность», точнее, безжалостность. Эта, можно было бы сказать, убийственная диалектика троцкизма как суперреволюционности осуждена историей и с потрясающей осязаемостью передана в произведениях советской художественной литературы и научных работах советских авторов. Но Кней-Пац — как почти все авторы разбираемой книги, за редкими исключениями, — высокомерно игнорирует современную советскую историографию, поскольку даже критическое знакомство с нею разрушило бы созданный им образ.

В работе итальянского историка В. Страды В. И. Ленин и Троцкий сопоставляются в политико-психологическом плане. Несмотря на выпады против ленинизма, Страда не может не признать превосходство творческой революционности В. И. Ленина над схоластичностью и догматичностью Троцкого. Кстати, эти качества последнего выявляются и из материала, приводимого Кней-Пацом. Для нас могут представить определенный интерес и данные израильского историка о том, какие идеи Троцкий почерпнул (а затем выдавал за свои) у Парвуса, этого авантюриста, пытавшегося использовать в своих интересах как революционное рабочее движение, так и германский генеральный штаб. Упомянутые черты Троцкого объясняют, почему он, как констатирует Страда, не сумел, а точнее, просто не мог разработать концепцию революционной партии, почему он, как признает Кней-Пац, не имел сторонников — уточним: не вообще, а именно в широком рабочем движении, в движении трудящихся масс. Ибо это движение можно было увлечь не априорными схемами, а, как это делал В. И. Ленин, живой заинтересованностью в простых людях труда со всеми их сильными и слабыми сторонами, доверием к ним, их революционности, житейской мудрости и честности.

И хотя Страда, в отличие от Кней-Паца, на словах отдает предпочтение В. И. Ленину, для советского читателя окажется неприемлемой форма, в которой итальянский историк провел свое сопоставление. К тому же Страда искажил некоторые факты и выводы. Он создает, например, впечатление, будто творческий марксизм В. И. Ленина был чуть ли не равнозна-

чен оппортунизму, будто В. И. Ленин был «политическим игроком», явно применяя к нему чуждые мерки. В действительности же смелые политические решения В. И. Ленина, которые лишь поверхностный или тенденциозный наблюдатель может отождествить с авантюризмом Троцкого, были результатом глубокой, выработанной опытом политической интуиции, вдумчивого научно-политического анализа и потому безошибочного расчета, одушевленного верой в революционную перспективу, в революционность масс.

Конечно, советскому читателю сам факт рассмотрения таких фигур, как Мартов и — особенно — Троцкий, в рамках истории марксизма покажется, вероятно, вызывающим и даже кощунственным, но приходится иметь в виду, что на Западе отнесение Троцкого к числу наиболее крупных марксистов XX века считается само собой разумеющимся.

И хотя при обсуждении роли течений, лежащих, на наш взгляд, вне марксизма-ленинизма, допущен явный перекося, все же авторы книги не могли не считаться с названием, которое они сами ей дали, — «Марксизм в эпоху III Интернационала». Правда, публикуемый здесь материал не равноценен. Так, если в статье М. Джонстона признается социально-историческая обоснованность и политическая правильность ленинской политики, отстаивается ленинизм, ленинский вклад в революционную теорию от наскоков со стороны тех, кто сомневается в оригинальном, творческом характере ленинизма, то в статье М. Реймана, скудной по материалам, вторичной по концепции и неубедительной по выводам, много неточностей, допускаемых как бы походя, однако, искажают общую картину. Рейман, к примеру, утверждает, будто в «Государстве и революции» упрощена характеристика буржуазного государства.

Представляет интерес статья итальянского историка А. Агости, хотя и не со всеми ее положениями можно согласиться. Характерно, что в основу своей работы он положил программное высказывание видного итальянского левосоциалистического лидера Р. Моранди (1902—1955), который, указывая на необходимость динамического понимания коммунизма, считал его подлинно революционным социализмом. Моранди стоял на позициях куда более близких нам, чем сегодня занимают некоторые деятели Итальянской компартии.

Агости сосредоточивает внимание на неоднородности групп и течений, объединившихся в возникших в начале 20-х годов компартиях. Само по себе это положение бесспорно, если не упускать из виду другой стороны дела. Ведь сам факт объединения означал: то, что сближало эти группы, этих людей, было сильнее и важнее того, что их разделяло.

Агости в целом верно понимает ведущую роль Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) в Коминтерне

и отвергает антикоммунистическую клевету, будто Коминтерн был не более чем агентурой ВКП (б). Он правильно замечает, что коммунистическое движение было сильно прежде всего своими корнями в конкретных, разных странах. Но именно ленинская партия задавала правильный тон, тогда как детской болезнью «левизны» хворали прежде всего молодые зарубежные партии. Тогдашний «еврокоммунизм», в отличие от сегодняшнего, грешил левизной, но в обоих случаях он, как видно, оказывался отклонением от верного пути.

Иные неточные оценки и акценты Агости объясняются, видимо, тем, что он широко использует ненадежные источники, хотя и полемизирует с антикоммунистами. Он не обратился к фундаментальным, основанным на архивах исследованиям, предпринятым советскими историками, в частности к монографиям о конгрессах Коминтерна. Можно было бы, конечно, подвергнуть сомнению научную добросовестность и основательность авторов публикуемой книги; но вместе с тем создается впечатление, что советские работы недостаточно популяризируются за рубежом, причем препятствовать здесь может и характер преподнесения материала.

Статья М. Гайека о «левых коммунистах» вряд ли может добавить что-либо существенное к работам советских историков на эту тему. Тем не менее небезынтересно замечание автора о том, что критика в адрес большевистского руководства с «левокоммунистических» позиций по вопросам характера власти была сродни мартовской, меньшевистской. Из фактов, приводимых Гайеком, явствует, что ленинской, большевистской политики был свойствен революционный реализм, тогда как «левые коммунисты» не считались с объективными условиями и уже потому были обречены на поражение. Но и в этой, и в другой статье Гайека (о революционном движении в Германии) также есть неточные оценки, необоснованные выводы. Гайек явно упрощает ленинские оценки «мартовского наступления» и тогдашнего положения в КПП. Следует также отметить, что обширная статья Гайека о большевизации компартии игнорирует не только советские, но и многочисленные исследования зарубежных прогрессивных ученых об истории становления и развития коммунистического движения в отдельных странах.

Настоящее предисловие, разумеется, ни в коей мере не претендует на подробный критический анализ предлагаемой работы. Задача его мыслилась лишь в том, чтобы привлечь внимание на те или иные ее стороны, могущие представить интерес.

Издательство «Прогресс» в целях информации направляет читателям перевод на русский язык первой части третьего тома книги «История марксизма» (первый выпуск).

Эрик Хобсбом

ВСТУПЛЕНИЕ

Русская революция, ее последствия и ее сложные взаимосвязи являются основной темой третьего тома «Истории марксизма». По сравнению с периодом, который рассматривался во втором томе, временные рамки данного тома гораздо шире, а комплекс проблем, связанных с затрагиваемым периодом, гораздо сложнее. Поэтому пришлось разделить этот том на две части. Второй том «Истории» касался в основном преобразования идей Маркса и Энгельса в «марксизм» (который интерпретировался по-разному, но действовал в основном в рамках единственного тогда Интернационала, главной политической силой которого была немецкая социал-демократия; она же являлась его гегемоном в интеллектуальном плане), он рассматривает также дискуссии, вызванные попытками теоретически и практически применить анализ Маркса, формирование и развитие социалистических партий рабочего класса в большей части Европы и в других странах. Проблемы, возникшие в период, охватываемый данным томом, весьма разнообразны. Поэтому необходимо рассмотреть по крайней мере самые характерные из них.

Октябрьская революция прежде всего поставила на повестку дня вопрос о «пути к власти» (мы повторяем здесь название знаменитой книги Каутского, вышедшей в 1909 году), причем более конкретно, чем в период II Интернационала. Для рабочих партий революция явилась первым случаем завоевания власти, увенчавшимся успехом. Тем не менее она оставалась в изоляции, и потому марксисты-революционеры были вынуждены отдавать большую часть своей энергии — в разработке теории и в своей практике — тому, как повторить эту революцию (или сделать нечто подобное), как подойти к революционному завоеванию власти в условиях, отличающихся от условий России 1917 года, какими должны быть отношения между Советской Россией и борьбой за национальное и всемирное освобождение, с тем чтобы довести революцию до конца, и наоборот, в какой мере факт отсутствия революции в других странах мог повлиять на развитие Советского Союза. Со своей стороны неревolutionные марксисты (или по меньшей мере небольшие марксисты) в равной степени были заняты поисками альтернативных путей к социализму.

Во-вторых, впервые в истории вопрос о построении социалистического общества перестал быть абстрактным. До тех пор пока Советский Союз оставался единственной страной,

управляемой марксистами, то есть вплоть до конца второй мировой войны, дискуссия по этому вопросу относилась преимущественно к этой стране или же была связана с нею. Эта дискуссия в течение долгого времени испытывала влияние советского опыта и по большей части велась в одном и том же ключе, поскольку все тогдашние попытки построения социализма основывались на примере СССР или же на советском опыте (как позитивном, так и негативном), который служил точкой отсчета в этой области. Но мы не должны забывать и того, что в те годы социал-демократические партии впервые начали приобретать опыт правления — самостоятельно или в составе коалиционных правительств, чего не было до 1914 года, когда им систематически отказывали в участии в государственном управлении. Иногда, в особенности сразу после войны, некоторые их сторонники полагали, что подобные правительства могут содействовать реализации какой-то формы социализма (см. статью Э. Вайсселя). Поскольку вопросы построения социалистического общества до 1914 года являлись чисто академическими, а первые теоретики-марксисты не опускались до частных, чтобы не впасть в утопию, постольку широкое поле для дискуссий открылось лишь в 1917 году.

К тому же после Октябрьской революции марксизм перестал составлять содержание, или, вернее, содержимое, единого международного движения и единой полемики. Коммунистические трактовки марксизма с тех пор были разобщены с социал-демократическими взаимным непониманием и враждебностью до такой степени, что каждая из сторон нередко доходила в полемике до обвинения своего противника в фашизме, что на церковном языке было бы равнозначно приговоренности к дьяволу. Причем необходимо подчеркнуть, что ни один из лагерей не был однородным по своей внутренней структуре, хотя вплоть до 1956 года международное коммунистическое движение, в котором доминировала советская компартия, навязывало как партиям, так и их членам максимально возможное единообразие. И тем не менее даже это движение вынуждено было примириться — как это сделал Социалистический интернационал — с определенной гетерогенностью, обусловленной неодинаковыми, а иногда и прямо противоположными интересами различных коммунистических партий. Все это расширяло и обостряло дискуссии между твердыми марксистами и марксистами разных направлений, которым (в особенности в рамках коммунистического движения) все чаще и чаще присваивались наименования, считавшиеся уничижительными (троцкизм, люксембургизм, бордигизм и т. д.).

Наконец, надо иметь в виду, что марксистское движение приобрело тогда всемирный характер. С этого момента ста-

ло невозможно ограничивать его историю рамками одной лишь Европы и — в еще меньшей мере — Северной Америки: после 1917 года любая история марксизма должна отводить соответствующее место Китаю, Индии, Японии, Латинской Америке (если уж говорить о географических регионах), а также проблемам колоний и полуколоний или, как повелось говорить после второй мировой войны, так называемого третьего мира. Необходимо иметь в виду, что движения, распространившиеся в этих регионах, родились преимущественно под влиянием — прямым или косвенным, непосредственным или перспективным — русской революции.

Следовательно, настоящий том должен неизбежно быть посвящен — в позитивном или негативном плане — прежде всего коммунистическому («большевистскому») марксизму. Это, естественно, не означает, что существует только этот вариант марксизма, хотя нужно заметить, что авторы, которые в период между двумя войнами объявляли себя марксистами, были преимущественно членами, сочувствующими или, по крайней мере временно, активистами коммунистических партий и групп. Также верно и то, что публикация трудов Маркса и Энгельса в этот период, как уже отмечалось в первом томе, была осуществлена благодаря коммунистическому движению. Тем не менее некоторые социал-демократические партии продолжали называть себя марксистскими; их теоретики и идеологи были вовлечены в широкую полемику против коммунизма ленинского типа, а в то же время коммунистические партии выступали против социал-демократии. (Две статьи И. Гетцлера о дискуссии по поводу русской революции и о Мартове иллюстрируют некоторые моменты этой полемики.) В тот период речь шла в основном о партиях, участвовавших или готовившихся участвовать в правительстве и не намеревавшихся (об этом они заявляли открыто), по крайней мере в ближайшем будущем, построить социализм. Статьи П. Мерхава и Дж. Маррамао об австромарксизме рассматривают развитие именно такого некоммунистического марксизма. Мы не касались отдельно развития немецкой социал-демократии, поскольку исследование Э. Альтфатера — пусть и в общих чертах — показывает, что в интеллектуальном плане австромарксистская линия была и у нее определяющей (в частности, благодаря Гильфердингу). Можно также добавить, что в период между двумя войнами социал-демократические партии стали прибежищем некоторых марксистских деятелей, исключенных из коммунистических партий или отошедших от них (например, Леви и Розенберг в Германии).

Из статей данного тома хорошо видно, что и сам коммунистический марксизм отнюдь не представлял собой теоретически однородного движения, хотя верно и то, что уже с середины 20-х годов предпринимались систематические попытки

приписать ему ортодоксальность советского типа (см. статью М. Гайека о «большевизации» коммунистических партий). Как в СССР, так и в международном плане большевизм сформировался из различных левых движений. В России он соединил последователей Ленина не только с группами и людьми, которые до того не признавали его позиций, но — в особенности в экономической области — и с бывшими меньшевиками, эсерами и прочими (см. статьи Р. Дэвиса и А. Ноува о дискуссиях того периода). Весьма показателен с этой точки зрения и предложенный В. Страдой сравнительный анализ биографии В. И. Ленина и Л. Троцкого как мыслителей. В международном плане, как показывает А. Агости, коммунистическое движение сложилось как объединение различных групп левых марксистов довоенного периода и тех революционеров, которые первоначально были анархистами или анархо-синдикалистами, а также многочисленных представителей интеллигенции и активистов (яркий пример тому Д. Лукач), перешедших на сторону Маркса благодаря урокам Октября. Некоторые из них недолго пробыли в «большевиках» (см. статью М. Гайека о левом экстремизме). Открытая дискуссия в коммунистическом лагере в конце концов была задушена с помощью чисток, расколов и репрессий. Тем не менее вплоть до середины 20-х годов она носила оживленный характер и не совсем заглохла даже в конце периода, который заканчивается первая часть данного тома.

Раскол, наметившийся между социал-демократами и коммунистами (прочие мелкие марксистские группы все больше теряли свое значение), не должен вести к недооценке того факта, что у этих двух группировок левых сил все еще оставалась обширная область совпадения взглядов. Это явление четко прослеживается в самые первые годы существования Коминтерна, до того как у коммунистов и тех, кто действительно хотел присоединиться к большевистскому лагерю (сюда входили целые социалистические партии), наметилась общая твердая линия. В то же время из статьи Дж. Маррамао явствует, что интеллектуальные контакты между марксистами обеих крупнейших международных группировок имели место и позднее, несмотря на резкую полемику между коммунистами и социал-демократами и на проводимую ими политику, что все более затрудняло их взаимоотношения.

Другими словами, несмотря на ужесточение полемики, многообразное внутреннее развитие марксизма свидетельствует о его жизненности и, как показывает статья Дж. Уиллета, является признаком его глубоких связей с культурными движениями современности. Конечно, советская «культурная революция», представленная в статье В. Страды, опасно повлияла на весь идеологический опыт коммунистического марксизма, тем не менее необходимо подчеркнуть, что марксизм не

изменил своего плюралистического характера, хотя в отличие от эпохи II Интернационала и от наших дней в период III Интернационала за ним этого не признавали.

Необходимо также отметить, что после 1917 года марксизм развивался в более сложной и драматической обстановке, чем в эпоху II Интернационала. Ему пришлось выдержать волну несбывшихся надежд и ожиданий, возникших в связи с крахом революций в Европе после первой мировой войны, с пусть и недолгим периодом стабилизации капитализма, завершившимся глубочайшим мировым кризисом 1929—1933 годов, с подъемом фашизма и разгромом легальных движений рабочего класса в отдельных странах, которые до 1914 года считались его оплотом, а также в связи с войной, освобождением от фашизма и созданием новых государств, руководимых марксистами, ликвидацией колониальных империй в большей части мира и, наконец, с бурным экономическим развитием мировой капиталистической системы в 50—60-е годы. Каждое из перечисленных событий ставило марксистскую теорию и стратегию перед лицом новых явлений и вынуждало пересматривать, приспособливать и изменять уже апробированные методы анализа гораздо чаще и драматичнее, причем нередко более неожиданно, чем это было до 1914 года. К тому же подобный пересмотр и развитие марксистской теории были теперь затруднены тем обстоятельством, что исчезновение преемственности между довоенным и послевоенным периодами мешало простому возобновлению предшествующих дискуссий. Характерной чертой социал-демократии стала отныне ее адаптация к тому миру, в котором ее партии решали в общей борьбе за победу социализма все более скромные задачи; грань между демократическим либерализмом и борьбой за власть рабочего класса, между развитием «организованного капитализма» и возможным переходом к социализму становилась все менее ощутимой, несмотря на все еще сохранявшиеся в среде немецких социал-демократов и австромарксистов старые марксистские определения. Не удивительно, что марксисты, не принадлежавшие к социал-демократии, предпочитали просто оспаривать ее взгляды, вместо того чтобы разобраться в попытках социал-демократов выявить общий характер новой фазы развития капитализма.

В то же время совпавшее со всем этим превращение коммунистического марксизма во все более жесткую ортодоксию, блокировавшую любую историческую модификацию заученных раз и навсегда «уроков марксизма», исключительно затрудняло реалистическое обновление марксистского анализа и делало практически невозможным правильное применение критериев марксистской критики к развитию новых социалистических обществ в рамках коммунистического движения. Как это видно из статьи А. Агости, еще более затруднила анализ

новой экономической, социальной и политической реальности та роль, которую коммунисты приписывали «теории» в эпоху Коминтерна. Неизбежная идеологическая слабость, которая из этого вытекает, хорошо видна на примере неполного и зачастую бессвязного теоретического анализа и соответствующего практического подхода коммунистов в течение многих лет к такому явлению, как фашизм.

Все это обуславливает еще одну особенность марксизма в период, начавшийся в 1917 году, которая уже сама по себе затрудняет задачу историков: дело в том, что развитие теории марксизма во многом неотделимо от конкретных политических действий марксистских партий, поскольку это часто связано с необходимостью обосновывать или теоретически оправдывать изменения в политических решениях; совершенно не отработана, кроме того, и теоретическая терминология, являющая собой важный аспект этого развития, поскольку необходимые формулы могли бы вступить в противоречие с предшествующими теоретическими схемами или официальной ортодоксией, а потому их следует читать лишь между строк текущих политических суждений или же выводить из реальных действий марксистских организаций. Так, например, отношение коммунистов к национальному вопросу, конечно же, не оставалось неизменным (см. статью М. Гайека о «большевизации»), и тем не менее определить эти изменения нелегко, поскольку они не были сформулированы теоретически (это было сделано лишь в особых условиях и в литературе таких компартий, как австрийская и индийская). Официальная теория оставалась замороженной в том виде, в каком ее изложил Сталин в 1913 году, точно так же, как официальная теория империализма окаменела в ленинской формулировке 1916 года. Поэтому в отличие от эпохи II Интернационала писать историю марксизма в период III Интернационала без постоянных экскурсов в историю Советского Союза или марксистских партий, принимая во внимание все политические формы социализма, гораздо труднее.

Кроме того, многое из оригинального, что появилось в марксистской мысли на обочине или попросту за пределами марксистского движения и вне связи с основным предметом (или с разными предметами) марксистской дискуссии, представляется проблематичным, если даже не мнимым. Работа Д. Лукача «История и классовое сознание» была осуждена марксистами (коммунистами и некоммунистами), и этот труд, от которого впоследствии отрекся сам автор, был как бы загнан в подполье. Возможно, что Тольятти читал «Тюремные тетради» Грамши, но их существование оставалось неизвестным вплоть до конца 40-х годов. Эти книги, независимо от их ценности, принадлежат истории марксизма, поскольку они оказали свое влияние на последующий период

его развития; здесь они рассматриваются как продукт особой эпохи и отражают или, лучше сказать, преломляют в себе ту историческую обстановку, в которой они были написаны. Тем не менее их точное место в истории марксизма спорно, и если, например, труды Каутского, Люксембург и самого Ленина по империализму довольно легко отнести к периоду II Интернационала, то найти более или менее подходящее место работам Корша или Блоха куда труднее. В свою очередь в отличие от них гораздо легче отвести соответствующее место мыслям Троцкого или Бухарина в истории марксизма периода русской революции и дискуссий советской эпохи (и Коминтерна) в 20-е годы, поскольку они являлись их органическим компонентом.

Таковы соображения, которыми мы руководствовались при составлении тома, посвященного марксизму эпохи III Интернационала. Как мы уже говорили, из-за большого объема пришлось разделить том на две части. Первая охватывает в основном проблемы и события начиная с русской революции и до кризиса 1929 года. Поскольку внутривнутрипартийные марксистские дискуссии носили до 30-х годов более интенсивный и открытый характер, этот период потребовал более широкого освещения вопросов. В силу того, что в те годы основными темами были русская революция и развитие Советской власти, дискуссии о Сталине и сталинизме освещаются в основном во второй части (хронологически она заканчивается 1956 годом).

Первая часть настоящего тома состоит из пяти разделов, в которых собраны статьи разного содержания. В первых пяти статьях рассматриваются дискуссии об Октябрьской революции в многоликом лагере марксизма, события, ознаменовавшие ее рождение и развитие, а также вклад в дело революции ее главных руководителей, и прежде всего Ленина. Статья о Мартове, которая отчасти возвращается к этой тематике (с меньшевистской точки зрения), открывает второй раздел, статьи которого касаются проблем разработки марксизма некоммунистами, прежде всего наиболее творческим направлением — австромарксизмом. Семь следующих статей рассматривают ленинскую концепцию партии, формирование и развитие III Интернационала. Затем идут шесть работ по проблемам становления Советской России с особым вниманием к вопросам социалистической экономики и к позициям Бухарина. Последние страницы книги занимают три статьи по вопросам философии и культуры, освещающие, в частности, отношение русской революции к искусству и литературе в Советском Союзе и в мире. Том завершает статья, посвященная марксистской дискуссии о новых формах «организованного капитализма». В некотором роде она служит переходным материалом ко второй части книги.

Излишне говорить о том, что все эти темы трудно отделить друг от друга с достаточной четкостью; так, в коммунистическом марксизме проблематика развития Советской России и международного движения часто оказывается определяющей ввиду влияния этой страны на другие коммунистические партии даже по вопросам их внутренней политической борьбы. Само различие между коммунистическим марксизмом и некоммунистическим, как уже отмечалось, не всегда имеет разумное обоснование; так, многие социал-демократы в ходе марксистских дискуссий обсуждают проблемы, поставленные Октябрьской революцией, строительством Советской России, ленинским коммунизмом; в свою очередь и социал-демократы, и коммунисты пытаются с разных сторон оценить одно и то же явление, скажем внутренние изменения в капиталистическом мире, особенно в период его «стабилизации» (например, «тейлоризм» и его последствия рассматриваются как теми, так и другими. См. статьи Р. Финци и Э. Альтфатера).

Фашизм и колониальный вопрос не рассматриваются в первой части тома так же, как и история марксизма за пределами Европы. Правда, дискуссии о фашизме уже имели место в 20-е годы, и как раз тогда в Коминтерне начались также широкие дебаты по колониальным проблемам (прежде всего в отношении Азии, и в частности Китая), но мы предпочли сосредоточить анализ этих явлений во второй части тома, имея в виду, что дискуссия о фашизме развернулась с особой силой лишь в 30-е годы. К тому же именно в 30-е годы идеи марксизма и само это движение стали глубоко волновать весь мир, да и в китайской революции в тот период наступил решающий момент.

И последнее замечание. Статьи первой части третьего тома написаны учеными из разных стран — Соединенных Штатов и СССР, Франции и Израиля, Италии и Чехословакии, Германии и Венгрии, Австралии и Англии. Таким образом, перед вами целый набор исключительно разнообразных политических и идеологических точек зрения. Очевидно, было бы бессмысленным пытаться сгладить различия в их подходе к разным проблемам, ясным любому читателю. По той же причине нам показалось неуместным исключать теоретические повторы, которые могут встретиться в этих статьях. И тем не менее нам кажется, что в целом эти статьи не только свидетельствуют в основном о едином мнении в оценке исторических факторов, имеющих столь решающее значение для нашего времени, но и дают довольно единообразное их истолкование.

Лондон, лето 1980 года

Израэль Гетцлер

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА: МАРКСИСТСКАЯ ДИСКУССИЯ О РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Марксизм и его социальный анализ позволили нам продвинуться до такой степени, что уже не нужно ожидать конца революции, чтобы иметь возможность установить разницу между ее реальными целями и иллюзорными представлениями о ней. Изучение объективных обстоятельств дает возможность с самого начала выделить истинные цели революции, проистекающие из данных условий, и отделить их от иллюзорных, которые зависят от материальных и духовных потребностей революционеров. Чем тщательнее мы, марксисты, проведем этот анализ... тем в большей степени мы сможем избавить революционеров от тех разочарований и поражений, которые могут на десятилетия приостановить поступательный ход нашего дела.

K. Kautsky. Rosa Luxemburg und der Bolschewismus. „Der Kampf“, Februar 1922, S. 42).

Октябрьская революция, то есть решение Ленина взять власть и установить с помощью большевистской партии «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства», поставила под вопрос некоторые освященные временем каноны русской марксистской доктрины и явилась острейшим моментом в постоянных спорах о власти, с самого начала отличавших социал-демократию этой страны. Мы попытаемся здесь определить теоретические предпосылки и социологические догадки, на которых Ленин основывал свое решение, и одновременно проанализируем некоторые аспекты полемики, вы-

званной этим решением, между марксистами России и Центральной Европы. Отправным пунктом этой дискуссии были дебаты о власти, возникшие в среде русской социал-демократии в ходе революции 1905 года; конечным является март 1921 года, когда после гражданской войны, кронштадтского мятежа и начала нэпа закончилась, как представляется автору настоящей статьи, Октябрьская революция; именно тогда дискуссии русских марксистов о власти и значении Октября заставила замолчать неодолимая мощь Советской власти, и началась послереволюционная эпоха в жизни советского общества и государства.

1. Экономическое развитие, социальные преобразования, власть

Перед русским марксизмом с первых дней своего существования в начале 80-х годов XIX века стояла дилемма, заключавшаяся в том, что марксисты-социалисты, призванные заниматься проблемами современного социалистического — послебуржуазного и послекапиталистического — общества, должны были совершить свою революцию в царской — добуржуазной и доиндустриальной¹ — России. Отцы-основатели Георгий Плеханов и Павел Аксельрод отвергли максималистскую ориентацию «Народной воли», которая, превращая отсталость России в социалистическую добродетель, выступала за революционное завоевание власти, якобы немедленно ведущее к социализму; Плеханов и Аксельрод считали эту ориентацию «утопической» и диктаторской. С точки зрения Плеханова (и его группы «Освобождение труда»), русская революция могла быть только «буржуазной». Ее основная функция заключалась в низвержении царизма и начале исторически необходимой буржуазно-демократической и капиталистической фазы развития под руководством и покровительством буржуазии. Только при этих условиях Россия могла, как считалось, подготовиться к настоящей — «пролетарской» — революции, и лишь в этом случае социал-демократическое руководство пролетариата должно было взять власть в свои руки и приступить к строительству социализма.

В последующие годы и, несомненно, начиная с 90-х годов четко выстроенная теория Плеханова о двух революциях — первой «буржуазной» и второй «пролетарской» — превратилась в русскую марксистскую доктрину, и на многие годы ее закон «самоотрицания» стал характерной чертой российской

¹ Об этой дискуссии см.: *J. Getzler. Marxist Revolutionaries and the Dilemma of Power.* — In: *A. J. Rabinovitch, L. K. D. Kristof (eds.). Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B. I. Nicolaevsky.* Indiana, 1972, p. 88—112, 359—362.

социал-демократии, в том числе и Ленина². Его резкие прения с Плехановым, отраженные в черновиках партийной программы, подготовленной в 1902 году, явились началом освобождения Ленина от теоретического засилья «отца русского марксизма», и возможно, что этот процесс и вызвал междоусобицу меньшевиков и большевиков и определил роль Плеханова в этой междоусобице после II съезда социал-демократической партии. Таким образом, когда разразилась революция 1905 года и русские социал-демократы начали обсуждать проблему власти, Ленин мог спокойно пересмотреть плехановскую теорию буржуазной революции, и в частности утверждение Плеханова о необходимости самоустранения из этой борьбы, в пользу участия в которой у Ленина уже появились, видимо, собственные соображения.

Поэтому естественно, что сразу после «кровавого воскресенья», когда свержение царизма уже не казалось несбыточной мечтой, Ленин поставил вопрос о том, *«каким именно другим правительством»* следует заменить низвергаемое правительство, созывая Учредительное собрание и решая политическое будущее России³. Его ответ был ясен, прост и чов: социал-демократы «обязаны были» взять власть в свои руки и участвовать в революционном правительстве. Речь шла о демократическом правительстве, поддерживаемом «подавляющим большинством населения»; его широкой социальной основой должны были стать рабочий класс, крестьянство и неимущие слои города и деревни, жизненно заинтересованные в победе революции, установлении демократической республики и проведении в жизнь программы-минимум российской социал-демократии, а эта программа, между прочим, включала всеобщее голосование, самоопределение всех наций, решительное перераспределение земельной собственности в пользу крестьян, восьмичасовой рабочий день и радикальные реформы в области условий труда⁴. Предполагалось, что это будет революционная диктатура, правительство, наделенное неограниченной властью, так как его задачей было подавление яростного сопротивления многочисленных приверженцев

² Я не обнаружил никаких данных, подтверждающих тезис Э. Карра (см.: *E. Carr. La rivoluzione bolscevica* (1917—1923). Torino, 1964, p. 15—16, 41), согласно которому уже в 1898 году Ленин выступал за «неразрывную связь» между буржуазно-демократической и социалистической пролетарской революцией в подтверждение Марксовой концепции революции в Германии как «непрерывного революционного процесса», или «перманентной революции». В своей статье «Задачи русских социал-демократов» (1898) Ленин постулировал «неразрывную связь» между социально-экономическим и политико-демократическим аспектами социал-демократической *пропаганды*, но он явно воздерживался от намеков на революционную теорию в указанном смысле.

³ См.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 10, с. 4.

⁴ См. там же, с. 12, 16, 18.

царизма. И тем не менее социалистическая диктатура пролетариата все еще не могла быть осуществлена, поскольку он представлял собой меньшинство и нуждался в союзе с крестьянством. Кроме того, поскольку Россия была экономически отсталой страной, ей необходимо было пройти какой-то путь капиталистического развития. Следовательно, царизм нужно было заменить «революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства», что политически означало создание коалиционного правительства из социал-демократов, представлявшего классовую партию пролетариата и социалистов-революционеров, поддерживаемых крестьянством — «естественным союзником рабочих». Исторической ролью этого строя явилось бы доведение до конца буржуазно-демократической революции в России, что одновременно стало бы и прологом социалистической революции в Европе⁵.

В малоизвестной статье «Картина временного революционного правительства»⁶, написанной в июне 1905 года, Ленин сформулировал свою новую революционную программу более четко и подробно, нежели в самых известных полемических выступлениях. Самодержавное правительство в Петербурге свергнуто, разбито, но не добито, *не уничтожено*; временное революционное правительство, в которое войдут министры-социалисты — пусть даже как независимая фракция социал-демократической партии, «*приказчики социал-демократической партии*», — апеллирует к народу, провозглашая «полные республиканские свободы», поддерживает «*самодетельность рабочих и крестьян*» (возможно, здесь — намек на необходимость «„по-плебейски“ разделиться с царизмом»; к этому Ленин еще вернется)⁷; учреждаются крестьянские комитеты для «*полного преобразования аграрных отношений*».

Далее, созывается Учредительное собрание, в котором народ, то есть рабочие и крестьяне, может оказаться в большинстве — «его революционная *диктатура* пролетариата и крестьянства», которая в ходе борьбы должна преодолеть «бешеное сопротивление темных сил». Это, возможно, будет «гражданская война в полном разгаре», итогом которой явится окончательное «*уничтожение царизма*». По достижении этой цели организованность пролетариата возрастет, а пропаганда и агитация социал-демократии увеличатся «в десятки тысяч раз» в качестве прямого следствия «основательности исторического действия». Крестьянство само берет «в руки все аграрные отношения, всю землю. Тогда проходит *национализация*»⁸.

⁵ См. там же, т. 11, с. 44—45, 49, 71, 90—93.

⁶ См. там же, т. 10, с. 359—361.

⁷ Там же, т. 11, с. 47.

⁸ Там же, т. 10, с. 360.

В результате всего этого в сельском хозяйстве начинается громадный рост производительных сил — вся деревенская интеллигенция, все технические знания бросаются на подъем сельскохозяйственного производства; в городской промышленности наблюдается «гигантское развитие капиталистического прогресса». На последующем этапе окончательного сведения счетов буржуазия нападает на «крепость», то есть революционно-демократическую диктатуру, и следует ожидать, что либо буржуазия одерживает верх, либо русская революционная диктатура «зажигает Европу».

Такова картина русской революции, нарисованная Лениным, революции, в которой государственная власть должна была принадлежать правительству и осуществляться им на широких социальных основах народного фронта. Это правительство провозгласило бы демократическую республику и совершило бы полную аграрную революцию, которая вместе с тем оставалась бы «буржуазной», поскольку решала бы лишь «минимальные» задачи и ориентировалась бы, скорее всего, на «капиталистический прогресс», а не на социализм. Ленинский марксистский анализ классовой борьбы давал ему возможность предвидеть следующую очередную «*ordre de bataille*» (боевую диспозицию) противостоящих «главных общественных сил». Объектом борьбы становится «республика», то есть «все демократические свободы», включая «**п р о г р а м м у - м и н и м у м** и социальные реформы серьезные»⁹.

Главные силы выглядят так: «(а) бюрократически-военно-придворные элементы за самодержавие *плюс* элементы народной темноты». Этот «быстро разлагающийся конгломерат», хотя и высоко организован — «всесильный еще вчера», — имеет тенденцию к быстрому разложению из-за внутренних разногласий, и потому он «бессильный завтра». «(б) За конституцию, *против* республики» — «более или менее крупная, умеренная буржуазия» — группа, к которой Ленин причисляет «либеральных помещиков, крупных финансовых тузов, купцов, фабрикантов». Это довольно плохо организованная коалиция, но у нее в изобилии идейные вожди из чиновников, помещиков, журналистов. «(γ) — в революционный момент (не прочно) за республику» — «„народ” *par excellence*», то есть десятки миллионов мелких буржуа и крестьян, которые ждут «непосредственных выгод от революции», и, стало быть, они революционеры «сегодня», но, получив кое-какие выгоды и добившись улучшений, могут выступить «за порядок... завтра». «Организация *minimum*». Здесь более всего «темноты, дезорганизованности». Их идейные вожди — из «демократии» («Очень много демократической интеллигенции. «Тип» социалиста-революционера»). «(δ) — вполне и все-

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, с. 360, 361.

цело за республику» — пролетариат. «Революционен» («очень большая организованность, дисциплина»). «По сравнению с предыдущими численно гораздо слабее». «Вождей идейных *меньше*, чем у всех остальных, *только* социал-демократическая интеллигенция и социал-демократические образованные рабочие», но боеспособность «гораздо сильнее».

Как образовать временное революционное правительство и каков будет его состав — все это Ленин сформулирует позже, в ноябре 1905 года, когда увидит в Советах организацию, способную объединить основные силы революционного союза — социал-демократов и «буржуазных революционных демократов» — в «едином союзе борьбы». После того как Совет («зародыш *временного революционного правительства*») провозгласит себя революционным правительством России и привлечет к себе новых депутатов от рабочих, моряков, солдат, революционных крестьян и революционной буржуазной интеллигенции, чтобы «пополнить его представителями всех революционных партий и всех революционных... демократов», будет сформировано нечто вроде правительства народного фронта, в которое, однако, не войдут либералы¹⁰.

Если ленинский анализ противостоящих социальных сил, мобилизованных для свершения русской революции, был именно таким и если именно так мыслилось Лениным развитие событий, то из его революционной теории неизбежно вытекали три важных вывода: его теория нарушала табу Плеханова на взятие власти и побуждала социал-демократов к участию в революционном демократическом правительстве. Она «разбуржуазивала» и радикализировала концепцию «буржуазной» революции применительно к России, исключала из нее «конституционную» либеральную буржуазию и ставила на ее место «революционное» крестьянство. И наконец, она связывала буржуазно-демократическую революцию в России с возможностью социалистической революции в Европе, придавая ей таким образом характер открытого процесса.

Поэтому не удивительно, что урок, который Ленин извлек из опыта Парижской Коммуны и применил в 1905 году, прежде всего подтверждал его революционную теорию, согласно которой «участие представителей социалистического пролетариата» вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве вполне допустимо, а при известных условиях прямо обязательно. Кроме того, поскольку Парижская Коммуна осуществляла прежде всего демократическую, а не социалистическую диктатуру и занималась проведением «нашей „программы-минимум“», то, перенесенная в условия России, она могла соответствовать тому, что, по Ленину, рассматри-

¹⁰ См. там же, т. 12, с. 63—66, см. также с. 229—232.

вается как «революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»¹¹. Поэтому мы, очевидно, можем утверждать, что пересмотр русского марксизма, сделанный Лениным в 1905 году (суть его состояла в том, что социал-демократы были обязаны не только свершить в России буржуазно-демократическую революцию, но также взять власть в свои руки и довести революцию до конца), явился теоретической основой решения о захвате власти в октябре 1917 года.

В последующие десятилетия Ленин неоднократно подтверждал свою новую революционную теорию, особенно успешно в 1906 и 1909 годах, когда Каутский принял ее, по словам Ленина, как «самое блестящее подтверждение *всей коренной основы* тактики большевизма», противостоящего «старому шаблону буржуазной демократии», за которую держались Плеханов и меньшевики¹². Лишь в 1915 году Ленин глубоко пересмотрел эту теорию применительно к новой обстановке, создавшейся в ходе мировой войны, которая нарушила стабильность в Европе и ослабила социалистическую солидарность¹³.

Он считал, что война настолько приблизила Россию к охваченной кризисом Европе, что русская «буржуазно-демократическая революция», вполне возможно, могла бы стать «неотъемлемой частью» социалистической революции на Западе, а не «только прологом к ней». Если в 1905 году последовательность событий в оптимистическом варианте революционной схемы, набросанной Лениным, в первую очередь требовала «доведения до конца буржуазной революции» в России (Ленин сам называл эту схему «мечтой», о которой каждый революционный социал-демократ был «обязан мечтать»)¹⁴ — только в этом случае можно было «разжечь» пролетарскую революцию на Западе, — то его революционная программа в 1915 году провозглашала «одновременность обеих революций». Далее, снижение популярности социализма с началом войны резко уменьшило количество социалистических групп, которые твердо придерживались интернационалистских позиций. Из них только те, что порвали все связи с «социал-шовинистами и каутскианцами», могли надеяться вместе с Лениным и большевиками участвовать в социалистическом российском и международном движении, а также

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 132.

¹² См. там же, т. 14, с. 182, 184; см. также т. 17, с. 374—377 и 386—388; т. 21, с. 346.

¹³ См. там же, т. 27, с. 26—30, 49—50. Тщательное исследование изменений в революционной теории и стратегии Ленина, которые привели к «Апрельским тезисам», дано, однако, несколько в ином плане в статье Дж. Фрэнкела: J. Frankel. Lenin's Doctrinal Revolution of April 1917. — In: „Journal of Contemporary History“, IV, April 1969, № 2, p. 117—142.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, с. 14.

когда-нибудь и в революционном правительстве. Исключались, в частности, трудовики, Плеханов, эсеры, меньшевики всех мастей — от «ликвидаторов» до Мартова, которым поголовно приклеивался общий ярлык «социал-шовинистов», и даже лично Троцкий, которого Ленин объявил «каутскианцем»¹⁵ и который, следовательно, находился по другую сторону баррикад. В то время как социал-демократы еще могли, как и ранее, войти во временное революционное правительство в союзе с «мелкобуржуазными демократами» (согласно предвидению Ленина, в решающий момент они способны «качнуться влево»), им нельзя было иметь ничего общего с «социал-шовинистами», которые практически представляли собой весь организованный российский социализм. В революционной схеме Ленина Советы неизменно сохраняли роль узловых центров восстания и органов революционной государственной власти¹⁶.

Февральская революция и образование временного буржуазного правительства произошли в соответствии с меньшевистской теорией буржуазной революции, а не согласно революционной теории Ленина и той схеме, которую он набросал в 1905 году. Это увеличило его презрение и враждебность в отношении «мелкобуржуазных» руководителей Советов, вроде Чхеидзе, Суханова и Стеклова, которые добровольно передали власть в руки буржуазии, вместо того чтобы самим сформировать революционное правительство. Теперь он больше всего беспокоился о том, чтобы мобилизовать петроградских большевиков и изолировать их от «революционной демократии» в преддверии «перехода от первого ко второму этапу революции» — завоеванию власти и установлению «революционной диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства»; именно это определение легло в основу его нового революционного проекта¹⁷.

Буржуазно-демократическая революция в России, согласно этому определению, уже завершилась и с социальной, и с политической точек зрения, закончившись «двоевластием»: властью временного буржуазного правительства и не признанного официально «мелкобуржуазного» правительства Советов (то есть пролетариата и крестьянства). В экономическом плане неизбежность социалистической революции в Европе, в которой русская революция была и прологом, и неотъемлемой составной частью, устраняла необходимость капиталистического этапа развития в России¹⁸.

После того как была исключена возможность объединиться в коалиционном социалистическом правительстве со сто-

¹⁵ Там же, т. 49, с. 190.

¹⁶ См. там же, т. 27, с. 26—30, 49—50.

¹⁷ См. там же, т. 31, с. 5—6, 18—19, 21 и 36.

¹⁸ См. там же, с. 132—137.

ронниками «оборонительной войны», то есть с большей частью «революционной демократии», следующим пунктом на повестке дня стала для Ленина диктатура большевистской партии, организованная в Советы или в «коммуны», то есть, выражаясь классически и марксистскими терминами, в «революционную диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства». В этом смысле возникновение идеи Ленина совершить вторую революцию после той, что свергла царизм, и в то же время привести к власти сугубо большевистское правительство можно отнести к сентябрю 1915 года, когда он решил не иметь ничего общего с «социал-шовинистами»; это решение еще более утвердилось в марте 1917 года, когда он начал настаивать на «самостоятельности и особенности „нашей партии“» и на собственном бесповоротном намерении вести Россию «к *коммуне*, а другим целям служить я не стал бы»¹⁹.

Политическая стратегия Ленина была нацелена прежде всего на «самостоятельность» и беспрекословное подчинение интересам партии, совместно с кампанией беспощадного разоблачения «нового правительства» и «мелкобуржуазных» руководителей Советов²⁰, «социал-патриотов» и, что было еще худшим в его глазах, «колеблющихся». Ближайшей целью являлся контроль и укрепление большевистской партии, агрессивной в своей независимости, партии, которой в конце концов предстояло завоевать поддержку масс.

Еще в марте Ленин «издалека» сурово осудил Матвея Муранова за то, что тот отправился в Кронштадт вместе с меньшевистским лидером Михаилом Скобелевым и предупредил Каменева об опасности сотрудничества с руководителями Советов: «Каменев должен понять, что на него ложится всемирно-историческая ответственность»²¹.

2. Столкновения со «старыми большевиками»

По прибытии в Петербург в первые дни апреля 1917 года Ленин без труда смог сдерживать нетерпеливых радикалов Военной организации большевистской партии и членов Выборгского комитета, которые полагали, что они «левее самого Ленина»²². Основным для него было заставить большевистских умеренных руководителей, таких, как Каменев, Алексей Рыков и Муранов, понять, что их медовый месяц с меньшевистской «революционной демократией» подошел к концу.

¹⁹ Там же, т. 49, с. 411.

²⁰ См. там же, с. 402.

²¹ Там же, с. 423.

²² Слова принадлежат Людмиле Сталь. См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (6). Протоколы. М., 1958, с. 43.

Каменев и Рыков, однако, полагали, что ленинская революционная программа 1905 года намного лучше подходила для интересов марксизма и России, и составили твердую оппозицию «необольшевизму» «Апрельских тезисов». Несмотря на то что Ленин настаивал на решительном разъединении сил, они продолжали считать себя членами «революционной демократии», в особенности ее интернационалистского крыла. Что же касается тезисов Ленина о «шагах вперед по пути к социализму» в его «генеральном плане», то Каменев их отверг, считая эти тезисы подходящими более для революции в развитых странах, таких, как Англия, Германия или Франция, а вовсе не для «неполной демократической революции» в России, «самой отсталой европейской стране с экономической точки зрения», где в деревнях еще не до конца искоренили крепостное право²³.

Ленин тут же парировал удар, обвиняя большевиков, которые все еще придерживались, по его мнению, устаревшего лозунга «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», в том, что они в самом деле «перешли» в лагерь «мелкобуржуазных элементов», таких, как Чхеидзе, Церетели, Стеклов, эсеры и другие «революционные оборонцы». Подобные большевики, заявлял он саркастически, заслуживают того, чтобы сдать их «в архив „большевистских“ дореволюционных редкостей (иначе говоря в архив „старых большевиков“)». Новой непосредственной задачей большевиков в России было не «введение» социализма, а скорей создание «государства-коммуны», которая в зародыше уже существовала в Советах рабочих и солдатских депутатов, при условии освобождения последних от мелкобуржуазного руководства²⁴.

Как и следовало ожидать, «необольшевизм» «Апрельских тезисов» подвергся нападкам со стороны как Георгия Плеханова, так и меньшевиков, в особенности Александра Мартынова. Плеханов вступил на арену борьбы с верительными грамотами и авторитетом марксиста, которые были сильно подмочены его «оборончеством» и повсеместно известной германофобией. Его первая статья против «Апрельских тезисов»²⁵ открылась слабой попыткой переложить «ответственность за настоящую войну» целиком на плечи Германии и, таким образом, избавить от ответственности Россию. В этом вопросе Плеханов направил всю мощь своей полемики на

²³ См.: Л. Б. Каменев. Наши разногласия. — «Правда», 8 апреля 1917 года, № 27; Л. Б. Каменев. О тезисах Ленина. — «Правда», 12 апреля 1917 года, № 30.

²⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133—134, 142.

²⁵ См.: Г. В. Плеханов. О тезисах Ленина. — «Единство», 9—12 апреля 1917 года; в кн.: Г. В. Плеханов. Год на родине. Париж, 1921, с. 19—29.

довольно двусмысленный тезис ленинского «необольшевизма», то есть на противоречие между «ниспровержением капитала» и «полным разрывом»... «со всеми интересами капитала», на то, что в первом тезисе Ленин говорил как «коммунист», если даже не анархист, о «социалистической революции» в отсталой России и одновременно успокаивал свою «марксистскую совесть» с помощью восьмого тезиса, где говорилось: «Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача...» Старомарксистская «логика» Плеханова учила совершенно другому: «Если в данной стране капитализм не достиг более высокой стадии, когда он входит в противоречие с развитием производительных сил, абсурдно призывать трудящихся города и деревни и бедное крестьянство свергать его... и не менее абсурдно призывать их к захвату власти». Если русский пролетариат проголосует за анархическую «логику» Ленина, считал он, это будет означать, что напрасно потрачено «более тридцати лет пропаганды марксистских идей в России», и к тому же возвестит о конце «нашей политической свободы».

Повторяя начинание 1905 года²⁶, меньшевик-интернационалист Александр Мартынов развернул свою атаку против «революционного авантюризма» Ленина²⁷. Согласно Мартынову, революционная программа Ленина, предусматривающая ниспровержение капитала и передачу власти в руки пролетариата (буквально — «ленинской секте социал-демократии») и в то же время говорящая о вере в революцию на Западе, которая положит конец войне, имела бы смысл только в том случае, если бы социалистическая революция на Западе произошла раньше. На Западе же не было «никаких признаков социальной революции», поскольку широкие слои рабочего класса все еще поддерживали в Германии Филиппа Шейдемманна, а во Франции Пьера Реноделя. Только «отчаянный утопист» мог требовать от «экономически отсталой страны», истерзанной войной и находящейся во власти экономического краха, начать социалистические преобразования. На самом же деле Ленин отрицал немедленное введение социализма в России (и в этом Мартынов был недалек от истины)²⁸; его истинной целью было совмещение строжайших экономических мер «военного социализма», какой практиковался в Германии и Англии, с диктатурой пролетариата в целях создания «социалистического строя».

Похоже, что Ленин не знал о критике Мартынова, но он

²⁶ См.: А. Мартынов. Две диктатуры. Женева, 1905.

²⁷ А. Мартынов. Революционный авантюризм. — «Летучий листок меньшевиков-интернационалистов», май 1917 года, № 1, с. 11—12.

²⁸ О том, какое влияние оказывал на Ленина *Kriegssozialismus* (военный социализм — нем.), см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 397; т. 31, с. 100, 141—143.

поспешил начать полемику с Плехановым, в частности по вопросу о его табу на захват власти²⁹. То, что Россия еще не созрела для истинного социализма, — это верно, говорил он, но она, несомненно, была подготовлена для демократии, и даже такой «социал-шовинист», как Плеханов, или «вульгарный буржуазный демократ» из «Речи» Милюков ничего не могли возразить против передачи власти в руки трудящихся масс России, «подавляющего большинства» населения страны. Меры, которые могло осуществить правительство этих масс — национализация банков и земель, государственный контроль над экономикой, — были бы лишь «первыми шагами к социализму», но с помощью более развитого европейского пролетариата они могли привести Россию к социализму.

На Апрельской конференции ленинский «необольшевизм» стал предметом дискуссии среди самих большевиков. Некоторые делегаты с трудом восприняли то, что он называл старых товарищей — социал-демократов и революционеров — «мелкими буржуа», и даже Григорий Зиновьев заметил, что «в рядах меньшевиков» было «много рабочих», да и на Западе различные социал-демократические шовинистические партии, по крайней мере по своему «составу», были рабочими. Михаил Калинин поэтому предложил называть лидеров меньшинства «либеральными рабочими политиками»³⁰.

Однако основное наступление было предпринято со стороны «старых большевиков», таких, как Каменев, Рыков и Виктор Ногин, которые противопоставляли ленинской программе аргументы, вполне достойные арсенала меньшевиков. Настаивая на том, что Россия была еще «самой мелкобуржуазной страной Европы», Рыков утверждал, что ее буржуазная революция еще не закончилась и поэтому нельзя было ставить социализм в повестку дня. Посему социал-демократы должны были твердо придерживаться программы-минимум и с этой целью, несомненно, могли как независимая пролетарская партия «блокироваться с революционной демократией». Что касается социализма, то спрашивалось: «Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, по обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота не должна принадлежать нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма»³¹.

Однако Ленин не был в этом абсолютно уверен:

²⁹ См. там же, т. 31, с. 300—303.

³⁰ «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б)», с. 49, 52.

³¹ Там же, с. 78—86, 103, 106—107, 108—112.

«Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм.

Маркс сказал, что Франция начнет, а немец доделает. А ведь русский пролетариат добился больше, чем кто-либо»³².

Первое столкновение между «необольшевизмом» Ленина и «старобольшевизмом» Каменева и Рыкова, казалось, закончилось компромиссом, выразившимся в формировании ЦК, избранного Апрельской конференцией, и принятии общих резолюций. Радикалам это, вероятно, показалось чем-то вроде призыва к социалистической революции, а умеренные восприняли все это лишь как начало систематической и «продолжительной работы» по воспитанию кадров; постоянные же напоминания об отсталости России и об опасности «немедленных социалистических преобразований» могли рассматриваться как указания, подтверждающие необходимость буржуазно-демократической фазы до начала социалистической революции³³.

Здесь не место анализировать все поправки, добавления и исправления, которые внес Ленин в свою теорию в период между апрелем и октябрем 1917 года, но основная задача достижения партией самостоятельности для подготовки будущей революции и захвата власти большевиками оставалась, во всяком случае, неизменной. Основные направления его стратегической мысли выявились уже в мае 1917 года. Негодуя против «хаоса фраз, настроений, „упоений“» после Февральской революции и считая «революционную демократию» равнозначной «реакции», он подчеркивал, что сейчас существует «неслыханная легальность», которая позволяет большевистской пропаганде дойти до миллионов людей, а также — «главное», — что Россия из-за «войны и голода» переживает «канун краха невиданной величины». Отсюда лозунг: «Быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных колебаний. Влиять на массы убеждением, разъяснением». Готовиться к краху в революции в 1000 раз сильнее Февральской. Ленин в особенности настаивал на агитации, а отвечая на обвинения в демагогии, говорил: «Всех в этом обвиняли во всех революциях»; притом «именно марксизм — гарантия»³⁴ того, что пропаганда не примет самодовлеющего характера.

Таковы были заметки и мысли Ленина, которые на практике продемонстрировали столь редкое в среде русских марксистов упорное стремление к власти, особенно в его знаменательном выступлении на I съезде Советов 4 июня. Ираклий Церетели, глава меньшевистско-эсеровской коалиции, кото-

³² Там же, с. 112. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 341.

³³ См. там же, с. 244, 257.

³⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 439—442.

рая доминировала в Советах в период Временного правительства, выступал на съезде в защиту своей коалиционной политики, отстаивая необходимость «собрать вместе все живые силы страны», и заметил, что «нет в России политической партии, которая могла бы заявить: «Дайте нам власть, уходите, и мы займем ваше место». В России нет такой партии!» «Есть такая партия!» — тут же ответил Ленин. Чуть позже, в тот же вечер, он принял вызов Церетели и заявил, что его партия готова «каждую минуту... взять власть целиком». Ни одна из политических партий, утверждал он (а мы добавим — и русская марксистская партия), не имела права «от этого отказываться»³⁵.

Этой концепции, то есть того, что большевики должны себя изолировать от «оппортунистов», взять власть и привести Россию к коммуне, Ленин придерживался также и в работе «Государство и революция» (август — сентябрь 1917 года), где в поддержку собственных тезисов он ссылаясь на «разъяснения Маркса и Энгельса периода 70-х годов об опыте Коммуны»: «Оппортунизм *не доводит* признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода *перехода* от капитализма к коммунизму, до периода *свержения* буржуазии и полного *уничтожения* ее. В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии)»³⁶.

Во время революционного восстания, за которым в конце августа 1917 года последовал корниловский мятеж, Ленин неустанно призывал к «самоизоляции», вплоть до того, что добился вывода Давида Рязанова из большевистского ЦК только за то, что тот во время демократической конференции назвал Церетели «товарищем». Он также приказал Анатолию Луначарскому выйти из редколлегии «Новой жизни», печатного органа независимых левых³⁷. А Каменев тем временем отчаянно пытался сохранить связи с русской «революционной демократией» и завязать отношения с международным социалистическим движением.

Столкновение стало открытым, когда, выступая против бойкота со стороны Ленина и большевиков, Каменев поддерживал так называемую мирную конференцию социалистов в

³⁵ «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Л., 1930, т. 1, с. 65—66, 70 (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 267).

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 35.

³⁷ См.: «Протоколы Центрального Комитета РСДРП (6), август 1917—февраль 1918». М., 1958, с. 67—75.

Стокгольме (III Циммервальдская конференция)³⁸, встал на примиренческую позицию, обещая мирной конференции поддержку большевиками демократического «однородного» правительства³⁹, и выступил против выхода большевиков из «Предпарламента»⁴⁰. Затем это столкновение превратилось в самую настоящую конфронтацию. В ответ на яростные призывы Ленина к наиболее нерешительным большевистским лидерам взять власть Каменев 15 сентября убеждал ЦК большевиков отказаться от «практических предложений», выдвинутых Лениным в его статьях «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание»⁴¹.

Эти критика и отказ ленинского решения совершить великий шаг и взять власть превратились 11 октября, то есть на следующее утро, после того как ЦК большевиков принял резолюцию Ленина, которая ставила «в порядок дня вооруженное восстание», в настоящий бунт: Каменев и Зиновьев в открытом письме руководству партии позволили себе «выступить с предупреждением» против «гибельной политики» Ленина⁴². Как в письме⁴³ так и в ходе заседания большевистского ЦК 16 октября⁴⁴ они критиковали Ленина за то, что он переоценивает перспективы революции в Европе, а также военную силу и поддержку народа, на которую большевики могли рассчитывать в борьбе с правительством Керенского. Здесь же они останавливались на опасностях и риске, которыми было чревато вооруженное восстание как для большевистской партии, так и для русской и европейской революции, поскольку, по их мнению, восстание было основано на «глубокой исторической лжи», будто его надо делать «сейчас или никогда». Но основной огонь их аргументации был обращен против окончательного разрыва с «мелкобуржуазными партиями» и демократическими традициями социал-демократии, наперекор которым большевики стремились взять власть. Они рисовали «великолепные перспективы» для большевистской партии, которая должна была получить по крайней мере треть парламентских голосов на выборах в Учредительное собрание, подчеркивали тот факт, что поворот меньшевиков и эсеров, а также «доброй трети» русских мелких буржуа влево, их переход на сторону рабочего класса против буржуазии обеспечат большевистской партии роль сильной оппозиции и даже правящей партии. Подобное Учредительное собрание, созванное в «атмосфере высокой рево-

³⁸ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 70—72.

³⁹ См.: «Рабочая газета», 21 сентября 1917 года, № 166.

⁴⁰ «Протоколы...», с. 76.

⁴¹ См. там же, с. 55.

⁴² Там же, с. 86.

⁴³ См. там же, с. 87—92.

⁴⁴ См. там же, с. 93—104.

люционности» и поддержанное властью Советов, могло-де стать великолепной оппозицией, чтобы развернуть «дело революции».

«Учредительное собрание плюс Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем. На этой базе политики наша партия приобретает громадные шансы на действительную победу»⁴⁵.

Таким образом, в то время как в «анализе классовой борьбы как в России, так и в Европе» Ленин искал и находил подтверждение своему агрессивному курсу на вооруженное восстание, которое должно было привести большевистскую партию к власти⁴⁶, Каменев и Зиновьев извлекли из собственной оценки момента и «основных сил русской революции» совсем иной урок, заключавшийся в необходимости продолжать готовиться к съезду Советов и созыву Учредительного собрания, в ходе которых, как они предполагали, большевики станут играть руководящую роль в коалиции с левыми эсерами и некоторыми независимыми депутатами от крестьянства, а возможно, и в еще более широком союзе с радикальными элементами «мелкобуржуазных партий»⁴⁷.

Не может быть особых сомнений в том, что Октябрьская революция и устанавливаемая ею диктатура пролетариата были предreshены самим Лениным, хотя известную роль в их конкретной реализации сыграл и Троцкий. Троцкий и сам настаивает на исключительной роли Ленина в преодолении «сопротивления большевистских лидеров» в ходе Октябрьского восстания⁴⁸. Итак, накануне Октябрьской революции в безнадежных попытках запретить большевикам «действовать самим по себе» и устанавливать диктатуру партии рухнул последний бастион «старого» большевизма. Как сказал Ногин 1 ноября в ходе драматической дискуссии по поводу провала переговоров с Викжелем о создании широкой социалистической правительственной коалиции — «от народных социалистов до большевиков», «вопрос о природе нашей революции, увы, уже разрешен. Уже не стоит говорить, что наша партия завоевала власть», но «переломный момент» заключается в том, «как нам действовать дальше, если мы отстраним от себя остальные партии»⁴⁹. Вопрос был разрешен Лениным и Троцким в ходе той же дискуссии в Петроградском комитете 1 ноября, когда они настояли на том, что «никаких компромиссов» быть не может, что правительство будет «одно-

⁴⁵ «Протоколы...», с. 88.

⁴⁶ См. там же, с. 94.

⁴⁷ См. там же, с. 99—100, 90.

⁴⁸ Trotsky's Diary in Exile (1935). Cambridge (Mass.), 1958, p. 54.

⁴⁹ Наброски в ходе заседания Петроградского ЦК большевиков 1 ноября 1917 года, см.: *L. Trotsky. The Stalin School of Falsification*, New York, 1937, p. 120.

родным большевистским», и готовились «арестовать всех», прибегнуть к террору, несмотря на Луначарского и всех «старых», «рыхлых» большевиков, которые звали к «примирению с меньшевиками и социал-революционерами» и предлагали «однородное социалистическое правительство», которое не будет прибегать к насилию⁵⁰.

2 ноября, выступая на чрезвычайном заседании ЦК большевиков, Ленин, который сам назвал его «историческим», обвинил старобольшевистскую оппозицию в том, что она саботирует «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства», и подчеркнул, что «нельзя отказываться от чисто большевистского правительства, не предавая лозунга: „Вся власть Советам!“». Резолюция Ленина обязывала «меньшинство» подчиниться партийной дисциплине⁵¹. В ответ на это 4 ноября из состава ЦК и Совета Народных Комиссаров добровольно вышло довольно большое число большевистских лидеров. Обнародованное по этому поводу прочувствованное сообщение стало лебединой песней «старобольшевизма». Мотивировка этого ухода была зачитана на заседании Центрального Исполнительного Комитета Советов в заключение отталивающей и угрожающей дискуссии о свободе печати⁵²:

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий... Мы полагаем, что вне этого есть только один путь сохранения чисто большевистского правительства — политический террор. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя перед ЦИК звание народных комиссаров»⁵³.

Поскольку это было последнее критическое выступление «старого большевизма» против ленинского «Октября», то и последний ропот по этому поводу заглох уже к 11 декабря 1917 года, когда Ленин предложил ЦК распустить и создать заново временное бюро большевистской фракции депутатов, выбранных в Учредительное собрание (в него входили Каменев, Рыков, Рязанов, Ногин и Владимир Милютин), утверждая, что члены этой фракции во многих случаях одобряли (в теории и на практике) «понятие, не вяжущееся с социал-

⁵⁰ См. там же, с. 110—115.

⁵¹ См.: «Протоколы...», с. 131—134 (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 260—262).

⁵² См.: «Новая жизнь», 5 ноября 1917 года, № 173; «Известия», 5 ноября 1917 года, № 217.

⁵³ «Протоколы...», с. 136.

демократией, отражающее буржуазно-демократический взгляд на Учредительное собрание, абстрагированный от реальных условий классовой борьбы и гражданской войны»⁵⁴. Как заявил на следующий день Моисей Урицкий в Петроградском ЦК большевиков, в то время, как «мы думаем, что боремся за пролетариат и беднейшее крестьянство... они считают, что мы совершаем буржуазную революцию, кульминацией которой станет Учредительное собрание»⁵⁵.

3. Меньшевики против «диктатуры меньшинства»

С исчезновением «старобольшевизма» задача продолжения социал-демократической критики ленинского «Октября» стала основной в деятельности меньшевиков — от правых типа Александра Потресова до правоцентристов вроде Павла Аксельрода и левых, которыми с декабря 1917 года руководил их признанный вождь Юлий Мартов. Резким обвинительным актом против Октябрьской революции со стороны русского ортодоксального марксизма прозвучало «Открытое письмо к петроградским рабочим», опубликованное Плехановым 27 октября 1917 года⁵⁶. Напоминая о классическом предупреждении Энгельса насчет «преждевременного» захвата власти, Плеханов предсказывал русскому рабочему классу (и вообще всей России) «самое крупное историческое поражение» из-за того, что они не прислушались к этому совету. Во-первых, утверждал он, в России не было «экономических предпосылок» для диктатуры пролетариата. К тому же пролетариат представлял собой меньшинство, в то время как диктатура могла быть успешно осуществлена при наличии пролетариата, составляющего большинство населения, и «ни один социалист» не способен это опровергнуть. Даже участие крестьян не позволяло компенсировать отсутствие большинства и других необходимых предварительных условий, поскольку русских крестьян интересовали только поместья землевладельцев, а не свержение капитализма, и поэтому они были ненадежным союзником в строительстве социализма. Плеханов утверждал, что было бы глубочайшей ошибкой надеяться на помощь немецкого пролетариата русскому пролетариату, поскольку в Германии, впрочем, как и во Франции, Англии и Соединенных Штатах, даже политическая революция, не говоря уже о революции социалистической, казалась в это время невозможной. Русский пролетариат оказывался,

⁵⁴ Там же, с. 160, 279—280.

⁵⁵ «Первый легальный Петроградский Комитет большевиков в 1917 году», под ред. Ф. Куделли. М.—Л., 1927, с. 374.

⁵⁶ См.: «Единство», 28 октября 1917 года, № 173 (Г. В. Плеханов. Год на родине, с. 244—248).

таким образом, в изоляции. В этих условиях, заключал Плеханов, преждевременный захват власти изолированным от остального мира русским пролетариатом привел бы не к социализму, а, скорее всего, к гражданской войне, которая поставила бы под удар даже результаты Февральской революции. Следовательно, конечная цель русской революции — «победа пролетариата» — могла быть достигнута только после определенного периода «объединения всех жизненных сил страны», то есть периода, в течение которого правительство представляло бы все классы и социальные слои, не желающие «реставрации старого порядка».

Павел Аксельрод, который вместе с Плехановым положил начало марксизму в России, возглавлял умеренное крыло меньшевистской партии, настроенное менее антибольшевистски, нежели Плеханов и меньшевики-«оборонцы» (Потресов, Владимир Левицкий, Марк Либер). Он считал в одинаковой мере бессмысленными и аморальными и призывы к вооруженному восстанию, и политику Мартова и меньшевиков (поиск компромисса с большевиками). Будучи основным эmissаром меньшевиков в их бесплодных попытках мобилизовать общественное мнение социалистически настроенной Европы для «социалистического осуждения» большевистского террора и преследования социалистических партий в Советской России⁵⁷, Аксельрод не мог ограничиться лишь обвинением большевистского строя в «контрреволюционности». В течение многих лет он продолжал исследовать и комментировать его деятельность, и этот постоянный анализ с вытекающими из него обвинениями большевизма не следует замалчивать. В отличие от своих соратников-меньшевиков Аксельрод не проявлял особого интереса к социальной основе или исторической роли большевизма. С его точки зрения, наибольшее значение имела конспиративная техника и организационный метод, принятые «якобинским» меньшинством для узурпирования власти. По его мнению, большевики-ленинцы использовали здесь свой опыт, накопленный в период «предреволюционной тренировки» в ходе неоднократных попыток установить контроль над Российской социал-демократической партией, который они в ходе и после Октябрьской революции распространили на более «широкие сферы» русского общества.

Готовясь к Октябрьской революции⁵⁸, большевики поставили перед собой единственную цель — завоевать «монополию власти для собственной партии»; они были уверены, что

⁵⁷ См.: A. Ascher, Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge (Mass.), 1972, cap. X. passim.

⁵⁸ Herostraten. Die russische Revolution und die sozialistische Internationale: aus dem Literarischen Nachlass von Paul Axelrod. Jena, s. d., S. 140, 152.

это послужит «факелом, который разожжет огонь социальной революции на Западе»⁵⁹. Если бы их руководство действительно стремилось решить проблемы России — обеспечить мир, провести аграрную реформу и образовать демократическое революционное правительство, о чем они претенциозно заявляли в своих «вводящих в заблуждение демагогических выступлениях», они бы нашли, утверждал Аксельрод, добровольных союзников в социалистическом большинстве Демократического Собрания, в «Предпарламенте» и в Учредительном собрании. Однако их военная хитрость в октябре имела единственной целью предотвращение широкой социалистической коалиции подобного типа⁶⁰, а возникший на этой основе строй был не чем иным, как «преторианской диктатурой небольшой группы, руководимой Лениным и Троцким», которая создала себе опору в массах, опираясь на примитивные инстинкты и ненависть бедных к богатым, к живущим в достатке и образованным людям⁶¹. Поэтому, по его мнению, к преступлениям ленинцев против социал-демократии после 1903 года и в ходе всей борьбы между большевиками и меньшевиками теперь добавлялось еще одно, и притом более тяжкое преступление, против одного из главных принципов русского марксизма, отвергавшего как «утопию» прыжок России в социализм; это преступление состояло в том, что большевики узурпировали власть ради придуманной ими цели немедленного установления коммунистического строя в экономически отсталой России в эпоху, когда в развитых странах еще преобладал капитализм⁶². Этот самонадеянный скачок закончился «безжалостной контрреволюцией», и потому, согласно Аксельроду, было бы «истинным богохульством» со стороны социалистов сравнивать «деспотический режим народных комиссаров» с Парижской Коммуной 1871 года или с правительством якобинцев 1793 года и к тому же приписывать им заслугу «впервые в истории пролетариата захватить государственную власть». В действительности все это было скорее похоже на преступление Герострата, совершенное, однако, для того, чтобы «попасть в историю под марксистским знаменем» путем манипуляции пролетарскими массами и армией, перешедшей на сторону революции⁶³.

Обвинительная кампания, начатая Аксельродом против Октябрьской революции в январе 1918 года в частном письме Карлу Каутскому, в котором он без обиняков охарактере-

⁵⁹ Ibid., p. 135, 151.

⁶⁰ Ibid., p. 134—137.

⁶¹ Ibid., p. 153—157.

⁶² Ibid., p. 157—158; см.: П. Аксельрод — Л. Мартову, конец 1920 года, *ibid.*, p. 183.

⁶³ Ibid., p. 158.

ризовал ее не более как «историческое преступление, беспримерное в современной истории»⁶⁴, была продолжена три года спустя в тех же тонах в открытом письме к Мартову⁶⁵. В этом письме он призывал Мартова, его соратников-меньшевиков и социалистов не поддаваться обману «внешней революционности и революционного прошлого тех, кто по сути дела являются самодержцами, и не попадать под влияние псевдореволюционных фраз, с помощью которых они обманывают весь мир». Он советовал им не тратить времени на размышления об истории того, как родилось «большевистское самодержавие», или на классовый анализ «диктатуры хоть какой-то части пролетариата», а просто разоблачать ее истинную сущность. Это «диктатура небольшой группы, которая, взбаламутив сотни тысяч вчерашних рабочих, крестьян, солдат и мелких буржуа, объединила их сегодня в новый класс-гегемон. Она опирается на этот класс и с его помощью терроризирует население в сто пятьдесят миллионов человек, распространяя свое влияние и на ту часть пролетариата, которая была нашей»⁶⁶.

Независимо от характера окончательного приговора, вынесенного Аксельродом, существует глубокая связь между этим приговором, первым упреком в адрес ленинизма, брошенным в 1904 году, и выдвинутым в 1908 году обвинением «секретного большевистского центра», который он именовал «центром яacobинства» и «черносотенно-уголовной бандой», в пагубной деятельности внутри российской социал-демократии⁶⁷. Анализ Аксельрода был, таким образом, строго ограничен основными действующими лицами, то есть большевистской элитой, ее методами действий и ее стремлением к власти до, во время и после Октябрьской революции; он лишь поверхностно касался масс, участвовавших в этой революции. Они, по его мнению, оставались лишь объектом манипуляции. (В этом Аксельрод проявился как типичный рабочий представитель меньшевистской партии.)

Крайние и порой курьезные обвинения против Октябрьской революции выдвигал Александр Потресов, духовный вождь небольшой антибольшевистской группировки меньшевиков, в которую входили Владимир Левицкий и Марк Либен. Это была крайне правая группа меньшевиков, которая вышла из партии в 1918 году. Для Потресова не существовало

⁶⁴ См.: П. Аксельрод — К. Каутскому, в работе А. Ашера (A. Ascher, op. cit., p. 333).

⁶⁵ См.: П. Аксельрод — Л. Мартову, конец 1920 года (Herostraten. Die russische Revolution..., op. cit., p. 180—205).

⁶⁶ Ibid., p. 186—188.

⁶⁷ Ibid., p. 42—46, 140, 152, 181—182. П. Аксельрод — Мартову, 29 сентября 1909 года. — Письма П. В. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924, с. 200.

никаких дилемм, над которыми мучилось большинство меньшевистской партии перед лицом узкобольшевистской диктатуры, которую тем не менее широко поддерживал пролетариат. Октябрьская революция для него оставалась просто-напросто военной хитростью, которую осуществила кучка способных большевистских «режиссеров», взявших власть с помощью крестьянской армии, «скорее по-азиатски, нежели по-европейски», а большевизм — в лучшем случае «социализмом сумасшедших», который нельзя «ни контролировать, ни усмирить», а можно только «разбить». Он считал, что, скорее всего, это была «болезнь, которой заразился пролетариат». Поэтому вооруженная борьба против большевизма, на которой настаивал Потресов, «не разгромила бы пролетариат, а по крайней мере вылечила бы его»⁶⁸. Начатая «буржуазно-пролетарским союзом промышленных сил» борьба против большевизма явилась бы актом мщения «торгово-промышленного города... глубоко реакционному мужику», который уже задавил революцию 1917 года и теперь своей «солдатско-крестьянской анархией» грозился убить будущее России. Основное зло в трагедии «несчастливого 1917 года» приписывалось «грязному мужику в солдатской форме», который «топтал промышленный город», маршируя по развалинам прогрессивной «капиталистической экономики и цивилизации», а затем вдруг под маской «рабоче-крестьянского правительства»⁶⁹ начал тиранить всю Россию.

Таким образом, Потресов предлагал России решительный выбор между прыжком в пропасть «немедленного построения социализма», к чему стремились большевики, и скачком вверх к буржуазно-капиталистическому развитию, в котором, как он утверждал, русский пролетариат нуждался больше всего. Его панацей была, собственно говоря, лишь более решительным вариантом или коалиционного правительства 1917 года, а в экономической области — возвратом к «капиталистическому развитию»⁷⁰. Но этот «возврат к капитализму» не обладал привлекательностью, особенно в сочетании с призывом к вооруженному восстанию против большевистского режима, и потому не удивительно, что Потресов не встретил достаточной поддержки даже в среде своих товарищей-меньшевиков, или «полумарксистов», как он их презрительно называл. Они гораздо больше боялись контрреволюции, чем ненавидели большевизм.

Их истинным глашатаем стал Мартов. Он же выступил с

⁶⁸ А. Потресов. Очищение. — «Друг народа», 5 ноября 1917 года, № 2.

⁶⁹ «Полумарксистам». — «Новый день», 17(4) февраля 1918 года, № 4; «Общественное дело». — Там же, 28(5) марта 1918 года, № 3.

⁷⁰ А. Потресов. Пафос строительства. — «Новый день», 21(8) февраля 1918 года, № 7.

наиболее связной критикой революции и большевистской диктатуры. Как лидер оппозиции меньшевиков-интернационалистов в меньшевистской партии в период Временного правительства, Мартов решительно отмежевался от *Burgfrieden* (гражданского мира — нем.) «оборонцев» типа Потресова и Плеханова, а также от «коалиционизма» Церетели и Федора Дана, лидеров «революционных оборонцев» — меньшевиков в 1917 году. В отличие от них он отстаивал «демократическое» правительство на широкой основе, нечто вроде правительства народного фронта, из которого следовало исключить буржуазную партию кадетов. «Демократическое» правительство, которое он предложил в 1917 году, с марксистской точки зрения было импровизированным ответом на вопрос о власти в буржуазной русской революции, который, как он слишком поздно обнаружил, вышел за рамки «творческих сил» русской буржуазии, преждевременно уставшей от революции или открыто перешедшей в лагерь контрреволюции. Он же рассматривал такую возможность в 1905 году, правда, как трагическое стечение обстоятельств, и несомненно, что это близко подвело его к революционной теории, которую в то время выдвигал Ленин. В этом смысле можно оправдать Церетели, который назвал его полуденинцем.

Поэтому Мартов, хотя и был напуган насильственной и военной организацией большевистской Октябрьской революции⁷¹, без особого труда принял ее как «естественное историческое следствие» краха Временного правительства и в особенности краха социалистического умеренного руководства Советов перед лицом великих проблем революции⁷². Сначала он больше всего старался политическими действиями воспрепятствовать установлению диктатуры большевистской партии, а затем пытался расширить и демократизировать ее; в плане же марксистской полемики он хотел разубедить большевиков, которых он серьезно считал товарищами и марксистами, совершающими ужасную ошибку, в их «утопических иллюзиях». С моральной точки зрения Мартова больше всего возмущал большевистский террор, и его страшные постоянные выступления против этого террора превратили его в «истинную совесть революции». Главной целью усилий Мартова было «исправить» Октябрьскую революцию.

Мартов выступил со своей критикой экономических иллюзий большевистской революции в связи с I Всероссийским съездом профсоюзов в начале 1918 года⁷³, полемизируя с

⁷¹ См.: Ю. О. Мартов — Н. С. Кристи. 30 декабря 1917 года. — Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959, с. 48—50.

⁷² Речь на внеочередном съезде меньшевистской партии 30 ноября 1917 года. — «Новый луч», 1 декабря 1917 года, № 1.

⁷³ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов, 14 января 1918 года. М., 1918, с. 79—80, 113—116.

Григорием Зиновьевым, который только что (и, возможно, против своей воли) перешел на позиции большевистского максимализма. Одно дело, утверждал Мартов, завоевать власть в отсталой России, где крестьянская армия, уставшая от войны, постоянных поражений и экономических трудностей, перешла на сторону революции, «бросившись в объятия пролетариата», и под его руководством помогла привести большевистскую партию к власти, и совсем другое — как использовать государственную власть, чтобы путем открытого принуждения вводить социалистический способ производства в «обедневшей и разоренной стране в то время, когда ее производительные силы дошли до крайней степени упадка и разрухи». Он утверждал, что необходимы четыре объективных социально-экономических условия, обязательных для социализма, и что в России ни одного из них нет. Первым условием является наличие «носителя социализма» — многочисленного и определяющего состояние экономики рабочего класса, однородного и устойчивого с социальной точки зрения, имеющего мало возможностей или перспектив преодолеть собственные условия существования и перейти в слой мелкобуржуазных собственников. Русский пролетариат был малочисленным и по большей части состоял из сельских элементов, которых толкнула в городскую промышленность война, но которые были еще крепко связаны с деревней. Революционная аграрная реформа, шедшая полным ходом, могла вернуть их обратно в деревню.

Вторым условием Мартов считал зрелость пролетариата как строителя социализма. Пролетариат должен приобрести такой уровень инициативности, организационного и управленческого опыта, который позволял бы ему выделять из своей среды руководящие кадры для налаживания экономики при решении «гигантской задачи» перехода к социализму. Если бы даже он отвечал этим требованиям, то все равно он не обошелся бы без добровольного сотрудничества старого руководящего и технического персонала, разделяющего его цели. Русский пролетариат не был способен управлять промышленностью, а поскольку необходимый технический персонал и «белые воротнички» прочной стеной стояли против прыжка в социализм, то самое большее, на что можно было рассчитывать, — это на их принудительное сотрудничество.

Третьим условием были симпатии населения. Непролетарские массы, и в особенности крестьяне и другие мелкие производители, должны добровольно принять экономику социалистического типа; убедившись, что она для них выгоднее и явно производительнее мелких раздробленных хозяйств. В России дело обстояло иначе: 75 процентов производителей составляли мелкие собственники, и аграрная революция только

улучшала их перспективы обрести статус независимых производителей.

Четвертое условие связывалось с индустриальной экономикой: экономическая жизнь должна концентрироваться и вращаться (как в Германии, Англии и Соединенных Штатах) вокруг комплекса городской и тяжелой промышленности, в крупных центрах, в то время как мелкие города и деревни должны полностью зависеть от этой промышленности и от городских индустриальных центров, работающих на мировой рынок. Но Россия вернулась тогда к примитивному уровню хозяйствования, в котором господствовал простой товарный и натуральный обмен — явный признак столь низкого экономического уровня развития, что даже национализация банков, которой так гордились большевики (издевательски добавлял Мартов), не могла сколь-либо существенно изменить положение.

При отсутствии любого из этих условий, заключал он, было чистой утопией пытаться завоевать и использовать государственную власть как для разрешения проблем России (дать народу мир и землю), так и для создания сильной демократической республики, то есть нельзя было достичь тех целей, ради которых восстал народ, а тем более «совершить прыжок вперед к социализму». Эта авантюра, предупреждал он, окончилась бы катастрофой и для рабочего класса, и для рабочего движения.

Во всяком случае, единственным основным «условием» и главной политической «предпосылкой» для достижения социализма как в отсталой России, так и на прогрессивном Западе Мартову представлялась демократия — «необходимый рычаг в деле социального освобождения рабочего класса»⁷⁴. К концу 1918 года он уже смог заметить, насколько привлекательными для Запада оказались режим большевиков и «советизм», и он нашел объяснение явлению, которое он называл «мировым большевизмом», в максималистском утопизме и антипарламентаризме, которые охватили значительные слои европейского пролетариата; Мартов считал, что это происходит из-за деморализации и примитивизации европейского общества в ходе мировой войны. А результатом этого, согласно Мартову, становится упрочение «большевистской» идеи о том, что только диктатура и сила, а отнюдь не демократические средства позволяют разрешить такие важные социально-политические проблемы, как построение социализма.

Глубоко озабоченный «политическим утопизмом» мирового большевизма, Мартов неоднократно выступал против него, особенно резко в серии статей, написанных в начале 1919 го-

⁷⁴ Л. Мартов. Диктатура и демократия. Сборник статей за год. Петроград, 1919, с. 37.

да⁷⁵: «Тезис таков: сплоченное революционное меньшинство, движимое желанием построить социализм, завоюет государственную машину, захватит и сосредоточит в своих руках все средства производства и весь механизм распределения, все формы массовой организации, все ресурсы образования и культуры. Совершив все это, оно, движимое коммунистическими идеалами, создаст для народных масс такие условия, которые постепенно вытравят из их сознания все духовное наследие прошлого, заменив его новым (коммунистическим) содержанием. Тогда и только тогда народ самостоятельно сможет пойти по пути социализма».

Даже если бы «утопическая» программа и смогла быть реализована, настаивал Мартов, она привела бы к диаметрально противоположной цели, хотя бы по той простой причине, о которой уже говорил в свое время Маркс (третий тезис о Фейербахе), а именно — что «сам воспитатель должен быть воспитанным». Реальная же практика подобной диктатуры и отношения, которые она установит между диктаторским меньшинством и массами, «воспитают» лишь диктаторов, то есть кого угодно, только не людей, способных «руководить построением нового общества». Что же касается масс, то подобное воспитание лишь «развратило и довело бы их до деградации». Стало быть, если цель — социалистическое общество, то «необходимым условием» должно быть «максимально возможное развитие организованной инициативы» рабочих масс, а это «абсолютно несовместимо» с «диктаторским режимом меньшинства» и его неизбежными последствиями — «террором и бюрократией»⁷⁶.

Хуже того, увлечение европейского пролетариата максималистским и утопическим большевизмом, согласно Мартову, служило весьма печальным показателем регресса рабочего движения вследствие мировой войны. «Историческое значение» и «важнейший результат» европейского социализма после 1848 года, с его точки зрения, состоял именно в «сознательной связи выступлений пролетариата с пониманием законов исторического развития, поскольку впервые в истории революционный класс отождествлял объективные результаты революционного процесса со своими субъективными целями». Мартов чувствовал, что европейская культура и его рациональная социал-демократическая наука как ее часть рискуют быть отвергнутыми большевизированным рабочим классом. И он опасался этого, поскольку не было «никакой гарантии» того, что усилия и борьба пролетариата не приведут «в качестве объективного следствия» к социально-поли-

⁷⁵ Впервые опубликована в журнале «Мысль» (Харьков) в начале 1919 года; впоследствии (1923) эти статьи были переизданы в Берлине книгой под общим названием «Мировой большевизм».

⁷⁶ Там же, с. 57—58; «Диктатура и демократия», с. 30.

тическому строю, «полностью отличающемуся» от того, к которому он первоначально стремился⁷⁷.

Через три года Мартов изложил свои опасения, которые в рамках существующего пересмотра меньшевистской политики, сформулированной в серии статей «Социалистического вестника», вылились в понятие бонапартистской «большевистской авантюры»⁷⁸. Он считал, что на протяжении 1918 года Советы превратились в «опасное изобретение»: хваленая «власть Советов» стала «государственной Советской властью», превратилась во «власть комиссаров», которая бюрократизировала и разрушила экономику, «поработила» профсоюзы и фабзавкомы, а после победы в гражданской войне 1918—1920 годов начала ставить вне закона любую социалистическую оппозицию, совершила рейд на Варшаву, подавила кронштадтский мятеж, ввела нэп, вторглась в независимую Грузию. При виде того, как оправдываются многие из самых худших его предположений, и перед лицом «новой исторической обстановки», которую послереволюционная Россия создавала в Европе, где наблюдался спад революции, Мартов понял, что его позиция на полпути между признанием и лояльностью по отношению к режиму большевиков — защитнику и в то же время извращенному наследнику русской революции и утопических устремлений широких слоев пролетариата — стала анахронизмом и потеряла всякий смысл.

Конечно, отмечал он с удовлетворением, начиная нэп, большевики наконец-то отказались от экономического утопизма и «немедленного перехода к социализму», но в то же время было мучительно сознавать, что они фанатически продолжают цепляться за «политическую утопию диктатуры коммунистического меньшинства». По его мнению, эта диктатура переродилась в партийно-государственную бюрократию, предположительно оторванную от пролетарских и советских истоков, и уже находилась на пути к превращению в «бюрократию, которая ставила себя над классами», становясь новым «буржуазным социальным слоем», социальной основой для «бонапартистского прекращения красной диктатуры».

⁷⁷ L. Martov. Der Weltbolschewismus. — In: „Der Sozialist“, 1920, № 48, p. 967.

⁷⁸ Это общее изложение последнего, неоконченного анализа Мартовым режима большевиков в период нэпа (1922) дополняет тему, затронутую в моей более ранней работе. См.: I. Getzler. Martov: A Political Biography of a Russian Social Democrat. Cambridge, 1967, p. 216—217 (итальянский перевод опубликован в Милане в 1978 году). Этот анализ основывается на изучении следующих статей: «На пути к ликвидации». — «Социалистический вестник», 1 ноября 1921 года, № 19; «Диалектика диктатуры». — Там же, 3 февраля 1922 года, № 3(25); «К вопросу о задачах партии». — Там же, 20 июня 1922 года, № 13—14 (35—36); «Наша платформа». — Там же, 4 октября 1922 года, № 19 (41).

Если только демократический вариант не взял бы верх над «бонапартистской комбинацией» внутренних элементов разлагающейся коммунистической партии и над новой буржуазией (а Мартов скорее всего надеялся именно на это), то возрождение старой государственно-бюрократической структуры, которую он отождествлял с нэпом и возрождением капитализма, должно было породить некую форму «цезаризма». Не слишком утешало и то, что «новый персонал» бюрократического государства вместе с его «изменившимся социальным содержанием» делали невозможной простую реставрацию царизма.

С горечью Мартов наблюдал, как близится возмездие России из-за того, что она, презрев «буржуазную демократию», отказалась от нее в 1918—1920 годы как от изжившей себя и сразу же попала под власть «диктатуры ячеек компартии». Он предупреждал: даже в новой исторической обстановке, созданной нэпом, Россия не сможет «дорости» до буржуазной демократии и приговорена «смириться с тиранией бонапартизма».

4. Детерминизм Каутского

С точки зрения западной социал-демократии, критика и обвинения в адрес революции и большевистского режима со стороны Карла Каутского, который всегда питал интерес к проблемам русской социал-демократии и долгое время глубоко занимался ею, считаются классическими. После определенных колебаний Каутский в ходе резких дискуссий по поводу «организационных вопросов», которые вызвали первый раскол в русской социал-демократии, все-таки отошел к меньшевикам, но в дебатах о русской революции 1905 года во время и сразу после нее он был еще сторонником ленинского анализа и его революционной стратегии⁷⁹, что вызывало большое недовольство у Плеханова и Мартова⁸⁰. Ленин был «настолько доволен» этим, что с удовольствием перевел на русский язык некоторые статьи Каутского.

То, что Каутский воспринял ленинскую точку зрения, не помешало ему тем не менее стать посредником, если не судьей, в вечном конфликте между меньшевиками и большевиками. И он сохранял эту позицию вплоть до начала первой мировой войны. Он старался быть нейтральным, хотя на практике нередко брал сторону большевиков. Однако в годы войны это не помешало Ленину обратить некоторые из своих самых ядовитых выступлений именно против Каутского как главно-

⁷⁹ *K. Kautsky. Triebkräfte und Aussichten der russischen Revolution.*— In: „*Neue Zeit*“, XXV, vol. I, 1906—1907.

⁸⁰ См.: *Г. В. Плеханов. Сочинения*, т. 25, с. 295—304; *Л. Мартов. Каутский и русская революция.* — «Отклики», 1907, № 11, с. 3—24.

го представителя того социалистического «центризма», который он ненавидел не меньше, если не больше, чем «социал-шовинизм». Каутский ничем на это не ответил, по крайней мере на страницах «Нойе цайт».

С началом Февральской революции он приветствовал падение «ледяного дворца» российского «деспотизма»⁸¹ как «начало новой эры для всей Европы», рассматривая это в нераздельной связи с «вопросом вопросов» — установлением мира. Но больше всего его волновали характер и перспективы русской революции⁸². По его мнению, русская революция была революцией политической, а не социальной. Революция не могла быть буржуазно-капиталистической, потому что «юридически и экономически» капиталисты и значительные слои аграриев уже ранее получили почти все, что требовали. Не могла она быть и пролетарско-социалистической, поскольку пролетариат был еще слишком слабым и незрелым⁸³. Конечно, он играл в революции большую роль, так как мог активно добиваться таких крупномасштабных реформ, как национализация шахт и рудников и даже некоторых отраслей тяжелой промышленности, а также потребовать совершенно нового социального и рабочего законодательства. Но это скорее являло собой «буржуазную программу реформ, чем программу пролетарской революции», и зависело от уровня политической власти пролетариата и от той поддержки, которую он мог получить от крестьянства. Подлинной ставкой в этой игре, «важнейшим аспектом текущей русской революции» было «завоевание демократии» и ее укрепление путем «выборов в Учредительное собрание». На этой основе пролетариат мог вырасти, созреть и подготовиться к последующему «завоеванию политической власти»⁸⁴.

Поскольку политическая демократия была тем, чего больше всего ожидал Каутский от русской революции, то и в его работах о ней и о режиме большевиков снова зазвучал, становясь все яростнее, его антибольшевизм, подогреваемый растущим разочарованием и взрывами негодования, что видно из самих названий его статей, от «Диктатуры пролетариата» («Die Diktatur des Proletariats»), написанной в августе 1918 года, за которой последовали в декабре 1918 года «Демократия или диктатура» («Demokratie oder Diktatur»), а в июне 1919 года «Терроризм и коммунизм» («Terrorismus und Kommunismus»), и до работы «От демократии к государственному рабству» («Von der Demokratie zur Staatssklaverei») в авгу-

⁸¹ K. Kautsky. Der Eispalast. — In: „Neue Zeit“, XXXV, vol. II, 1916—1917, S. 609—613.

⁸² См.: „Neue Zeit“, XXXV, vol. II, 1917, S. 505.

⁸³ Ibid., S. 507.

⁸⁴ K. Kautsky. Die Aussichten der russischen Revolution. — In: „Neue Zeit“, XXXV, vol. II, 1917, S. 12—13; id., Stockholm, S. 506—507.

сте 1921 года. Если вначале, наблюдая за первыми шагами большевиков с «благожелательным ожиданием»⁸⁵, он, казалось, еще мог подавлять свои самые мрачные подозрения, то уже в статье, появившейся некоторое время спустя после роспуска российского Учредительного собрания⁸⁶, он поднял основной вопрос, поставленный диктатурой большевистского меньшинства перед теми марксистами, которые пытались примирить Марксово понимание «диктатуры пролетариата» с приверженностью к западной демократии парламентского типа.

После того как он проследил и осмыслил окончательное поражение как русской парламентской демократии, начавшейся с роспуска Учредительного собрания в январе 1918 года, так и советской демократии, когда меньшевики, эсеры и левые эсеры были исключены из Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и почти из всех Советов в июне — июле 1918 года⁸⁷, Каутский начал свою первую атаку против теории и практики большевиков. В августе 1918 года в книге «Диктатура пролетариата» он дал систематическую и обобщенную, но сдержанную критику большевистской революции.

Определяя современный социализм как систему «общественной организации производства» и «демократическую организацию общества», он ставил его осуществление в зависимость от следующих предпосылок: наличия сильного развивающегося и политически созревающего пролетариата, стремящегося к социализму, что в свою очередь зависит от наличия развитой крупной промышленности и достаточной степени демократии, обеспечивающей пролетариату возможность организоваться и созреть. Кроме того, после захвата власти вся сила, зрелость и сознательность пролетариата должны быть направлены на обеспечение жизнеспособности социализма, то есть на то, чтобы «перенести демократию в политике на экономику»⁸⁸.

Хотя он и признавал большевистскую революцию как «знаменательное событие огромной важности для пролетариата всех стран», поскольку «впервые в мировой истории социалистическая партия завоевала власть в огромном государстве»⁸⁹, он считал, однако, что настойчивые попытки больше-

⁸⁵ Id. Die Aussichten des Fünfjahreplanes. — In: „Die Gesellschaft“, VIII, 1931, S. 261—262.

⁸⁶ Краткое изложение статьи см.: P. Loesche. Der Bolschevismus im Urteil der deutschen Sozialdemokratie. Berlin, 1967, S. 123—125.

⁸⁷ В курсе событий в России Каутского держал Александр Штейн, который получал подробные доклады от Мартова. См.: Nikolaevsky Collection. Hoover Institution. Письма Ю. Цедербаума (Мартова) — Александру Штейну от 16 июня и 25 октября 1918 года.

⁸⁸ K. Kautsky. La dittatura del proletariato. Milano, 1963, p. 15, 29.

⁸⁹ Ibid., p. 118.

виков установить социализм с помощью диктатуры меньшинства в отсталой аграрной России, где отсутствовали какие бы то ни было предпосылки социализма, обречены на провал. Конечно, большевики ожидали, что их революция послужит отправным пунктом социалистической революции в Европе, которая позволит им преодолеть российскую отсталость, но это была «еще не доказанная гипотеза». Нельзя было положиться на крестьян, которые в ходе начатых большевиками аграрных преобразований предпочли следовать курсу ревизиониста Эдуарда Давида — как ехидно замечал Каутский — и расширили свои мелкие земельные участки за счет крупных земельных владений⁹⁰.

Однако самый горький его упрек был высказан в адрес большевистской теории и практики «диктатуры пролетариата». Он выносил свой приговор «форме правления», которая «на протяжении целой исторической эпохи» с помощью «голой власти» собиралась разоружать оппозицию, лишая ее права голоса, свободы печати и организации. По Каутскому, Маркс понимал диктатуру пролетариата как такую «политическую ситуацию», в которой пролетариат, представляя большинство населения, руководит обществом на «демократических началах» и прибегает к силе лишь в целях «защиты демократии, а не для ее удушения»⁹¹. Он утверждал, что диктатура, подобная большевистской и полагающаяся на «всемогущество воли и силы», приведет лишь к гражданской войне или к «апатии и летаргии масс», в то время как социализм требует активного творческого сотрудничества масс и их «экономического самоуправления», что может быть лишь «в условиях абсолютной свободы». Поскольку социализм — не просто разрушение капитализма и его замена государственно-бюрократической организацией производства, диктатура большевиков, по Каутскому, обречена на провал и «обязательно закончится приходом к власти какого-либо Кромвеля или Наполеона»⁹². Однако, несмотря на все это, русскую революцию, считал он, еще можно было спасти, заменить большевистскую диктатуру демократией. Даже в отсталой России Каутский «не мыслил социализма без демократии»⁹³.

В своих последующих антибольшевистских брошюрах⁹⁴ Каутский продолжал противопоставлять друг другу большевистскую демократию и диктатуру, подчеркивая «упразднение демократии» как «первородный грех» последней и находя це-

⁹⁰ Ibid., p. 60, 90—92, 102—105.

⁹¹ Ibid., p. 44, 46, 48, 51, 119—120.

⁹² Ibid., p. 46—49, 56.

⁹³ Ibid., p. 15.

⁹⁴ Особенно в таких брошюрах, как "Terrorismus und Kommunismus". London, 1920; "Von der Demokratie zur Staatsklaverei: Eine Auseinandersetzung mit Trotski". Berlin, 1921.

лый ряд второстепенных огрехов, которые способствовали созданию «самого гнетущего деспотизма, который когда-либо знала Россия»⁹⁵. Он показывал при этом, насколько еще не созрела Россия для социализма и насколько необходимы для социализма подготовка и воспитание масс, равно как и их вождей. Будучи марксистами, замечал Каутский, большевики должны были прекрасно понимать, что они пытаются сделать невозможное, намереваясь совершить «скачок» из феодализма в социалистическое общество⁹⁶ и абсолютно не принимая в расчет субъективных факторов и объективных экономических законов.

«В итоге всегда одерживают верх экономические законы. Они равнодушны к характеру политической конституции, будь она абсолютистской, демократической или советской. Любая попытка нарушить эти законы и заменить каноны экономического развития какой-то абстрактной формой, в том числе и диктатурой, независимо от ее конституционной базы, не может изменить конечного результата, который предreshен экономическими условиями, и не может представлять собой ничего, кроме эксперимента, обреченного на провал после того, как он повлечет за собой многочисленные жертвы. С точки зрения марксизма, нет ничего гибельнее поисков политической конституции, не уважающей экономических законов и направленной на то, чтобы гарантировать построение социализма»⁹⁷.

Возможно, несправедливо по отношению к Каутскому кончать разговор о нем этим перлом догматической веры, ибо нам хорошо известно, что его критика в адрес большевистской революции и его возмущение «татарским социализмом»⁹⁸ были вызваны и вдохновлялись его постоянной борьбой за демократию и человеческое достоинство. Тем не менее это его высказывание хорошо иллюстрирует скудость его марксистской философии, которая в поисках политической основы верности демократии и гуманному социализму не смогла предложить ничего иного, кроме чисто экономического детерминизма.

5. Роза Люксембург: свобода и социализм

В то время как Каутский анализировал большевистскую революцию со всевозрастающей неприязнью, Роза Люксем-

⁹⁵ K. Kautsky. Von der Demokratie zur Staatssklaverei, op. cit., S. 43; Terrorismus und Kommunismus, op. cit., S. 217.

⁹⁶ Ibid., S. 188, 220.

⁹⁷ K. Kautsky. Rosa Luxemburg und der Bolschewismus. — In: „Der Kampf“, XV, Februar 1922, № 2, S. 39.

⁹⁸ K. Kautsky. Terrorismus und Kommunismus, op. cit., S. 232.

бург, его соперница в левом крыле немецкой социал-демократии, с восторгом встретила ее победу и «с энтузиазмом, но в то же время критически»⁹⁹ указывала на ее успехи и самые неприятные стороны ее развития, принимая живое участие во всем. Роза Люксембург, естественно, приветствовала в качестве революционных добродетелей многое из того, что «меньшевик» Каутский клеймил как пороки большевизма, в особенности «решительность, с которой Ленин и товарищи в решающий момент смогли выдвинуть единственный лозунг, зовущий вперед: «Вся власть пролетариату и крестьянству!», и установили «диктатуру пролетариата в целях построения социализма». Превратив «конечные цели» социализма в «непосредственную программу практической политики», они одновременно спасли русскую революцию и «честь международного социализма»¹⁰⁰. Дело большевиков, писала она, опровергло доктринерство и навсегда сорвало маску с меньшевиков (и с Каутского), разогнав туман «схематической абстракции», согласно которой Россия еще не созрела для социальной революции и диктатуры пролетариата, поскольку была «экономически отсталой и преимущественно аграрной страной»¹⁰¹. Люксембург без колебаний одобрила крупномасштабную дальновидную стратегию и решимость большевиков выйти за национальные границы русской революции. «То, что большевики полностью основывали свою политику на мировой революции пролетариата,— заявляла она,— действительно самое блестящее свидетельство их политической дальновидности и принципиальной твердости, уверенной хватки их политики»¹⁰².

Однако, несмотря на все их революционные и социалистические добродетели, даже большевики не были для Розы Люксембург достаточно революционными в проведении политики мира, а также аграрной и национальной политики; они, несомненно, шокировали ее как сторонницу демократии, но она без усталости искала и находила смягчающие обстоятельства. Вполне очевидно, что она не одобряла их стремления «к миру любой ценой, лишь бы получить мгновенную передышку», что в конце концов привело их к безоговорочной капитуляции перед германским империализмом и к «иллюзии» Брестского мира. Однако, с ее точки зрения, вся «ответственность за ошибки большевиков» падала «в конечном

⁹⁹ См. *R. Luxemburg. J'étais, Je suis, Je serai! Correspondence 1914—1918*, Paris, 1977, p. 366.

¹⁰⁰ См.: *R. Luxemburg. Die russische Revolution*. Hamburg, 1948 (цит. по изданию в итальянском переводе: *R. Luxemburg. La rivoluzione russa*.—In: „Scritti scelti“, a cura di L. Amodio. Torino, 1975, p. 577—578).

¹⁰¹ Ibid., p. 566—567; а также: *R. Luxemburg. Die russische Tragödie*.—In: „Spartacus“, Sept. 1918, № 11 (цит. по изданию в итальянском переводе в сборнике „Scritti scelti“, op. cit., p. 554—555).

¹⁰² *R. Luxemburg. Die russische Revolution*, op. cit., p. 568.

счете» на международный пролетариат и прежде всего на «беспримерную постоянную низость немецкой социал-демократии»¹⁰³.

Гораздо менее благожелательной была ее критика «ленинской аграрной реформы», которую она осуждала за то, что из-за нее усилилось «распыление» земли и разрослась «новая частная собственность» в явном противоречии с программой централизации и национализации промышленности, выдвинутой самим Лениным. Конечно, под лозунгом «Идите и берите землю!» большевикам удалось, с одной стороны, раздробить крупное частное землевладение, а с другой — получить от крестьян непосредственную поддержку революционному правительству, но все это должно было породить в будущем серьезные препятствия для развития широко-массового социалистического сельского хозяйства и создать «новый мощный социальный слой противников революции в деревне»¹⁰⁴.

Еще более резким, хотя и в некотором роде оправданным ее прежней позицией, было обвинение ею большевиков в «доктринерском упрямстве», выражавшемся в «уважительной, но пустой фразеологии» о «праве наций на самоопределение», которое, с точки зрения Люксембург, вело к «распаду российской государственности» и давало возможность контрреволюционной буржуазии пограничных стран внести знамя «контрреволюции во все российские бастионы революции»¹⁰⁵.

И уж совсем яростным (и к тому же более известным) было ее осуждение большевиков за то, что они уничтожили демократию и свободу. Она разделяла и одобряла презрительное отношение большевиков к «парламентскому кретинизму» социал-демократов, но, очевидно, большевики не разделяли ее понимания «конкретной революционной диалектики», которая «не овладевает революционной тактикой наперекор большинству, а овладевает большинством с помощью революционной тактики»¹⁰⁶.

Роза Люксембург была оскорблена, когда поняла, что «путь» большевиков идет через роспуск Учредительного собрания, отмену свободы печати и права объединений и собраний вплоть до «общего лишения прав широчайших слоев общества». Конечно, большевики были более чем правы, используя «железный кулак», для того чтобы искоренить саботаж и подавить сопротивление всего среднего сословия, отказывая ему в политических правах и даже в средствах существования, но подобные акции могли быть санкционированы лишь как «конкретная мера во имя достижения конк-

¹⁰³ R. Luxemburg. Die russische Tragödie, op. cit., p. 547, 554.

¹⁰⁴ R. Luxemburg. Die russische Revolution, op. cit., p. 580—582.

¹⁰⁵ Ibid., p. 583—585, 549.

¹⁰⁶ Ibid., p. 577.

ретной цели» и, конечно, не должны были становиться «общим правилом на длительное время»¹⁰⁷. С ее точки зрения (и в этом она была согласна с Каутским и меньшевиками), диктатура пролетариата означала «самую неограниченную и широчайшую демократию». Она утверждала, что «только опыт в состоянии исправить старые и открыть новые пути, что только бродящая, как на дрожжах, жизнь порождает тысячи новых форм, импровизирует, источает созидательную силу». Не удивительно, что в ее обвинительном акте против диктатуры большевиков Роза Люксембург ни разу не назвала ее «диктатурой пролетариата».

«Вместо представительных органов, избранных путем всепародных выборов, Ленин и Троцкий ввели Советы в качестве единственных органов, представляющих трудящиеся массы, но, задушив политическую жизнь во всей стране, Советы также не смогут избежать прогрессирующего паралича. Без общих выборов, свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений в любом общественном институте жизнь затухает, становится лишь видимостью, и единственным активным элементом этой жизни остается бюрократия. Общественная жизнь постепенно погружается в спячку; управляют всего лишь несколько десятков очень энергичных и вдохновляемых безграничным идеализмом руководящих партийных деятелей. Истинное руководство находится в руках этого десятка руководителей, а рабочая элита время от времени созывается лишь для того, чтобы аплодировать выступлениям вождей и единогласно голосовать за заранее заготовленную резолюцию. Таким образом, в сущности, это власть клики; конечно же, их диктатура — это не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, то есть диктатура в буржуазном смысле, в смысле якобинского господства»¹⁰⁸.

Действительно, политическая свобода фигурирует в числе основных предпосылок социализма. При ее отсутствии нельзя достичь того уровня политического воспитания и столь полного участия масс в политической жизни, которые необходимы для социализма, стремящегося выполнить свои «гигантские задачи». Эта свобода, утверждала Роза Люксембург, единственная и неделимая. «Свобода только для активных сторонников правительства, только для членов партии — как бы многочисленны они ни были — это не свобода. Свобода — всегда и единственно — для тех, кто мыслит иначе»¹⁰⁹.

Хуже того, большевики превратили тактику репрессий, вызванных суровой, ужасной действительностью России, в нор-

¹⁰⁷ Ibid., p. 597.

¹⁰⁸ Ibid., p. 601.

¹⁰⁹ Ibid., p. 599.

му. «Опасность начинается там, где они (большевики.—*Ред.*) превращают необходимость в добродетель, а потом теоретически — раз и навсегда — закрепляют эту фатально обусловленную тактику и рекомендуют ее международному пролетариату как достойную подражания».

«Бессмертной исторической заслугой большевиков» при завоевании власти Люксембург называла то, что они придали проблеме социализма «практический смысл», хотя и не сумели ее «разрешить». С точки зрения Люксембург, только европейская революция могла построить социализм, спасти русскую революцию и вылечить ее от болезней ¹¹⁰.

6. Большевизм и социал-демократия в критике Отто Бауэра

Отто Бауэр, знавший русский язык, был самым авторитетным теоретиком австромарксизма, внесшим определенный вклад в анализ русской революции и диктатуры большевиков. Попав в русский плен в августе 1914 года, он был выпущен после Февральской революции из лагеря в Западной Сибири благодаря вмешательству руководителей Петроградского Совета. Он приехал в Петроград в июне 1917 года и завязал дружбу с Федором Даном и Лидией Дан (у которых поселился), а также с Л. Мартовым, братом Лидии Дан, и Борисом Николаевским. Это позволило ему стать свидетелем многих важных событий в Петрограде, не говоря уже об участии в ночных дискуссиях в доме Данов, где «оборонец-революционер» Федор Дан « всю ночь работал, чтобы защищаться », как он шутливо говорил, от резких « интернационалистских » наскоков Мартова ¹¹¹. Возвратившись в Австрию в сентябре 1917 года, Бауэр уже 10 октября напечатал в Вене под псевдонимом Генриха Вебера свои наблюдения, озаглавленные « Русская революция и европейский пролетариат ». Как в этой работе, так и в частном письме к Каутскому от 28 сентября 1917 года Бауэр резко критиковал робкий минимализм и « невозможный » коалиционизм меньшевиков, но не менее критически он был настроен и по отношению к « еще более опасному авантюризму » бесцеремонных большевиков, которые, подобно якобинцам с их слепой верой « в высшую власть гильотины », уповали на « высшую власть пулеметов ». По мнению Бауэра, наиболее правильный путь между этими крайностями выбрали меньшевики-интернационалисты, кото-

¹¹⁰ Ibid., p. 606—607, 554.

¹¹¹ Y. Bourdet. Otto Bauer et la révolution. Paris, 1968, p. 23—24; M. Croan. Prospects for the Soviet Dictatorship. — In: L. Labedz (ed.). Revisionism: Essays in the History of Marxist Ideas. London, 1962, p. 284 (интервью с Лидией О. Дан в Нью-Йорке в январе 1962 года).

рых Бауэр называл «марксистским центром», и, когда ему показалось (возможно, в связи с демократической конференцией в сентябре 1917 года), что наконец открывается перспектива «чисто демократического правительства» (это решение по вопросу о власти было предложено Мартовым), он в письме к Аксельроду определил его как «историческое событие величайшей важности, способное разрешить не только вопрос о мире, но и повлиять на будущее всего европейского пролетариата»¹¹².

В этот период (менее чем за месяц до Октябрьской революции) Бауэр был уверен, что, поскольку Россия — крестьянская страна, в которой рабочий класс был в меньшинстве, результатом революции «могла быть только буржуазно-демократическая республика», которая обеспечила бы полную политическую свободу, социализацию земли и восьмичасовой рабочий день. По его мнению, она была не способна вылиться в диктатуру пролетариата¹¹³. Конечно, его волновала судьба революции, поскольку он считал, что «огромные социальные завоевания» России и «все будущее европейского социализма» зависят от того, выживет ли русская революция. В то время он был обескуражен бессилием Интернационала, который ничего не сделал, чтобы помочь ей, обеспечив мир. «Подобный унижительный опыт приводит к грустным выводам», — заключал он¹¹⁴. Весьма возможно, что и это бессильное чувство вины в большой степени явилось следствием снисходительного отношения Бауэра к Октябрьской революции, поскольку, как только она началась, он подавил в себе некоторые собственные колебания по отношению к большевикам и приветствовал ее как «победу российского пролетариата», который, «энергично орудуя метлой», повторял действия Парижской Коммуны¹¹⁵.

Конечно, он очень сожалел о том, что переговоры с Виктором об образовании коалиционного социалистического правительства окончились неудачей и что «коалиция Ленина, Мартова и Чернова», которую он считал возможной и, «вполне вероятно, сильной», не состоялась¹¹⁶. Несмотря на это, когда Эдуард Бернштейн на страницах «Лейпцигер фолксцайтунг» и Отто Бауэр в «Форвертс» выступили с нападка-

¹¹² См.: О. Бауэр — К. Каутскому, 28 сентября 1917 года, К. Д., II, № 500, Institute for Social History, Amsterdam. Nicolaevsky Collection, Hoover Institution: О. Бауэр — П. Аксельроду, 28 сентября 1917 года.

¹¹³ H. Weber. Die russische Revolution und das europäische Proletariat. Wien, 1917, S. 16, 20; M. Croan. Prospects, op. cit., p. 284.

¹¹⁴ H. Weber, op. cit., S. 26—27; Institute for Social History: А. Бауэр — К. Каутскому, 28 сентября 1917 года.

¹¹⁵ O. Bauer. Würzburg und Wien. — In: "Der Kampf", November—Dezember 1917, № 11—12, S. 323.

¹¹⁶ Institute for Social History, Amsterdam: К. Д., II, № 501; О. Бауэр—К. Каутскому, 24 ноября 1917 года.

ми на большевиков за то, что те поставили вне закона кадетов и распустили Учредительное собрание, последний публично заклеил эти выступления как «серьезное нарушение долга международной пролетарской солидарности»¹¹⁷. В характерном письме к Каутскому¹¹⁸ он призывал его «сдерживать Эда (Бернштейна. — *Ред.*) и «Лейпцигер фольксгайтунг», утверждая при этом, что, с его точки зрения, нападки подобного рода против большевиков были, с одной стороны, «несправедливы, поскольку Ленин и Троцкий не могли действовать иначе, а с другой — что еще хуже, — «несвоевременны», так как «мы не можем одновременно и революционизировать немецких рабочих, и порочить революцию». В конце концов, русская революция была диктатурой пролетариата, и ее крах поставил бы всех перед лицом таких «свершившихся фактов» со всеми их последствиями, что никакое новое правительство не смогло бы исправить положения. Бауэр считал обвинения меньшевиков против большевистского режима «ребяческим» и, возможно, заимствовал свои аргументы из арсенала большевиков, когда писал: «Изгнав кадетов из Учредительного собрания, Троцкий просто последовал примеру [английских] индипендентов, но действовал намного умереннее якобинцев. Закрывая эсеровские и меньшевистские газеты, он ведет себя точно так же, как Керенский вел себя в отношении большевистских газет, когда министрами были Чернов и Церетели».

Личные симпатии Бауэра, как писал он Каутскому, всегда были на стороне группы Мартова и «никогда» на стороне большевиков, но ответственность за то, что «пролетарская революция в России смогла произойти только в форме большевистского восстания», падала на большую часть меньшевиков, которые не послушались даже Мартова. Поскольку большевики, несомненно, являлись выразителями интересов российского пролетариата, постольку, как утверждал он, «наш долг поддерживать их хотя бы нашей солидарностью», направляя по возможности внимание немецких рабочих на «социальный аспект событий в России, на их значение для классовой борьбы»¹¹⁹.

Однако ни понимание, ни солидарность не помешали Бауэру трезво взглянуть на «иллюзии... методы и теоремы» большевиков. В феврале 1918 года он провел свой первый анализ большевистской диктатуры¹²⁰ с позиции, как он гордо заявил, «марксистского центра», представленной в России меньше-

¹¹⁷ H. Weber. Die Bolschewiki und wir. — In: „Der Kampf“, XI, März 1918, № 3, S. 146.

¹¹⁸ Institute for Social History, Amsterdam: K. D., II, № 503: О. Бауэр—К. Каутскому, 4 января 1918 года.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ См.: H. Weber. Die Bolschewiki und wir, op. cit., S. 137—150.

виками-интернационалистами группы Мартова и «Новой жизни», которые объединились вокруг Максима Горького и Николая Суханова. Большевики, которые представляли лишь «меньшинство русского народа», захватили власть благодаря военной силе Красной Гвардии и армии и сумели сохранить ее в борьбе с «враждебным большинством» только «репрессиями», закрытием газет, арестом руководителей оппозиционных партий и роспуском Учредительного собрания. Таким образом, большевики повторили, но уже в более широком масштабе «огромной России», то, что за 15 лет до этого пытались сделать в рамках своей партийной организации, внеся в программу положение, требующее установления «диктатуры революционного меньшинства над еще колеблющимся, не обладающим опытом и находящимся в состоянии замешательства большинством». В результате возникло Советское государство, которое передало власть в руки промышленных рабочих и солдат и, отвергнув демократическую парламентскую республику как «мелкобуржуазную», лишило буржуазию, мелкую буржуазию и большинство крестьянства какого бы то ни было политического веса. Бауэр писал, что отказ большевиков от демократии имел прецедент во Франции в 1848 и 1871 годах, когда французский пролетариат, также представлявший меньшинство населения, воспротивился парламентской демократии, боясь поражения при голосовании из-за крестьян, поддерживавших буржуазию.

Российское Советское государство было, таким образом, по словам Бауэра, «идеальным [исторически] государством революционного пролетариата, необходимым в стране, где пролетариат пока еще представляет меньшинство». Его экономической параллелью был организационный принцип «рабочего контроля», обусловленный тем, что «в стране, где рабочие составляют меньшинство, они не могут подчинить своей власти все сообщество, а с его помощью и промышленность». В той обстановке, которая сложилась во Франции в 1848 и 1871 годах, а также в послеоктябрьской России, когда пролетариату, хотя и находящемуся в меньшинстве, временно удалось захватить власть, социализм, как утверждал Бауэр, должен был резко отличаться от социализма в Центральной и Западной Европе. Классовые организации пролетариата — такие, как местные органы власти или Советы, — должны были объединиться против демократии тем же способом, каким рабочий контроль над промышленностью в лице профсоюзов выступал против социалистического подчинения промышленности всему демократическому «сообществу».

В целом «теория и практика» большевиков являлись «подгонкой социализма к стране, где капитализм еще молод и недостаточно развит, а пролетариат вследствие этого представляет меньшинство нации». Короче говоря, речь шла о «при-

способлении социализма к российской экономической отсталости». Но при всем этом большевистский социализм был, по мнению Бауэра, обречен на неудачу. Если было «неизбежностью» то, что российский пролетариат, «победоносный, полный веры и вооруженный», должен под руководством большевиков, выразивших «его стремления и идеалы» и разделявших его «иллюзии», сокрушить власть капитала и привести Россию к социализму, то было «неизбежностью» и то, что эта «трагическая попытка», выходящая «за рамки собственных средств пролетариата», была обречена на провал. Действительно, в таких крестьянских странах, как Россия (или Франция в 1848 и 1871 годах), где классовая борьба между промышленным рабочим и буржуазным промышленником была лишь, по выражению Маркса, «частичным фактом», свержение капитализма не могло стоять в центре проблем и составлять «содержание национальной революции». Таким образом, эксперимент должен был окончиться «поражением пролетариата»¹²¹. Несомненно, что на этом начальном этапе Бауэр видел в большевиках истинных выразителей интересов российского пролетариата и, хотя его анализ предсказывал крах большевистского эксперимента, он признавал за диктатурой большевистского меньшинства законность не только в историческом, но и в марксистском плане, не говоря уже о пролетарском.

Еще острее он начал выступать против «диктатуры и террора» большевиков осенью 1919 года, когда, к его огорчению, многие стали утверждать, что «русский метод» должен быть «канонем всякой пролетарской революции»¹²², в том числе и в Австрии. Уверенный в том, что большевистская «диктатура пролетариата» очень скоро войдет, если уже не вошла в конфликт с самим пролетариатом, Бауэр призвал социалистов-марксистов решительно отмежеваться от большевизма, с тем чтобы таким образом не оказаться дискредитированными его поражением, которое Бауэр считал само собой разумеющимся¹²³. Показателем его изменившегося отношения был панегирик антибольшевику Каутскому за то, что тот оказал «неоценимую услугу революционному социализму», приняв на себя руководство борьбой против большевизма и опубликовав один за другим «блестящие политические труды», в особенности великолепную книгу «Терроризм и коммунизм», которую Бауэр рекомендовал всем как настольную¹²⁴.

Бауэр закончил свой последний труд по исследованию

¹²¹ Weber. Die Bolschewiki und wir, S. 143—147.

¹²² O. Bauer. Karl Kautsky und der Bolschewismus. — In: "Der Kampf", XII, 11 ottobre 1919, № 28, S. 663.

¹²³ Ibid., S. 666.

¹²⁴ Ibid., S. 663, 667.

большевистской революции — «Большевизм или социал-демократия?», который Каутский назвал «классическим произведением социалистической литературы»¹²⁵, в апреле 1920 года, то есть в период, когда большевистский строй, вопреки предсказаниям явно сохранявший власть, тем не менее стал терять доверие, по крайней мере у марксистов-«центристов», в его притязаниях на подлинную «диктатуру пролетариата». Труд Бауэра носил преднамеренно теоретический характер и был понятен скорее марксистской интеллигенции, читавшей журнал «Кампф», чем рабочей аудитории венской «Арбайтерцайтунг», которая, как писал Бауэр Каутскому, «страстно сопротивлялась» какой бы то ни было критике большевистского режима и в лучшем случае соглашалась, что методы большевиков были производным от российских условий и мало подходили к «нашим условиям». Сказать нечто большее на страницах «Арбайтерцайтунг» значило бы «вызвать раскол в партии»¹²⁶.

Пытаясь определить «историческое место русской революции», Бауэр проводил аналогию между ходом русской революции в период между 1917 и 1920 годами и Великой французской революции между 1789 и 1793 годами. Обе они были «буржуазными» и проводились при поддержке крестьян, восставших против феодалов; обе привели к «диктатуре города над деревней, добившись сначала перевеса в городе самого многочисленного и самого революционного класса — городского плебса, а затем установив диктатуру этого городского плебса во всей стране». Однако в то время, как парижские санкюлоты были «мастера и ремесленники на маленьких заводах окраин Парижа» и, следовательно, не имели возможности вырваться «за рамки мелкой буржуазии», русские большевики представляли «пролетариев крупной современной и очень концентрированной промышленности». Завоевание власти этим пролетариатом волей обстоятельств породило «пролетарскую диктатуру», и поэтому он немедленно превратил российскую буржуазную революцию, направленную против феодализма, в революцию пролетарскую, которая уничтожила капитализм. Превращение буржуазной революции в пролетарскую, если верить Бауэру, уже было предсказано Марксом и Энгельсом накануне буржуазной революции 1848 года в Германии, которая, по их диагнозу, явилась «прологом» пролетарской революции. Бауэр довел эту аналогию до следующего вывода: «То, что Маркс и Энгельс надеялись увидеть в Германии, теперь стало явью в России. Ход рус-

¹²⁵ K. Kautsky. Eine Schrift über den Bolschewismus. — In: "Der Kampf", XIII, 13. Juli 1920, № 7, S. 265.

¹²⁶ Institute for Social History, Amsterdam: K. D., II, № 513: О. Бауэр—К. Каутскому, 29 марта 1920 года.

ской революции свидетельствует о гениальности Марксовой концепции 1848 года»¹²⁷.

Выявив таким образом «историческое место» большевистской диктатуры пролетариата и подкрепив это ссылкой на Маркса, Бауэр так определял ее судьбу. Большевистская диктатура, утверждал Бауэр, оказалась возможной в России, которую царский деспотизм держал в состоянии «культурного варварства», лишь потому, что Советская власть позволила восставшим крестьянам захватить помещичьи земли и тем самым удержала их от союза с терроризированной буржуазией, поставленной вне закона. К тому же бескультурье (*Kulturlosigkeit*) и апатия крестьян помогли большевикам более или менее скрытно лишить их гражданских прав и, стало быть, отстранить от власти¹²⁸.

Однако к концу революции и сам пролетариат оказался не в лучшем положении. В то время как первый этап русской революции характеризовался, по Бауэру, такой степенью «творческой активности» пролетарских масс, что «государственная советская власть оставалась лишь исполнительным органом рабочего класса, а ее диктатура — действительно диктатурой пролетариата», то начиная со второй половины 1918 года отношения между Советским государством и победившим пролетариатом изменились глубоко и решительно, подавив все революционные начала. С этого момента и далее огромный и мощный советский государственный аппарат, в котором основные посты были заняты одной-двумя сотнями тысяч членов партии, столкнулся с количественно уменьшившимся, ослабленным и подавленным рабочим классом и навязал ему свою волю. Большевистская диктатура пролетариата превратилась, таким образом, в «диктатуру пролетарской идеи», олицетворявшейся «весьма незначительным меньшинством» — партией, которая стала распоряжаться всеми классами общества. Русский социализм вырожден в «деспотический социализм», в котором государство сохраняло за собой контроль над социализированными средствами и процессами производства, над распределением и рабочей силой, навязывало всей стране собственную организацию и свои методы планирования. Ответственность за этот печальный результат несут не столько большевики, сколько тогдашняя культурная отсталость России: «Деспотический социализм был фактически естественным результатом такого развития, которое вызвало социальную революцию на том этапе, когда русский

¹²⁷ O. Bauer. *Bolschewismus oder Sozialdemokratie?* Wien, 1921, S. 64—65; а также: N. Leser. *Zwischen Reformismus und Bolschewismus*. Wien, 1968, S. 128—129.

¹²⁸ См.: O. Bauer. *Bolschewismus oder Sozialdemokratie?*, op. cit., S. 33, 47—49.

крестьянин еще не созрел для политической демократии, а русский рабочий — для промышленной демократии».

В обстановке, когда массы еще находились на примитивном уровне развития, а предпосылки демократии отсутствовали, «деспотизм развитого прогрессивного меньшинства становится «преходящей необходимостью», временным орудием исторического прогресса». «Историческая роль» большевистской диктатуры заключалась, по Бауэру, в том, чтобы привести Россию к демократии, а не к социализму, иначе говоря, чтобы просветить крестьянские массы и подготовить их к осуществлению правительственной власти в «демократическом государстве». Сам же пролетариат, действительно составлявший «незначительное меньшинство нации», не мог бы сохранить власть в цивилизованной демократической России с большинством крестьянского населения¹²⁹.

Историческая внешняя функция «временного господства промышленного социализма в аграрной России» должна была состоять в том, чтобы подать «яркий сигнал», который мог призвать к борьбе западный пролетариат, потому что «только захват политической власти пролетариатом промышленного Запада стал бы основой длительного господства промышленного социализма»¹³⁰.

В практическом плане то, что Бауэр признавал большевистскую диктатуру и ее «деспотический социализм» в качестве исторической необходимости для примитивной и отсталой России, делало из него потенциального апологета большевистского режима. Однако это не помешало ему яростно противиться каким бы то ни было проявлениям большевизма на Западе, включая и Коминтерн с его 21 условием. Большевизм был хорош только для России.

Слабой стороной оптимистического предвидения Бауэра о том, что «деспотический социализм», просвещая, а затем и демократизируя Россию, мог сделать излишней диктатуру, было молчаливое предположение о том, что большевистская партия, выполнив свою «историческую роль» с массой хороших результатов в свою пользу, согласится отказаться от власти и удалиться со сцены. Однако Бауэр очень хорошо понимал, что большевики считали свою диктатуру пролетариата переходным периодом (независимо от его продолжительности), который должен привести к социализму и отмиранию государства, а вовсе не «назад», к некой «демократической республике»¹³¹. Очевидно, Бауэр больше верил в действенность объективных исторических сил и их развитие, а не в субъективные намерения и желания большевистской эли-

¹²⁹ Ibid., S. 60—71.

¹³⁰ Ibid., S. 71.

¹³¹ Ibid., S. 69.

ты, завоевавшей власть и облеченной теперь государственной властью. Поэтому не удивительно, что данные им оценки действий большевиков носили двусмысленный характер, а критика его ограничивалась лишь тем, что они «видели только проблему власти и не замечали экономических проблем»¹³².

В последние годы жизни Ленин отвечал своим марксистским критикам намного сдержаннее и с большим чувством меры. Он понял, что перспективы европейской революции отдалаются, и сам перешел от «абсолютного социализма» периода военного коммунизма к нэпу, однако его утешало то, что большевистский строй победоносно выжил, и он гордился алмазной твердостью Советского государства. В своих последних статьях, продиктованных во время тяжелой болезни в декабре 1922 — марте 1923 года, особенно в комментариях к заметкам Н. Н. Суханова, которые побудили его вновь возвратиться к целому ряду вопросов, поставленных Октябрьской революцией¹³³, Ленин оправдывал большевистскую диктатуру словами, не слишком отличающимися от слов Отто Бауэра и его друзей-австромарксистов.

Рассматривая непосредственно вопрос о том, как продержаться в период экономического упадка, «при... мелком и мельчайшем крестьянском производстве... до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму», и в ожидании, пока созреет революционное движение на Востоке¹³⁴, Ленин указывал на необходимость внутреннего, национального разрешения двойной проблемы — отсталости России и изоляции Октябрьской революции. Основным вопросом, как он его видел в текущий момент, был вопрос о пропасти между масштабностью задач, поставленных социалистическими преобразованиями, с одной стороны, и российской «нищетой материальной и нищетой культурной» — с другой. Он верил в способность Советской власти «засыпать эту пропасть», начиная с «переделки» государственного аппарата, в котором действительно «нет умения управлять»¹³⁵. В полемике с меньшевиками типа Суханова и со всеми «педантами» от марксизма, которые осудили большевистскую революцию, считая, что большевики принимают «безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране»¹³⁶, Ленин предлагал новый метод создания «предпосылок цивилизации». При этом он при-

¹³² О. Bauer. K. Kautsky und der Bolschewismus, op. cit., S. 664.

¹³³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 343—454, 372—382. Значение последних работ Ленина рассматривается в книге: М. Lewin. Lenin's Last Struggle. London, 1968, p. 105—116.

¹³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 402—403.

¹³⁵ Там же, с. 411, 413, 414.

¹³⁶ Там же, с. 376—377.

знавал, что «... Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия...»¹³⁷. Таким образом, Ленин указывал на иную историческую последовательность, нежели для «западноевропейских стран»: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»¹³⁸. Короче говоря, государственная власть большевиков могла цивилизовать Россию и сама создать материальные и культурные условия, для того чтобы заложить «основы социалистического общества». Очевидно, Ленин далеко ушел вперед в своих оценках 1917 года, не раз изменив свои взгляды с тех пор, когда рассматривал большевистскую революцию в качестве пролога и части грядущей социалистической революции в Западной Европе и когда на заре Октября бросил клич к «построению социализма».

Таким образом, марксизм в России, который с помощью своей теории двух революций и табу на власть претендовал повернуть русскую революцию лицом к Западу и европеизировать ее, достиг в итоге диаметрально противоположного результата. Он пришел к «новой», большевистской революционной теории и практике, которая ускорила обе революции, постулировала и тут же реализовала захват и удержание государственной власти, чтобы потом навязать социальную и культурную революцию сверху в качестве русского, а возможно, восточного или, во всяком случае, неевропейского пути к цивилизации и социализму.

Марксистские критики Ленина, находившиеся под сильным влиянием моральных и демократических принципов европейской социал-демократии и связанные марксистской трактовкой исторического процесса и социальной революции, которая имела в качестве единственной модели Западную Европу, были понятным образом шокированы анализом «исторического значения и места»¹³⁹, или исторической роли нового способа использования государственной власти, открытого Лениным. В то время как большинство западных марксистов хором отвергало большевистский эксперимент и единым росчерком пера зачеркивало его, меньшинство в лице Отто Бауэра и австромарксистов защищало тезис «больше-

¹³⁷ Там же, с. 379.

¹³⁸ См. там же, с. 381.

¹³⁹ E. Lederer. Der historische Ort und Sinn des Bolschewismus. — In: "Der Kampf", XII, 12. Juli 1919, № 15, S. 453—455.

визма для России»¹⁴⁰. По их мнению, под маркой «деспотического социализма» большевиков на благо «некультурной России» работали «историческая необходимость» или «хитрость истории»; но они с возмущением отвергали эту форму, считая ее неприемлемой для их образованного европейского общества. Множество дефиниций, которые марксистские критики Ленина дали созданному им режиму большевиков (от «преторианско-азиатской диктатуры» Потресова, «государственного рабства» Каутского, «бонапартистской комбинации» Мартова и «деспотического социализма» Бауэра до чистой «контрреволюции» Аксельрода), несомненно, отражают их замешательство, а возможно, и недостаточность концептуальных средств, с помощью которых они пытались разобраться в возникшем перед ними новом феномене.

¹⁴⁰ K. Renner. Der taktische Streit. — In: "Der Kampf", XI, Januar 1918, № 1, S. 29.

Михаил Рейман

БОЛЬШЕВИКИ ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО ОКТЯБРЯ

Русский большевизм превратил Февральскую революцию 1917 года поистине во всемирно-историческое явление. Как и всякий эпохальный феномен, он в большой степени повлиял на современников, в результате чего в глазах значительной части социалистов Европы и всего мира его развитие, идеи и в особенности труды Ленина приобрели всеобщее значение и были сочтены пригодными для других стран. Все это способствовало тому, что коммунистическое и рабочее движение сгруппировалось вокруг большевиков и выработало единую политическую и идеологическую основу. Сама же российская революция осталась продуктом данной страны и определенной эпохи. Ее характерные черты могли быть поняты только в сравнении с более широким ходом мировой истории; к ее идеям полностью подходило известное изречение Маркса из его предисловия к «Критике политической экономии», согласно которому нельзя судить об эпохе социального переворота на основании того, что она думает сама о себе¹. Поэтому идеологическое содержание и общественная функция большевизма могут быть точно оценены лишь в результате объективного анализа конкретного значения тех событий, в которых он проявился сам и развитию которых он способствовал.

1. Мировая война и переворот в эволюции большевизма

Ситуация, кульминационным пунктом которой явилась российская революция 1917 года, определилась в ходе первой мировой войны, развязанной европейскими державами летом 1914 года. Для большинства европейских государств война проходила в условиях относительно зрелого капитализма, при наличии довольно солидных общественно-политических структур, которые, во всяком случае, могли выдер-

¹ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 13, с. 7.

жать потрясения, возникающие в ходе военных действий. В России (так же как и в соседней Австро-Венгрии) война, напротив, обнажила трагический узел глубоких противоречий между их международным положением и внутренней обстановкой.

С самого начала вооруженный конфликт поставил царскую империю перед лицом серьезных трудностей. Хотя восточный фронт и не был основным, поскольку главные силы сражающихся сторон были заняты преимущественно на западе, в частности на франко-германском фронте, Россия оказалась неспособной к успешному ведению военных операций. Ее армия, несмотря на неоднократные попытки перейти в наступление и продвинуться вперед, была отброшена назад в ходе контрнаступления германских войск, в результате чего немцам удалось оккупировать «русскую» Польшу и большую территорию в Западной Украине, в Белоруссии, Литве и Латвии. Отсталость страны и полная несостоятельность ее правительства отразились и на экономической системе, не сумевшей перестроиться на требования военного времени; она не смогла удовлетворить основные потребности армии и населения. Уже в первый год войны возникли глубокие нарушения в экономике, вызванные неудовлетворительной транспортной системой, резким сокращением объема внешней торговли и непродуманной организацией военной экономики.

С усугублением трудностей и ухудшением военного положения все слои общества оказались постепенно охваченными общим кризисом. Отношения между правительством и политическими деятелями либерального направления обострились до такой степени, что с трибуны Государственной думы—этого русского парламента с ограниченными правами—звучали резкие выступления, направленные против самого строя. Политическая напряженность привела к перманентному правительственному кризису, хотя власти и продолжали демонстрировать исключительную непреклонность в своих действиях. Многие политические деятели и представители высшего офицерства стали подумывать о возможности дворцового переворота с целью замены царя.

В то же время росло недовольство в народе. Все более активизировались массы рабочих и самых низших слоев городского населения. Непосредственными причинами усилившегося стачечного движения, которое особенно возросло в 1916 году, были резкое ухудшение жизненных условий и усталость от нескончаемой войны. В атмосфере политического кризиса уклонение от работы принимало все более ярко выраженный политический характер: значительно увеличилось количество политических стачек, которые к концу года стали выливаться в уличные демонстрации и прямые столкновения с властями. Недовольство проявлялось также в армии и во-

енно-морском флоте. Умеренная политика потеряла под собой реальную почву еще до того, как смогла утвердиться. Все шло к революционному взрыву.

Война вызвала глубокий поворот в развитии всего европейского социализма. Большинство социалистических партий поддерживало участие своих правительств в войне. Это вызвало упадок авторитета политики социалистов, а позднее и раскол в социалистическом движении, которое прежде было единым. В России же утверждались тенденции иного типа, которые, впрочем, были связаны с прошлым русского социализма. После того как революция 1905 года, не достигнув основных целей, потерпела поражение, атмосфера ожидания неминуемо грядущей революции рассеялась и наступил период новой политической и социально-экономической эволюции, который отодвигал перспективу революционного решения и в будущем даже ставил ее под вопрос. Социалисты оказались перед необходимостью нового выбора, однако в стране все еще не было условий для той легальности, которая могла бы гарантировать развитие организованного и широкого рабочего движения.

Подобная обстановка в большой степени влияла на состояние двух социалистических партий — партии социалистов-революционеров, которая соединяла русские народнические традиции, ориентированные на крестьянские массы, с некоторыми идеями европейской социалистической мысли, и партии социал-демократов, которая выступала как рабочая и марксистская партия, хотя и переживала при этом глубокий внутренний раскол между большевиками и меньшевиками. Мировая война еще серьезнее осложнила положение прежде всего потому, что ужесточила преследования социалистов со стороны властей и выдвинула на первый план такие крупные вопросы, для разрешения которых социалисты должны были переоценить свою политическую линию. Явные сторонники «защиты отечества» не завоевали большинства, так как это течение было представлено в эмиграции только частью меньшевиков и эсеров (среди которых были Плеханов, Авксентьев, Алексинский). В России представители этого течения социал-демократии (Потресов и др.) запутались в глубоких противоречиях, когда попытались выступить против правительства, обвинив его в неспособности вести войну и обратив против него свой воинствующий патриотизм. Но для большинства российских социалистов война явилась поводом для того, чтобы отойти от целей воинствующих группировок и в какой-то мере восстановить курс на революцию.

Радикальный переворот в политической мысли осуществил Ленин. Война застала его в Австро-Венгрии, где он скрывался в качестве политэмигранта. Будучи подданным не-

приятельской страны, он подвергался непосредственной опасности интернирования или плена. Но как только ему удалось с помощью лидера австрийских социал-демократов Виктора Адлера перебраться в нейтральную Швейцарию, он тут же начал разрабатывать основные положения своих новых политических идей, которые означали существенное изменение общей революционной концепции большевиков.

Довоенный большевизм смотрел на революцию и на перспективу собственного развития прежде всего с точки зрения ситуации, складывающейся в России. В своих расчетах и соображениях большевики, конечно, опирались на идею европейской и мировой революции, но это скорее было способом обойти противоречия, присущие тому политическому течению, которое ориентировалось на руководящую роль рабочих масс в такой стране, которая, однако, не могла рассчитывать на самостоятельное движение к социализму. Именно в этом контексте довоенного большевизма и выступил Ленин самым решительным образом; он ставил на первый план перспективу европейской и мировой революции, которая, по его мнению, должна была непременно последовать за мировой войной. Именно из этой основной идеи и проистекали его мысли о революции в России. В манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» от 1 ноября 1914 года он отмечал новые революционные перспективы, открывшиеся благодаря мировому конфликту: «В России задачами с.-д. ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть по-прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день».

Подобные же цели должна была поставить революция и в абсолютистских монархиях Германии и Австро-Венгрии. «Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции...», и «ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы...»².

Ленин продолжал развивать и уточнять собственную точку зрения: если в этом манифесте будущая европейская революция еще представлялась ему как оригинальное сочетание социалистической и буржуазной революций, то по прошествии нескольких месяцев он уже считал, что европейская революция должна быть социалистической. Уверенный в том, что война связала российский кризис, развертывающийся все еще на почве буржуазно-демократической революции, с кризисом на Западе, он полагал, что этот кризис выльется в социалис-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 21—22.

тическую революцию. «Жизнь учит. Жизнь идет через поражение России к революции в ней, а через эту революцию, в связи с ней, к гражданской войне в Европе»³. Таким образом, буржуазно-демократическая революция в России должна была стать неотъемлемой частью социалистической революции на Западе.

Обосновывая свои доводы, Ленин не ограничивался оценкой значения и последствий военного периода, но разработал оригинальную концепцию империализма. Само понятие империализма еще в начале века было выдвинуто Гобсоном, Гильфердингом и Розой Люксембург, а позднее развито Каутским в его доктрине «ультраимпериализма». В ней высказывалась гипотеза о всемирном объединении крупных монополий в единый международный трест, который в определенных отношениях мог обеспечить относительно мирное развитие капиталистического общества⁴. Полемизируя с этими идеями, Ленин намеревался рассмотреть в 1915 году брошюру Бухарина «Империализм и мировое хозяйство», а в январе следующего года, выступая на страницах «Форботе» против основных руководителей социал-демократического Интернационала, он решительно обвинил их в «социал-шовинистическом» оппортунизме, подчеркнув, что именно «эпоха созревшего капитализма» есть эпоха, означающая переход «от „мирного“ к империалистическому капитализму»⁵. В том же 1916 году в одном из своих основополагающих трудов, «Империализм, как высшая стадия капитализма», он окончательно сформулировал этот тезис: перспективы социалистической революции уже не зависят только от войны; сама эта война есть органический продукт «последней стадии капитализма»; переход к социализму — типичная черта, опознавательный признак начинающейся эпохи.

По своей внутренней логике ленинская концепция не могла оставаться исключительно русской даже в самом узком политическом смысле, поэтому она стала концепцией интернациональной. Лозунги, выработанные большевистским руководителем, были четким выражением его революционных идей; он был уверен, что империалистическую войну надо превратить в войну гражданскую и что следует бороться за поражение своего правительства. Он отказывался от какой-либо военной помощи собственной стране и не принимал даже умеренно пацифистский лозунг о заключении справедливого мира без аннексий и контрибуций на основе права на-

³ Там же, т. 27, с. 30.

⁴ См.: K. Kautsky. La questione coloniale. Antologia degli scritti sul colonialismo e sull'imperialismo. Milano, 1977, а также: История марксизма, т. 2, с. 453—479 (Ф. Андреуччи. Колониальный вопрос и империализм).

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 121.

ций на самоопределение, выдвинутый центром и частью левого крыла международного социалистического движения.

В ходе войны отношения Ленина с большинством европейской социал-демократии вылились в форму резкой политической борьбы, зачастую с чертами личного характера. Дело в том, что для российских социалистов европейское социалистическое движение, и в особенности немецкая социал-демократия, в течение долгих лет во многом служило примером для подражания; тем сильнее было разочарование Ленина, когда он узнал о политическом курсе, взятом самыми авторитетными вождями социал-демократии в начале войны. Именно ввиду своей ориентации на революцию Ленин не мог отказаться от анализа в международном плане и потому уже в начале войны поставил на повестку дня вопрос об образовании III Интернационала⁶, за чем последовал ряд конкретных шагов. Он постарался распространить документы большевистской партии среди социалистических партий Европы и потратил немало энергии на то, чтобы установить контакты, лично или через своих сторонников, с отдельными представителями или группами левосоциалистических противников войны. Постепенно он включил в эти связи социалистов Италии, Швейцарии, Скандинавии, Германии, Голландии, Франции, Англии, Соединенных Штатов, Болгарии и Польши. В 1915 году он принял активное участие в международной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария), созванной по инициативе итальянских социалистов. На конференции, состоявшейся в начале сентября, победила точка зрения центра, который выступал с лозунгом мира без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение. Левые, объединившиеся в Циммервальде вокруг Ленина, были еще слабы; к тому же позиции большевистского лидера и других левых по некоторым вопросам серьезно расходились. На следующей конференции в Кинтале (Швейцария) в апреле 1916 года циммервальдцы продемонстрировали большую сплоченность, но все же новые интернационалисты были еще очень слабы и недостаточно представительны.

Таким образом, ленинская политика достигла к тому времени лишь частичного успеха. С одной стороны, большевизм выходил за границы России, завязывал новые международные связи и вырабатывал собственную интернационалистскую концепцию, создавая предпосылки для объединения сил мирового социализма, решительных противников войны, а с другой — он все еще оставался слишком изолированным. Обстановка в России и развитых странах Запада не была одинаковой и вызывала разные оценки. На большевизм все еще

⁶ Там же, т. 26, с. 41—42.

клеили ярлык экстремизма и сектантства, тем более что большевики серьезно расходились с основным течением европейской левой (в то время это были преимущественно участники немецкого «Союза Спартака») в идеологических и политических вопросах. И конечно же, думать о признании руководящей роли большевиков в рамках революционного социализма тогда было не время. Для радикального изменения ситуации необходимы были широкомасштабные революционные выступления, которые смогли бы укрепить веру в политику большевиков.

Подобное положение вещей, несомненно, говорило о возможности быстрого революционного развития в Европе, но указывало вместе с тем и на слабость предпосылок для немедленного претворения в жизнь ленинских идей. Сам же творец этих идей был в достаточной степени реалистом, чтобы это понять и учесть. Поэтому он вновь вернулся к вопросу о русской революции как инициаторе этого развития⁷. Уже в 1915 году Ленин отказался от лозунга Соединенных Штатов Европы, осуществление которого он раньше считал предварительным условием победы европейской революции. Он полагал, что можно добиться успеха революции сначала в одной или нескольких странах; при этом он подчеркивал трудности, которые возникают на пути одновременной победы революции в мировом масштабе. «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране... Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свержая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму»⁸.

И вновь в поле его зрения попала коренная дилемма радикальной политики русского социализма — противоречие между отсталостью России и ее стремлением к мировой революции. Поэтому, утверждая, что «социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», при наличии союза между этими двумя классами как необходимого условия для свержения царизма, Ленин теперь подчеркивал, что «задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе». В то же время он отмечал, что, поскольку «революцио-

⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 48—51.

⁸ Там же, т. 26, с. 354—355.

неры-шовинисты» предполагали свергнуть царизм ради «победы над Германией», постольку в случае захвата ими власти большевики выступили бы против них. «Наш лозунг — против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, *против* них и *за* союз международного пролетариата для социалистической революции». А если «партия пролетариата» благодаря революции пришла бы к власти, «мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов». Коль скоро «теперешние правительства» в Германии, так же как во Франции и Англии, не смогли бы принять подобные условия, «мы должны были бы подготовить и вести революционную войну... Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и Европе»⁹. Таким образом, ленинская мысль замыкала логическую цепь, подводя непосредственно к тому, что впоследствии стало основным источником конкретной ленинской политики российской революции.

Идеологические брожения в среде русского социализма во время войны носили гораздо более широкий характер и не ограничивались только Лениным и его деятельностью. Сложный период переживало левое крыло большевиков (к нему среди прочих принадлежали Бухарин и Пятаков), среди которых наблюдалась тенденция свести феномены империализма и войны к их чисто классовой сути. Отсюда у них появились упрощенные взгляды на вопросы государства, политической демократии, на национальную проблематику, на сложность экономических и социальных явлений капитализма, что не раз вызывало полемические нападки на них со стороны Ленина. Со своей стороны те же самые левые обогащали идеологическое наследие большевизма. Они не только поднимали все новые актуальные вопросы, но и способствовали разрешению целого ряда теоретических и политических проблем. Между прочим, стоит, по-видимому, напомнить о том влиянии, которое Бухарин оказал на развитие ленинской мысли по вопросам государства в 1917 году, к чему ниже мы еще вернемся.

В тот же самый период особое значение приобрела деятельность группы левосоциалистического направления под руководством Троцкого (Луначарский, Покровский, Мануильский, Лозовский, Чичерин и др.). Долгое время Троцкий придерживался по вопросу о войне в основном тех взглядов, которые, в сущности, отражали одну из позиций циммервальдской левой, но в вопросе о перспективах русской революции

⁹ Там же, т. 27, с. 49—51.

его точка зрения во многом была близка к точке зрения Ленина.

Перемены идеологического порядка произошли, естественно, и в лагере меньшевиков и эсеров. Как в политике, так и в теории обе эти партии все еще сохраняли немало общего; пестрота мнений варьировалась здесь от «оборончества» до последовательно левых позиций. Большинство меньшевистских лидеров (Мартов, Дан, Аксельрод, Церетели) полагали, что война вызовет подъем революционного движения в Европе и ускорит созревание революции в России. Однако они были осторожны в своих суждениях о характере готовящихся событий и продолжали придерживаться традиционных схем буржуазной революции в России, на которых строилась их политика в предыдущие годы. В отличие от них эсеры если и выработали собственное оригинальное понимание революции, в котором на первый план ставилась гарантия защиты интересов мелких производителей (прежде всего крестьян), то в конкретных политических выводах не слишком далеко ушли от меньшевиков. Придерживаясь этих позиций и еще осторожнее оценивая перспективы революции на Западе (это было характерно для обеих группировок), они точно так же относились и к вопросу о войне, склоняясь к программе умеренных циммервальдцев, то есть выступали за мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение. Короче говоря, они не разделяли ленинскую ориентацию на открытый разрыв с «социал-шовинистами», которые, по их мнению, выражали настроения и чаяния немалой части рабочих и других слоев общества. Тем не менее, хотя их политика и расходилась в указанных вопросах с социалистической ориентацией Ленина, уверенного в том, что уже существуют социальные и политические условия, благоприятствующие революционному взрыву, они не отрицали возможности новой революции в России.

Итак, во время войны российская социалистическая мысль, отражая общий поворот России к новой революции, вновь серьезно пересмотрела свои основные установки. Характерно, что новая концепция была выработана прежде всего социалистической эмиграцией. Внутри же страны движение оставалось теоретически слабым именно потому, что значительная часть его признанных вождей находилась в ссылке или в тюрьмах. Разумеется, в политической практике движение часто обращалось к новым лозунгам, но ему никогда не удавалось в достаточной степени овладеть ни их смыслом, ни их содержанием. Чтобы придать российскому социализму законченный новый облик, заново охарактеризовать его основные тенденции, требовалось ослабить репрессивный режим, добиться более свободных дискуссий и обмена мнениями.

2. Российская революция 1917 года: «Апрельские тезисы»

Революция вспыхнула на первый взгляд неожиданно, на третьем году мировой войны. 23 февраля (8 марта) 1917 года в Петрограде начались бурные выступления народа против голода, демонстрации и стачки рабочих. 27 февраля (12 марта) к рабочему движению присоединились полки петроградского гарнизона. Вскоре революция распространилась и на Москву. Основная же сила царского режима — армия — была занята в военных действиях и, естественно, не смогла вмешаться в события. 2 (15) марта царь отрекся от престола. Судьба монархии была решена.

В результате революции возникли два основных политических центра. Первым была Государственная дума. Вокруг нее объединились политические деятели — представители старых господствующих классов и либеральная интеллигенция. Первоначально они стремились сформировать либеральное правительство в рамках новой конституционной монархии, но отказались от идеи сохранить монархический строй, после того как его падение стало необратимой реальностью. Вторым политическим центром, образовавшимся параллельно с Государственной думой, был Петроградский Совет рабочих депутатов, к которому в скором времени примкнули депутаты от солдат. Столичный Совет возник по инициативе социалистов, прежде всего меньшевиков. По его образцу сформировались и Советы в других городах.

В отличие от организаций имущих классов Петроградский Совет стал центральным органом рабочего движения. К лету 1917 года уже появились общегосударственные органы, избранные Советами, так что эта система организационно стабилизировалась. По инициативе всех тех же социалистических партий наряду с Советами рабочих и солдат образовались Советы крестьянских депутатов, которые также создали систему государственной власти на местах со своими центральными органами. С самого начала Советы приобрели в стране исключительное политическое влияние: центральное правительство могло действовать лишь с их согласия.

В то же время руководство Петроградского Совета не чувствовало себя настолько сильным, чтобы взять всю власть в свои руки; не считало оно правильным и формирование социалистического правительства, поскольку рассматривало революцию как буржуазную. К тому же у него не было опыта в применении власти, навыков административной и государственной работы. Поэтому руководство Петроградского Совета высказалось в пользу компромисса с либеральными политическими деятелями в Государственной думе; поэтому стало возможным создание временного либерального правительства, которое обязалось проводить последовательно де-

мократическую политику. Премьер-министром в этом правительстве стал либерал князь Георгий Евгеньевич Львов, а самой влиятельной политической фигурой — Павел Николаевич Миллюков, лидер партии конституционных демократов (кадетов). Социалистические партии были представлены лишь одним министром — Александром Федоровичем Керенским, принадлежавшим к партии эсеров, а на самом деле — выразителем интересов средних слоев населения и демократически настроенной интеллигенции.

Таким образом, русская революция вызвала более чем оригинальное сочетание социальных и политических сил, которое никак не вменялось в рамки традиционных схем буржуазно-демократической революции. Падение старого режима, который до последнего времени олицетворял все российское общество, породило крайнюю двойственность общественных отношений; на поверхность выплыли недостаточно укрепившиеся и привязанные к современному буржуазному обществу структуры, и все это — среди моря народа, живущего в самых различных условиях, но в общем — в условиях значительной отсталости. Рабочие крупных промышленных городов, низшие слои интеллигенции, мелкие чиновники и служащие — вот кто составлял передовой отряд народного движения, политическое руководство которым почти исключительно осуществляли социалистические партии. Авангард этого народного движения был в значительной степени обескровлен войной. Многие активисты оказались мобилизованными в армию. К тому же промышленность вобрала в себя большое число людей, которые еще не привыкли к городской и фабричной жизни, не освоили ее культуру и мировоззрение. В крупных городах появились военные гарнизоны, состоявшие преимущественно из крестьян, призванных под ружье и уставших от чересчур затянувшейся войны. Вооруженные и организованные крестьяне стали, таким образом, основной силой народного движения в городах, но именно это и привело к тому, что здесь, как никогда раньше, выявилось влияние идей и взглядов, присущих отсталой среде.

Довольно непрочной оказалась и база для проведения современной либеральной и социалистической политики. Но с политической точки зрения социалистические партии в этом плане были в более выгодном положении, потому что их основу составляли Советы. Несравненно более слабые позиции оказались у либералов; их социальная база была весьма ограниченной и даже в перспективе не могла хоть сколько-нибудь существенно расшириться. Серьезная возможность для этого представлялась только при быстром и положительном окончании войны, которое позволило бы либералам получить от своих сторонников широкую и всеобщую поддержку на волне победоносного национализма. В этом случае они смог-

ли бы распустить армию, уже ставшую революционной, и удовлетворить крестьянские требования на землю, изолировав таким путем рабочее движение в городе, чтобы в дальнейшем разгромить его с помощью отборных карательных отрядов. Но осуществить это было не под силу русским либералам; такая политика всецело зависела от положения на фронтах и от поведения других воюющих государств. Фактически в русской революции с самого начала преобладала народная тенденция, которая неотвратимо вела к радикальному исходу.

В этой сложной общественно-политической обстановке в борьбу вступили основные течения российского социализма, политическая линия которых была определена всем предшествующим ходом событий. Изменилась расстановка сил. Если в довоенный период на одном полюсе социалистического движения находились эсеры, а на другом — социал-демократы, то в ходе войны они образовали блок, которому все решительнее противостояли большевики, примирившиеся тем временем со сторонниками Троцкого и с другими группировками социалистической левой. Блок меньшевиков и эсеров добился превосходящего влияния на массы и на Советы, при этом меньшевики доминировали в традиционно рабочих организациях (профсоюзах, кооперативах, различных ассоциациях), а эсеры контролировали крестьянские организации и завоевали широкие симпатии в армии и средних слоях городского населения, превратившись в самую сильную политическую партию России, хотя и весьма пеструю по своему социальному составу.

Меньшевики, влиявшие также на поведение эсеров в Советах, все еще продолжали черпать свои идеи в большей степени из традиционных концепций российской революционной мысли. Исходя из верной предпосылки о том, что Россия — самая отсталая из мировых держав, меньшевики полагали, что всякий социалистический эксперимент на русской почве неминуемо означал бы рискованную авантюру: социалисты не решались образовать правительство из страха, что им придется проводить в жизнь буржуазную программу. Стало быть, руководящая роль в сфере экономики оставалась буржуазии, тем более что она была средоточием всех интеллектуальных сил страны. Политика должна была учитывать эти реальности. Задача социалистов, как считали меньшевики, заключалась в том, чтобы повернуть буржуазное правительство влево и гарантировать широким слоям народа лучшие организационные условия для их политических действий, для завоевания социальных прав. Хотя Советы являлись органами народного движения, они, по мнению меньшевиков, выражали прежде всего интересы городских слоев, но не представляли всех основных слоев населения города, а тем более

страны. Правительство Советов, таким образом, могло быть только правительством организованного меньшинства, и его сформирование вызвало бы кровавую гражданскую войну, которая в свою очередь неизбежно похоронила бы завоевания революции.

Наиболее трудным, с точки зрения меньшевиков и эсеров, был вопрос об отношении к войне. Сознавая, что Россия не может продолжать войну, и отдавая себе отчет в той смертельной опасности, которую эта война представляет для революции, они в то же время понимали, что в данной конкретной ситуации правительства двух противостоявших коалиций ни за что не пойдут на компромиссный мир. Поэтому социалистическим умеренным партиям не оставалось иной альтернативы, как выступать в «защиту революционной России» против немецкой опасности. Стремясь сохранить свой демократический характер в подобной сложной ситуации, Временное правительство публично объявило о своем отказе от империалистических целей в данной войне. Естественно, что в условиях войны такие обязательства ничего не меняли в существе дела. Более того, умеренные социалисты вступали таким образом в противоречие с либералами, а это грозило существованию того либерального правительства, которое умеренные с самого начала считали наиболее приемлемым и эффективным. И еще — эта политика вызывала самую резкую критику со стороны большевиков, с которыми в этом отношении соглашались по ряду вопросов некоторые левые течения и даже те же социалистические организации. Сегодня мы не можем сказать, была ли эта критика целиком и полностью справедливой, но, несомненно, приверженность к концепции буржуазно-демократической революции в ее уже отжившей форме обнаруживала непонимание социалистами реальных революционных событий 1917 года и грозила вызвать в будущем серьезные осложнения. Ее защита перед лицом растущего давления слева привела меньшевиков к частичному отказу от социалистических принципов, в то время как большая часть эсеров оказалась далеко за рамками какой бы то ни было социалистической программы и просто-напросто превратилась в одну из группировок демократического лагеря.

Поначалу даже большевики не смогли приспособиться к особенностям российской революции. И среди них имели немалое влияние идеи и понятия довоенного периода. Вплоть до Февральской революции большевистское руководство, состоявшее из Шляпникова, Молотова и Залуцкого, исходило из опыта 1905 года, механически следуя лозунгу «Временного революционного правительства без либералов», и поначалу недооценивало сам факт образования Советов. Это, конечно,

не способствовало успеху партии, и ее слабость явилась причиной возникшего в ней политического кризиса. Если руководящая группа настаивала на радикальных лозунгах против либерального правительства, большинство Петроградского комитета большевиков склонялось вопреки этому скорее к позиции, которую занимало тогдашнее большинство в Советах. 12 (25) марта в Петроград из ссылки возвратились Каменев, Сталин и Муранов. Сразу после приезда Каменев опубликовал в «Правде» несколько статей без подписи, которые приближались по существу к позиции небольшевистской левой в Петроградском Совете. 18 (31) марта тот же Каменев выступил на собрании большевистского Петроградского комитета с четкой политической платформой, которую он определял так: поражение партии является следствием не ошибочной классовой позиции, а, скорее, того факта, что массы не понимают партию. Считать правительство контрреволюционным означало бы призывать к его свержению. Однако фактом является то, что мы не созрели для диктатуры пролетариата и не сможем удержать власть. Это время придет, но нельзя опережать события, тем более что первыми преемниками власти будут Советы, а влияние большевиков в них незначительно. Против политики правительства надо бороться под лозунгом немедленных мирных переговоров, принуждая его выдвигать конкретные предложения в этом плане, заключал Каменев¹⁰.

Эту позицию в основном разделяли Сталин и Муранов, и она встретила одобрение большей части партии. Ее одобрили также «Правда», Петроградский и Московский комитеты большевиков, само Русское бюро ЦК; она легла в основу решений 1-й Всероссийской конференции партийных работников, состоявшейся в столице в марте — апреле 1917 года. В политике большевиков наблюдалось повторение опыта 1905 года, что выразилось, в частности, в возобновлении переговоров о новом слиянии большевиков и меньшевиков в единую партию, о восстановлении единства российской социал-демократии. Отсюда возник глубокий диссонанс между политической линией большевиков и той концепцией революции, которую разработал в последние годы Ленин. Он пытался повлиять на политику партии из-за границы, но его «Письма из далека» приходили с опозданием, в сокращенной и обуженной форме. Необходимо было его присутствие, чтобы лично утвердить свое мнение.

Обстоятельства возвращения Ленина в Петроград в начале апреля 1917 года занимают особое место в истории российской революции. Вождь большевиков возвратился в стра-

¹⁰ Первый легальный ПК большевиков в 1917 году. М.—Л., 1927, с. 49—51.

ну с твердым намерением убедить партию в правильности его политической линии. Сразу же убедившись в том, что текущая политика абсолютно не соответствует его идеям, он выбрал путь открытого выражения собственного мнения, что неизбежно вело к политическому конфликту. 4 (17) апреля 1917 года, сразу же по возвращении в столицу, он представил свои тезисы «О задачах пролетариата в данной революции», получившие известность как «Апрельские тезисы», сначала на одном из собраний большевиков — делегатов Всероссийского совещания Советов, которое должно было вскоре открыться, а затем — в ходе общего собрания социал-демократов — большевиков и меньшевиков, — которое поначалу имело цель обсудить условия объединения.

С первого же пункта тезисов стало ясно, что мнение Ленина о войне не изменилось. Он заявил, что, несмотря на наличие нового правительства, война оставалась «грабительской, империалистской войной»; были «недопустимы» даже «малейшие уступки революционному оборончеству», а демократический мир был невозможен «без свержения капитала»; поэтому следовало развернуть агитацию и пропаганду в армии. Эти мысли о российской революции Ленин развивал еще с конца 1915 года¹¹. А теперь он полностью отрицал возможность оказания какой бы то ни было поддержки Временному правительству и утверждал: «Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹².

Выступая против традиционного толкования буржуазно-демократической революции, Ленин полемизировал не только с меньшевиками, но и с теми, кого называл «старыми большевиками», которые перенесли на 1917 год свои революционные концепции 1905 года. Вскоре в «Письмах о тактике» он объяснил, что, поскольку в России власть перешла в руки буржуазии, буржуазную революцию можно считать законченной. «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» — основная цель большевиков в 1905 году — хотя и не полностью, но реализовалась в Советах. На повестку дня теперь вставал вопрос о расколе «пролетарских... элементов *внутри* этой диктатуры и элементов... *мелкобуржуазных*»¹³. Эта точка зрения также может считаться логическим следствием заявления, сделанного Лениным в 1915 году, а именно — что большевики выступают против «ре-

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 48—51.

¹² Там же, т. 31, с. 114.

¹³ Там же, т. 31, с. 134.

волюционеров-шовинистов»¹⁴. В этих размышлениях мы уже видим в зародыше отдельные моменты, которые станут центральной темой «Государства и революции», в частности: «С.Р.Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства». Хотя большевики были в меньшинстве в Советах, «систематическое, настойчивое... *разъяснение* ошибок их тактики» могло изменить соотношение сил, «чтобы массы», утверждал он в «Апрельских тезисах», «опытом избавились от своих ошибок». И продолжал: «Не парламентарная республика,— возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»¹⁵.

Теперь это уже не было вопросом смены правительства, речь шла скорее об изменении всего строя до самого основания. Хотя Ленин не осознавал этого целиком (ибо и на нем сказывался дуализм русской революции), он понимал, что новое революционное правительство — и тут мы видим существенную разницу по сравнению с первоначальными концепциями 1905 года — уже не может быть правительством в рамках буржуазно-демократической революции, поскольку должна измениться вся государственная и общественная система. Уже тогда структура Советов соответствовала цели создания правительства пролетариата и беднейшего крестьянства¹⁶.

В тех же «Апрельских тезисах» Ленин перечислил необходимые социально-экономические меры и указал, как их осуществить. Он считал необходимым, чтобы аграрным вопросом занимались Советы батрацких депутатов; он требовал конфискации помещичьей собственности и национализации всей земли, передачи решений по вопросу о земле в руки местных Советов батрацких депутатов и беднейших крестьян, организации образцовых сельских хозяйств. Что касается промышленности и банков, то он рекомендовал немедленное слияние всех банков в единый общенациональный банк под контролем Советов рабочих депутатов и уточнял: «Не „введение“ социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов»¹⁷.

¹⁴ Там же, т. 27, с. 50.

¹⁵ Там же, т. 31, с. 115.

¹⁶ В России того времени Советы в форме, о которой говорил Ленин, существовали не везде. Советы рабочих депутатов в чистом виде тоже были не повсеместно. В городах с военным гарнизоном организовывались Советы рабочих и солдатских депутатов или же Советы рабочих депутатов и Советы солдатских депутатов, которые работали в тесном контакте. Создание Советов крестьянских депутатов началось только во второй половине марта и протекало с большими трудностями. Совсем не было Советов батрацких депутатов.

¹⁷ Там же, т. 31, с. 116.

В то время Ленин настаивал на немедленном созыве съезда партии с целью пересмотра ее программы и изменения названия. Он высказывался за восстановление Интернационала без «социал-шовинистов» и «центристов», против них.

Все высказанное вождем большевиков означало в конечном счете политический и идеологический поворот огромного значения. До сих пор о социалистической революции в мировом социалистическом движении говорилось лишь в общих чертах как о деле далекого будущего. Но ленинская ориентация, выработанная в течение нескольких предыдущих лет, пробила брешь в этих представлениях. Правда, можно было понимать ее и как чисто теоретическую и политическую конструкцию, полезную для достижения ограниченных целей борьбы против военной политики большинства официальных социалистических партий. Однако с апреля 1917 года ситуация радикально изменилась: курс на социалистический государственный переворот должен был теперь стать основой всех выступлений революционного движения в России, конкретной политической реальностью.

И дело было не только в этом: социалистическая революция должна была встать в повестку дня мировых событий благодаря России, отсталой стране, в которой до этого сами большевики видели лишь возможность совершения буржуазно-демократической революции. Таким образом, Ленин перенял ту часть троцкистской концепции «перманентной революции» 1905—1907 годов, согласно которой пролетариат как основная сила буржуазно-демократического переворота не ограничится только целями этого восстания, а обязательно приступит к осуществлению собственной социалистической программы. Кроме того, в соответствии с указаниями 1905 года, которые он дал в своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», Ленин дополнил эту концепцию более гибким отношением к крестьянскому вопросу, который большевикам предстояло разрешить. В общем, теперь менялось в самой своей основе соотношение отдельных частей марксистской теории революции. В этой связи довод о зрелости экономических и социальных условий как предпосылке революции частично терял свое значение по сравнению с предшествующим периодом, и на первый план выступали факторы, определяющие конкретное текущее соотношение политических и социальных сил, которое позволяло социалистической партии осуществить смену правительства и завоевать власть. Революция становилась возможной в большинстве стран мира, причем не только в развитых капиталистических, но также — хотя и в перспективе — и в отсталых странах при условии, что в них уже начиналось или шло достаточно сильное и организованное социалистическое движение, способное повлиять на политическую жизнь.

И все-таки основным здесь был вопрос о том, как в странах, где большая часть общества еще не восприняла социалистическую ориентацию, гарантировать поддержку массами политического переворота. Разрешение этой проблемы, намеченное все в тех же «Апрельских тезисах», надо было искать в теории подъема революционного движения. Ленин рассчитывал, что развитие революции парализует механизм официальной власти и позволит революционной партии действовать достаточно уверенно; в то же время он определенно надеялся на то, что начнется процесс радикализации широких народных масс, который обязательно выявляется в любой победоносной революции. Эта радикализация будет способствовать пролетарской партии в захвате власти, к которому она устремлена. Следовательно, пролетарская партия — и это утверждалось совершенно недвусмысленно — должна была выступать преимущественно не под лозунгом «введения социализма», а, скорее, с призывом к последовательному развитию происходящего переворота. Родилась более общая тактическая концепция, которая впоследствии превратилась в органическую часть и необходимое политическое условие осуществления ленинской теории социалистической революции.

«Апрельские тезисы» означали конец «старого большевизма», ориентировавшего пролетариат только на роль гегемона в буржуазно-демократической революции, и заключали в себе ростки новой идейно-политической концепции мирового коммунистического движения. В то же время они уже тогда выявляли основные слабости последнего. Усилия, направленные на то, чтобы гарантировать себе политическую власть, брали теперь верх над всеми другими целями общественного развития. Открытым оставался лишь вопрос о том, как преодолеть извечную отсталость России и сделать необратимым социалистический характер новой власти. То, что предлагал Ленин, являлось, в сущности, программой установления социалистического режима на несоциалистической социально-экономической основе. Тем самым старая дилемма большевистской политики не разрешалась, а просто отодвигалась на будущее и в действительности обострялась еще более. И получилось, что, когда позднее вождь большевиков попытался придать собственным разработкам интернационалистский, универсальный характер, он перенес эту дилемму и на политику социалистов других стран.

В апреле 1917 года ленинские тезисы были еще политическим проектом, который еще надо было утвердить, а затем и выверить в ходе российской революции. Их обнародование явно контрастировало с обстановкой продолжительного революционного энтузиазма, вызвавшего примирение между «революционными силами». Началось публичное обсуждение тезисов. На автора тезисов, помимо либералов, резко

обрушились многочисленные представители меньшевиков и эсеров. Несогласие наблюдалось также на заводах и в казармах. Серьезные оговорки высказывались и в самой большевистской партии; они повторялись на заседаниях ЦК, на собраниях многих партийных организаций. Каменев открыто выдвинул возражения с позиций «старого большевизма», утверждая, что предложения Ленина могли бы быть отличной программой для первых шагов революции в развитых странах, но не подходили для России, страны, в которой еще не доведена до конца буржуазная революция¹⁸. Однако у «старого большевизма» не было достаточно сильных политических вождей и теоретиков, и вскоре Ленин одержал верх над этой внутренней оппозицией.

Десяти дней было вполне достаточно, чтобы предложения Ленина были приняты большевистской организацией Петрограда, а вскоре и Москвы. А это были основные организации. На Всероссийской партийной конференции, собравшейся 24 апреля (7 мая) 1917 года, большинство делегатов приняло сторону Ленина. Оппозиция старых большевистских руководителей — Каменева, Рыкова, Ногина и других — большого успеха не имела. В своих решениях конференция приняла основные идеи «Апрельских тезисов», хотя нельзя сказать, что победа Ленина была полной. Кое-какие оговорки все еще оставались. Многие деятели большевистской партии более или менее сознательно склонялись на сторону «старого большевизма» и сохранили эти позиции вплоть до Октябрьской революции.

3. Кризис революционного процесса и позиция социалистических партий. «Государство и революция»

Уже в апреле 1917 года выявилась вся глубина и сложность вопросов, поставленных революцией на повестку дня. На первом месте из них была проблема окончания войны. Усталость от войны чувствовалась как на фронте, так и в тылу. Хотя солдаты и охотно воспринимали лозунги о защите России и революции от германской агрессии, они, как правило, отказывались от активных военных действий. На фронте царила обстановка фактического перемирия. Желая избавиться от войны на два фронта, Германия терпела такое положение и предлагала сепаратный мир.

Умеренные социалистические партии России, склонные к мирным переговорам, хотели обратиться к европейскому об-

¹⁸ См.: Л. Каменев. Наши разногласия. — «Правда», 8(21) апреля 1917 года; Л. Каменев. О тезисах Ленина. — «Правда», 12(25) апреля 1917 года.

шественному мнению, чтобы мобилизовать его на заключение «справедливого» мира, но ни в одной из воюющих великих держав в то время не было достаточно мощного народного движения, которое могло бы заставить правительство сделать это. Социалистические партии Европы симпатизировали российской революции и в то же время поддерживали военные инициативы своих правительств; более того, те же партии стран Антанты агитировали в России за укрепление ее фронтов. Но продолжение войны ухудшало и без того драматическую ситуацию в ней, обостряя прежде всего коренные социальные проблемы. Положение, сложившееся в результате свержения царизма, становилось невыносимым. Рабочим удалось вырвать сокращение рабочего дня и добиться изменений в организации труда на производстве в ходе борьбы за увеличение нищенского заработка, но эти завоевания наносили лишний удар по экономике, и без того не способной удовлетворить требования военного времени. Росла дезорганизация, усиливался экономический хаос, уровень предложения уже не соответствовал росту заработной платы, расширялся черный рынок, инфляция мчалась настоящим галопом. Без перспективы окончания войны и перестройки национальной экономики положение представлялось безвыходным.

Либеральные политические деятели и деловые круги предполагали, что удовлетворить социальные требования можно будет укреплением власти и введением законодательства, гарантирующего отношения собственности. В противовес этому народное движение под напором насущных жизненных нужд добивалось решения совершенно иных задач. Трудности социального порядка казались следствием неравного распределения богатств, следствием реального или мнимого «саботажа» предпринимателей, стремившихся задушить революцию голодом, и потому в рабочих массах росло стремление к контролю над производством.

Однако крестьянское движение отставало в своем развитии. Деревня была ослаблена призывами в армию, поглотившими значительную часть мужского населения. Нехватка земли у беднейших слоев населения была исключительно велика, но у крестьян еще сохранялось традиционное уважение к власти. Тем не менее аграрная реформа — извечное требование демократических кругов и российских революционеров — считалась задачей, которую революция должна была провести в первую очередь. Речь шла не только о том, чтобы удовлетворить интересы крестьян, но и в корне ликвидировать старую основу российской жизни. Однако разработка аграрной реформы оказывалась непростым делом: нужно было не только перераспределить огромные площади земли, реформа требовала окончания войны, поскольку нельзя было надеяться, что солдаты останутся безразличными к распре-

делению земель в тылу. Возникла угроза разложения армии. Не менее важным элементом, который следовало учитывать, был сельскохозяйственный производственный цикл: при уже существующих трудностях снабжения нельзя было ставить под удар плоды нового урожая.

После долгих колебаний либеральные политики согласились в принципе с требованием аграрной реформы, но, конечно, не торопились с ее проведением: меры против землевладельцев еще сильнее ослабили бы и без того шаткую основу социального согласия, достигнутого либералами, а к тому же могли создать прецедент для решительного вмешательства в отношения собственности. Умеренные социалисты настаивали на быстрой разработке реформы, однако при этом столкнулись с исключительно сложными проблемами. К тому же, не желая выходить за «рамки буржуазной революции», они не могли в той или иной степени не учитывать отношение либералов к реформе. Поэтому ее проведение затягивалось.

Тем временем начиная с весны 1917 года все настойчивее вставали вопросы, связанные с ростом национальных движений. Судьба Польши, оккупированной Германией, казалось, была уже решена: вряд ли Россия смогла бы помешать восстановлению ее независимости; наряду с этим разворачивались национальные движения в Финляндии и на Украине. Сохранение территориальной целостности России в прежнем виде оказывалось все более проблематичным.

Комплекс этих проблем не мог не вызвать целого ряда политических кризисов. В конце апреля возник правительственный кризис. С этого времени в России уже не могло быть никакого правительства, в котором не участвовали бы непосредственно Советы и социалистические партии. Рушилась сама меньшевистско-эсеровская концепция «буржуазной революции», и обе эти партии впервые оказались перед поставленными в «Апрельских тезисах» большевистскими лозунгами передачи власти Советам. Правительственная власть должна была опираться на реальную власть, а ее представляли прежде всего Советы. Однако меньшевики и эсеры начисто отказались от подобной формулы, подтверждая в основном линию Февраля: революция оставалась буржуазной и передача власти Советам никак не упростила бы ни одной из объективных задач, а, скорее, наоборот, увеличила бы число политических и административных вопросов, в разрешении которых у социалистических партий не было никакого практического опыта. Конечно, обострились бы отношения с командованием армии и с союзниками, а также возросла бы опасность гражданской войны.

Оставался единственный выход — коалиция либеральных политических деятелей и социалистов. Петроградский Совет высказался в пользу участия в правительстве представителей

социалистических партий под его контролем. Двоевластие, характерное для отношений между правительством и Советами, переносилось, таким образом, непосредственно в правительство и становилось основным принципом его формирования.

Социалистические партии отдавали себе отчет в том, что их участие в правительстве увеличило бы в народе надежду на быстрое осуществление социальной программы революции, а также на скорейшее заключение мира. Они попытались пойти навстречу этому, поставив свое вхождение в правительство в зависимость от принятия возможно более радикальной программы. Однако здесь их ожидали слишком серьезные и разнообразные проблемы и чересчур глубокие противоречия, чтобы они могли добиться быстрых успехов.

По основному вопросу — о войне — социалисты предприняли довольно неудачные попытки начать мирные переговоры и убедить партии II Интернационала выступить сообща с этой целью. Под давлением союзников им пришлось согласиться на возобновление военных действий, и в июне 1917 года, нарушив фактическое перемирие, русские войска перешли в наступление, которое сразу же показало, что оно не по силам уже разлагающейся армии. Вскоре русская армия потерпела серьезное поражение, положение на фронтах стало с каждым днем ухудшаться, а фронт начал приближаться к Петрограду.

Тем временем попытки социалистов добиться чего-то в экономической и социальной областях встретили в правительстве резкую оппозицию либералов и вызвали изменения в его составе. Когда в начале июля было решено заключить соглашение с представителями националистического движения Украины о предоставлении ей определенной автономии, все либеральное крыло правительства подало в отставку. В общем, это правительство также развалилось, не достигнув ничего существенного в условиях, когда в стране, и особенно в столице, быстро усиливалась радикализация народных масс. В мае моряки Кронштадта — крепости, защищавшей Петроград с моря, — перестали признавать правительство и потребовали передачи власти Советам. В столичном гарнизоне и среди рабочих все заметнее росло недовольство, и ситуация приобретала взрывоопасный характер.

«Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею», — писал Ленин. И в той же статье «О двоевластии» он указывал на противоречия, препятствующие развитию революции: правительство враждебно народу, но его нельзя свергнуть до тех пор, пока оно опирается на Советы. Поэтому завоевание большинства в Советах

становилось жизненно важной проблемой¹⁹. Большевики предлагали передачу власти Советам и осуществление таким путем основных целей революции, которые предполагали установление мира, передачу национальной экономики под контроль Советов, а земли крестьянам, предоставление нациям права на самоопределение. Именно то, что не принимали меньшевики и эсеры, то есть лозунг власти Советам, и привлекло Ленина, который видел в реализации этой идеи возможность одним ударом исключить все имущие классы из органов государственного управления.

Необходимо отметить, что особенности царизма препятствовали развитию в России в отличие от других европейских стран структурированного гражданского общества. Глубочайшая пропасть между уровнем культуры и жизни привилегированных классов, с одной стороны, и народных масс — с другой, способствовала тому, что государственная власть воспринималась народом как чуждая, враждебная ему сила. Как органы самоуправляющихся организаций, так и представительные органы (последние были в зачаточном состоянии) служили интересам только имущих и образованных классов общества. Поэтому вполне естественно, что после революции организационная деятельность народных масс была направлена не на установление системы представительных органов и самоуправляющихся организаций, а на самоутверждение в какой-то новой форме. Она нашла выход в Советах, в политических партиях и в других организациях, которые группировались вокруг партий. Дуализм российского общества, отражавшийся и в дуализме революции, превращался, таким образом, в еще более широкий дуализм гражданского общества и государственности. Падение либерального правительства и кризис коалиционной политики привели к тому, что на повестку дня встал, помимо вопроса о власти, еще и вопрос об альтернативах, касающихся самой организации государства и общества. Когда в начале апреля 1917 года Ленин сформулировал свои тезисы о переходе от парламентской республики к республике Советов, он с трудом мог отдавать себе отчет во всех сложностях этого положения. Он исходил из политических и теоретических соображений, и надо признать, что его выводы соответствовали реальностям революционного процесса, и это еще рельефнее оттеняло роль силы в образе мыслей и действий большевиков.

Однако, когда в начале июля они попытались воспользоваться кризисом и оказать нажим на меньшевиков и эсеров, чтобы вынудить их согласиться с их предложениями, результат оказался обратным ожидавшемуся. Давление вызвало открытый раскол в Советах: руководство меньшевиков и эсе-

¹⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 145—148.

ров, которые всегда были там в большинстве, решило освободиться от большевистских тисков, поддержав действия правительства в его попытках задушить агитацию, которую вели большевики и другие леворадикальные группы. В Петроград были вызваны верные правительству войска, преимущественно казаки. Начались репрессии и аресты. Против Ленина и Зиновьева, обвиненных в сотрудничестве с немцами, было начато судебное дело, и обоим пришлось уйти в подполье, выехав за пределы столицы. Каменев и Троцкий, который именно в эти дни окончательно перешел на сторону большевиков, были брошены в тюрьму.

Меньшевики и эсеры в составе руководства Советов решили преодолеть кризис с помощью сильного правительства во главе с Керенским, который до этого был военным министром и пользовался большой популярностью. Однако с изменением соотношения сил и в условиях, когда Советы были ослаблены слева, в Петрограде, занятом новыми воинскими частями, эти Советы не могли стать основой такого правительства. Поэтому, хотя в новый кабинет и вошли многие министры-социалисты, это правительство сразу же повернуло вправо с целью добиться независимости от Советов. Пока наблюдался спад народного движения и пока правые не решались на прямое наступление, у правительства сохранялась видимость силы, по крайней мере в столице.

И все-таки, если политика меньшевиков и эсеров, преследовавшая цель — продолжение «буржуазной революции», потерпела серьезное поражение, то несостоятельной оказалась и тактика, которую большевики пытались применить после возвращения Ленина в Россию. Ленин, хотя и вынужден был скрываться (Временное правительство выдало ордер на его арест), поставил этот вопрос в центр дискуссии на IV съезде РСДРП(б) *, который состоялся в июле — августе 1917 года. Но особенно глубоко он пересмотрел свои позиции в этом плане при написании «Государства и революции», труда, к которому приступил в последние месяцы швейцарской эмиграции, когда начал комментировать произведения Маркса и Энгельса по вопросам государства. Изложенные в этой книге мысли можно считать последовательным развитием идей «Апрельских тезисов», однако прежде всего это была попытка теоретического отражения революционного опыта России с целью открыть новые перспективы в политике большевиков.

Основная идея этого труда построена на принципе, что революция не может сводиться исключительно к проблеме завоевания политической власти в государстве. Не только правительство, но и государство в целом — его армия, полиция,

* В оригинале опечатка — говорится о VI съезде РСДРП(б). — *Прим. ред.*

бюрократия — являются орудиями классового господства. Освобождение угнетенного класса невозможно без разрушения всего государственного аппарата, созданного господствующим классом. «Вопрос об отношении социалистической революции пролетариата к государству приобретает, таким образом, не только практически-политическое значение, но и самое злободневное значение как вопрос о разъяснении массам того, что они должны будут делать, для своего освобождения от ига капитала, в ближайшем будущем»²⁰.

Ленин также решительно отбрасывает тезис, согласно которому государство якобы играет важную роль в национальном и социальном планах в качестве орудия компромисса между различными общественными силами и их интересами. Ленин атакует, в частности, те концепции, по которым развитие демократии будто бы открывает новые возможности для изменения характера государства, а демократическая парламентская республика становится-де той формой государства, в которой пролетариат сможет утвердить свою власть. В действительности, указывает Ленин, любое государство есть орудие эксплуатации угнетенных классов. «В настоящее время империализм и господство банков «развили» оба эти способа отстаивать и проводить в жизнь всевластие богатства в каких угодно демократических республиках до необыкновенного искусства... Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма...»²¹.

Даже всеобщее избирательное право «в теперешнем государстве» не способно «действительно выявить волю большинства трудящихся и закрепить проведение ее в жизнь»²². Демократическая республика действительно дает рабочим кое-какие преимущества, но она всегда будет «демократией для меньшинства», так что свобода «капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев»²³. Более того, империализм, как «эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм»²⁴, небывало усиливает военно-бюрократический аппарат, ужесточает репрессии против пролетариата даже в самых демократических республиках.

Характеристика государства и его деятельности оказывалась предельно упрощенной и отражающей прежде всего лицо русского самодержавия. Великие социальные бит-

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 4.

²¹ Там же, с. 13, 14.

²² Там же, с. 14.

²³ Там же, с. 87.

²⁴ Там же, с. 33.

вы рабочих, которые с середины XIX века способствовали изменению устройства и функций государственного аппарата во многих европейских странах, теряли в этой интерпретации свое существенное историческое значение. Однако в ленинской концепции революции эти его выводы оказывались вполне закономерными; они дополняли представление о содержании и целях европейской и мировой революции, а в России служили оправданием Советов как основы нового государственного аппарата.

Ленин утверждал, что ядро марксизма — это вопрос о диктатуре пролетариата, «т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс»²⁵. Однако следует напомнить, что, хотя большевики и добились нового революционного подъема, в чем им немало помогли условия абсолютистского государства, они все же находились под сильным влиянием демократической традиции российского освободительного движения. Большевицкая программа 1917 года была проникнута открыто выраженным демократизмом²⁶, и основу их тактики до этого составляла борьба за завоевание большинства в Советах. Поэтому Ленин не мог представлять себе диктатуру пролетариата просто как государство, основанное на насилии; он отмечал в ней процесс «превращения количества в качество»: в ней демократия реализуется столь последовательно и полно, что государство — «особая сила для подавления определенного класса» — превращается в «нечто такое, что уже не есть собственно государство»²⁷. Регулярная армия, полиция, бюрократия будут упразднены, но, естественно, в дальнейшем общество не сможет обойтись без администрации и иерархии, однако появится такой строй, при котором все эти задачи будут максимально упрощены и постепенно «отпадут, как *особые* функции особого слоя людей»²⁸. Останутся «представительные учреждения» и «выборность», но не будет парламентаризма как системы, «как разделения труда законодательного и исполнительного»; органы нового государства будут носить рабочий характер²⁹. Примером такого государства была Парижская Коммуна 1871 года; подобное государство должно быть «государством Советов»³⁰.

Ленинская трактовка создавала образ будущего пролетарского государства, основанного на преимущественно прямой демократии общества при переходе от социализма к коммунизму. В этом снова проявилась недостаточная полнота

²⁵ Там же, с. 26.

²⁶ Там же, с. 135 и далее.

²⁷ Там же, с. 42.

²⁸ Там же, с. 50.

²⁹ Там же, с. 46, 48.

³⁰ Там же, с. 56 и 97.

анализа реального положения дел, который Ленин подменил теоретической спекуляцией. Влияние «Государства и революции» на дальнейшее политическое и идеологическое развитие коммунистического движения нельзя объяснить только конкретным содержанием этой работы или ее теоретическим уровнем. Прежде всего этот труд был результатом ориентации, уже намеченной в «Апрельских тезисах», и в то же время мотивировал и подтверждал необходимость и неизбежность насильственного социального переворота как предпосылки перехода к социализму.

Это значение ленинского труда особо четко проявляется во временном контексте. До него социалистическая мысль, не обращавшаяся в течение долгих лет довольно мирного развития к перспективе прямого насильственного переворота, делала ставку на политическую демократию и рассматривала демократическую республику как форму государственного строя, способствующую переходу к социализму. Подобные соображения, вытекавшие из последних работ и писем Энгельса, поначалу не были чужды и самому Ленину. По крайней мере в какой-то части он защищал их во время войны и в ходе полемики с «левым коммунизмом» Бухарина и Пятакова. Однако в 1917 году положение радикально изменилось: в России начиналось построение демократического государственного аппарата, и было очевидно, что при существующем соотношении социальных сил большевики не смогут контролировать эту систему демократическими методами; ее становление и укрепление могло серьезно ограничить и даже свести на нет их политическое влияние. Кроме того, в стране с такой социально-экономической структурой, как Россия, власть социалистов не могла быть обеспечена средствами демократии, поскольку в этом случае сама власть не сумела бы завоевать себе достаточно широкой и стабильной социальной базы. Два направления — одно, имеющее целью немедленный политический социалистический переворот, и второе, стремящееся к сохранению и использованию институтов и средств политической демократии, — взаимно исключали друг друга.

Естественно, это было характерно не только для одной России. Если в этой стране более, чем в других, социалисты убеждались в невозможности завоевать и сохранить государственную власть в условиях парламентской демократической республики, то в других, в том числе и развитых странах с сильным и многочисленным рабочим классом определенное соотношение общественно-политических сил ясно указывало, что радикальные социалистические группы и их партии не смогут завоевать политическую власть на основе всеобщего избирательного права. И коль скоро мы хотим правильно понять причины глубокого и длительного влияния

«Государства и революции» на все последующее идеологическое развитие коммунистического движения, мы должны сделать вывод, что это объясняется, в частности, тем, что Ленин нанес сокрушительный удар по традиционной социалистической концепции политической демократии, доказав, что без ликвидации демократического парламентского строя быстрый политический социалистический переворот был бы невозможен.

На фоне этой основной реальности остальные части ленинского труда, в которых развивается идея государства «типа Парижской Коммуны», имеют второстепенное значение. Они были обусловлены идеологической традицией социалистического марксистского движения и в качестве общей мотивировки системы «прямой демократии» определенным образом способствовали диверсификации идеологических течений последующих лет, но оказались иллюзорными в самой практике большевиков. Поскольку не сложились условия для становления традиционных институтов политической демократии, то вряд ли могли появиться и возможности для утверждения «прямой демократии».

Книга «Государство и революция», написанная в августе — сентябре 1917 года, была издана только в 1918 году, то есть стала доступной общественности лишь после Октябрьской революции и победы большевиков. Ее концепция оказалась плодотворной в том смысле, что получила широкое распространение и встретила живой отклик. Впрочем, наряду с государственной практикой большевиков она стала предметом длительной и острой полемики в международных социалистических кругах. Эта полемика с особой силой разгорелась в первые годы после Октябрьской революции. В той или иной мере в ней приняли участие представители различных течений и оттенков социалистической мысли: Люксембург и Троцкий, Каутский и Мартов, Бухарин и другие. В общем, противники большевиков доказывали, что государственная власть при социализме может выполнять определенную социальную функцию и сохранять свой социалистический характер лишь при условии ее организации на демократической основе. Некоторые (и среди них Каутский) защищали идею парламентской демократической республики как самой выгодной формы организации государственной власти при социализме и считали, что Советы не способны стать основой государственного механизма. Они утверждали, что у Советов есть совершенно конкретное социальное содержание, обусловленное их базой в обществе, и потому они неизбежно ведут к исключению широких слоев населения из участия в государственных делах. На это Ленин и другие большевики отвечали ссылкой на то, что любая государственная власть имеет определенное социальное содержание. Так, парламент-

ская демократическая республика оставалась для них просто формой «диктатуры буржуазии». По более существенным вопросам дискуссии, например «диктатуре пролетариата» как типе государства и о соотношении между ним и политической демократией, их ответы были в основном уклончивыми. Правда, в единственном добавлении ко второму изданию (конец 1918 года) отмечалось: «Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»³¹.

Как правило, во всех ответах в пример приводился советский строй, подчеркивался новый общественный характер власти и оправдывалась необходимость «временных» ограничений демократии. Фактически же замалчивалась истинная проблема власти большевиков. При ней были не только ликвидированы старые формы представительной демократии, но и задушена демократия внутри Советов и в самой правящей партии. Таким образом, кончилось тем, что «диктатура пролетариата» как концепция разбилась о политическую диктатуру как форму организации государственной власти.

4. Октябрьская революция: победа большевиков и ее итоги

Новый резкий скачок в развитии революции произошел поздней осенью 1917 года. Правые сделали попытку установить диктатуру генерала Корнилова, начальника генерального штаба армии*, для окончательного разгрома и левых и Советов. Однако положение правых было очень шатким: они могли использовать армию только при условии, что та не будет знать о целях своих действий. Корниловский мятеж был подавлен в течение нескольких дней. Неудача путчистов привела к радикальным изменениям в соотношении сил. Правые потеряли важнейшую опору в лице части высшего офицерства. Либералы оказались в политической изоляции, вне правительства. В народе снова начался мощный подъем радикализма, и Советы вновь стали решающим фактором политической обстановки. В этот период в них сильно возросло влияние большевиков, которые завоевали большинство в Петрограде и в Москве, получили поддержку в Кронштадте и в воинских частях, находившихся в Финляндии, а также признание у большей части действующей армии.

³¹ Там же, с. 35.

* Генерал Л. Г. Корнилов был в то время верховным главнокомандующим вооруженными силами России. — *Прим. ред.*

В то время как формирование очередного правительства опять-таки во главе с Керенским показывало слабость умеренных социалистов и их неспособность к твердому выбору, большевики начали обнаруживать новые для себя возможности, вызванные растущим недовольством среди левых групп меньшевиков и эсеров. В середине сентября Ленин предложил этим партиям, «нашим ближайшим противникам», «компромисс» по двум следующим пунктам: «вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков»³². Троцкий присоединился к предложению Ленина, и эта точка зрения завоевала большинство в руководящих органах большевиков. План большевиков состоял в том, чтобы добиться изменения в составе Советов в свою пользу по мере того, как созывались губернские Советы, которые должны были закончиться очередным Всероссийским съездом. Центральные органы Советов, хотя в них и преобладали меньшевики и эсеры, уступили давлению большевиков; было решено, что Всероссийский съезд состоится во второй половине октября.

Однако вскоре положение в большевистском руководстве осложнилось, поскольку возникло довольно сильное правое крыло — Зиновьев, Каменев, Рыков, Милютин, Ногин, Рязанов и другие, вернувшиеся на позиции, которых партия придерживалась до возвращения Ленина в Россию; эти люди утверждали, что страна еще не созрела для новой революции. Опасность подобной ориентации и боязнь упустить благоприятный случай в обстановке благоприятного соотношения сил заставили Ленина резко повернуть влево. В конце сентября он направил в ЦК большевиков два письма: «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание»³³.

Предложения, заключавшиеся в этих письмах, имели исключительное значение. Вопрос был не только в том, когда именно большевики должны взять власть. II Всероссийский съезд Советов должен был собраться 20 октября (2 ноября) в Петрограде; затем он был перенесен на 25 октября (7 ноября). Взять власть до начала этого съезда, естественно, значило бы вызвать сомнения относительно роли Советов. Но Ленина устраивало именно это. Впрочем, он сам высказался на этот счет довольно ясно. В своих письмах он не указал, что «власть должны взять Советы», а поставил эту задачу перед партией. Причина была предельно ясной: власть Советов в условиях того времени отнюдь не была равноценна «неограниченной власти» большевиков; она означала власть всех основных партий, представленных в Советах, и, стало быть, власть меньшевиков и эсеров.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 134.

³³ См. там же, т. 34, с. 239—241 и 242—247.

В партии началась внутренняя борьба. Хотя большинство большевистского ЦК с Троцким в первых рядах постепенно отходило от правых, однако оно не слишком желало соглашаться с аргументами Ленина, продолжая считать, что восстание большевиков без благословения съезда Советов не встретит необходимой поддержки в стране. Ленин твердо выступил против правых, а заодно и против большинства в ЦК. Последнее, не желая продолжать и углублять конфликт с Лениным, решило искать компромисс и попросило Ленина выйти из подполья и возвратиться в Петроград. 10 (23) октября 1917 года ЦК партии (это было первое заседание, в котором после долгого перерыва участвовал Ленин) решил, что «политически дело совершенно созрело для перехода власти» и что встал вопрос о восстании; поэтому вся деятельность партии должна быть организована «для начала решительных действий»³⁴. Считается, что резолюция, принятая на этом заседании, сыграла решающую роль в победе ленинского курса. Однако на самом деле все было намного сложнее. Ленину удалось довольно четко отделить точку зрения большинства ЦК от точки зрения правого крыла большевиков. Правые составили оппозицию, а частично даже вышли из партии, еще более обострив внутривпартийную обстановку. На страницах большевистской печати началась полемика. Но большинство принудило остальных прекратить внутреннюю борьбу и обратило все внимание на предстоящий съезд Советов. К этому времени политическая обстановка фактически уже стабилизировалась: на губернских съездах в вопросе о переходе власти к Советам побеждала позиция большевиков, и до II Всероссийского съезда Советов оставалось совсем немного времени. Становилось ясно, что на нем большевики будут представлены большинством делегатов. Теперь уже любое большевистское восстание в подобных обстоятельствах можно было бы отождествить с ростом авторитета Советов. Ничто не могло изменить положения дел, созданного политикой вновь сложившегося большинства в большевистском ЦК. Да и умеренные социалисты не решались противопоставить себя предстоящему съезду Советов, с которыми они еще были прочно связаны; умеренные выступили против каких-либо действий вооруженных сил против большевиков, поскольку это могло превратиться в открытую контрреволюцию. Защищать правительство в подобных условиях было практически невозможно.

24 октября (6 ноября), накануне открытия съезда Советов, большевики начали занимать в Петрограде стратегические пункты, правительственные учреждения и общественные здания. Их действия не встретили сильного сопротивления,

³⁴ Там же, т. 34, с. 391—392.

если не считать Зимнего дворца — резиденции Временного правительства. Правительственные войска сопротивлялись слабо и нерешительно. В ночь с 25 на 26 октября (7—8 ноября) Зимний дворец был взят штурмом, большинство министров было арестовано. Власть в столице оказалась в руках Советов, а через их посредство — у большевиков.

Во второй половине дня 25 октября (7 ноября) начал работу II Всероссийский съезд Советов. В момент открытия съезда произошли резкие столкновения с меньшевиками и эсерами, но на пленарном заседании верх одержали большевики. Было образовано правительство во главе с Лениным, которое тут же приняло декреты о земле и мире, завоевав таким образом прочную политическую базу в стране и подняв широкую волну народной революции, которая вылилась в экспроприацию помещичьих землевладений и другой крупной собственности, захват и национализацию банков, фабрик и предприятий, в окончательный распад старой армии. Предпринятые сразу после свержения Временного правительства попытки организовать вооруженное сопротивление революции оказались с самого начала безуспешными.

С переходом власти к Советам встал вопрос о формировании такого правительства, в которое вошли бы и представители других советских партий — меньшевиков и эсеров. В то время как правое крыло большевиков лелеяло надежду, что эти партии также войдут в правительство, умеренные социалисты решили отложить решение до созыва Учредительного собрания. По мере того как внутри большевистской партии вновь разгоралась борьба, политика меньшевиков и эсеров практически способствовала победе Ленина и Троцкого, которые в принципе отвергали коалицию с умеренными социалистами и сплотили вокруг себя преобладающую часть большевистского руководства. Таким образом, был определен и будущий характер Советской власти, которая развивалась не так, как это было намечено в ленинском «Государстве и революции», то есть не по линии становления демократического строя в государстве рабочих и других трудящихся масс, а по линии власти большевистской партии, осуществляемой через Советы. Положение дел не изменилось даже тогда, когда большевики вошли в коалицию с левыми эсерами, которая стояла у власти в стране до июня 1918 года.

Октябрьская революция победила. Победа поставила большевиков в центр внимания всего мира. Авторитет ленинской концепции революции и большевистской практики, до этого мало кому известных, начал быстро расти, охватывая все большую часть социалистического международного движения именно потому, что революция увенчалась успехом. Победа Октябрьской революции стала причиной того, что из-

начальные мысли, возникшие в 1917 году, были потоплены в океане различных интерпретаций, дополнительных теоретических объяснений и мотивировок, выработанных апостериори. Нередко авторами этих добавлений являлись сами ведущие участники событий — Ленин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Сталин. Многим из этих объяснений и интерпретаций нельзя отказать в определенной достоверности, теоретической и политической значимости, однако в истории социалистической мысли они принадлежат не самой революции, а, скорее, последующему периоду.

Основной вклад социалистической мысли в революцию 1917 года, и особенно вклад большевиков, связывался со сферой политической теории и тактики. Большевики стремились мотивировать возможности, необходимость и способы осуществления социалистического политического переворота. Как уже говорилось, вклад большевистской мысли в революцию 1917 года стал возможным только благодаря деформации предшествующей марксистской концепции социалистической революции, деформации, в которой политический момент превалировал над соображениями экономического и социального порядка. Ленин и другие большевистские руководители это понимали, хотя и не в равной степени. Именно поэтому они старались защитить собственную концепцию ссылками на неминуемость революции в развитых странах, что поначалу как будто подтверждалось международными событиями и революциями в Центральной Европе, вспыхнувшими в конце мировой войны, осенью 1918 года.

Большевики, оказавшись сразу после захвата власти перед дилеммой, которая всегда была свойственна их концепции и обуславливалась незрелостью предпосылок для социализма в России, настаивали на справедливости всей ленинской теории, утверждая, что после победы в России революция охватит и другие страны. Они полагали, что неудачные попытки осуществить социалистическую революцию на Западе были лишь временным явлением; революция там развивалась медленнее, чем ожидалось, вынуждена была преодолевать «предательство» традиционных социалистических партий, слабость и неопытность коммунистического движения. Торопя события, коммунисты не отказывались от того, чтобы искусственно вызвать революцию и прорвать тем самым международную изоляцию, в которой оказалась российская революция, ослабить серьезную угрозу гражданской войны и иностранной интервенции, опасность которой миновала лишь осенью 1920 года. Хотя Ленин подходил к конкретным международным проблемам довольно осторожно, тем не менее его политика породила концепцию революционного процесса, которая зачастую противоречила объективному развитию событий и поэтому была лишена продолжительного дей-

ствия. Все это не могло не отразиться серьезно на теоретической мысли коммунистического движения.

Как бы то ни было, но самые серьезные проблемы движения были непосредственно связаны с Россией. Победа Октябрьской революции позволяла в течение определенного времени удовлетворять многие радикальные требования народа. Но вместе с административным и бюрократическим аппаратом оказались сломанными также экономические, социальные и культурные отношения. Начался резкий регресс в жизни общества, что еще более обострило многочисленные противоречия. Во многих случаях стало невозможно защищать права и свободы, которые провозгласил Октябрь. Социальная основа большевистской власти сильно сузилась, в особенности после того, как правительство, стремясь каким-то образом организовать снабжение городов и только что созданной Красной Армии, начало в деревне наступление против середняков и зажиточных крестьян. Разлад в народе дал возможность контрреволюции поднять голову, и два года Россия вела жестокую и кровопролитную гражданскую войну. Первоначальная внутривластная концепция российской революции, выработанная большевиками в 1917 году, не смогла быть реализована. Усилия, предпринятые для перехода от замысла к его осуществлению в области социалистической экономики и социальной политики, вызвали обострение и без того напряженной обстановки и привели к введению неэффективной системы так называемого военного коммунизма. Расхождения между идеологической и теоретической сторонами этой концепции, с одной стороны, и реальным положением дел — с другой, то есть то, что и раньше было присуще внешнеполитическому аспекту российской революции, отличали теперь и внутреннюю политику большевиков.

Ленинская концепция революции все больше проявляла себя как понятие со всеми основными признаками бунтарского мышления. Подкрепить ее знанием и анализом многих значительных явлений того времени было невозможно, а в практическом смысле она сводилась преимущественно к мотивировке борьбы за политическую власть. Успех этой концепции в России можно объяснить последствиями первой мировой войны, социальными и политическими тенденциями, свойственными только революционному процессу в России 1917 года. Сила ленинских идей того времени заключалась в оправдании революционного выступления, в ориентации на осуществление политического переворота, и это должно было обеспечить им мощный и длительный резонанс. Однако комплексный анализ реальных экономических, социальных, политических и культурных отношений, а также перспектив их дальнейшего развития продолжал быть их слабой стороной.

Монти Джонстон

ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ

Победа российской революции в октябре 1917 года впервые привела к созданию государства под руководством марксистов. Стратег и вождь первой крупной социалистической революции в мире, руководитель большевистской партии и международного коммунистического движения, Ленин занимает в истории марксизма место, уступающее только Марксу. Его считают, «возможно, самым великим революционером всех времен»¹. Влияние Ленина на мировую историю превратило его в величайшего человека нашего столетия. Ленинская революционная практика тесно связана с творческим и оригинальным применением марксизма к эпохе, существенно отличавшейся от той, в которой Маркс и Энгельс выработали свою теорию. Теоретические труды и практическая деятельность Ленина в самых различных областях вызывают нескончаемые дискуссии. Особенно острый и широкий характер носят они в том, что касается форм и демократических установлений Советского Союза, созданного под его руководством. Этому вопросу мы и уделим особое внимание.

1. Первые годы

Уже в 1894 году, с момента публикации своей первой книги «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов», содержавшей полемику против народников, Ленин² стал известен как серьезный марксист-мысли-

¹ *E. H. Carr. La rivoluzione bolscevica (1917—1923). Torino, 1964, p. 26.*

² Владимир Ильич Ульянов, который взял себе псевдоним Ленин, родился в Симбирске (теперь Ульяновск), небольшом городе на Волге, 22 апреля 1870 года. Сын губернского инспектора учебных заведений, он получил классическое образование, а затем поступил на юридический факультет Казанского университета, откуда был исключен в декабре 1887 года как один из организаторов студенческого выступления. За несколько месяцев до этого старший брат Ленина Александр был повешен за попытку покушения на царя, организованную небольшой группой, которая

тель. В этой книге он утверждал, что российская социалистическая интеллигенция должна посвятить себя теоретической деятельности, основанной «на детальном и подробном изучении русской истории и действительности», которое «будет удовлетворять научным требованиям». Без этой теоретической подготовки социалисты не могли стать идеологическими вождями пролетариата. В то же время: «на I-ое место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, что... теоретическая работа дает только ответы на те запросы, которые предъявляет практика»³. Теоретическая работа Ленина в течение всей его жизни станет ответом на политические и организационные вопросы текущего момента, причем свои теоретические выводы он будет проверять, а при необходимости пересматривать и исправлять в свете накопленного им практического опыта или в зависимости от складывающейся обстановки. Он «не видел в теории Маркса... чего-нибудь большего... чем объяснение такой-то общественно-экономической формации»⁴. Четыре года спустя он напишет: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»⁵.

В работе «Развитие капитализма в России», которую Ленин закончил в Сибири в 1899 году, он сам показал блестящий пример этой «самостоятельной разработки» теории

называла себя «Террористической фракцией» партии «Народная воля». В 1888—1889 годах Ленин приступил к изучению «Капитала» и вскоре стал участником марксистских кружков. В 1890—1891 годах он заочно учился на юридическом факультете, который закончил в 1891 году. Переехав в Петербург в 1893 году, он, уже будучи социал-демократом, руководил деятельностью рабочих кружков и занимался агитацией среди рабочих. В 1895 году он выехал за границу и в Женеве впервые встретился с Плехановым, Верой Засулич и Аксельродом. В Берлине познакомился с Вильгельмом Либкнехтом. Был арестован и посажен в тюрьму в декабре 1895 года, а затем сослан в Сибирь. В феврале 1900 года Ленин вернулся из ссылки и вскоре эмигрировал. Вместе с Плехановым основал социал-демократическую газету «Искра», первый номер которой вышел в Лейпциге 24 декабря 1900 года. С тех пор — за исключением периода первой русской революции (1905—1907) — вплоть до своего возвращения после Февральской революции 1917 года вел революционную работу из-за границы.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 307, 308 (примечание).

⁴ Там же, с. 195.

⁵ Там же, т. 4, с. 184.

Маркса. Речь шла о применении метода, предложенного Марксом в «Капитале» и основанного на сборе исчерпывающей информации и анализе форм и масштабов развития капитализма в России, и о влиянии последнего на социальное расслоение в деревне. Он не только решительно опровергал тезис народников, согласно которому Россия могла обойтись без капиталистического опыта (этому опровержению, собственно, и была прежде всего посвящена вся книга), но и, показывая неустойчивость русской буржуазии, закладывал основы последующей стратегии в вопросах классовой гегемонии и классовых союзов.

2. Партия как авангард

С самого основания плехановской группы «Освобождение труда» в 1883 году перед русскими марксистами открылась перспектива создания политической партии. Официальное образование Российской социал-демократической рабочей партии в ходе узкого заседания в Минске в 1898 году в отсутствие Ленина (он был в сибирской ссылке) достигло этой цели лишь формально. В конце 1899 года Ленин, выражая общее мнение основного течения русского марксизма, писал по поводу работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883): «...русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы... Задача социал-демократии — развивать политическое сознание масс, а не тащиться в хвосте политически бесправной массы»⁶.

Через год после ее основания «Искра» превратилась в главное орудие борьбы за организацию партии, вдохновляемой этим призывом и противостоящей «экономистам», которые толкали социал-демократов не на политическую борьбу с царизмом, а лишь на участие в экономической борьбе трудящихся.

Отдавая дань борьбе искровцев против этой тенденции и в преддверии II съезда партии Ленин написал книгу «Что делать?» (1902), вызвав ею широкую и серьезную дискуссию во II Интернационале, причем не только среди русских марксистов. Многие (в том числе и Плеханов) выступили против этой книги, усмотрев в ней начало того «централизма» и «бонапартизма», в котором обычно упрекают Ленина. Несомненно, «Что делать?» имеет основополагающее значение для понимания конструктивной идеи партии как «авангар-

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 312, 315—316.

да», ставшей определяющим фактором Октябрьской революции и всей революционной деятельности Ленина. Однако было бы неверно видеть в этом труде вершину ленинской теории партии: так же, как и другие работы Ленина, она была прежде всего плодом обстоятельств и конкретной полемики. Через пять лет при переиздании этой книги в сборнике вместе с другими своими трудами Ленин предупреждал читателей, что «основная ошибка», которую допускают люди, состоит в том, что они «совершенно вырывают» это произведение «из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии». Задача тогда заключалась в том, чтобы полемически исправить «экономизм»; поэтому «рассматривать... содержание [«Что делать?】 вне этой задачи брошюры неправильно»⁷.

В центральном тезисе «Что делать?» Ленин с одобрением приводит слова Каутского о том, что «социалистическое сознание... есть нечто извне внесенное... в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно... из нее возникшее»⁸. Впрочем, и сам Ленин утверждает, что «своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское»⁹. Однако он уточняет, что это не значит, будто «рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма... А чтобы рабочим *чаще удавалось это*, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще»¹⁰. В одном из постраничных комментариев Ленин диалектически отмечает: «Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему»¹¹.

То, что партия должна быть организацией кадровых работников, «должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью»¹², и заявить о невозможности для себя принять демократические структуры, было прямым следствием условий текущего момента. В 1905 году, пользуясь благодаря революции «временным просветом свободы» от гнета самодержавия после революции, Ленин посвятил себя массовой вербовке кадров среди промышленных рабочих и созданию «открытой организации, с выборной системой, с представительством на съез-

⁷ Там же, т. 16, с. 101, 107.

⁸ Там же, т. 6, с. 39.

⁹ Там же, с. 30.

¹⁰ Там же, с. 39 (примечание).

¹¹ Там же, с. 41 (примечание).

¹² Там же, с. 124.

дах по числу организованных членов партии»¹³. Действительно, в то время и впоследствии внутри партии разворачивались многочисленные дискуссии, в ходе которых сам Ленин неоднократно оказывался в меньшинстве.

В дальнейшем расхождении между Лениным и Мартовым на II съезде (1903) в вопросах определения критериев членства в Уставе партии отражали разницу между более твердой и жесткой централизацией партии, на чем настаивали большевики, и более эластичной концепцией меньшевиков, которую Ленин считал результатом тенденции «смешивать... партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом»¹⁴. Вместе с последующими расхождениями по поводу перспектив, выбора целей и политической тактики эти дискуссии после многих лет острой борьбы и расколов привели в 1912 году к окончательному разрыву между большевиками и меньшевиками. Ленин считал, что для ведения действительно революционной работы партия должна освободиться от «оппортунистических» элементов. Мысленно возвращаясь к тяжелому времени подавления революции 1905 года, меньшевистский лидер Дан — возможно, несколько преувеличивая — так вспоминал впоследствии разницу между методами меньшевиков и большевиков: «В то время как большевистская секция партии превращалась в боевую фалангу, спаянную железной дисциплиной и единой руководящей волей, меньшевики все более скатывались к приблизительности и организационному безразличию»¹⁵.

Именно в это время большевистские кадры создавали себе прочную базу на фабриках и заводах, где они развернули свою работу в период войны, и поэтому после Февральской революции смогли перейти к стачечной борьбе, быстро заменив меньшевиков в роли массовой партии рабочего класса.

3. Революционные перспективы

В течение всего периода, предшествовавшего Февральской революции, Ленин и большевики ставили своей целью завоевание гегемонии рабочего класса в союзе с крестьянством, что должно было привести буржуазно-демократическую революцию к свержению царизма. Начиная с 1905 года Ленин утверждал, что эта революция установит революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства на основе союза рабочего класса (как руководящей силы) с массой крестьян и мелкой городской буржуазии, в результа-

¹³ Там же, т. 16, с. 102.

¹⁴ Там же, т. 8, с. 244.

¹⁵ J. Martov, *Th. Dan*. Geschichte der russischen Sozialdemokratie. Berlin, 1926, S. 235.

те чего будет сформировано революционное правительство. «Временное революционное правительство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства»¹⁶, — писал он. В своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин указывал далее, что предполагаемые политические и экономические реформы в условиях демократии «впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма» в России. Он настаивал на том, что «*реакционна* мысль искать спасения рабочему классу в чем бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма»¹⁷. Таким образом, он отвергал концепцию «перманентной революции» Парвуса и Троцкого, которые стремились сразу заменить царизм неким рабочим правительством.

В 1914 году, в начале мировой войны, Ленин считал, что международное значение борьбы за революцию в России еще более усилилось из-за предательства большого числа лидеров II Интернационала в других странах. Он признавал, что на империалистическом этапе своего развития (анализ которого был вскоре сделан им в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», 1916 год) капитализм представляет собой всеобщую систему, национальные перспективы которой надлежит анализировать именно в международном масштабе. Войне, развязанной капитализмом, можно было положить конец только путем свержения самого капитализма («превратить империалистическую войну в войну гражданскую»). Считая, что «содержанием революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», Ленин призывал «довести [ее] до конца... *дабы* разжечь социалистическую революцию в Европе»¹⁸.

Именно это острейшее ощущение международной обстановки и повлекло за собой изменения в традиционной позиции большевистской партии, которую Ленин сумел заставить — не без труда — пересмотреть свои концепции после свержения царизма. Вместо столь желанного ранее периода капиталистического развития целью большевиков стало то, что по самой своей природе могло перерасти в социалистическую революцию и тем самым избавить Россию от империалистической войны. «Не будь войны, — писал Ленин в 1917 году, — Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов. При войне это объективно невозможно: либо гибель, либо революция против капиталистов»¹⁹.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, с. 30.

¹⁷ Там же, т. 11, с. 35, 37.

¹⁸ Там же, т. 27, с. 49.

¹⁹ Там же, т. 32, с. 31.

С апреля по октябрь 1917 года стратегической задачей Ленина было установление в стране Советской республики силами сочувствующего революции большинства под руководством большевиков. Вплоть до июля он считал, что Советы могут достичь этого мирным путем, укрепляя собственную власть, которая позволит свергнуть Временное правительство и таким образом положить конец «двоевластию». В конце сентября он пришел к выводу, что «большинство народа за нас»²⁰, видя в то же время, как возникают «несомненные признаки великого перелома, признаки *кануна революции* в мировом масштабе»²¹. Поэтому он выступил в ЦК против Зиновьева и Каменева, которые полагали необходимым дожидаться близившихся выборов в Учредительное собрание. По его мнению, история никогда не простила бы большевикам, если бы они не взяли власть «теперь»²².

В этих обстоятельствах 7 ноября под руководством большевиков была захвачена власть, которая в тот же вечер была передана II Всероссийскому съезду Советов. Тут же было одобрено и образование Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным. В истории России и мира начиналась новая эра, на которую практическая и теоретическая деятельность Ленина оказала определяющее влияние.

4. Государство. Какого типа?

Это может показаться парадоксальным, но Ленин — создатель политической системы первого в мире социалистического государства — уделял до 1917 года очень мало внимания вопросам власти в послекапиталистическом обществе. Объяснение этому следует искать не только в его антиутопическом отношении к проблеме, свойственном, впрочем, Марксу и Энгельсу, которые не любили «строить домыслы» о будущем. Необходимо также учесть, что до 1914 года его деятельность была, как мы уже говорили, в основном направлена на развитие в России скорее буржуазно-демократической, чем социалистической революции. Хотя в своей программе 1903 года РСДРП и поставила диктатуру пролетариата в качестве долгосрочной цели, однако о структуре государства, которую она вызовет к жизни, при этом ничего не говорилось. Согласно Ленину, подобные проблемы были актуальны прежде всего для таких партий, как Германская социал-демократическая партия, для которых, по его мнению, социализм был непосредственно следующим этапом разви-

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 239.

²¹ Там же, с. 275.

²² Там же, с. 241.

тия. В основном Ленин придерживался точки зрения Каутского, которого ценил до 1914 года как крупнейшего теоретика-марксиста II Интернационала; даже после разрыва с ним из-за «примиренческой» позиции Каутского по отношению к войне Ленин продолжал высоко отзываться о его первых трудах, таких, как «Путь к власти» (1909)²³. В августе 1915 года Ленин писал: «Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму»²⁴.

В следующем году, полемизируя с Бухариным по вопросу о государстве, Ленин заметил: «Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, *тоже* государством, является диктатура пролетариата».

Анархисты хотят «отменить» государство, «взорвать» («sprengen») его, как выражается в одном месте т. Nota-Bene, ошибочно приписывая этот взгляд социалистам»²⁵.

Во всяком случае, разногласия с Бухариным побудили Ленина заняться изучением всего комплекса проблем, связанных с марксизмом и государством. Он взялся за это со свойственной ему скрупулезностью. С осени 1916 года и до начала 1917 года он заполнил целую тетрадь выдержками по вопросу о государстве фактически из всех известных тогда сочинений Маркса и Энгельса, а также Каутского, Паннекука и Бернштейна, снабдив их собственными комментариями²⁶. Это известная «синяя тетрадь», которую Ленин летом 1917 года взял с собой туда, где скрывался от угрозы ареста Временным правительством. Она составила потом основу его книги «Государство и революция». В новой фазе революции, которая, как он считал, началась с объявлением войны, он вновь открыл для себя или по-новому осмыслил замечания Маркса и Энгельса о необходимости сломать, разбить, даже разрушить («sprengen») буржуазную государственную машину. Это указание, отмечал он, *замалчивают* систематически и оппортунисты и каутскианцы!!!»²⁷.

В этом свете Парижская Коммуна приобретала совсем иной характер, *«была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совер-*

²³ Там же, т. 27, с. 95—98.

²⁴ Там же, т. 26, с. 355.

²⁵ Там же, т. 30, с. 227—228.

²⁶ Там же, т. 33, с. 121—340.

²⁷ Там же, с. 139.

шиться экономическое освобождение труда». Ленин несколько раз отчеркнул эту цитату из «Гражданской войны во Франции» Маркса и написал на полях: «NB.: Коммуна = „наконец, открытая политическая форма”»²⁸. Так же подчеркнуты и обозначены «NB» слова Маркса о попытке Коммуны «не перенести готовое в другие руки, а разбить» (военно-бюрократическую машину); на них Ленин ссылался уже в предисловии к изданным в 1907 году письмам Маркса к Кугельману. Но в то время он, во всяком случае, еще не придавал им особого значения²⁹. До 1917 года в печати на этот счет не появлялось никаких его высказываний. В 1917 году в «Государстве и революции» Ленин заявил, что «в этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается кратко выраженный главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству»³⁰. Ссылки Ленина на Коммуну относились непосредственно к тем политическим проблемам, которые стояли тогда на повестке дня. Так, в 1905 году он утверждал, что «реальной задачей, которую пришлось выполнять Коммуне, было прежде всего осуществление демократической, а не социалистической диктатуры»; тем самым он пытался связать положение Маркса с большевистской концепцией революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства³¹. В тот период он считал необходимым, чтобы этой задачей занимались только что появившиеся Советы, и указывал, что «Совет рабочих депутатов не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей»³². Когда же в 1915 году он называл Советы «органами восстания, органами революционного управления», то он определенно мыслил их как революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.

«Синяя тетрадь» Ленина, или «Марксизм и государство», написанная в декабре 1916—феврале 1917 года, являлась совершенно новым и оригинальным отправным пунктом в программе большевиков, поскольку связывала Советы (о них Ленин впервые упомянул на лекции в Цюрихе в 1905 году) непосредственно с Коммуной, рассматривая ее как «„позитивную силу” пролетарской и социалистической республики». В своем комментарии к «Гражданской войне во Франции» Маркса он писал: «Можно, пожалуй, кратко, драстически, выразить все дело так: замена старой («готовой») государст-

²⁸ Там же, с. 223.

²⁹ См. там же, т. 14, с. 376.

³⁰ Там же, т. 33, с. 38.

³¹ См. там же, т. 11, с. 132.

³² Там же, т. 12, с. 130.

венной машины и парламентов *Советами рабочих депутатов* и их доверенными лицами. В этом суть!!»³³ Здесь Ленин впервые открыто противопоставил Советы как организационную форму рабочего государства парламентам (это слово он многократно подчеркивает).

Как бы по счастливому совпадению всего через несколько недель вслед за этой теоретической «революцией» началось стихийное утверждение Советов как органов власти, еще более мощное и широкое, чем в 1905 году. В своих «Письмах из далека», написанных в Цюрихе в марте 1917 года, Ленин призывал к превращению Советов в органы революционного правительства. «Это теоретическое положение, выведенное из опыта Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, должно быть пояснено и конкретнее развито на основе практических указаний именно данного этапа именно данной революции в России»³⁴.

Пролетариат должен был: «организовать и вооружить все беднейшие, эксплуатируемые части населения, чтобы они сами взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, *сами составили* учреждения этой власти»³⁵. Возвратившись через месяц в Россию, Ленин придал особое значение этой концепции в своих «Апрельских тезисах»: «Не парламентарная республика,— возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»³⁶.

В последующие месяцы Ленин неоднократно выступал в пользу «особого типа *государства*», которое он отождествлял с существующими Советами, а «по типу, по социально-политическому характеру, с государством Коммуны»³⁷.

Перед лицом оппозиции со стороны Каменева и других «старых большевиков» он заявил о своей глубокой убежденности в том, что «Советы... скорее и лучше проведут самостоятельность *массы* народа в жизнь», и в скором времени обещал «подробнее» заняться сравнением «обоих типов государства»³⁸. Тот факт, что Ленин, занятый лихорадочной революционной деятельностью, не осуществил этого аналитически обоснованного сравнения ни в 1917 году, ни впоследствии, породило серьезный пробел в этой области. Последующие его замечания по этой проблеме сводятся лишь к общему отождествлению парламентской республики с господством буржуазии и с государственным буржуазным аппаратом, в ко-

³³ Там же, т. 33, с. 231.

³⁴ Там же, т. 31, с. 39.

³⁵ Там же, с. 40.

³⁶ Там же, с. 115.

³⁷ Там же, с. 142.

³⁸ Там же, с. 143.

тором «остаётся неприкосновенной вся машина угнетения: армия, полиция, чиновничество», а следовательно, «парламентарная буржуазная республика стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь *масс*, их непосредственное участие в *демократическом* строительстве всей государственной жизни снизу доверху. Обратное — Советы рабочих и солдатских депутатов»³⁹. Если парламентская республика, писал Ленин, ограничивается «демократическими *выборами*, правом посылать в парламент людей, которые — по меткому и глубоко верному замечанию Маркса — народ *представляют* и народ *подавляют*», то Советы как государственная власть — это «именно учреждения такой демократии, которая устраняет старые органы угнетения, которая вступает на путь всенародной милиции»⁴⁰.

Ленин теперь отказывался рассматривать третью альтернативу, которую сам принимал в конце предыдущего года, то есть демократическую республику с представительными парламентскими институтами, в которой, по утверждению Энгельса, «победивший пролетариат должен заново переделывать [umformen] старый бюрократический административно-централизованный государственный аппарат»⁴¹. Отсюда альтернатива Советов, сформулированная Лениным как «*высший* тип демократического государства»⁴², получала еще более узкую эмпирическую основу. А между тем он заявлял: «Этот идеал не только вошел в нашу программу, не только занял свое место в истории рабочего движения Запада, именно в опыте Парижской Коммуны, не только оценен, подчеркнут, разъяснен, рекомендован Марксом, — но и практически применялся уже рабочими России в 1905 и 1917 годах»⁴³.

Это было уже слишком. Опыт Коммуны насчитывал всего лишь 72 дня, и, как ретроспективно комментировал Маркс, это было «восстание только одного города в исключительных условиях»⁴⁴. В «Гражданской войне во Франции» Маркс поставил своей задачей реабилитировать Коммуну перед лицом враждебного капиталистического мира. Позднее Энгельс объяснял Бернштейну, что в «„Гражданской войне“» бессознательные тенденции Коммуны поставлены ей в заслугу как более или менее сознательные планы»⁴⁵. Более того, в последующие годы Маркс никогда не высказывался в пользу образования государственных институтов по типу Коммуны вместо парламентских. Он даже подчеркивал тот факт, что «надо

³⁹ Там же, т. 31, с. 163.

⁴⁰ Там же, с. 287—288, 289.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 70.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 162.

⁴³ Там же, с. 288—289.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 132.

⁴⁵ Там же, т. 36, с. 70.

считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран»⁴⁶. В наброске «Введение» к программе французской рабочей партии он показывал возможность превратить всеобщее избирательное право «из орудия обмана... в орудие освобождения»⁴⁷. Наконец, ни короткий опыт Советов 1905 года, когда они «были только, так сказать, утробным зародышем, ибо просуществовали всего несколько недель»⁴⁸, ни опыт 1917 года в условиях двоевластия не могли показать их превосходства в качестве органов государственной власти.

Ленинский тезис соединял воедино два различных вопроса: реальную и важную роль, которую сыграли Советы (их революционный потенциал Ленин чувствовал сильнее, чем кто бы то ни было) в 1905 году и особенно в 1917 году в качестве органов народной борьбы и местной инициативы, а также их пригодность в качестве альтернативы парламентам как национальным представительным формам. Хотя, с одной стороны, Ленин был прав, подчеркивая важность демократических элементов прямой демократии, обусловленных тесной связью местных Советов с массами, однако, с другой — ничто не указывает на то, будто он уже выработал новую форму косвенных выборов от местных Советов в высшие, которая потом была развита и внесена в Конституцию 1918 года. Наоборот, в апреле 1917 года он говорил о Республике Советов «рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов, объединенных Всероссийским Учредительным собранием народных представителей или Советом советов»⁴⁹.

Ленин написал «Государство и революцию» в августе — сентябре 1917 года, когда скрывался от полиции, но уже за много месяцев до этого он говорил о ее основных положениях. Подзаголовок «Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» к этому труду означал «*восстановление истинного учения Маркса о государстве*» и опровержение «извращений» Каутского⁵⁰, а также распространение в массах идеи государства-коммуны, или государства Советов, за которое теперь выступали большевики. Более чем какой-либо другой труд Ленина, эта книга многократно переиздавалась и переводилась. Влияние ее было огромно.

Немалая часть «Государства и революции» состоит из высказываний Маркса и Энгельса, собранных Лениным в его «синей тетради». Это довольно односторонне интерпретированные отрывки из их основных произведений, которые Ле-

⁴⁶ Там же, т. 18, с. 154.

⁴⁷ Там же, т. 19, с. 246.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 305.

⁴⁹ Там же, т. 31, с. 162.

⁵⁰ Там же, т. 33, с. 6, 8.

нин мог найти в то время⁵¹. Например, идея о разрушении капиталистического государства и его замене государством-коммуной представлена как суть концепции Маркса и Энгельса о государстве и революции, однако в книге нет никаких ссылок на такое произведение, как «Введение» 1895 года Энгельса к «Классовой борьбе во Франции», в котором предлагалась совсем иная перспектива. Цитируя определение Энгельсом демократической республики — «специфическая форма для диктатуры пролетариата», — Ленин пояснял, что «демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата»⁵², что явно не одно и то же. О гипотезе Маркса, согласно которой революция в Англии могла бы произойти без разрушения государственной машины, Ленин говорил, что она уже не действительна вследствие развития милитаризма и бюрократии⁵³.

Книга «Государство и революция» проникнута глубоко демократическим и антибюрократическим духом, столь характерным для работы Маркса «Гражданская война во Франции», из которой Ленин во многом черпал свое вдохновение. Основная идея — это участие рабочих масс в управлении государством особого типа; это «полугосударство»⁵⁴, «устроенное... так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать»⁵⁵. Ленин уточнял: «При переходе от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство... И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов)»⁵⁶.

Ленин также утверждал: «Мы... сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «над-

⁵¹ В книге не рассматривается, например, работа «К критике гегелевской философии права», в которой Маркс самым обстоятельным образом разбирает вопросы государства и бюрократии, а также «Немецкая идеология». Оба эти труда были изданы лишь после смерти Ленина.

⁵² Там же, т. 33, с. 70—71.

⁵³ Там же, т. 31, с. 17—18.

⁵⁴ Там же, т. 33, с. 18.

⁵⁵ Там же, с. 24.

⁵⁶ Там же, с. 90—91.

смотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней)... Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка... когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут как *особые* функции особого слоя людей»⁵⁷.

Что же касается национального единства, то оно, по Ленину, могло быть сохранено в форме «добровольного централизма», добровольного «объединения коммун в нацию», добровольного «слияния пролетарских коммун»⁵⁸.

В целом книга держится исключительно на уровне общих понятий; к тому же следует помнить, что последняя глава об опыте русской революции 1905 года и февраля 1917 года так и не была написана, поскольку автору пришлось взять на себя все руководство Октябрьской революцией. Его огромная вера в административные способности рабочего класса, который на практике, однако, не обладал в этой области никакими навыками, была чересчур оптимистична (и вскоре это подтвердилось) и даже противоречила реалистическому признанию «разницы в степени сознательности и в степени активности» рабочей среды, что в ленинской концепции партии являлось определяющим моментом.

Помимо двух замечаний по ходу книги, там есть лишь одно место, где Ленин пишет о партии: «Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей собственной жизни без буржуазии и против буржуазии»⁵⁹.

В русском оригинале не совсем ясно, говорится ли здесь о пролетариате, который сам «способен взять власть», или же только его партии как авангарде; однако в статье «Удержат ли большевики государственную власть?»⁶⁰, написанной в тот же период, Ленин не оставляет места сомнениям: оба эти понятия дополняют друг друга. Серьезнейшая проблема отношений между партией и Советами в процессе управления в книге вообще не рассматривается.

Отсутствие в книге систематического анализа роли партии в социалистическом государстве объясняется тем, что Ленин не предлагал единственной теории партии, подходящей к любой ситуации, но разрабатывал различные модели на ос-

⁵⁷ Там же, с. 49—50.

⁵⁸ Там же, с. 53.

⁵⁹ Там же, с. 26.

⁶⁰ Там же, т. 34, с. 287—339.

новании эмпирических наблюдений в разные моменты. Не располагая опытом развития постреволюционного общества, из которого можно было бы извлечь общие выводы, Ленин придерживался тех положений «Гражданской войны во Франции», которые относились к проблемам партии. Лишь после двух или трех лет существования Советской власти Ленин смог дать свою общую установку, основанную на этом опыте. Как мы увидим, она резко отличалась от теории непосредственного классового господства, предложенной в «Государстве и революции».

5. Партии и власть после Октября

Ленин считал, что новый строй, установленный Октябрьской революцией, составляет суть диктатуры пролетариата⁶¹, которая, как он писал, «есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма»⁶².

Хотя Ленин давал диктатуре пролетариата множество различных определений, подчеркивая то ее твердость, то более «мягкие» стороны, в зависимости от обстоятельств, он никогда не говорил о ней как об однопартийной системе. Наоборот, в декабре 1917 года, перед выборами в Советы, Ленин подготовил декрет, предусматривающий пропорциональную систему выборов, основанную «на признании партийности и на осуществлении выборов организованными партиями»⁶³. А спустя месяц он открыто защищал превосходство своей системы, поскольку «она дает возможность трудящимся, если они не довольны своей партией, переизбрать своих делегатов, передать власть другой партии и переменить правительство без малейшей революции»⁶⁴.

В той же мере и его идея о свободе печати предполагала многопартийную систему в условиях, когда запасы бумаги и общественные типографии передаются в распоряжение политических партий и других организаций общественного характера⁶⁵.

⁶¹ В первый период Советской власти она определялась как «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства».

⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 377.

⁶³ Там же, т. 35, с. 106.

⁶⁴ Там же, с. 307.

⁶⁵ См. там же, т. 34, с. 212—213; т. 35, с. 51—52.

Однако Ленин делал четкое различие в вопросе о свободе для других партий и о возможности разделять с ними власть. По его мнению, большевистская партия «как партия большинства на Втором Всероссийском съезде Советов» имеет право и обязана «перед народом составить правительство»⁶⁶. Опора правительства на крестьянство была расширена в период с ноября 1917 по март 1918 года, когда в правительство были включены левые эсеры, которые получили портфели народных комиссаров земледелия, юстиции и почт и телеграфа. Левые эсеры присоединились к революции, отойдя заблаговременно от правых и сумев получить большинство на двух Всероссийских съездах крестьянских депутатов в ноябре и декабре 1917 года.

Сразу после выборов в Учредительное собрание перед Лениным впервые встала проблема проверки демократических обещаний, которые дало его правительство. Накануне восстания он писал, что «при власти в руках Советов Учредительное собрание *обеспечено*, и его успех обеспечен... Такой „комбинированный тип“ все признавали»⁶⁷. Выборы прошли по всем правилам в первые же недели Советской власти. Эсеры — особенно сильные в деревне — утвердились как самая многочисленная партия, в то время как большевики, имевшие большинство голосов в крупных городах, оказались на втором месте, получив четверть всех голосов⁶⁸. Эсеры оспорили действительность выборов: списки их кандидатов были составлены еще до раскола, и при проверке бюллетеней выяснилось, что большая часть эсеровских депутатов, среди которых были многие старейшие деятели партии, оказалась среди правых. Согласно Ленину, «Учредительное собрание, выбранное по спискам, составленным до Октябрьской революции, явилось выражением старого соотношения политических сил»⁶⁹.

После отказа Учредительного собрания признать Советскую власть и ее основные декреты большевики и левые эсеры договорились о его роспуске. Ленин критиковал «ошибку, в которую впадают немногие из верхов большевизма», рассматривающие проблему «с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны»⁷⁰. По его мнению, самым важным было то, что Советы, как «всемирные революционные организации, стали несравненно выше всех парламентов всего мира»; этот факт он подчеркивал «еще

⁶⁶ Там же, т. 35, с. 73.

⁶⁷ Там же, т. 34, с. 403.

⁶⁸ Там же, т. 40, с. 1—24 (здесь Ленин анализирует результаты выборов).

⁶⁹ Там же, т. 35, с. 235.

⁷⁰ Там же, с. 166.

в апреле месяце»⁷¹. Сосуществование большевистского правительства, основанного и опирающегося на Советскую власть, с Учредительным собранием, в большинстве своем антибольшевистским, не могло, конечно, развиваться удовлетворительным образом. Кто-то должен был уступить, и в этом вопросе Ленин был непреклонен: «Ни за что на свете Советской власти не отдадим!»⁷² За пять лет политической жизни, которые ему оставались, Ленин ни разу не усомнился в значении этого выбора, несмотря на ситуации, несравненно более сложные и непредвиденные, с которыми ему пришлось столкнуться как руководителю Советского государства.

Роспуск Учредительного собрания вызвал протест членов «Союза Спартака» в Германии, где с осуждением выступила Роза Люксембург⁷³. Тем не менее Ленин не встретил больших трудностей в России, где политические традиции были совсем иными, а кампания «в защиту Учредительного собрания», поднятая правыми эсерами, особого успеха не имела. Многопартийная система, разработанная Лениным, продолжала действовать и в последующие шесть месяцев, позволив большевикам, эсерам и меньшевикам не только свободно обсуждать политический выбор внутри Советов, но и проводить свои собрания и печатать газеты, в которых в обстановке полной легальности высказывалась резкая критика в адрес правительства. Однако 9 ноября 1917 года были объявлены «особые переходные меры» против буржуазных газет, обвиненных в пособничестве мятежу. Месяц спустя многие руководители партии кадетов, наиболее значительной политической организации буржуазии, были временно арестованы на основании декрета от 11 декабря 1917 года, по которому они обвинялись в связях с белогвардейским мятежом на юге. Однако декрет не запрещал деятельности партии, которая продолжала выпускать большую часть своих газет вплоть до августа 1918 года.

Начало широкой вооруженной интервенции и гражданской войны весной — летом 1918 года коренным образом изменило положение дел. Не только кадеты, но также правое крыло эсеров и многие меньшевики (несмотря на несогласие их ЦК) поддерживали силы, ведущие войну с Советским государством, и принимали участие в многочисленных заговорах и антисоветских мятежах. Сознывая непрочность положения Советской Республики в этот момент, ВЦИК решил в июле 1918 года исключить представителей правых эсеров и меньшевиков, которые все еще входили в его состав, и призвал

⁷¹ Там же, с. 240.

⁷² Там же, с. 242.

⁷³ См.: *R. Luxemburg. La rivoluzione russa.* — In: „Scritti politici“, a cura di L. Basso. Roma, 1967, p. 582 sgg.

Советы следовать его примеру. Но и на этот раз обе партии не были запрещены, а свое решение ВЦИК впоследствии отменил.

В марте 1918 года левые эсеры вышли из правительства в знак протеста против Брест-Литовского мирного договора с немцами, который благодаря реалистической аргументации Ленина был в конце концов одобрен большинством большевистского руководства. На V съезде Советов в июле 1918 года 352 делегата левых эсеров (большевиков было 773) были признаны Лениным законной оппозицией, с которой следовало начать дискуссию. Но, потерпев поражение при голосовании на съезде, они покинули съезд и предприняли вооруженные выступления против правительства в Москве и других городах страны, а их ЦК организовал убийство германского посла в надежде вновь спровоцировать войну. Подобные действия неизбежно должны были вызвать репрессивные меры против этой партии. Все ее представители, имевшие отношение к этому убийству и мятежам, были изгнаны из Советов, а многочисленные ее руководители приговорены к различным срокам (до трех лет) заключения, хотя спустя какое-то время многие из них были амнистированы. И все-таки партия не была запрещена и в октябре смогла провести в Москве свой IV (и последний) съезд. Июльская авантюра вызвала массовый выход из партии ее членов и, несомненно, способствовала спаду ее влияния среди крестьян. Однако можно считать, что резкое снижение числа крестьянских представителей с 30,3% делегатов на V съезде Советов в июле до 0,6% (всего четыре делегата) на VI съезде в ноябре явилось в не меньшей мере и следствием репрессий, которым подверглась партия в этот крайне напряженный период. Это был переломный момент, последствия которого для всего характера советской демократии еще не оценены в достаточной степени. Прочие партии могли бы просуществовать еще несколько лет, но они имели возможность послать все меньшее число своих представителей на съезды Советов, которые теперь становились ежегодными. Реальная возможность конституционной смены партии у власти, о чем Ленин говорил в начале года, была исключена. Непосредственным результатом вышесказанного не могло не быть обеднение политической жизни и дискуссий, которые до того времени были столь характерны для съездов Советов.

Разумеется, Ленин полностью отдавал себе отчет в происходящем и старался позволить другим партиям высказывать собственное мнение, пусть даже и критическое, но при условии, что они откажутся от каких бы то ни было попыток ликвидировать Советское государство вооруженным путем. Ноябрьский декрет 1919 года призывал руководителей партий, не избранных делегатами на съезд Советов, принять

участие в работе съезда с правом совещательного голоса и выступления, а также с правом вносить резолюции, противоречащие линии правительства⁷⁴. На съездах Советов в 1919—1920 годах Ленин вступал в деловую дискуссию с такими меньшевистскими и эсеровскими лидерами, как Мартов и Дан, одновременно защищаясь от товарищей по партии, которые были решительно против того, чтобы предоставлять столько прав политическим противникам, коих они уже считали своими врагами. Окончательно эти партии были распущены после кронштадтского мятежа, который они поддерживали. Хотя их формально и не поставили вне закона, газеты обеих партий были закрыты, многие самые активные члены арестованы, а наиболее известным было разрешено покинуть пределы страны.

Можно предположить, что Ленин, как и раньше, считал эти меры временными. И действительно, в 1922 году в плане незаконченной статьи под названием «Заметки публициста» он еще раз возвращается к вопросу легализации меньшевиков⁷⁵. В то же время Ленин отлично сознавал, что, хотя гражданская война и окончилась победой, в экономическом отношении страна находилась на самом низком уровне упадка, расстройств, дезорганизации, которые вызывали недовольство и отчаяние во всех слоях населения. Он вовсе не хотел предоставлять свободу партиям, поднимавшим мятежи и восстания, последствия которых даже сами партии были не в состоянии контролировать. Если, с одной стороны, репрессии были необходимы для выживания Советского государства, то, с другой — было ясно, что они тяжелейшим образом усилят авторитарные и бюрократические тенденции в стране, причем, возможно, даже в большей степени, чем сам Ленин мог предположить.

По его мнению, единственным способом возродить демократию в голодной, опустошенной, находящейся в состоянии хаоса России было привести в действие какой-то экономический механизм, и он с особой тщательностью и ответственностью решил добиться успеха в новой экономической политике, которая была принята взамен «военного коммунизма», и обеспечить принцип эффективного личного руководства на производстве вместо первоначальных «беспомощных, стихийных и случайных» мер рабочего контроля⁷⁶. Идя на экономические уступки частной собственности в промышленности и торговле, он подчеркивал важность более строгого политического контроля, опасаясь, что это вынужденное отступление может превратиться в поражение. Он указывал: «Мы в

⁷⁴ «Собрание узаконений» № 557. Москва, 1919, с. 597.

⁷⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 420.

⁷⁶ Там же, т. 38, с. 140.

гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых»⁷⁷.

Хотя Ленин и надеялся на то, что удастся избежать методов Французской революции после Октября, который свершился почти без кровопролития⁷⁸, он, не колеблясь, одобрял красный террор, начавшийся с сентября 1918 года в ответ на антибольшевистский террор. К концу гражданской войны он стал принимать меры к тому, чтобы ограничить полномочия ЧК и утвердить положения, которые позволили бы «провести > серьезные умягчения» в ее деятельности⁷⁹. Тем не менее и в 1922 году он еще так верил в необходимость террора, что написал народному комиссару юстиции Д. И. Курскому письмо, в котором предложил ему разные варианты дополнительной статьи уголовного кодекса, среди которых была поправка (не принятая), угрожавшая смертной казнью за пропаганду и агитацию, направленную на поддержку «международной буржуазии». «Суд должен не устранить террор,— писал Ленин,—...а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире»⁸⁰.

Годы жестокой борьбы за выживание, которая была немыслима без террора, отложились на воззрениях Ленина подобными крайностями, чреватými явно опасными последствиями.

В октябре — ноябре 1918 года во время работы над книгой «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин придерживался установок «Государства и революции», защищая превосходство Советской власти, которая «дала невиданное в мире развитие и расширение демократии», не знающее прецедентов, поскольку оно «*привлекает* массы, именно *эксплуатируемые* массы к управлению» государством⁸¹. Он опроверг претенциозные заявления Каутского о том, что «класс... может только господствовать, но не управлять...». Управляют же «организации» или «партии»⁸². «Такой вздор,— заметил Ленин,— мог сказать только „парламентский кретин“»⁸³. Первый период Советской власти с его народной инициативой и участием масс в жизни страны уже подходил к концу, и горький опыт должен был заставить Ленина пересмотреть свои позиции. В марте 1919 года с присущей ему честностью он отмечал исключительно низкий культурный уровень масс, который определял обста-

⁷⁷ Там же, т. 45, с. 90.

⁷⁸ См. там же, т. 35, с. 62—64.

⁷⁹ Там же, т. 44, с. 261.

⁸⁰ Там же, т. 45, с. 189, 190.

⁸¹ Там же, т. 37, с. 256.

⁸² К. Kautsky. La dittatura del proletariato (cit.), p. 245.

⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 250.

новку, отличавшуюся тем, что «Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы»⁸⁴.

Год спустя, противопоставляя коллективному руководству со стороны рабочего класса принцип личной ответственности, Ленин мог уточнить, что «господство рабочего класса» остается только «в конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело»⁸⁵. Если «мы» в «Государстве и революции» относилось ко всем трудящимся, то теперь оно охватывало лишь партию и ее руководящие органы, действовавшие «в интересах трудящегося народа», который в случае недовольства уже не имел возможности выбрать другое руководство. Весной 1920 года в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин наконец сформулировал отношения между партией и Советами: «Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков... Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии»⁸⁶.

В конце 1920 года в речи на съезде профсоюзов Ленин выразил этот отход от положений книги «Государство и революция» еще более четко: «Диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя. Ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществить только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса... Нельзя осуществлять диктатуру без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся»⁸⁷.

По случаю X съезда партии в марте 1921 года Ленин заявлял: «Мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию»⁸⁸. В общем выводе о международном положении содержалось четкое ука-

⁸⁴ Там же, т. 38, с. 170.

⁸⁵ Там же, т. 40, с. 222.

⁸⁶ Там же, т. 41, с. 30, 31.

⁸⁷ Там же, т. 42, с. 204, 205.

⁸⁸ Там же, т. 43, с. 42.

зание на ситуацию в России, где, как признал Ленин, «наш пролетариат в большей части своей деклассирован»⁸⁹. Учитывая это весьма опасное положение, съезд решил еще больше усилить партийную дисциплину и запретить любые фракционные группировки и платформы, хотя и постановил периодически выпускать дискуссионный бюллетень и организовывать специальные обсуждения спорных вопросов.

Примечательно, что именно в момент, когда считалось необходимым «прикрыть» вне- и внутрипартийную оппозицию, Ленин защищал полезность определенного плюрализма, способного вызвать инициативу в народе и противостоять, по его мнению, все более усиливающимся бюрократическим опасностям в стране. Такие опасности стали особенно очевидными в ходе дискуссии о профсоюзах, которая открылась перед X съездом партии и продолжалась в ходе его. Ленин выступил против идеи Троцкого об «огосударствлении профсоюзов», хотя в 1918—1919 годах он сам считал это «неизбежным»⁹⁰. Теперь же он обвинил Троцкого в том, что он подошел к вопросу «как *администратор*»⁹¹, когда потребовал включения профсоюзов в государственный аппарат, поскольку, мол, и первые и второй в одинаковой мере представляют рабочих. Согласно Троцкому, выходило, что профсоюзы не должны защищать интересы рабочего класса в рабочем государстве. Ленин утверждал, что так рассуждать об уже сложившемся государстве было бы «абстракцией»; практически речь шла о том, что «государство у нас рабочее с бюрократическим извращением»⁹². И рабочие организации надо было «использовать для защиты рабочих от своего государства»⁹³. По Ленину, советские профсоюзы должны были в данный момент заниматься не «классовой экономической борьбой», а, скорее, «неклассовой экономической борьбой», то есть борьбой «с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов массы трудящихся путями и средствами, недоступными для этого аппарата»⁹⁴.

В конце жизни Ленин признал, что советский «госаппарат... в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата»⁹⁵. Чтобы его обно-

⁸⁹ Там же, с. 42.

⁹⁰ Там же, т. 37, с. 449.

⁹¹ Там же, т. 42, с. 293.

⁹² Там же, с. 208.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, с. 297.

⁹⁵ Там же, т. 45, с. 383.

вить, он предлагал установить новые методы контроля, которые вовлекали бы в это рабочих и крестьян⁹⁶, считая их союз основным условием выживания Советского государства.

В своих последних письмах Ленин выражал беспокойство по поводу того, что в рамках нового Союза Советских Социалистических Республик, который только что рождался, будет трудно «защитить российских инородцев от истинно русского держиморды», от «нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ». Он признавал, что «сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко» и не выступил против предложения Сталина, направленного на то, чтобы поглотить прочие Советские республики, растворить их в РСФСР, где они, как он считал, окажутся в невыгодном положении при сношениях с русским государственным аппаратом⁹⁷. Менее чем за неделю до этого в своем знаменитом «Завещании» он говорил, что его беспокоит «необъятная власть», сосредоточенная в руках Сталина. Он предлагал партии обдумать способ перемещения Сталина с должности Генерального секретаря, на которую он был избран в 1922 году⁹⁸.

Во время длительной болезни, предшествовавшей его смерти, которая наступила 21 января 1924 года, Ленин рассматривает особенности советского развития, связанные с победой революции в отдельной малоразвитой стране. «Для создания социализма, говорите вы, — писал он по поводу выступления меньшевика Суханова, — требуется цивилизованность... Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны? Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit» *. Ленин понимал, что Россия — страна на стыке Запада и Востока — «...могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным»⁹⁹.

⁹⁶ См. там же, с. 384 и след.

⁹⁷ Там же, с. 356, 357.

⁹⁸ Там же, с. 346.

* «Сначала надо ввязаться в бой, а там уж... видно будет» (франц.). — *Прим. ред.*

⁹⁹ Там же, т. 45, с. 381, 379.

6. Ленин как международный руководитель

Хотя основная деятельность Ленина проходила в России, он всегда с огромным интересом следил за борьбой международного рабочего движения. До мировой войны он участвовал в нескольких конгрессах II Интернационала и в течение ряда лет был членом его секретариата. После 1914 года, когда II Интернационал был парализован шовинизмом, Ленин активно выступил «против течения» вместе с социалистами — противниками интервенции в других странах — и быстро завоевал международный авторитет. Его усилия по созданию III Интернационала увенчались успехом в марте 1919 года — образованием Коминтерна, в руководстве которого он всегда играл самую активную роль, несмотря на неотложные дела и обязанности, связанные с его деятельностью как главы Советского правительства.

После образования Коминтерна, наблюдая за подъемом революционного движения, Ленин верил, что вскоре будет основана «Всемирная Федеративная Республика Советов»¹⁰⁰. Отдавая себе отчет в том, что гораздо труднее начать революцию в Западной Европе, чем в России, он не учел и недостаточно оценил, с какой силой и насколько прочно укоренились идеи реформизма среди трудящихся в странах с вековыми традициями буржуазной демократии. Тем не менее на III конгрессе Коминтерна он придерживался «крайне правых» позиций и критиковал тех, кто выступал в духе революционного ирреализма, «слишком часто заменяя трезвый учет не очень благоприятной для немедленного и непосредственного революционного действия обстановки усиленным маханием красными флажками»¹⁰¹. В 1920 году в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он подчеркивал, что западным коммунистам, как основным адресатам книги, необходимо «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое», и призывал «все силы, все внимание сосредоточить... на отыскании формы *перехода* или *подхода* к пролетарской революции»¹⁰².

В то же время Ленин уделял большое внимание колониальным и полуколониальным странам, чей революционный потенциал признал уже давно, подчеркивал необходимость для европейского рабочего движения действовать сообща с народами этих стран в борьбе против империализма и настаивал на праве наций на самоопределение. Ленин сыграл важную роль в дискуссиях по национальному и колониальному

¹⁰⁰ Там же, т. 37, с. 520.

¹⁰¹ Там же, т. 44, с. 419.

¹⁰² Там же, с. 77.

вопросам, которые приобрели большое значение начиная со II конгресса Коминтерна.

В наброске тезисов к этому конгрессу он подчеркивал «обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях» и указывал на необходимость крепить международную солидарность¹⁰³. Он подчеркивал при этом, что «нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией...»¹⁰⁴.

В самой последней статье, датированной 2 марта 1923 года, Ленин пророчески указал на будущие победы революции именно в тех регионах, где колониальный гнет был и продолжал оставаться наиболее сильным: «Восток пришел окончательно в революционное движение... Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»¹⁰⁵.

¹⁰³ См. там же, т. 41, с. 168.

¹⁰⁴ Там же, с. 163.

¹⁰⁵ Там же, т. 45, с. 403, 404.

Витторио Страда ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ*

Ленин и Троцкий с глубоким проникновением сопоставляются Луначарским в его книге воспоминаний о людях и событиях¹, отличающейся, помимо изящества стиля, еще и тем достоинством, что автор подходит к этим двум великим революционерам с одной меркой и в равной степени восхищается ими обоими. Представляется, что некоторые наблюдения Луначарского могут послужить прекрасной основой для сравнения, которое, хотя и носит прежде всего идейно-политический характер, не игнорирует и психологический аспект.

В образе Ленина выделяются две черты, заслуживающие особого внимания. Луначарский пишет о нем: «Доминирующей чертой его характера, тем, что составляло половину его облика, — была воля, крайне определенная, крайне напряженная воля, умевшая сосредоточиться на ближайшей задаче, но никогда не выходявшая за круг, начертанный сильным умом, которая всякую частную задачу устанавливала как звено в огромной мировой политической цепи»². Другая черта синтезирована Луначарским так: «Ленин имеет в себе черты гениального оппортунизма, то есть такого оппортунизма, который считается с особым моментом и умеет использовать его в целях общей, всегда революционной линии»³.

В противоположность «оппортунизму» Ленина характеристика Луначарским Троцкого совершенно иная; на ней мы и остановимся более подробно. Он пишет: «Мне кажется, что Троцкий несравненно более ортодоксален, чем Ленин, хотя многим это покажется странным; политический путь Троцкого как будто несколько извилист, он не был ни меньшевиком, ни большевиком, искал средних путей, потом влил свой ру-

* В данном очерке воспроизводится в общих чертах сообщение, сделанное автором на международном симпозиуме о Троцком, который был организован Фондом Фельтринелли и проходил с 7 по 11 октября 1980 года в г. Фоллоника. — *Прим. ред.*

¹ А. В. Луначарский. Великий переворот (Октябрьская революция), ч. I. Петроград, 1919.

² Там же, с. 62.

³ Там же, с. 70.

чей в большевистскую реку, а между тем, на деле, Троцкий всегда руководствовался, можно сказать, буквою революционного марксизма. Ленин чувствует себя творцом и хозяином в области политической мысли и очень часто давал совершенно новые лозунги, которые нас всех ошарашивали, которые казались нам дикостью и которые потом давали богатейшие результаты. Троцкий такой смелостью мысли не отличается: он берет революционный марксизм, делает из него все выводы, применительные к данной ситуации»⁴.

Еще одно замечание Луначарского касается неспособности Троцкого организовать вокруг себя «не только партии, но хотя бы небольшой группы». У него никогда не было «никаких прямых сторонников», и «если он импонировал в партии, то исключительно своей личностью». Кроме того, «огромная власть и какое-то неумение или нежелание быть сколько-нибудь ласковым и внимательным к людям, отсутствие того очарования, которое всегда окружало Ленина, осуждали Троцкого на некоторое одиночество». Но если слабость Троцкого проявлялась при работе внутри отдельных политических групп, то «в океане исторических событий, где совершенно не важны такие личные организации, на первый план выступали положительные стороны Троцкого»⁵. Здесь он с его динамичностью, с блеском его ораторского искусства, с энергичностью его выступлений играл роль незаменимого «постоянного электризатора то в том, то в другом месте ослабевающей армии»⁶.

В сопоставлении этих двух портретов есть еще один важный момент, а именно — как эти два великих революционера ощущали свое место и роль в истории. Ленин «никогда не смотрится в историческое зеркало, никогда не думает даже о том, что о нем скажет потомство, — он просто делает свое дело». Он любит власть не ради власти, но только потому, что «уверен в своей правоте и не может терпеть, чтобы кто-нибудь портил его работу. Его властолюбие вытекает из его огромной уверенности в правильности своих принципов и, пожалуй, из неспособности (очень полезной для политического вождя) становиться на точку зрения противника». Троцкий же, напротив, «чрезвычайно дорожит своей исторической ролью и готов был бы, вероятно, принести какие угодно личные жертвы, конечно, не исключая вовсе и самой тяжелой из них — жертвы своей жизнью, для того чтобы остаться в памяти человечества в ореоле трагического революционного вождя»⁷.

⁴ А. В. Луначарский. Великий переворот (Октябрьская революция), с. 80—81.

⁵ Там же, с. 75—76.

⁶ Там же, с. 82.

⁷ Там же, с. 81—82.

1. Роль личности в истории: орудия и действующие лица

Страницы, написанные Луначарским в первые дни и месяцы после большевистского переворота, оказались не только глубоко правдивыми, но даже пророческими. Нам не остается ничего другого, как сверить и углубить его провидчество в свете истории идей и политических действий, а благодаря тому, что Луначарский прекрасно высветил и сопоставил эти два портрета, мы можем придать этой истории еще большую живость. И в качестве первого подтверждения правильности вышеприведенного анализа мы сразу же находим огромную диспропорцию в количестве имеющихся материалов о личностях Ленина и Троцкого. Первый из них предстает поистине целиком слившимся со своей теоретической и практической деятельностью; и даже его письма, ценнейший и все еще в недостаточной степени исследованный источник, дают нам лишь косвенные и весьма ограниченные сведения о его внутреннем мире. Если прибегнуть к формулировке из знаменитой статьи Плеханова «О роли личности в истории», то можно сказать, что Ленин — это сама история, что его личность как бы растворилась в его загадочной функции как орудия российской и всемирной истории. Трудно представить себе Ленина в роли автобиографа или описателя современных ему исторических событий. Даже в случае его поражения он, по всей видимости, стал бы и дальше пополнять собрание своих сочинений новыми аналитическими и зовущими к борьбе статьями. У Троцкого же, наоборот, преобладает драматическое восприятие истории. Это особенно заметно в двух его работах о революциях 1905 и 1917 годов, работах самых ярких из всего им написанного. Он вполне сознает, что в драме по имени «история» ему предназначена роль одного из главных действующих лиц. Но это еще не все. Его беспокоит, какой образ он оставит в великом архиве человеческой памяти. Троцкий вовсе не игнорирует объективные тенденции исторического процесса, коллективные действия масс, динамику политических группировок, он не игнорирует сюжета драмы, разворачивающейся на мировой арене. Но он никогда не забывает, что на этой арене у него одна из первых ролей и что это обязывает его быть крайне и даже трагически последовательным.

Могут возразить, что это отмеченное нами различие только частично объясняется психологическими аргументами, поскольку нужно учесть и два объективных момента — это, во-первых, различие их места и роли в истории, а во-вторых, тот факт, что Троцкий пережил Ленина и оказался в новой для себя и поистине необычной ситуации. С первым моментом Троцкий, при всей своей амбиции и чувстве превосходства, создавшем ему немало врагов, еще мог бы

согласиться: он чувствовал в Ленине и признавал за ним силу более мощную и тогда, когда боролся с ним, и тогда, когда наконец стал соратником Ленина, который одержал победу и обрел тем самым новое величие. Для Троцкого вопрос о собственной биографии возникал не только из личных побуждений, но и в силу политической необходимости, ибо он должен был объяснить, в том числе и себе самому, тот путь, который привел его от антиленинизма к большевизму. И это объяснение превратилось у него из факта автобиографического в факт исторический, когда после смерти Ленина вопрос о его отношениях с основателем большевизма слился у Троцкого с проблемой преемственности и узаконения власти, а позже — с вопросом о подлинной или мнимой узурпации ее Сталиным. Вообще говоря, личностный и субъективный элемент у Троцкого усугубили сами обстоятельства. В то время Сталин основывал свою власть целиком на безличии, которое только с виду напоминало ленинское безличие, а в действительности скрывало исключительные личностные устремления; Троцкий же по причине своей изолированности, усилившейся после его поражения и высылки, вынужден был войти в роль странствующего (и преследуемого) рыцаря некой воображаемой революции, которая, впрочем, вполне ему подходила. Поэтому ему было крайне важно создать для себя более совершенную автобиографию и интерпретировать Октябрьскую революцию, которая была также и «его» революцией, как подлинно социалистическую в противовес «предательству революции» со стороны Сталина и наряду с этим сконструировать теорию «хорошего» большевизма, к которому он примкнул, в противоположность «плохому» большевизму, который возник после его изгнания.

Построенная Троцким автобиографическая и драматическая концепция истории и той роли, которую он должен был в ней сыграть, резко контрастирует с автобиографической невыразительностью трудов Ленина и с исторической функциональностью его деятельности. Но, естественно, существует некая критическая точка, в которой эти две различные концепции сходятся. Этой точкой является сама революция или, скорее, та революционная парадигма, в рамках которой вершилась деятельность Ленина и Троцкого. Можно было бы сказать, что местом схождения и противостояния их концепций является весь опыт революции, все «пережитое» в революции. Однако подобное определение больше подходит к Троцкому, чем к Ленину, потому что первый в отличие от второго ставил свою личность в центр многих исторических событий, причем он полностью отдавал себе отчет в сверхличностной широте последних. Понятие «парадигма революции» хорошо применимо к им обоим, поскольку оба они, будучи марксистами, сводили свою революционную деятель-

ность к определенной «модели» исторического развития и политического действия, включая в нее всю совокупность соответствующих практических и организационных мер. Вот почему желательно рассмотреть, в каком направлении намеревались действовать Ленин и Троцкий и в чем они видели смысл сделанного ими выбора. Мы должны наконец уточнить, что их «парадигму» следует реконструировать на двух уровнях — теоретических убеждений и непосредственной практики. Мы делаем это с целью выяснить, в какой степени и вообще совпадают ли эти два уровня и является ли такое совпадение статичным или динамичным.

2. Наследие народничества и западноевропейский опыт

Здесь снова возникает проблема «оппортунизма» и «ортодоксальности» обоих лидеров. Луначарский говорит, что Троцкий всегда «руководствовался буквою революционного марксизма» и был лишен характерной для Ленина изобретательности. Нам кажется, что в этих высказываниях Луначарского есть зерно истины, хотя он и укутывает его в непроницаемую оболочку общих и приблизительных рассуждений. Что представляет собой тот «революционный марксизм», из которого Троцкий якобы выводил автоматически определенные заключения, приложимые к данной ситуации? Луначарский не говорит об этом, и ответить на этот вопрос, конечно, нелегко. Можно предположить, что под «революционным марксизмом» он не подразумевает меньшевистский марксизм, но все равно понятие «революционного марксизма» у него весьма расплывчатое. Оставим же на время Луначарского и вернемся к оригиналам его портретов. Спросим себя, что могло быть общего между «революционным марксизмом» Троцкого и «революционным марксизмом» Ленина, то есть то, что именно в их марксизме привело их к революции и, следовательно, к непримиримой борьбе с марксизмом меньшевиков и II Интернационала, а также в чем различие между «революционным марксизмом» одного и другого.

Здесь мы неизбежно ограничимся рассмотрением этой проблемы лишь в самых общих чертах и выдвинем некоторые гипотезы, частично уже разбиравшиеся ранее более подробно⁸. В этом плане можно сказать, что в отличие от «ортодоксального», или меньшевистского, марксизма «революционный марксизм» (позаимствуем это выражение Луначарского) ха-

⁸ См., в частности, мое предисловие к итальянскому изданию книги В. И. Ленина «Что делать?» (*V. I. Lenin. Che fare?* Torino, 1971, p. VII—XCI).

рактизуется своей органической и творческой преемственной связью с опытом — теоретическим и организационным — русских народников. Меньшевизм, или, лучше сказать, российский социал-демократизм, возник как критика народничества и отказ от него, как освоение российского и западно-европейского исторического опыта, начиная по крайней мере с утверждения капитализма в России. Следует отметить, что на основе этой осознанной и планомерной европеизации в России почти одновременно, а на первых порах — даже в некоем симбиозе, возникают две крупные партии европейского типа — социал-демократическая и либеральная, и обе они создаются на обломках народничества, вернее — на том, что считалось обломками, на критике народничества, которое впоследствии оказалось намного более живучим, чем это представлялось социал-демократам и либералам.

Прежде чем продолжить наш анализ, хотелось бы прояснить два момента. Прежде всего не следует считать российское народничество явлением идейно второстепенным и исторически провинциальным, каким его, по существу, видели первые российские марксисты во главе с Плехановым и даже такие марксисты, как Ленин и Троцкий, которые более или менее сознательно остались в кругу того, что я назвал «логикой народничества». Российское народничество было первой теорией обновления, и его встреча с марксизмом и самим Марксом произошла совершенно естественно, поскольку марксизм можно определить как теорию современного исторического развития. Ясно, что полуотсталая и полувосточная Россия представляла собой для марксизма чрезвычайно важный объект анализа (а затем и эксперимента). Ведь в известном смысле (как я уже писал об этом) и сама история Германии, взятая Марксом в качестве отправного пункта своих исследований, заключала в себе опыт «народнического» типа, то есть главной чертой здесь была недоразвитость или, если хотите, развитие замедленное и потому явно отличающееся от полнокровного капиталистического «модернизма» Англии и Франции. Россия же являла собой еще более очевидный пример замедленного, с трудом прокладывающего себе дорогу «модернизма» и в то же время была переходной областью к еще менее «модернистскому», еще менее «европейскому» историческому региону, то есть — к Азии.

Нет нужды повторять здесь широко известную теорию Троцкого и Парвуса об «отсталости» России по отношению к «развитой» Западной Европе и напоминать о законе «комбинированного развития», согласно которому отсталая страна, в данном случае Россия, не проходит через все этапы развития, проделанные передовыми странами, а сокращает и даже минует их в ходе процесса, который мы могли бы

назвать «ускорением развития». Во многих работах Троцкого, начиная с работ, связанных с революцией 1905 года, мы находим его размышления о «перманентной революции» и ощущаем в них некоторое своеобразие намечаемой перспективы политических действий, но при этом обнаруживается все тот же образ мышления, свойственный той совокупности разнообразных и порой прямо противоположных теорий ускоренного развития, которая была свойственна народничеству. Если отвлечься от политических различий, то видно, что тот же народнический корень питал и «революционный марксизм» Ленина, иными словами — все антименьшевистское и антилиберальное течение в российской социал-демократии.

Здесь возникают два вопроса. Первый, на нем мы остановимся лишь вкратце, касается терминологии. Если применить в отношении марксизма в целом и отдельных его направлений сосюрювские термины *langue* и *parole* * соответственно, то в российском «революционном марксизме» мы столкнемся со сложным случаем двуязычия и нам придется выяснять, каким образом *langue* марксизма и *langue* народничества взаимодействует с *parole* Ленина и с *parole* Троцкого. Дело, однако, в том, что для самих говорящих и для определенной части их аудитории «революционный марксизм» одноязычен, то есть является подлинным и даже единственно подлинным марксизмом, и все это порождает сложные проблемы понимания и квазинепонимания, которые нужно истолковывать в свете какой-либо теории коммуникации. В этом ключе следовало бы объяснить, например, и отношения Ленина с Каутским, а также разобраться, почему Ленин считал, что говорит на том же самом «марксистском» языке, что и Каутский; ведь на самом-то деле это было справедливо лишь отчасти, и сходство было чисто внешним. Именно поэтому во время решающего (металингвистического) испытания революции 1917 года Ленин и заметил, что Каутский говорит на «другом» языке, и окрестил его «ре-негатом», а Каутский парировал, назвав Ленина «террористом».

Однако нам представляется более важным другой вопрос. Известна неприязнь Плеханова к Троцкому, которую нельзя объяснить одним лишь высокомерным чувством превосходства у Троцкого, что болезненно воспринималось «отцом русского марксизма». Известно также весьма сложное отношение Ленина к Плеханову, которого он уважал как философа-материалиста, но с которым он боролся как с меньшевиком. Принимая вышеизложенную интерпретацию общности народнических истоков Ленина и Троцкого, мы находим интересную и немаловажную общность у Троцкого и

* Язык и слова (франц.). — Прим. ред.

Плеханова — их объективизм. В той же мере, в какой Плеханов был глубоко убежден, что ввиду определенных предпосылок, выявленных его «ортодоксальным» марксизмом, развитие революции в России повторит в основном этапы западноевропейского революционного развития, Троцкий, основываясь на предпосылках «комбинированного развития», взятых из его народническо-парвусианского марксизма, верил, что «перманентная революция» будет неизбежно следовать своим курсом и в России, и во всем мире. У Троцкого был, конечно, большой заряд кипучей энергии, которая взрывалась при соприкосновении с активизирующейся массой, но это уже обусловлено скорее его романтическим восприятием истории (и осознанием себя в роли главного ее героя), чем теоретически осознанным и упорядоченным действием. И не случайно поэтому в теории «комбинированного развития» и «перманентной революции» был пробел: в ней отсутствовала концепция организации революционной партии. Вряд ли возможно объяснить этот пробел ссылками на психологические наблюдения Луначарского, отмечавшего отсутствие у Троцкого склонности к групповой политической работе. Объяснение носит, таким образом, теоретический характер.

Другой стороной этого вопроса является «гениальный оппортунизм» Ленина, о чем упоминает Луначарский. Правда, эта формулировка должна быть уточнена и изменена. Ведь Ленин искал у Плеханова, в его историческом и диалектическом материализме (мы опускаем здесь разницу в философском материализме того и другого) теоретическую основу, которая объективизировала бы его собственное революционное действие, его соответствие «ортодоксальному» марксизму. То, что Ленин так упорно настаивал на «ортодоксальности», не было просто определенным свойством мышления, это было признаком определенной политики: чтобы утвердилось то новое, что вносил Ленин, его нужно было узаконить психологически и теоретически. Таким образом, субъективная «воля» (индивидуальная и коллективная) обрела бы характер «закона». Вся политическая мысль Ленина была направлена на построение этого объективного скелета, на котором следовало наращивать мускулатуру революционного действия. Но где было найти ту точку, в которой субъективность слилась бы с объективностью? Какой должна была стать та нервная система, которая привела бы в действие весь организм? *Deus ex machina* здесь, конечно, становилась партия, главная опора для преобразования революционного плана в конкретные дела. И именно «интеллигенция» предстояло внести «сознание», то есть разумную и планомерную волю, в истинную «стихийность» жизни. Но и здесь наблюдалось языковое несоответствие, о котором говорилось выше: Ленин считал «интеллигенцией» совсем не тех, кого

имел в виду Каутский. «Интеллигенцией», по Ленину, являлись «профессиональные революционеры», выходцы из народников (примеры этому дает роман «Что делать?» Чернышевского), которые должны составить постоянное кадровое ядро централизованной и конспиративной партии, постоянную структуру, способную развиваться и в условиях нелегальной борьбы, становясь сначала партией, а затем и государством радикально нового типа. Вот почему Ленин, ставя перед «интеллигенцией» титаническую задачу внести «сознание» в целый класс, а именно — в пролетариат, частью которого она не является, резко выступает против «интеллигентов-сверхчеловеков» и призывает их научиться фабричной дисциплине. Хотя это осталось почти непонятым, дело тут ясное: «теория» дана рабочему классу раз и навсегда, и дали ее не «интеллигенты» вообще, а вполне определенные интеллигенты — такие, как Маркс, Энгельс, а затем и Ленин как «подлинный» толкователь Маркса и Энгельса, то есть антиревизионист. Короче говоря, Ленин мог бы сказать, перефразируя слова Флобера о мадам Бовари и Людовика XIV о государстве: «Интеллигенция — это я», а «профессиональные революционеры» — это просто орудие, которым воздействуют на исторический процесс.

Отсюда обычно делают два вывода. Во-первых, ссылаются на якобинство, что может иметь смысл лишь в плане исторического сходства. Сам Ленин действительно воспринимал свой опыт через терминологию французских революционеров: большевики были у него «якобинцами», а меньшевики — «жирондистами». Но следует сказать, что и французские революционеры также оценивали свой опыт в терминах римских добродетелей и философии стоиков, хотя это и не мешало видеть новизну Французской революции и ее отдаленность от принятых ею античных моделей. Аналогичное соотношение существовало и между якобинством и большевизмом, поэтому мы и не станем здесь выяснять их коренное различие. Отсюда следует, что широко известная критика Троцким ленинского якобинства⁹, критика, несомненно, глубокая и не лишенная дара предвидения, обошла стороной новизну всего явления в целом, хотя понять это можно. Дело в том, что эта критика восходит ко времени зарождения ленинизма-большевизма, когда еще и сам Ленин не отдавал себе полностью отчета, какими осложнениями чревато его творение, получившее полное развитие только после Октябрьской революции и, следовательно, как это ни парадоксально, не без участия самого Троцкого.

Второй вывод сводится к тому, что партия занимает цен-

⁹ См.: *L. Trockij. Giacobinismo o socialdemocrazia*. — In: *V. I. Lenin. Che fare?* Torino, 1971, p. 418—443.

тральное место в политической теории Ленина и что Ленин мог позволить себе быть «оппортунистом», то есть мог обойтись без жесткой детерминистской схемы вроде «перманентной революции» Троцкого и мог довольствоваться, если так можно выразиться, «слабым детерминизмом», который оставлял ему достаточную свободу маневра для «гениальных» импровизаций, которые «ошарашивали», как вспоминает Луначарский, даже его ближайших соратников. Так, они были ошарашены накануне Октябрьской революции, когда «старые большевики» стали воплощением «стихийности», но уже не обладающей «сознанием», и потребовался совершенно исключительный «интеллигент» (Ленин), чтобы привести в движение этих «профессиональных революционеров». Ленину это, естественно, удалось, потому что централизованная партия и создавалась им как орудие его «гениального оппортунизма». В тот сложный, решающий момент рядом с ним снова оказались люди в прошлом одновременно и друзья и враги вроде Троцкого и в меньшем масштабе вроде Луначарского. Ленин ангажировал их для последнего акта своего исторического действия. Троцкий же в тот период, когда течение истории испытывало не ускорение, а, скорее, некий пароксизм, увидел, что назрела выгодная ситуация для его «перманентной революции» и воспринял партию Ленина как последнее недостающее звено в своем замысле. Его ультрабольшевизм был не столько плодом неопитского духа, сколько проистекал из объективистского и детерминистского характера его идеи: в механизме исторических законов ленинская партия была регулятором, и поэтому для воздействия на историю нужно было опираться на партию. По сравнению с Троцким, этим технократом исторической динамики, Ленин выглядит скорее экспериментатором, который действует не по раз и навсегда заданной схеме, а по гибкому плану, меняющемуся в ходе эксперимента. Его великим открытием стала революционная партия, от этого абсолюта он не отказывался никогда, а все остальное могло быть изменено.

3. Исторические законы и исторический момент

В отличие от Троцкого, уверенного в том, что русская революция развивается в соответствии с законами «комбинированного развития», и поэтому верившего во всемирное распространение революционного процесса, Ленин отдавал себе отчет в том, что его революция не гарантирована свыше объективно predetermined развитием и что взятие власти в России удалось благодаря исключительной и крайне нестабильной внутренней и международной обстановке. Этими двумя различными «парадигмами», примененными к одной

и той же революции, и объясняются самые серьезные расхождения между Лениным и Троцким после революции, во время переговоров в Брест-Литовске и в ходе дискуссии о профсоюзах. Здесь не место обсуждать весь сложный ход событий, связанных с Брест-Литовским миром¹⁰. Политика оттяжек Троцкого была продиктована уверенностью в неизбежности революции в Германии, в том, что ее правительство не успеет начать новое наступление на русском фронте. Для полноты картины следует добавить, что Троцкий рассчитывал использовать дипломатические переговоры для того, чтобы повлиять на внутреннее положение Германии и ускорить революционный процесс в этой стране. Но в основе позиции Троцкого было другое убеждение. Он считал, что даже в случае успеха нового германского наступления и поражения революционной власти в России в ходе героической борьбы пламя революции разгорелось бы где-то в другом месте, ибо, кроме воодушевления масс и энергии вождей, это предопределялось законами самого исторического развития. Осторожность Ленина, его стремление к компромиссу и к немедленному перемирию, пусть даже «похабному», если употребить широко распространенный тогда эпитет по отношению к Брест-Литовскому миру, были продиктованы убеждением, что уникальная возможность свершения революции не должна быть упущена, ибо это означало чистое поражение, возможно, даже непоправимое.

Подтверждение этому мы находим в работах Ленина, непосредственно предшествующих Октябрьскому «вооруженному восстанию». В «Советах постороннего» Ленин, ссылаясь на Маркса, определяет восстание как «искусство» и высказывает убеждение в том, что «успех русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы»¹¹. В письме от 6 ноября, адресованном членам Центрального Комитета, он ставит вопрос о восстании уже в ультимативной форме: «Ждать нельзя, можно потерять все!» И далее: «Было бы непростительной ошибкой для революционеров упустить момент». Исторический вопрос следует решать «не голосованием, а силой»; и, повторяя фразу, уже встречавшуюся в работах того периода, он произносит: «промедление в восстании смерти подобно»¹². В том же письме, последнем перед «взятием власти», Ленин допускает одно довольно странное утверждение, которое в несколько иной форме, как мы увидим, появится потом в одной из предсмертных его работ: «Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после

¹⁰ См. мой очерк о Брест-Литовском мирном договоре и о дискуссии в партии большевиков (*V. Strada. Tradizione e rivoluzione nella Letteratura russa. Torino, 1969, p. 223—262*).

¹¹ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 384.*

¹² Там же, с. 435.

взятия»¹³. В своей речи на VII экстренном съезде партии 7 марта 1918 года, когда обсуждался вопрос о Брест-Литовске, Ленин напоминает о «счастливом моменте», на который «пришлась» большевистская революция, и говорит о «зигзагах истории», благодаря которым «отсталая страна» смогла положить начало «социалистической революции»¹⁴. Еще два ключевых слова появляются в его выступлениях по вопросу о перемирии: первое из них — *цель*, то есть узкое пространство, для маневра, которое возникает между двумя конфликтующими коалициями; второе — *передышка*, то есть краткий период времени, в течение которого можно перевести дыхание, получить ценную возможность отдышаться в затруднительном и напряженном положении. Ленин не отказывается, естественно, от мысли о всемирной революции, но уже в этих своих выступлениях вносит в нее поправки, например, когда говорит: «Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, — я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки» (но ведь сам Ленин и рассказывает эти «сказки», создавая из них предпосылку для своей революции в России), и отсюда делает вывод, что революция не созревает «всюду... одновременно»¹⁵. Короче говоря, «если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер»¹⁶, и далее: «Ловите передышку, хотя бы на час»¹⁷. В другом месте он говорит, что неизвестно, сколько продлится эта передышка. Можно было бы обвинить Ленина в безответственности, ибо он делал главную ставку на «похабный», катастрофический мир, избежать последствий которого удалось бы лишь в результате разгрома Германии союзниками. Но Ленин знал, на чем держалась его революция, знал, благодаря каким удачным обстоятельствам и каким неповторимым «зигзагам» истории она произошла, и, будучи не только бесстрашным экспериментатором, но и смелым игроком, он не уклонился от риска.

4. Две революционные парадигмы

Анализ дискуссии о профсоюзах мог бы еще раз продемонстрировать однолинейность поведения Троцкого и присущую Ленину способность маневрировать, сочетавшуюся у него с твердым намерением не потерять ничего из достигнутого, вернуть впоследствии сторицей потерянное, опираясь

¹³ Там же, с. 436.

¹⁴ Там же, т. 36, с. 9, 5—6.

¹⁵ Там же, с. 19, 18.

¹⁶ Там же, с. 18.

¹⁷ Там же, с. 26.

на власть и контроль за ее орудиями, чего нельзя было уступать никогда. Борьба между Лениным и Троцким по вопросу о профсоюзах заключалась в противопоставлении не двух различных подходов — «демократического» и «военизированного», а двух принципов подчинения профсоюза центральной политической власти. В тот особый период, начавшийся для советской экономики с поворота к нэпу, более гибкие принципы Ленина были, конечно, более подходящими и эффективными, чем идеи Троцкого, применимые только к условиям «военного коммунизма».

Для окончательного определения ленинской «парадигмы» революции будет полезнее остановиться на одной из последних работ Ленина, озаглавленной «О нашей революции» и написанной 16—17 января 1923 года. Статья была написана по поводу книги воспоминаний Суханова, но она представляет собой не просто полемический отзыв, а серьезное, генеральное переосмысление большевистской революции. Статья очень многопланова, и потому мы остановимся здесь только на двух моментах. В ответ на тезис меньшевистского (ортодоксального) марксизма о том, что социализм возможен только там, где капитализм полностью исчерпал свои возможности, обеспечив определенный уровень развития, Ленин дает новое теоретическое обоснование своему революционному действию, возвращаясь к мышлению по «народнической логике». Он пишет о необходимости «начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»¹⁸. Хотя вопрос о соотношении развитости и отсталости, так глубоко прочувствованный и осмысленный русским народничеством, был у Ленина одним из основных, он не разрабатывал никакой определенной и твердой теоретической схемы, вроде теории «перманентной революции» Троцкого. Ленинская революционная парадигма была крайне гибкой и подвижной, благодаря чему его внимание, как он сам пишет в той же статье, и могло сместиться с Западной Европы, где ожидалась германская революция, на Восток, где в центр нового исторического процесса выдвинулась Россия. Ленин писал: «Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских... поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным»¹⁹.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 381.

¹⁹ Там же, с. 379.

В отличие от двух предшествующих российских революций модель большевистской революции стоит выше модели европейских революций, и не случайно она породила общество нового типа, деспотическая, или тоталитарная, структура власти которого не идет ни в какое сравнение с непродолжительной якобинской диктатурой. По сути дела, единственным подлинным якобинцем среди большевиков был именно Троцкий, тот самый Троцкий, который в начале века обвинял в якобинстве Ленина. К этому неоякобинству Троцкого привел схематизм его теории «перманентной революции», помешавшей ему разглядеть подлинную новизну той революции, участником которой он стал. Именно это непонимание существа революции, а не только тактические соображения и особенности биографии дало в 30-х годах толчок новой концепции Троцкого о «преданной революции».

Но вернемся к Ленину, к его работе «О нашей революции». В уже упомянутом письме к членам Центрального Комитета говорилось, что главный смысл революции состоял в захвате власти путем восстания, а «политическая цель» восстания «выяснилась» бы уже потом. В статье по поводу записок Суханова Ленин высказывается в том же духе, но в более общем и широком плане, когда пишет: «Помнится, Наполеон писал: *«On s'engage et puis... on voit»*. В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. д. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу»²⁰.

Здесь вновь проявляется наряду с духом соревнования и эксперимента свойственное Ленину расположение к игре и риску. Но, как уже говорилось, именно поэтому и нужно было в высшей степени прочно овладеть тем единственным орудием рассчитанного риска, на которое можно было положиться среди «зигзагов истории», то есть партией. Ленин так заканчивает статью: «Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной, но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками»²¹.

Никому, конечно, не придет в голову выступить в защиту марксистского учебника Каутского, тем более что теперь те, кого Ленин в 1923 году по справедливости называл «дурака-

²⁰ Там же, с. 381.

²¹ Там же, с. 382.

ми», пользуются иными марксистскими учебниками, написанными «на основе» ленинских работ, причем они убеждены, что в таких учебниках можно отыскать «все формы развития дальнейшей мировой истории». Эта вторая категория «дураков» несравнима, однако, с первой, каутскианской. Те были, по существу, всего лишь трагическим поколением побежденных. Как развивалась бы в дальнейшем ленинская революционная «парадигма» в условиях дальнейшего движения большевистской революции и каким было бы это движение, если бы Ленин не умер так рано, — это вопрос из области предположений, который интересует скорее фантастов, нежели историков. Но нам известно в то же время, как эволюционировала «парадигма» Троцкого, становясь все более автобиографичной. И тут сравнение ее с ленинской «парадигмой» приобретает иное, не интересующее нас в данный момент значение. Когда Ленин и Троцкий вместе делали историю в ходе их непродолжительного сотрудничества, революционные плоды их деятельности взрастали на общей почве, но корни их были преимущественно различными. Самым крупным плодом стало послеленинское советское общество, которое Троцкий определил как «измену», но мы со своей стороны, употребив ленинский термин, определили бы его более нейтрально как очередной «зигзаг истории», продолжающийся по воле определенной идеологии, но начавшийся под знаком наполеоновского «сначала надо ввязаться... а там уже видно будет».

Барух Кней-Пац

ТРОЦКИЙ: ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ ОТСТАЛОСТИ

История и историки восстановили справедливость по отношению к Льву Троцкому. Хотя он и окончил свое существование как один из великих побежденных, все же нельзя сказать, что он нашел свой конец на той, по его выражению, «свалке истории», где он, по всей видимости, отводил место всем неудачникам русской революции. Напротив, его значение — как одной из великих личностей XX века, как вершителя, насколько это возможно для отдельного индивидуума, событий, имеющих в наше время самые продолжительные последствия, — не только не уменьшилось, но даже возросло после его смерти в 1940 году. В Советском Союзе, конечно, его имя все еще предается анафеме не менее, чем при его жизни; его продолжают считать архиеретником, парией, вычеркнутым из истории, личностью, не игравшей никакой роли, кроме отрицательной, в становлении Советского государства и общества. Но на Западе и в остальной части мира Троцкий продолжает сохранять ореол и вызывать интерес как общественного мнения, так и среди исследователей. Доказательством этого служит, в частности, нескончаемый поток появляющихся ему биографических работ¹. Среди деятелей русской революции даже Ленин (надо надеяться, эта несправедливость будет вскоре исправлена) не удостоился такой монументальной биографии, какую посвятил Троцкому Исаак Дойчер². И в многотомной «Истории Советской России» Э. Карра, лучшей работе о русской революции и ее развитии, Троцкий тоже занимает подобающее ему место наряду с Лениным и Сталиным³. Его роль в истории — роль, которую он

¹ См., например, его биографии популяризаторского характера, увидевшие свет в последние годы: *J. Carmichael. Trotsky. An Appreciation of his Life.* London, 1975; *R. D. Warth. Leon Trotsky.* Boston, 1977; *R. Segal. The Tragedy of Leon Trotsky.* London, 1979; *I. Howe. Trotsky.* London, 1979; *R. Wistrich. Trotsky: Fate of a Revolutionary.* London, 1979.

² *I. Deutscher. The Prophet Armed, The Prophet Unarmed, The Prophet Outcast.* London, 1954, 1959, 1963.

³ Это видно из всех томов работы Карра, но особенно заслуживает внимания портрет Троцкого, набросанный в I и III томах.

так стремился сыграть, — получила, таким образом, полное признание, и будущие историки будут, вероятно, открывать все новые стороны его крайне разносторонней и многообразной личности.

Если это так, отметим один аспект этой разносторонности, которому следует отвести должное место, ибо он значителен, своеобразен и по справедливости заслуживает четкого исторического признания. До сих пор, однако, этот аспект его деятельности, в отличие от его революционной карьеры, не принимался во внимание или попросту с презрением игнорировался, а если в какой-то степени и признавался, то получал неадекватную интерпретацию со стороны исследователей⁴. Троцкий всегда утверждал, что в течение всей своей жизни его привлекала умственная работа и интересовали теоретические вопросы. «Меня никогда не покидало желание учиться, — пишет он в своей автобиографии, — и зачастую у меня возникало ощущение, что революция служит помехой моим систематическим занятиям»⁵. Сказанное здесь является, несомненно, преувеличением и, по всей вероятности, плодом постоянной склонности Троцкого к гиперболизации. Ведь в действительности он всегда без колебаний оставлял перо, чтобы отдаться революционной борьбе при каждом удобном случае. Однако, принимая во внимание также огромный объем его литературной продукции, вряд ли можно отрицать, что и сфера интеллекта, теории, анализа, углубления социального и политического знания неизменно оставалась предметом его внимания и интереса.

Впрочем, быть мыслителем и одновременно человеком действия являлось скорее правилом, чем исключением для любого деятеля из той необычайно яркой плеяды русских марксистов, которая выдвинулась на политическую арену в предшествующее Октябрьской революции тридцатилетие. Политическая мысль всегда находит себе питательную среду в политических кризисах, но в целом интеллектуальная продукция этих людей, не будучи одинаковой по значению (что можно сказать вообще о русской интеллигенции XIX века), тем не менее подтверждает традиционное слияние мысли и действия. У Троцкого же эти две стороны его личности соединились и развились в наиболее полной мере. Плеханов был скорее философом, чем теоретиком-социологом; теоретические труды Ленина, хотя и блестящие, были все же продиктованы программными и тактическими соображениями; меньшевики в целом не привнесли по существу ничего нового в область теории; «легальные марксисты» очень скоро сдела-

⁴ См., например: *L. Kolakowski. Main Currents of Marxism. Oxford, 1978, v. III, p. 183—219.* Во II томе Колаковский вкратце характеризует работы Троцкого, написанные до 1917 года.

⁵ *L. Trockiy. La mia vita. Milano, 1961, p. 14.*

лись исторической редкостью, а Бухарин был до 1917 года еще слишком молод, чтобы оставить заметный след. Во всяком случае, только Троцкому — пусть и с опозданием — можно поставить в заслугу разработку самого глубокого и во многих отношениях весьма убедительного теоретического анализа и объяснения современного ему исторического феномена. Мы имеем в виду «революцию отсталости». Так в ходе сжатого изложения теории Троцкого мы будем называть феномен, который впервые появился в 1917 году, а затем в тех или иных вариациях повторялся в различных странах и в различные исторические моменты⁶. В своих теоретических работах ему более чем кому бы то ни было удалось разработать и углубить некоторые аксиомы марксистской теории и в результате создать теорию социалистической революции, применимую специально к отсталым обществам.

Итак — напомним еще раз, — данный аспект его роли в истории при его жизни признавался лишь частично и с большими оговорками, да и впоследствии тоже не был оценен по достоинству. Этим мы не хотим сказать, что теоретическая мысль Троцкого канула в безвестность. Самые знаменитые его работы регулярно переиздаются и находят своих читателей, и лишь самые закоснелые и близорукие его недоброжелатели отказываются видеть за личностью человека его интеллект⁷. Напомним также, что взгляды Троцкого по традиции механически идентифицируют с такими понятиями, как «перманентная революция» и «мировая революция», прочно вошедшими в политический лексикон нашего времени (хотя их значение и истинный смысл не всегда понимаются правильно). При всем этом его теоретические работы или не берутся в расчет и оттесняются на второй план по сравнению с самыми броскими, порой театральными аспектами его жизни революционера, несомненно обладающими большой притягательной силой, или же не получают должной оценки и даже отрицаются с целью опровергнуть таким путем определенную направленность его мышления, шедшего, особенно в последнее десятилетие его жизни, в русле защиты догматического марксизма⁸. Кроме того, ошибочная интерпретация его трудов имеет хождение не только среди исследо-

⁶ Троцкий не употребляет в своих трудах выражение «революция отсталости». Здесь мы будем употреблять его наряду с известным выражением «перманентная революция», которое, однако, не принадлежит Троцкому, а лишь было им перенято. Во всяком случае, оно уводит в сторону, поскольку означает некую бесконечную революцию, чуждую идеям Троцкого. Он имел в виду «непрерывную революцию» и вначале использовал именно этот термин.

⁷ Явный пример такой ограниченности представляет собой, на наш взгляд, работа Кармайкла (*J. Carmichael. Op. cit.*).

⁸ См., в частности, посмертные очерки, опубликованные в сборнике «В защиту марксизма» (*In Defence of Marxism. New York, 1942*).

вателей, но и среди его явно не беспристрастных последователей ввиду того, что его столкновение со Сталиным, имевшее место в конце 20-х и в ходе 30-х годов, все еще слишком живо в памяти историков и затмевает собой все остальное. Именно в силу этого обстоятельства складывалось впечатление, что в лучшем случае Троцкий был привлекательной, но и несколько аффектированной трагической фигурой на фоне тускневшей интеллектуальной жизни 30-х годов, а в худшем — его теоретические притязания были не чем иным, как запутанной сетью, стилистически привлекательной, но служившей лишь для прикрытия личных политических амбиций. Такому более позднему образу Троцкого в немалой степени способствовали различные троцкистские движения, в большинстве случаев быстро вырождавшиеся в эксцентричные секты или маргинальные группировки, занятые острыми междоусобными спорами и представлявшие ничтожный теоретический интерес и такое же значение, независимо от того почитания, каким они окружали личность Троцкого и то, что она объективно собой представляла.

Вместе с тем теоретические работы Троцкого были плохо истолкованы даже наиболее серьезными исследователями, что укрепило историческую несправедливость по отношению к их автору. И здесь необходимо сказать, что биография, написанная Дойчером, повинна в этом не менее массы популяризаторских писаний, посвященных полной прикляуки жизни героя. Этим мы ни в коей мере не хотим принизить литературную и биографическую ценность трехтомной работы Дойчера, остающейся и по сей день трудом поистине исключительным, который почти невозможно превзойти в плане биографического искусства. К тому же Дойчер — в отличие от некоторых других биографов — показывает, что он в полной мере осознал интеллектуальную широту своего героя: об этом он писал много и уважительно. И все же Троцкий предстает у Дойчера отнюдь не оригинальным мыслителем теоретического плана, поскольку постоянно подается в рамках более широкого предвзятого исторического образа, образа хранителя марксистского сознания и революционных идеалов, преподносится читателю как классический интернационалист, настроенный на одну духовную и идейную волну с массами, этими стихийными силами истории, и выступающий на их стороне в борьбе с неотвратимыми силами социальной и политической действительности. Если он в конце концов терпит поражение, то, по мнению Дойчера, за него неизбежно отомстит само дальнейшее развитие Советского Союза и коммунистического общества в целом. В действительности такой портрет, пожалуй, верен в том, что касается Троцкого как человека. Троцкий, несомненно, был интернационалистом, убежденным в том, что он действует в пользу угнетен-

ных, был человеком глубоких нравственных и исторических принципов. Верно также и то, что он, будучи у власти, более многих других оставался верен идеалам и социалистическим программам своей молодости и что его идеи столкнулись с упрямо противодействовавшей действительностью. Однако отрывать все это от основного контекста его общественной мысли значило бы принижать его роль как теоретика. Между тем значение этого аспекта его деятельности нужно искать не здесь, а в его интуитивных прозрениях и теоретических разработках, относящихся, во-первых, к характеру марксистских движений, возникших не в западном обществе (можно считать, что он первым дал социально-политический анализ большевизма), а во-вторых, к тем своеобразным историческим силам, которые с необычайной энергией действуют в направлении революционных преобразований в экономически отсталых обществах. Первому вопросу Дойчер уделяет мало внимания⁹; касаясь же второго, он настолько увязывает и интегрирует его с желанным ему образом Троцкого-интернационалиста, что этот момент почти нацело утрачивает у него свое значение как аспект социальной теории вообще и как первое и весьма оригинальное применение теории и концептуальных инструментов марксизма при анализе изменений, которые происходят в находящихся на докапиталистической стадии слаборазвитых странах. Поскольку в наше время именно этот последний момент получил наиболее существенное значение и огромное значение приобрели связанные с ним теоретические проблемы, представляется необходимым воздать должное соответствующим интуитивным догадкам и теоретическим построениям.

Ниже мы попытаемся показать, что заслуга эта более, чем какому-либо иному русскому марксисту, вне всякого сомнения, принадлежит Троцкому. Прошло, естественно, много времени, с тех пор как Троцкий пытался понять явление отсталости, и, как мы увидим, в его теории есть очень слабые места или, в лучшем случае, он оставил нерешенными многие важные вопросы¹⁰. Как бы там ни было, прежде чем приступить к изложению идей Троцкого, следует вкратце рассмотреть историко-биографические причины, по которым его теоретическая деятельность имела столь незначительное влияние именно в среде русского марксистского движения. Во-первых, Троцкого — в отличие от прочих русских марк-

⁹ Дойчер весьма поверхностно исследует антибольшевистские работы Троцкого и считает их ошибками, свойственными молодости (см.: *J. Deutscher. The Prophet Armed*, p. 83—84, 88—97).

¹⁰ Автор этих строк пытался анализировать идеи Троцкого с целью осветить, в частности, их теоретическое значение, отходившее ранее на второй план по отношению к значению политическому (см.: *B. Knei-Paz. The Political Thought of Leon Trotsky*. Oxford, 1978).

систов — очень трудно отнести к какой-то определенной категории. Наряду с другими и Плеханов, и Мартов, и Ленин были оригинальными мыслителями и теоретиками, но каждый из них в различные периоды четко отождествлялся с той или иной группировкой или фракцией российского социал-демократического движения, приобретал более или менее значительное число сторонников и в результате представлял и выражал совокупность коллективных идей, подходов и позиций. Троцкий же, напротив, практически в течение всей своей жизни выглядит одиночкой как в политической, так и в теоретической областях. Он начал свою революционную карьеру в изоляции, и точно так же ему суждено было се и закончить. В 1900 году он стал марксистом и таковым остался до самой смерти, наступившей через 40 лет. Уже в 1903 году на II съезде РСДРП он выступил против всего российского марксистского движения, решительно порвав с Лениным и объявив упрощенной и уклонистской теоретическую альтернативу Мартова и его сторонников. Впоследствии он пытался, правда, примирить большевиков с меньшевиками, но со своим упрямым характером он не годился для этой цели и довольно долго не решался присоединиться ни к одним, ни к другим, продолжая постоянно и резко выражать свое презрение к обеим фракциям. Так вплоть до 1917 года он сознательно оставался в полной изоляции, являя собой свою фракцию. И в этот период его личность продолжала привлекать энергичностью характера и живой остротой ума, но влияние его продолжало оставаться второстепенным и, по существу, безрезультатным. Все восхищались живостью его ума, гибкостью стиля, оригинальностью теоретических формулировок, но почти никто не следовал за ним.

Кроме того, с ним нелегко было установить личные отношения. Он органически был неспособен приходить к соглашению с другими. Будучи заносчивым, агрессивным, самоуверенным, запальчивым в спорах, он доходил до самых резких и безжалостных оскорблений своих коллег, когда поддавался минутному порыву или его раздражали собеседники. Если не считать единственного исключения, которое представлял собой Ленин, то можно сказать, что Троцкий считал всех ниже своего уровня как в плане интеллекта, так и с точки зрения усердия и революционных качеств. Нетерпимый ко всякой «кулуарной» политике, он глубоко презирал обязанности бюрократического характера и вообще не имел какой-либо склонности к настойчивой, систематической и скрупулезной работе по идеологической, не говоря уже о политической, подготовке, такой близкой по духу Ленину и другим. Троцкий, вне всякого сомнения, не был человеком, одинаково сильным во все периоды деятельности. Он достигал своих высот или в грандиозных умственных прозрениях, уходящих в глубины

истории, но сочетавшихся с широкими перспективами, или при наступлении критических моментов 1905 и 1917 годов и во время гражданской войны. От него исходила как бы мощная волна заразной убежденности, преодолевающей, казалось, сами жизненные обстоятельства, но в то же время из-за своей роковой склонности вызывать антипатию у тех, с кем он вступал в отношения, его политическая карьера оказалась решительным образом загубленной.

Даже в период между 1917 и 1923 годами, достигнув вершин политической власти и целиком отдавшись делу большевиков, связав себя коллективной работой и ответственностью, он оказался неспособным к совместной деятельности. В течение этих шести лет он постоянно конфликтовал и с Лениным, и вообще с большевиками по основным политическим и теоретическим вопросам, таким, как Брест-Литовские переговоры, вторжение в Польшу, положение профсоюзов и введение нэпа — во всяком случае, в самом его начале. Так или иначе, но ему никогда не удалось — да он и не пытался достичь этого — создать свою фракцию или просто группу сторонников. Впоследствии, как казалось, его борьба ограничивалась внесением предложений, довольно нечетких и противоречивых, как было, например, когда он присоединился к оппозиции для борьбы с менее щепетильными противниками. В конце концов он оказался в полной изоляции, что вызвало крайнее удивление: как такой человек, второй после Ленина из числа руководителей российской революции, так неотвратимо скатывался к абсолютной политической беспомощности и незначительности. Умер Троцкий без сожалений и угрызений совести — он сам написал об этом перед самым концом жизни, — но слишком уж горькими были его последние годы, проведенные в похожем на крепость убежище, в далекой стране, в полном отрыве от сферы действия и власти, ради которых он столько боролся в прошлом. И все же даже в эти тяжелейшие годы эмиграции он оставался негибаемо упрямым и чуждым всякому компромиссу.

Все это не умаляет его деятельности в историческом плане, но, возможно, послужит объяснением, почему его идеи за всю его жизнь оказали столь ограниченное влияние. Независимость мышления, глубокий скептицизм в отношении общепризнанных мнений и истин, прирожденная враждебность к лишенному воображения доктринерству — все это заставило его неуклонно придерживаться собственных идей и убеждений, которые он всегда без колебаний высказывал и пропагандировал, даже если они приводили к нестандартным и непопулярным выводам и дорого обходились в личном и политическом плане. Доказательством необычности и непопулярности его решений могут служить события, происшедшие в десятилетие, предшествующее 1917 году, когда Троцкий на-

чал разработку своих теорий, и после 1929 года, когда он вернулся к ним с возродившимся теоретическим пылом. В марксистском движении влияние его идей оказалось ничтожным: он сам оставался вне основного течения российского марксизма и до и после революции, а его позиция считалась авантюристской и лишенной конкретных перспектив. Его идея «революции отсталости» политически была неэффективной, и это объясняет, почему она не нашла признания в историческом плане. Эта неэффективность не снижает, однако, интереса к ней в общем контексте общественной мысли и марксистской теории, независимо от ее политического значения и тактической полезности. Во всяком случае, мы попытаемся показать, что для оценки ее значения в качестве объяснения специфической действительности XX века необходимо сопоставить эту идею с инструментальной стороной данной действительности, другими словами, с большевизмом, на что сам Троцкий решился лишь после 1917 года.

1. Маркс, Парvus и вопрос о характере русской революции

Для оценки результатов теоретической деятельности Троцкого необходимо напомнить, что, когда он впервые сформулировал теорию, впоследствии названную «теорией перманентной революции», то есть непосредственно после 1905 года, русский марксизм переживал период теоретического застоя. На страницах данного издания уже указывалось на проблематичный характер наследства, полученного русским марксизмом от самого Маркса, и мы возвращаемся здесь к этому вопросу только для того, чтобы приступить к нашему специфическому предмету исследования¹¹. Нужно сказать, что не совсем ясно, что именно хотел в действительности передать Маркс своим первым русским последователям на закате своей жизни, когда он начал время от времени уделять внимание перспективам социальных и революционных преобразований в России¹². В своих первых работах, таких, как «Манифест Коммунистической партии», Маркс утверждал, что капиталистический способ производства становится всеобщим путем проникновения этого процесса в отсталые неевропейские страны: «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару», и она (буржуазия) «вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, народы»¹³. Однако, когда в 1877 году рус-

¹¹ См.: A. Walicki. Socialismo russo e populismo. — In: Storia del marxismo. Einaudi, vol. 2, p. 357—388.

¹² О работах Маркса, посвященных России, см. в публикации: P. Blackstock, B. Hoselitz (eds.). *Marx and Engels: The Russian Menace to Europe*. London, 1953.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 427, 428.

ский народник Н. К. Михайловский опубликовал работу, в которой ссыался на мнение Маркса о том, что социализм в России мог бы установиться только после полного развития там капитализма. Маркс отреагировал на это очень резко и обвинил Михайловского в том, что он искажил его, Маркса, идеи, превратив «мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...»¹⁴. Ответ Маркса ясно указывает на то, что он предвидел для России направление исторической эволюции, отличное от того, которое впервые имело место на Западе. Более того, он даже выдвинул предположение, что в принципе России, видимо, предоставляется «наилучший случай» избежать «всех роковых злоключений капиталистического строя»¹⁵. На ту же перспективу Маркс ссылается в 1881 году в ответе на просьбу Веры Засулич дать ей разъяснения и указания по ряду вопросов. Цитируя французское издание «Капитала», он пишет, что «историческая неизбежность» капиталистического развития *«точно ограничена странами Западной Европы»*¹⁶. Идеи Маркса осложнились, однако, тем обстоятельством, что он, видимо, считал русскую сельскую общину единственной опорой в общественном возрождении России и, следовательно, в переходе к социализму. И боялся, как он писал, «тлетворных влияний (то есть воздействия капиталистических элементов.— К.-П.), которым она подвергается со всех сторон» и которые могут привести ее к распаду¹⁷. Поэтому создается впечатление, что он все же сомневался в жизнеспособности общины как формы общественной организации и, следовательно, в возможности некапиталистической альтернативы для России. В то же время, продолжая рассматривать перспективу революции в России в связи с более или менее одновременной «пролетарской революцией на Западе», Маркс считал, что она сможет использовать общину как «исходный пункт коммунистического развития»¹⁸.

Впоследствии Энгельс отметит, что, «по-видимому, приближается момент, когда... все старые социальные устои в жизни русского крестьянства не только потеряют свою ценность для отдельного крестьянина, но и станут для него путями...»¹⁹. И наиболее видный представитель русского марк-

¹⁴ Там же, т. 19, с. 120.

¹⁵ Там же, с. 119.

¹⁶ Там же, с. 250.

¹⁷ См. там же, с. 251.

¹⁸ Там же, с. 305.

¹⁹ Письмо Энгельса к Н. Ф. Даниельсону от 15 марта 1882 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 265.

сизма того времени Плеханов, анализируя силы, препятствующие развитию социализма в России, тоже пришел к заключению, что на будущее сельской общины рассчитывать не приходится²⁰. В дальнейшем русские последователи Маркса не приняли выдвинутой им гипотезы о возможности развития не по западной модели и поддержали «ортодоксальную» идею о неизбежности капитализма для России. Единственной непосредственной перспективой в их глазах была буржуазная революция, и только дальнейшее ее развитие смогло бы, по их представлениям, обеспечить условия для революции социалистической. Ленин со своей стороны вскоре вовлек русских марксистов в дискуссию организационного характера, оказавшую затем серьезное влияние на характер русской революции, но и он оставил как нереальные любые гипотезы о развитии в предсказуемом будущем, кроме «буржуазно-либеральной» или «демократической»²¹.

Таким положение оставалось до тех пор, пока в марксистском движении России после поражения буржуазной революции 1905 года не началась политическая и теоретическая дискуссия о видимой устойчивости царского режима, о политической беспомощности буржуазии и, как следствие, об ослаблении всех радикальных сил в стране. Хотя и меньшевики, и большевики извлекли определенные уроки из этого поражения, ни тем, ни другим не удалось добиться коренного обновления. Первые, по существу, не отошли от своих «ортодоксальных» позиций по вопросу об организации партии и о будущем России, в то время как вторые, хотя и были полны решимости под воздействием Ленина играть более активную роль в рамках буржуазной революции, оставались все же приверженцами революционного плана «двух этапов»²². Можно, пожалуй, сказать, что Троцкий был единственным, кто на основе опыта 1905 года выработал поистине новаторский взгляд на события и сделал свободные от всякого рода доктринерства политические выводы²³.

Весной 1904 года Троцкий познакомился в Монако с Александром Гельфандом (Парвусом), который и дал на-

²⁰ См.: Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. М., 1959.

²¹ Независимо от высказываний Ленина о близости буржуазной революции можно считать, что сама его позиция в организационном плане предоставила ему возможность ускорить события в направлении революции социалистической, что в действительности и произошло.

²² В статье «Отношение социал-демократов к крестьянскому движению» (сентябрь 1905 года) Ленин нарисовал перспективу «непрерывной революции», то есть «революции демократической», «сейчас же», «как можно скорее» переходящей в «революцию социалистическую», но уже к концу года он оставил эту идею и вернулся к ней лишь в знаменитых «Апрельских тезисах» (1917).

²³ Л. Троцкий. Итоги и перспективы. — В сб. «Наша революция», Петербург, 1906, с. 246.

чальный толчок его идеям. Впоследствии Троцкий сам признавал это даже после того, как их пути разошлись: «Его [Парвуса] необычайно смелый образ мышления... его первые работы приблизили меня к вопросам социальной революции; взятие власти пролетариатом приблизилось из астрономической дали и стало практической задачей нашего времени»²⁴.

Ко времени возникновения между Троцким и Парвусом идейного содружества положение в России ухудшилось. Троцкий только-только закончил брошюру о природе назревающего политического кризиса, как пришло сообщение о событиях 9 января 1905 года — дня, когда шествие, возглавляемое попом Гапоном, подошло к Зимнему дворцу и столкнулось с царскими войсками. Он дал прочесть брошюру Парвусу, и тому так понравился анализ политической ситуации в России, что он согласился написать к нему предисловие, которое, как спустя много лет писал Троцкий, «вошло в историю русской революции»²⁵.

Предисловие Парвуса²⁶, явившее собой блестящий образец краткого аналитического обзора социальной истории, касалось вопросов, обсуждавшихся ими в частном порядке, и составило ядро теоретических работ Троцкого, написанных в последующие за этим годы. Основная его мысль заключалась в том, что благодаря особому характеру развития классов в России рабочий класс стал основной политической силой этого общества. В городах, писал Парвус, буржуазия не смогла развиваться естественным образом из-за того, что контроль, осуществляемый царскими властями над экономической крупных центров, подавлял всякое независимое экономическое развитие. Поэтому, когда в последние годы XIX века начал формироваться класс капиталистов, это происходило по указанию свыше, со стороны государства, и без какой-либо опосредованной связи со склонным к радикализму средним классом в провинции. В результате русская буржуазия, лишенная с самого своего зарождения социальных корней и экономической власти, не могла выступать в роли проводника земельной реформы. Крестьяне же, привязанные к отсталой и недифференцированной сельскохозяйственной системе, были обречены оставаться неразвитой, нищей и аморфной массой, подвластной патерналистскому произволу царя и столь же чуждой, сколь и безжалостной касты казенных чиновников. Только порожденный промышленными потребностями государства рабочий класс представлял собой потен-

²⁴ *L. Trotsky. La mia vita*, p. 147. В своей книге «Сталин» Троцкий пишет: «Он [Парвус], несомненно, оказал значительное влияние на эволюцию моих идей, особенно в отношении перспективы и революционной заряженности нашего времени» (*L. Trotsky. Stalin*. N.Y., 1941, p. 429—430).

²⁵ *Ibid.*, p. 430.

²⁶ Предисловие это предпослано публикации: *Л. Троцкий*. До 9 января. Женева, 1905, с. III—XIV.

циально радикальную силу, самостоятельно ориентированную в этом направлении. Хаотичное развитие русской экономики выдвинуло рабочих на передовую линию политической схватки, так что теперь они составляли главную угрозу для царского абсолютизма, сумев даже вовлечь в борьбу и буржуазию (что как раз происходило в начале 1905 года). В конечном итоге, писал в заключение Парвус, эта ситуация должна была завершиться созданием рабочего правительства в преддемократическом обществе, причем произойти это могло независимо от того, какие из многочисленных политических социал-демократических течений возглавили бы движение, потому что сами рабочие, несомненно, взяли бы в свои руки руководство им в деле завоевания власти.

Это была смелая гипотеза, однако не ясно, считал ли Парвус возможным ее осуществление. Он, видимо, предлагал прямой переход к социализму, но осторожно добавлял, что не следует принимать в расчет социалистическую революцию, без сомнения считая, что только при «ликвидации самодержавия и установлении демократической республики» можно «создать подходящую почву для политических действий социал-демократии»²⁷. И тогда, и впоследствии была для Парвуса характерна неспособность соединить остроту своей интуиции с систематическим и плодотворным анализом, способным разрешить противоречия и неувязки, содержащиеся в самих его взглядах на будущее развитие. «События,— писал он в начале своего предисловия к брошюре Троцкого,— производят революцию духа...: революция двигает далеко вперед политическую мысль»²⁸. Таким образом, на долю Троцкого выпала задача отработки и уточнения гипотез Парвуса, которые глубоко повлияли на него в силу содержащегося в них большого заряда воображения. Это был настоящий скачок вперед по сравнению с традиционными историко-политическими прогнозами.

2. Социология русской истории

После 1905 года примерно за год Троцкий написал целую серию статей, очерков и книг, представляющих собой, как он отметил много лет спустя, «наиболее полное исследование в защиту теории перманентной революции»²⁹. К этому периоду относятся «Итоги и перспективы», сборники «Наша рево-

²⁷ См. предисловие Парвуса к публикации: *Л. Троцкий*. До 9 января. с. XI.

²⁸ Там же, с. III.

²⁹ *Л. Троцкий*. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. I, с. 215 (перевод на итальянский язык сделан мною непосредственно с этого авторского текста, так как в итальянском издании дается другой вариант).

люция» и «1905 год», не говоря уже о многих других более мелких работах³⁰. В своей совокупности все эти работы составляли исследование русской истории с целью понять социологическую основу тех особенностей существовавшего в России общества, которые определяли его отсталость. Здесь не представляется возможным дать подробное изложение этого тщательного и подчас запутанного исторического анализа, на основе которого впоследствии Троцкий построил свою социально-политическую теорию отсталости. Мы попытаемся лишь синтезировать основные моменты данного анализа, особо выделяя те его аспекты, которые более всего связаны с явлением отсталости³¹.

По мнению Троцкого, Россия — с точки зрения и социальной, и экономической, и политической — принадлежала к миру азиатскому, неевропейскому. Тем не менее в ходе исторических событий географическое положение и угроза вторжений со стороны более развитого и сильного Запада привели к включению этой страны в орбиту западной политики и влияния. Чтобы сохранить собственную независимость при угрозе иностранных вторжений, Россия была вынуждена поднимать свою боеспособность до западного уровня, то есть создавать свою военную технику, позволяющую противостоять опасностям, исходящим от Европы. При этом России никогда не удавалось автаркически замкнуться в формах отсталости, характерных для других азиатских стран (конфронтация которых с Западом произошла позже, в эпоху империализма). В экономическом плане последствия этих географических и военных обстоятельств ощущались лишь косвенно, поскольку военное производство вынудило русское государство создать, пусть поначалу лишь в зачаточной форме, промышленную инфраструктуру и обеспечить финансовые ресурсы, чтобы иметь возможность содержать крупную армию. Это требовало больших вложений из бюджета, которые могли быть компенсированы лишь путем обложения крестьян тяжелейшими налогами, являвшимся единственным источником производительного дохода в условиях такой экономики, как русская. Поэтому уже и без того жившие в условиях нищеты крестьяне становились еще беднее, а государство в итоге губило «те самые начальные источники производства, от которых оно зависело»³². Наряду с этим, однако,

³⁰ Сборник «1905 год» содержит работы, написанные с 1905 по 1908 год, и впервые был опубликован в Германии под заглавием «Россия и революция» ("Russland und die Revolution". Dresden, 1910). Первое русское издание с некоторыми добавлениями вышло в 1922 году. Некоторые из последующих работ Троцкого опубликованы в его «Сочинениях» (М., 1925 и 1927, т. 2, части 1 и 2).

³¹ Подробно об этом говорится в моей книге о Троцком (с. 64—68).

³² Л. Троцкий. Итоги и перспективы, с. 226.

самодержавие подрывало и имущие классы, от которых зависели его финансы. Ослабляя экономически землевладельцев, государство закрывало им путь к какому бы то ни было экономическому развитию и социальной дифференциации, оставляя за ними лишь функцию резерва, из рядов которого выходила профессиональная элита, необходимая для руководства военной и административной деятельностью. При отсутствии всякой возможности самостоятельной инициативы, экономического развития и накопления крупные землевладельцы жили практически под эгидой самодержавия, и это обстоятельство резко ограничивало их способность выступать в роли независимой политической силы. Не обладая ни общественной властью, ни экономической базой, нарождавшаяся русская буржуазия не в состоянии была выступить против самодержавия подобно тому, как это происходило на Западе.

Таким путем возник феномен, известный под названием русского деспотизма: сильное — централизованное и бюрократическое — государство, лишненное посредника в виде какой-либо общественной группы, способной перебросить мост — социальный, экономический и политический — между ним и крестьянской массой. В итоге русский царизм стал «промежуточной формой между европейским абсолютизмом и азиатским деспотизмом, возможно более близкой к последнему»³³. Во всяком случае, именно эта гибридная форма и оказалась решающим фактором в дальнейшем развитии событий. Она свидетельствовала о том, что, во-первых, отсталость страны была очень значительной, но не тотальной; во-вторых, внутренние противоречия страны в силу их серьезности не могли оставаться не разрешенными бесконечно долгое время.

Жалкое положение традиционной экономической базы, отсутствие ресурсов у имущих классов и все более высокие требования, предъявляемые в связи с участием России в европейской политике, начиная с середины XIX века стали вынуждать Российскую империю искать капиталы и инвестиции за границей. Поворот к «европейскому рынку акций»³⁴ положил начало периоду, когда европейские экономические интересы, хотя и далекие, оказались непосредственно связанными с силами, действующими в рамках русской экономики. Так образовался порочный круг: крупные займы, предоставляемые Европой, вынуждали еще более усиливать налоговое бремя, а оно в свою очередь вело к дальнейшему обнищанию населения и затрудняло образование национального богатства и становление любой формы современного экономического развития.

Несмотря на это, в последней четверти XIX столетия рус-

³³ Л. Троцкий. 1905 год, с. 19.

³⁴ Л. Троцкий. Итоги и перспективы, с. 230.

ское государство приняло широкую программу индустриализации с целью противостоять возрастающей опасности своего превращения в колонию Европы в случае, если не удастся создать экономику, по крайней мере отчасти современную. Индустриализация была, таким образом, навязана сверху, со стороны государства, обществу преимущественно аграрному, не подготовленному к такому потрясющему сдвигу и к его социальным последствиям. Тем более удивительным оказался успех этой программы, которая в техническом плане превзошла все ожидания, показав как возможности государственной власти, так и приспособляемость российской отсталости, сумевшей воспринять перемену очень быстро и почти догнать в некоторых отраслях передовые страны Европы. Следствием этого был огромный рост городского населения и такое же увеличение численности рабочего класса³⁵.

Каким же был в преддверии 1905 года конечный результат этого продолжительного и своеобразного процесса эволюции общества? Троцкий пришел к выводу, что русское общество переживало драматический процесс поляризации — разрыва между огромной массой крестьянского населения; в своей большей части еще не затронутой начавшимся развитием, с одной стороны, и новым промышленным сектором, обладавшим своей внутренней динамикой и уже входившим в роковое противоречие с примитивным общественным и политическим устройством государства,— с другой. Ненормальность такого положения выражалась в том, что теперь потребности экономики вступали в резкое противоречие с характером и потенциальными возможностями социально-политической структуры страны. Государство, хотя и стало заметно более могущественным, неосознанно, но систематически закладывало основу собственного крушения. Если в прошлом ему удавалось держать под контролем степень модернизации, продлевая собственное существование, то теперь процесс преобразований зашел слишком далеко и вышел из-под всякого контроля. В 1905 году эта неосознанно самоубийственная политика экономического обновления дала свои первые плоды. Царь и система его власти продолжали существовать только потому, что силы в противоположном лагере были еще неопытными, незрелыми и неорганизованными. Но это было лишь временное поражение, поскольку «все предшествующее социальное развитие сделало революцию неизбежной»³⁶ и ей рано или поздно суждено было разразиться вновь. Оставалось только понять, какого рода революция это будет.

³⁵ См. там же, с. 231—232. Троцкий имел в виду данные официальной переписи 1897 года.

³⁶ Там же, с. 231.

3. Теория отсталости

Рассмотрев, как Троцкий интерпретировал развитие России, мы можем теперь перейти к анализу общих теоретических выводов, сделанных им в ходе изучения феномена отсталости и характера изменений в отсталых странах. Эти выводы представляют собой его основной вклад в анализ как русской революции, так и революций в незападных странах вообще. Хотя Троцкий целиком сформулировал свою теорию отсталости уже в работах, написанных до 1917 года, он возвращался к этому вопросу в конце 20-х годов и в последующее десятилетие, разрабатывая некоторые идеи и понятия (как, например, «закон комбинированного развития»), отсутствующие в ранних работах. Поскольку в наши намерения входит дать картину его общей концепции отсталости, будет целесообразнее отказаться от хронологической последовательности и обратиться ко всем его работам — как к первым, так и к более поздним³⁷. В нашем резюме проблема предстает, естественно, более систематически изложенной, чем у Троцкого, но мы пытались сохранить полностью поле его исследований, их значимость и конкретные цели³⁸.

1. Отсталость — это состояние, характерное для двух различных по своему существу типов обществ. Общества первого типа статичны, даже застойны, способ производства и общественная структура в них остаются, по существу, неизменными и не способны привести к изменениям изнутри. Это примерно такой тип общества, который Маркс называл «восточным», а его способ производства — «азиатским». Общества второго типа — это общества, в прошлом принадлежавшие к первому типу, но с течением времени благодаря различным историческим причинам (военные столкновения, экономическое взаимодействие, колониализм) оказались под воздействием других обществ, называемых «передовыми», или западными. В обществах второго типа основной характерной чертой отсталости становится перемена, а взаимосвязь между этими отсталыми и так называемыми передовыми обществами становится существенно важной для понимания процесса развития первых. Россия, например, благодаря своей длительной взаимосвязи с Западом принадлежит ко второй категории отсталости, а именно к этой категории и следует применять анализ социологического (и революционного), а не антропологического характера.

2. Воздействие развитого общества на отсталое оказыва-

³⁷ Ввиду невозможности упомянуть все его последующие работы по данному вопросу отметим «Перманентную революцию» (*La rivoluzione permanente*. Torino, 1967) и «Историю русской революции» (*Storia della rivoluzione russa*. Milano, 1967).

³⁸ См. также мою книгу о Троцком (с. 95—98).

ется, вполне естественно, травмирующим: в конечном итоге оно вынуждает отсталое общество принять новые формы экономического производства, ставит под вопрос традиционную социальную иерархию, преобразует существующие элиты, вводит новые модели мышления и создает новые сравнительные нормы. Все это происходит в широких масштабах, даже если такое столкновение формально имеет место не в условиях колонизации (как в случае с Россией), а там, где отсталое общество остается в основном независимым. В подобных случаях сами требования борьбы за сохранение независимости приводят к более широкому восприятию новых методов экономической и общественной организации и, как следствие, ко все более широкому распаду традиционных обычаев и форм быта. При таком положении вещей весьма важно выяснить, каким путем происходит данный процесс.

3. Противоборство между отсталыми обществами и развитыми приводит к тому, что первые стараются воспринять, хотя бы частично, те стороны вторых, которые составляют их силу, поскольку только таким путем они могут оказать им сопротивление. Прежде всего возникает необходимость скопировать методы экономического производства, что в свою очередь невозможно без одновременной имитации или установления требуемых этими методами общественных отношений. Политическая власть, то есть государство, оказывается перед типичной для любого отсталого общества проблемой: как изменить методы производства, не нарушая сверх меры традиционных общественных отношений, на которых базируется государство? Проблему эту пробуют решить, удовлетворяя первое требование путем усиления контроля над вторым элементом, путем системы бюрократического контроля, полного контроля над экономикой и в особенности над образованием капитала, путем создания препятствий развитию независимых экономических сил и, наконец, путем применения силы и подавления. В действительности, однако, новые общественные отношения не поддаются ни полному подавлению, ни даже контролю и продолжают развиваться, пусть не в полной мере, несмотря на создаваемые государством препятствия.

4. Имитируя развитое общество, общество отсталое имеет перед собой уже готовую историческую модель. Это порождает на мысль, что оно обязательно должно повторить путь, проделанный развитым обществом для достижения указанной модели, и повторить самую модель. На деле же, однако, последователь имеет то преимущество, что благодаря использованию опыта «пионеров» и возможности учесть бывшие промахи он оказывается в состоянии двигаться к достижению конечной цели, минуя некоторые стадии, избегая длительного процесса развития и ограничиваясь его результатом. Но

при этом не просто сокращается период развития, а меняется уже сам процесс, что придает совершенно особый характер развитию отсталого общества, приводя в конечном счете к созданию новой модели, подменяющей прежнюю модель развитого общества и даже превосходящей ее в некоторых областях и отраслях. Это происходит за счет уже упомянутого разрушения старой системы общественных отношений, за счет новаторского характера возникающих отношений и своеобразной интеграции и смеси всех элементов. Весь феномен в целом может быть определен как исторический результат «закона комбинированного развития»: «Рациональный закон истории не имеет ничего общего с педагогическими схемами. Неравномерность развития, являющаяся самым общим законом исторического процесса, проявляется с особой сложностью в судьбах отсталых стран. Подгоняемая внешними потребностями, их отсталая культура вынуждена продвигаться скачкообразно. Из этого всемирного закона неравномерности проистекает другой закон, который, за неимением более подходящего определения, может быть назван «законом комбинированного развития», что означает сближение некоторых фаз, комбинирование различных стадий, смешение древних и современных форм. Без учета этого закона, разумеется, во всем его материальном содержании невозможно понять историю России и вообще всех стран, идущих к цивилизации во втором, третьем или десятом ряду»³⁹.

5. Перешагивание через некоторые стадии развития приводит к уникальным результатам, поскольку, преодолевая определенные формы производства, отсталое общество обходит и определенные социальные формы. Не образуются, например, те социальные группы, которые возникли бы при сохранении всех стадий развития, то есть при сохранении всех соответствующих форм производства. А наряду с этим некоторые социальные группы, являясь предпосылкой самых последних моделей, окостеневают. В то же время сохраняются основные аспекты традиционного общества: старая полигическая власть, которая сохраняется благодаря накопленной ею мощи и контролю над экономикой; старое, в значительной степени еще примитивное сельское хозяйство, преобразуемое только частично и ограниченно, для того чтобы быстро вдохнуть жизнь в новый промышленный сектор. Таким образом, как в случае с Россией, общая картина получается уникальной: налицо политический абсолютизм, аристократические привилегии, громадная масса крестьянского населения наряду с развитой индустрией, урбанизацией и рабочим классом, но при отсутствии среднего класса, имеющего какое-либо экономическое или политическое значение.

³⁹ L. Trockij. Storia della rivoluzione russa, p. 38—39.

6. В итоге положение, характерное для отсталого общества, пережившего процесс «неравномерного и комбинированного развития», может рассматриваться на основе целого ряда признаков.

Во-первых, отсталость уже не полная, а только частичная; по некоторым показателям данное отсталое общество находится на уровне любого развитого общества.

Во-вторых, наряду с этим имеются секторы, совершенно не изменившиеся или по крайней мере не обнаруживающие заметных изменений, так что общим результатом является асимметричное, неровное распределение новых форм производства; общество поляризуется вокруг различных социальных подгрупп, не имеющих прямой или закономерной связи между собой.

В-третьих, сосуществование очень старых и очень новых секторов приводит к сильно выраженным аномалиям и к образованию нерациональной социально-экономической структуры, отдельные аспекты которой взаимодействуют как антагонисты и подрывают друг друга.

В-четвертых, сосуществование двух принципиально различных и противодействующих «моделей» общества в рамках одной и той же социальной среды вызывает потребность в сравнении, поисках альтернативных решений и, наконец, в самосознании отсталости, выходящем за пределы классов или образованных и уже отчужденных элит, то есть осознании того факта, что данное общество по сравнению с другими представляет собой по многим важнейшим аспектам «дефективное».

В-пятых, новые способы производства создают новые цели и стремления, контрастирующие с предыдущими, но, поскольку первые еще не укоренились полностью, а вторые продолжают отчасти существовать, возникает путаница в целях и конфликт между ними.

В-шестых, внутренние противоречия неоднородного развития, возникновение самосознания отсталости и альтернативных решений, конфликт в отношении целей — все это создает дисгармонию и нестабильность, придает политической ситуации взрывчатый характер. Сама динамика и особая природа отсталости дают классические примеры социальных потрясений и революционных ситуаций; другими словами, делают революцию неизбежной. И революция, которая рано или поздно произойдет, — это единственный способ разрешения противоречий и дилемм. Но эта революция, подобно породившему ее отсталому обществу, будет иметь характер некоего «сплава» — еще небывалой в истории смеси, в которой будут представлены и «архаичные», и «современные» формы.

4. Революция отсталости

Центральное место в теории Троцкого об отсталости занимало утверждение, что общественное развитие в различных обществах различно; поэтому тезис о том, что любое историческое событие в России неизбежно должно повторять опыт Западной Европы — тезис, широко распространенный среди русских марксистов до 1905 года, — критиковался Троцким как пример чисто механического и антиисторического применения марксистской теории. Следовательно, ключ к пониманию характера русской революции, по Троцкому, — не только в том, что русская история отличалась от всех исторических событий, имевших место в Западной Европе, но и в том, что благодаря такому прошлому и будущее России будет по-своему уникальным. В то время как Плеханов, Ленин и меньшевики не сомневались, что Россия будет неизбежно развиваться как капиталистическая страна, своеобразие теоретической позиции Троцкого заключалось в оспаривании такой перспективы, которую он считал абсурдом марксистского схематизма. Капитализм как таковой, говорит он, невозможен в России, и считать, что он в ней утвердился, — значит смешивать капитализм с индустриализацией. Особый характер русской экономики можно усмотреть как раз в том, что индустриализация в России была осуществлена не средним классом и не было там никакого среднего класса, порожденного индустриализацией; эта последняя не преобразовала сельского хозяйства и не решила вопроса крестьянского населения, поскольку была просто навязана сверху и сосуществовала с традиционной сельскохозяйственной экономикой, не имея с ней никакой органической связи. Кроме того, индустриализация не затронула старой политической структуры, даже, наоборот, усилила ее, так как теперь самодержавие могло контролировать большие экономические ресурсы.

Это последнее явление Троцкий считал временным или, скорее, рассматривал как иллюзию, возникшую вследствие ускоренной индустриализации, определяющее влияние которой еще не сказалось полностью. Теперь возникла проблема, связанная с объемом и границами изменений, возможных в России при старом режиме: индустриализация требовала сопутствующих ей изменений не только для нормального продолжения самого производственного процесса, но и для дальнейшего развития промышленности такими темпами, которые смогли бы обеспечить жизнеспособность России как великой державы Европы и Дальнего Востока. Как могло бы самодержавие осуществить эти изменения, главным из которых была земельная реформа? Здесь поведение Российской империи в начале XX века было таким же, как и в предыду-

щие столетия. Остановившись на каком-либо одном элементе модернизации — в этот раз на промышленности, — она была вынуждена подавлять и душить все остальные элементы, стихийно уже созревшие для бурного развития.

Не будет преувеличением сказать, что Троцкий замыслил теорию перманентной революции — то есть революции отсталости — как единственно возможное решение этой дилеммы, иначе говоря — как единственный способ осуществления модернизации, и в то же время видел в этой революции единственно возможное следствие реализации той модели, которая определялась спецификой экономических, социальных и политических условий, характерных для России. Как еще можно было преобразовать Россию и избавиться от ее чуждостей, если не путем единого непрерывного скачка в современный мир? И кто, как не рабочий класс, мог бы управлять и руководить ведущимся преобразованием? Самодержавие не хотело этого, средние классы не могли сделать этого в силу своего положения, крестьяне понятия не имели, как к этому приступить. По мнению Троцкого, российский пролетариат, хотя он и малочислен и небогат ресурсами, был в состоянии захватить власть при поддержке со стороны крестьянства. Но даже при такой поддержке после захвата власти он очень скоро осознаёт невозможность решить коренные проблемы страны без организации общества на основе коллективизма. Таким образом, в XX веке революция отсталости должна была вылиться в форму «комбинированной революции», в которой действовали бы совместно силы двух исторических эпох, факторы различные, но теперь совпадающие во времени: аграрно-буржуазная революция и революция индустриально-социалистическая.

Троцкий не был, однако, настолько наивен, чтобы думать, что на преимущественно жалкой и примитивной основе русской экономики и русского общества может возникнуть современный, более или менее социалистический мир. Потребности общества и открытые намерения революционного класса, даже сопровождающиеся немедленными преобразованиями государственных основ, не смогли бы обеспечить качка к тысячелетнему царству социализма. Разве сам Маркс не считал условием социализма испытанную уже на этапе переломного капитализма способность человека развить до самого высокого уровня средства и организацию хозяйственного производства? В этом смысле Россия, какими бы ни были индустриальные преобразования последних десятилетий XIX века, находилась в самом начале пути, и в послереволюционный период всякая ее попытка опираться исключительно на свои собственные ресурсы закончилась бы, как считал Троцкий, полной катастрофой: или полной разрухой, или бюрократической тиранией. В свете такого опасения нетрудно по-

нять — в контексте революции отсталости, — почему он делал ставку на европейскую и мировую революцию. Он был уверен, что без такой революции отсталость неизбежно «отомстила бы за себя» русской революции. Троцкий, несомненно, был интернационалистом по темпераменту и складу ума, но его интернационализм был не просто идеалистическим орисом, как зачастую было принято считать, а органической частью его концепции, касавшейся материальных потребностей русской революции⁴⁰.

Подтвердили ли события 1917 года и последующее развитие правильность теории перманентной революции? Троцкий был склонен дать положительный ответ, да и сам Ленин, как кажется, в определенной мере признавал ее историческую убедительность⁴¹. Во всяком случае, в те годы, когда Троцкий находился у власти, он действовал так, как будто его теория целиком воплощалась в действительность, и ждал, что европейская революция станет последним актом развивающегося драматического спектакля⁴². В 1919 году он писал: «Было когда-то церковное выражение: «Свет засияет с Востока». В нашу эпоху на Востоке началась революция. Из России... она, несомненно, двинется на Запад через Европу»⁴³.

На деле же европейской революции не произошло, и теория перманентной революции, как и сам Советский Союз, оказалась лицом к лицу с непредвиденной действительностью. В конечном итоге новые альтернативы заключались теперь в учении о «социализме в одной, отдельно взятой стране» и в политической системе, получившей впоследствии название сталинизма, в то время как теория перманентной революции подверглась резкой политической и теоретической критике и была осуждена как ересь. Не вдаваясь в политические причины такого поворота, мы остановимся на новом способе защиты Троцким своей теории, пытаясь выяснить и с максимальной точностью определить его позицию до 1917 года на основе той работы, в которой с наибольшей ясностью эта по-

⁴⁰ Вопрос о зависимости русской революции от европейской был впервые поставлен Троцким в работе «Итоги и перспективы» (см. цитировавшийся выше издании, с. 278—286).

⁴¹ Во втором из своих «Апрельских тезисов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 114) Ленин писал: «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Об этом см. J. Frankel. Lenin's doctrinal revolution of april 1917. In: „Journal of Contemporary History“. 1969, p. 117—42.

⁴² Работы Троцкого периода 1919—1924 годов, посвященные перспективам европейской революции, см. в публикации: Л. Троцкий. Пять лет Коминтерна. М., 1924.

⁴³ Там же, с. 30.

зация выражена: речь идет о «Перманентной революции», написанной им во время ссылки в Алма-Ате и опубликованной в 1930 году в Берлине (после высылки автора из Советского Союза). Эту работу можно рассматривать как самое солидное изложение теоретических положений о характере русской революции, разработанных Троцким в 30-е годы, она лежит в основе его оппозиции к сталинской теории о «социализме в одной, отдельно взятой стране»⁴⁴.

В работе «Перманентная революция» основными являются три темы: роль крестьянских масс в рабочей революции, буржуазные аспекты революции и ее развитие по направлению к социалистической или коллективистской фазе, значение мировой революции. Первая тема трактуется более полно, поскольку главное обвинение, выдвинутое против Троцкого, состояло не просто в недооценке, а даже в игнорировании им крестьянства. Кроме того, его отказ от ленинской формулы «диктатуры пролетариата и крестьянства» явился трагической ошибкой, ибо он дискредитировал теорию перманентной революции. Троцкий не признает здесь своей ошибки и утверждает, хотя и сдержанно, избегая по весьма ясной причине открытой критики Ленина, что он был прав в данном вопросе. Он совсем не игнорировал крестьянства, а, напротив, основывал всю свою теорию на том, что его (крестьянства) положение сделалось настолько невыносимым, что оно становилось революционной силой, без которой русская революция была бы немыслима. Аграрный вопрос стоял наиболее остро и мог быть решен только путем аграрной революции, которая, однако, не обязательно представлялась революцией крестьянской, хотя, разумеется, была бы невозможной без участия в ней крестьян. Вопрос, который следовало поставить еще в 1905 году, заключался в следующем: могут ли крестьяне сами решить свои проблемы, то есть выступить в роли независимой политической силы? По этому вопросу не было разногласий, поскольку и большевики, и меньшевики считали его решенным в том смысле, что без руководства буржуазии и пролетариата крестьяне не смогли бы совершить революцию. Меньшевики, конечно, считали, что в итоге буржуазия совершила бы *свою* революцию, которая и разрешила бы аграрный вопрос. Но если невозможность свершения буржуазной революции должна была быть ясной меньшевикам еще начиная с 1905 года, то с течением времени это стало для них уже непреложным фактом. Оставался открытым вопрос отношений между пролетариатом и крестьянством. Было очевидно, что ни одна из сторон не в состоянии была действовать без другой, но мог ли их вынужденный союз предусматривать разделение власти и, следовательно, роли поровну? По этому вопросу мнения расходились. Ленин, вполне

⁴⁴ См. мою работу о Троцком, с. 145—152.

справедливо считая, что поначалу рабоче-крестьянская революция должна была быть аграрной, пришел к выводу о переходе ее к форме диктатуры обоих классов. Как формальное, «алгебраическое» суждение, этот вывод был безупречен, но вопрос о том, каким образом можно преодолеть основную социальную несовместимость между рабочими и крестьянами, оставался открытым⁴⁵.

На деле, отмечал Троцкий, реальное совпадение интересов рабочих и крестьян было невозможно, и их союз нужно было рассматривать как сугубо временный политический инструмент. Приписывать ему возможность более длительного существования означало бы отказаться от ряда тех целей, которые намечала рабочая программа. Революция застыла бы тогда на аграрном этапе, потому что если рабочие могли отождествлять свои стремления с крестьянскими, то для крестьян это было невозможно и, следовательно, слияние обоих классов повлекло бы множество уступок со стороны рабочих и никаких — со стороны крестьян. В таком случае планируемая диктатура оказалась бы на деле только крестьянской, и вся революция могла бы потерпеть поражение, ибо нет никакой гарантии, что крестьяне способны выполнить такую независимую роль. Между тем крестьянство могло выступать в качестве революционной силы, связанной с таким классом, как рабочий класс, — численно меньшим, но более сильным в смысле политической организации, и действующей под его руководством. Поэтому роль крестьянства следовало определять не формально и вне зависимости от того, как называть революционную диктатуру, а в конкретном политическом смысле, то есть в смысле действительной власти при революционном режиме. Единственный реальный вывод, вытекавший отсюда, гласил, что диктатура должна признаваться только за пролетариатом: «Не случайно российские либералы называли крестьянина сфинксом русской истории... По причине своего промежуточного положения и разнообразия социального состава крестьянство не может ни образовать независимую партию, ни проводить независимую политику, будучи вынуждено на одном из этапов революции выбирать между политикой буржуазии и политикой пролетариата... В России чельзя было бы говорить о пролетарской диктатуре, если бы аграрный вопрос не имел решающего значения для всей общественной жизни в целом и если бы крестьянская революция не обрела таких масштабов. Но то, что *аграрная революция* создала благоприятные условия для диктатуры *пролетариата*, определялось неспособностью крестьянства разрешить свою историческую проблему своими силами и под своим руководством»⁴⁶.

⁴⁵ См.: *L. Trockij. La rivoluzione permanente*, p. 18, 126.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 60—61.

Другая затрагиваемая Троцким тема касалась перехода от чисто буржуазных целей к социалистическим. Противники теории перманентной революции обвиняли Троцкого в политическом авантюризме. Он утверждает, говорили они, что якобы можно миновать целый ряд исторических стадий и что-де самодержавное общество способно перейти непосредственно к социализму. На эти обвинения Троцкий отвечал, что они отчасти представляли в заведомо ложном свете его теорию, а отчасти были плодом ее ошибочного истолкования. В действительности его теория вовсе не отрицала, что некоторые из целей революции имели преимущественно буржуазно-демократический характер: ведь и аграрная революция должна была в первую очередь свергнуть самодержавие. В этом он всегда был согласен с Лениным, утверждая, что при отсутствии буржуазии как независимого социально-политического класса задача осуществления буржуазных реформ выпадала на долю пролетариата. Но приписывать на основании этого революции буржуазный характер означало бы, что имеются в виду не отдаленные перспективы, а ближайшие задачи. «Я, — утверждает Троцкий, — никогда не отрицал **буржуазного** характера революции с точки зрения непосредственных исторических задач, но отрицал ее только с точки зрения ее движущих сил и перспектив»⁴⁷. Другими словами, каждая революция должна определяться на основе ее телоса*, ее конечных целей, а не на основе промежуточных стадий. Но, имея свой телос, она есть также «органическое» целое. Рассматривать же различные ее стадии как отдельные части, не имеющие никакой связи между собой, — значит заниматься «вульгарным марксизмом». Общественные отношения развиваются и эволюционируют, одна стадия переходит в другую, и революция представляет собой непрерывный процесс, а не железнодорожное расписание, в котором указаны каждый пункт и время отправления каждого поезда в отдельности. Непонимание динамики общественной жизни, особенно в революционный период, обусловило непонимание идеи перманентной революции, а также метафизическую постановку вопроса о «„буржуазном” или „социалистическом” характере революции»⁴⁸. Понимать революцию как процесс — значит овладеть всем ее потенциалом, смотреть в будущее, не концентрируя внимания только на настоящем. Телос какого-либо процесса может быть ощущаем с самого его начала, но не кончается здесь. Поэтому и начальные особенности русской революции не могут не обуславливать ее конечный исход; ее «первые непосредственные задачи» были буржуазными, но орудие для достижения этих целей уже содержало в себе за-

⁴⁷ Ibid., p. 50.

* Цель, предназначение (греч.). — Прим. ред.

⁴⁸ Ibid., p. 90.

чатки ее длительной эволюции: «Диктатура пролетариата не наступает *после* осуществления демократической революции... Нет, казалось возможным и даже неизбежным, что диктатура пролетариата должна развиваться на основе буржуазной революции, потому что не существовало другой силы, способной осуществить цели революции аграрной. Но тем самым открывалась перспектива перехода демократической революции в революцию социалистическую»⁴⁹.

Троцкий указывает, что революция как раз и является этим процессом «перехода», постоянного развития, а не осуществляется путем минования той или иной фазы. В этом плане он полностью разделял мнение о полной бессмыслице гипотезы, в соответствии с которой социализм мог неожиданно и вдруг расцвести на почве феодального самодержавия, и добавлял, что такая гипотеза никоим образом не вытекала из теории перманентной революции. Более того, эта теория полностью ее исключала, считая революцию средством, с помощью которого данное общество только ускоряет и завершает уже совершающиеся в нем процессы преобразования. Революция становится необходимой, когда такие процессы не могут дозреть до конца при старой системе, но в результате происходит не воздействие на историю со стороны, а естественное развитие: «В России... история соединила — соединила органически, а не смешала — основное содержание буржуазной революции с первой фазой революции пролетарской»⁵⁰.

Это значит, что не было ни «пропуска» фаз, ни чудесных превращений, была только возможность «сконденсировать» некоторые фазы до «зачаточных форм»⁵¹, сокращая время, необходимое для исторических преобразований, которые в другом случае потребовали бы веков. Возможность таких ускоренных темпов для России объясняется непосредственно отсталостью страны. Поскольку задачи прошлого — как, например, аграрная революция — не были осуществлены теми, кто был призван к этому историей, то есть буржуазией, они должны были быть осуществлены другими, то есть пролетариатом. Если бы имела место аграрная революция, то из-за отсталости страны русский пролетариат пришел бы к власти последним в Европе. Случилось же так, что состояние отсталости, с одной стороны, помешало осуществлению аграрной революции, а с другой — привело пролетариат к власти раньше, чем в других европейских странах. В итоге задачи прошлого и настоящего соединились, создав предпосылки для уменьшения расхождения между ними⁵².

⁴⁹ Ibid., p. 52.

⁵⁰ Ibid., p. 95.

⁵¹ Ibid., p. 96.

⁵² Ibid., p. 52, 88, 90, 97.

Но и это не было абстрактным «скачком» в будущее, ибо являлось не скачком одного лишь пролетариата, а «преобразованием всей страны под руководством пролетариата»⁵³. Соединение различных фаз сократило путь к современности, отставания и упущения прошлого были компенсированы возможностями настоящего. Другими словами, получилось так, что одна из отсталых стран пошла в ногу с историей. «Вот так, — пишет Троцкий, — я понимал и интерпретировал перспективы перманентной революции начиная с 1905 года»⁵⁴. Продолжается именно эволюция: преемственность целей объективно придает революции «непрерывный характер»⁵⁵. Вместо того чтобы останавливаться на каждой фазе, революция «превращалась» в более развитые фазы; «преобразование всей страны», ее модернизация были результатом единого революционного процесса, сконденсированного в рамках одной исторической эпохи.

Успешное выполнение такой задачи не может, однако, не зависеть и от осуществления более или менее единовременной революции в других европейских странах. Это уже третья и в определенном смысле самая важная тема из тех, что Троцкий разрабатывал, когда писал «Перманентную революцию». И через двенадцать лет после октября 1917 года он по-прежнему был убежден, что рабочая революция, ограниченная территорией России, подвергалась бы смертельной опасности. Отсталая страна может осуществить рабочую революцию, но она не может прийти к социализму прежде других — развитых — стран, вне рамок всемирно-исторического развития. Это один из «основных постулатов» теории перманентной революции⁵⁶. «При некоторых обстоятельствах отсталые страны могут прийти к диктатуре пролетариата быстрее развитых стран, но к социализму они придут позже... В стране, где пролетариат приходит к власти вследствие демократической революции, дальнейшая судьба диктатуры и социализма будет зависеть в конечном итоге не столько от развития собственных производительных сил, сколько от перспектив всемирной социалистической революции»⁵⁷.

И в предисловии к книге он также утверждает, что на вопрос: «Вы действительно верите, что Россия уже созрела для социалистической революции?» — необходимо было неизменно отвечать: «Нет». «Но мировая экономика, и в част-

⁵³ Ibid., p. 55.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Троцкий употребляет термин «непрерывный» как синоним слова «перманентный». См., например: ibid., p. 52.

⁵⁶ В конце своей книги Троцкий перечисляет 14 «основных постулатов», которые он называет «основными выводами», вытекающими из теории перманентной революции (ibid., p. 124—129).

⁵⁷ Ibid., p. 127.

ности европейская экономика, совершенно созрела для такой революции. Приведет ли нас к социализму диктатура пролетариата в России? В каком темпе и через какие стадии? Все это будет зависеть от будущего европейского и всемирного капитализма»⁵⁸.

В 1929 году Троцкий в силу хода событий стал более осторожен, но оптимизма у него не убавилось⁵⁹. Во всяком случае, он не видел иного пути для спасения перспективы социализма в России: диктатура пролетариата стала уже фактом, были заложены основы коллективизма, но другие шаги в этом направлении были невозможны. Помимо того что социалистическая политика выхолащивалась вследствие ограничений, поставленных национальными границами, возникала опасность того, что экономический кризис, охвативший страну, подорвет первые завоевания революции. В таком случае архаичная глубинная структура старого общества могла бы взять верх, а отсталость из источника революционных преобразований превратилась бы в препятствие к изменениям. Вместо того чтобы продвигаться вперед, пролетарский строй был бы вынужден занять оборону⁶⁰. В таких условиях перспектива социализма грозила исчезнуть, так как будущее революции как никогда связано с развитием исторических событий во всемирном масштабе. «Социалистическая революция не может прийти к завершению в национальных рамках... Социалистическая революция начинается на национальной почве, развивается на международной арене и завершается на всемирной. Так социалистическая революция становится перманентной в новом и более широком значении этого слова: она завершится только при окончательном торжестве нового общества на всей нашей планете»⁶¹.

5. От социологии к политике: отсталость и большевизм

В течение всего XIX века русские революционеры различных направлений буквально мучились двумя основными вопросами: первый — «куда идет Россия?» — являлся вопросом теорико-социологического характера с большой долей телеологии; второй — «что делать?» — был вопросом практи-

⁵⁸ Ibid., p. 20.

⁵⁹ В 30-е годы Троцкий много занимался европейскими политическими проблемами, с большой проницательностью исследуя, в частности, вопрос о немецком фашизме. См. антологию его работ о Германии, выпущенную в свет в Нью-Йорке в 1971 году под названием: „The struggle against fascism in Germany“.

⁶⁰ См. предисловие Троцкого к немецкому изданию «Перманентной революции», опубликованному на русском языке под заглавием «Две концепции» в «Бюллетене оппозиции» за июнь—июль 1930 года, с. 30—36.

⁶¹ L. Trockij, La rivoluzione permanente, p. 127.

ческой политики и ставил проблему действия и его орудий. Эти два вопроса были, естественно, тесно связаны, и было бы бесполезно, если не антиисторично, пытаться схематично разделить их. Но значение, которое мыслитель придает тому или другому вопросу, указывает на его склонности и ориентацию в исторической области, и в частности на то, какую роль в истории он отводит политической власти и политическим действиям. Проблемы эти имеют решающее значение в марксистской теории, и отсюда понятно, почему упомянутые два вопроса так оживленно дебатировались среди русских марксистов и поделили их на две противостоящие фракции в зависимости от того, какому из них придавалось большее значение. «Что делать?» — спрашивал Ленин в 1902 году, и его ответ означал решительную переориентацию с социологии на политику, с основных тем исторического анализа на актуальные вопросы политического действия. Было бы преувеличением обвинять Ленина — как это не раз делалось — в полном отсутствии интереса к теории (понимая теорию в смысле первого из вопросов) или приписывать ему резкое отрицание тесной связи между теорией и практикой. Напротив, многочисленные его работы свидетельствуют о его исключительной способности в деле теоретического и исторического анализа, а также о понимании проблем упомянутой связи. Однако, если смотреть с точки зрения детерминизма и волюнтаризма, сомнений в отношении истинных склонностей и симпатий Ленина не возникает.

Так или иначе, знаменитое ленинское решение, выдвинутое им в «Что делать?», и программные мероприятия, которые он позже пытался провести в жизнь, вызвали резкие споры. В 1903 году на II съезде РСДРП возник раскол, который в дальнейшем так и не удалось преодолеть. Опять-таки на основе упомянутого коренного различия в подходе меньшевики стали с тех пор организованной силой, более других противостоящей Ленину. Но именно Троцкий стал наиболее упорным, порой фанатичным противником намеченного Лениным направления и соответствующего выбора политической линии. Интерпретация Троцким вопроса о том, «куда» ведет российская история, не нашла места в меньшевистском лагере, хотя в отношении «что делать?» его ответ находился где-то посередине между Лениным и меньшевиками. Вместе с тем в отличие от меньшевиков он через пятнадцать лет примкнул к большевикам и оставался в их лагере до конца своей жизни. Страстность, с которой он предпринял этот шаг, даже заставила его признать — случай для него редкий — ошибки в занимавшейся им до 1917 года позиции⁶².

⁶² См.: *L. Trockij. La mia vita*, p. 143—145; *L. Trotsky. Stalin*, p. 112. Следует добавить, однако, что в целом он избегал говорить о своей антибольшевистской позиции до 1917 года.

Здесь представляется важным попытаться понять как природу оппозиции Троцкого к большевикам в тот период, так и причины, приведшие его в конце концов в ленинский лагерь. Это позволит выявить пробелы в его теории революции отсталости, а также тот тупик, в который эта теория в конечном итоге заводила. Сразу же после II съезда Троцкий написал две брошюры, в которых анализировал путь зарождения большевизма⁶³. Их содержание крайне резко и оскорбительно: нападкам подвергается не только большевизм как организация, но и лично сам Ленин, которого Троцкий обвиняет в «демагогии», в «злонамеренной и тошнотворной подозрительности», называя это «пошлой карикатурой на трагическую нетерпимость якобинцев»⁶⁴. И все же эти брошюры содержат тонкий анализ того, что Троцкий считал социальными корнями большевизма, которые, по его мнению, тянулись от культурной и политической отсталости русского общества. Типичными для этого общества были полное отсутствие нормальной политической жизни и традиционный отрыв интеллигенции от масс⁶⁵. Невозможность ликвидировать этот отрыв путем установления институциональных связей между элитой и массами, между идеологиями и движениями, между правителями и управляемыми привела в свое время к появлению среди русской интеллигенции считавшейся вполне естественной тенденции к действию вне всякой связи с массами и стихийными движениями в качестве независимой носительницы политического мессианства, примером чего служат экстремистские группировки народников. Большевизм был не чем иным, как последним вариантом этой эндемической болезни отсталости, не менее экстремистским, чем его русские предшественники и те самые рационалистические, переловые, «якобинские» формы, на которые он ориентировался⁶⁶.

В первой своей брошюре Троцкий резко нападает на ленинскую концепцию «централизма», осуждая ее как открытую попытку разрушить все то естественное и стихийное, что

⁶³ II съезд РСДРП (Отчет сибирской делегации). Женева, 1903; Наши политические задачи. Женева, 1904. См.: V. Lenin, L. Trockij, R. Luxemburg. Rivoluzione e polemica sul partito. Roma, 1973. См. также: Che fare? A cura di V. Strada. Torino, 1971, l'Appendice, p. 418—443.

⁶⁴ L. Trockij. Giacobinismo e socialdemocrazia. — In.: V. Lenin. Che fare? Op. cit., p. 429.

⁶⁵ См.: V. Lenin, L. Trockij, R. Luxemburg. Op. cit., p. 248. Троцкий вернулся к этой теме в своих последующих работах. См., например, работу 1912 года «Об интеллигенции» (Л. Троцкий. Соч., т. 20, с. 327—342).

⁶⁶ Последняя глава работы «Наши политические задачи» содержит критику утверждения Ленина о том, что революционный социал-демократ — это якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата и сознающий свои классовые интересы.

рабочее движение когда-либо создало в России⁶⁷. Во второй он подробно разбирает феномен, названный им «явлением подмены»⁶⁸ и, по его мнению, представлявший собой самое последнее выражение пессимизма, порожденного в российской социал-демократии разрывом между массами и интеллектуалами. Будучи убеждены в невозможности исправить это положение, большевики, по мнению Троцкого, решили оставить массы и заменить их собою. Они собирались делать революцию во имя народа, но так, будто народа этого и не было вовсе. Это, предупреждал Троцкий, не что иное, как «заговор», отделение «революционной деятельности от социалистической идеи», «диктатура» не пролетариата, а над пролетариатом⁶⁹. «Во внутривластной политике такие методы приводят... к подмене партии партийной организацией, организации — Центральным Комитетом, Центрального Комитета — диктатором»⁷⁰.

Если большевизм не будет искоренен и уничтожен — таков мрачный вывод Троцкого, — то он уничтожит социал-демократию и всякую перспективу осуществления социализма в России⁷¹. Но какой же была альтернатива? Троцкий не сомневался, что единственным решением было вновь выйти на путь подлинно массового движения и начать политические действия, более трудные и продолжительные, но зато способные привести к положительным результатам, и создать таким путем институциональную структуру, выражающую интересы рабочего класса и всего движения. Во всяком случае, он считал, что сами социальные условия неизбежно приведут рабочий класс к «идущей снизу» деятельности социалистического и революционного характера⁷² и что единственной задачей руководящей партийной группировки будет посредничество между объективной стихийностью и сознательным субъективным политическим действием. Вот как он определял эту взаимосвязь и соответствующее «разделение труда» между массами и вождями: «Марксизм учит, что интересы пролетариата определяются объективными условиями его существования. Эти интересы настолько сильно выражены, что вынуждают пролетариат перенести их в сферу собственного сознания, то есть сделать из осуществления своих *объективных* интересов интерес *субъективный*. Между этими двумя факторами... простирается царство жизни, столкновений и ударов, ошибок и разочарований, неудач и поражений. Вся

⁶⁷ См.: V. Lenin, L. Trockij, R. Luxemburg. Op. cit., p. 11.

⁶⁸ Ibid., p. 280.

⁶⁹ Ibid., p. 263, 289, 297.

⁷⁰ Ibid., p. 285.

⁷¹ Он все-таки был убежден, что большевикам не удастся навязать свою гегемонию российской социал-демократии (ibid., p. 302).

⁷² Ibid., p. 277.

тактическая дальновидность партии пролетариата заключена между этими двумя факторами и состоит в укорочении и облегчении пути от одного к другому»⁷³.

Возвращаясь к темам, затронутым в начале этого раздела, нужно сказать, что в отличие от Ленина Троцкий придерживался детерминистско-волюнтаристской типологии политического действия. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что при всем этом вопрос о том, что делать, был для него излишним, поскольку ответ на него уже содержался в ответе — каким бы он ни был — на первый вопрос, вопрос о том, куда идет Россия. Сильно выраженный детерминизм его отношения к политике и организации не уменьшился в последующие годы, а, напротив, еще больше усилился. Под сильным воздействием стихийной деятельности рабочих Петербурга и других городов, под влиянием того, что выглядело в его глазах как их инстинктивная идеологическая метаморфоза, под влиянием выбора ими пути радикальных действий он после 1905 года проникся еще большей убежденностью в том, что организационные вопросы имеют вторичное значение, так как находят свое место и решаются, когда наступает нужный исторический момент, и что основная проблема заключается не в массах, а в партии. Ведь именно партия должна была уяснить непосредственный и неизбежный характер революции, чтобы не оказаться в хвосте у истории и у масс⁷⁴. Поэтому Троцкий посвятил себя задаче доказать правильность теории перманентной революции и внедрить в партии идею неизбежно социалистического характера грядущей революции, продолжая уделять мало внимания организационным вопросам.

В 1917 году Троцкий сам признал, насколько все это было упрощенно и малоубедительно и насколько чрезмерно оптимистичной и общей была его точка зрения на соотношение между историко-социологическим анализом и политической властью. Теория перманентной революции, хотя она и открывала самую радикальную перспективу в вопросе о том, куда непосредственно движется Россия, не давала ничего в качестве инструмента для преодоления разрыва между социологией и политикой, для превращения общественных сил в политическую реальность. Этот недостаток сам Троцкий ранее приписывал позиции меньшевиков, обвиняя их в «антиреволюционных» предрассудках⁷⁵. Но на деле и он сам потерял из виду эту проблему. А именно на ней впоследствии и строилось выдвигавшееся против него обвинение в том, что он не

⁷³ Ibid., p. 282.

⁷⁴ После событий 1905 года Троцкий начал горячо поддерживать идею Советов как несущей структуры массовых действий (см.: *L. Trockij*. 1905. Firenze, 1970, p. 109—116, 215—219, 221—225, 247—250).

⁷⁵ Ibid., p. 285, 288, 291.

более чем замаскировавшийся меньшевик. В 1917 году и в последующие годы он, однако, признавал ошибки своего антибольшевистского периода, заявляя, что до 1917 года грешил «роковым оптимизмом»⁷⁶. В самый разгар событий 1917 года, наблюдая за драматическим развитием обстановки, он обратил внимание на неопределенность ситуации и на возможность различных исходов, а также на то, что будущее России зависело теперь от политического курса и от нарастающей с каждым днем борьбы за власть ничуть не меньше, чем от предшествующего исторического развития и «неодолимых объективных интересов». Так он присоединился к Ленину и большевикам, признавая, что только таким путем ему удастся воспользоваться плодами своего прогноза в отношении характера российской революции⁷⁷.

Но плодами этими он воспользовался бы так или иначе. Присоединившись к большевикам, он уже не смог доказать, как ни пытался сделать это в последующие годы, свою непричастность к тем самым последствиям, которые сам же с такой проницательностью предсказывал в 1903—1904 годах⁷⁸. Революцию отсталости, как он сразу признал, нельзя было бы осуществить без большевизма. Но большевизм, как он тогда же отметил, отражал особые черты отсталости общества и держался на них. Если это так, то следовало ли отсюда, что построить социализм в России невозможно? В течение всех оставшихся ему лет жизни Троцкий пытался доказать, что возможно. Но все чаще ему приходилось прибегать к аргументу несостоявшейся «мировой революции»⁷⁹, все чаще признавать, что «отсталость мстит за себя», ссылаться на побочные исторические факторы. Обо всем этом убедительно свидетельствуют его критические суждения 30-х годов, направленные против теории «социализма в одной, отдельно взятой стране», против бюрократизма и сталинизма⁸⁰.

В начале 30-х годов Троцкий писал, что марксистское положение, согласно которому промышленно развитые страны показывают менее развитым странам прообраз их будущего,

⁷⁶ L. Trotsky. Stalin, p. 112.

⁷⁷ В какой степени переход в лагерь Ленина вынудил Троцкого занять ту позицию, которую он резко критиковал в 1903—1904 годах, можно понять, например, из его утверждения, что «большевики считали своей задачей стать во главе этого народа... Большевики были народом» (L. Trotskij. Storia della rivoluzione russa, p. 661).

⁷⁸ Впоследствии он, естественно, целиком отверг идею о том, что корни сталинизма следует искать в большевизме (см., например, его статью «Сталинизм и большевизм» в «Бюллетене оппозиции» за сентябрь—октябрь 1937 года).

⁷⁹ Троцкий даже утверждал, что революция в Европе потерпела поражение потому, что там не удалось создать партии по образцу большевистской (см.: Л. Троцкий. Пять лет Коминтерна, с. 25—28).

⁸⁰ См. главы 9 и 10 моей книги о Троцком.

годится для XIX, но не для XX века, когда прошлое и будущее «сливаются» в беспрецедентный «сплав» и порождают новый, совершенно особый образ общества⁸¹. Среди русских марксистов никто лучше Троцкого не сумел объяснить, почему дело должно было развиваться именно так и почему коллективистское общество должно было возникнуть в условиях отсталости. Если верно, что не Троцкий, а Ленин объяснил, как именно это могло произойти, то столь же верно, что созданное таким образом общество имело очень мало общего с тем, о котором «мечтала» изначально марксистская «философия» социализма. Троцкий же почувствовал особый характер коллективистской революции отсталости в XX веке, а также предугадал, хотя и в искаженной форме, ее связь с марксизмом.

⁸¹ См.: *L. Trotsky. The History of the Russian Revolution*. London, 1976, p. 1219.

Израэль Гетцлер

МАРТОВ И МЕНЬШЕВИКИ ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

9 мая 1917 года Юлий Мартов (Юлий Осипович Цедербаум, 1873—1923), ставший после II съезда РСДРП в 1903 году во главе меньшевистской фракции русской социал-демократии, возвратился в Россию из швейцарской эмиграции. Вокруг него сразу же образовалась небольшая группа меньшевиков-интернационалистов (среди них были Александр Мартынов, Рафаэль Абрамович, Николай Суханов и Павел Аксельрод), которая решительно выступила как против меньшевистской коалиции «революционеров-оборонцев» во главе с Ираклием Церетели (к нему примыкали также Николай Чхеидзе, Федор Дан, Михаил Скобелев и Марк Либер), так и против Ленина и большевиков, выдвинувших лозунг «Вся власть Советам!».

Уже начиная по крайней мере с революции 1905 года идея буржуазной революции в России, принятая Мартовым и меньшевиками, неизбежно предвосхищала возникновение такой ситуации и революционной стратегии, которые сложились после Февральской революции в период «двоевластия» и правления 1-го Временного правительства (2 марта — 5 мая 1917 года). Необходимо было образовать буржуазно-демократическое послереволюционное правительство наперекор мощной революционно-демократической оппозиции. Последняя, утвердившись в таких «органах революционного самоуправления», как Советы, кооперативы, профсоюзы, городские Думы и сельские Советы, вполне могла оказать на правительство давление извне и заставить его принять «демократические» меры, которые позволили бы реализовать (даже против его воли) «программу-минимум» русской социал-демократии, пока, согласно «программе-максимум», политическая свобода и капиталистическое развитие не подготовили бы отсталую Россию к пролетарской революции и к социализму.

1. Ортодоксальность меньшевиков и революция

Революционная стратегия меньшевиков восходит к 1905 году, то есть ко времени, когда среди российских марк-

систов возникла дискуссия по вопросу о власти, ставшая ответом меньшевиков на теорию «перманентной революции» Троцкого и на ленинскую концепцию «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Яркие сторонники буржуазной концепции революции и ее минимализма, меньшевики считали, что с падением царизма буржуазия получит «политическое превосходство», а они как революционные социал-демократы возьмут на себя роль «боевой» непримиримой оппозиции. Отвергая революционные проекты Ленина и Троцкого, конференция меньшевиков в мае 1905 года призвала социал-демократов не ставить своей целью «взять власть или разделить ее с Временным правительством» и продолжать быть «революционной партией без всяких оговорок»¹. Только таким образом партия могла сохранить свою роль «двигателя революционной оппозиции», способного держать «под нажимом» буржуазное правительство, не позволяя ему останавливаться на «полпути» и заставляя его выполнить свою историческую задачу, то есть «разрушить царизм и все социальные формы добуржуазного общества». Только так социал-демократы смогли бы полностью использовать эту «социальную революцию буржуазии» в целях «будущей социальной революции пролетариата»².

Как революционеры, отказавшиеся от немедленного захвата государственной власти в ходе революции 1905 года, меньшевики выработали свою теорию и практику «институтов революционного самоуправления». Они стали требовать от городских масс захвата местных органов власти и превращения их в «оплоты революционного самоуправления народа». Они призывали рабочих к участию в «революционных рабочих кружках» (позднее — в рабочем съезде), а крестьян — к «революционному самоуправлению» в деревне³. Когда во второй половине 1905 года во всех крупных городах России возникли Советы рабочих депутатов, меньшевики приветствовали их с большим энтузиазмом как «первый блестящий опыт революционного самоуправления пролетариата»⁴

¹ «Первая общерусская конференция партийных работников» (приложение к «Искре»), 15 мая 1905 года, № 100, с. 23—24.

² Л. Мартов. На очереди. Рабочая партия и «захват власти» как наша ближайшая задача. — Там же, 17 марта 1905 года, № 93. Л. Мартов. Рабочий класс и буржуазная революция. — Там же, 1 декабря 1904 года, № 79.

³ См.: «Первая победа революции». Так называлась меньшевистская брошюра, которую цитировал Ленин (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 136). См. также: Л. Мартов. На очереди. Бойкот Думы и самоуправление народа. — «Искра», 29 августа 1905 года, № 109; A. Asher. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge (Mass.), 1972, p. 233—239.

⁴ А. Мартынов. Советы рабочих депутатов и наша партия. — «Начало», 15 ноября 1905 года, № 2.

и развили бурную деятельность в области, которую Мартов приветствовал как «осуществление нашей идеи революционного самоуправления»⁵.

Исключая оптимальную, но маловероятную возможность «скачка революции к развитым странам Западной Европы» (в этом случае российские социал-демократы могли с полным правом «захватить власть и удержать ее в своих руках», поскольку появилась бы возможность «социалистического преобразования России»), Мартов и Мартынов допускали захват власти социал-демократами в России лишь при том условии, если «сильные буржуазные революционные партии» (игравшие определяющую роль в революционном проекте меньшевиков), получив власть, быстро распались бы. Если бы буржуазия не выполнила своего исторического долга, тогда социал-демократы заглушили бы в себе «антиякобинские угрызения совести» и взяли бы власть в свои руки, а сделав это и разрушив «структуру буржуазной революции», они стали бы бороться за «перманентную революцию». Целью борьбы было бы столкновение со «всеим буржуазным обществом», но им следовало избежать судьбы Парижской Коммуны и способствовать прежде всего «социалистической революции на Западе», которая потом могла «распространиться на Россию»⁶. Однако в случае возникновения революционной ситуации такого типа Мартов допускал, что «наш анализ исторической обстановки и задач русского пролетариата окажется ошибочным, и нам тогда придется незамедлительно и радикально пересмотреть нашу программу».

Страхи, которые порождала у меньшевиков, и особенно у Мартова и Мартынова, идея преждевременного захвата власти, были вызваны марксистской предпосылкой о том, что определенный уровень развития цивилизации, производительных сил и политической свободы (по их мнению, это могло быть гарантировано лишь современным буржуазно-капиталистическим обществом) является объективно необходимой предпосылкой любой социалистической революции. Их табу на захват власти было обусловлено классической марксист-

⁵ Л. Мартов — П. Аксельроду, конец октября 1905 года. — Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, 1901—1916. Берлин, 1934, с. 146.

⁶ См.: Л. Мартов. На очереди. Революционная стратегия Мартова, включавшая Маркову идею «перманентной революции», была близка по духу скорее к содержанию Обращения Центрального Комитета к Союзу коммунистов (март 1850 года), где утверждалось, что «буржуа скоро придут к власти и тотчас же обратят свою только что приобретенную власть против рабочих» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, с. 258—261), чем к теории «перманентной революции» Троцкого, основным отправным пунктом которой является непосредственное «господство пролетариата» (*Л. Троцкий*. Наша революция. Санкт-Петербург, 1907, с. 249—254); см. также: *B. Knei-Paz*. The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford, 1978, p. 159.

ской теорией, согласно которой истинно социалистическое государство носит характер «исполнительного комитета», из чего они заключали, что «захват государственной машины со стороны нашей партии возможен только im Auftrage * рабочего класса» и единственно с целью «непосредственно реализовать революционную диктатуру пролетариата». До этого момента социалисты должны были «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Вне всякого сомнения, Мартов не мог думать об ином выборе⁷.

Неприятие меньшевиками формулы преждевременного захвата власти объяснялось прежде всего их социал-демократическими убеждениями, по которым необходимым субъективным условием взятия власти социал-демократами должна была быть воля масс в их стремлении к социализму, а именно этой воли, по их мнению, отчаянно не хватало отсталой и невежественной России. Более того, Мартов был убежден, что народные массы России «настолько далеки от социализма», что «если бы сегодня (август 1905 года) состоялись революционные выборы в Учредительное собрание», то Россия пришла бы не к «социалистическому парламенту», а, скорее, к органу, представляющему «организованную буржуазную демократию»⁸. Поэтому Мартынов и ставил вопрос о том, имеют ли право социалисты «в борьбе с [собственной] марксистской совестью» захватить государственную власть и использовать ее для «нейтрализации мелкой буржуазии, противящейся социалистическим стремлениям пролетариата»⁹. «Организационные вопросы» и попытка Ленина захватить руководство на II съезде российских социал-демократов явились первопричиной личных расхождений между Мартовым и Лениным и раскола между меньшевиками и большевиками. Ленинской концепции элитарной, в высшей степени централизованной партии профессиональных революционеров меньшевики противопоставляли мечту о широкой социал-демократической партии, о некоем сообществе Parteigenossen * с коллективным управлением по образцу немецкой социал-демократии героического периода действия исключительного закона Бисмарка. Но именно их различное отношение к вопросу о власти привело дискуссию между меньшевиками и большевиками к окончательному и неустрашимому расколу между ними.

Меньшевики, считавшие, что в освобожденной от царизма России социал-демократия должна стать боевой оппозицией,

* От имени, по поручению (нем.).— *Прим. ред.*

⁷ См.: Л. Мартов. На очереди.

⁸ Там же.

⁹ А. Мартынов. В борьбе с марксистской совестью. — «Искра», 15 июня 1905 года, № 102.

* Члены партии, букв.: товарищи по партии (нем.).— *Прим. ред.*

пытались укрепить и сплотить ее с помощью сети «учреждений революционного самоуправления», в частности Советов. В псевдоконституционный период столыпинской реакции они занялись работой в таких легальных организациях, как социал-демократическая фракция в Думе и ее кружок, социалистическая печать, профсоюзы, кооперативы, ассоциации медицинской помощи и социального обеспечения, с похвальным стремлением как можно более расширить партийную работу и перенести ее из нелегальной области в легальную. В то же время, всматриваясь пристально в российскую действительность в поисках буржуазии, активно стремящейся стать в оппозицию царизму, они тратили свою марксистскую эрудицию и аналитические способности прежде всего на то, чтобы сделать из этой буржуазии своего кандидата на власть и управление.

Большевики, наоборот, предлагали в качестве такого кандидата самих себя и, как всегда, опираясь прежде всего на партию, рассматривали эту элитарную организацию, к тому же еще и в основном нелегальную, как орудие завоевания власти либо путем запланированного вооруженного восстания (в период 1905—1907 годов), либо в результате мобилизации городских рабочих масс на кровавые демонстрации и стачки против царского режима (в 1911—1914 годах). В отличие от меньшевиков они высматривали себе на русском горизонте революционных союзников среди крестьянства, а в Советах видели «зародыш временного революционного правительства», основанного на союзе рабочих и крестьян.

До революции 1917 года Мартов, особо резко выступая против Карла Каутского и Троцкого, был ярким сторонником меньшевистской ортодоксии. Когда в 1907 году Каутский заявил, что русская революция не была ни «буржуазной», ни «социалистической», а скорее двигалась «по границе между буржуазным и социалистическим обществом»¹⁰, Мартов обратился к нему с таким увещанием: «В XX веке революция, которая происходит в сфере влияния мирового капитала, может быть *или* буржуазной, *или* социалистической. Она может привести *или* к господству капитализма, *или* к его разрушению. *Tertium non datur* (третьего не дано)»¹¹.

Не менее строгим был он и в утверждении меньшевистского принципа, отвергающего участие в правительстве, когда Каутский, считая, что в России буржуазной демократии «недостает сильного хребта», советовал русским социал-демократам рассматривать себя в качестве «представителей на-

¹⁰ К. Kautsky. Triebkräfte und Aussichten der russischen Revolution. — In: „Neue Zeit“, Bd. I, 1906—1907, S. 331—333.

¹¹ Л. Мартов. К. Каутский и русская революция. — «Отклики», ч. II, 1907, с. 11.

родных масс» и «бороться за победу» и власть¹². «В отличие от Каутского,— писал Мартов,— мы считаем, что русская социал-демократия может выполнить собственную партийно-классовую задачу русского пролетариата только в том случае, если сознательно и с самого начала она не будет бороться за ту победу, которая в настоящих исторических условиях превратила бы ее в «представителя населения», неизбежно заставив ее погрязнуть в мелкобуржуазных идеях»¹³.

Даже во время войны, когда Мартов в свете «новой исторической ситуации», нарушившей стабильность в Европе, внес в «ближайшую программу» для Европы вопрос о «ликвидации капитализма... свержении господства буржуазии и социальной революции», то для России его программа по-прежнему предусматривала буржуазную революцию и «Все-российское Учредительное собрание в целях ликвидации войны и самодержавия»¹⁴. Он защищал эту программу для России вместе со своей меньшевистской стратегией в споре с Троцким, полностью отвергая всякие попытки (которые были у Троцкого) забыть разницу между программой-минимум и программой-максимум, в чем его и обвинил бывший его друг Александр Потресов, ставший в этот период вождем меньшевистского «оборончества» в России¹⁵. Мартов призывал российских социал-демократов как «интернационалистов» всеми силами бороться против «империалистских тенденций русской буржуазии». С благословения Потресова и меньшевиков-оборонцев они должны были отбросить «старую тактику» поисков определенной «координации» с «движением демократической оппозиции, руководимым либералами», но в то же время, сохраняя верность собственной «марксистской политике», должны были признать в борьбе русской буржуазии за власть против «привилегированных господствующих классов» фактор, который «подготавливает буржуазную революцию» и который, следовательно, может быть использован «в революционных целях» пролетариата.

Мартов в особенности выступал против «телеологической теории» Троцкого, «изобретенной авантюрным умом Парвуса»¹⁶, где постулировалось, что пролетариат — «единственный» революционный класс в России и что «при отсутствии

¹² К. Kautsky. Triebkräfte, S. 329.

¹³ Л. Мартов. К. Каутский..., с. 18.

¹⁴ См. письма: Л. Мартов — П. Аксельроду от 2 января 1917 года, Л. Мартов — Ф. Дану от 11 марта 1915 года (Письма, с. 312, 325), а также Л. Мартов и др. Задачи российского пролетариата (Письмо к товарищам в России). Женева, 1915.

¹⁵ Л. Мартов. Против войны! Сборник статей 1914—1916. М., 1917, с. XV.

¹⁶ Л. Мартов. Борьба с империализмом и русские задачи. — «Известия заграничного секретариата организационного комитета РСДРП», 12 сентября 1917 года, № 6.

буржуазной демократии национальная буржуазная революция» — это иллюзия¹⁷. Мартов подчеркивал, что речь шла «о еще более опасной иллюзии», от которой следует отказаться, поскольку она может привести к «другой возможности», а именно к восточному деспотизму и *китайщине*. Троцкий должен был признать, что «любое радикальное политическое преобразование в России немыслимо, если дальнейшее развитие капитализма сначала не подготовит пролетариат не только к простому завоеванию государственной власти, но и к такому ее использованию, которое приведет к социалистическим преобразованиям». Значит, «надо оставить возможность свершения революции русской буржуазии»¹⁸.

2. Поражение Мартова

Когда произошла Февральская революция, Мартов и его товарищи по эмиграции меньшевики Аксельрод, Мартынов и Семен Семковский, как и Ленин вместе с большевиками-эмигрантами, предприняли отчаянные попытки, чтобы как можно быстрее вернуться в Россию через Германию. Однако в отличие от Ленина они напрасно ожидали, что меньшевистское руководство Петроградского Совета или Временное правительство примут план Мартова, предусматривавший запрос у германских властей на право свободного проезда русских революционеров в обмен на репатриацию немецких гражданских лиц, интернированных в России. Наконец, хотя петроградские меньшевики — Церетели, Чхеидзе, Скобелев и Дан — наложили вето на «план» Мартова, он, неистово протестуя против этого приговора «оставаться в Швейцарии до конца войны», 9 мая приехал в Петроград в составе большой группы русских революционеров, желавших «выполнить свой первейший долг участия в великой революции»¹⁹. Однако он понял, что запрещать меньшевистским руководителям, в частности Церетели и Скобелеву, участвовать в коалиционном правительстве, образованном 5 мая, было слишком поздно. Хуже того, требование, о котором Мартов телеграфировал 27 апреля, что «любое участие в коалиционном правительстве недопустимо», было с пренебрежением проигнорировано²⁰. То же самое произошло и с резким про-

¹⁷ См.: Л. Троцкий. Основные вопросы. Борьба за власть. — «Наше слово», 17 октября 1915 года, № 217.

¹⁸ Л. Мартов. Война и российский пролетариат. — «Интернационал и война», 1915, № 1, с. 118—119.

¹⁹ См. телеграмму, посланную из Петрограда 1 мая 1917 года Чхеидзе, Скобелевым, Церетели и Даном, а также телеграмму из Цюриха 5 мая 1917 года, подписанную Аксельродом, Мартовым, Мартыновым и Семковским (Nicolaevskij Collection, Hoover Institution).

²⁰ «Рабочая газета», 6 мая 1917 года, № 49.

тестом Мартова против бесчестного насилия над ортодоксией меньшевиков²¹.

Мартов должен был взглянуть правде в глаза и убедиться, что он потерял влияние на партию, уступив место Церетели и оставшись во главе незначительной группы меньшевиков-интернационалистов, в высшей степени образованных и проницательных людей, «непримиримых противников» и критиков революционного оборончества и коалиционизма меньшевистского большинства²², но не способных указать конкретный выход из кризиса власти, который изматывал российскую революцию. Еще на съезде Советов в июне 1917 года, усмотрев в тактике коалиций «основную ошибку», Мартов вновь поднял на щит свои старые догмы и потребовал выхода министров-социалистов из коалиционного правительства, выступив — ни больше, ни меньше — за возвращение к «двоевластию» периода марта — апреля. Утверждая, что власть следует оставить «целиком и полностью» в руках буржуазии, он призывал Советы оказывать на нее «максимальное давление», повиснуть над ее головой, «как дубина», и требовать: «Вперед, или прочь с дороги!»²³

В то время как подавляющее большинство меньшевиков, несмотря на привязанность к Мартову, считало его слишком большим доктринером в вопросах власти, многие решили, что его дискуссии с Церетели и Лениным в рамках широкой всероссийской дискуссии о войне и мире на июньском съезде Советов отличались неизлечимо абстрактным «интернационализмом». Здесь Мартов дошел до того, что предложил послать союзникам от имени России ультиматум с требованием отказаться от «империалистских» целей и начать переговоры о мире. В случае отрицательного ответа революционная Россия должна была порвать отношения с союзниками, но, если бы немцы перешли в наступление, она должна была сохранить за собой возможность «сепаратной войны»²⁴. Поэтому не удивительно, что при чрезвычайном положении, сложившемся в 1917 году, меньшевики объединились вокруг более практичного, решительного и харизматичного Церетели с его «революционным оборончеством». Демократическая Россия должна была продолжать «оборонительную» войну (без территориальных претензий) до тех пор, пока совместное давление российского правительства и социалистического европейского общественного мнения (его

²¹ См.: Н. Суханов. Записки о революции. Берлин, 1922, т. IV, с. 212.

²² См.: Л. Мартов — К. Ольбергу, 22 мая 1917 года, неопубликованное письмо (Nicolaeuskij Collection).

²³ Первый Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.—Л., 1930, т. I, с. 116; «Известия», 3 июня 1917 года, № 82; А. Г. Шляпников. Семнадцатый год. М., 1931, т. IV, с. 159.

²⁴ Первый Всероссийский Съезд Советов..., с. 111—117, 343, 349.

следовало мобилизовать на конференции социалистических партий в Стокгольме) не заставит союзников пойти на переговоры о «демократическом» мире без победителей и побежденных²⁵. Они даже считали полезной попытку испробовать «реалистическую политическую пролетарскую тактику» союза с либеральной буржуазией, которую так превозносил Церетели. Хотя его догматическое напоминание о классическом предупреждении Энгельса насчет рискованности преждевременного захвата власти социалистами — оно было принято Плехановым — не могло придать коалиционизму марксистский характер²⁶, практические аргументы Церетели в пользу того, что России необходимо правительство, которое объединяло бы «все жизненные силы страны», убедили многих меньшевиков, которые странным образом не испытывали тогда никакого стремления к власти. Этот туманный призыв был в первую очередь обращен к той части либеральной буржуазии, организованной в партию кадетов, которая была расположена воевать за «национальную» русскую «революцию». По мнению Церетели, «русскому рабочему классу недостает того организационного опыта, который можно приобрести лишь в свободном государстве, и поэтому сам он пока не в состоянии взять власть и пользоваться ею. Поэтому с огромным интересом он смотрит на союз со всеми жизненными силами страны на основе общей национально-демократической программы»²⁷.

Эта политика классового сотрудничества символически выразилась в Государственном совещании в Москве 15 августа 1917 года, когда Церетели, «благородный вождь русской демократии», под «аплодисменты, переходящие в овацию», пожал руку главе русских промышленников Александру Бубликову²⁸. Этой политики Церетели лояльно и последовательно придерживался и после Октябрьской революции. Даже 10 ноября 1917 года он еще настаивал на том, чтобы рассматривать кадетов как возможных союзников в коалиционном послебольшевистском «демократическом правительстве», хотя и очень сомневался, не повернет ли их Октябрьская революция «слишком вправо»²⁹.

И Мартов, и Абрамович, которые с самого начала были непримиримыми критиками огорчившего их коалиционизма и оборончества Церетели, лишь накануне «июльских собы-

²⁵ Там же, с. 55—62, 119, 274, 357—360; И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963.

²⁶ См. речь Церетели 7 мая на конференции меньшевиков в Петрограде. — В. Л. Львов-Рогачевский. Социалисты о текущем моменте. М., 1917, с. 197—200; Государственное совещание. М.—Л., 1930, с. 236.

²⁷ «Рабочая газета», 28 июня 1917 года, № 93.

²⁸ Государственное совещание, с. 268—269.

²⁹ «Рабочая газета», 11 ноября 1917 года, № 206.

тий», во время правительственного кризиса, вызванного выходом четырех министров-кадетов, стали сторонниками захвата власти социалистами. «Нам остается лишь одно,— утверждал Мартов на заседании Центрального Исполнительного Комитета Советов 3—4 июля.— История требует от нас взять власть в свои руки... пройдя по головам либеральной буржуазии»³⁰. Абрамович, вторя Мартову, требовал «действительно революционного министерства», которое представляло бы рабочий класс и «все революционные слои мелкой сельской и городской буржуазии». Только такое правительство могло бы «энергично» осуществлять программы внешней и внутренней политики «буржуазно-демократической» русской революции «без помощи и даже против воли средней и крупной буржуазии»³¹. Очевидно, страхи Мартова, сдерживавшиеся им после 1905 года, и предупреждения Ленина и Троцкого (к которым не прислушались) в отношении того, что либеральная буржуазия, возможно, не выполнит собственной «исторической функции» в меньшевистском проекте буржуазной революции, оказались более чем обоснованными. Мартов действительно обнаружил, что «созидательная сила русской буржуазии» по причине ее империалистических устремлений иссякла гораздо быстрее, чем он предполагал. Он понял, что отход буржуазии от революции был «блестяще» определен в резолюции, принятой «кадетскими дамами» в августе: «Никакого мира до победы. Никаких выборов в Учредительное собрание до заключения мира. Никаких реформ до Учредительного собрания»³².

После того как в «июльские дни» предложение о «правительстве демократии» было сметено, с одной стороны, криками: «Вся власть Советам!», а с другой — ловкими маневрами Церетели, Мартов в середине сентября предпринял последнюю отчаянную попытку в борьбе против коалиционизма в связи с предстоявшей демократической конференцией. В статье «Почему нет места коалиции», напечатанной накануне конференции, Мартов постарался объяснить, по каким причинам буржуазия, которая одно время была его кандидатом на революционную власть, настолько отошла от революции, что даже «постыдно саботировала» такие мероприятия национального характера, как аграрная и финансовая реформы и установление военно-государственного контроля на производстве. По его мнению, речь шла об отчаянных арьергардных

³⁰ А. Г. Шляпников. Семнадцатый год..., с. 288—289. 294; «Известия», 6 июля 1917 года, № 110; «Новая жизнь», 12 июля 1917 года, № 72, и 16 июня 1917 года, № 76.

³¹ R. Abramovič. Dos neije ministerium. — In: „Arbeitershtime“, 6.VII 1917, № 27.

³² Л. Мартов. Переходный момент. — «Голос социал-демократа», 6 августа 1917 года, № 2; «Новая жизнь», 22 августа 1917 года, № 107.

боях за власть со стороны буржуазии, которая растерялась в условиях революционной ситуации, когда «закладываются основы нового социального и политического строя». Все говорило о сдвиге «влево», к «народной власти». С этого момента далее, указывал Мартов, укрепление и расширение революции должны происходить без участия буржуазии и даже против нее³³. Теоретическое обоснование «буржуазной революции без буржуазии» Мартов видел в том, что в лице руководителей городской и сельской демократии «рождалась в революционной буре» новая буржуазия, которая, выйдя из лоноа «демократических масс», уже утверждалась, и поэтому не было никаких оснований бояться, что русская буржуазная революция «сойдет с буржуазных рельсов»³⁴.

Но было уже слишком поздно. На Демократическом совещании Мартов, увлеченный волной радикализма, поднятой попыткой корниловского мятежа, оказался представителем и выразителем идей как меньшевистской, так и советской фракции. Но ему даже в малой степени не удалось убедить большинство голосовать против коалиции и воспретить Церетели навязать революционной России третье правительство Керенского, «самое мерзкое из всех», по словам Абрамовича³⁵. Это поражение подчеркнуло его неспособность освободиться от типично оппозиционистского образа мыслей, присущего меньшевизму. Он дошел в этом до того, что счел возможным предложить Церетели, страдавшему неизлечимым коалиционизмом, импровизированную альтернативу создания «правительства демократии» или «социалистического министерства» на широкой основе.

Печальное поражение меньшевиков, естественно, сыграло на руку большевикам. Как отметил меньшевик-интернационалист Рафаил Григорьев в письме Павлу Аксельроду в декабре 1917 года, «в одном можем быть уверенными. Все меньшевики провели блестящую работу для пущей славы Ленина и Троцкого! В последние дни мы с Паниным [Марк Макадзуб] частенько вспоминали твоё предсказание о том, что меньшевики подготовят победу большевикам»³⁶.

С Октябрьской революцией, когда большевики осуществили знаменитый лозунг Ленина, провозглашенный им в июне 1917 года, и взяли «всю власть», меньшевики стали первыми из марксистов-социал-демократов, кто лицом к лицу

³³ Л. Мартов. Почему нет места коалиции. — «Голос социал-демократа», 17 сентября 1917 года, № 8.

³⁴ Л. Мартов. Проблемы дня. Как быть с буржуазной революцией. — «Вперед», 17(30) сентября 1917 года, № 159.

³⁵ R. Abramovič. Dos neije regirung.— „Arbeidershtime“, 5.X. 1917, № 46.

³⁶ Р. Крахмальников (Григорьев) — П. Аксельроду. 26 декабря 1917 года (Nikolaevskij Collection); П. Аксельрод — К. Каутскому, 10 сентября 1917 года (Kautsky Collection, Institute for Social History, Amsterdam).

столкнулся с новым явлением — коммунистической диктатурой меньшинства, но опирающейся на широкую поддержку пролетариата и пытающейся строить социализм в отсталой стране, прибегая к террору с целью преодолеть сопротивление установленной этим меньшинством монополии на власть и его социальным экспериментам.

Николай Суханов, соратник Мартова по борьбе, критиковавший его, однако, уже в 1917 году, и превосходный летописец революции, понял это положение дел на II съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года. «Сидя в последних рядах», он «с тяжелым сердцем» следил за большевиками, которые праздновали победу. «Как мне хотелось присоединиться и слиться с этой массой и ее руководителями! Но я не мог...»³⁷ Через месяц в письме Павлу Аксельроду Мартов кратко изложил причины, по которым он и меньшевики (а мы можем добавить, что с того момента и все социал-демократы) не могли связать свою судьбу с большевиками. «Трагично,— писал Мартов,— что марксисты вроде нас не могут со спокойной совестью делать то, к чему зовет их долг,— быть вместе с пролетариатом, даже когда он идет по неправильному пути... Прошу тебя, попытайся понять, что, в конце концов, мы находимся перед лицом победного восстания пролетариата. Почти весь пролетариат поддерживает Ленина и надеется с помощью этого восстания добиться своего социального освобождения, целиком сознавая, что он бросил перчатку всем антипролетарским силам...»

Прежде всего его отталкивали «демагогические формы с их преторианскими атрибутами, в которые драпировался этот строй», и «всякого рода насилие», к которому прибегали большевики, чтобы «преодолеть пассивное сопротивление социального организма»³⁸. В конце 1917 года, когда положение полностью прояснилось, Мартов решил, что это уже не диктатура пролетариата и не социализм людей, воспитанных «на Марксе и европейской истории». Он писал своему другу Н. С. Кристи: «Это не только мое глубокое убеждение, что насадить социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия; тут еще и моя врожденная неспособность примириться с той аракчеевской концепцией социализма и с той пугачевской интерпретацией классовой борьбы, которые являются естественным следствием самой попытки пересадить европейские идеалы на азиатскую почву... Здесь может процветать лишь квазисоциализм «траншей и казарм», основанный на полной варваризации жизни, чистейший культ кулака, и даже не мозолистого кулака, и

³⁷ Н. Суханов. Записки о революции, т. VII, с. 253

³⁸ Л. Мартов — П. Аксельроду, 19 ноября 1917 года (Nikolaevskij Collection).

нам никак не избавиться от чувства вины перед лицом каждого образованного буржуа».

Отсюда возник и страх, что «сама идея социализма будет дискредитирована в умах людей» и что, кроме того, Россия идет по пути «анархии к какой-то из форм цезаризма», когда массы «потеряли веру в собственную способность самоуправления»³⁹.

3. Призрак бонапартизма

Хотя Мартова все меньше беспокоила опасность внешней контрреволюции, его вплоть до самой смерти преследовал призрак внутреннего бонапартистского перерождения большевистского режима. Тем не менее меньшевики (с декабря 1917 года они вновь признали Мартова своим вождем) все-таки считали, что любая попытка насильственного свержения большевистского строя «пройдет по трупам побежденно-го пролетарского движения» и, стало быть, сыграет на руку «единственно буржуазии»⁴⁰.

И этому страху меньшевистская политика подчинялась во всех ее хитроумных изменениях, спланированных Мартовым и его соратниками — Абрамовичем и Даном, которые в отчаянных попытках пойти на соглашение с большевистским режимом не желали отказаться от собственного «марксизма» и от принципов социал-демократии. Эта печальная история началась на другой же день после Октябрьской революции, когда Мартов и Абрамович вознамерились воспрепятствовать большевикам «идти вперед одним» и под эгидой Викжеля, профсоюза русских железнодорожников, начали переговоры о создании широкого коалиционного социалистического правительства — «от народных социалистов до большевиков». Та же политика посредничества продолжалась и после роспуска Учредительного собрания, и на протяжении всего «демократического» этапа гражданской войны (до октября 1918 года), когда в качестве «третьей нейтральной силы» меньшевики захотели воспрепятствовать открытому столкновению между эсерами и большевиками. Апогей был достигнут в 1919—1920 годах, когда меньшевики, поддерживая режим большевиков как «защитника революции» против выступлений белой контрреволюции и иностранной интервенции, «беспощадно» осуждали деспотизм и терроризм большевиков в напрасной попытке склонить их к демократи-

³⁹ Л. Мартов — Н. С. Кристи, 30 декабря 1917 года. — Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959, с. 48—50.

⁴⁰ См. выступление Мартова на чрезвычайном съезде меньшевиков 30 ноября 1917 года. — «Новый луч», 1 декабря 1917 года, № 1; Июльская резолюция меньшевиков 1917 года. — «Социалистический вестник», 16 августа 1922 года, № 16 (38).

зации. История окончилась трагически в 1921 году, когда опасность гражданской войны уже миновала, но небывало строгий режим большевиков заставил меньшевиков эмигрировать или окончательно уйти в подполье. Теперь, когда самые страшные опасения становились реальностью, перед Мартовым вновь предстал кошмар минувших лет — «бонапартистский финал красной диктатуры»⁴¹. Но он все еще не хотел иметь ничего общего с антибольшевистской коалицией, с очередным «Кобленцем».

В апреле 1918 года, за два месяца до изгнания эсеров и меньшевиков из Советов, Мартов проанализировал «шесть месяцев комиссарократии», чтобы проверить утверждения большевиков, будто Советский строй — форма демократии, стоящая выше распущенного Учредительного собрания. Он обнаружил при этом, что Советы вообще лишены власти, а хваленая «советская власть» на местах осуществляется разными «военно-революционными комитетами, штабами, президиумами, ЧК и безответственными комиссарами, чинящими произвол». В верхах же действует столь же «безответственный» Совет Народных Комиссаров, который «только на бумаге» подотчетен Исполнительному Комитету Советов. «Советская власть,— заключал он,— это сказка, и не такая уж красивая». Поэтому, утверждал Мартов, любая попытка возратить Советам авторитет и силу, которые отличали их во время существования «свободных... рабочих организаций... независимых от государства», должна начинаться с замены «псевдовласти Советов» демократической республикой, то есть политическим строем, основанным на политической свободе для всех. А для гарантии образования этой «свободной демократической республики», которая «жизненно необходима» для рабочего класса, нужно было созвать Учредительное собрание⁴².

Итак, избавившись от советской красивой «сказки», Мартов в связи с первой годовщиной Октябрьской революции обратил свое внимание на большевистскую теорию и практику диктатуры пролетариата и на то, в какой мере марксистская концепция диктатуры пролетариата сочетается с принципами демократии. Именно в этой проблеме заключалась суть меньшевистской дилеммы перед лицом начатого большевиками движения к социализму и их претензиями на то, что им удастся достичь социализма и демократии с помощью диктатуры меньшинства. Мартов напомнил, что, дискутируя в 40-е годы XIX века с Вильгельмом Вейтлингом и Карлом

⁴¹ Л. Мартов. Наша платформа. — «Социалистический вестник», 4 октября 1922 года, № 19 (41).

⁴² См.: Л. Мартов. Коммунизм и десять заповедей. — «Вперед», 23 (10) апреля 1918 года, № 69; Л. Мартов. Рабочие и государственная власть. — «Новая заря», 22 апреля 1918 года, № 1.

Гейнценом, Маркс — с чем соглашался Каутский — допускал возможность преждевременного захвата власти пролетариатом посредством якобинской диктатуры меньшинства. Но Маркс, конечно, не утверждал, что именно она построит социализм. Она просто явилась бы «одним из моментов самого процесса буржуазной революции». «Преждевременный» и «преходящий» захват политической власти пролетарским меньшинством, ориентированным на бланкизм, утверждал Мартов, конечно же, не был диктатурой пролетариата в понимании Маркса и Энгельса. Ключ к реализации их концепции диктатуры пролетариата надо было искать скорее в программе РСДРП 1903 года, которая определяла эту диктатуру как «завоевание политической власти пролетариатом в той степени, в какой оно позволит подавить сопротивление эксплуататоров», а также в более раннем практическом опыте Парижской Коммуны⁴³.

Тот же Мартов уже в сентябре 1907 года детально сформулировал понятие диктатуры пролетариата, комментируя набросок программы левого крыла социалистической партии Польши. Упрекая польских товарищей в том, что из-за боязни бланкистской «ереси» они не заметили ереси ревизионистов и не были готовы с достаточной твердостью отстоять «необходимость диктатуры пролетариата», Мартов определял последнюю как «государственную власть», опирающуюся на революционные силы, а не на «демократические права, гарантированные конституцией». Даже «в лучшем случае», которого столь жаждали «любители мирного развития», только собственное бессилие могло помешать буржуазии нарушить «демократические права», если они не были бы «защищены революционной силой». Мартов, который был «не менее чувствителен, чем кто-либо другой», к опасности «бланкистской интерпретации пролетарской политики как в Польше, так и в России», считал, что приход пролетариата к государственной власти надо рассматривать и формулировать как «дополнение того процесса, с помощью которого пролетариат, организованный в классовую партию в рамках демократического государства и поддерживаемый теперь революционной силой, ломает законные нормы буржуазного государства, начинает гражданскую войну и доводит до конца разрушение буржуазного общества»⁴⁴.

Постулируя применение революционной силы, мартовская концепция революции и пролетарской диктатуры была вес-

⁴³ См.: *Л. Мартов. Маркс и проблема диктатуры пролетариата.* — «Рабочий Интернационал», 1918 год, № 3—4, с. 65—67.

⁴⁴ *L. Marlow. W sprawie programu P. P. S.* — „Myśl Socjalistyczna“, VIII—IX 1907, № 4—5, р. 109—114, а также набросок (проект) программы ППС—левицы. In: *F. Tych (wyd.). Materiały i Dokumenty.* Warszawa, pod red. F. Tych, 1961, t. I, s. 279—286.

ма близка к теории Плеханова и Ленина и в то же время сближалась с концепцией Каутского и западных социал-демократов в том плане, в каком она трактовала завоевание власти пролетариатом как апогей его организационного роста в рамках демократического государства, но не как победу «якобинской партии»⁴⁵. Насилие пролетарского государства должно быть обращено против меньшинства эксплуататоров, в защиту господствующего большинства.

Если Мартов выступал с возражениями против якобинской речи Плеханова в 1903 году⁴⁶, то Ленин не только одобрил это заявление «старого якобинца», но и пошел дальше в своих замечаниях на проект программы партии 1902 года. В этих замечаниях он рассматривал диктатуру пролетариата как власть единственного «действительно революционного класса», который в случае необходимости может прибегнуть к силе в борьбе против непослушных мелких производителей. Он отмечал: «Если бы мы действительно *положительно* знали, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его, пролетариатской, революции, тогда не к чему бы и говорить о «диктатуре», ибо тогда вполне обеспечено было бы нам такое подавляющее большинство, что и без диктатуры прекрасно обошлись бы (как и хотят уверить «критики» [то есть ревизионисты])»⁴⁷.

Вера Засулич отреагировала тогда на это немедленно и очень резко: «Над миллионами-то! Попробуй-ка!»⁴⁸ Мартову, однако, понадобилось добрых 15 лет (из них — целый год большевистского опыта), чтобы решиться на дискуссию о ленинском толковании диктатуры пролетариата и попытаться лишить его марксистской легитимности.

Мартов считал, что, по Марксу, диктатура пролетариата предполагает наличие пролетариата, который, еще не составляя большинства как класс, по крайней мере признан подавляющим большинством угнетенных в качестве «единственного класса-освободителя» в его исторической борьбе против «богачей-капиталистов», против «исключительно угнетающего класса». Согласно Мартову, Маркс не говорил о господстве пролетариата «посредством насилия над непролетар-

⁴⁵ См. рецензию Мартова на работу А. Мартынова «Две диктатуры», изданную в Женеве в 1905 году («Искра», 18 января 1905 года, № 84). См. также положительную оценку Мартовым данного Троцким определения диктатуры пролетариата как «политического господства организованного рабочего класса, составляющего большинство нации» («Искра», 1 июня 1904 года, № 67, приложение).

⁴⁶ См.: История марксизма. М., «Прогресс», 1981, т. 2. Вып. второй, с. 57—60.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 229.

⁴⁸ Ленинский сборник. М.—Л., 1924, т. 2, с. 83. Указание на этот случай есть в работе: J. L. H. Keep. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 114.

ским большинством». Парижская Коммуна, например, была диктатурой пролетариата, поскольку «выборные представители рабочего класса» были только его правительством и получили власть из рук этого большинства. «Исключительно демократическое образование Парижской Коммуны, — писал Мартов, — основывалось на всеобщем избирательном праве и праве избирателей в любой момент отозвать мандат своего представителя; оно строилось на отсутствии как бюрократической касты, так и любой военной силы, оторванной от народа, и все должности были выборными. И это, по Марксу, суть классовой диктатуры пролетариата».

Более того, и в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 год), и в «Принципах коммунизма» (1847 год) Маркс и Энгельс, по утверждению Мартова, ставили «знак равенства» между «превращением пролетариата в господствующий класс и завоеванием демократии». Согласно Мартову, марксистская концепция диктатуры пролетариата есть «действенная сила, сконцентрированная в государственной власти, которая в состоянии исполнить сознательную волю большинства против сопротивления меньшинства, в руках которого находится экономическая власть; это и только это, по Марксу, есть диктатура пролетариата. Эта диктатура не только совместима с демократическим режимом, но может существовать исключительно в рамках демократической структуры, там, где последовательно осуществляется правление большинства и сохраняется полное политическое равенство всех граждан. Подобная диктатура мыслима лишь при условии, когда пролетариат действительно собрал вокруг себя «все здоровые элементы» нации. Правительство, представляющее эту «диктатуру», будет «национальным правительством» в самом полном смысле слова⁴⁹.

Поскольку Мартов именно так понимал диктатуру пролетариата, он был вне себя, когда узнал, что западные левые социал-демократы, такие, как Клара Цеткин и Франц Меринг, не только оправдывали диктатуру большевиков, но и пропуск Учредительного собрания, лишение политических прав целых социальных групп и террор, но дошли до того, что особый опыт отсталой России превратили в универсальный и, как это сделала Клара Цеткин на страницах «Правды», объявили путь «через диктатуру к демократии» единственно верным путем к социализму. Столь низкое их падение, считал Мартов, было результатом общей варваризации, вызванной «катастрофой мировой войны», которая экономически низвела Европу до уровня Азии. Только этим можно было объяснить, что «тамбовский мужик, деклассированный и примитивный с экономической точки зрения... едва отмывшись пос-

⁴⁹ «Рабочий Интернационал», 1918, № 3—4, с. 73—76.

ле четырех лет казарменной жизни, благодаря школе, пройденной на фронте, и некоторым связям с городским современным пролетариатом теперь диктует формы своей революции идеологическим руководителям рабочих масс развитых стран». С большой тревогой Мартов наблюдал, как «Азия» навязывает «сынам Европы» свою большевистскую идеологию⁵⁰.

4. Борьба с «марксистской совестью»

С началом революции в Австрии и Германии в октябре — ноябре 1918 года меньшевики приветствовали «начало социалистической революции на Западе», надеясь на то, что она европеизирует грядущую русскую революцию: прогрессивная Европа шла на помощь своему «арьергарду... отсталым странам Востока и прежде всего революционной России, раздавившей царизм». С большим облегчением Мартов мог теперь сказать «немецким товарищам»: «Сейчас мы сможем на Берлин, а не на Москву как на центр революции». Германия, становившаяся «сердцем мировой революции пролетариата», должна была, по его мнению, оказать помощь «отсталым странам, которых привела к революции военная катастрофа», и «помочь им выйти из тупика, в котором они оказались». Так российские меньшевики, получив толчок со стороны, надеялись избежать прямого столкновения с господствовавшими в России большевиками⁵¹.

В то же время, поскольку перспектива революции на Западе была благоприятной, а гражданская война превратилась в обычную борьбу между «красными» и «белыми», меньшевики могли пойти на некоторые уступки большевистскому режиму, который в их глазах был единственным защитником революции против контрреволюции, белогвардейщины и иностранной интервенции. Учитывая это, меньшевики отказались от требования нового созыва Учредительного собрания и приняли советский строй «как факт, но не в принципе»⁵². Отказавшись от старой позиции «третьей нейтральной силы», они выступили в двоякой роли официальной, но «непримиримой» оппозиции советскому строю: как лояльные защитники России от контрреволюции и как непримиримые

⁵⁰ См.: Л. Мартов. Диктатура и демократия, с. 21—23.

⁵¹ Л. Мартов. Ein Brief an die deutschen Genossen („Der Sozialist“ 28. XII 1918, № 52). — In: A. Asher (ed.). The Mensheviks in the Russian Revolution. Ithaca, 1976, p. 117—118. См. также: Призыв меньшевиков «к социалистам всех наций». — «Известия», 26 ноября 1918 года, № 258 (522).

⁵² Партийное совещание РСДРП 27 декабря 1918 — 1 января 1919 года. М., 1919, с. 24.

противники «утопической» экономической политики, большевистского террора. С этого момента постоянные призывы к соблюдению «Советской конституции» превратились в боевой клич и самое сильное орудие меньшевистской пропаганды.

Изгнанные из Советов 14 июня 1918 года меньшевики благодаря этой новой оппозиционной политике временно вновь стали легальной партией, и 30 ноября 1918 года их даже опять допустили в Советы. Растущее напряжение между лояльностью и оппозиционной непримиримостью со всей определенностью подчеркнул VII съезд Советов в декабре 1919 года. На открытии съезда Федор Дан торжественно обещал, что меньшевики присоединятся к «единому революционному фронту... в защиту революции». Но затем выступил Мартов с яростным разоблачением «систематического нарушения» большевиками Советской конституции, которую они сами и разработали. Клеймя «бюрократическое вырождение» советской государственной власти, он требовал «восстановления Советской конституции», равноправия «для всех трудящихся города и деревни, свободы печати, объединений и собраний, равноправия всех граждан перед лицом народных судов, которые должны действовать на основе четко сформулированных законов» и, что особенно важно, отмены всех репрессивных мер, арестов и террора⁵³.

Ленин с презрением отверг призыв Мартова восстановить советскую демократию, государственные правовые основы, гражданские и политические свободы, назвав все это шагом «назад, к буржуазной демократии и ничего больше», и, раздавив в зародыше все иллюзии меньшевиков, заявил под бурные аплодисменты: «И вот когда мы слышим такие декларации от людей, заявлявших о сочувствии нам, мы говорим себе: нет, и террор и ЧК — вещь абсолютно необходимая»⁵⁴.

Меньшевики не имели особого успеха и в июле 1919 года, когда в своем обращении, озаглавленном «Что делать?», предложили умеренную альтернативу типа нэпа вместо экономической политики «военного коммунизма». Будучи сторонниками смешанной экономики, при которой крестьяне, получив землю и освободившись от реквизиций и принуждений, могли бы работать на рынок, меньшевики потребовали денационализации мелкой промышленности, ограничения государственной собственности только крупными промышленными предприятиями, объединения государственного и частного капитала в некоторых отраслях промышленности и сохране-

⁵³ См.: Седьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. М., 1920, с. 56—62.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 416.

ния частной собственности в других сферах⁵⁵. Их экономическая политика предусматривала легализацию советского строя и восстановление гражданских и политических свобод. Когда же в марте 1921 года Ленин объявил о нэпе, приняв экономические меры, похожие на те, которые предлагали меньшевики, он сделал это только потому, что советская экономика действительно находилась в состоянии застоя, но при этом он абсолютно игнорировал реформы «в политической области» как обязательное условие проведения этого курса. Поэтому не удивительно, что Мартов не принял нэп Ленина, считая такую политику «зубатовщиной чисто экономических уступок без каких-либо изменений политического порядка»⁵⁶.

В первом полугодии 1920 года меньшевики, которых еще «терпели» скрепя сердце и не слишком зажимали, хотя и лишили права печатать свои газеты, воспользовались последней возможностью перевести дыхание⁵⁷. В апреле 1920 года их вожди Мартов, Дан, Абрамович и еще 86 делегатов от 26 крупных партийных организаций собрались на свою последнюю конференцию на русской территории⁵⁸. Эти 10 дней «углубленной дискуссии» явились попыткой вновь подтвердить и еще раз сформулировать общую идею и стратегию меньшевиков, которые позволили бы им вписаться в большевистский режим, вышедший победителем в гражданской войне, и согласовать собственную стратегию со стратегией западных марксистских партий в Европе и во всем мире, где, по их мнению, назревала социальная революция.

Именно Мартов и никто другой в 20 длинных тезисах вновь сформулировал всю революционную теорию меньшевиков⁵⁹. Вместе с политическими выступлениями Дана и Абрамовича, которые выдвинули свои соображения в отношении текущего момента и задач партии⁶⁰, а также «Возрождения Интернационала»⁶¹, «Апрельские тезисы» Мартова являются выражением предельно критического восприятия меньшевиками Октябрьской революции. Кроме того, здесь наиболее полно отражены мысли большинства меньшевиков по таким основным вопросам, как социальная революция и роль ре-

⁵⁵ См.: Ко всем рабочим и работникам: что делать? — Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП и партийных совещаний. Харьков, 1920.

⁵⁶ [Л. Мартов.] Ленин отступает. — «Социалистический вестник», 18 марта 1921 года, № 4.

⁵⁷ См.: Л. Мартов — К. Каутскому, 28 января 1920 года (Nikolaevskij Collection).

⁵⁸ См.: Сборник резолюций, с. 2—3.

⁵⁹ См.: Мировая революция и задачи социал-демократии. — Сборник резолюций, с. 4—16.

⁶⁰ См.: Тезисы по докладу о текущем моменте и задачах партии. — Там же, с. 25—32.

⁶¹ См.: Возрождение Интернационала. — Там же, с. 20—24. Изложение тезисов Мартова, Абрамовича и Дана см. по тексту там же.

волюционной силы, диктатура пролетариата и демократия, то есть по тем пунктам, которые в ходе Октябрьской революции и фатального столкновения с большевистской диктатурой неизменно находились в центре внимания меньшевиков.

В сжатом виде суть этих тезисов сводилась к следующему. Послевоенный мир бьется в судорогах «кризиса капитализма» и находится накануне «эры социальной революции». Предсказывается борьба за диктатуру пролетариата, за которой последует эволюционное развитие к социализму. Понятие «диктатура пролетариата» объясняется — возможно, впервые, причем в одиннадцати тезисах — в контексте социал-демократического меньшевистского кредо как государственная власть пролетарского большинства, чья «революционная сила» направлена исключительно против «господствующего капиталистического меньшинства» и его «сопротивления легальному переходу политической власти в руки трудящихся масс». Формы и способы применения этой силы определяются «исключительно» степенью и эффективностью сопротивления меньшинства. Она «ни в коей мере» не может быть обращена против других слоев трудящихся масс.

«За исключением названия», говорилось в тезисах, диктатура пролетариата не имеет ничего общего с личной диктатурой, с олигархией или (если брать конкретный пример) с таким положением, когда «сознательное революционное меньшинство» стремится навязать свою волю «несознательному большинству», превращая последнее в «пассивный объект социального экспериментирования». Диктатура пролетариата, по убеждению меньшевиков, «решительнейшим образом» исключает любую форму «политического терроризма». Она не только совместима с «демократическими принципами», но «впервые» дает возможность «полностью и последовательно реализовать власть народа снизу доверху». Таким образом, она не должна уничтожать побежденный класс «эксплуататоров и паразитов» старого общества, не должна перedelывать его в «эксплуатируемый класс», не должна урезывать — если не считать какие-то временные меры — его гражданские и политические права, а, скорее, обязана вовлекать его в «ассоциации трудящихся» в рамках «всеобщей демократии». Как «демократия трудящихся», диктатура пролетариата не должна основываться исключительно на единой и «всеобъемлющей формуле советской системы», но стараться слить такие новые «организации трудящихся», как Советы рабочих и крестьян, фабзавкомы и профсоюзы, с представительными органами, в которых «граждане» будут объединены по территориальному принципу, а также — с типичными институтами «высокоразвитой» буржуазной демократии, подобно референдумам и народным инициативам, при обяза-

тельном учете «исторической обстановки» и особенностей каждой страны. В то время как в развитых странах, где пролетариат составляет «подавляющее большинство населения», пролетарская диктатура идентична государственной власти пролетариата, в отсталых странах государственная власть должна быть разделена между промышленным пролетариатом, находящимся в господствующем положении, и другими классами трудящихся, в особенности крестьянством. Этот политический союз и «разделение власти» должны сопровождаться развитием «промежуточных социальных форм между капитализмом и социализмом», пока не созреют социальные и экономические предпосылки для подлинной диктатуры пролетариата. Таким образом, была устранена догма Мартова периода дискуссии с Каутским в 1907 году, по которой революция может быть *или* буржуазной, *или* социалистической, а «третьего не дано».

Такова была общетеоретическая программа меньшевистской социальной революции с ее «решительнейшим» отказом от диктатуры меньшинства, от терроризма как метода диктатуры и от «советской системы» как «панацеи от всех бед». Однако меньшевики с их тезисами оказались перед лицом такого (вполне сознаваемого ими) положения, при котором в ходе революции «активное меньшинство трудящихся классов» уже завоевало власть и, впад в «объективное противоречие» с действительностью, «выродилось в сторону экономического утопизма и политического терроризма». В такой ситуации революционные социал-демократы не должны были ради защиты «демократических принципов» выступать вместе с буржуазными фракциями против революционной диктатуры меньшинства. Они прежде всего должны были помочь ей в борьбе против «сил контрреволюции», обязаны были защитить пролетарскую государственную власть и социалистическую организацию экономики. И лишь потом следовало сделать «все, что было в их силах», для демократизации этой власти, ликвидации террора и приведения экономической политики в соответствие с уровнем социального развития, превращая диктатуру в «государственную власть трудящегося большинства». Именно эта цель и эта задача, утверждал Мартов, отличают «революционных марксистов, которые не зря называют себя социал-демократами», от коммунистов. В то время как последние стремятся «укрепить [диктатуру революционного меньшинства] и создать систему, которая даст ей возможность превратиться в постоянную структуру», социал-демократы борются за то, чтобы «как можно скорее» заменить ее правлением пролетарского большинства ⁶².

⁶² Л. Мартов. Конец одной двусмысленности. — Социал-демократ и революция. Одесса, 1920. Цит. по книге: The Mensheviks..., op. cit., p. 119.

Если в тезисах Мартова заново обосновывалась революционная теория меньшевиков, объявлявшаяся пригодной в эпоху социальной революции послевоенного периода как для развитых, так и отсталых стран, то Абрамович и Дан показали особую ценность этих тезисов применительно к международному социалистическому движению и к большевистской России. Абрамович выступал за создание нового «международного центра», который мог бы «теоретически и практически» координировать и направлять революционные усилия международного пролетариата. Считалось, что II Интернационал не соответствует этой задаче, поскольку в него входили партии, которые, не сумев противостоять развязыванию империалистической войны и отказавшись от классовой борьбы, продолжали проводить политику «социального мира». Не отвечал требованиям времени и III Интернационал, поскольку он оказался под властью «мощного государственного аппарата России» и навязывал международному рабочему движению большевистскую тактику «террористической диктатуры меньшинства» и гражданской войны как «панацеи». Меньшевики же обращались к «революционным марксистским элементам» всех стран, тогда еще свободным от какого бы то ни было «оппортунизма и сектантства», с призывом объединиться на основе общей программы действий. Программа должна была включать обязательство борьбы за «диктатуру рабочего класса» с учетом исторических условий и особенностей каждой страны; при этом «решительно» исключалась «террористическая диктатура меньшинства». Поэтому меньшевики положительно отнеслись к инициативе немецкой НСДПГ, с которой они «солидаризировались» еще в декабре 1918 года, и французских социалистов созвать конференцию революционных социалистических партий для создания центра «левых социалистических партий», но с оговоркой, что партии — члены центра не примут «программу тактических методов большевистского коммунизма». Таким образом, в феврале 1921 года они стали членами — основателями объединения социалистических партий в Вене, так называемого 2 1/2-го Интернационала.

В тезисах Дана отмечалось, что после разгрома белой контрреволюции появились условия, благоприятные для «истинной демократии трудящихся, основного условия политического и социального самоосвобождения трудящихся масс, и установления действительной власти трудящихся: восстановления политической свободы и полного прекращения террора». Первым «основным требованием», по его словам, было восстановление «как можно более широкой свободы» создания таких рабочих организаций, как профсоюзы, кооперативы, политические партии и Советы.

Меньшевики начали практически проводить свою наибо-

лее агрессивную — после войны — политику и пропаганду в ходе забастовок, которые потрясли Москву и Петроград в феврале 1921 года. 27 февраля на стенах Петрограда появилась по меньшей мере тысяча листовок с обращением: «Российская социал-демократическая рабочая партия к рабочим Петрограда, умирающим от голода и холода!» Листовка, написанная Даном, выражала протест против отсутствия политической свободы как «главного недостатка нашей системы и нашей государственной политики». Этого можно избежать, говорилось в листовке, только предоставив «свободу всем трудящимся» — «свободу слова, свободу печати, свободу объединения в партии, профсоюзы, культурно-воспитательные ассоциации». Но на первом месте стояло требование «новых свободных выборов в Советы», без «махинаций и принуждений», которые превращали их до этого в «жалкий фарс». Так и только так можно было гарантировать, что коммунистическая партия, «закрытая, задушенная бюрократами и оторванная от рабочих масс», не будет более «править по-диктаторски» государством, а управление им будет передано «в руки трудящихся». И лишь таким путем можно будет наконец «осуществить истинную рабочую демократию»⁶³.

Из Берлина, куда он был выслан, Мартов приветствовал меньшевистскую пропаганду Дана, и в особенности лозунг «свободных выборов в Советы». Кампания подобного рода, писал он в одном из писем меньшевистской группе в Лондоне, сплотит рабочих «в единый фронт против большевиков». Кроме того, она могла бы послужить рычагом для «упразднения коммунистической диктатуры»⁶⁴. В глазах Мартова эту гипотезу «блестяще подтвердил» кронштадтский мятеж, в котором «масса таких закоренелых большевиков, как матросы», восстала против большевистского режима ради «свободных Советов и политической свободы»⁶⁵. Кронштадтский мятеж и его «подавление руками Троцкого», как и ранее прошедшие забастовки в Москве и Петрограде, представлялись Мартову как «события, означающие поворот в истории русской революции»⁶⁶. Это одновременно стало и поворотным моментом в отношении Мартова и меньшевиков к большевистскому режиму и большевистской партии. Для Мартова боль-

⁶³ «Социалистический вестник», 3 апреля 1921 года, № 5; в работе Н. Корнатовского (*Н. Корнатовский. Кронштадтский мятеж. Л., 1931, с. 26*) приводится несколько иной вариант текста меньшевистской листовки.

⁶⁴ Л. Мартов — меньшевистской группе в Лондоне, 18 ноября 1920 года; Л. Мартов — П. Аксельроду, 24 марта 1921 года (*Nikolaevskij Collection*).

⁶⁵ Л. Мартов — П. Аксельроду, 5 апреля 1921 года. — Мартов и его близкие, с. 25.

⁶⁶ Л. Мартов. Кронштадт. — «Социалистический вестник», 3 апреля 1921 года, № 5.

шевизм уже не был «защитником самих основ революции против вооруженных сил внутренней и иностранной контрреволюции»; он превратился для него в колыбель возможной «цезаристской, бонапартистской»⁶⁷ диктатуры. Определенно предвидя «термидорианское, бонапартистское завершение» большевистской диктатуры, Мартов уже в июне 1921 года внимательно вглядывался в политический горизонт в поисках того, кто это завершение осуществит, и даже спрашивал себя, не встанет ли Ленин, как всегда исключительно занятый интересами партии и, «честно говоря», неизменно отказывавшийся от «эгоцентристской» возможности «создать вокруг себя ореол наполеоновской легенды», «во главе термидорианской ликвидации революционного периода или же, наоборот, окажется его жертвой»⁶⁸.

С этого времени Мартов, свободный от всех обязательств, прекратил бороться со своей марксистской совестью и отчаялся найти формулировку, которая позволила бы русской социал-демократии вписаться в большевистскую Октябрьскую революцию и в советскую систему. Малый остаток жизни он потратил на то, чтобы, пользуясь марксистскими средствами, более или менее подходящими к случаю, провести угнетающий в своих выводах анализ послереволюционного Советского государства и общества по мере их развития. Если ответом большевиков на поражение революций в Центральной Европе и послевоенную стабилизацию здесь были ленинский нэп и сталинский «социализм в одной стране», то Мартов и меньшевики извлекли совсем иной урок из того, что революции и социализм на Западе не помогли «страдающей» русской революции защититься от себя самой⁶⁹. Все говорило о том, что Октябрьская революция не могла не переродиться. Если режим большевиков рухнет, писал Мартов незадолго до смерти, то меньшевики должны быть готовы собрать пролетариат в «союзе с организованным крестьянством», но без буржуазных партий, чтобы восстановить демократию и обеспечить пролетариату «максимально возможное число позиций в государственной структуре»⁷⁰.

⁶⁷ Л. Мартов. Наша платформа.

⁶⁸ Л. Мартов — П. Аксельроду, 24 июня 1921 года (Nikolaevskij Collection).

⁶⁹ См., например, книгу Л. Мартова «Мировой большевизм» с предисловием Ф. Дана, опубликованную в Берлине в 1923 году (итал. перевод: L. Martov. Il bolscevismo internazionale, a cura di V. Strada. Torino. 1980).

⁷⁰ Л. Мартов. Большевизм в России и в Интернационале. Берлин, 1923, с. 17; Л. Мартов. Ответ критикам. — «Социалистический вестник», 17 января 1923 года. № 2 (48).

Эрвин Вайссель

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ДИСКУССИЯ О СОЦИАЛИЗАЦИИ

В Германии, которая больше других стран гордилась самыми стойкими марксистскими традициями, продолжала существовать небольшая ортодоксальная секта, сохранившаяся в период бурного подъема социалистического движения после войны в том же виде, в каком она была во время предыдущего его спада. И даже у наиболее видных представителей социалистической мысли — не только у тех, кто просто примкнул к социал-демократии, но и у тех, кто в практических вопросах пошел намного дальше ее осторожного консерватизма, — обнаруживалась известная тенденция к возрождению старых принципов: отдавая дань своему божеству, они в то же время мудро предпочитали держаться от него на определенном расстоянии и высказывали по экономическим вопросам те же суждения, что и прочие экономисты.

И. Шумпетер
Капитализм, социализм, демократия

В 1842 году молодой Маркс на страницах «Рейнской газеты» писал, что для буржуазии подлинной угрозой является теоретическая разработка коммунистических идей, а не практические эксперименты в этой области, на которые, начини они представлять опасность, можно было бы ответить громом пушек¹. Менее чем через 80 лет после того, как были написаны эти слова, после того, как Германия и Австрия проиграли первую мировую войну, то малое количество пушек, что оставалось в этих странах, уже не было под контролем исключительно одной буржуазии. Настало время, когда можно было попытаться провести практический эксперимент. Именно так думали трудящиеся массы, которые воз-

¹ К. Marx. Scritti politici giovanili, a cura di L. Fripo. Torino, 1975, p. 174.

вратились с войны разочарованными и уже не принимали идей обычной «республики кошелька»². Так же думала и верхушка партии, ставшая выразителем настроений масс: «Чего хотим мы, социал-демократы? Прежде всего социализации, поскольку сейчас уже возможно исключить предпринимателя и передать средства производства в коллективную собственность»³. Даже откровенно буржуазные авторы были убеждены, что будут присутствовать при победе социализма⁴, поскольку сами были свидетелями начала его триумфального шествия⁵.

1. Вызов и ответ

Легко понять, что сама общая обстановка после первой мировой войны побуждала к попытке провести указанный эксперимент. Государственный аппарат Германии не являлся хозяином положения⁶, к тому же он лишился бюрократической верхушки, чьи позиции могли без труда захватить социал-демократы, поскольку при общем хаосе никто не смог бы этому воспротивиться. Массовые демонстрации рабочих доминировали на политической сцене, и их мощь была очевидной, представляя огромную притягательную силу для масс, которые переходили на сторону социалистов, «поскольку те являлись специалистами в области революции»⁷. Даже определенная часть крестьянства, которая всегда считалась консервативной, обращалась теперь к социал-демократам «в знак протеста против всего, что опротивело»⁸. Да и средние слои, на кого буржуазные партии некогда обращали особое внимание как на основную свою опору, до такой степени пострадали от войны, что «протянули бы руку даже дьяволу, если бы тот дал им надежду на спасение»⁹. Независимо от собственного желания социал-демократия была вынуждена подняться на гребне революционной волны, чтобы не захлеб-

² F. Stampfer. Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik. Offenbach, 1974. S. 77.

³ См. брошюру руководства социал-демократической партии, озаглавленную «Социализация и плановое хозяйство!» („Sozialisierung und Planwirtschaft!“), опубликованную в книге: R. Wissell. Praktische Wirtschaftspolitik. Berlin, 1919.

⁴ K. Bücher. Die Sozialisierung. Tübingen, 1919, S. 136. Автор, в частности, писал: «Лично я уверен в неизбежности окончательной победы социализма, однако я никогда не верил, что доживу до того времени, когда он станет реальностью».

⁵ См., например: F. Eulenburg. Arten und Stufen der Sozialisierung. München, 1920.

⁶ K. Bücher. Op. cit., S. 11.

⁷ P. Szende. Die Krise der mitteleuropäischen Revolution. — „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, Bd. XLVII, 1920, S. 372.

⁸ R. Wilbrandt. Sozialismus. Jena, 1919, S. 12.

⁹ P. Lensch. Sozialdemokratie und Sozialisierung. Berlin, 1920, S. 6.

нуться в ней¹⁰. Короче, не социал-демократы и рабочее движение бросали вызов времени, а, скорее, само время бросало им этот вызов, «поставив перед социализмом, лишь частично готовым к этому, наиважнейшую теоретическую задачу, для выполнения которой марксизм должен был немедленно приспособиться к совершенно непредвиденной исторической обстановке»¹¹.

Социал-демократы приняли вызов. В Германии они сформировали правительство, а в Австрии вошли в коалицию с буржуазными силами. Задачей социал-демократии было создание предпосылок для перехода к социально-экономическому строю социализма. Чтобы приступить к выполнению этой задачи, нужно было иметь хотя бы теоретический замысел, а его-то и не хватало. Модели и планы, разработанные теоретиками социализма до начала первой мировой войны, постоянно игнорировались: партийная программа с ее абстрактными лозунгами, приемлемыми для всех, считалась важнее конкретных предложений, которые могли столкнуться с интересами определенных кругов. А в то же время многое из того, что отвергалось тогда оптом как «утопия», было весьма реалистично¹², хотя и запутано идеалистическими представлениями, проникнуто фантазиями и мечтами. К тому же проекты этой «реалистической утопии»¹³ по большей части исключали друг друга и не могли служить выработке унитарной программы. Стало быть, принять какие-то уже существующие концепции оказывалось невозможным.

Необходимо было выработать конкретный, унитарный и завершенный план действий, который исходил бы из политических, социальных и экономических условий момента¹⁴. Эта дискуссия вокруг такого реального и выполнимого плана, в осуществлении которого приняли бы участие все, кто хотел внести свой вклад в социализм, вошла в историю как дискуссия о социализации (*Sozialisierungsdebatte*). Несмотря на озадачивающее множество выдвинутых идей и аргументов, в ней можно выделить несколько основных тематических моментов.

¹⁰ См.: *C. Landauer. European Socialism. A History of Ideas and Movements. Berkley—Los Angeles. 1959, vol. I, p. 683.*

¹¹ *J. Plenge. Drei Jahre Weltrevolution. — „Schmollers Jahrbuch“ XLII. 1918.*

¹² Позволю себе сослаться на подробный анализ этого вопроса, данный в моей работе. См.: *E. Weissel. Die Ohnmacht des Sieges. Wien, 1976, Bd. I: Die theoretischen Vorarbeiten*

¹³ См.: *O. Janssen. Der Zukunftsstaat. — „Der Kampf“. Bd. XII, 1919.*

¹⁴ Ср. замечание О. Нойрата: «Поскольку в настоящий момент в общем известны условия, в которых осуществляется социализм, но перед нами все еще открыта возможность давать разнообразные оценки, постольку наша задача состоит в том, чтобы определить решения основных вопросов... наша задача — стимулировать сравнительную утопию» (*O. Neurath. Wirtschaftsplan, Planwirtschaft, Landesverfassung und Völkerordnung. — Bd. XIII, 1920*).

2. Полная и частичная социализация

В этой обстановке появились две возможности: можно было либо социализировать все с помощью единой насильственной акции и отменить всякую частную собственность, либо провести социализацию лишь в некоторых отраслях, чтобы потом шаг за шагом расширять социалистический сектор.

В защиту полной социализации приводились три основных аргумента. Во-первых, проблемы перестройки оставались в обоих случаях одними и теми же, если не брать в расчет того факта, что она могла быть доведена до конца как на капиталистической, так и на социалистической основе. «Однако,— уточнял Рудольф Гильфердинг,— социалистический способ производства оказывается выше капиталистического в отношении устранения анархии, наведения порядка и рационализации, которую он вносит в производство, к тому же он способен преодолеть трудности в более короткий срок»¹⁵.

Во-вторых, в течение первых недель после краха центральноевропейских империй буржуазия не смогла бы организовать серьезное сопротивление, тогда как в случае постепенной социализации следовало учитывать возможность растущей оппозиции. Йозеф Шумпетер отметил, что всеобщая социализация «значительно сокращает время агонии капитализма, столь чреватой опасностями для социального строя, цивилизации и производительности»¹⁶, а Отто Нойрат прямо указывал: «Сейчас капитализм изнемогает... не давайте ему прийти в себя!»¹⁷

В-третьих, сохранялась опасность того, что постепенная социализация, которая должна была осуществляться в рамках капитализма или — лучше — преимущественно капитализма, вновь будет аннулирована, как и любой другой шаг вперед, просто в силу экономической связи между обоими секторами¹⁸. Существовала также и угроза того, что меры по социализации, проводящиеся одна за другой медленными темпами, будут, говоря словами Р. Висселя, «болтаться, как капли жира, в огромной кастрюле с конкурентной бурдой»¹⁹.

Но и в пользу частичной социализации, а значит, и более или менее явно против полной социализации приводились три серьезных аргумента. В частности, выдвигалось сообра-

¹⁵ R. Hilferding. Taktische Probleme. — „Der Kampf“, Bd. XII, 1919.

¹⁶ J. Schumpeter. Sozialistische Möglichkeiten von heute. — Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Bd. XLVIII, 1921.

¹⁷ O. Neurath. Die Sozialisierung Sachsens. Chemnitz, 1919, S. 38.

¹⁸ Ср. с высказыванием А. Гольдшмидта: «Вокруг социализованного сектора остается частная экономика, а с нею вместе сохраняются ответственность и обязательства, которые превращают коллективную экономику в иллюзию или по крайней мере ослабляют ее» (А. Goldschmidt. Arbeiterräte! Wie führt Ihr die Sozialisierung durch? Berlin, 1919, S. 4).

¹⁹ R. Wissell. Kritik und Aufbau. Berlin, 1921, S. 38.

жение о том, что всеохватывающий и внезапный переход к социализму может встретить сопротивление прежде всего в организационном плане, которое распространится и на сферу экономики. По утверждению Каутского, полная социализация осуществляется именно с целью «вызвать к жизни переходный этап, в котором капиталистическое производство уже невозможно, а социалистического еще нет»²⁰.

Наряду с этим стал весьма популярен аргумент о «производительности». После того как некоторые поддерживали точку зрения, согласно которой социализация могла, но не обязательно должна была привести к более высокой производительности²¹, говорить о возможности экспроприации стали только в тех случаях, когда «капитал смог бы принести больший доход под контролем государства или по крайней мере тот же, что и на предыдущем этапе»²². Правительство Германии восприняло эту точку зрения²³, тогда как в Австрии полная социализация была отвергнута по политическим соображениям, поскольку (как впоследствии утверждал Отто Бауэр) «соотношение международных экономических сил так же не допускало исключительной власти пролетариата, как и соотношение военных сил делало невозможной абсолютную власть буржуазии»²⁴.

Отрицалось и то, что пролетариат созрел для полной социализации. Так, Ф. Оппенгеймер обращал внимание на непрочность большинства, отмечая, что «простое стечение обстоятельств, при котором пролетариат может оказаться в меньшинстве, полностью исключает проведение немедленной социализации в широких масштабах»²⁵.

Шумпетер со своей стороны подчеркивал: «Чтобы добиться успеха в социализации, рабочим массам необходимо навязать неслыханно строгую, железную дисциплину», а это он считал политически нежелательным²⁶. А. Хортен конста-

²⁰ Цит. по работе: *B. Heinemann. Sozialisierung, ihre Möglichkeiten und Grenzen.* Berlin, 1919, S. 74.

²¹ По этому вопросу см. прежде всего работы: *C. Landauer. Das Verhältnis von Rentabilität und Productivität und seine Bedeutung für das Sozialisierungsproblem.* — In: „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“, Bd. LXII, 1921, S. 481 usw.; *J. Schumpeter. Sozialistische Möglichkeiten,* S. 310; *R. Wissell, W. Moellendorff. Der Aufbau der Gemeinwirtschaft.* Jena, 1919; *F. Eulenburg,* op. cit., S. 47.

²² *E. Kuttner. Die deutsche Revolution.* Berlin, 1918, S. 14.

²³ Его печатный орган «Дойче альгемайне цайтунг» писал: «Социализация означает подчинение правительству целой отрасли промышленности, управляемой единым органом, в целях увеличения производительности» (*G. Lüttke. Die Vernichtung unseres Wirtschaftslebens durch die Sozialisierung.* Berlin, 1919, S. 7 usw.).

²⁴ *O. Bauer. Die alte und die neue Linke* („Der Kampf“, Bd. XIII, 1920, S. 255).

²⁵ *F. Oppenheimer. Zur Theorie der Vergesellschaftung.* — In: *Wege und Ziele der Sozialisierung.* Berlin, O. D., S. 17.

²⁶ См.: *J. Schumpeter. Sozialistische Möglichkeiten,* S. 308.

тировал, что «попытки социализации сводятся только к борьбе за повышение заработной платы», Каутский с сожалением отмечал, что упразднение сделкины «почти повсеместно считается естественным явлением, сопутствующим социализации», а Р. Гольдшейд называл все разговоры о нежелательности полной социализации нехитрым маневром с целью «оправдать высокими постулатами частичную социализацию и частичную экспроприацию, которые на деле оказывались менее результативными, нежели проекты, заклеянные как несостоятельные»²⁷.

Концепция всеобщей социализации хотя и определила границы вмешательства в частную собственность, но не выявила достаточно четко его содержания. В вопросе о значении социализации, о том, как создать новый социально-экономический строй и каким путем к нему идти, столкнулись три теории.

Была выдвинута гипотеза «полной социализации», основанная на централизованном планировании, натуральном расчете и полной ликвидации частной собственности. Однако у нее было мало сторонников. Основное положение этой гипотезы, разработанной Отто Нойратом, сводилось к решительному уничтожению рынка. Из альтернативных планов, представленных центральной администрацией, население должно было путем политического референдума выбрать тот, который следовало реализовать. В этих планах перенесенными величинами считались не только заработная плата, но и социальные капиталовложения, а также рабочее время. После утверждения одного из планов центр осуществлял лишь контроль за его реализацией²⁸.

Под общим наименованием экономического парламентаризма (*Wirtschaftsparlamentarismus*) были предложены такие понятия, которые (как впоследствии с удивлением констатировали специалисты) в значительной степени перекликались с уже выдвинутой задолго до этого концепцией «гильдейского социализма»²⁹. Речь шла о том, чтобы образовать «органы самоуправления», которым следовало передать дискреционную власть над средствами производства в данной отрасли. В этих органах, по предложению разных авторов, в тех

²⁷ A. Horten. *Die Sozialisierung von Kohle und Stahl*. Berlin, 1920, S. 20; K. Kautsky. *Schwierigkeiten der Sozialisierung*. — „Der Kampf“, Bd. XII, 1919, S. 473; R. Goldscheid. *Goldscheids Naturalabgabe*. — „Der Kampf“, Bd. XII, 1919, S. 337).

²⁸ Среди работ О. Нойрата по этому вопросу см. в особенности: *Die Sozialisierung Sachsens*, op. cit.; *Ein System der Sozialisierung*. — „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, Bd. XLVIII, 1921; *Wesen und Weg der Sozialisierung*. München, 1919.

²⁹ См. предисловие Э. и В. Шуманнов в книге: G. D. H. Cole, *Gildesozialismus*. Dresden, 1921, а также предисловие Р. Гильфердинга к книге: G. D. H. Cole. *Selbstverwaltung in der Industrie*. Berlin, 1921.

или иных пропорциях должны были быть представлены рабочие, хозяева и государство ³⁰.

Далее, исходя из толкования социализации как антитезы только индивидуализму, а не всему капиталистическому строю, основанному на рыночной экономике, были выработаны проекты восстановления равновесия в соотношении сил в условиях капитализма. Это могло быть достигнуто либо путем выравнивания спроса и предложения на рынке в результате как устранения монопольных положений ³¹, так и всеобщей монополизации ³², либо наделением рабочих консультационными правами в ходе принятия решений по делам предприятия ³³.

Поскольку частичная социализация могла быть лишь постепенным процессом, необходимо было установить порядок принятия различных мер. Вскоре дискуссия свелась к вопросу о том, при каких условиях можно сделать первый шаг. Было выдвинуто в основном пять возможных альтернатив.

А. Хортен предложил создать самостоятельный социалистический сектор; для этого некоторое число частных предприятий, охватывающих целый производственный общественный сектор, следовало экспроприировать с соблюдением справедливых пропорций между отдельными отраслями. На этой основе, соблюдая принцип «вертикальной социализации», необходимо было мало-помалу подавать и ассимилировать частнокапиталистический сектор ³⁴. Идею Хортена о превращении отношений между социализированным сектором и капиталистической национальной сферой в главный элемент этого процесса Й. Манн перенес и на отношения с внешним капиталистическим миром; социализация должна была начинаться на предприятиях, не зависящих от внешнего рынка в приобретении сырья и сбыте продукции, и уже потом распространяться на частично зависимые предприятия и далее — на целиком зависящие от внешнего рынка ³⁵.

³⁰ О высказываниях главных сторонников этих идей см.: *W. Rathenau. Autonome Wirtschaft*. Jena, 1919; *K. Korsch. Schriften zur Sozialisierung*. Frankfurt, 1969; *R. Wissell, A. Striemer. Ohne Planwirtschaft kein Aufbau*. Stuttgart, 1921.

³¹ См.: *L. Stephinger. Grundsätze der Sozialisierung*. Tübingen, 1919.

³² См.: *G. Bernard. Die Steuergemeinschaft*. Mannheim — Berlin — Leipzig, 1921.

³³ См. работы наиболее типичных сторонников этих позиций: *E. Piechottka. Der Arbeit gleiches Recht!* Berlin, 1919; *E. Horneffer. Die grosse Wunde*. München — Berlin, 1922; *F. Schomerus. Die neuere Entwicklung des Carl-Zeiss-Werkes*. — „Schmollers Jahrbuch“, XLIII, 1919. Модель, которую сегодня можно было бы определить как «лейбористскую», была выработана С. Херцогом, см.: *S. Herzog. Vergesellschaftung industrieller Betriebe*. Zürich, 1919.

³⁴ *A. Horten. Die Sozialisierung...*, op. cit.

³⁵ См.: *J. Mann. Die Privatinitiative als Wirtschaftsfaktor*. — „Der Kampf“, Bd. XII, 1919.

Р. Гольдшейд со своей стороны полагал, что государство должно введением натурального налога на имущество обеспечить себе реальное достояние, поначалу разрозненное, но впоследствии организуемое с помощью купли-продажи, (примерно об этом же говорил и Хортен)³⁶.

Другие, наоборот, уподобляли социализацию некоему объединению кооперативов и предлагали добиваться роста, перестройки и новой ориентации экономики в рамках определенной программы развития существующего кооперативного сектора, который должен в конечном счете вытеснить частный сектор силой собственного примера и частично с помощью конкуренции³⁷.

Общее внимание привлек вариант, согласно которому социализация должна начинаться в уже «созревших» для этого отраслях. В целом предпосылка этой «зрелости» усматривалась в том, что «сбыт и производство развиваются в нормальном цикле»³⁸. К этому разные авторы добавляли другие критерии³⁹, и в итоге получалось огромное количество вариантов решения о том, с какого сектора должна начаться социализация:

с тяжелой промышленности (эта гипотеза была самой популярной), поскольку «в природе вещей плановая социализация должна начинаться там, где производится сырье; только после ее завершения здесь открывается путь к социализации перерабатывающей промышленности»⁴⁰;

с банков, прямо или косвенно контролирующих значительную часть промышленности⁴¹;

с сектора конечных продуктов, ибо «социальное воспроизводство» невозможно «до тех пор, пока эта основа производственной системы не социализирована»⁴²;

³⁶ См.: *R. Goldscheid. Sozialisierung der Wirtschaft oder Staatsbankrott.* Leipzig — Wien, 1919.

³⁷ См.: *S. Kaff. Die Sozialisierung der Wirtschaft durch die Genossenschaften.* Wien, 1920; *W. Wilhelm. Wirtschaftsdemokratie der Zukunft oder die Organisation der freien Arbeit und des Verbrauches.* Leipzig — Wien, 1919.

³⁸ См.: *W. Sombart. Das Wirtschaftsleben der Zukunft.* — „Deutsche Rundschau“, Oktober 1926.

³⁹ По этому вопросу см.: *E. Lederer. Probleme der Sozialisierung.* — „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, Bd. CLIX, München — Leipzig, 1920, S. 112; *A. Zickler. Sozialisierung als kapitalistischer Schwindel oder als Volkserlösung.* Berlin, 1921, S. 13; *A. Braun. Die Sozialisierung.* Nürnberg, O. D., S. 4; *T. Vogelstein. Probleme der Sozialisierung.* — „Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, Bd. CLIX, München — Leipzig, 1920, S. 124; *G. Stolper. Die Sozialisierungsentwürfe.* — „Der österreichische Volkswirt“, XI, Bd. II, 1919, S. 552 usw.

⁴⁰ „Arbeiter Zeitung“, 22 Mai 1919.

⁴¹ См.: *H. Ströbel. Die Sozialisierung.* Berlin, 1921; *A. Zickler. Sozialisierung...*, op. cit.

⁴² *F. Staudinger. Profitwirtschaft oder Versorgungswirtschaft.* Berlin, 1919, S. 30.

с государственных предприятий, так как «основная трудность не в том, чтобы заменить капиталистическую собственность коллективной, а в том, чтобы превратить капиталистическое производство в социалистическое»⁴³.

3. Дискуссия о дополнительных мерах

Независимо от той формы, в которой предлагалось реализовать социализацию, совершенно обязательным представлялся ряд дополнительных шагов, которые, хотя и не были мерами социализации в прямом смысле слова, тем не менее логически связывались с ней. Они были обусловлены различными планами. Так, Р. Гольдшейд защищал идею государственного преимущественного права с целью облегчить упорядочение имущественных вопросов⁴⁴. Каутский предлагал дать государству преимущественное право землевладения, поскольку немедленная социализация в промышленности влекла за собой в дальнейшем необходимость для государства обеспечить за собой и сельскую собственность (помимо латифундий и лесовладений, которые нужно было экспроприировать немедленно)⁴⁵. Й. Манн утверждал, что сначала нужно социализировать только те предприятия, которые не зависят от внешнего рынка, а для частично зависимых рекомендовал координацию со стороны государства и контроль над ценами и налогообложением доходов⁴⁶.

Наряду с этими мерами, содержащимися в конкретных планах, были предложены и общие действия, проводимые независимо от существующих проектов, то есть параллельно каждому варианту частичной социализации⁴⁷. Рассмотрим четыре таких мероприятия, ставших ключевыми предметами обсуждения.

Во-первых, был затронут вопрос о том, должна ли экспроприация проходить за выкуп или без него. В пользу выкупа приводился, помимо прочих соображений⁴⁸, тот аргумент, что простая конфискация могла вызвать бегство капиталов

⁴³ *Parvus*. Der Arbeitersozialismus und die Weltrevolution. Berlin, 1919, S. 5.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ См.: *K. Kautsky*. Richtlinien für ein sozialistisches Aktionsprogramm. Charlottenburg, 1919.

⁴⁶ Ibid. Поскольку речь шла о том, чтобы воспрепятствовать утечке капиталов за границу, Е. Барт в противовес Й. Манну предложил начать с социализации внешней торговли. См.: *Sozialisierung — ihre Notwendigkeit, ihre Möglichkeiten*. Berlin, 1920.

⁴⁷ Полная социализация представлялась настолько всеобъемлющим мероприятием, что не требовала каких-то дополнительных шагов.

⁴⁸ По этому вопросу см.: *A. Ammon*. Die Hauptprobleme der Sozialisierung. Leipzig, 1920; *E. Heimann*. Die Sozialisierung. — „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, Bd. XLV, 1918.

и саботаж⁴⁹. Кроме того, обсуждалась проблема формы возмещения: производить ли его наличными, что было невыгодно и позволяло бывшему владельцу восстановить свой капитал⁵⁰, или в болах на приобретение товаров, что несколько исправляло положение⁵¹, или в ценных бумагах, что превращало предпринимателя в рантье⁵². Предметом обсуждения стал и вопрос о том, откуда взять средства для возмещения экспроприированных капиталов — использовать ли заем, что легло бы тяжелым бременем на рынок капиталов⁵³, или ввести налог на потребление⁵⁴, а также на недвижимость, хотя это затронуло бы только состоятельных людей (а Каутский по этому поводу сказал, что «принимать во внимание надо класс, а не отдельного человека») и лишь временно разрешило бы проблему рантье⁵⁵.

Во-вторых, поскольку процессу социализации нужно было обеспечить соответствующий успех, следовало пересмотреть всю фискальную систему. «Рабочие,— полагал Каутский,— должны отдавать себе отчет в том, что чем больше им удастся снизить прибавочную стоимость, присваиваемую капиталом, тем большими окажутся налоги с их заработка»⁵⁶. Поэтому многие высказывались в пользу снижения прямого прогрессивного налога на доход и увеличения косвенных налогов на потребление⁵⁷.

В-третьих, была сделана попытка превратить налог на наследство в орудие прогрессивной экспроприации. Предложены были разные меры — от государственного права наследования «имущества, ожидающего наследников», до серьезного повышения традиционного налога на наследство с тем, чтобы обеспечить разнообразие налоговых квот в зависимости от того, было ли имущество приобретено самим завещателем или же получено им по наследству⁵⁸.

⁴⁹ См.: *Spectator*. Das Sozialisierungsproblem in Deutschland. Berlin, 1920.

⁵⁰ См.: A. Ammon. Die Hauptprobleme..., op. cit.; E. Heimann. Die Sozialisierung..., op. cit.

⁵¹ См.: Bücher. Die Sozialisierung..., op. cit.

⁵² M. Ettinger. Sozialisierung und Kommunalisierung. Wien, 1919.

⁵³ См.: A. Ammon. Die Hauptprobleme..., op. cit.

⁵⁴ См.: C. Landauer. Planwirtschaft und Verkehrswirtschaft. München—Leipzig, 1931.

⁵⁵ См.: K. Kautsky. Was ist Sozialisierung? Berlin, 1920; A. Spiethoff. Einige Bemerkungen zur Lehre von der Sozialisierung. — „Schmollers Jahrbuch“, XVIII, 1919; O. Bauer. Vermögensabgabe und Sozialisierung. — „Der Kampf“, Bd. XII, 1919.

⁵⁶ K. Kautsky. Richtlinien..., op. cit., S. 14.

⁵⁷ См.: W. Gerloff. Steuerwirtschaft und Sozialismus. — „Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung“, X, 1922; E. Heimann. Die Sozialisierung..., op. cit., S. 574.

⁵⁸ См.: T. Oelenheinz. Abschaffung des Ebrechts. Jena, 1919; K. Kautsky. Was ist Sozialisierung?, op. cit., S. 28; E. Rignano. Zur Frage der

В-четвертых, необходимо было принять во внимание, что каждый вариант частичной социализации создавал довольно значительные трудности на валютно-финансовом рынке. Поэтому рекомендовалось в каждом отдельном случае принимать дополнительное распоряжение, стабилизирующее положение в банковском секторе; это нужно было для того, чтобы поставить под контроль внешнюю торговлю и движение капиталов, а также удовлетворять в первую очередь требования кредита со стороны социализированного сектора⁵⁹.

4. Практические попытки

Эта широкая и продолжительная дискуссия породила столько идей, что так и не был выяснен вопрос, в чем же действительно нуждалось рабочее движение; что есть в унитарном плане, который мог бы быть всеми принят и своевременно реализован. В Германии, как и в Австрии, правительства одновременно развернули сначала общую, а затем и частные дискуссии, в ходе которых специалистам предстояло прийти к соглашению о таких экстренных мерах, которые правительство могло бы осуществить. Органом по их проведению стали комиссии по социализации. В Германии такая комиссия была образована в декабре 1918 года Советом Народных Комиссаров, а в Австрии — на основе закона, принятого в марте 1919 года. Результаты работы обеих комиссий, конечно, оказались под влиянием общей дискуссии, но состав комиссий вовсе не отражал соотношения политических сил.

Как дискуссия, так и практическая работа проводились в двух планах, поскольку комиссии по социализации могли только разрабатывать проекты, реализация же их должна была осуществляться в законодательном порядке, то есть подготовленные планы необходимо было представлять законодательным органам, которые имели право их изменять. Поэтому анализ попыток социализации нужно обязательно вести в двух плоскостях.

Германская комиссия по социализации, наделенная правом вносить проекты и давать технические консультации, заседала при закрытых дверях. До апреля 1919 года она опубликовала временный доклад о социализации угольной промышленности и проект закона о муниципализации неко-

wirtschaftlichen Demokratisierung. — „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, Bd. L, 1923.

⁵⁹ См.: E. Strauss. Produktionskredit. — „Der Kampf“, Bd. XIII, 1920; E. Freundlich. Die Probleme der Gemeinwirtschaft in der Weltwirtschaftskrise. — „Der Kampf“, Bd. XIV, 1921; K. Renner. Die Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung. Berlin, 1924, S. 338 usw.

торых предприятий⁶⁰. Затем ее члены ушли в отставку. Остались незавершенными проекты по сфере страхования, и был опубликован лишь ряд предложений по рыбной ловле в предварительной редакции⁶¹. В июне 1920 года была образована новая комиссия по социализации, которая уже в июне представила правительству свои соображения по социализации угольной промышленности. В одном варианте рекомендовалось провести экспроприацию (предложение Ледерера), в другом — принудительную картелизацию с применением ограничительных мер (предложение Ратенау)⁶². Впоследствии были опубликованы материалы двух технических консультаций: одна касалась производства поташа, другая — железных дорог⁶³.

Австрийская комиссия начала работать в апреле 1919 года и вскоре пришла к выводу, что необходимо дать преимущественный ход тем законопроектам, которые следовало предложить на рассмотрение правительству или парламенту и в которых были учтены пять основных моментов: экспроприация предприятий, создание коллективных (то есть социализированных) предприятий, муниципализация, образование производственных советов на предприятиях, электрификация. К сентябрю 1919 года, помимо этой срочной работы, были разработаны проекты по шести следующим ключевым секторам: угольная промышленность, лесной фонд, крупные лесные владения, торговля лесом и деревообрабатывающая промышленность, картели, латифундии⁶⁴. Затем комиссия прервала свою деятельность, и управление существующими коллективными предприятиями было передано целиком службе социализации.

Через три месяца после падения имперского режима в Германии появился законодательный орган, который вынужден был начать свою деятельность в обстановке большой спешки, поскольку в рабочем классе усиливалось и обострялось недовольство (в марте 1919 года в Берлине вспыхнула всеобщая забастовка). Тогда же были приняты «Закон о социализации» и «Закон об упорядочении положения в угольной промышленности». Первый был предварительным актом и создавал предпосылки для экспроприации предприятий и урегулирования отношений на коллективизированном произ-

⁶⁰ См.: *O. Simon. Materialien zur Sozialisierung*. Berlin, 1919, S. 8—11.

⁶¹ См.: *Vorläufiges Gutachten über die Sozialisierung der Hoghseefischerei*. Berlin, 1919.

⁶² См.: *H. Ströbel. Die deutsche Revolution*. Berlin, 1922.

⁶³ См.: *Gutachten der Sozialisierungskommission über die Organisation der Kali-Industrie*. Berlin, 1921; *Gutachten der Sozialisierungskommission über die Organisation der Reichseisenbahnen*. Berlin, 1921.

⁶⁴ Подробнее об этом см.: *W. Ellenbogen. Sozialisierung in Österreich*. Wien, 1921; *O. Bauer. Die Sozialisierungsaktion im ersten Jahre der Republik*. Wien, 1919.

водстве. Второй был законом по существу и использовал указанные предпосылки. Тем не менее экспроприации не произошло, хотя и были образованы ассоциации углепроизводителей и их высший орган — Государственный совет по угольной промышленности, который и должен был руководить деятельностью этой отрасли. Рабочие были представлены в руководящих органах, правительство осуществляло координирование и контроль, а также устанавливало уровень цен. В апреле настала очередь следующего практического закона. Им стал закон «Об упорядочении производства поташа», который попросту перенес структуру, существовавшую в угольной промышленности, в данную отрасль. Предварительный «Закон об электроэнергетической отрасли», принятый в декабре 1918 года, не предусматривал образования каких-либо ассоциаций, но вводил государственную монополию. В 1920 году еще тремя декретами были образованы экономические коллективные органы в сферах металлургии, производства серной кислоты и гудрона⁶⁵.

В марте 1919 года в Австрии был обнародован «Закон о подготовке социализации», по которому было значительно упорядочено образование комиссий по социализации. Затем последовали законы по собственно социализации: в мае — «О процедуре экспроприации предприятий» (в форме предварительного закона); в июле — «О коллективных хозяйствах», который на основе права общества на экспроприацию и социализацию предприятий GWA (Gemeinwirtschaftliche Anstalt) предусматривал три руководящих органа с особым представительством от государства и от трудящихся. Правительственный проект закона о муниципализации уже не обсуждался; проект закона об электроэнергии не был даже представлен на рассмотрение, как не обсуждался и законопроект об угольной промышленности. Лишь два закона от мая 1919 года касались проблем социализации, да и то частично: «Закон о культурных центрах», который предусматривал экспроприацию неиспользуемого жилого фонда для организации центров народной культуры, и «Закон о реколонизации», предусматривавший экспроприацию неиспользованных земельных участков крестьянами, которые согласятся их обрабатывать⁶⁶.

5. Разочарования и крах

Легко заметить, что законодательство в области социализации ни к чему не привело. Более того, в тех немногих законах, которые были приняты, не содержалось ни то, к

⁶⁵ См.: W. Röpke. Sozialisierung. — „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. Jena, Bd. VII, 1926.

⁶⁶ См.: E. Weissel. Die Ohnmacht des Sieges..., op. cit., S. 263, 270.

чему, как показала дискуссия, стремилось рабочее движение, ни даже то, что предполагала сделать весьма умеренная комиссия по социализации. Законы об экспроприации так и свелись всего лишь к предварительным проектам или к законам о процедуре. В Германии угольная промышленность и производство поташа были не экспроприированы, а попросту объединены в тресты⁶⁷. В Австрии GWA как автономное объединение социализированных предприятий с единым руководящим комитетом, созданная по модели, предложенной комиссией по социализации, превратилось в дурную копию тройственных акционерных обществ. К тому же все эти немногочисленные и крайне неудачные законы очень плохо проводились в жизнь. В Германии, например, шахтеры воспользовались своим влиянием не для того, чтобы рационализировать производство⁶⁸, а лишь с целью увеличить собственные заработки путем увеличения цен на уголь⁶⁹. Экономические органы, созданные в Австрии декретом 1920 года, аналогичным образом не сумели избавить страну от ошибок в политике цен⁷⁰. В Австрии удовлетворились тем, что начали было преобразовывать бывшие военные государственные предприятия в коллективные, а затем убедились в невозможности продолжать подобную «социализацию без экспроприации», поскольку при такой неразберихе социализированные предприятия терпели крах одно за другим⁷¹. «Закон о культурных центрах» не был осуществлен, так как земли (провинции) не представили ни одного списка «незанятых помещений».

Этих примеров достаточно для иллюстрации быстрого краха социализации. То, что в начале 1919 года вызвало большой энтузиазм, к концу 1920 года завершилось полным провалом. «Капитализм, каким он вышел из войны и революции в Германии,— утверждал Гильфердинг в октябре 1920 года,—оказался как никогда раньше концентрированным, интегрированным и сплоченным»⁷². И лишь огромное количество идей — результат общей дискуссии — говорило

⁶⁷ Р. Виссель пользуется в этом случае весьма последовательно выражением «общественный трест» (*R. Wissel. Kritik und Aufbau...*, op. cit., S. 69).

⁶⁸ См.: *G. Jahn. Verstaatlichung und Vergesellschaftung. Berlin, 1920, S. 30.*

⁶⁹ Например, проблема избыточных производственных мощностей, которая причиняла столько неудобств до мировой войны, совсем не была разрешена, поскольку вскоре перепроизводство вновь достигло уровня 25—30% (*G. Berger. Internationale Kohlenbewirtschaftung. Bochum, 1928, S. 29*).

⁷⁰ *W. Röpke. Sozialisierung*, op. cit., S. 576.

⁷¹ О причинах этого краха см.: *E. Weissel. Die Ohnmacht des Sieges...*, op. cit., S. 299.

⁷² *R. Hilferding. Die Sozialisierung und die Machtverhältnisse der Klassen. Berlin, 1920, S. 8.*

теперь о том, чего можно было бы достигнуть. Как случилось, что «социализм, находившийся у власти, не смог воспользоваться этой властью»?⁷³ Масса авторов дала массу ответов на этот вопрос, и все их можно свести к двум основным положениям — незрелости рабочего движения и ловкости буржуазии.

Во-первых, пропасть между широкими массами трудящихся, которые, хотя и имели смелость начать социальный эксперимент, но не обладали необходимыми для этого техническими знаниями, и немногочисленными специалистами в этой области можно было преодолеть лишь в той же малой степени, в какой и пропасть между последними и функционерами высшего ранга, которые вовсе не хотели рисковать. Поэтому Йозеф Шумпетер (а он-то был специалистом!) с полным правом мог сетовать на скудные результаты дискуссии: «Ни с какой стороны не видно действительно исчерпывающего подхода к трудностям, ни с какой стороны нельзя получить действительно исчерпывающего ответа на отдельные возникающие время от времени вопросы, как только речь заходит о чем-нибудь, кроме идеалов и лозунгов самого общего порядка»⁷⁴.

Находясь во власти иллюзий, будто дирижистские экономические меры в период войны имеют социалистический характер⁷⁵, тогдашние теоретики по большей части исходили из практики «военного социализма» и его структур; они не сумели освободиться от идеологии, связанной с рыночной экономикой (один лишь Отто Нойрат, как уже было сказано, смог обосновать свою альтернативу), и постоянно шли против собственной же логики, как показывает, например, предложение Гольдшмидта производить, «не обращая внимания на капиталистическую прибыль»⁷⁶, что с точки зрения политической экономии означало истощение основного капитала.

В то же время А. Файлер столь же обоснованно замечал: «Исключительность нашей эпохи не способствовала появлению у нас таких людей, которые, мощно натянув поводья, смогли бы везти этот воз вперед по новому пути: поводья болтались и тянулись по земле»⁷⁷. Верхушка рабочего движения колебалась, устраивая проволочки, которые могли бы дать им алиби. Они достигли руководящего положения в государственном аппарате, но поставить под свой контроль бюрократическую иерархию не смогли⁷⁸. Они сами лишили ав-

⁷³ C. Landauer. Planwirtschaft..., op. cit., S. 109.

⁷⁴ J. Shumpeter. Sozialistische Möglichkeiten..., op. cit., S. 307.

⁷⁵ E. Weissel. Die Ohnmacht des Sieges..., op. cit., S. 158 sgg.

⁷⁶ A. Goldschmidt. Arbeiterräte..., op. cit., S. 14.

⁷⁷ A. Feiler. Der Ruf nach den Räten. Frankfurt, 1919. S. 6.

⁷⁸ См. по этому вопросу: E. Kuttner. Bilanz der Rechtsprechung. Berlin,

торитета и силы единственную форму альтернативной власти, которую могли использовать против государственной бюрократии, — рабочие Советы; их деятельность в Германии была в законодательном порядке ограничена и сведена к чисто экономическим задачам, а в Австрии на плечи Советов переложили еще и текущие дела⁷⁹. Имея опыт обороны, они были не очень опытные в вопросах наступления и все более уступали набиравшей силу буржуазии, пока не отдали в ее руки бразды правления, оставив себе лишь одно — возможность «снова применить на практике испытанную старую тактику, тактику агитации и организации»⁸⁰.

Во-вторых, рабочее движение послевоенного периода было уже не таким, как до начала войны, то есть прочным блоком масс, объединенных общими интересами: растущее социальное расслоение увеличивало разнородность рабочего движения, и это обнаружилось еще во время войны. Уже в 1917 году Карл Реннер, смирившись с обстановкой, заметил: «Если верно то, что сущность человека определяет его сознание и что экономические отношения между рабочим классом и другими слоями общества лежат в основе его классового сознания, то реальное положение этого класса должно отличаться такой же степенью конфликтности, какая присуща всякой группе, обладающей сильно раздробленным сознанием»⁸¹.

Социализм руководящего чиновника или мелкого служащего был отнюдь не похож на социализм квалифицированного рабочего; отсюда и разнообразие проектов, выдвинутых в ходе дискуссии о социализации и отражавших прежде всего различие интересов тех социальных слоев, из которых вышли их авторы. Трещины, появившиеся в едином рабочем движении, можно было зацементировать лишь кое-как, потому что как раз в эти трещины буржуазия и вбивала свои клинья. В Германии партия и профсоюзы пошли разными путями: «Принцип независимости профсоюзов от партии, — сетовал Й. Пленге, — не отличается от того правила, которым пользуется любой ловкий директор банка в отношении какого-либо филиала или консорциума; он сваливает на них все гиблые дела, и получается, что любое стоящее дело достается профсоюзам, а любая трудность принципиального характера выпадает на долю партии»⁸².

1922; P. Sugar (ed.). *Native Fascism in the Successor States 1918—1945*. Santa Barbara, 1971 (особенно — раздел, написанный П. Шугаром и Ф. Фельнером); K. Pribram. *Deutscher Nationalismus und deutscher Sozialismus*. — „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, Bd. IL, 1922.

⁷⁹ С.м.: A. Weiszel. *Die Ohnmacht des Sieges...*, op. cit., S. 167.

⁸⁰ P. Lensch. *Sozialdemokratie und Sozialisierung...*, op. cit., S. 3.

⁸¹ K. Renner. *Marxismus, Krieg und Internationale*. Stuttgart, 1917, S. 5.

⁸² J. Plenge. *Die Revolutionierung der Revolutionäre*. Leipzig, 1918, S. 169.

Поскольку же «систематические спекуляции о реорганизации экономики были весьма далеки от интересов профсоюзов»⁸³, профсоюзное движение все более очевидно отходило от туманных задач социализации, предпочитая им не менее туманную «экономическую демократию», правда, вместе с энергичным требованием повышения заработной платы⁸⁴.

В Австрии свой скептицизм по поводу социализации высказали не профсоюзы, а кооперативы⁸⁵, и их аргументация еще более обострила расхождения внутри рабочего движения. Усилившиеся христианские профсоюзы остались верными буржуазной собственности; они сразу же принципиально отказались от ее ликвидации и не приняли никаких мер, ведущих к экспроприации⁸⁶. Если в Австрии удалось с большим трудом избежать раскола партии на правых и левых (столкновения внутри партии тем не менее продолжались)⁸⁷, то в Германии это произошло, и образовалось две партии, а составленное ими совместное правительство, «порожденное революцией, попало в зависимость от старых бюрократов, генералов и магнатов капитала»⁸⁸.

В-третьих, рабочему движению не удалось надолго сохранить своих союзников и тем более приобрести новых. Крестьянство, которое непосредственно после революции поддерживало рабочее движение, быстро возвратилось в лагерь буржуазии, поскольку социал-демократия (которая и до начала войны не могла выдвинуть решение аграрного вопроса) не сумела ничего ему предложить, кроме гарантии временного исключения из процесса социализации⁸⁹. Женщины — по традиции их держали подальше от политики, а по воспитанию они стояли ближе к консервативной буржуазии — не воспользовались своим правом голоса для поддержки социал-демократов, поскольку те не дали им равноправия, а их меры в области труда и социального права не слишком отличались

⁸³ T. Cassau. Die Gewerkschaftsbewegung. Halberstadt, 1925. S. 312; см. также: M. Bonn, M. Palyi (Hrsg.). Die sozialistische Ideenwelt vor und nach dem Kriege. München-Leipzig, 1925.

⁸⁴ По этому поводу см.: F. Naphtali. Wirtschaftsdemokratie. Ihr Wesen, Weg und Ziel. Frankfurt, 1968 (1. Ausgabe — 1928).

⁸⁵ См.: K. Renner. Die österreichischen Arbeitsgenossenschaften und ihre Kritiker. Wien, 1926.

⁸⁶ См.: G. Briefs. Die wirtschafts und sozialpolitischen Ideen des Katholizismus. — In: Die Wirtschaftswissenschaft..., op. cit.

⁸⁷ См.: O. Bauer. Die alte und die neue Linke. op. cit.; O. Bauer. Nochmals die neue Linke. — „Der Kampf“, Bd. XIII, 1920.

⁸⁸ K. Kautsky. Die Sozialisierung und die Arbeiterräte. Wien, 1919, S. 15.

⁸⁹ По этому поводу см.: C. Leubuscher. Die Agrarfrage im deutschen Sozialismus der Gegenwart. — „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“, Bd. LXIII, 1922; O. Bauer. Zur Frage der proletarischen Agrarpolitik. — „Der Kampf“, Bd. XIV, 1921.

от обещаний либеральной буржуазии, к тому же эти меры представлялись направленными против эмансипации⁹⁰.

Мелкие собственники ожидали от социал-демократии защиты, чего-то вроде подпорки против всевластия крупного капитала, но вместо этого именно на них свалился основной груз социального законодательства⁹¹, хотя и довольно прогрессивного, но и весьма обременительного, ибо крупные предприятия преодолевали свои трудности просто за счет повышения цен, а возникавшая из этого инфляция была в первую очередь по мелким производителям⁹². Аналогичным образом интеллигенция, люди свободных профессий (врачи, адвокаты и др.), кто до 1914 года был далек от социализма и даже относился к нему враждебно, сразу после революции стали проявлять к нему благожелательность или хотя бы нейтралитет. Но затем их авторитет в обществе начал падать, так как в материальной сфере приоритет получила сфера производства, из-за чего они понесли материальные потери и вновь превратились во врагов социал-демократии и социализации⁹³. Рабочее движение так и не смогло бросить идеологический вызов существующему строю, даже хотя бы в виде проекта социализации. «Социал-демократия загнала себя в невыносимое положение, — жаловался О. Конрад. — Об осуществлении социализма нечего и думать. Так или иначе, а придется проводить преобразования на капиталистической основе. И выходит, что содействовать этому должна социал-демократия, именно социал-демократия, конечной целью которой является уничтожение капитализма?»⁹⁴

В момент краха буржуазия была парализована вместе с представляющими ее политическими и экономическими организациями. Однако она быстро восстановила свою боеспособность и усилила сопротивление попыткам социализации. Достаточно несколько примеров, чтобы показать, как ловко она себя вела.

Как мы видели, рабочее движение выступало в четырех сферах — в основной дискуссии, в комиссии по социализации, в законодательстве и в практических мероприятиях. Необходимой предпосылкой для его победы должно было стать тес-

⁹⁰ См.: E. Weissel. Die Ohnmacht des Sieges..., op. cit. S. 329.

⁹¹ В общем виде об этом см., например, в работе К. Прибрама (K. Pribram. Die Sozialpolitik im neuen Österreich.—„Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, Bd. XLVIII, 1920).

⁹² O. Bauer. Die österreichische Revolution. Wien, 1923, S. 196.

⁹³ По этому вопросу см., в частности: F. Schnierer. Die Abkehr der Intellektuellen vom Sozialismus und ihre wirtschaftlichen Gründe. — „Der österreichische Volkswirt“, XIII, Bd. I, 1920; R. Olden. Der klassenmäßige Zusammenschluss der geistigen Arbeiter (ibid.); O. Leichter. Klassenmäßiger Zusammenschluss der geistigen Arbeiter? (ibid.)

⁹⁴ O. Conrad. Die Abkehr der Gebildeten von der Sozialdemokratie. — „Der österreichische Volkswirt“, XII, Bd. II, 1920.

ное взаимодействие на всех этих уровнях. Однако буржуазии удалось порвать эти связи. Хотя в ходе общей дискуссии она ограничилась лишь предостережениями против целого ряда опасностей⁹⁵ и не оказала открытого сопротивления, она все же сумела контрабандным путем, ссылаясь на свое сугубо «формальное» отношение к социализации, протащить в комиссию по социализации собственных специалистов, которые с помощью хитроумной аргументации и технических консультаций превращали любой проект в откровенно безвредный. В области законодательства все проекты комиссии по социализации или целиком игнорировались (как в Германии), или же топились в парламентских комиссиях (как это было в Австрии). Наконец, практическое осуществление саботировалось или сводилось на нет с помощью неверных или неправильных толкований, компромиссов и экономического давления. В обороне буржуазия чувствовала себя намного лучше рабочего движения. Признав федерализм, который — в особенности в Австрии — противоречил централистской традиции, буржуазия обеспечила себе двойную линию обороны и добилась того, что социалистическое большинство в государстве оказалось парализованным во многих землях (провинциях)⁹⁶.

К тому же буржуазия искусно вбивала клинья в рабочий блок и расширяла уже имеющиеся трещины, натравливая одну часть этого блока на другую. В Германии она в масштабах всей страны вовлекла профсоюзы в «рабочее сообщество» совместно с ассоциациями предпринимателей, что в значительной степени приглушило революционный процесс⁹⁷. Когда впоследствии профсоюзы увидели, в какой ловушке они оказались, и покинули «сообщество», было уже поздно. Удобный случай был упущен⁹⁸. Буржуазия использовала раскол в рабочем движении, кульминацией которого явилось поражение революции, возглавлявшейся КПП, с таким искусством, что после этого совместные действия рабочих партий стали надолго невозможными⁹⁹. Таким образом, проект социализации был полностью заморожен. Рудольф Гильфер-

⁹⁵ Типичным примером в этом плане может служить сочетание различных аргументов в работе Штейнманна-Бухера (A. Steinmann-Bucher. In: „Sozialisierung“. Berlin, 1920).

⁹⁶ См.: Weissel. Die Ohnmacht des Sieges, op. cit., p. 286.

⁹⁷ „Рабочее сообщество“, несомненно, умерило ход революции, это было его крупнейшей заслугой. Перед лицом всех попыток насильственным путем подорвать нашу социальную систему, она выстояла как мощная крепость» (O. Leibrock. Geschichte, Organisation und Aufgaben der Arbeitgeberverbände. Berlin, 1922, S. 62).

⁹⁸ См.: A. Weber. Der Kampf zwischen Kapital und Arbeit. Tübingen, 1954, S. 122.

⁹⁹ См.: R. Hilferding. Die Einigung der deutschen Arbeiterklasse. — „Der Kampf“, Bd. XIV, 1921, где подробно рассматривается вся предыстория раскола.

динг весьма удачно назвал это «революционной битвой на Марне»¹⁰⁰. Социализация в Австрии вскоре превратила мощное движение рабочих Советов, преследовавшее революционные цели, в карикатуру на самое себя с момента, когда «целиком реакционные или же насквозь пронизанные корпоративизмом организации постарались спешно создать собственные «рабочие советы»¹⁰¹. Приняв проект социализации Отто Бауэра¹⁰², демонстративно взяв его за основу работы комиссий по социализации, буржуазия изолировала самые радикальные слои партии. Карл Реннер со своей группой потерпел поражение с другим, еще не законченным проектом¹⁰³, а остатки рабочих Советов оказались без какой-либо перспективы.

Наконец, надо помнить о том, что буржуазия была готова пустить в ход все свои средства, до конца и без церемоний. Контролируя значительную часть печати, она показала очень умело, как замалчивать точную информацию и распространять фальшивую. Остро отточенным оружием в ее руках был антисемитизм, поскольку многие из руководителей рабочего движения были еврейского происхождения, и против них можно было направить как самих рабочих, так и потенциальных союзников рабочего класса. (Еще до войны Бебель заклеил антисемитизм как «социализм дураков».)

Католическая церковь, оказавшись перед выбором между моралью и выгодой, не сумела найти верного пути. Она метала громы и молнии против социал-демократии, а накануне каждых выборов агитировала верующих, указывая им «правильный» бюллетень. (В Австрии монсеньор Игнац Зайпель достиг вершин буржуазного движения и стал канцлером.) Чтобы не допустить осуществления многообещающих проектов социализации, буржуазия блокировала или попросту заморозила иностранный капитал. В Австрии банки способствовали краху коллективных предприятий, отказывая им в кредитах¹⁰⁴.

Еще Маркс предсказывал, что не в борьбе за власть, а за подготовку к ее применению развернутся войны, которые будут идти десятилетиями. Буржуазия отнюдь не разучилась пользоваться властью, а к тому же у нее оказалась более легкая задача — пассивно выжидать, поэтому у нее было больше шансов на успех, чем у рабочего движения, которое еще не успело научиться искусству употреблять власть.

¹⁰⁰ „Taktische Probleme“. — „Der Kampf“, Bd. XII, 1919, S. 839.

¹⁰¹ M. Adler. Demokratie und Rätesystem. Wien, 1919, S. 24.

¹⁰² См.: O. Bauer. Der Weg zum Sozialismus. Wien, 1919.

¹⁰³ См. особо: Die Dreieinigkeit der Arbeiterbewegung. Wien, s. d.; „Wirtschaftsdemokratie“. — „Der Kampf“, Bd. XIX, XX, 1926—1927; Wege der Verwirklichung. Wien, 1929.

¹⁰⁴ Более подробно см. в моей работе E. Weissel. Die Ohnmacht des Sieges..., op. cit., S. 338, 313.

Перец Мерхав

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И АВСТРОМАРКСИЗМ

Прежде чем рассматривать проблему австромарксизма, мы должны ясно представить себе, что означает это понятие, поскольку здесь возможны несколько вариантов его трактовки. В самом широком смысле мы, конечно, можем считать австромарксизмом марксизм в Австрии и, вероятно, отождествлять его с австрийской социал-демократией. Подобное определение обязательно включало бы в себя и соответствующий период, начавшийся в конце прошлого века и продолжающийся до сих пор. Понятие австромарксизма можно также ограничить элитой социалистов-мыслителей, появившихся в последние годы прошлого века и действовавших в немецкой части Австро-Венгрии вплоть до первой мировой войны, разрабатывая марксистскую теорию применительно к животрепещущим проблемам в области философии, политической экономии, общественного права, в сфере национальных проблем и т. д. В этом своем проявлении австромарксизм теснейшим образом связан с именами Виктора Адлера, Густава Экштейна, Карла Каутского, Рудольфа Гильфердинга, Отто Бауэра, Карла Реннера, Фридриха и Макса Адлеров и некоторых других.

Оба этих определения австромарксизма однако, недостаточно точны. Несомненно, что австромарксизм появился в Австрии и, развивался в общем в этой стране, но корни его надо искать еще в довоенном периоде. Мы не должны игнорировать тот факт, что деятельность наиболее известных представителей названной группы — Карла Каутского, Рудольфа Гильфердинга и Густава Экштейна — проходила не в Австрии, а в Германии, и с дальнейшим развитием австромарксизма они не были связаны. В то же время далеко не все австрийские марксисты принадлежали к социал-демократии и исповедовали австромарксизм (например, австрийские коммунисты), да и сами руководители австрийской социал-демократии — если согласиться, что они субъективно верили в марксизм, — не всегда называли себя австромарксистами

и не обязательно должны ими считаться (например, правое крыло социал-демократии во главе с Карлом Реннером).

Как самостоятельное течение, своеобразное и отличное от других марксистских течений того времени, австромарксизм— это явление, относящееся прежде всего к периоду между двумя мировыми войнами, и мы его рассмотрим здесь именно как таковое. Но если верно, что глубокое понимание австромарксизма невозможно без знания его исторических довоенных истоков, то верно и то, что не следует отрывать его от международной обстановки того времени, от «центризма» внутри международного пролетарского движения, специфической австрийской вариацией которого он стал. Отто Бауэр, самый авторитетный представитель австромарксизма, не оставляет на этот счет ни малейшего сомнения: «То, что наши буржуйчики по необразованности называют австромарксизмом, есть на самом деле идеологическое международное течение центристского марксизма; оно не является принадлежностью одной лишь Австрии, это идеологическая тенденция внутри Интернационала со своими представителями во всех социалистических партиях. Но правильно будет утверждать, что в послевоенные годы австрийская социал-демократия играла в этом международном течении ведущую роль»¹.

На основе анализа австромарксизма, его исторического генезиса, международного фона, на котором он действовал, соотношения его ценностей и недостатков, результатов его деятельности, поражений и неудач мы попытаемся определить его особый вклад и место, которое он занимает в общей истории марксизма².

1. Основные характеристики и первоначальные границы

Целый ряд типичных характерных черт австромарксизма частично объясняется особенностями начального периода рабочего движения в Австрии. Прежде всего мы должны вспомнить постулат австромарксизма: «Единство прежде всего!»—

¹ O. Bauer. Kritiker Links und Rechts.— „Der Kampf“, Bd. XX, 1927, S. 450.

² В качестве основной библиографии укажем следующие работы: F. Kreissler. Von der Revolution zur Annexion. Österreich 1918—1938. Wien, 1970; B. M. Тупок. История Австрии с 1918 по 1938 год. М., 1963; N. Leser. Zwischen Reformismus und Bolschewismus. Der Austromarxismus als Theorie und Praxis. Wien, 1968; O. Bauer. Werkausgabe in 7 Bd., Wien, 1977; H. Fischer (Hrsg.). Zum Wort gemeldet: Y. Bourdet (ed.). Otto Bauer et la révolution. — Etudes et documentation internationales. Paris, 1968; O. Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus. Bratislava, 1936; O. Leichter. Otto Bauer. Tragödie oder Triumph. Wien, 1970; R. Ratkovic. Politika teorija austromarkssizmo. Beograd, 1965; „Der Kampf“. Wien, 1917—1934 (Bdr. X—XXVII), Brünn, 1934—1938; „Der Sozialistische Kampf“. Paris, 1938.

и то, как он канонизирует «идею единства», распространяя ее далеко за пределы возможного практического или функционального применения. На начальном этапе в любом рабочем движении наблюдались расколы, за которыми следовали объединения. Вспомним, например, эйзенахцев и лассальянцев в Германии и их объединение на съезде в Готе (1875). Но для Германии это была предыстория рабочего движения, и последующая героическая борьба против антисоциалистических законов затмила это событие. Не объединительный съезд и не сам акт объединения, а Эрфуртский съезд (1892) — съезд победы над Бисмарком, съезд Эрфуртской программы — послужил стимулом для немецкой социал-демократии, дал ей жизнь и на целые десятилетия определил ее путь. Обстановка же в Австрии была совсем иной. Период внутренней борьбы и разных расколов был более долгим, и потому съезд, добившийся окончательного объединения австрийской социал-демократии и принятия ее программы (Хайнфельд, 1888—1889), имел бесконечно большее значение, чем съезд в Готе для немецкой социал-демократии. Другими словами, травма, полученная в годы, предшествовавшие съезду в Хайнфельде, влияла на австрийское рабочее движение очень долго, даже после первой мировой войны, и как реакция на эту травму в нем развился и глубоко укоренился комплекс «безоговорочного единства».

Другая типичная черта этого движения, тесно связанная с предыдущей,— ярко выраженная тенденция терпимости по отношению к различным мнениям и противоположным течениям внутри партии. Прямым следствием принципа «организационное единство любой ценой» явился «плюрализм», и эти тенденции еще более усилились в результате осознания абсолютной необходимости приложить максимум усилий и продемонстрировать бесконечное терпение, чтобы сохранить единство австрийской партии, которой постоянно угрожали бесчисленные центробежные силы как в стране, так и в самой организации. Это отношение, вызванное особыми историческими условиями Габсбургской империи, со временем превратилось в образ мышления, который прочно вошел в австромарксизм, причем в гораздо большей степени, чем этого требовали соображения организационного, тактического и стратегического порядка³.

В известную противоположность Германии политический строй Габсбургской империи был в глазах социал-демократии, бесспорно, консервативным и реакционным, но не до такой степени, чтобы заранее отказаться от попыток добиться

³ См.: *H. Steiner. Die Arbeiterbewegung Österreichs 1867—1889. Wien, 1964; V. Adler. Aufsätze, Reden und Briefe. Wien, 1922—1929; J. Braunthal. Victor und Friedrich Adler: Zwei Generationen Arbeiterbewegung. Wien, 1966.*

от него существенных уступок и реформ, применяя для этого силу или прозорливо используя его внутренние противоречия и слабости. Рассматривая период до первой мировой войны, мы считаем необходимым объяснить причину, по которой австрийская социал-демократия так и не смогла конкретизировать и реализовать «революционную идею», к которой она объективно могла прийти в том случае, если бы были исчерпаны все возможности добиться реформ и альтернатив эволюционным путем или же если бы таковых не существовало вообще (как это было в России, но даже и в какой-то мере и в какое-то время — в Германии). Исключительно реформистская перспектива, например, была заложена в программе по национальному вопросу, поставленному на съезде австрийской социал-демократии в Брюнне (1899). Эта программа со всеми своими прогрессивными требованиями и предложениями никак не выходила за социальные и государственные рамки империи Габсбургов (в ней нет ни слова о «праве наций на самоопределение», о расчленении многонационального государства и т. п. в отличие, например, от программы российской социал-демократии). Тут явно действовал еще один фактор, а именно страх перед тем, что крах монархии может привести к распаду «государства четырех народов» на национальные элементы и сведет Австрию на уровень небольшой немецкоязычной страны, не готовой к политической, а тем более к экономической самостоятельности, более того, не способной ее добиться. Сами социал-демократы немецкоязычной Австрии, возглавлявшие до тех пор союз левых партий всей Австро-Венгерской империи (это был сильный, хотя и раздираемый многими распрями союз), считали, что, если монархия падет, им будет уготована судьба провинциальной партии мелкого государства. Предвидение возможности этой травмы также обуславливало возникновение австромарксизма⁴.

Но среди особых довоенных условий, повлиявших на деятельность социал-демократии в Австро-Венгрии, была не только вполне зримая возможность добиться необходимых реформ. Был и опыт, говоривший, что нельзя достичь подобных реформ чисто парламентским путем. Это можно было сделать исключительно с помощью мобилизации масс, которые должны были выйти на улицы и соединить свою борьбу с давлением парламента. Этот опыт (борьбы за избирательное право и другие свободы), естественно, оказал боль-

⁴ См.: O. Bauer. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1907; H. Mommsen. Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 1963, Bd. I; A. Agnelli. Socialismo e problema delle nazionalità in Otto Bauer. — Annali dell'Istituto G. G. Feltrinelli, 1973.

шое влияние на австромарксизм, снискав ему славу «воинствующего реформизма».

В тесной связи со всем этим находилась и проблема революционной теории и терминологии. Даже ограниченные цели борьбы могут быть достигнуты лишь при условии, что идеологическая, моральная и агитационная мобилизация масс и весь «дух» борьбы не ограничены заранее какой-то узкой сферой. Борьба масс по своей природе не может быть успешной, если перед ними с самого начала ставятся «ограниченные и чисто тактические задачи». Она должна проходить под знаком великих и всеобщих революционных идей и постулатов. Постоянная актуальность массовой борьбы за реформы вынудила австрийскую социал-демократию сохранить революционную идею и терминологию, что исключало появление в ее рядах как тенденций к теоретической ревизии революционного марксизма, так и культа реформистского прагматизма, которые в это время были присущи немецкой социал-демократии.

Говоря об исторических корнях австромарксизма, мы, разумеется, не претендуем на то, чтобы рассматривать эти характерные черты начального этапа движения с точки зрения жесткого детерминизма и считать, будто австромарксизм в период между двумя мировыми войнами можно объяснить только его прошлым, делая из этого «фаталистические» выводы. Однако мы не можем обойти основную особенность австромарксизма, которая состоит в том, что с этим течением связан целый ряд размышлений и философских интерпретаций марксизма, впервые предпринятых в работе Макса Адлера «Причинность и телеология в дискуссии о науке», опубликованной в 1904 году в ходе полемики о ревизионизме.

Адлер признавал, что именно дискуссия о ревизионизме и положила начало кризису марксизма. И он указывал, что истоки этого кризиса лежат в недостаточно точном определении некоторых основных понятий. Он исходил из того, что материалистическая концепция истории не имеет ничего общего с философским материализмом: «То, что в основном способствовало восприятию Маркса как материалиста, сводилось к определению его концепции истории как материалистической; к тому же отмечалось широко распространенное недопонимание этой теории в том смысле, что экономическое развитие, за которым она признавала определяющий элемент всего исторического процесса, является якобы простым движением мертвой «социальной материи», по отношению к которой мысль и воля людей оказываются-де излишним и бесполезным продуктом, странным образом раздваивающим это движение, как будто бы духовная жизнь зарождается в голове человека еще до начала мыслительных

процессов, фактически ее и «производящих». Таким образом, возникла интерпретация его теории, которая идет как раз вразрез со всей концепцией Маркса. Эта трактовка была подхвачена прежде всего буржуазией, пытавшейся оказать ей противодействие, но иногда такую трактовку можно было встретить и у тех последователей Маркса, которых собственное материалистическое вероисповедание (по которому дух и воля человека суть не реальности истории и якобы только внешне проявляют себя в ней) заставляло считать, что все идеи философии, религии, права и искусства являются, так сказать, тенями того мощного движения «экономических отношений», которые в процессе своего развития якобы отображаются на чувствительную кору человеческого мозга»⁵.

Итак, «материя», о которой говорили Маркс и Энгельс, не имеет ничего общего с материей, исследуемой естественными науками, а содержится в сфере экономических связей людей, в области человеческих отношений, которые в конечном счете и складываются в духовные факторы. Формула классиков о преобразовании материи человеческим разумом опирается на Канта: реальность в ней побеждается через априорные формы интуиции и априорные категории чистого разума (сущность, причинность и т. д.), к которым Макс Адлер добавляет общественный характер сознания. Мир не существует независимо от сознания, но он независим от сознания индивида, от субъективного сознания; общественная природа сознания деспотически пытается реализовать себя: идеи эволюции и эффективного развития коренятся как раз в общественной структуре сознания. Напряженность, существующая, согласно марксизму, между закономерностью и волевым решением, у Макса Адлера выступает в качестве новой парадигмы, характерной для австромарксизма: с одной стороны, это выражается в широком детерминизме политических оценок (все поражения представляются неизбежными, объективно обусловленными), с другой — видится как раскол между наукой и этическим миром воли и долга, где каждое решение носит моральный характер.

Совершенно ясно, что понять австромарксизм в настоящее время мы можем только на основе конкретного исторического исследования той политической, социальной, экономической и культурной обстановки, в которой он существовал. При этом надо иметь в виду, что и сам он был частью этой обстановки. Деятельность австромарксистов и дискуссия, начатая ими по современным проблемам, определялись в немалой степени тем особым идеологическим арсеналом (форма подхода, опыт, образ мышления, противоречия, цен-

⁵ M. Adler. Kausalität und Teleologie im Streit um die Wissenschaft.—Marxstudien, Wien, 1904, S. 98.

ности и недостатки), с которым австромарксизм вступил в новые исторические условия и попытался разрешить возникшие проблемы.

2. «Великая партия в малой стране»

После всего, что было сказано, неудивительно то, что после первой мировой войны, несмотря на серьезные расхождения во мнениях, единство австрийской социал-демократии не было нарушено (в противоположность расколу в Германии). Под руководством Фридриха Адлера и Отто Бауэра левая оппозиция, которая отождествляла себя с циммервальдским движением, в 1917—1918 годах получила большинство, и руководство партии без глубоких внутренних потрясений перешло к левым⁶.

Окончательное военное поражение Германии и Австро-Венгрии в октябре 1918 года привело к краху монархий в обеих странах и к распаду (которого уже давно ожидали) «государства четырех наций» на отдельные национальные элементы. Из того, что сохранилось, образовалось «остаточное государство», немецкоязычная Австрия. Еще во времена монархии теоретики австромарксизма видели возможную — не актуальную, но «историческую» — альтернативу «государству четырех наций» в «Великой Германии». Но после ноября 1918 года социал-демократия «остаточной» Австрии увидела в присоединении к Веймарской республике, ее экономике и ее рабочему движению не только «возможную историческую перспективу», но главнейший постулат, более того — единственный якорь спасения. В первые, решающие годы существования Австрийской республики, когда она находилась под определяющим влиянием социал-демократии (коалиционное правительство во главе с канцлером Карлом Реннером и государственным секретарем по иностранным делам Отто Бауэром), присоединению к Германии, которого так жаждали, противились державы-победительницы. Позднее, когда контроль над государством перешел к буржуазным партиям, интерес австрийского правительства к воссоединению ослаб и возник вновь лишь в 30-е годы, после жестких антидемократических репрессий в стране и после того, как власть в Германии захватили нацисты. Тогда присоединение («аншлюс») стало лозунгом правых крутов буржуа-

⁶ См.: *R. Neck. Arbeiterschaft und Staat im Ersten Weltkrieg 1914—1918. 2 Bdr., Wien, 1964—1968; L. Brügel. Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie. Wien, 1925; H. Hautmann. Die Kriegslinke in der Sozialdemokratischen Partei Österreichs zwischen 1914 und 1918. — „Die Zukunft“, Wien, 1971, № 13—14.*

зии, которые день ото дня становились все сильнее⁷. Почти полный разрыв отношений с придунайскими странами бывшей Габсбургской империи, с одной стороны, и несостоявшееся присоединение к Веймарской республике — с другой, обусловили невозможность самостоятельной экономической жизни «остаточного государства» и изоляцию австрийской социал-демократии.

Это объективное положение и его субъективное психологическое и идеологическое восприятие стали к тому же и предпосылками отказа социал-демократии от требований, выдвигаемых как коммунистами, так и левым крылом социал-демократии, — развивать революцию в Австрии, совершенную в 1918—1919 годах под руководством социалистов, дальше, вплоть до провозглашения Австрийской Советской республики, которая могла бы стать союзницей Венгерской Советской республики. Карл Радек, представитель Коммунистического Интернационала, обвинял в то время австрийскую социал-демократию в том, что она «всеми средствами старается удержать пролетариат немецкоязычной Австрии от объединения своих сил с силами венгерского пролетариата (продовольствие можно было получить из Баната и из Словакии), от создания совместной пролетарской армии, чтобы сорвать наступление контрреволюции и совместно указать путь пролетариату других наций бывшей Габсбургской монархии»⁸.

Со своей стороны руководители австромарксизма (Отто Бауэр, Фридрих Адлер, Юлиус Браунталь и др.) парировали эти обвинения тем, что настоящая проблема заключалась не в том, чтобы взять власть, а в том, чтобы ее сохранить, а социалистическая Австрия, изолированная, бойкотируемая крестьянством, находящаяся под буржуазно-клерикальным влиянием, была бы обречена на иностранную военную интервенцию и победу контрреволюции, была бы брошена на разрезание белому террору. Австрийский пролетариат, считали они, нужно было избавить от подобной судьбы⁹. Естественно, истинность подобного аргумента нельзя ни доказать «с абсолютной несомненностью», ни опровергнуть, но даже такой критик австромарксизма, как Норберт Лезер, которого никак нельзя заподозрить в «левачестве», не мог не высказать своих сомнений по этому поводу. «Не было абсолютной

⁷ О положительном отношении Отто Бауэра к «Великой Германии» см.: *O. Leichter*. *Otto Bauer...*, op. cit.; *O. Bauer*. *Zwischen zwei Weltkriegen?*, op. cit.

⁸ Protokoll der 3. Reichskonferenz der Kommunistischen Partei Deutschösterreichs, Dezember 1919. Wien, 1920, S. 69.

⁹ *J. Braunthal (Hrsg.)*. *Die Arbeiterräte in Deutschösterreich, ihre Geschichte und Politik*. — *Die Beratungen und Beschlüsse der II. Reichskonferenz*. Das Organisationsstatut. Im Auftrag der Reichsvollzungsausschlusses der Arbeiterräte. Wien, 1919.

уверенности в том,— писал он,— что войска Антанты действительно будут мобилизованы, а если бы это случилось, то нельзя было исключать возможности откола какой-то их части; абсолютно не исключалась и возможность того, что соседние советские республики не смогут поставить необходимые продукты. Но дело было в том, что почти полностью отсутствовало желание воспользоваться столь слабой возможностью и встретиться лицом к лицу со столь неопределенной ситуацией. Точнее говоря, такого желания не было с самого начала, и оно не могло появиться даже в менее рискованной обстановке, ибо приверженность к собственным убеждениям не так-то легко было обойти»¹⁰.

После победы контрреволюции в Венгрии и прихода к власти фашистов в Италии, а также вследствие укрепления буржуазно-националистской реакции в Германии внутри австрийской социал-демократии все сильнее росло сознание собственной изоляции. То, что в прошлом являлось стратегической оценкой и стратегическим решением (истинным или фальшивым — неважно), все в большей степени принимало форму устойчивого комплекса неполноценности, до такой степени сильного, что он парализовал любое возможное решение. Это положение с предельной ясностью признал и четко сформулировал Оскар Поллак, который в течение многих лет был редактором газеты «Арбайтер цайтунг»: «Судьба австрийской социал-демократии после войны быть великой партией в малой стране — это трагическое противоречие. Вся сила ее образцовой организации... не может устранить этого противоречия. Ее политическая сила, заключенная в голосах избирателей (41,13 процента по стране и 58,98 процента в Вене), не сможет преодолеть этого бессилия. Если завтра партии все же удастся распространить свое влияние на правительство, то это будет правительство страны, лишенной какого бы то ни было реального веса и подлинной независимости, деградировавшей до уровня объекта политики иностранных государств»¹¹.

Это положение нашло свое классическое выражение в событиях 15 июля 1927 года. Возмущившись подлостью буржуазного правосудия, оправдавшего фашистов, участвовавших в убийстве нескольких рабочих в Шаттендорфе, проле-

¹⁰ N. Leser. Zwischen Reformismus und Bolschewismus..., op. cit., S. 304. См. также: K. R. Stadler. Hypothek auf die Zukunft. Entstehung der österreichischen Republik 1919—1921. Wien, 1968; O. Bauer. Die österreichische Revolution. Wien, 1923; J. Braunthal. Kommunisten und Sozialdemokraten. Wien, 1920; H. Hautmann. Die verlorene Räterepublik. Am Beispiel der Kommunistischen Partei Deutschösterreichs. Wien, 1971; O. Bauer. La marche au socialisme. — „Pages socialistes“, Paris, 1919, № 1.

¹¹ O. Pollack. Die österreichische Partei und die Internationale. — „Der Kampf“, XXIV, 1931, № 7/8, S. 337.

тарские массы Вены вышли на улицы, подожгли Дворец правосудия и потребовали мобилизации Республиканского шувбунда (Союза обороны) и раздачи оружия. Отто Бауэр указал, что это могло стать началом открытой гражданской войны, которой следовало по возможности избегать. Позднее, давая общую оценку своей позиции в 1919—1927 годах, он объяснял: «То, чего мы не решились сделать в период острого революционного напряжения без возможного риска самоубийства, пытаться сделать сейчас, когда реакция в Европе намного сильнее, было бы настоящим самоубийством»¹². Но даже его ближайший соратник Отто Ляйхтер (позднее он написал биографию Отто Бауэра), услышав подобный ответ, выразил сомнение и неуверенность: «Неужели, если бы трудящиеся оказали сопротивление шестистам полицейским, готовым стрелять, и развеяли бы кошмар этих перестрелок, неужели это означало бы самоубийство? Конечно, в 1927 году в Европе не было революционной ситуации. Но неужели было бы самоубийством начать борьбу именно тогда, когда австрийское рабочее движение достигло своего апогея, а не позднее, в 1934 году, когда оно было зажато между фашистской Италией и гитлеровской Германией, после четырех лет всеобщей безработицы, когда тем не менее партия оказалась вынужденной вступить в свой последний и решительный бой?»¹³

Все эти примеры и эпизоды борьбы иллюстрируют одну из характерных черт австромарксизма, одну из составляющих его тенденций, далеко выходящих за рамки отдельных соображений и тактических решений. Это так называемая выжидательность, которая приводила к постоянной отсрочке в принятии крупных решений и — почти «из принципа» — к полумистическому ожиданию «лучших времен», когда ослабнут тиски международной реакции и абсолютной экономической зависимости от капиталистического Запада.

¹² O. Bauer. Die politische und wirtschaftliche Lage Österreichs. Referat auf dem 14. Verbandstag der österreichischen Metallarbeiter, am 26. September 1927. Wien, 1927, S. 53. См. также доклад О. Бауэра о политической обстановке на октябрьском съезде 1927 года в сборнике документов этого съезда. Кроме того, см.: *L'insurrection des travailleurs autrichiens. Ses causes et ses conséquences.* — „Eglantine“, Bruxelles, 1934. Из критических работ коммунистических авторов того времени см.: D. Manuil'skij. Die sozialdemokratische Henker des österreichischen Proletariats. — In: *Kommunistische Internationale*, 1927, S. 1955; L. Trotzky. Die österreichische Krise, die Sozialdemokratie und der Faschismus. Wien, 1929; L. Spira. Lehrheft zur Scheideweg. Faschismus oder Sozialismus. Manuil'ski, Vorsitzender der Kommunistischen Internationale, antwortet Otto Bauer. Hamburg, 1933; B. Kun. Die Februarkämpfe in Österreich und ihre Lehren. Moskau, 1934.

¹³ O. Leichter. Glanz und Elend der Ersten Republik. Wie es zum österreichischen Bürgerkrieg kam. Wien, 1964, S. 53.

3. Ценности и противоречия

Не говоря уже о внешнем реакционном окружении и экономической зависимости Австрии, австромарксизм сознавал и свою внутреннюю слабость, поскольку влияние социалистов распространялось лишь на городской пролетариат. В этой обстановке австрийская социал-демократия — первая среди всех социал-демократических партий после первой мировой войны — опубликовала подробную аграрную программу, которую составил и сам прокомментировал Отто Бауэр и которую в 1925 году принял съезд партии. Эта программа была основана на блестящем марксистском анализе; она учитывала как принципы социализма, так и конкретные задачи повышения производительности в сельском хозяйстве; наконец, она реалистически подходила к традициям и очевидному индивидуализму в мышлении сельского населения¹⁴.

Однако результаты практически оказались равными нулю, поскольку подавляющее большинство крестьян находилось под исключительным влиянием — духовным и политическим — буржуазно-клерикальных партий, было полно недоверия и предрассудков против всего, что исходило «из красных и безбожных городов». Не было никаких реальных шансов на то, что (несмотря на великолепную аграрную программу и живую социалистическую агитацию в деревне) крестьянские массы изменят традиционное голосование в пользу («черного») буржуазного правительства. Единственной возможностью преодолеть предрассудки и недоверие к «красным» было образование социалистического правительства, которое смогло бы осуществить и убедительным образом конкретизировать аграрную программу 1925 года, поставив крестьян перед лицом совершившихся, выгодных для них фактов. В этом случае деревня имела бы возможность на собственном опыте сравнить аграрную политику «черного» и «красного» правительств, и это обеспечило бы наконец поддержку социалистическому правительству хотя бы какой-то части сельского населения и нейтралитет другой. Но, принимая во внимание социально-экономический состав австрийских избирателей, пресловутые «восемь процентов голосов», недостающих социалистам для получения абсолютного большинства в парламенте и образования социал-демократического правительства, могли быть завоеваны только с большим трудом, а внепарламентская альтернатива достижению пар-

¹⁴ См.: Das Agrarprogramm der deutsch-österreichischen Sozialdemokratie. Wien, 1925; O. Bauer. Sozialdemokratische Agrarpolitik. Erläuterung des Agrarprogramms der deutsch-österreichischen Sozialdemokratie. Wien, 1926; O. Bauer. Der Kampf um Wald und Weide. Studien zur österreichischen Agrargeschichte und Agrarpolitik. Wien, 1925; A. Martynow. Das neue Agrarprogramm der österreichischen Sozialdemokratie. — „Die Kommunistische Internationale“, VII, 1926, № 1.

ламентского большинства путем обычных выборов вообще никогда не рассматривалась австрийской социал-демократией (впрочем, как и другими партиями). Поэтому, несмотря на свою великолепную аграрную программу, она была приговорена к постоянному меньшинству в парламенте, так как ее влияние ограничивалось исключительно городом¹⁵.

В то же время, если австромарксизм не принимал во внимание никакой иной возможности завоевать власть, кроме парламентского пути, он одинаково отвергал и весьма распространенную в международной социал-демократии точку зрения, что участие в коалиционном правительстве вместе с буржуазными партиями могло бы заменить необходимое социалистам абсолютное большинство в парламенте и соответственно чисто социалистическое правительство либо по крайней мере подготовить для него почву. Австромарксисты видели в оппозиции правило, а в коалиции — исключение из этого правила, считая, что последнее может иметь место только в том случае, если социал-демократы станут доминирующей силой в государстве или почувствуют, что смогут направить такую переходную коалицию по социалистическому пути; пока же они не сознавали себя достаточно подготовленными к тому, чтобы управлять самостоятельно. Эта оригинальная стратегия австрийской социал-демократии вызывала споры внутри самой партии и подвергалась острой критике многими зарубежными социал-демократами и с точки зрения «классического» реформизма. Тем не менее руководство австромарксистов, в частности в лице Отто Бауэра, взяло верх в партийных органах и упорно стояло на этой точке зрения, начиная с роспуска коалиции под руководством социалистов (1920) и до конца Первой республики¹⁶.

Подобное отношение к проблеме «оппозиция или коалиция» является органической чертой австромарксизма, свободного от всяких иллюзий. У руководителей австрийской социал-демократии выработался иммунитет против многих реформистских иллюзий, распространенных в других странах, в отношении оценки буржуазии и буржуазных партий, непримиримости классовых противоречий и неизбежности классовой борьбы, классового характера государства и его органов, а также в указании на невозможность постепенного и органичного «перехода» от капитализма к социализму, в признании необходимости тесной связи между парламентской оппозицией и внепарламентской мобилизацией масс, в сохране-

¹⁵ Только на октябрьских выборах 1975 года благодаря динамичной аграрной политике австрийской социал-демократии удалось проникнуть в деревню и получить значительное число голосов крестьянства.

¹⁶ См. в этой связи следующие сочинения О. Бауэра: *Die österreichische Revolution*, op. cit., Wien, 1923; *Der Kampf und die Macht*, Wien, 1924; *Das Gleichgewicht der Klassenkräfte*. — „Der Kampf“, 1924; *Zwischen zwei Weltkriegen?* Op. cit.

нии бдительности в отношении намерений и интриг буржуазии вплоть до военной подготовки «к худшему», то есть к применению буржуазией насилия против рабочего класса и его организаций (на этот случай в 1923 году был создан Республиканский шуцбунд — Союз обороны). Однако, несмотря на свою оригинальность, этот трезвый подход, основанный на марксистском понимании подлинного смысла классовых отношений, все-таки явно противоречил основному тезису социал-демократов о бессилии и абсолютном отсутствии какого бы то ни было выхода («в наших жалких австрийских условиях»), априорно исключая какие бы то ни было действенные революционные выводы из правильного анализа обстановки и весьма похвального отсутствия иллюзий. В этом и состоит, очевидно, основной недостаток австрийского марксизма. Его сила заключалась в четком анализе развития, в исторически и диалектически верном понимании явлений и процессов, в исчерпывающей «интерпретации мира», в то же время его слабость проявилась в неспособности превратить интерпретацию в действие. Это как раз и шло вразрез со сформулированным Марксом в 11-м тезисе о Фейербахе «требованием изменить мир».

Особенно интересными были удачные попытки провести в Австрии широкую программу реформ в области налогообложения, социального обеспечения, жилищного строительства, народного образования, здравоохранения и т. д. в коммунах с социалистическим большинством. Вовсе не удивительно, что эта конструктивная работа, ставшая особенно заметной в «красной Вене», превратилась в объект нападков реакционной буржуазии. Но и коммунисты со своей стороны подвергли «красную Вену» беспощадной критике, обвиняя австромарксистов в том, что они пользуются этим лозунгом в целях «компенсировать» свою политическую непоследовательность, чтобы оторвать массы от революционной классовой борьбы. Между тем Юлиус Браунталь дал следующее истинно австромарксистское объяснение этой конструктивной политике на муниципальном уровне: «В течение ближайших четырех лет пример Вены покажет населению, какая мощная созидательная сила кроется в демократии и социализме. Этот блестящий комплекс достижений еще ярче засияет на темном фоне разрухи, которая является делом рук реакционного буржуазного правительства, мрачного сподвижника смерти и культурного упадка, если параллельно организационной работе по подготовке к завоеванию власти социал-демократы получают на ближайших выборах 250 тысяч дополнительных голосов избирателей, необходимых, чтобы достичь в государстве абсолютного большинства»¹⁷.

¹⁷ J. Braunthal. Auf dem Weg zur Macht. — „Der Kampf“, XVI, November 1923, № 11, S. 348.

В действительности эти предвыборные ожидания не оправдались ни на очередных, ни на последующих выборах, поскольку выяснилось, что городское население не смогло обеспечить «те многие голоса, которых не хватало» для получения социалистами абсолютного большинства. Однако конструктивная работа «красных коммун» в значительной степени способствовала укреплению социалистической гегемонии среди активного населения. У членов партии и сочувствующих она укрепила веру в возможности перехода к социализму, повысила сознание морального и жизненного превосходства социализма над капитализмом. Но и тут выявилось одно коренное противоречие. Конструктивная работа «красных коммун» усилила солидарность среди социал-демократов, она же заставила сплотить свои ряды и буржуазию, поскольку рассматривалась ею как вызов. Все более резкие столкновения между «красной Веной» и «черным» правительством не могли продолжаться до бесконечности и не привести к сражению по всему фронту. Такая поляризация сил должна была обязательно закончиться либо захватом власти социалистами во всей Австрии, либо крахом социалистической гегемонии в столице и переходом «красной Вены» на позиции правительства, подчинением его власти и политике. Таким образом, «красная Вена» была прелюдией к борьбе за «красную Австрию», трамплином и орудием революционно-политической борьбы за власть, и подобная позиция с точки зрения революционного социализма была вполне законной и похвальной. Но ввиду отсутствия перспективы и соответствующей цели сама конструктивная работа была фатально обречена на перерождение в свою противоположность: она пробуждала у трудящихся реформистские настроения и вызывала у буржуазии попытки подорвать социалистическое движение. Принимая во внимание эти противоречия и эту опасность, левое крыло социал-демократии выразило собственную позицию в лозунге: «От красной Вены к красной Австрии!»

В тесной связи с конструктивной работой в местных органах власти оказалась и удачная попытка не только привлечь членов партии и ее попутчиков к избирательной кампании и организационной работе, но и упрочить их принадлежность к партии, повысить их верность ее целям с помощью густой сети культурных, спортивных, школьных и педагогических мероприятий, расширить их горизонт, привить им иммунитет против интеллектуального влияния буржуазного общества и воспитать «нового человека». Поэтому австромарксизм развил тезис о том, что социалистическое воспитание не может дожидаться захвата власти, а, наоборот, уже сейчас должно стать острым оружием, неотъемлемой частью революционной классовой политической и профсоюзной

борьбы¹⁸. Этот тезис также стал объектом критики справа и слева. Справа выдвигались возражения о том, что подобное социалистическое воспитание пролетариата усиливает поляризацию классов, раздражает средние слои и ускоряет фашизацию мелкой и крупной буржуазии. А слева говорили, что из-за этого вновь возродятся реформистские и «эволюционистские» иллюзии и пролетарские массы будут оторваны от «истинной» классовой, то есть политической, борьбы. Левое крыло социал-демократии твердо стояло на почве безусловного утверждения конструктивной социалистической политики на местном уровне, социалистического воспитания и образования масс и боролась за их безусловную интеграцию в политической борьбе за власть в государстве, за его перестройку в социалистическом и революционном направлении.

4. Линцская программа

После основания Австрийской республики не раз возникала необходимость обновить старые программы социал-демократии, составленные еще в условиях монархии (первоначальная программа, утвержденная в Хайнфельде в 1888—1889 годах, а также изменения, внесенные в нее на венском съезде партии в 1901 году). После тщательной подготовки это было сделано на съезде в Линце в 1926 году. Хайнфельдская программа была отредактирована Виктором Адлером и Карлом Каутским; новая программа носила отпечаток неповторимости языка и стиля Отто Бауэра и его варианта марксизма. Это была версия левого социал-демократа, которую охарактеризовали так: «Если угодно, это австромарксизм»¹⁹.

В этой программе, куда также вошла аграрная программа 1925 года, были четко сформулированы и более или менее систематизированы и унифицированы особые позиции австромарксизма по таким проблемам, как реформа и революция, классовая гармония или непримиримость классовых интересов, раскол и единство, коалиция и оппозиция и т. д. В одной из редакционных статей опубликованных в связи с открытием съезда, «Арбайтер цайтунг» указывала, что история австрийской социал-демократии прошла три этапа: «Первый — пробуждение и объединение пролетариата, который обретает классовое сознание. Это Хайнфельдская программа. Второй — возникновение социал-демократических партий, которые повели последовательную борьбу за права трудящихся,

¹⁸ См.: *M. Adler. Neue Menschen. Gedanken über sozialistische Erziehung.* Berlin, 1924.

¹⁹ *O. Bauer. Austromarxismus.*— „Arbeiter Zeitung“, 3. November 1927.

всеобщее избирательное право, за восьмичасовой рабочий день. Это Венская программа. Третий — решительный штурм гегемонии буржуазии, этап борьбы за власть. Это Линцская программа, программа завоевания власти»²⁰.

В центре новой программы и дискуссии на съезде, предшествовавшей ее принятию, стоял вопрос о «пути к власти», и этот принципиальный вопрос был поставлен не абстрактно, а конкретно, на основе объективного марксистского анализа противоречий и соотношения классовых сил в послевоенной Австрии. Сам Бауэр объяснял структуру своей программы следующим образом: «С одной стороны, в ней — конкретное знание пути, который ведет к власти; с другой — великая интеллектуальная и моральная задача воспитания в духе классовой солидарности, необходимой для переходного периода. Мы обращаемся к пролетариату с надеждой, что он до крайности усилит свое стремление как к власти, так и к культуре. И я надеюсь, что наша партия даст рабочему классу Австрии программу завоевания власти, программу завоевания культуры»²¹.

В Линцской программе нашли свое воплощение твердая вера в возможности социализма и, если можно так сказать, ярко выраженный оптимизм австрийских социал-демократов; основной же тезис австромарксизма о том, что «наша жалкая австрийская бедность» и «реакционное окружение» накладывают отпечаток на соотношение сил в Австрии, был представлен лишь неясным намеком. Но историк не может игнорировать тесной связи между программой 1926 года, предшествовавшими событиями 1919 года и последующими событиями июля 1927 года (не говоря уже о постоянном отступлении австромарксизма вплоть до февраля 1934 года). Именно с этой точки зрения видно явное противоречие между верой в собственные силы и оптимизмом «программы завоевания власти», с одной стороны, и бессилием и пораженчеством — с другой, когда речь идет о принятии ответственных политических и стратегических решений до и после Линца. В этом противоречии в гораздо большей степени, чем в любой неточности, в любом упущении, любой ошибочной формулировке программы, и находится ахиллесова пята этой программы. Наиболее известным ее тезисом, вызвавшим самые большие споры, был тезис о «применении насилия в целях обороны», об угрозе диктатуры пролетариата в ответ на любую попытку установить буржуазную диктатуру. Соответствующий абзац программы звучит следующим образом: «Буржуазия не откажется произвольно от своей позиции силы. Если даже она и примет демократическую республику,

²⁰ „Arbeiter Zeitung“, 31. Oktober 1926.

²¹ Akten der Linz-Parteitagung der SDPO, S. 263.

навязанную ей рабочим классом, то она, пока будет у власти, попытается свергнуть ее и установить монархию или фашистскую диктатуру еще до того, когда всеобщее избирательное право поставит ее перед угрозой передачи политической власти рабочему классу, или сразу после того, как она передаст ему власть... Пролетарская социал-демократическая рабочая партия будет осуществлять политическую власть в форме демократии, со всеми соответствующими гарантиями... Но если буржуазия захочет воспротивиться социальной революции, которую призван совершить рабочий класс, и попытается, согласно своей программе, задушить экономическую жизнь нации путем насильственного переворота в сговоре с внешней контрреволюцией, то в этом случае класс пролетариата будет вынужден разбить сопротивление буржуазии средствами своей диктатуры»²².

Окончательному принятию этого абзаца съездом предшествовала живая дискуссия. Правое крыло, руководимое Карлом Реннером, отвергло тезисы о непримиримых классовых противоречиях, о неизбежном применении насилия со стороны буржуазии против демократии и рабочих организаций и об угрозе применения социалистами насилия и диктатуры. Оно увидело в них отступление от принципов демократического социализма и указало на опасность того, что эти формулировки могут быть демагогически использованы буржуазией с целью изолировать социал-демократию от средних слоев и в особенности от крестьян. Левое крыло под руководством Макса Адлера утверждало и вновь подчеркивало, что хотя Марксова концепция диктатуры пролетариата и деформирована коммунистами в смысле установления бюрократической гегемонии меньшинства над массами пролетариата и крестьян, однако это еще не повод для отказа от марксистского постулата. Наоборот, «диктатура пролетариата» как действительно марксистская диктатура в плане социальной (а не только политической) демократии, то есть диктатура подавляющего большинства активного населения, необходима для осуществления перехода от капитализма к социализму. В итоге требование Адлера включить в программу понятие «диктатуры пролетариата» как переходную государственную систему было отвергнуто, однако в программу было включено выражение «диктатура трудящихся» для обозначения переходного периода, которого, очевидно, нельзя избежать в случае гражданской войны, «навязанной пролетариату»²³.

²² Ibid., S. 175.

²³ См.: *M. Adler. Politische oder soziale Demokratie. Ein Beitrag zur sozialistischen Erziehung* (цит. по итальянскому изданию: *Democrazia politica e democrazia sociale*. Roma, 1945), а также: *M. Adler. Zur Diskussion des neuen Parteiprogramms*. — „Der Kampf“, XIX, 1926, S. 490—498.

После июльских событий 1927 года все сильнее зазвучали голоса тех, кто увидел в Линцской программе с ее левыми формулировками, в ее терминологии и радикальной агитации, использующей эту терминологию, причину не только эволюции буржуазии в сторону реакции и фашизма, но и регресса социал-демократии, продолжавшегося вплоть до 1934 года. Отто Бауэр отвечал им так: «С 1927 года до тошноты повторяют: язык наших ораторов и наших газет разжигает у рабочих чувство власти, он раздражает и объединяет их противников. Член парламента говорит, журналист пишет — это их профессия, и оба склонны верить, что то, что они пишут и говорят, определяет ход истории. И что удивительного, если марксисты, пользуясь своей фразеологией, объясняют то, что является всеобщим законом истории?»²⁴

Во всяком случае, буржуазия заклеила терминологию и пропаганду австромарксистов как «разновидность большевизма» и заявила, что в конце концов с принятием Линцской программы австромарксизм «сбросил маску и открыто показал, чем он был всегда и на самом деле».

Типичными представителями коммунистической критики Линцской программы являются Х. Хаутманн и Р. Кропф. Они писали: «Чтобы удовлетворить недовольство трудящихся, Линцская программа была написана энергичным революционным языком и, без сомнения, должна рассматриваться как средство нейтрализации опасного для партии душевного состояния неверия. Однако суть программы — истинного продукта австромарксизма — отнюдь не революционна. Главная цель партии заключалась в том, чтобы завоевать государственную власть с помощью всеобщего избирательного права, то есть получением знаменитого 51 процента голосов, которые, по мнению Бауэра, позволили бы социал-демократии установить в Австрии социализм. Левым течениям предлагалась та часть программы, в которой говорилось, что пролетариат должен постоянно проявлять бдительность, а если буржуазия воспротивится социальным преобразованиям, то «сломить сопротивление буржуазии средствами диктатуры»... В действительности же от этой внешне исключительно революционной формулировки уже пахнет позднейшей политикой отступления, поскольку диктатура пролетариата рассматривается как последнее и крайнее средство обороны, нечто вроде буржуазной теории права на самозащиту»²⁵.

Слабость коммунистической критики Линцской программы

²⁴ O. Bauer. Kritiker Links und Rechts..., op. cit., S. 445.

²⁵ H. Hautmann, R. Kropf. Die österreichische Arbeiterbewegung vom Vormärz bis 1945. Wien, 1974, S. 150—151. Что касается коммунистической критики, то наиболее значительна статья Бухарина, перепечатанная в сентябре 1926 года в некоторых номерах венской газеты «Роте фане» и в журнале «Коммунистический Интернационал», № 1 за 1926 год.

не в том, что она указывала на ее недостатки, непоследовательность или противоречия. Пока дело ограничилось только этим, она твердо стояла на ногах, хотя иногда и проявляла слабость. Слабость ее в том, что она часто рассматривала исторически обусловленные явления в основном субъективно, как выражение агитационных и партийных интересов, почти как «обман» или «конспирацию и дьявольские интриги», направленные, скорее всего, на то, чтобы всеми средствами воспрепятствовать переходу трудящихся на сторону коммунистической партии. Конечно, иногда у австромарксистов встречаются подобные мотивировки, но они, несомненно, не могут служить ключом для исторического осмысления австромарксизма. Объективная оценка Линцской программы не может не привести нас к заключению, что это одна из самых блестящих теоретических разработок, одна из вершин в истории европейского рабочего движения в первые послевоенные годы. Впрочем, ясно и то, что необходимость применить насилие со стороны пролетариата была отодвинута в программе на неопределенное время, а также то, что «в исторической перспективе» столь отдаленная возможность (откуда можно было надеяться, что она никогда не станет реальностью) не имела целью использовать партию для тотальной мобилизации и практической подготовки масс к решающему часу (наступление, которого не брались предсказать) и передавала инициативу целиком в руки буржуазии и ее стратегов²⁶.

5. «Интегральный социализм»

По окончании первой мировой войны, в ходе которой в рабочем движении начался глубокий раскол, были сделаны попытки возродить международную структуру этого движения. Результатом явилось возникновение трех различных организаций. Это были Коммунистический Интернационал, основанный в Москве в 1919 году (III Интернационал); Социалистический (II) интернационал, который возобновил свою деятельность в Женеве в 1920 году, и Международное рабочее объединение социалистических партий, созданное в Вене в 1921 году, а затем названное Венским бюро или же, как иронически окрестили его противники, 2^{1/2} Интернационал. Во главе Венского интернационала, образованного по инициативе австрийских социал-демократов, стоял Фридрих Адлер, который пытался отойти как от реформизма, так и от коммунизма и ставил перед собой цель объединить расколовшееся в международном масштабе

²⁶ См.: *H. Feichter*. Das Linzer programm (1926) der österreichischer Sozialdemokratie. Linz, 1975.

рабочее движение. Но как только в некоторых партиях, примкнувших или же близких к 2½ Интернационалу, начался разброд и наиболее весомые части этих партий перешли в коммунистический лагерь (как это случилось с немецкой НСДПГ, социалистическими партиями Швейцарии, Франции, Италии и др.) после провала конференции исполнительных комитетов всех трех интернационалов, созванной в Берлине в 1922 году, и перед лицом спада революционного движения и относительной стабилизации капитализма, было решено слить Венский интернационал со II Интернационалом, в результате чего родился Социалистический рабочий интернационал (Гамбург, 1923 год). Вплоть до его роспуска в 1940 году его секретарем оставался Фридрих Адлер. Этот короткий эпизод сам по себе не оказал никакого серьезного влияния на развитие рабочего движения. Однако он непосредственным образом выявил некоторые основные аспекты австромарксизма: 1) его органическую принадлежность к международному «центру» в рабочем движении; 2) его отход от двух противоположных фронтов: реформизма и коммунизма; 3) его особую позицию в отношении Советского Союза и русского коммунизма. Что касается принадлежности к центру, то на этот счет не оставляет никаких сомнений сам Отто Бауэр. «Есть товарищи, — отмечал он, — которым слово «центр» доставляет какое-то неудобство. Я даже себя считаю виновным в том, что первым употребил это слово. Еще до первой мировой войны я был убежден, что для нашей партии предпосылка единства и сплоченности — это путь центра»²⁷.

Что же касается отмежевания Венского бюро и австромарксизма, который его создал, от обеих крайностей, то его секретарь Фридрих Адлер дает следующее лаконичное определение: «Я думаю, что это противоречие можно было бы вкратце сформулировать так: II Интернационал... все более превращается в Интернационал социальных реформ, все больше и больше ограничивается этими реформами, в то время как III Интернационал сознательно ограничивает себя как Интернационал социальной революции. Это явствует из всех его резолюций и тезисов»²⁸.

По отношению к Советскому Союзу с самого начала и в последующие годы австромарксизм постоянно отмечал диктатуру пролетариата как государственную систему, абсолютную гегемонию партии и то, что он называл «деспотическим

²⁷ См. протоколы съезда СДПА 1920 года, с. 240.

²⁸ См. протоколы съезда СДПА 1921 года, с. 198; протоколы Международной социалистической конференции в Вене (22—27 февраля 1921 года); протоколы Международной конференции трех исполкомов интернационалов в Берлине (2—5 апреля 1922 года); см. также: *K. Radek. Theorie und Praxis der 2½ Internationale*. Wien, 1921.

социализмом» (в противоположность демократическому социализму). В своей оценке Октябрьской революции и последующего образования Советского государства австромарксизм был близок к позиции «меньшевиков-интернационалистов» (Ю. Мартов и Ф. Дан). Эта позиция радикальным образом отличалась от отношения к революции большинства социал-демократических партий. Уже во время работы Венского бюро и в особенности на общей конференции исполкомов трех интернационалов в апреле 1922 года Отто Бауэр развивал тезис о том, что международное рабочее движение и рабочий класс в целом, несмотря на глубокие и принципиальные расхождения во мнениях о «демократическом» и «депотическом» социализме, должны вместе противостоять буржуазии и капитализму в мировом масштабе. Любое послабление, любая даже частичная уступка мирового рабочего движения в этом смысле неизбежно приведет к изменению соотношения сил между буржуазией и пролетариатом, между капитализмом и социализмом, в ущерб трудящимся как в странах всего мира, так и в отдельных странах. «Победа реакции в России, — указывал О. Бауэр, — вызовет усиление... реакции в мире, поведет к провалу великой политики, подорвет — и надолго — веру в возможности социалистического способа производства во всем мире»²⁹.

Отсюда Бауэр заключал, что ни одно из соперничающих течений — ни реформизм, ни большевизм — не должны быть «отлучены» от рабочего движения. Лично он надеялся на возможное «сосуществование», более того, на что-то вроде «раздела сфер влияния» между социал-демократией на Западе (без западных компартий) и советским коммунизмом на Востоке. Во время великого экономического кризиса и массовой безработицы 1929—1933 годов Бауэр пытался использовать успехи первой пятилетки в целях антикапиталистической и социалистической агитации на Западе: «Подобное развитие показало бы миру возможность социалистического порядка в обществе, где мощный и высокоразвитый производственный аппарат уже принадлежит не капиталистам, а сообществу трудящихся... Оно укрепило бы веру в социализм, усилило бы стремление к социализму, увеличило бы силы социализма в мире»³⁰.

После победы фашизма в Австрии и Германии Отто Бауэр, который тогда уже был в эмиграции, предсказал ослабление традиционной напряженности между демократическим социализмом Центральной и Западной Европы, с одной стороны, и русским коммунизмом — с другой: в странах фашизма

²⁹ О. Bauer. Rationalisierung-Fehlrationalisierung. Kapitalismus und Sozialismus nach dem Weltkrieg. Bd. I, Wien, 1931, S. 223.

³⁰ Ibid., S. 223.

(которые на Западе уже не представляли «исключения», как это было раньше) новая историко-политическая обстановка вынудила также и традиционную социал-демократию перейти на революционную нелегальную работу и принять такие методы борьбы и организации, которые ставили своей целью победу социалистической диктатуры в условиях антифашистской демократии (примером этого в Австрии являются «революционные социалисты»). В то же время на советском Востоке противоречия между социалистическими производительными силами и государственным диктаторско-бюрократическим аппаратом должны были, по Бауэру, вызвать мощное и непреодолимое давление в пользу демократизации. «Демократизации Советского Союза, — писал он, — несомненно, мешают многие препятствия. Никакая бюрократия с легким сердцем не откажется от бесконтрольного господства... Пролетариат во второй раз поставлен перед задачей завоевания политической демократии, но теперь речь идет уже о завоевании демократии не на основе капиталистического социального порядка, а на основе социалистического строя»³¹.

Таким образом, австромарксизм защищал тезис о том, что антифашистский потенциал Советского Союза и коммунистического движения должен быть использован в целях антифашистской борьбы и для того, чтобы помешать новой мировой войне, а если она разразится, способствовать военному разгрому фашистской Германии и Италии, как и их союзников³². В тезисах по вопросу о войне, написанных Отто Бауэром вместе с меньшевиком Федором Даном и французским левым социалистом Жаном Зиромским³³, говорилось о необходимости антигитлеровской коалиции демократических держав Запада с Советским Союзом, а также о солидарности с ним оппозиционных коммунистических групп в случае нацистского нападения. В то же время в адрес Советского правительства выдвигались требования освобождения всех политических заключенных и депортированных лиц, с тем чтобы дать им возможность активно участвовать в защите «социалистической родины».

На основе горького опыта и разочарований прошлого, продолжая в эмиграции работу над концепцией «интернаци-

³¹ Ibid., S. 229.

³² О позиции в отношении Советского Союза см. статьи О. Бауэра, в особенности: *Bolschewismus oder Sozialdemokratie?* (1920), *Rationalisierung-Fehlnationalisierung...*, op. cit.; *Zwischen zwei Weltkriegen?*, op. cit.; а также статьи О. Бауэра и других, опубликованные на страницах журнала „Der Kampf“. См.: *M. Adler. Unsere Stellung zu Sowietrussland. Die hauptsächlichen Fehlerquellen für die Beurteilung der russischen Revolution.* — In: „Unsere Stellung zu Sowietrussland“ (Bd. III), „Rote Bücher“. Berlin, 1932; *H. Steiner. Am Beispiel Otto Bauers — die Oktoberrevolution.* — „Weg und Ziel“, Wien, Juli 1967.

³³ *O. Bauer, Th. Dan, J. Zyromski. Die Internationale und der Krieg.* 1935.

онального социализма», выработанной еще в конце войны, которой он теперь придавал окончательную формулировку, Бауэр указывал на необходимость «не прерывать ход развития социалистической мысли», суметь усвоить все ценное из традиций как у реформистов, так и у революционеров. Он писал: «Непримиримые понятия — доктринерство коммунистическое, с одной стороны, и демократическое, с другой, — мы не должны противопоставлять демократии и диктатуре пролетариата... Раскол рабочего класса с 1917 года привел к тому, что демократия и диктатура пролетариата стали противопоставляться друг другу. Теперь мы должны диалектически преодолеть это противопоставление... Демократический западный социализм является наследником борьбы за завоевание духовной политической свободы. Революционный социализм Востока — наследник революции в деле экономического и социального освобождения. Необходимо объединить то, что было прервано в силу событий. В эпоху борьбы против фашизма нам нужен социализм; вдохновляемый великим пафосом борьбы за свободу... В период тяжелейших социальных потрясений капиталистического общества социализм, полностью осознавший незаменимую духовную ценность свободы, обязан слить это сознание со старой идеей социализма, которая гласит, что только революционная перестройка общества, только освобождение этого общества от капитализма посредством временной диктатуры может спасти великое культурное наследие, переданное нам буржуазией, от фашистской реакции, передать его всему народу, избавить от буржуазных ограничений, обогатить и превратить его во всеобъемлющую реальность для всего мира»³⁴.

³⁴ O. Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen?.. Op. cit., S. 224.

Джакомо Маррамао

МЕЖДУ БОЛЬШЕВИЗМОМ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЕЙ: ОТТО БАУЭР И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА АВСТРОМАРКСИЗМА

1. Отто Бауэр и Октябрьская революция

В сентябре 1917 года Отто Бауэр после трехлетнего плена в России, оставившего глубокий след в его убеждениях, возвратился в Вену. Особенно сильное впечатление произвел на него непродолжительный, но насыщенный политический опыт в течение нескольких месяцев, проведенных в России после освобождения (в результате Февральской революции) вплоть до разрешения вернуться на родину¹. Факт заметного отхода О. Бауэра от своих позиций довоенного периода к решительному интернационализму, открытому для понимания революционного процесса в России, отмечают его старые партийные товарищи: Виктор Адлер в письме Каутскому еще 14 ноября 1917 года признавал, что находит Бауэра «чересчур большевизировавшимся»². Голос вернувшегося на родину «неблагонадежного» Бауэра, протоколируемый со свойственной полицейским чинам педантичностью в рапортах о его деятельности, и его публикации (которые тогда почти все выходили в свет под псевдонимом, поскольку автор продолжал состоять на действительной военной службе, которую проходил в одном из отделов военного министерства), вскоре отождествлялись даже в дипломатических кругах Европы. В одной из своих депеш германское посольство в Вене, без обиняков называя Бауэра «эмиссаром Троцкого», объявляло Бауэра подстрекателем волны забастовок на фабриках Винер-Нейштадта, отозвавшейся также в других уголках империи³.

¹ См.: *O. Leichter. Otto Bauer. Tragödie oder Triumph. Wien, 1970, S. 163 ff.* Сразу же следует отметить, что в своих ссылках на источники мы ограничились цитированием текстов и документов, которые непосредственно связаны с темой настоящей статьи. Более широкая информация, библиография, справки о деятельности О. Бауэра и о теории австромарксизма содержатся в наших книгах: *Austromarxismo e socialismo di sinistra fra le due guerre. Milano, 1977; Il politico e le trasformazioni. Critica del capitalismo e ideologie della crisi tra anni venti e anni trenta. Bari, 1979.*

² *V. Adler. Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky. Wien, 1954. S. 646.*

³ См. доклад немецкого посольства в Вене от 24 января 1918 года, цит. по: *O. Leichter. Op. cit., S. 116.*

На деле же, несмотря на имевшие место в прошлом контакты Бауэра с Троцким и Рязановым, его политические взгляды — как он сам отмечал в письме Каутскому от 28 сентября 1917 года — совпадали с позицией возглавлявшегося Мартовым «марксистского центра»; особенно близок он был с Федором Даном (позднее ставшим его ближайшим соратником по левому крылу в Социалистическом рабочем интернационале) и его женой Лидией Осиповной (сестрой Мартова), у которых он некоторое время гостил за несколько недель до своего возвращения в Вену⁴.

«В целом, — писал Бауэр Каутскому через неделю после своего возвращения на родину, — я стою на точке зрения Мартова и его единомышленников. Собственно, меньшевики, по-моему, проводили до сих пор абсурдную политику... Большевики же, с другой стороны, ведут опаснейшую политику авантюры. Переоценка собственных сил... нашла свое полное выражение в тактике Ленина и Троцкого. Фидеистическую иллюзию якобинцев о всемогуществе гильотины заменила в Петербурге столь же фидеистическая иллюзия о всемогуществе винтовки. Интернационалистское крыло меньшевиков между этими двумя крайностями отдало предпочтение мудрой позиции середины. Следовательно, и там [в России.—Дж. М.] справедливость на стороне „марксистского центра“»⁵.

Это письмо содержит первую попытку — впоследствии дополненного и подвергнутого существенному пересмотру — анализа русской революции, который уже в зародыше имел склонность к позитивной оценке событий и в дальнейшем все больше контрастировал с позицией Каутского: «Социальные завоевания революции огромны. Сторонники демократии в Англии и во Франции должны понять то значение, которое будет иметь победа или поражение русской революции в деле демократизации Европы»⁶. «Уклон» подобной постановки вопроса от стандартной оценки, превалировавшей в среде европейской социал-демократии, очевиден. В равной мере очевидно и то, что Бауэр принимал во внимание существование этого расхождения, так что выраженная им в письме надежда на поддержку Каутского и плодотворное политическое сотрудничество, по всей видимости, начинала принимать характер озабоченности и тонкой дипломатии⁷. В то же время напряженность и драматичность как внутренних, так и внешнеполитических условий не могла способствовать формальному преодолению разногласий, характеризовавших отноше-

⁴ Ibid., S. 164.

⁵ Kautsky-Nachlass. Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (IISG). Amsterdam, D. II. blz. 500.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid., blz. 503 (письмо от 4 января 1918 года).

ния социал-демократии Австрии и Германии в довоенный период.

В брошюре «Русская революция и европейский пролетариат»⁸ О. Бауэр (под псевдонимом Генриха Вебера) за несколько недель до Октябрьской революции (предисловие, датированное 10 октября 1917 года, многозначительно посвящается «русским друзьям») вновь развивает концепцию взаимозависимости между русской революцией и европейским пролетариатом, которая излагается во второй части письма к Каутскому. Но на сей раз она связана с беспощадной и недвусмысленной критикой Социалистического интернационала, проявившего свою неспособность повести борьбу за мир и проявить действенную солидарность с русскими революционерами: «Руководство европейским пролетариатом целиком зависит от победы русской революции. И тем не менее Интернационал не способен оказать помощь русской революции!»⁹

В последующие месяцы под влиянием Октябрьской революции бауэровский анализ получает более конкретное выражение и углубляется в связи с рядом событий, которые произошли на последнем году существования Австро-Венгерской монархии и результатом которых явилась быстрая политическая эволюция австрийской партии. Речь идет о крупных забастовках рабочих в январе и быстром процессе распада Габсбургской империи в связи с окончательным взрывом автономистских устремлений внутри разных наций¹⁰. Не случайно поэтому процесс углубления бауэровского анализа ленинизма и событий Октябрьской революции совпадает с моментом созревания условий для решительного разрыва со сторонниками решения национального вопроса в пользу федерализма, традиционно принятого партией с момента включения его в официальную программу на Брюннском съезде 1899 года. И не случайно результатом явился существенный пересмотр Бауэром собственной теории национальности, сформулированной им в основополагающем труде довоенного периода «Национальный вопрос и социал-демократия»¹¹.

Оставим на некоторое время данный аспект, имеющий принципиальное значение с точки зрения понимания сущности того поворота в политике австрийской социал-демократии, который произошел на стыке последних лет империи и

⁸ *H. Weber. [O. Bauer]. Die russische Revolution und das europäische Proletariat. Wien. 1917.* См. также: *O. Bauer. Werkausgabe. Bd. II, Wien, 1976, S. 39 ff.* В этом издании, осуществляемом венским издательством «Ойропа ферлаг» начиная с 1975 года, уже вышли шесть томов (предусмотрено восемь).

⁹ *O. Bauer. Werkausgabe. Bd. II, S. 40.*

¹⁰ См. об этом в публикации: *R. Neck. Arbeiterschaft und Staat im ersten Weltkrieg 1914—1918. Wien, 1964.*

¹¹ См.: *O. Bauer. Werkausgabe. Bd. I, S. 49 ff.*

первых лет республики, и обратимся к революционизирующему фактору Октября. Здесь необходимо с самого начала отметить, что данный фактор был не прямой причиной или своего рода детонатором, а скорее катализатором тенденций в политике австрийской партии, ранее уже существовавших. К моменту возвращения Бауэра в Вену предпосылки для такого поворота в политике партии уже существовали (его заслуга заключается в умении использовать эти предпосылки и направлять их к нужным для левого крыла организационно-политическим выводам; это направление в значительной мере отличалось от позиции германской социал-демократии). Ровно двумя годами раньше (21 октября 1916 года) знаменитый «жест» Фридриха Адлера (который четырьмя револьверными выстрелами убил главу правительства Габсбургской империи графа Штюргка, главного виновника осуществления резкого поворота в сторону авторитаризма, начатого роспуском парламента в июле 1914 года) вновь открыл дебаты внутри австрийской социал-демократической партии по вопросу о войне и интернационализме, положившие начало созданию левой оппозиции, тогда еще бывшей в меньшинстве. (За несколько месяцев до этого на общеимперской конференции было опротестовано выдвинутое Фрицем Адлером и группой «интернационалистов» требование поддержать платформу, принятую в Циммервальде¹².)

К началу мировой войны левая оппозиция в австрийской социал-демократической партии могла рассчитывать на поддержку лишь небольшого числа своих сторонников, составлявших «кружок Карла Маркса». Кроме Фридриха Адлера (который накануне войны, полемизируя со своим отцом Виктором Адлером, повел открытую кампанию против политики «перемирия с буржуазией»), участниками этого кружка были также Габриэль Профт, Роберт Даннеберг, Макс Адлер, Тереза Шлезингер, Леопольд Винарский, Анна Штрёмер-Хорник и Франц Коричонер (племянник Рудольфа Гильфердинга, будущий основатель Коммунистической партии Австрии)¹³. Впрочем, как отмечал много лет спустя в своей автобиографии Троцкий¹⁴, вплоть до так называемого несостоявшегося Венского конгресса (конгресс Интернационала, который

¹² См.: *F. Adler. Die Erneuerung der Internationale*. Wien, 1918, S. 87 ff. (книга содержит статьи Ф. Адлера по поводу «обновления Интернационала», относящиеся главным образом к военному периоду). См. также: *E. Collotti. Introduzione a F. Adler. La guerra e la crisi della socialdemocrazia*. Roma, 1972. Стенографический отчет об общеимперской конференции, состоявшейся в марте 1916 года, см. в публикации: *L. Brügel. Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie*. Bd. V, Wien, 1925, S. 251—258.

¹³ См.: *Y. Bourdet. Otto Bauer et la revolution*. Paris, 1968, p. 23 ff.

¹⁴ См.: *L. Trockij. La mia vita*. Milano — Roma — Verona, 1933, p. 177 ff.

должен был состояться летом 1914 года) в позициях австрийской и германской социал-демократии не было существенных расхождений¹⁵. Свое истинное лицо левая оппозиция стала по-настоящему приобретать лишь начиная с 1915 года, после конференции в Циммервальде, под впечатлением краха II Интернационала и смелого выступления Карла Либкнехта против военных кредитов*. 3 декабря того же года австрийское меньшинство в своем «Обращении интернационалистов Австрии к интернационалистам всех стран» заявило о своей полной приверженности принципам Циммервальда. Этот документ получил широкий отклик в международном рабочем движении и был опубликован в целом ряде газет. В следующем году обращение нашло свое подтверждение на общемперской конференции австрийской социал-демократии (25—27 марта 1916 года)¹⁶. Это первое выступление левых со своей самостоятельной программой послужило Фридриху Адлеру поводом для того, чтобы высказать критику в адрес «социал-патриотической» политики своего отца (который все еще оставался неоспоримым лидером партии) и начать острую полемику с Карлом Реннером, проводившим в русле процесса «демократизации» политику спасения многонациональной Габсбургской империи¹⁷. Несмотря на все усилия левой оппозиции, общемперская конференция закончилась для нее неудачей. Именно из-за провала этой попытки, а также других попыток левых обратиться с воззванием к партии, а затем в Бюро Социалистического интернационала Адлер пришел к выводу о необходимости какого-то «жеста», необычного и способного вызвать могучий отголосок, который позволил бы вывести из состояния пассивности и склероза партию, подвергавшую себя риску оказаться оторванной от масс в тот момент, когда последние несли не только жертвы в результате войны, но и всю тяжесть полицейских репрессий. Широкий отклик, который получил в международном рабочем движении «жест» Адлера, нескончаемая полемика вокруг «политического терроризма» и его правомерности в критических ситуациях ныне слишком хорошо известны и изучены, чтобы останавливаться на них сколько-нибудь подробно¹⁸. И наоборот, следует отметить, что подлинным поворотом

¹⁵ См.: *I. Braunthal. Victor und Friedrich Adler. Zwei Generationen Arbeiterbewegung.* Wien, 1965. S. 218 ff.

* 2 декабря 1914 года Карл Либкнехт единственный среди депутатов рейхстага Германии проголосовал против военных кредитов, за что был отправлен на фронт, а социал-демократическая фракция рейхстага исключила его из своего состава. — *Прим. ред.*

¹⁶ См.: *L. Brügel.* Op. cit., S. 253 ff.

¹⁷ См.: *P. A. Канн.* Карл Реннер (14 декабря 1870 — 31 декабря 1950). — «Джорнэл оф модерн хистори», 1951, с. 244 и далее. См. также: *I. Hannak. Karl Renner und seine Zeit.* Wien, 1965.

¹⁸ См.: *E. Collotti.* Op. cit.

явился не столько сам террористический акт, сколько знаменитая самозащита Адлера на процессе, который состоялся 18—19 марта 1917 года и проходил в обстановке массового подъема забастовочного движения в Австрии с приходом известия о свержении царизма в результате Февральской революции¹⁹. С этого момента Фридрих Адлер стал для австрийского рабочего класса олицетворением борьбы с абсолютизмом и социал-шовинизмом, опасность которого всерьез нависла над партией и грозила ей перерождением. Его имя часто ставилось рядом с именем Карла Либкнехта. Листовки, распространявшиеся рабочими во время крупных забастовок в январе 1918 года, содержали среди прочих требование немедленного освобождения Адлера (которое последовало лишь 2 ноября 1918 года, накануне провозглашения республики, тогда как смертная казнь была заменена Верховным судом на 18 лет каторги еще в сентябре предшествующего года, что явилось последней отчаянной попыткой империи предотвратить свой крах после Февральской революции и вступления в войну Соединенных Штатов²⁰).

Предпринятая Адлером акция и ее политические последствия имели значение, однако, прежде всего для развития самой австрийской социал-демократии. Так, непосредственным результатом явилось усиление левой оппозиции, получившей возможность участвовать в работе 3-й Циммервальтской конференции, состоявшейся 5 сентября 1917 года в Стокгольме. Вернувшись через несколько дней в Вену, Бауэр нашел политическую обстановку весьма благоприятной для деятельности левых, что предопределило его немедленное выступление на съезде партии (19—24 сентября) с программным заявлением²¹.

Благодаря избранной Бауэром объединительной тактике по отношению к руководству партией его личный вклад вскоре стал весьма ощутимым. Из письма Роберта Даннеберга Каутскому от 15 апреля 1918 года²² явствует, что Бауэру удалось использовать в своих политических интересах процесс радикализации борьбы рабочих после Октябрьской революции, чтобы дать решающий импульс началу стабилизации внутрипартийной обстановки. Убедив левую оппозицию не противопоставлять себя руководству в качестве самостоятельной фракции, он после смерти Виктора Адлера, который скончался за несколько дней до провозглашения республики, взял в свои руки руководство партией. Перемена в руководстве австрийской социал-демократии не только способствовала избавлению партии от всевозможных расколов и разно-

¹⁹ См.: R. Neck. Op. cit., S. 319—320.

²⁰ См.: E. Collotti. Op. cit., p. 55.

²¹ См.: L. Brügel. Op. cit., p. 311—312.

²² Kautsky-Nachlass, IISG, dell VII, blz. 319.

гласий, характерных для германской социал-демократии, но и явилась причиной глубоких различий в политической линии, социальном составе и внутреннем соотношении сил рабочего движения этих двух стран.

Этот поворот в политике австрийской социал-демократии в преддверии провозглашения республики имел своим прямым следствием также резкое сужение пространства для деятельности других левых сил, в данном случае Коммунистической партии Австрии (КПА), путчистские тенденции которой (подогреваемые эфемерными успехами революций в Баварии и Венгрии, ставших драматическим контрапунктом первого года жизни немецкоязычной Австрии) лишь отчасти являлись причиной ее изоляции, а в основном, наоборот, сами по себе оказались следствием изоляции ее внутри самого движения Советов²³.

Полемические нападки в связи с предательством революции со стороны «Бауэра и К°» (обвинявшихся в срыве революционных выступлений «на улицах Вены»), начатые Коминтерном²⁴, и по сей день продолжаются представителями троцкистского направления в историографии, использующими исследование Романа Роздольского о «революционной ситуации в Австрии»²⁵. На фоне рассуждений о некоей мистической «упущенной возможности», характерных для этой полемики, в ней действительно упускается из виду одно весьма существенное обстоятельство, а именно: отсутствие пространства для подготовки революционного восстания, обусловленное позицией, которую заняла социал-демократическая партия уже в первые месяцы существования республики и которая получила поддержку подавляющего большинства в движении Советов²⁶, особенно в Вене (1 марта 1919 года Фридрих Адлер на I конференции рабочих Советов был избран председателем Исполнительного комитета Советов). Как видно, ничего похожего на репрессивные меры со стороны руководства германской социал-демократии по отношению к восстанию спартаковцев.

Особое значение приобретает в связи с этим та терминологическая форма, в которой Бауэр вел полемику с Бела

²³ См.: *R. Reventlow. Zwischen Alliierten und Bolschewiken. Arbeitsräte in Österreich 1918 bis 1923.* Wien, 1969.

²⁴ См.: *А. Д. Лой.* Первая Австрийская республика и Советская Венгрия.— «Джорнэл оф Сентрал Юропиэн афферс», т. XX, июль 1960 года, № 2, с. 184.

²⁵ *R. Rosdolsky. Studien über revolutionäre Taktik. Zwei unveröffentlichte Arbeiten über die II Internationale und die österreichische Sozialdemokratie.* Westberlin, 1973.

²⁶ См.: *Stenographisches Protokoll der II Reichskonferenz der Arbeiterräte Deutschösterreichs am 30. Juni 1919.* Arbeiterkammer, Wien; *Stenographisches Protokoll der Kreiskonferenz des Wiener Arbeitsrates vom 17. Juni 1919.* SPO-Parteiarchiv, Wien.

Куном (в то время возглавлявшим Венгерскую Советскую республику) по поводу неудавшейся попытки путча 15 июля 1919 года. «Я считаю, — писал Бауэр на следующий день после трагического эпилога восстания, обращаясь к Бела Куну через Роберта Даннеберга, — что мы находимся на начальном или на втором этапе мировой революции. Но ее я представляю себе не так прямолинейно: она значительно более тяжела, сложна, многообразна и дифференцирована в зависимости от обстоятельств, чем представляет себе большинство наших ближайших друзей. В этом суть наших тактических расхождений»²⁷.

Поистине драматически напряженная интенсивность размышлений Бауэра по поводу сложности процесса революционных преобразований, которая в танном случае отличает его от Каутского тех лет, представляет собой отнюдь не случайное явление, характеризующее эволюцию бауэровского анализа Октябрьской революции. Как показывает работа «Большевизм или социал-демократия?»²⁸, которая является наиболее важным трудом этого периода по крайней мере в плане систематизации исторического опыта конца войны и крушения империи и одновременно представляет собой первую попытку анализа опыта политического руководства начиная с ноября 1918 года, аргументация Бауэра и традиционная политическая платформа II Интернационала разделены четкой гранью как в том, что касается критики большевизма, так и с точки зрения постановки центральной проблемы всего последующего периода — проблемы демократии.

В отличие от Каутского Бауэр избегает ошибки механического переноса схемы взаимоотношений производственных сил и производственных отношений на Октябрьскую революцию, характерного для некоторых теоретиков социал-демократии, ограничивающихся расхожими штампами типа «преждевременный плод, лишенный перспективы на будущее существование». С точки зрения Бауэра, партия Ленина, «несомненно, революционная и, несомненно, социалистическая партия»²⁹. Подлинно критический подход к ее концепциям и практической деятельности, продолжал Бауэр, действительно требует отказа от доктринерского бремени «марксизма» II Интернационала и принятия дифференцированных критериев анализа революционного «процесса». Содержащаяся в работе методическая ориентация Бауэра уже начиная с предисловия четко проявляется в так называемых ключевых словах. Даже после предпринятого впоследствии тщательно-

²⁷ См.: Haus- Hof- und Staatsarchiv, Wien, G. Fasz. 262. Präsidialakte des Staatssekretärs Dr. Otto Bauer, 1918—1919, Folder IX-b: Ungarn und varia.

²⁸ См.: O. Bauer. Werkausgabe, Bd. II, S. 223 ff.

²⁹ Ibidem.

го пересмотра своих положений Бауэр остается верен своим принципам: Октябрьская революция имеет универсальное историческое значение, большевизм же не располагает прерогативой универсальности, он не может быть *clavis universalis* *, не может быть единственно возможным методом осуществления революции³⁰. Феномен большевизма находит свое оправдание главным образом в особых условиях развития русского промышленного пролетариата, оказавшегося в преимущественно аграрной социально-экономической среде. Поэтому ленинское учение о партии и революции под особым углом зрения очерчивает для себя круг действия, усматривая свою роль не просто в отражении или насильственном, произвольном изменении «ситуации отсталости», но прежде всего в активном политическом выражении настоятельной необходимости предотвращения процесса социального разложения страны путем эмансипации рабочего класса под эгидой его авангарда и в рамках сознательного руководства производительными силами общества.

Одновременное признание универсальности Октября и многообразия путей, ведущих к социализму (более подробно Бауэр излагает это в написанном им в 1921 году введении к переизданию своего «Плана социализации»³¹), не только не противоречиво, но и является закономерным результатом неидеологического анализа русской революции.

Здесь, однако, имеется аспект, требующий особого внимания. В основе параллели, во многом спорной, которую Бауэр (наряду с Ф. Адлером, Даном и Абрамовичем³²) проводит между большевизмом и якобинизмом, лежит предположение неоднозначности понятий демократии и демократического пути развития, исходя из различения политической и социальной сторон революционного процесса. На основе параллели с революцией 1789 года, а не с «чисто политической» (а следовательно, буржуазной) революцией 1848 года, Бауэр определяет русскую революцию как революцию социальную — в отличие от политических революций в Германии и Австрии. Это приводит его к заключению о том, что установленная Лениным диктатура пролетариата не влечет за собой неизбежного упразднения или необратимого подавления демократии, но представляет собой один из этапов развития на пути к установлению демократии³³.

В работе «Большевизм или социал-демократия?» выдви-

* Универсальный ключ (лат.). — Прим. ред.

³⁰ Ibidem.

³¹ См.: O. Bauer. Weg zum Sozialismus. Wien, 1919. См. также: O. Bauer. Werkausgabe. Bd. II, S. 91 ff.

³² См. по этому вопросу: M. Salvadori. Kautsky e la rivoluzione socialista 1880—1938. Milano, 1976, p. 272 ff.

³³ См.: G. Marramao. Austromarxismo..., p. 174 ff.

гается гипотеза о возможности приближения Советской России к «смешанным социальным формам, которые наша наука пока еще не в состоянии как-то классифицировать лишь на основе обобщения предыдущего опыта». Но уже в последующих работах эта догадка Бауэра (которая явится одним из основных аргументов в пользу его интернационалистской борьбы за единый фронт) найдет свое более конкретное выражение в постулате о реформируемости советской системы как социально-экономической системы при централизованном планировании. Следовательно, автор уповает на то, что Советский Союз мало-помалу сумеет избавиться от форм «этатизма» и «деспотического социализма», на основе которых и развивалась стадия упорядочения вслед за процессом преобразования³⁴.

При всем том, что эта гипотеза, содержанием которой является упование на демократизацию Советской власти (заключающуюся, согласно не только Дану и Абрамовичу, но и Троцкому, в простом приведении политической надстройки в соответствие с тенденциями становления социалистического базиса), грешит «социологизмом», она тем не менее свидетельствует о попытке преодолеть доктринерско-идеологическую ограниченность Каутского. Этот последний, начиная со своей работы «Диктатура пролетариата» (1918), исходил из предпосылки о том, что «социализма без демократии не существует»³⁵. В 1921 году в результате своей знаменитой полемики с Троцким³⁶ он пришел к окончательному отказу от анализа опыта большевизма, заклеив его как нереформируемую антисоциалистическую диктатуру. Абстрагируясь от каких бы то ни было оценок, не следует, однако, забывать, что эта негативная позиция Каутского в целом сложилась еще тогда, когда остановка в Советской России и в формировавшемся тогда коммунистическом лагере в Европе была еще подвижна, столкновения являлись открытыми, и велась содержательная дискуссия, резко прерванная в результате происшедшего сектантского поворота Коминтерна в годы великого кризиса. И это безапелляционное приравнивание ленинизма к социально выродившемуся бонапартизму — приравнивание, к которому придет в 30-е годы духовный отец марксизма II Интернационала, — не является ответом на ретроградные тенденции в коммунистическом движении (разве что в минимальной степени), а представляет собой естественное следствие реальных предпосылок этих тенденций³⁷.

В этот период сторонники австромарксизма выступают с

³⁴ Ibid., p. 180.

³⁵ K. Kautsky. Die Diktatur des Proletariats. Wien, 1918, S. 4—5.

³⁶ См.: K. Kautsky. Von der Demokratie zur Staatssklaverei. Berlin, 1921.

³⁷ См.: K. Kautsky. Der Bolschewismus in der Sackgasse. Berlin, 1930, S. 98—99.

инициативой создания Союза социалистических партий для ведения совместных интернациональных действий (этот союз более известен как «Венский интернационал» или под ироническим наименованием «2¹/₂-го интернационала», данным ему Карлом Радеком³⁸). Одновременно в 30-е годы между Каутским и Фридрихом Адлером разгорается полемика о принципах создания единого фронта с коммунистами³⁹. Все это поддается исчерпывающему объяснению, если учесть те различия, которые характеризуют анализ большевизма у Каутского и Бауэра. В 1931 году Бауэр в своей работе «Рационализация — псевдорационализация»⁴⁰ (первоначально задуманной как первый том обширной работы, которая охватила бы происшедшие после мировой войны изменения капитализма и социализма) углубил и подверг частичному пересмотру собственный анализ, принимая во внимание упрощение советской экономики (развевшее предсказания буржуазно-либеральных критиков и социал-демократических теоретиков 20-х годов). А Каутский в то же самое время убеждал читателей в «неизбежности и целесообразности краха большевизма»⁴¹.

2. Предвоенный период австромарксизма: от «Bernstein-Debatte» к полемике с Каутским

Ход рассуждений Бауэра в период непосредственно после войны и Октябрьской революции может быть схематически представлен в двух аспектах. Во-первых, с политической точки зрения рассуждения Бауэра представляли собой шаг вперед по сравнению с прежней позицией австрийской партии (включая собственно австромарксистскую группу) — поскольку речь шла о вступлении европейской социал-демократии в качественно новые условия своего развития, демонстрировавшие непоправимую косность прежних программ и организационной структуры. Во-вторых, с теоретической точки зрения его рассуждения представляли собой своего рода стратегическое освоение культурного наследия, а главное, методики работы. Это наследие с начала столетия накапливалось в среде сторонников австромарксизма под непосредственным

³⁸ См.: *K. Radek. Theorie und Praxis der 2¹/₂ Internationale*. Hamburg, 1921.

³⁹ См.: *К. Каутский. Демократия и диктатура*. — «Ди гезельшафт», VIII, т. I, 1931, с. 45—48; *Ф. Адлер. К дискуссии о Советской России*. — «Дер кампф», XXVI, 1933, с. 58—69.

⁴⁰ См.: *O. Bauer. Kapitalismus und Sozialismus nach dem Weltkrieg*. Bd. I: Rationalisierung — Fehlrationalisierung. Wien, 1931. См. также: *O. Bauer. Werkausgabe*. Bd. III, S. 721 ff.

⁴¹ *M. Salvadori. Op. cit.*, p. 287.

влиянием неповторимой культурной атмосферы «большой Вены»⁴².

Если с точки зрения организационно-политического выбора предвоенный австромарксизм выступал в целом на стороне Каутского (в тон ученому прагматизму, в духе которого Виктор Адлер начиная с Хайнфельдского съезда 1889 года налаживал сложную структуру партии), то с теоретической точки зрения он был ближе к «критически-ловкому утопизму», в котором Зигфрид Марк позднее увидит «отличительный признак ревизионизма Бернштейна»⁴³.

Бернштейн, как известно, подвергал острой критике приравнивание Каутским теории к движению, в результате чего само *существование* социал-демократии выдвигалось в качестве главного аргумента в пользу марксизма, становилось его настоящим «краеугольным камнем»⁴⁴. Чтобы снять риск апологетики, который содержала концепция Бернштейна, он указывал на необходимость разработки так называемой марксистики (Marxistic)⁴⁵, подразумевая под этим термином (который он заимствовал у Дюринга и Хёхберга) целую теоретическую систему, отличающуюся строгой научностью и постоянно подвергающую проверке собственные дескриптивные и прогностическо-прескриптивные положения в соответствии с гносеологическим развитием различных социальнo-исторических дисциплин. Словом, марксистика должна была выступить в роли противоядия апологетическим тенденциям «марксизма» в его каутскианской интерпретации. Группа сторонников австромарксизма, которые начиная с 1903 года объединились под эгидой Лиги будущего (Zukunft-Verein), представлявшей собой зародыш обширной и разветвленной впоследствии педагогической структуры австрийской социал-демократии, приняла решение основать самостоятельные теоретические органы (с 1904 года это «Маркс-штудиен», а с 1917 года — «Дер кампф»). Эта группа стремится отмежеваться от постановки вопроса о связи теории и движения Каутского, принимая исходный «ревизионистский» постулат

⁴² О тогдашней Вене см.: C. Schorske. Fin-de-siècle Vienna. Politics and Cultur. London, 1980. См. также: Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. Graz, 1973.

⁴³ См.: S. Marck. Philosophie des Revisionismus. — In: S. Marck. Grundsätzliches zum Tageskampf. Festgabe für Eduard Bernstein. Breslau, 1925, S. 26.

⁴⁴ Э. Бернштейн. Poleмические заметки о полемике. — «Социалистический монатсхефт», VI, т. I, 1902, с. 364. См. на эту тему также: Э. Бернштейн. Культ Маркса и право на ревизию. Эпilog. — «Социалистический монатсхефт», VII, т. I, 1903, с. 255 и след.

⁴⁵ См.: Dokumente des Sozialismus. Bd. V, Berlin, 1905, S. 418. Кроме того, см.: К. Хёхберг. Социализм и наука. — «Ди цукунфт», I, 1877, с. 4; Ф. Меринг. Двадцать лет. — «Нойецайт», XXI, т. I, 1902—1903, с. 2.

о неидентичности марксизма и социализма. И именно Бауэр, подводя итог культурно-политической деятельности австромарксизма в весьма содержательном и эмоциональном некрологе памяти Макса Адлера, указал на «Bernstein-Debatte» как на причину, положившую начало формированию «молодой школы марксистов Вены», которая — начиная с Макса Адлера и Густава Экштейна и кончая Рудольфом Гильфердингом и Карлом Реннером — «в отличие от предыдущего поколения марксистов во главе с Каутским, Мерингом, Лафаргом и Плехановым вплотную приблизилась к культурным пластам своего времени»⁴⁶.

Во вступительной статье к первому тому «Маркс-штудиен» (в котором были помещены следующие работы первостепенной важности: критика Гильфердингом учения Бёма-Баверка, «Существенная функция правовых институтов» Реннера и «Причинность и телеология» Макса Адлера) выдвигалась программа развития марксизма как «сознательного распространения результатов и методов марксистского мышления в контексте всей современной духовной жизни, то есть в связи с содержанием философской и социологической деятельности современности»⁴⁷. Таким образом, подтекст этого издания свидетельствовал о наличии связи между дискуссией о ревизионизме и диспутом о методах (Methodenstreit). Рецензируя этот том для журнала «Архив фюр социальвиссеншафт унд социальполитик», Конрад Шмидт не преминул указать на наличие подобного аспекта и, более того, подчеркнуть «созвучность» проблематики этого журнала работам Макса Вебера⁴⁸.

Назревшая необходимость соединения результатов «диспута о методах» с основополагающими пунктами дебатов о ревизионизме заключалась для сторонников австромарксизма (и в особенности для Макса Адлера) в том, что застой, в котором оказалась марксистская дискуссия, проистекал из не критичного и расплывчатого определения понятия «наука»⁴⁹. Особого накала полемика достигла прежде всего по вопросу о толковании категории необходимости, которая в интерпретации Каутского фигурировала как естественный и бесспорный коррелят научности марксизма.

Обращение к вопросу о методах и содержании социальных наук, предпринятое «марксистами II Интернационала», затрудняет работу по их политической классификации, согласно

⁴⁶ О. Бауэр. Макс Адлер. Очерк истории «австромарксизма». — «Дер кампф», IV, Прага, 1937, с. 297.

⁴⁷ «Маркс-штудиен», 1904, т. I, с. VII—VIII.

⁴⁸ См.: К. Шмидт. Новые работы Маркса и о Марксе. — «Архив фюр социальвиссеншафт унд социальполитик», 1905, т. XX, с. 397.

⁴⁹ См.: М. Адлер. Причинность и телеология в рамках дискуссии о науке. — «Маркс-штудиен», Вена, 1904, т. IV.

столь же безапелляционному, сколь и мистическому противопоставлению «ортодоксов» и «ревизионистов». Отсюда хрупкость такой их категории, как «каутскианцы», предложенной Маттиасом под непосредственным влиянием «критического марксизма» Корша⁵⁰. Данная классификация почти не учитывает динамичность и разнообразие теоретической картины европейского марксизма начала столетия, не принимает во внимание того факта, что требование научности и особого рода критичности, необходимость новой постановки проблемы соотношения марксизма и философии с целью разрешить эту дилемму не только выдвигались Лукачем и Коршем в 20-е годы, но уже разрабатывались детальным образом как программные вопросы работы журнала «Дер кампф».

Австромарксизм выступил, таким образом, как наиболее яркий пример контактов марксизма с большой европейской культурой, которые на рубеже столетий, особенно после русской революции 1905 года, становились все более широкими и тесными. Как отмечает по этому поводу Эрик Хобсбом, исследуя данную взаимосвязь, а именно распространение марксизма в кругах научной и академической культуры, «в журнале Макса Вебера «Архив фюр социальвиссеншафт и социальполитик» были напечатаны между 1900 и 1904 годами только четыре статьи на эту тему, в период же между 1905 и 1908 годами таких статей было уже 15, а докторских диссертаций о социализме, о рабочем классе и на подобные темы в 90-е годы было в среднем две-три, в период между 1900 и 1905 годами — четыре, в 1905—1907 годах — 10,2, и в 1909—1912 годах — 19,7»⁵¹.

Как уже отмечалось, связь, установленная сторонниками австромарксизма между диспутом о методах и дискуссией о ревизионизме, касалась прежде всего категории необходимости. Глубокое переосмысление этой категории и проистекавшая отсюда критика однолинейности понятия «историческая закономерность» обусловили переосмысление проблемы интеллигенции, а также переоценку соотношения форм капиталистического развития и роли государства.

Острота ощущения этих проблем была изначально присуща австрийской социал-демократии, так как с самого момента своего зарождения она посвятила себя решению проблем габсбургского государства. Объединение «умеренных» и «радикалов» на основе принципов Хайнфельдской программы превратило партию в организацию, единственно способную выразить интересы всего многонационального населения им-

⁵⁰ См.: Э. Маттиас. Каутский и каутскианизм. Функция идеологии в германской социал-демократии до первой мировой войны. — «Марксистус-штудийен», 2-я серия, Тюбинген, 1957, с. 151—197.

⁵¹ E. J. Hobsbawm. La cultura europea e il marxismo fra Otto e Novecento. — In: Storia del marxismo, vol. 2, p. 65.

перии⁵². Упорный торг вокруг национального вопроса, а также наличие в руководящей группе еврейского интеллигентского большинства, воспитанного на культурных традициях Центральной Европы, уже в 90-е годы прошлого столетия представляли собой характерную черту австрийской социал-демократии в отличие от германской. Отдельные группы интеллигенции из образованных кругов средней буржуазии уже начиная с 1886 года (то есть еще до съезда в Хайнфельде) стали собираться вокруг еженедельника «Ди глянххайт», основанного Виктором Адлером, а с 1895 года их центром стала «Арбайтер-цайтунг». Виктор Адлер, врач по профессии и близкий друг Зигмунда Фрейда (с которым в молодости дрался на дуэли), был перебежчиком из лагеря либералов наряду с другими харизматическими лидерами наиболее активных политических группировок конца столетия — прежде всего такими, как христианский социалист Карл Люгер (получивший известность на посту бургомистра Вены), пангерманист Георг Риттер фон Шёнерер и сионист Теодор Герцль. Если отступничество этих представителей интеллигенции объяснялось прежде всего крахом габсбургского либерализма, неспособного справиться с проблемами урбанизации, удовлетворить запросы быстро нарождавшегося индустриального общества, порожденного техническим переворотом конца столетия в условиях аграрной и мелкобуржуазной среды, то силой, способной хотя бы в начальной стадии творчески подойти к решению еще нетронутых или просто-напросто назревавших и разрастававшихся проблем, была социал-демократия. Ее способность остро ощущать проблемы политики и идеологии, организационно решать крайне разносторонние и многообразные культурно-социальные вопросы (социал-демократия объединяла в своих рядах представителей самых широких политических кругов — от анархистов до монархистов), ее педантичное отношение к решению весьма сложных институциональных проблем вполне оправдывают присвоенное ей ироническое наименование «К. К.», то есть «кайзеровско-королевская (или, если применить знаменитое выражение Р. Музиля, «каноническая») социал-демократия». Наименование это было употреблено Карлом Люгером, одним из наиболее активных и ярых ее противников. Но существует и другая сторона — способность притягивать к себе интеллигенцию, научный и академический мир. Поэтому в австрийских университетах в отличие от германских «систематической дискриминации» марксистской интеллигенции не наблюдалось⁵³. Поэтому совсем не случаен тот факт, что Карл

⁵² См.: *H. Mommsen. Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im Habsburgischen Vielvölkerstaat 1867—1907.* Wien, 1963.

⁵³ *E. Hobsbawm. Op. cit., p. 80.*

Грюнберг, который вместе с Лудо М. Гартманом и Штефаном Бауэром основал в 1893 году «Фиртельяр фюр социаль- унд виртшафтсгешихте» (один из наиболее серьезных журналов по экономической и социальной истории в немецкоязычных странах), в 1910 году приступил к публикации на своей венской кафедре периодического издания «Архив фюр ди гешихте дес социализмус унд дер арбайтербеvegунг», доступного социалистическим теоретикам-интеллектуалам, не прошедшим школы Каутского. В качестве наиболее доступного и гибкого орудия культурно-политического просвещения «Архив» Грюнберга имел своим аналогом по теории общественно-исторических дисциплин «Архив» М. Вебера, определяемый Хобсбомом как, «возможно, единственный немецкий печатный орган по научно-общественным вопросам, доступный для тех, кто или был близок к социализму, или находился под его влиянием, или прямо отождествлял себя с ним»⁵⁴.

Уже в ходе подготовки Венского съезда 1901 года дискуссия о пересмотре Хайфельдской программы показала, что особая интенсивность и обширность связей австрийской социал-демократии с интеллигенцией, большая теоретическая подготовленность этой партии по сравнению с СДПГ способствовали ее приоритету в подходе к наиболее важным вопросам теории и политики. Ведь именно Виктор Адлер еще в самом начале дискуссии резко отмежеввался от катастрофической теории растущего обнищания (Verelendungstheorie), полемизируя с теми, кто считал ее не просто «тенденцией», но «железным законом». Одновременно он считал, что наравне с этой тенденцией необходимо принимать во внимание и противоположную ей тенденцию в лице организованного рабочего движения, противопоставляющего свою деятельную волю объективности «закона движения», в результате чего тенденция к обнищанию встречает на своем пути препятствие в лице политической субъективности пролетариата⁵⁵.

Позиция Виктора Адлера оказала воздействие на участников съезда, и в результате в Хайнфельдскую программу была внесена серьезная поправка. Из программы был исключен пункт о «растущем обнищании», и была серьезно видоизменена формулировка концепции «исторической необходимости»⁵⁶. Как видно, линия В. Адлера — прямое следствие гибкой позиции, которая была избрана им двумя годами раньше при рецензировании «Предпосылок социализма»

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ См.: В. Адлер. К ревизии программы. — «Арбайтер-цайтунг», 22 сентября 1901 года.

⁵⁶ См.: Protokoll über die Verhandlungen des Gesamtparteitages des Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Österreichs, abgehalten zu Wien vom 2. bis 6. November 1901, S. 52, 101.

Бернштейна и развитие которой, впрочем, легко прослеживается в его переписке⁵⁷.

Подобная же гибкость и дипломатичность были присущи и Бауэру в весьма деликатный период создания и налаживания журнала «Дер кампф». Несмотря на содержащиеся в переписке с Каутским⁵⁸ уверения Бауэра в приверженности журнала общему духу исследования, «Дер кампф» тем не менее представлял собой прямую конкуренцию журналу «Нойе цайт». И Бауэр при всем присущем ему «духе единения», который был в традициях австрийской партии, не мог удержаться от публичного выражения своего несогласия с позицией Каутского, выступившего в 1909 году с конкретным изложением своей позиции по вопросам стратегии и тактики. В рецензии на «Путь к власти»⁵⁹ Бауэр, соглашаясь со «ступенчатостью» в выводах Каутского, решительно отверг его претензию на теоретическое обоснование политики рабочего движения, исходящее из неизбежности радикализации непосредственных экономических интересов антагонистических классов: «Именно потому, что мы полагаем правильными выводы, содержащиеся в исследовании Каутского «Путь к власти», нам представляется опасным использование доказательств, строящихся на ошибочных или весьма сомнительных посылах. Мы не верим, что пролетариат достаточно созрел для того, чтобы повести решительную борьбу за власть лишь в том случае, если он уже не сможет добиться частичных уступок в условиях господства буржуазии. Наоборот!»⁶⁰

В подобном же тоне Бауэр обращается к Каутскому и в своем письме от 26 апреля 1909 года: «В целом я разделяю Вашу точку зрения о характере эпохи, на пороге которой мы с Вами находимся... Однако часть Вашей аргументации я подвергаю сомнению, считаю спорной, точнее, опасной. Сторонники прагматизма в нашем политическом и профсоюзном движении стремятся получить возможность или хотя бы потешить себя иллюзией о наличии возможности достижения сиюминутных уступок... Пролетариату, однако, для того, чтобы начать борьбу при первой же представившейся ему возможности, не пристало дожидаться непременно того момента, когда у него не будет больше надежды получить дополнительные частичные уступки»⁶¹.

На фоне подобных утверждений весьма трудно предста-

⁵⁷ См.: В. Адлер. Теория и тактика Бернштейна. — «Арбайтер-цайтунг», 2 апреля 1899 года. См., кроме того: V. Adler. Briefwechsel, S. 267, 297—298.

⁵⁸ См.: Kautsky-Nachlass, JJSg, D. II, 476—477.

⁵⁹ Рецензия опубликована в «Дер кампф», II, 1909, с. 337—344.

⁶⁰ Там же, с. 340.

⁶¹ Kautsky-Nachlass, JJSg, D. II, 479.

вить себе, каким образом некоторым, пусть даже и весьма осведомленным, исследователям австромарксизма удастся отыскать в рассуждениях Бауэра «подчеркивание неожиданности свержения капитализма и установления социализма и ожидание краха капитализма»⁶². Вся полемика Бауэра против Каутского по вопросу о «пути к власти» сводится к прямо противоположной аргументации, имеющей целью подчеркнуть тот факт, что процесс капиталистической концентрации не соответствует слепым механизмам, упрощающим подход к вопросу о структурной динамике и социальному расслоению капитализма. Эти процессы трансформации указывают, скорее, на качественно новые моменты — на новые элементы сознания (политическая ориентация), навыки («знание», наука) и организацию (техника), которые проникают в механизм развития и влекут за собой существенные осложнения и дисгармонию, нарушающие нормальное функционирование устаревшего автоматизма конкуренции. Прежде, на стадии «индивидуального капитализма», законы конкуренции действовали как «естественные силы, не поддающиеся контролю ни со стороны организации, ни со стороны самого государства». Теперь они проходят через «мозг людей»: любое социально-историческое явление (включая явления экономического характера) становится, таким образом, «сознательным актом организации»⁶³. «С фритредерством Манчестера* покончено! — восклицает Бауэр, завершая свои рассуждения. — Любая экономическая организация стремится использовать государство в своих интересах и требует уже не просто защиты собственности, но прямого вмешательства в экономику». Государство в свою очередь также превращается «в организацию такого типа»⁶⁴.

При всем том, что в своей статье Бауэр акцентирует внимание почти исключительно на новых экономических функциях государства, он одновременно затрагивает и некоторые темы, ставшие центральными в дискуссии середины 20-х годов между германской и австрийской социал-демократией по вопросу об «организованном капитализме». Подчеркивание ведущей роли менеджеров (*Wirtschaftsführer*), новых взаимоотношений между крупными промышленными и финансовыми предприятиями и государством симптоматично для ис-

⁶² Эту странную позицию отстаивает Н. Лезер в работе: *N. Leser. Zwischen Reformismus und Bolschewismus. Der Austromarxismus als Theorie und Praxis*. Wien, 1968, S. 103.

⁶³ Цитировавшаяся рецензия О. Бауэра в «Дер кампф», с. 342.

* Имеется в виду возникшее в Манчестере движение английской промышленной буржуазии за свободу торговли. Основанная на этих идеях Манчестерская школа историков и экономистов считает движущей силой прогресса неограниченный дух частной инициативы, отстаивает капитализм свободной конкуренции. — *Прим. ред.*

⁶⁴ Там же.

следования, рвущего с некоторыми постулатами марксизма II Интернационала, и прежде всего с теми из них, которые представляют развитие капитализма как результат действия «анархического» механизма⁶⁵.

Здесь важно указать на политический результат полемики Бауэра с Каутским, непосредственно связанный с центральной темой предвоенного австромарксизма — отношением между интеллигенцией и социализмом. Содержание бауэровской критики можно понять лишь в контексте этой темы австромарксизма, характерной прежде всего для исследований Макса Адлера того времени. Действительно, вышедшая в 1910 году из-под пера Макса Адлера брошюра «Социализм и интеллигенция»⁶⁶ в полную противоположность экономизму Каутского — который решал этот вопрос о научной интеллигенции, исходя из процесса ее пролетаризации, то есть в русле социологии количественного роста организации, — акцентировало внимание на специфике политической роли интеллигента как «носителя науки». Аналогичную направленность имело выступление Бауэра против пропагандистского постулирования так называемой конечной цели (Endziel) у Каутского. Ввиду сложности характера новой организационной структуры капиталистической экономики политика рабочего движения не могла более сводиться к простой агитации и популяризации «конечной цели» социализма, так как вопреки утверждениям самого Каутского не существовало более однородной пролетаризованной и обнищавшей массы, готовой устремиться к этой цели. Политика рабочего движения должна была прежде всего ответить на качественный скачок буржуазной власти подобным же скачком в своей организационной структуре при наиболее эффективном «культурном» переосмыслении методов своей теоретической деятельности. Сама «конечная цель» при этом должна была пройти через критический фильтр достаточно гибкого и открывающего широкое поле деятельности интеллектуального методологического переосмысления, так чтобы была переоценена специфическая роль интеллигенции с учетом тенденции к сближению «специализированных» участков общественного сознания.

Таков высший политический смысл проделанной Максом Адлером работы по восстановлению соответствия между марксизмом и философией — работы, которая отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает мысль о постоянном взаимобмене методами и результатами между общественными науками. Это касается и акцентирования Бауэром (акценти-

⁶⁵ См.: *O. Bauer. Werkausgabe, Bd. I, S. 643 ff.* См. также статью Э. Альфатера в настоящей публикации.

⁶⁶ *M. Adler. Der Sozialismus und die Intellektuellen. Wien, 1910.*

рования, обнаруживаемого также в послевоенные годы) революционного характера малых, текущих дел (*revolutionäre Kleinarbeit*): «Изменение земного облика не было результатом некоей грандиозной геологической катастрофы; лишь микроскопические революции внутри атомов, неощутимые и невидимые даже через микроскоп, преобразуют мир и создают энергию, которая, высвободившись однажды, становится причиной грандиозной катастрофы. Маленькая, незаметная, что называется, текущая работа — вот подлинно революционный труд»⁶⁷.

В этой констатации значимости «малого», содержательности микроизменений и «неуловимых» преобразований следует отметить не столько вероятную или предполагаемую ограниченность данной параллели с физическим миром, сколько явственно просматривающуюся, хотя и не сопровождающуюся аналогичными последствиями преемственность с традицией Энгельса — Ленина⁶⁸. То, что действительно важно, так это часто упускаемая из виду связь рассуждений Бауэра с культурной обстановкой «большой Вены», связь, которую не разрушили ни война, ни революция, ни кризисы. Не обходится здесь и без концепции переходности (на основе молекулярной диффузии «элементов» нового общества), с которой Бауэр выступил в 1918 году в предисловии к книге Густава Экштейна «Марксизм на практике»⁶⁹. Трактовка процесса преобразования капиталистического общества в социалистическое не как результата действия некоего единого и однородного логико-исторического механизма, а как следствия роста и распространения эндогенных факторов изменений в производственных и властных отношениях, с одной стороны, предполагает в теоретическом плане эмпирико-аналитическое расчленение морфологического предвидения Маркса, а в политическом плане — преодоление некой мистической альтернативы между «реформой» и «революцией», а с другой — не означает выбора в пользу эволюционизма, согласно которому, социализм якобы можно осуществить «гомеопатическими дозами»⁷⁰.

Но как раз этот невралгический переход от методологических и эпистемологических предпосылок к политико-практическим последствиям и привел к трещине в духовном единстве (*Geistesgemeinschaft*) австромарксизма. И здесь своего рода отправным пунктом периодизации, водоразделом между разными радикальными группами и позициями является мировая война.

⁶⁷ O. Bauer. *Revolutionäre Kleinarbeit*. Wien, 1928. См. также: O. Bauer. *Werkausgabe*, Bd. III, S. 588.

⁶⁸ См.: N. Leser. *Op. cit.*, S. 105 ff.

⁶⁹ См.: G. Eckstein. *Der Marxismus in der Praxis*. Wien, 1918, S. 25.

⁷⁰ *Ibidem*.

3. От диаспоры в «национальном вопросе» к коалиционному правительству

Для того чтобы дать правильную и действительно критическую оценку австромарксизму, необходимо одновременно рассмотреть оба вышеизложенных вопроса. Речь идет о преждевременности отказа «молодой венской школы марксистов» от культуры периода кризиса, которая на достаточно высоком уровне выражает сложность капитализма, видоизменяющегося и преобразующего в динамике своего развития элементы «научности» и «организованности». Речь идет также о собственно «структурном» аспекте кризиса и распаде габсбургской империи, в ходе которого высвобождается центробежная энергия разных национальностей*.

Впрочем, сам Бауэр предложил ключ к прочтению «истории австромарксизма» в уже упоминавшемся некрологе памяти Макса Адлера, скончавшегося в 1937 году. Прежде всего он подчеркнул преимущественно политический характер работы по упорядочению философии, предпринятой в начале века группой сторонников австромарксизма, и в частности Максом Адлером. В отличие от целого ряда представителей интеллигенции и лидеров социалистического движения — таких, как Конрад Шмидт, Штаудингер, Форлендер, Курт Айснер и, наконец, сам Бернштейн, — Адлер, по мнению Бауэра, твердо защищал рабочее движение от влияния каких бы то ни было прагматических и эволюционистских принижений роли политики. «В отличие от ревизионистов он не смешивал эклектически неокантианство с марксизмом. Напротив, он использовал приемы кантианской критики познания для защиты марксистского учения об обществе от какого бы то ни было разбавления его ревизионизмом, отстаивая социализм от какого бы то ни было этического обоснования»⁷¹. Далее Бауэр указал на политический разрыв в период войны и революции: «Война и революция разбили духовное единство (Geistesgemeinschaft) «австромарксистской школы» того времени: в 1914—1918 годах Реннер и Гильфердинг избирают различные с Адлером пути»⁷².

Таким образом, уже в первом десятилетии столетия австромарксизм складывается в целостную теоретико-аналитическую систему, несводимую к простой разновидности того, что неточно называется «каутскианством». Это свидетельствует о его богатом, многообразном и оригинальном культурном опыте, который делает неприемлемым схематический подход к так называемому марксизму II Интернационала. В свою оче-

* Здесь и во многих других местах автор статьи предпочитает говорить именно о национальностях, а не о нациях. — *Прим. ред.*

⁷¹ О. Бауэр. Макс Адлер. — «Дер кампф», Прага, IV, 1937, с. 299.

⁷² Там же, с. 297.

редь этот анализ должен устранить большую часть традиционных предассудков, существующих в политике и историографии, ему надлежит сделать австромарксизм доступным для понимания его внутреннего многообразия и региональных особенностей⁷³.

Но лишь начиная с 1914 года в результате столкновения с животрепещущими проблемами, поставленными перед европейской социал-демократией теорией и практикой ленинизма, как и в свете задач управления экономикой и государством после падения габсбургской империи австромарксизм приобрел определенное политическое лицо. Поэтому не случайно, что, как вспоминал Бауэр в одной своей анонимной статье 1927 года⁷⁴, как раз накануне мировой войны в буржуазных кругах Центральной Европы заговорили об австромарксизме как об опасной промежуточной тенденции между линиями реформистской социал-демократии и большевизма.

Выше уже упоминалось о быстром процессе политизации, который в тот период привел Бауэра к позиции, определенно расходящейся с позицией Реннера. Последний полагался тогда на возможность проведения институциональной реформы при сохранении прежнего национального состава в рамках габсбургского государства. В статье, опубликованной в «Дер кампф» за январь 1918 года в качестве ответа на грандиозную волну забастовок за немедленное прекращение войны, Бауэр выступил в поддержку требования наций на самоопределение. Атака на реннеровскую программу «региональной автономии», заклеенную как символическое выражение «реформизма», приведшего к «расколу мирового интернационала и партии в целом»⁷⁵, несомненно, являла собой политический акт решающей важности. И есть возможность проследить теоретические предпосылки этого значительного явления, обратившись к книге по национальному вопросу, написанной Бауэром в 1907 году.

Отстаиваемая в этой книге теория трактует нацию с точки зрения «общности судеб», совокупности постоянно изменяющихся культурно-исторических особенностей, самобытных по отношению к государству (подобно тому как конкретная коллективная воля не может быть отождествлена с абстрактной политической волей). Если абстрагироваться от конвер-

⁷³ Требование, неоднократно выдвигавшееся (и практически реализовавшееся) Георгом Гауптом в его фундаментальных исследованиях. См., например: *G. Haupt. La II Internazionale*. Firenze, 1973.

⁷⁴ Статья называется «Австромарксизм» и была опубликована в «Арбайтер-цайтунг» 3 ноября 1927 года. Теперь ее можно найти в сборнике: *Austromarxismus, hrsg. von H. Sandkühler und R. De la Vega*. Frankfurt am Main—Wien, 1970, S. 49—52.

⁷⁵ О. Бауэр. Предпосылки Интернационала. — «Дер кампф», 1918, XI, с. 9.

гентного характера политического решения проблемы, эта теория существенно отличается от концепции Реннера, делавшего из нации, понимаемой как правосубъект, совершенно органический компонент плюралистического государства. Конвергентность практического решения национального вопроса в значительной степени способствовала отвлечению внимания от теоретического содержания концепции. В то время как Реннер посредством критики «атомистически-централистской», как он выражался, концепции Бауэра пришел к органистическому пониманию государства как динамического средоточия плюрализма нации⁷⁶, Бауэр избрал генетический подход, с помощью которого он рассматривал нацию вкупе со сложной системой классово-борьбы, сопровождающей развитие общественной формации. Отсюда его теория национальной вражды как «видоизмененной классово-вражды» и его знаменитое «пробуждение наций без истории»⁷⁷.

Другим элементом теории нации Бауэра, отличавшим ее от теории Реннера, является указание на тесную взаимосвязь между эпохой организованного капитализма, с ускоренным ростом картелей и трестов и изменением функции национальной проблемы, которая, не будучи разрешена буржуазией, становится одним из предпочтительных направлений и сфер борьбы рабочего класса. Отсюда понятно, почему Ленин взял под защиту Бауэра (а вместе с ним Экштейна и Паннекука) от критических выступлений Розы Люксембург⁷⁸. Несмотря на «неогармонистические» искажения теории Маркса (которые будут поставлены в вину бауэровской интерпретации схем воспроизводства в ходе дискуссии об империализме и накопления капитала⁷⁹), Бауэр независимо от Гобсона наметил канву анализа, возобновленного и углубленного три года спустя Гильфердингом в его работе «Финансовый капитал»⁸⁰. Если не считать искажений психологического типа, сурово осужденных Лениным в работе «О праве наций на самоопределение»⁸¹, то исследование Бауэра еще до начала войны давало ключ к отнюдь не плоскоэкономическому и узкоклассовому пониманию антиимпериалистической национально-освободительной борьбы, отложившейся на всей по-

⁷⁶ Об эволюции концепции Реннера от выхода книги «Государство и нация» (*K. Renner. Staat und Nation. Wien, 1899*) до начала войны см.: *A. Agnelli. Questione nazionale e socialismo. Bologna, 1969*, p. 50 ff.

⁷⁷ См.: *O. Bauer. Werkausgabe, Bd. I, S. 270 ff.*

⁷⁸ См.: *А. Коган. Социал-демократы и национальные конфликты в габсбургской монархии. — «Джорнэл оф модерн хистори», 1949, с. 210 и след.*

⁷⁹ Особенно резкой критике Бауэр подвергается в книге: *H. Grossman. Das Akkumulations- und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems. Leipzig, 1929.*

⁸⁰ *Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. — «Маркс-штудии», Вена, т. III, 1910.*

⁸¹ См.: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 255 и след.*

следующей мировой истории и обусловившей глубокую перестройку международных отношений. Поэтому в предисловии ко второму изданию книги, в 1924 году, Бауэр мог с полным основанием заявить: «Программа политического решения национального вопроса в Австро-Венгрии, предложенная мной в 1907 году, исторически исчерпана. Но мое историческое изложение генезиса и развития наций не потребовало исправлений в свете новых событий и исследований, оно лишь подтвердилось». «Пробуждение наций без истории», представленное им как «одно из наиболее важных явлений современного экономического и социального развития», действительно стало «одним из революционизирующих факторов нашей истории»⁸².

Таким образом, даже на этой первой стадии Бауэр не разделял энтузиазма по поводу «габсбургского мифа» многонационального государства как орудия гармонического разрешения конфликтов. Подобный энтузиазм надолго укоренился у Реннера, который в 1918 году полемизировал с Фридрихом Мейнеке, отождествлявшим политическую волю нации со «стремлением к созданию территориальных наций», то есть представлял национальное волеизъявление как стремление к государственности (*Wille zum Staat*), о котором позднее будет говорить Герман Геллер, отрицая принцип самоопределения наций как утопию 1848 года⁸³. Эти темы, на которых акцентируется внимание в относящейся к 1914 году работе Реннера «Нация как правовая идея и Интернационал»⁸⁴, дополняются темой, которой также уделялось немало внимания. Имеется в виду тема государства как инстанции «общего управления» обществом, которое все более расщепляется под воздействием «особых» классовых интересов. Против такой интерпретации послевоенных изменений в структуре и функционировании государства (центральная тема всей литературы военного периода (*Kriegsliteratur*), которая, начиная с Трёльча и Зомбарта и кончая Пленге и Шелером, становится предметом дискуссий последующих лет о демократии и кризисе парламентаризма) решительно выступали Макс Адлер и даже сам Каутский⁸⁵. Этот последний говорил даже о «военном марксизме»⁸⁶, ссылаясь на то положение

⁸² O. Bauer. Werkausgabe, Bd. I, S. 53.

⁸³ См.: J. Droz. L'Europe centrale. Evolution historique de l'idée de „Mitteleuropa“. Paris, 1960, p. 182—184.

⁸⁴ K. Renner. Die Nation als Rechtsidee und die Internationale. Wien, 1914. S. 10—12.

⁸⁵ См.: К. Реннер. О кризисе социализма. — «Дер кампф», IX, 1916, с. 87—97; М. Адлер. Пролетарская или буржуазная государственная идеология. — Там же, с. 129 и далее. О литературе военного времени см.: L. Kanfara. Intelletuali in Germania tra reazione e rivoluzione. Bari, 1979; L. Kanfara. Ideologie del classicismo. Torino, 1980.

⁸⁶ См.: К. Каутский. Военный марксизм. — «Маркс-штудиен», т. IV, Вена, 1918, с. 121 и след. См. также: М. Адлер. La concezione dello Stato nel marxismo. Bari, 1979, p. XXXI (предисловие Р. Рачинаро).

книги Реннера «Марксизм, война и Интернационал» (1917), где автор, доводя до логического завершения свою мысль, утверждает, что подлинное самоопределение (*Selbstbestimmung*), при котором осуществляется принцип «максимальной автаркии» и «гармоничного единства», может быть только государственным самоопределением.

Это утверждение становится понятным на фоне грандиозных трансформаций военного периода и найдет свое отражение в работах Реннера периода 20-х годов. В свете сказанного выше стремление «ввести в игру» классовую борьбу в эпоху организованного капитализма выражается в растущем антагонизме между экономикой, продолжающей служить интересам класса капиталистов, и государством, которое по мере возрастания своей роли в управлении обществом все более служит удовлетворению интересов пролетариата⁸⁷.

В работе «Национальный вопрос» (наряду с аналитическими выкладками, объясняющими дальнейший отход от этих позиций) мы находим ту же тему «общности судеб» австрийской и германской наций (*Österreichertum und Deutschtum*), лежащую в основе самой нашумевшей идеи Бауэра, с которой он выступил в конце войны, — идеи аншлюса. В основе этой идеи (за которую Бауэр упорно боролся в период своего непродолжительного руководства министерством иностранных дел) лежала не только надежда возродить мечту Бебеля о народно-демократической великогерманской республике (*Grossdeutsche Republic*), в результате создания которой должен был бы быть преодолен исторически возникший раздел немецкой нации между Габсбургами и Гогенцоллернами. Как уже неоднократно отмечалось, существовали также серьезные экономические причины, связанные с положением экономической зависимости, в которой оказалась небольшая Австрия на международном рынке, тогда как важнейшие индустриальные комплексы империи Габсбургов оказались, по существу, вне немецкоязычной территории, а большая часть сельскохозяйственной продукции поставлялась Венгрией. Кроме того, молодая республика унаследовала непомерно большой сектор услуг, выросший при поддержке крупного капитала Центральной Европы и ставший излишним и плохо поддающимся перестройке⁸⁸. Однако, помимо соображений чисто экономического характера, бауэровский проект аншлюса

⁸⁷ См.: K. Renner. *Marxismus, Krieg und Internationale*. Wien, 1917, S. 27.

⁸⁸ См. по этому вопросу, кроме еще не утратившей своего значения публикации К. Гулика (*C. Gulic. Austria from Habsburg to Hitler*, 2 vols. Berkeley—Los Angeles, 1948), также работу A. Low. *Die Anschlussbewegung in Österreich und Deutschland (1918—1919) und die Pariser Friedenskonferenz*. Wien, 1975; H. Haas. *Otto Bauer und der Anschluss*. — In: „Schriftenreihe des Ludwig Boltzmann Instituts für Geschichte der Arbeiterbewegung“, 9, Wien, 1978, S. 36—44.

имел, на наш взгляд, также серьезные политические мотивы. По всей вероятности, Бауэр надеялся посредством этой идеи прийти к созданию единой социал-демократической партии, в рамках которой слились бы германские социал-демократические рабочие массы со своими традициями и австрийская «марксистская интеллигенция» с ее глубокими теоретическими и политическими взглядами. Такое предположение как будто подкреплялось тем фактом, что внешнеполитический курс, настойчиво проводившийся Бауэром с ноября 1918 по май 1919 года, встретил сопротивление не только в кругах Антанты, но и со стороны умеренного социал-демократического правительства веймарской Германии. По архивным документам можно доподлинно восстановить, как на протяжении всего периода своего пребывания на посту главы ведомства иностранных дел он использовал любые возможные дипломатические средства в тщетной попытке убедить немецкое правительство в целесообразности аншлюса⁸⁹. Враждебность Шейдемана к проекту Бауэра симптоматична, поскольку проливает свет на сильное недоверие социал-демократического большинства к политике той части своих коллег, которая стала именовать себя (с отчетливо полемическим намерением) «австромарксистами». Последние, впрочем, начиная с военных лет не скрывали своей симпатии к независимым социал-демократам (в январе 1918 года на I съезде рабочих Советов Германии австрийская делегация, возглавляемая известным представителем левых Робертом Даннебергом, впоследствии развернувшим активную деятельность в администрации «красной Вены», блокировалась с делегацией НСДПГ). Равным образом они не скупились порой даже на резкую критику (как, например, со стороны Фридриха Адлера во время его самозащиты на процессе, а также в работах и выступлениях Макса Адлера и самого Бауэра тех лет) по адресу «большинства» СДПГ, возглавлявшего вместе с тем же Шейдеманом правительственную коалицию с католической партией центра и с демократической партией⁹⁰.

Как ни расценивать проект аншлюса, несомненно, что его провал произвел как раз то самое действие, которое пытался предотвратить своей политикой Бауэр. Социал-демократическая партия была вынуждена действовать в условиях драматической изоляции немецкой Австрии, усложнявшейся аномалией экономической ситуации столицы с ее наростами сектора услуг, у которого не было индустриального противовеса

⁸⁹ См.: *O. Bauer. Werkausgabe*, Bd. II, S. 187 ff. См. также: *C. Gulick. Op. cit.*, vol. II, p. 1364 ff.

⁹⁰ См.: *S. Miller. Das Ringen um „die einzige großdeutsche Republik“*. Sozialdemokratie in Österreich und im Deutschen Reich zur Anschlussfrage 1918—1919. — „Archiv für Socialgeschichte“, № 2, S. 1—67.

и который тем не менее оставался традиционным источником энергии рабочего блока, в абсолютном большинстве своем поддерживавшего политику партии⁹¹. Весь последующий опыт и теория австромарксизма обусловлены, таким образом, *ab initio*, с самого начала этими объективными границами. Исход событий начнет вырисовываться именно в тот момент, когда последствия аномалии «базиса» начнут сказываться на политике: благодаря умелой тактике христианско-социальной партии, возглавляемой Зайпелем, австрийская социал-демократия возьмет в свои руки бразды правления в столице, все больше отрывавшейся от остальной части страны, и постепенно окажется в окружении консервативной (впоследствии открыто реакционной) оппозиции, опирающейся на сельское население и мелкую буржуазию.

Как это ни парадоксально, грядущее поражение социал-демократии оказалось прямо обусловлено ее успехами в управлении столицей и дало себя знать именно в тот момент, когда опыт руководства «красной Вены» стал, по словам Поланьи, «одним из наиболее эффектных культурных триумфов в истории Запада»⁹². Но к краху политики аншлюса привела не только изоляция Вены со всеми ее трагическими последствиями. На деле немаловажную роль сыграли также две побочные причины чисто политического характера: провал плана социализации и поражение плана воссоединения международного рабочего движения, с которым выступили участники «2½ Интернационала».

В большей части критики австромарксизма «слева», где непременно (возможно, помимо намерений авторов критических суждений) фигурирует мифическая «упущенная возможность», по-видимому, совершенно не учитывается тот факт, что слабая сторона социал-демократии проявилась именно в ее отношениях с государством, в негодности ее конъюнктурного анализа, а следовательно, средств и методов предлагаемого ею институционально-экономического вмешательства. Речь идет о критике австромарксизма сторонниками политики III Интернационала вплоть до самых последних историографических исследований троцкистского направления, согласно которым главная причина поражения австрийского рабочего движения в 1934 году заключается в «опportunистическом отказе» Бауэра от диктатуры пролетариата или от «советской альтернативы»⁹³. Символичным выражением апорий иного характера, но не менее серьезных, чем у

⁹¹ См.: *R. Danneberg. Das neue Wien. Wien, 1930.*

⁹² *K. Polanyi. Speenhamland e Vienna. — In: La Grande trasformazione (1944), Torino, 1974, p. 359.*

⁹³ Наиболее свежие примеры см. в статье Р. Лува «Политика австромарксизма». — «Нью лефт ревю», ноябрь—декабрь 1979 года, а также в книге: *P. Kulemann. Am Beispiel des Austromarxismus. Hamburg, 1979.*

веймарской СДПГ⁹⁴, с которыми столкнулась при решении ряда проблем австрийская социал-демократия в период поначалу успешного ее опыта — ввиду ее преимущества в соотношении сил — в коалиционном правительстве, явился бауэровский план социализации. В начале 1919 года план был опубликован в брошюре под заглавием «Путь к социализму»⁹⁵ и составил ту главную платформу, вокруг которой развернулись работа и дискуссия в государственной комиссии по социализации (Staatskommission für Sozialisierung) под председательством Бауэра. Этот план строился на идее социализации, которая понималась как перераспределение собственности и равномерная централизованная экспроприация, основанная на системе налогообложения. Подобное понимание социализации обладало преимуществом, поскольку процесс огосударствления рассматривался как политически ориентированное и потому ускоренное завершение уже идущего процесса организации производства и воспроизводства в направлении вытеснения индивидуального предпринимателя и превращения его в рантье. В этом отношении оно шло вразрез с распространенным марксистским истолкованием капиталистической экономики как безоговорочно «иррациональной» и «анархической» и по отдельным пунктам совпадало с положениями такого крупного буржуазного специалиста того времени, как Йозеф А. Шумпетер⁹⁶ (который в эти месяцы сотрудничал с Бауэром в коалиционном правительстве в качестве министра финансов). Вместе с тем такая постановка вопроса не шла дальше смешанной модели, выдвигавшейся и другими теоретиками социализации того периода (Корш, тот же Макс Адлер⁹⁷) и предполагавшей взаимную компенсацию путем планирования сверху и контроля снизу, осуществляемого советами производителей и представителями потребителей. Серьезная ограниченность такой модели заключалась почти в полной ее практической неэффективности. На деле она по существу сводилась к проекту создания смешанных комиссий, представлявших все возможные интересы — от общих вопросов (решение которых возлагалось на органы государства и его представительные институты) до защиты интересов рабочих и служащих предприятий (интересы

⁹⁴ См.: *G. Rusconi. La crisi di Weimar. Crisi di sistema e sconfitta operaia. Torino, 1977.*

⁹⁵ См.: *O. Bauer. Der Weg zum Socialismus. — In: O. Bauer. Werk-ausgabe, Bd. II. О начальном периоде работы комиссии по социализации см. речь О. Бауэра на 9-м заседании Учредительного собрания (Stenographisches Protokoll der 9. Sitzung des Konstituierenden National-versammlung vom 24. April 1919, S. 208 ff. См. также: Weissel. L'Internationale socialista e il dibattito sulla socializzazione, p. 193 ff.*

⁹⁶ См.: *G. Marramao. Il politico e le trasformazioni. Bari, 1979, p. 23 ff.*

⁹⁷ См.: *M. Adler. Demokratie und Räte-system, Wien, 1919; K. Korsch. Schriften zur Sozialisierung 1919—1920. Frankfurt am Main — Wien, 1968.*

которых отстаивали профсоюзы), а также потребителей (защита интересов которых возлагалась на потребительские кооперативы), — но не решавших основной проблемы, связанной с финансированием проектов экспроприации промышленных предприятий и муниципализации строительства⁹⁸.

Ограниченность этого проекта заключалась в его недостаточной оперативности, что полемически подчеркивал Шумпетер⁹⁹, обвиняя социал-демократию в излишней робости и недостаточном радикализме из-за ее неспособности к рационально-техническому решению проблемы социализации и из-за стремления во что бы то ни стало присовокупить к вопросу о демократии «ценностное содержание». Сам Бауэр несколько лет спустя, ретроспективно подводя итог этого опыта, вынужден был признать, что даже буржуазные эксперты из государственной комиссии по социализации — такие, как Грюнберг и Швидланд, — «нередко критиковали социал-демократию за серьезные колебания и робость в ходе решения крупных проблем»¹⁰⁰.

Практические последствия неосуществленного проекта не замедлили сказаться: социал-демократии не удалось национализировать ни «Альпине-Монтангезельшафт» (крупнейшее предприятие австрийской горнодобывающей промышленности), ни угольную промышленность, ни строительство, и, таким образом, закон об экспроприации предприятий от 30 мая 1919 года остался на бумаге.

С выходом социал-демократии из коалиционного правительства проект социализации был отброшен венской администрацией, которая сосредоточила свое внимание на секторе услуг и тех институтах, на которые распространялись непосредственные интересы рабочего класса. Отход из центральных институтов государства на уровень столичного муниципалитета нельзя рассматривать лишь как неожиданный результат действия объективных законов, — его надлежит оценивать и как следствие определенного выбора. После падения коалиционного правительства Шумпетер стал ориентироваться на постепенное преодоление аномалии «проблемы Вены» путем все более интенсивной децентрализации структуры финансовых институтов и сектора услуг с целью устранения очевидной диспропорции между Веной и остальной страной, считая эти меры «единственной задачей австрийской политики, которую следует рассматривать всерьез и перед

⁹⁸ См.: O. Bauer. Der Weg zum Socialismus. — In: O. Bauer. Werkausgabe, Bd. II, S. 18 ff.; K. Leichter. Erfahrungen des österreichischen Sozialisierungsversuchs. — In: Festgabe zum 70. Geburtstage von Karl Kautsky. Jena, 1924, S. 195 ff.

⁹⁹ См.: J. Schumpeter. Aufsätze zur ökonomischen Theorie. Tübingen, 1952, S. 455 ff.

¹⁰⁰ O. Bauer. Werkausgabe, Bd. II, S. 489.

которой... любая другая задача отступает на второй план»¹⁰¹. Но австрийская социал-демократия избрала путь, прямо противоположный данному весьма реалистичному и дальновидному указанию, взявшись за превращение Вены в образцовый город, символизирующий качественно новое отношение к труду, а также новые общественные отношения, основанные на бауэровском «плане социализации». В результате курса на изоляцию и культурное обособление столицы — равно как и благодаря, в частности, широкой автономии, предоставленной ее ландрату конституцией 1920 года (в составлении которой заметное участие принял Ганс Кельзен), — политика австромарксизма оказалась перед лицом очевидного парадокса: при всей внешней внушительности анахронистичного плана по сглаживанию специфических черт Вены путем трансформации столицы в крупный механизм филантропии и воспитания эти меры, по существу, были направлены на сохранение и узаконение в общем-то статичной капиталистической экономики¹⁰².

4. От «большой Вены» к «красной Вене»: демократия как «состояние равновесия» и парадоксы «народной республики»

Обрисованная обстановка и вся тогдашняя деятельность «2½ Интернационала»¹⁰³ — вот те опорные точки анализа, способного избежать противоположной опасности — предвзятого перечеркивания теории и практики австромарксизма ввиду его «реформистской» сути, приправленной «революционной фразеологией» и столь же рафинированной, сколь и мистифицированной культурной отсталостью. Такой анализ позволит вместе с тем избежать риска его апологетической переоценки и осовременивания австромарксизма¹⁰⁴. Эта критическая оговорка вызвана — помимо прочих причин — недавними хорошо документированными работами Клауса Нови и Петера Горзена по социальной и культурной политике застройки «красной Вены»¹⁰⁵. Оба автора, отдавая справедли-

¹⁰¹ J. Schumpeter. *Socialistische Möglichkeiten von heute*. — „Archiv für Sozialwissenschaft und Socialpolitik“, Bd. XLVIII, 1920—1921, S. 305 ff.

¹⁰² См.: C. Gulick. *Op. cit.*, p. 407 ff. О «красной Вене» см.: M. Tafuri. *Австромарксизм и город. Красная Вена*. — «Контрольно», 1971, № 2, и особенно: M. Tafuri. „Das rote Wien“. *Politica e forma della residenza nella Vienna socialista 1919—1933*. — In: „Vienna rossa“. Milano, 1980.

¹⁰³ О трактовке данной темы см.: G. Marramao. *Austromarxismo e socialismo di sinistra fra le due guerre*, Milano, 1977, p. 58 ff.

¹⁰⁴ Тонкий и беспристрастный анализ возрождения австромарксизма см. в статье Франца Марека незадолго до его смерти. Опубликовано под заголовком: F. Marek. *Renaissance des Austromarxismus*. — In: „Der Kreidenkreis“, Bozen, 1979, S. 2—8.

¹⁰⁵ См.: K. Novy. *Sozialisierung von unten. Überlegungen zur vergessenen Gemeinwirtschaftsbewegung im „roten Wien“ 1918 bis 1934*, Aachen,

вую дань оригинальному опыту австромарксизма, слишком уж переоценивают нынешнюю актуальность этой «внеисторической» модели или напрямик указывают на нее как на предвосхищение современной политики и опыта администрирования¹⁰⁶. Согласно Горзену, политика застройки «красной Вены» явилась результатом выбора некоего «третьего пути», в чем и состоит нынешняя актуальность и поучительность австромарксизма. Это был своего рода третий путь развития архитектуры и строительства: нечто среднее между модернизмом и традиционностью, монотонностью и экспрессивностью, «новой деловитостью» (*neue Sachlichkritik*) и орнаментализмом¹⁰⁷. Архитектоническое решение застройки «красной Вены» в отличие от функционалистского авангардизма Ле Корбюзье, Гропиуса и Немецкого союза строителей, в отличие от основательности Лооса, увязываемой с психологией средних слоев, имело то преимущество, что оно приспособлялось к реальному процессу борьбы форм сознания, вызванной модернизацией, и к сложности социализации рабочих, если учитывать общинные корни «среднего сословия», во всем своем эклектизме и непоследовательности это решение отражало как раз ту самую «синхронность асинхронного», о которой так настойчиво говорили Блох и Кракауэр¹⁰⁸. Архитектура «красной Вены» как выражение противоречивости старого и нового, коллективной ностальгии по орнаменту и стремления к новизне и простоте, архитектура «красной Вены», не понятая, не признанная как буржуазными, так и советскими критиками, является, по Горзену, более реалистичной, более конкретной, более подходящей для эпохи «классового сознания» и, наконец, «более гуманной», нежели рационализм функционализма, который на основе классического механизма замещения предполагает заведомую устарелость «доиндустриальных» форм социализации и жизни¹⁰⁹.

В этом весь Горзен. Нет сомнения, что его интерпретация убедительна с точки зрения правильного понимания наиболее важных и часто упускаемых из виду точек пересечения различных уровней политики австромарксизма. При ближайшем рассмотрении этой интерпретации, однако, иногда поражает наличие очевидных противоречий, свойственных так-

1978; P. Gorsen. Zur Dialektik des Funktionalismus von heute. Das Beispiel des kommunalen Wohnungsbaus im Wien der zwanziger Jahre. — In: Stichworte zur „Geistigen Situation der Zeit“, Bd. II: „Politik und Kultur“, hrsg. v. J. Habermas, S. 688—705.

¹⁰⁶ См.: К. Нови. Народные жилища-дворцы в красной Вене. — «Штадт-ревью Кёльн», 1977, № 2, с. 38.

¹⁰⁷ См.: P. Gorsen. Op. cit., S. 690.

¹⁰⁸ См.: E. Bloch. Gesamtausgabe, Bd. IV, Frankfurt am Main, 1962; S. Kracauer. Schriften, Bd. I, Frankfurt am Main, 1971.

¹⁰⁹ P. Gorsen. Op. cit., S. 701—702.

же и другим — часто надуманного и «синтетического» характера — реконструкциям венского эксперимента. Мало того, что замалчивается само по себе весьма важное обстоятельство — значительные трудности, которые встретила политика австрийской социал-демократии со стороны средних слоев,—данное толкование содержит слабое обоснование поражения политики социал-демократии и сводит его то к непреодолимым препятствиям объективного характера, то к исключительно субъективным «ошибкам». Разговор о третьем пути австромарксизма в период между двумя мировыми войнами, однако, имеет смысл лишь при желании пролить свет на идейно-политическое наследие, оставленное в тени двумя самыми влиятельными течениями в рабочем движении. Под этим углом зрения опоздание, с которым начато непредвзятое изучение австромарксизма, несомненно, указывает на сохраняющиеся важные неосвещенные и неосвоенные темы как в коммунистическом, так и в социал-демократическом лагере. Употребление этих выражений вместе с тем обусловлено необходимостью исследовать исторически опробованный и трагически провалившийся эксперимент. Этот опыт, таким образом, совершенно определенно свидетельствует о существовании целого ряда нерешенных проблем, отнюдь не предвосхищая возможности их готового «решения». Именно ввиду такой противоречивости имеет смысл взяться за исследование всей сложной сети взаимозависимостей, всей густой паутины взаимных влияний, существующих между политической теорией австромарксизма и культурной средой «большой Вены» в момент ее превращения в «красную Вену».

Австромарксистские дискуссии 20-х годов не обходят вопроса о культуре «большой Вены». Вокруг этого вопроса завязывается интенсивный диалог, который приобретает особое значение именно в плане политической теории. В противоположность тогдашнему мнению Августа Тальгеймера¹¹⁰ этот период не был отмечен «распадом австромарксизма» — наоборот, это было время интенсивного его развития по проблемам государства и демократии, время наиболее широкого влияния австромарксизма в среде европейского рабочего движения.

Не менее ошибочным оказалось и предположение Карла Радека, сформулированное им в 1921 году в «Теории и практике 2½ Интернационала». В этой острой и беспощадной полемической работе Радек попытался объяснить «венский вариант» с помощью классической схемы «рабочей аристократии». Поэтому Бауэра он назвал «учеником Каутского и — наряду с Рудольфом Гильфердингом — крупнейшим предста-

¹¹⁰ См.: А. Тальгеймер. Распад австромарксизма. — «Под знаменем марксизма», I, 1925—1926, с. 474—557; II, 1928, с. 76—83.

вителем каутскианства»¹¹¹. Радек, правда, признал — в отличие от последующих официальных выступлений Коминтерна — «неконтрреволюционный» характер руководителей рабочего сообщества и в отличие от деятелей II Интернационала — подлинность идейного содержания австромарксизма. Но именно в тот момент, когда Радек обнаружил, как ему показалось, «наиболее слабое» место австромарксизма — в отказе от ведения пропаганды в пользу «неизбежной революционной борьбы»¹¹², он невольно продемонстрировал противоречивость понимания III Интернационалом революционного процесса как быстрого завершения тенденции кризиса капитализма и неизбежного, почти автоматического перехода рабочего класса от частичных требований к прямому столкновению. Все это подрывало его концепцию «единого фронта», содержащуюся в тезисах о тактике, одобренных IV конгрессом Коминтерна 5 декабря 1922 года¹¹³.

Исходя из прямо противоположного тезиса, в соответствии с которым в кризисе выявляются черты нового устройства экономики и власти в капиталистическом обществе, Бауэр вслед за падением коалиционного правительства и изменением соотношения сил в результате избирательной кампании 1920 года (христианско-социальная партия вышла на первое место с 82 местами в парламенте против 66 у социал-демократов) предпринял комплексный анализ «австрийской революции».

Принципиальному пересмотру подверглась теория «социальных факторов власти» в работе «Большевизм или социал-демократия?»¹¹⁴. Как указывалось выше, в этой работе Бауэр (хотя еще и в весьма туманной и неконкретной форме) наметил канву для выработки политической линии, проходящей посередине между каутскианской ипостасью демократии и «советской моделью» Ленина. Заключение, к которому он приходит, следуя этой канве, лишь чисто внешне созвучно линии Каутского. В сущности, аргументация Бауэра сильно тяготеет к странам Западной Европы и потому не противоречит утверждению о существовании множества путей, ведущих к социализму. Уже в следующем году Бауэр будет утверждать, что примеры преобразования капиталистической экономики европейского Запада подтверждают мысль о невозможности успешно следовать по пути революционных преобразований в форме насильственного прерыва постепенно-

¹¹¹ K. Radek. Theorie und Praxis der 2 1/2 Internationale. Hamburg, 1921, S. 4.

¹¹² Ibid., S. 46.

¹¹³ Тезисы IV конгресса по вопросу о тактике см. в публикации: A. Agosti. La Terza Internazionale. Storia documentaria. Roma, 1974, vol. 1, 2, p. 644.

I, 2, p. 644.

¹¹⁴ См.: G. Marramao. Austromarxismo e socialismo..., p. 219 ff.

сти. Подлинная революционность состоит для этих стран, по Бауэру, в сохранении преемственности производственного и государственного аппарата при переходе к новому социально-экономическому порядку. В противном случае существует риск обречь себя на ответные удары реакции (как учит трагический эпилог авантюризма советских республик в Венгрии и Баварии).

Ход и результаты бауэровского анализа нередко совпадают с линией исследований Гильфердинга об особенностях «организованного капитализма», теоретические корни которых следует также искать в антимеханицизме и в тенденции к антиэкономизму, с чьей помощью довоенный австромарксизм решал проблему соотношения между капиталистическим развитием и политикой рабочего движения. Однако, как станет очевидным в дальнейшем, Бауэр облек политико-институциональные моменты совершенно иными функциями, о чем свидетельствовало его отношение к проблеме социальных преобразований. Отказ от «чисто» советских моделей, характерных для радикального утопизма (*radikaler Utopismus*), представленного Доймигом и Мюллером в Германии и Гортером в Голландии, мотивировался тем, что диктатура Советов, одним ударом уничтожившая возможность капиталистического управления предприятием, повлекла за собой анархию во всех отраслях производства, которую потом надо было устранять (ввиду не только противодействий и нарушений, вызванных ею в структуре технико-организационных взаимосвязей и разделения труда между различными секторами экономики, но и порожденных ею же центробежных эффектов в социальной субординации) с помощью государственной власти, которая в свою очередь стала в конце концов неконтролируемой и неизбежно принудительной.

Следовательно, подлинная революция в странах капитализма с высоким уровнем «рационализации» может произойти лишь при условии строгого соблюдения преемственности общественного процесса производства и товарообмена. Лишь при условии, если революция не отдаст свою судьбу на откуп мифическому «рабочему контролю» или резкому всеобщему огосударствлению, она способна будет встать на путь «систематического, планового преобразования», при котором постепенная экспроприация будет проводиться прежде всего в ключевых секторах производства и торговли. Сужение и устранение функций частного предпринимателя будут происходить во взаимосвязи с уже существующими условиями развития.

Адекватной политической формой такого процесса — в условиях которого классовая борьба промышленного пролетариата развертывается на фоне социального расслоения, усложняемого растущей ролью таких посредников, как менед-

жеры (Wirtschaftsführer), инженерно-технический персонал, служащие, «рабочая интеллигенция», — является демократия. Для обоснования взаимосвязи между демократической формой революционного процесса и уравновешенной рационализацией Бауэр ввел понятие «*социальных факторов власти*» определенного класса, формально неравнозначное понятию «*материальных орудий власти*», хотя оба эти понятия и дополняют друг друга. Причем сущность первых заключается в численной и организационной силе класса, в обладании средствами экономического воздействия, в силе его идеологии и культурных традиций, притягательной не только для представителей данного класса, но и для других классов, тогда как сущность вторых представляют материальная сила (или количественный и качественный боевой потенциал) и военная организация класса. Демократия — это такая форма правления, при которой функции государства определяются исключительно социальными факторами власти без какого-либо вмешательства материальных орудий власти, нарушающих такое равновесие. Таким образом, в демократическом государстве «общая воля» представлена как естественный результат воздействия совокупности социальных факторов власти.

Однако вскоре Бауэр обнаружил противоречия и несоответствия в своей теории социальных факторов власти, которая была подвергнута резкой критике Лениным на II конгрессе Коминтерна¹¹⁵. С одной стороны, эта теория в трактовке демократии преодолевала чисто юридическую ограниченность последней и согласовывала ее с динамикой процесса социализации и со всей совокупностью классовых отношений. С другой же стороны, она вела к недооценке специфически политико-институциональной тенденции этой динамики, которая рассматривалась в отрыве от момента консенсуса, придавая последнему огромный, если не исключительный вес (о чем свидетельствует преувеличение «социализирующей» роли интеллигенции как создателя «общественного мнения»).

Серьезный пересмотр этого тезиса Бауэром нашел свое завершение в его книге об австрийской революции, написанной в 1923 году. Вопрос об отношении «социального» и «политического», который в работе «Большевизм или социал-демократия?» был тенденциозно заострен или выпрямлен, в новой книге был подвергнут сомнению. Акцент был теперь сделан на процессе демократического преобразования и его возможном итоге. Большая часть критиков австромарксизма сосредоточивает свое внимание на понятии «народное

¹¹⁵ См. об этом в статье: Г. Штайнер. На примере Отто Бауэра. Октябрьская революция и австромарксизм. — «Вег унд циль», июль 1967 года.

государство» (которое Бауэр относил на счет Австрийской республики), интерпретируя комплекс тезисов, отстаиваемых в работе «Австрийская революция», как символическое выражение слепого «демократического оптимизма», свойственного всей социал-демократии и приведшего к трагическому поражению рабочего класса в Австрии и веймарской Германии. В действительности же эти критики, вырывая те или иные формулировки из контекста бауэровского анализа, просто-напросто игнорируют отдельные этапы развития австромарксистской дискуссии или упускают из виду то содержание, которым наполнялись такие понятия, как народное государство (Volkstaat) и народная республика (Volksrepublik), в ходе дискуссии того периода — дискуссии, в которой участвовали как интеллектуалы-марксисты, так и ученые-обществоведы других направлений.

Понятие народной республики ставилось Бауэром в прямо пропорциональную зависимость от равновесия классовых сил. Данная взаимосвязь анализировалась им на далеко не оптимистическом фоне: теоретическая перспектива лишь с большой натяжкой могла быть отделена от политических итогов развития социал-демократии в первые годы республики. Выражение «период равновесия классовых сил» относилось к истории Австрии 1919—1922 годов, то есть к отрезку времени от создания коалиционного правительства до подписания Жевневских протоколов. В этот период все более обострялось контрнаступление буржуазии на позиции самоуправляемой демократии, основанной рабочим классом в 1918—1919 годах. Но в этом историческом соотношении понятия состояния равновесия (Gleichgewichtszustand) как раз и заключается отличительная черта бауэровской проблематики, связанной с прежними и современными ему формулировками этого понятия в среде марксистов¹¹⁶.

Согласно трактовке, содержащейся в книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», состояние равновесия относится к историческому периоду зарождения абсолютной монархии, который характеризуется симбиозом феодальных и буржуазных производственных отношений. То есть равновесие здесь представлено как равновесие между буржуазией и традиционно господствующими сословиями. Эта концепция фигурирует также в историко-политических работах Маркса, где он указывает на ту ситуацию застоя классовой борьбы, в обстановке которой возникает феномен бонапартизма. Но если в обоих предыдущих исторических примерах государство обособляется в качестве независимой власти (selbständige Macht), подминающей под

¹¹⁶ См.: O. Bauer. Die österreichische Revolution. — In: O. Bauer. Werkausgabe, Bd. II, S. 196 ff.

себя все классы, то в специфической обстановке австрийской демократии классы, как утверждал Бауэр, по существу, стоят перед «необходимостью поделиться друг с другом государственной властью»¹¹⁷. Принципиально новое содержание, вкладываемое Бауэром в это понятие, по сравнению с первоначальным его истолкованием у Маркса и Энгельса заключалось в его применении к политической эволюции, ускоренной в результате войны и нарушившей традиционную структуру государства, что привело к участию рабочих партий в коалиционных правительствах.

Не составляет труда обнаружить те связующие звенья, в том числе и терминологические, которые роднят развитие теоретических размышлений Бауэра с новыми позициями других представителей социал-демократической интеллигенции. Отрыв их от контекста означает неизбежную путаницу существенно отличающихся друг от друга понятий. Ведь и Каутский в эти годы также обосновывал свой тезис о неизбежности коалиционного правительства «состоянием равновесия»¹¹⁸. Однако, в то время как у последнего «состояние равновесия» охватывало целый исторический период перехода к «государству будущего» (*Zukunftsstaat*), полностью замещая таким образом «диктатуру пролетариата», у Бауэра это понятие характеризовало внутренне противоречивый, лишенный стабильности и кратковременный период, чреватый драматическими последствиями. Именно в этом смысле следует понимать мысль Бауэра о прямо пропорциональной зависимости между понятиями «равновесия» и «народной республики» (под которой подразумевается не окончательный вариант счастливого государства, отражающий «мелкобуржуазные иллюзии» относительно исчезновения конфликтов, а, скорее, динамическое искомое в лице послереволюционного австрийского государства, не являющегося «ни средством господства класса буржуазии над пролетариатом, ни средством господства пролетариата над буржуазией»¹¹⁹).

Соразмерно тому, как политическая теория предполагала констатацию абсолютной новизны институциональной фазы развития, начавшейся в результате роста политической сознательности рабочего движения, нить бауэровских размышлений неизбежно переплеталась с тематикой большой социальной и политической науки, которая начиная с военных лет приступила к переоценке понятия «демократии» в свете трансформаций, происходивших в сфере государства и права. И именно Ганс Кельзен в очерке, посвященном «политическим

¹¹⁷ Ibid., S. 243—244.

¹¹⁸ См.: *K. Kautsky. Die proletarische Revolution und ihr Programm.* Berlin, 1922, S. 105—106.

¹¹⁹ *O. Bauer. Die österreichische Revolution*, S. 244.

теориям Отто Бауэра»¹²⁰ и опубликованном на страницах журнала «Дер кампф», обнаружил подводные течения в сторону «ревизии» понятия «равновесия классовых сил» применительно к Австрийской республике периода 1919—1922 годов. Возвращаясь к своим тезисам, выдвинутым четырьмя годами ранее в книге «Социализм и государство»¹²¹, против которой остро полемизировал Макс Адлер в работе «Марксистская концепция государства»¹²², Кельзен (отчасти уточняя и развивая свою позицию) предъявил Бауэру два обвинения: во-первых, существенный отход от «концепции Маркса и Энгельса о сущности, зарождении и упадке государства» (Маркс и Энгельс усматривали в последнем «специфическое орудие борьбы классов», которое отомрет по мере углубления коллективных начал и ликвидации классовых противоречий); во-вторых, опровержение собственной плодотворной и серьезной критики в результате апелляции к идеологии «конечной цели» путем фетишизирования химерического «государства будущего» с полной гегемонией рабочего класса¹²³. Идея демократического государства как «народной республики», как «бесклассового» государства, возражал Кельзен, не имеет ничего общего с теорией Маркса и Энгельса, согласно которой народное единство не что иное, как обманный маневр буржуазии¹²⁴. Более того, обосновывая свой анализ на соотношении сил и, следовательно, полагаясь на количественную сторону «прогресса», связанную с завоеваниями класса трудящихся, Бауэр логически должен был допустить, что раскол произошел не столько в результате краха габсбургской империи и установления республики, сколько «в результате длительного процесса усиления позиций пролетариата, начавшегося задолго до войны»¹²⁵. Если рабочему классу удалось добиться сплочения сил еще до 1918 года благодаря фундаментальной реформе, в результате которой было введено всеобщее избирательное право, то это означало лишь количественное, а отнюдь не качественное отличие «послереволюционного» государства от «дореволюционного». Следовательно, «это государство лишь на одну ступень будет отличаться от той социальной формы (soziales Gebilde) будущего, которая соответствует социалистическому идеалу, и эта ступень может быть преодолена путем решительной реформы, а не обязательно в результате революционного перелома»¹²⁶. «Классическому» революционному марксизму (закон-

¹²⁰ Г. Кельзен. Политические теории Отто Бауэра. — «Дер кампф», XVII. 1924, с. 50 и след.

¹²¹ H. Kelsen. Sozialismus und Staat. Leipzig, 1920.

¹²² См.: «Маркс-штудиен», Вена, IV, 1922, № 2.

¹²³ См.: Г. Кельзен. Политические теории Отто Бауэра, с. 56.

¹²⁴ Там же, с. 51.

¹²⁵ Там же, с. 55.

¹²⁶ Там же.

ными душеприказчиками которого были, по мнению Кельзена, большевизм и его сторонники в среде австрийской социал-демократии, такие, как Макс Адлер¹²⁷) Кельзен противопоставил принцип различия между возможностью и необходимостью. Последнюю он связал с еще в достаточной мере мифологически-идеологическим взглядом на современную историю, согласно которому «существуют принципиальные, качественные различия там, где в действительности существуют лишь количественные различия»¹²⁸, тогда как первую ассоциировал с более точным динамическим воззрением на социальный феномен, который благодаря этому действительно становится открытым для активной и сознательной реформистской деятельности.

Таким образом, Кельзен пытался рассматривать новое направление деятельности австрийской социал-демократии — при всех его противоречиях — как очевидную тенденцию к преодолению старой марксистской политической доктрины. Он не колеблясь определял эту доктрину как «анархическую теорию», свойственную «пока еще узкой оппозиции, не имеющей какого-либо влияния на государственное управление и ведущей свою борьбу с государством вообще» и означавшую «поворот от Маркса к Лассалю» посредством многозначительного признания, что «это государство может быть и, более того, есть *«его»* государство»¹²⁹. В соответствии со своей — во многом дальновидной — критикой того, что он считал нелепым пережитком, относимым к элементарному практически-идеологическому требованию не рвать пуповину, соединяющую современность с традицией, Кельзен ставил себе целью проведение четкой грани между рассуждениями Бауэра и «проленинским» философским радикализмом Макса Адлера. Это ясно из его работы «Маркс и Лассаль. Изменения в политической теории марксизма»¹³⁰, которая порой дословно воспроизводит мотивы его работы о Бауэре. В результате Кельзен четко отделил развитие идей Бауэра от философского «проленинского» радикализма Макса Адлера, связав его с позициями Кунова, Гильфердинга и Реннера, которые констатировали конец целой исторической фазы и приступили к последовательной, «конструктивной» переработке марксистской доктрины государства и права. По мнению Кельзена, Генрих Кунов (которого он считал «одним из лучших теоретиков марксизма») в своей опубликованной в 1920 году книге «Марксова теория истории, общества и государства» «покончил с политической теорией Маркса — Энгельса» и,

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ H. Kelsen. Marx und Lassale. Wandlungen in der politischen Theorie des Marxismus. Leipzig, 1924.

оставив позади «полную полуутопическую, полуанархистскую революционности гипотезу о разрушении и отмирании государства», приступил к разговору о «новом государстве», «экономически и административно социалистическом»¹³¹. Однако наиболее содержательную историческую мотивацию «поворота марксистской политической теории от анархизма к наиболее энергичному проявлению приверженности методам огосударствления» следует усматривать в программной работе «Проблемы времени», которой Рудольф Гильфердинг открыл в 1924 году свой журнал «Ди гезельшафт» (заменивший «Нойе цайт»). Кельзен нашел в суждениях Гильфердинга следующее важное теоретическое положение: «В своей работе Гильфердинг указывает на изменившееся отношение рабочего движения и социализма к государству. Уже нет необходимости отрицать государство, но есть необходимость исследовать его в интересах рабочего класса. Весьма поучительно и справедливо то обоснование, которое он дает этому повороту. С его точки зрения, негативное отношение марксизма к государству до революции объясняется двумя следующими обстоятельствами: отрицанием государства, лишавшего пролетариат решающего с политической точки зрения права голоса, участия в формировании всеобщей воли и теорией господствующего класса, отождествлявшей конкретно-историческое государство с государством вообще»¹³².

Обращение к суждениям Гильфердинга, несомненно, достигло своей цели. Особенно если учесть, что за тем значением, которое придается институциональному формализму в структуре концепции «организованного капитализма», обнаруживается та идея «активной стороны» как «контртенденции» и релятивизации «законов исторической необходимости», которая была в начале века оригинальным вкладом австрийской социал-демократии в дискуссию о ревизионизме. (Начиная со статьи 1915 года в «Дер кампф», где впервые введена концепция «организованного капитализма», эта последняя в дальнейшем излагалась Гильфердингом несколько раз: в общих чертах в ходе стратегических дебатов на Гейдельбергском съезде и в законченном виде два года спустя на Кильском съезде¹³³.)

В свете всего сказанного не приходится удивляться, что в чисто эволюционистском по содержанию докладе Гильфер-

¹³¹ Ibidem.

¹³² Ibid., p. 216.

¹³³ О развитии теории «организованного капитализма» у Гильфердинга см. особенно: W. Gottschalch. Strukturveränderungen der Gesellschaft und politisches Handeln in der Lehre von Rudolf Hilferding. West-Berlin, 1962, S. 189 ff. Кроме того, см.: H. Winkler. Einleitende Bemerkungen zu Hilferdings Theorie des Organisierten Kapitalismus. — In: „Organisierter Kapitalismus“, Göttingen, 1974, S. 9—18; G. Rusconi. Op. cit. См. также статью Э. Альтфатера в настоящей публикации.

динга на съезде в Киле утверждался активистский характер марксизма. Характерной чертой Гильфердинга как политика в послевоенное время являлось его указание на факт рабочего движения в преобразовании внутренней динамики системы капитализма и в пробуждении в ней «революционных тенденций». Выступление широких организованных масс решительно меняло всю логику развития, представляя собой качественно новое явление. В результате этого происходил, однако, отнюдь не революционный перелом (когда «классовое сознание», в котором воплощается «объективный закон», ускоряет предсказанную катастрофу), а неуклонное совершенствование адаптационных возможностей механизмов капиталистической системы. Организованное и «активное» присутствие рабочего класса поворачивает вспять тенденцию к обнищанию и приводит в движение модернизаторские способности капитала, а само рабочее движение добивается значительных успехов в сфере заработной платы и законодательства. Данная внутренняя трансформация в динамике капитализма не может не отразиться на политико-институциональных формах, теряющих в ходе этой трансформации свою расплывчатость и неэластичность. Это снимает прежде всего коренное идеологическое положение марксизма о различии между базисом и надстройкой. «При республиканской форме правления,—утверждал Гильфердинг на II конгрессе Социалистического интернационала,—надстройка по-настоящему испытывает влияние власти, классовой сознательности и организационной силы пролетариата»¹³⁴.

Социал-демократический неомарксизм 20-х годов, как и Кельзен, увидели новый подход в переходе от «необходимости» к «возможности», иными словами, достижение конечной цели (Endziel) — осуществление социалистической перспективы — отнюдь не гарантировано какой-либо необходимостью, оно лишь возможно. С приходом организованного капитализма (в результате возникновения картелей и государственной регламентации отношений между капиталом и наемным трудом) «закономерность» («Gesetzmässigkeit») экономического развития порождает объективные предпосылки для появления у рабочего движения политических шансов (в веберовском смысле). Социалистические преобразования (которые трактуются у Гильфердинга как целостное, гармоничное и непротиворечивое планирование) уже не могут быть гарантированы «законами социального свойства», чтобы стать предметом осуществления сознательного плана. В основе проекта Гильфердинга лежит демократическое государство: «На наше поколение возлагается задача преобразовать при

¹³⁴ Zweiter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale in Marseille von 22 bis 27 August 1925. Berlin, o. d., S. 260.

помощи государства, или сознательной социальной регламентации, экономику, организуемую и управляемую капиталистами, в экономику, управляемую демократическим государством»¹³⁵.

Автором более отработанного варианта аналогичного конструктивного подхода к «политической теории государства» (по выражению самого Гильфердинга в письме к Каутскому от 19 июля 1924 года)¹³⁶ явился Карл Реннер, которого Кельзен в своем очерке о Бауэре определил как социалиста-интеллигента, яснее других «увидевшего в государстве необходимое орудие социальной техники»¹³⁷. Как и Гильфердинг, Реннер истолковал послевоенное развитие капитализма как постепенное сглаживание противоречий (апеллируя, впрочем, к однолинейно-ступенчатому прочтению марксистской теории цикла). Он также исходил из понимания «рационализации» как постепенного лишения капиталиста его руководящей роли и одновременного выдвижения новой научно-технической интеллигенции в сфере производства (то есть речь шла об «изменении функций предпринимателя», что стало стержнем теории «переходного периода» Шумпетера)¹³⁸. Однако наиболее внятно и недвусмысленно Гильфердинг трактовал с технико-юридических позиций взаимосвязь между демократией и социализацией. Если капитализм и рабочий класс в своей совокупности создают поле процесса трансформации, предпосылки которой содержатся в самой «автоматике капитала» («Automatik des Kapitals»), субъектом реализации ее скрытых исторических возможностей оказывается государство. Это как бы новое видение лассальянского «рычага социализма» через фильтр кельзеновского прочтения Вебера; «демократическое государство» оказывается одновременно орудием и формальной оболочкой («гарантом») перехода к социализму. По сравнению с «эпохой Макса Вебера» — «эпохой социализации производства» — задача современного рабочего движения заключается в распространении этого процесса на сферу обращения¹³⁹. Организованный капитал ограничивается созданием «рационализированных» экономических единиц. Но они открываются обществами лишь де-факто, а не де-юре. Само существование цепи компаний, управляемых и контролируемых новой научно-технической интел-

¹³⁵ R. Hilferding. Die Aufgaben der Sozialdemokratie in der Republik.— In: Protokoll über die Verhandlungen des Sozialdemokratischen Parteitagcs, abgehalten zu Kiel. Berlin, 1927, S. 169.

¹³⁶ См.: Kautsky-Nachlass, IISG, D. XII, 636.

¹³⁷ H. Kelsen. Sozialismus und Staat. Leipzig, 1920, S. 67.

¹³⁸ См.: J. Schumpeter. Capitalism, Socialism and Democracy. New York, 1942.

¹³⁹ См.: K. Renner. Die Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung. Wien, 1924, S. 369.

лигенцией, перечеркивает все возражения сторонников свободной конкуренции против социализма, доказывая, что сам капитализм в процессе развертывания внутренне присущей ему «рациональности» вытесняет частного предпринимателя из процесса производства. Конечно, не следует упускать из виду разрыв между этим фактическим состоянием дел и положением де-юре в правовом государстве. В преодолении этого разрыва как раз и заключается задача социализации. И переход к социализму оказывается лишь периодом постепенных реформ, необходимых для выполнения этой задачи¹⁴⁰.

Проблематика, развивавшаяся Реннером в 20-е годы, трудна для понимания без учета культурной обстановки в «красной Вене», которая стала ареной небезызвестной полемики о рыночной экономике и планировании. Эта полемика была вызвана «либеральным манифестом» фон Мизеса, а также дискуссией о военной экономике как грандиозной лаборатории «организованного капитализма» и об экономическом планировании в социалистическом обществе, начатых Отто Нейратом непосредственно в рабочем совете Мюнхена. Таковы те культурные ориентиры, на которых заострил свое внимание Кельзен и которые были взяты Бауэром за основу при обновлении им теории «равновесия классовых сил», несмотря на отмеченные расхождения с политическими выводами Реннера. Теоретически наиболее важный аспект ответа Бауэра Кельзену в связи с критикой «вульгарного марксизма» («Vulgärmarxismus») имел своим культурным фоном эпистемологию Эрнста Маха, который заменил понятия причины и сущности понятием функциональных отношений. Критика Кельзена, ответил Бауэр, поражает в самое сердце лишь «вульгарный марксизм», сводящий весь категориальный аппарат марксизма к «общим аксиомам», которые, «лишившись своего историко-систематического контекста», «смешиваются» им и «догматизируются»¹⁴¹. Одна из таких «аксиом» как раз рассматривает государство как орудие классовой диктатуры. Она получила широкое распространение в результате популяризации, на историческую неизбежность которой еще в 1907 году указал Бауэр в своей работе о «Капитале»¹⁴² в связи с необходимостью внушения борющимся массам «сути» теории Маркса и Энгельса. Но буржуазные критики (которые рассчитывали, как выразился Бауэр в некрологе Максу Адлеру, «дереволюционизировать» («entrevolutionieren») рабочее движение) сочли эту «аксиому» единственным суждением, на которое оказался способен марксизм

¹⁴⁰ Ibid., S. 370 ff.

¹⁴¹ См.: О. Бауэр. Равновесие классовых сил. — «Дер кампф», 1924, XVII, с. 57 и след.

¹⁴² См.: О. Бауэр. История одной книги. — «Ди нойе цайт», 1907—1908, XXVI, т. I, с. 23 и след.

при анализе природы и динамики современного государства. Эффективность же подлинно марксистской критики в отношении «вульгарного марксизма», продолжал Бауэр, заключается в ее способности соотнести аксиомы с реальной действительностью посредством «метода сближения» (*Annäherungsverfahren*), или «приема сопоставления», заимствованного Бауэром непосредственно из эпистемологии Маха, положения которой он намеренно перенес в область «общественно-политической науки»: «Любая наука воспроизводит факты (*Tatsachen*) в форме мыслей (*Gedanken*). Но ни одна наука не может сделать это полностью: факты приходится упрощать, типизировать, выражать при помощи символов. Знания любой науки, даже из «точных» естественных наук, представляют собой всегда и исключительно приближения к фактам (*Annäherungen an die Tatsachen*). Та степень приближения к действительности, которая удовлетворяет исследователя, всегда зависит от практической цели исследования. „Мысленное воспроизведение фактов,— говорит Мах,— никогда не подразумевает фактов как таковых, а предполагает лишь важные для нас аспекты. В таком случае наша цель в исследовании так или иначе определяется практическими интересами”»¹⁴³.

Переход Бауэра от непродолжительной приверженности неокантианству на позиции махизма (о чем свидетельствует написанная в 1906 году статья «Марксизм и этика»¹⁴⁴) произошел в период мировой войны, возможно, под влиянием Фридриха Адлера, который в 1918 году в одной из своих книг делал попытку соединения взглядов Маха с марксизмом, вернувшись, таким образом, к проблематике своей полемики 1910 года с Мерингом¹⁴⁵. Не исключено здесь и влияние его культурных контактов с меньшевизмом во время русского плена. Впрочем, к этому же периоду относится и начало работы над «Картиной мира капитализма» (*Weltbild des Kapitalismus*), испытавшей значительное влияние воззрений Маха. Возможность использования политико-теоретического ключа махизма для критики механистического понимания исторического материализма как фабрики универсальных законов подчеркивалась Густавом Экштейном (еще одним видным представителем австромарксистской интеллигенции, погибшим на войне). На такую возможность он указывал в своей книге «Марксизм на практике»: «Согласно Маху, задачей науки является синтез человеческого опыта, притом в наиболее сжатой форме ввиду необходимости избавить гря-

¹⁴³ О. Бауэр. Равновесие..., с. 88 (приведенное высказывание Маха взято из его «Механики»).

¹⁴⁴ См.: «Ди нойе цайт», XXIV, т. II, 1905—1906, с. 485—499.

¹⁴⁵ См.: F. Adler. Ernst Machs Überwindung des mechanischen Materialismus. Wien, 1948.

дущее человечество от вредного опыта. Но наука никогда не будет в состоянии заменить собой любой индивидуальный опыт: на деле единичное может быть достигнуто лишь на основе таких научных знаний, благодаря которым оно преопределяется соответствующим опытом. Это относится также к марксизму и его политике ¹⁴⁶.

Эта необходимость, столь четко сформулированная Экштейном, эхом повторилась в ответе Бауэра Кельзену. Постепенное приближение общих аксиом к фактам являлось в глазах Бауэра тем необходимым условием, без которого невозможен исчерпывающий ответ на вызов Кельзена, в критике которого он усмотрел реальное отражение новизны происходящих политических изменений современности и грандиозности задач, вставших перед социал-демократией. Ей не подобает более, продолжал Бауэр, по-прежнему оптимистически убаюкать себя историческо-космической картиной грядущего, которая, отождествляя или ставя в прямую взаимозависимость морфологический характер «законов движения» и их исторически сложившееся реальное воплощение, прочила классовой борьбе неизбежный подъем, кульминацией которого станет конечная цель — социализм. Теоретический «застой» можно преодолеть лишь путем обновления марксизма: детерминируя и уточняя тот общий набросок политической теории, который был предложен Марксом, путем соотношения его с усложнившимися социально-историческими условиями. В концептуальном развитии и аналитическом применении на практике — при помощи «метода сближения» — общих аксиом и фактов заключается, по мнению Бауэра, единственный путь к этой цели. А отсюда следует, что и само «состояние равновесия» недостаточно сформулировать лишь в терминах общей теории, механически прилагаемой время от времени к различным конкретным случаям: прежде всего оно должно быть объяснено в своих частных аспектах, проявляющихся на современном этапе ¹⁴⁷.

Специфическим выражением «состояния равновесия» («*Gleichgewichtszustand*») в современную историческую эпоху явился, согласно Бауэру, кризис формальной, чисто представительной демократии. Но если «общий кризис традиционного парламентаризма — это форма проявления равновесия классовых сил» ¹⁴⁸, то, следовательно, продолжал Бауэр, это последнее не обязательно имеет место при коалиционном правительстве, а, скорее всего, не зависит от своей «политической формы выражения»: «Реальное распределение государственной власти между отдельными классами может иметь место и при коалиционном правительстве (как в Австрии с

¹⁴⁶ G. Eckstein. Der Marxismus in der Praxis. Wien, 1918, S. 42.

¹⁴⁷ См.: О. Бауэр. Равновесие..., с. 88—90.

¹⁴⁸ Там же, с. 91.

осени 1919 по осень 1920 года), и при буржуазных правительствах (как в Австрии при правительствах Майра и Шобера), и при социалистических правительствах (как в Швеции при Брантинге или в Англии при рабочем кабинете). В то же время мы были и остаемся свидетелями существования коалиционных правительств, не являющихся выражением реального равновесия классовых сил. Таково, например, второе правительство Штреземана в Германии или нынешнее коалиционное правительство в Чехословакии»¹⁴⁹.

При всем акцентировании своего несогласия с политической позицией Реннера, а также при всем своем расхождении с формализмом Кельзена и с этатизмом, характерным в тот период для Каутского и Бернштейна, то есть при всем предпочтении социального аспекта равновесия его «политической форме выражения» (*politische Ausdrucksform*)¹⁵⁰, Бауэр тем не менее применяет в своей ответной критике тот же эпистемологический арсенал, к которому прибегали Кельзен и Реннер. Вне учета сложных отношений с теорией Маха (и Пирсона)¹⁵¹ немыслимы ни кельзеновская концепция демократии как компромиссного равновесия — предполагающего преодоление антагонизмов и «реальной оппозиции» путем взаимодействия (*Zusammenwirken*) в рамках функциональной взаимозависимости между партиями и общественными силами¹⁵², — ни реннеровское требование построения «эмпирико-индуктивного социализма в рамках теории», направленной против «дедуктивистской тактики» традиционной левой¹⁵³.

Однако метаморфоза влияния махистских теорий в период перехода от «большой Вены» к «красной Вене» сопровождалась одним парадоксом. Махизм, питавший дискуссии о социальных науках и обеспечивший преодоление старых доктрин II Интернационала новыми политическими теориями, пустившими корни в социал-демократии, отстал, однако, от развития эпистемологии между двумя мировыми войнами. Речь идет о махизме Венского кружка и общества «Эрнст Мах», основанного в начале 20-х годов Отто Нейратом¹⁵⁴. Во всех

¹⁴⁹ Там же, с. 87.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ О влиянии Маха и Пирсона на Кельзена см. в предисловии Р. Рачинаро к итальянскому изданию книги Г. Кельзена «Социализм и государство».

¹⁵² См.: *H. Kelsen. Die philosophischen Grundlagen der Naturrechtslehre und der Rechtspositivismus* (Vorträge von der Kant-Gesellschaft). Scharlottenburg, 1928.

¹⁵³ См.: *К. Реннер. Спор о тактике*. — «Дер кампф», 1918, XII, с. 24.

¹⁵⁴ См.: *J. Blackmore. Ernst Mach. His Work, Life and Influence*. Berkeley—Los Angeles—London, 1972, p. 186 ff., 235 ff. О культурном фоне австромарксизма см. главу о социальной истории австрийской интеллигенции с 1848 года вплоть до нацистской оккупации в книге: *W. Johnston. The Austrian Mind. An Intellectual and Social History 1848—1938*. Berkeley — Los Angeles, 1972, p. 98 ff.

этих направлениях исследований, как марксистских, так и немарксистских, превалировала «репрезентативная» идея научной абстракции, постулирующая наличие определенной симметрии, соответствия, а следовательно, и лишь чисто количественное несоответствие между реальными и психическими данными об окружающем мире, между общими представлениями и «фактами»: и у Бауэра, как мы видели, аксиомы также *воспроизводили* эмпирическую действительность, хотя и в упрощенной форме. Под этим углом зрения Отто Нейрат — всего лишь одно звено в общей цепи приобщения — начиная с военного периода — широких слоев венской интеллигенции к социализму (что, впрочем, подтверждается автобиографиями Поппера и Карнапа)¹⁵⁵. Деятельность Нейрата в начале 20-х годов была своего рода катализатором трансформации брожения умов, вылившегося в признанное философское движение, стихийно возникшее в Вене вокруг Морица Шлика, который в 1922 году сменил Маха на кафедре философии индуктивных наук. С «физическим» «соответствием языка символов чувственной реальности» (при котором язык символов «может быть сведен к жизненному опыту, к данным, непосредственно исходящим от органов чувств»)¹⁵⁶ резко контрастировали, однако, взгляды передовых представителей венского культурного фронта, объединявшего Крауза, Лооса и Шёнберга. Существует тесная взаимосвязь между Шёнбергом, использовавшим краузовскую трактовку понятия «фантазии» как *fons et origo* * творчества (но только на основе железной логической дисциплины и строгой техники мышления) и усматривающим основу, например, музыки в ее внутреннем логическом единстве, а не в звуковом эффекте, декоративных находках или в игре чувств слушающего, и Лоосом, который, соглашаясь с «черными квадратами» Кокошки и отвергая «террор стиля», отказывался хоть в какой-то мере потакать «вкусам» публики¹⁵⁷. Представителем данного культурного фронта можно считать также Виггенштейна, который вопреки общепринятому мнению, сложившемуся на основе поверхностной реконструкции венской культурной среды, следовал не за Махом, а за такими мало принимаемыми во внимание авторами (несмотря на указания Кассирера), как Герц и Больцман¹⁵⁸. Ведь, согласно Вит-

¹⁵⁵ См.: *K. Popper. La ricerca non ha fine. Roma, 1976; R. Carnap. Tolleranza e logica. Milano, 1978.*

¹⁵⁶ *O. Neurath. Il Circolo di Vienna e l'avvenire dell'empirismo logico. Roma, 1977, p. 31* (предисловие Ф. Бароне).

* Источник и начало, первоисточник (*лат.*). — *Прим. ред.*

¹⁵⁷ См.: *K. Kraus. Detti e contraddetti. Milano, 1972, p. 18 ff.* (предисловие Р. Калассо, озаглавленное «Китайская стена»).

¹⁵⁸ См.: *A. Janik, S. Toulmin. Wittgenstein's Vienna. Milano, 1975.* Но особенно см. рассуждения М. Каччари в очерке «Вена времен Виггенштейна». — «Нуова корренте», 1977, № 72—73, с. 59.

генштейну, представления (Darstellungen), не являются маховскими образами; это научные построения, внутренне строгие математические модели, правила игры, познания реальных процессов и управления ими в пределах возможного, вне какой-либо заранее обеспеченной объединяющей их гармонии; символы не являются более, как у Маха, копиями или названиями реального чувственного опыта, так как их основа уже не психологически-описательная, а логико-математическая¹⁵⁹. Витгенштейн остается верен критической линии репрезентативизма и эстетизма даже тогда, когда переходит к функциональному анализу терминологии, к теории терминологической функциональности и ее влияния на «формы жизни». Таким образом, даже в свете реконструкции «среды» остается в силе интерпретация тех, кто видел в переходе от «раннего» Витгенштейна к «позднему» не цезуру, а «перенос одной точки системы в другую вокруг того же центра: перенос, при котором что-то утрачивается, с тем чтобы сохранить нечто другое, что при новом горизонте находит свое более подходящее место»¹⁶⁰. То же самое понятие «форм жизни» как подтекст лингвистических игр, в котором выражения обретают значение, мы находим у Лооса, для которого любой значащий предмет должен соответственно и определяться в связи с той культурной средой, в которой он находит свое применение¹⁶¹.

Стоит слегка расширить горизонт реконструкции, как возникают новые взаимозависимости. Достаточно обратиться к примеру Гофмансталь, который отказался от лирики, основанной на поэтическом образе (Bild), ради моралистических драм, отдающих предпочтение жесту. Гофмансталь, равно как Брех и Музиль, шел от послышки Маха о прямо-таки стенографической взаимосвязи данных и ощущений, но потом мотивировал ее платоновской концепцией предбытия: беря за основу теоретическое наследие Маха, он пришел к заключению, что именно поэт, а не ученый, более способен к выражению «соответствия» («я испытал на себе ошеломляющее чувство взаимодействия... Словно бы мое тело состояло из одних только цифр, вручающих мне ключ от всего на свете»)¹⁶².

¹⁵⁹ См.: A. Janik, S. Toulmin. Op. cit., p. 141—147.

¹⁶⁰ Предисловие М. Тринкери к книге Л. Витгенштейна «Замечания к основам математики» (L. Wittgenstein. Osservazioni sopra i fondamenti della matematica. Torino, p. XXIX).

¹⁶¹ См.: Wittgenstein und Wiener Kreis. Gespräche, aufgezeichnet von F. Waismann. Frankfurt am Main—Oxford, 1967. См. также: A. Gargani. Tecniche descrittive e procedure costruttive. — In: Stili di analisi. Milano, 1980. О понятии «форм жизни» см.: E. Spranger. Lebensformen, Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit. Halle, 1922; E. Spranger. Der Sinn der Voraussetzungslosigkeit in den Geisteswissenschaften. Darmstadt, 1963.

¹⁶² См.: H. Broch. Hofmannsthal und seine Zeit. Eine Studie. — In: H. Broch. Gesammelte Werke, Bd. I, Zürich, 1955, S. 102 ff.

Да и тот же Фридрих Адлер, перенося эпистемологию Маха с физических явлений на историю, пришел к заключению, что «история может быть как искусством, так и наукой»: «В том случае, когда она воспроизводит какое-либо конкретное явление, — это искусство; когда же она устанавливает законы, опирающиеся на универсальную абстракцию определенного множества конкретных случаев, — это наука. Труд художника сознательно или бессознательно опирается на законы, но произведение искусства не содержит какой бы то ни было формулировки законов. Отношение между произведением искусства и научной абстракцией может быть восстановлено лишь через посредство комментариев, позволяющих наблюдать действие общих законов в их конкретном проявлении»¹⁶³.

Придерживаясь более ригористического пути, Гофман стал применять выводы Маха, так сказать, *ad hominem**, освободив его психологию и эпистемологию от искусственности научной абстракции и доведя до крайности (как, впрочем, и Музиль) последствия апории, внутренней присущей вопросу соотношения языка и действительности, и кончил тем, что обратился к проблеме границ языка. Ибо поскольку «об изоморфизме, наделяющем язык науки значением, нельзя говорить одним и тем же языком, то рядом с наукой остается сфера мистического и невысказанного»¹⁶⁴.

Слияние взглядов наиболее передовых представителей политической теории австромарксизма и «репрезентативного» видения равновесия (да и вообще тесная взаимосвязь между социальным содержанием напряженности, присущей классовым силам, и формой его институционального выражения) способно пролить свет на те пределы, в которых оказались (разумеется, отнюдь не случайно) отдельные стратегически наиболее важные апории, обнаружившиеся во время работы съезда в Линце. В любом случае здесь нашел свое исчерпывающее объяснение культурно-политический выбор, сделанный в разгар дискуссий и полемики, которые развернулись в «красной Вене» между 1920 и 1923 годами и в результате которых потерпел поражение культурно-архитектурный проект Лооса (первоначально назначенного главным архитектором отдела жилищного строительства венского муниципалитета). Этот проект, нашедший свое выражение в «поселковой модели», «*modello-Siedlung*» (то есть в системе «комбинированной децентрализации промышленных предприятий и жилых кварталов, обособления их в самостоятельные, автономные комплексы»), потерпел поражение, уступив место «дворо-

¹⁶³ F. Adler. Ernst Machs Überwindung des mechanischen Materialismus. S. 144.

*Апеллируя к эмоциям человека, а не к объективным данным (лат.). — Прим. ред.

¹⁶⁴ См. упомянутое выше в сн. 156 предисловие Ф. Бароне.

вой модели», «model lo Hof» (то есть созданию микрорайонов, обеспеченных всеми необходимыми общественными службами — кухнями, мастерскими, прачечными, школами и зелеными зонами отдыха, — которые в своей совокупности символизировали бесспорное «превосходство» новых форм рабочей социализации)¹⁶⁵.

Стратегическое положение австромарксизма 20-х годов все более точно отражало следующий подход к культурным проблемам: парадоксы «народной республики», столь резко выявленные Бауэром в работе «Австрийская революция» и в его полемике с Кельзенем, решались на основе тактики выжидания и отсрочек, колебавшейся между парламентскими проповедями в защиту закаливания рабочего класса в тесных траншеях, отвоеванных «в социальной сфере», и крайней самоизоляции, наконец, вооруженной самозащитой.

5. Дискуссии о демократии и диктатуре: от Линцкого съезда до поражения

В брошюре «Борьба за власть», серьезной работе с точки зрения оценки союзнической политики австрийских социал-демократов, Бауэр как будто бы коренным образом изменил свое отношение к будущему в пользу оптимизма, несмотря на драматизм собственного анализа обстановки на страницах «Австрийской революции» и в ответе на критику Кельзена. Радикализация двух противостоящих блоков — социал-демократии, с одной стороны, и «буржуазных партий» — с другой, рассматривалась уже не просто как угроза, а прежде всего как фактор, ускоряющий переход к решительному захвату власти: «Отныне борьба подразумевает не только изолированные меры и реформы — сегодня идет тотальная борьба за власть. И власть настолько осязаемо близка к нам, что мы не сегодня-завтра сможем до нее дотронуться»¹⁶⁶.

В чем же причина подобной перемены в настроении Бауэра? Это не только результат успешных выборов в октябре 1923 года (по сравнению с предыдущими выборами 1920 года австрийская социал-демократия добилась несравненно лучших результатов, получив 1 311 882 голоса против 1 494 298 голосов, поданных за Христианско-социальную партию, и 419 274, поданных в пользу пангерманистов и членов Аграрного союза), но и—прежде всего—следствие принятия закона, который взял под свою защиту квартиросъемщиков и с которым венский муниципалитет энергично выступил в ответ

¹⁶⁵ См.: *M. Tafuri. Das rote Wien. Politica e forma della residenza nella Vienna socialista 1919—1933.* — In: „Vienna rossa“, Milano, 1980, p. 22 ff.

¹⁶⁶ *O. Bauer. Werkausgabe. Bd. II, S. 935 ff.*

на контратаку домовладельцев против системы реквизиций¹⁶⁷. Успех, достигнутый в результате этой серьезной законодательной победы, которая представляла собой наиболее радикальную меру против «капитализма свободной конкуренции» в этом секторе во всей послевоенной Европе, казалось, подчеркивал гордую изоляцию «красной Вены», придавая ей символическое значение подлинного авангарда. В одной из своих статей в «Вельтбюне» Эрнст Толлер* с большой достоверностью воссоздал ту атмосферу враждебности, в которой был воспринят венский опыт, приводя тревожные комментарии одного австрийского промышленника, своего случайного соседа по купе в поезде Вена—Берлин: «Зашел разговор о политике муниципалитета Вены. Он вызвал у моего собеседника бурю негодования. «Вы у себя в Германии имеете здравомыслящих социалистов, — говорит он, — наши же хуже большевиков. В Вене у буржуа нет больше никаких преимуществ. Капиталиста хладнокровно удушают. Без шума. Из него постепенно выкачивают кровь. Недавно я видел один из больших дворцов для рабочих и чуть не лопнул от негодования. Человеку вроде меня приходится все больше себя ограничивать. А что делать? Мне пришлось уволить одну из моих четырех горничных и шофера. Подумать только, за первую горничную вы должны платить 50 шиллингов налога, за вторую — 150, за третью — 600, а за четвертую — 1200 шиллингов. Это недопустимо. Вена вырождается. Владельцы ресторанов заявили, что они закроют свои заведения, если Брайтнер** не раскроет свои глаза. Один мой приятель, владелец ресторана, рассказывал мне, что бутылка французского шампанского стоит 8 шиллингов. Прибавьте к этой цифре 16 шиллингов, взимаемых на таможне. И вот из этих 24 шиллингов Брайтнер взимает 60%, которые составляют муниципальный налог». Некоторое время тому назад я также изучил действия муниципального совета Вены, где социалисты имеют подавляющее большинство, и конкретные результаты, которые мне довелось увидеть, с чудесной силой развеяли бы чувство депрессии любого немецкого радикального социалиста. Здесь же находит свое объяснение тот факт, что австрийская коммунистическая партия не имеет последователей. Радикалы тут следуют за социал-демократической партией. Лишь в России культурная политика находится на подобном уровне»¹⁶⁸.

Но именно эта блестящая изоляция Вены и создала свое-

¹⁶⁷ См.: *G. Gulick*. Op. cit.; *M. Tafuri*. Op. cit., p. 14 ff.

* Известный германский публицист-демократ, близкий к КПГ. Убит нацистами. — *Прим. ред.*

** Тогдашний бургомистр Вены, социал-демократ. — *Прим. ред.*

¹⁶⁸ Э. Толлер. Социалистическая Вена. — «Ди вельтбюне», 1927, XXIII, № 11, с. 407.

го рода оптическую иллюзию, которая привела Бауэра и партийное руководство к убеждению в возможности постепенного и необратимого вторжения в «сферу социального», опираясь на твердую поддержку «красных фортов» Вены. «В ближайшие годы, — писал Бауэр еще в «Борьбе за власть», — может быть низвергнуто господство крупной буржуазии и власть в республике перейдет в руки рабочего класса»¹⁶⁹. Эта оптическая иллюзия драматически резко высвечивает апорию, таившуюся в общей обстановке предыдущих лет, и ее двоякий результат: стратегическое искажение анализа парадоксов демократии в силу следования логике противостояния блоков и ослабление — из-за гибкой политики христианско-социального канцлера Игнаца Зейпеля — динамического характера государственно-политического вмешательства в жизнь тех «общественных прослоек», завоевание которых считал Бауэр определяющим для решения проблемы равновесия классовых сил в пользу социал-демократии. Стоит проанализировать, хотя бы схематично, эти два аспекта.

Мы уже познакомились с теми теоретическими посылками, с помощью которых Бауэр определял место «состояния равновесия» в современной исторической эпохе — эпохе кризиса парламентаризма. Но именно потребность дополнить требования представительной демократии отдельными требованиями «функциональной (или индустриальной) демократии» в рамках отнюдь не наивно эволюционного или прямолинейного представления о развитии демократии позволила ему избавиться от очевидного риска впадения в этатизм, которым была чревата позиция, например, Реннера. При этом возникли не менее серьезные проблемы. Акцентирование «культурно-индустриального органицизма», свойственного целой традиции немецкой мысли, в действительности присуще именно тем авторам, которые подчеркивают кризис парламентаризма. В этом смысле бауэровская концепция столкнулась с теми же трудностями, из-за которых потерпела крушение демократическая и неолиберальная мысль Веймарской республики (от Ратенау до Трельча и Мейнеке). Подобная цель не может, однако, быть сведена — путем упрощения — к вопросу о сообществе (*Gemeinschaft*), понимаемом как органическое содружество людей — в отличие от искусственно-механического характера общества как *Gessellschaft*. На деле, во-первых, проблематика сообщества (*Gemeinschaft*) и народного государства (*Volksstaat*) не совпадает, хотя и нередко переплетается; во-вторых, обращение к проблематике содружества людей (*Gemeinwesen*) не влечет само по себе каких-либо обязательных органицистских выводов, коль скоро эта проблематика присутствует даже у такого крайне бди-

¹⁶⁹ Цит. по: *G. Marramao. Austromarxismo*, p. 254.

тельного и критически настроенного по отношению к органицизму автора, как Ганс Кельзен. Поэтому нельзя пройти мимо того различия, которое было отмечено в ходе австро-германской дискуссии 20-х годов между формально-юридической оболочкой «сообщества» (правовое сообщество, *Rechtsgemeinschaft*) и национально-демократическим сообществом (народное сообщество, *Volksgemeinschaft*). У Гильфердинга и Реннера, например, тематика общности (*Gemeinwesen*) и сообщества (*Gemeinschaft*) на практике не противоречит институциональному формализму, составляющему отличительную черту их концепции. С другой стороны, программа институционального поглощения профсоюзов и других представительных институтов в виде «*Gemeinschaftskörper*» («общественных органов») никоим образом не ставит под сомнение главенство парламента, рассматриваемого (как и у Кельзена) как естественное место для компромисса и, следовательно, как гарантия стабильности равновесия. «Законодательный корпус, — писал уже в 1901 году Реннер, — является наиболее общепринятым объединительным органом современного государства, и его расчленение было бы смертельным грехом против этого органа как такового... В конечном итоге принятие унитарного решения заключает в себе главнейшую функцию парламента... Это решение сводит противоречивые интересы к единому обобщающему интересу, который часто не совпадает ни с одним из партийных интересов в отдельности. Любое парламентское большинство само по себе держится на компромиссе с меньшинством, которому оно должно предложить хотя бы *пассивно* приемлемый компромисс. Любой, кто согласен с подобным соотношением интересов и признает его существенную функцию, не может не заметить принципиальную ошибку так называемого представительства интересов на основе классовой структуры общества. По этой системе главной задачей является, по существу, выявление всех противоречивых интересов (что, впрочем, удастся весьма редко) вплоть до уничтожения или резкого ограничения возможности прийти к единому мнению»¹⁷⁰.

Но хотя рассуждения Гильфердинга и Реннера и имеют преимущество, заключающееся в прямом и окончательном разрыве с правовым натурализмом, еще присущим марксизму, «возводящему в фетиш законы природы» и противодействующему «рассмотрению общества как системы, фокусом которой являются государство и право»¹⁷¹ (эти рассуждения приобретают в послевоенный период характер теоретической платформы, не тождественной «революционному выжиданию» II Интернационала), оба эти автора тем не менее кончают

¹⁷⁰ R. Springer (*K. Renner*). Staat und Parlament. Wien, 1901, S. 5—7.

¹⁷¹ K. Renner. Marxismus, Krieg und Internationale. Wien, 1917, S. 59.

тем, что, используя кельзеновскую формулу государства и права, представляют демократическое государство как синтетический правосубъект, сводя веберовскую проблему легитимации к законности. Само понимание рационализации как постоянного преобразования структуры собственности и изменения функций предпринимателей — понимание, которое во многом сближает Реннера и Гильфердинга с Шумпетером, — представляет собой эволюционистскую, бесконфликтную линию развития, прямо противоположную линии Шумпетера.

Отличительные черты бауэровской концепции рельефно проступают в его полемике с этой двойной линией «аполитизированного» веберизма Реннера и Гильфердинга: сведение государства к продукту институционально-формалистического синтеза (равно как сведение легитимации к законности) и иллюзия о социализации как стабильного и в тенденции бесконфликтного равновесия социальных сил. Один аспект позиции Бауэра, представляющий, на наш взгляд, наибольший интерес, следует искать не в комбинаторном решении, положенном им в основу его модели демократии и социализации, а прежде всего в его попытке — по крайней мере начиная с 1923 года — совместить эту модель рядом с конфликтуалистской гипотезой. Бауэровская постановка вопроса о «функциональной демократии» испытала на себе влияние английского гильдейского социализма (представленного характерной «плюралистической» теорией Коула, Ласки и Стаффорда Криппса) не в меньшей степени, чем влияние Гильфердинга, который в 1921 году написал рецензию на книгу Коула о самоуправлении в промышленности¹⁷², как и того же Реннера, который был склонен подчеркивать совместимость своей концепции с плюралистической доктриной гильдейского социализма: «Государство есть всего лишь социальная группа в ряде других. До этого предела требования гильдейского социализма, безусловно, справедливы. Однако «государство» как социальная группа, по-моему, и отличается от всех других, ибо его функция состоит как раз в том, чтобы упорядочивать и уравнивать множество групп, находящихся в состоянии борьбы друг с другом»¹⁷³.

Как бы ни подчеркивал Бауэр разработанный, плюралистический характер своего институционализма, этот синтез «демократизации» и «социальной политики», «централизации» и «децентрализации», «буржуазной демократии» и «Советов», «государственного единства» и «корпораций» на основе компетенций и интересов — синтез, сводящий все едино

¹⁷² См.: G. Cole Selbstverwaltung in der Industrie. Mit der Einleitung von R. Hilferding. Berlin, 1921.

¹⁷³ О. Бауэр. Демократия и система Советов. — «Дер кампф», 1921, XIV, с. 66.

разнородные теории социал-демократии 20-х годов и постлиберализм веймарских «рациональных республиканцев», «*Vernunftrepublikaner*» (и того же Ратенау, который намного опередил Гильфердинга в выявлении апорий «социализации») ¹⁷⁴, — не давал гарантий от возможного соскальзывания в сторону органицизма. Бауэр до конца был полностью привержен этой тенденции со всеми ее ограниченностями и расходился с ней лишь по одному вопросу, имевшему первостепенное значение для объяснения политического выбора, сделанного Линцским съездом, — по вопросу о компромиссе между «капиталистическим реформизмом» и «рабочим реформизмом» ¹⁷⁵.

Именно благодаря критике иллюзорного характера стабильности «демократического равновесия», которое было официально перенято у австромарксистской левой съездом СДПГ в Киле, первостепенное значение приобрел в эти годы вопрос о соотношении демократии и диктатуры.

Работу по теоретической систематизации этого соотношения взял на себя Макс Адлер, тезисы которого явились одним из основных материалов, по которым развернулась дискуссия на Линцском съезде в 1926 году. Исходным моментом адлеровской постановки проблемы явилось различие между политической и социальной демократией. Первая и вообще «все другие формы государства, определяемые как демократические» (исходя из либеральной посылки об атомизации общества на отдельных абстрактных индивидуумах), представляют собой формальную конституцию «общей воли» как функции особых интересов господствующего класса, следовательно, форму диктатуры. Вторая совпадает с реальной демократией, до конца осуществимой лишь в бесклассовом обществе. Поэтому политическая демократия как одна из исторических форм применения буржуазной диктатуры может быть также одной из форм применения диктатуры пролетариата. «Замена диктатуры буржуазии диктатурой пролетариата», следовательно, не обязательно должна протекать в форме откровенной большевистской диктатуры, но может протекать также (и это, согласно Адлеру, есть стратегия последовательного перехода к развитому капитализму) «в формах политической демократии» ¹⁷⁶.

По остроумному наблюдению Аркадия Гурлянда ¹⁷⁷, адлеровская постановка проблемы содержит в себе серьезный

¹⁷⁴ См. в особенности: *W. Rathenau. Sozialisierung und kein Ende* (1919). — In: *W. Rathenau. Gesammelte Schriften. Bd. VI.* Berlin, 1979, S. 217—243.

¹⁷⁵ См.: *M. Cacciari. Walter Rathenau e il suo ambiente.* Bari, 1979, p. 65—67.

¹⁷⁶ См.: *M. Adler. La concezione dello Stato nel Marxismo.* Bari, 1979, p. 191.

¹⁷⁷ См.: *A. Gurland. Marxismus und Dictatur.* Leipzig, 1930, S. 68—73.

апорический аспект. Если концепция диктатуры (в том виде, в каком она уточнена Адлером на съезде в Линце, а также в работе «Политическая или социальная демократия»¹⁷⁸), согласно более правильной с марксистской точки зрения постановке вопроса, отличающейся от постановки вопроса Бауэром (который отождествлял диктатуру с «террором», или с применением «политического средства — насилия»), подразумевала целую историческую эпоху существования «классового государства», которой целиком принадлежит и понятие «политической демократии», то эта концепция одновременно указывала и на «социальную функцию» государства¹⁷⁹. Однако в таком случае строгое соблюдение лексической и текстуальной верности марксизму делает тщетным любой анализ диктатуры с точки зрения ее политической формы. Институциональная неопределенность, характеризующая адлеровское, равно как и коршевское¹⁸⁰, понимание «диктатуры пролетариата», отражается также в анализе современного государства. Возникает дилемма: либо диктатура — «нормальное» состояние, либо она — «исключительное» состояние; это либо «адекватное», либо «исключительное» средство¹⁸¹.

Не менее проблематичным представляется и результат размышлений Бауэра. Посылка о динамичности характера «состояния равновесия» практически сводится к доказательству преходящего характера последнего. Но, указав однажды на временный характер равновесия классовых сил, Бауэр вновь шел к разрыву между социальным и политико-институциональным аспектами вопроса, даже не спрашивая себя, почему в Австрии (равно как и в Германии) социал-демократия проиграла сражение в составе коалиционного правительства, позволив отстранить себя от всех контрольных рычагов государственного аппарата. Поэтому не случайно, что из своей теоремы о демократическом государстве, как параллелограмме классовых сил, Бауэр извлек (в полном соответствии с выводами Адлера) лишь хилый вывод о необходимости единовременной, но раздельной охраны «социальной» автономии классов и «конституционной законности» государства¹⁸².

Отсутствие у Бауэра, как и у Адлера, анализа сложных изменений вокруг конституции, который был в эти годы принят такими политологами веймарской социал-демократии, как Эрнст Френкель, Франц Нейман и Отто Кирххеймер¹⁸³,

¹⁷⁸ M. Adler. Politische oder soziale Demokratie. Berlin, 1926.

¹⁷⁹ См.: A. Gurland. Op. cit., S. 72.

¹⁸⁰ См.: K. Korsch. Scritti politici. Bari, 1975, vol. II, p. 265—266.

¹⁸¹ См.: A. Gurland. Op. cit., S. 73.

¹⁸² См.: O. Bauer. Der Kampf um die Macht. Wien, 1924 (глава «Демократия и вооруженное насилие»).

¹⁸³ Об этих авторах см. в моей книге «Политика и преобразования» („Il politico e le trasformazioni“), а об отношениях между социал-демо-

привело Бауэра и Адлера к принятию — как единственно возможной и последовательной стратегической линии — «оборонительного насилия», к которому рабочее движение должно было бы прибегнуть, применив свой «железный кулак» в лице «Шуцбунда» в случае грубого нарушения конституционной законности со стороны буржуазного класса.

«Социал-демократическая рабочая партия, — читаем мы в Линцской программе, — будет осуществлять свою власть в демократической форме и с соблюдением всех демократических гарантий... В случае, если буржуазия воспротивится социальному перевороту, который будет представлять собой основную задачу государственной власти рабочего класса, и прибегнет к систематическим попыткам ее экономического удушения или к вооруженному восстанию путем сговора с иностранными контрреволюционными державами, рабочий класс будет вынужден сломить сопротивление буржуазии с помощью диктатуры»¹⁸⁴.

Но парадокс «защиты конституции» совершенно непарламентскими, неинституциональными средствами не мог не привести к постепенному отступлению так называемой линии чистой обороны «республиканского порядка» — вплоть до полной бездеятельности «рабочего блока», упивавшегося идеологией нового человека и самодостаточностью пролетарских форм социализации. Австрийская социал-демократия — точно так же, как и веймарская, — расписалась в собственной неспособности проанализировать работу механизмов «организованного капитализма» и разгадать его новую тактику разрушения демократии. Несостоятельность политики Бауэра перед лицом ловкой стратегии Зейпеля, основанной на беззастенчивом применении средств экономического и законодательного вмешательства государства, сама по себе вызывает в памяти другую крайность бауэровской концепции, о которой уже велась речь: «дефляционистскую философию», понижающую его идею планирования как «уравновешенной рационализации». И как это ни парадоксально, именно успех 1923 года обнажил жестко дефляционистские рамки концепции противодействия «свободной конкуренции», характерной для австрийской социал-демократии. В скором времени это привело к окостенению экономики и резкому спаду мобильности рабочей силы (что, впрочем, предвидел Шумпетер), породив последствия двойного характера — тяжелый кредитно-финансовый кризис и низкую заработную плату. Отсутствие динамизма в том, что получило ироническое наименование

кратисей и интеллектуалами из Высшей политической школы в Берлине см. в моем предисловии к публикации: *W. Abendroth. Socialismo e marxismo da Weimar alla Germania Federale. Firenze, 1978.*

¹⁸⁴ Цит. по: *Austromarxismus. Hrsg. von H. Sandkühler, R. De la Vega. Frankfurt am Main — Wien, 1970, S. 384.*

«квартирной демократии» австрийского социализма (которая заключалась в поддержании низкого уровня внутреннего потребления, компенсированного общественным характером потребления такого блага, как жилье), не очень-то уравнивалось политическим и идеологическим пафосом речей в муниципальном совете Вены и в парламенте (особенно впечатляющими были речи Бауэра) против «паразитизма» городской земельной ренты и промышленного капитала: этой линии бережливости строго придерживался в своей налоговой политике Карл Зейтц (популярнейший бургомистр города Вены), который, безжалостно пресекая спекулятивные инвестиции, подавлял уровень потребления¹⁸⁵.

Трещины в жизни общества, вызванные подобной дефляционистской политикой, положили начало консервативному контрнаступлению со стороны правительства Зейпеля, которое вело ко все большей изоляции столицы. В начале 30-х годов Вена осталась без всякой финансовой поддержки своего строительства со стороны государства, хотя должна была платить налоги наравне со всеми остальными землями (*länder*). С помощью ловкой налоговой политики, сопровождаемой тонкой пропагандой среди крестьянского и мелкобуржуазного населения провинции, направленной против «красной, иудейско-марксистской Вены», христианским социалистам удалось пробить брешь в возглавляемом социал-демократами блоке, и начиная с 1927 года они стали все чаще и беззащитнее прибегать к помощи таких полувоенных реакционных организаций, как «Фронткемпфер» и «Хеймвер», с целью подстегивания процесса перестройки государства в авторитарном духе¹⁸⁶.

Комплексный анализ теоретического развития и практической политики австромарксизма 20-х годов позволяет избежать упрощенной интерпретации, сводящейся к тому, что австромарксизм под покровом изощренного теоретизирования проводил политику отказа и оппортунизма, и одновременно проливает свет на причины поражения, которое на первый взгляд представляется результатом выбора пути, противоположного институциональному, который был избран веймарской СДПГ. Теоретическая перспектива «третьего пути» австромарксизма на практике вылилась в трагедию отказа от выбора в результате ошибочного возвращения (ввиду преувеличения Бауэром роли «средних слоев») к дихотомической логике «блока против блока», развивающейся целиком в рамках «социального», тогда как противник строит свою организацию, опираясь на государство.

¹⁸⁵ См.: *G. Gulick. Op. cit.*, p. 499 ff.

¹⁸⁶ См.: *V. Reimann. Zu grob für Österreich. Seipel und Bauer im Kampf um die Erste Republik. Wien, 1968, S. 350 ff.*

После съезда в Линце анализ Бауэра и Макса Адлера получил широкую популярность в среде немецкой и западноевропейской социал-демократии, влияя на ход дискуссий соответственно по вопросу о «планировании» и о левом социализме (*Linkssozialismus*)¹⁸⁷. Но этот анализ не внес ничего нового, кроме всевозрастающей напряженности и драматизма проанализированных выше апорий. С одной стороны, наиболее значительные звенья рассуждений Бауэра вплоть до поражения 1934 года навеяны неоклассической идеей планирования как «уравновешенной рационализации» и содержат стратегию защиты демократии от фашизма путем организации союзов чисто социального характера (см. книгу Бауэра 1931 года «Рационализация — псевдорация», а также выступления на съезде австрийской социал-демократии в 1932 году и на конгрессе Социалистического рабочего интернационала в 1933 году)¹⁸⁸. С другой стороны, Адлер в попытке обеспечить условную теоретическую основу «левого социализма», возрожденного в годы кризиса Паулем Леви и берлинской группой «Классенкампф», вернулся к совершенно ложной теории катастроф (в духе банальнейшего варианта недопотребления) и к доктринерско-пропагандистскому догматизированию конечной цели (*Endziel*)¹⁸⁹. При отсутствии анализа нового состава господствующего блока, сложившегося в результате процессов трансформации «организованного капитализма» (этот пробел, правда, был частично восполнен Бауэром уже после поражения в его серьезной работе о фашизме «Между двумя мировыми войнами?»¹⁹⁰), структурный анализ механизма, приводящего «парламентаризм» к кризису, выливался в моралистическое обличение «ошибок реформизма» и в чисто негативную критику крайней ограниченности «формальной демократии». Тем и другим резко противопоставлялось в качестве неизменной идеологической альтернативы контробщество (*Gegengesellschaft*), опирающееся на рабочие общины, укрепившиеся в «красных фортах» Вены: тяжелое субкультурное наследие австрийской социал-демократии, которое она, как и веймарская социал-демократия, получила в наследство

¹⁸⁷ См. мою книгу об австромарксизме (*G. Marrao. Austromarxismo...*, p. 98 ff.)

¹⁸⁸ См.: *O. Bauer. Kapitalismus und Sozialismus nach dem Weltkrieg.* — In: *O. Bauer. Werkausgabe*, Bd. III. См. также: *Protokoll des Sozialdemokratischen Parteitages, abgehalten vom 13. bis 15. November 1932 in Wien*. Wien, 1932, S. 34 ff.; *Nach der deutschen Katastrophe. Die Beschlüsse der internationalen Konferenz der SAI in Paris, August 1933, und die Rede des Berichterstatters Otto Bauer*. Zürich, 1933.

¹⁸⁹ См.: *M. Adler. Die soziale Revolution.* — In: *M. Adler. Die Krise des Kapitalismus und die Aufgaben der Arbeiterklasse*, Berlin, 1931, S. 141.

¹⁹⁰ См.: *O. Bauer. Werkausgabe*, Bd. IV, S. 49 ff. Кроме того, см.: *Г. Ботц. Австромарксистская интерпретация фашизма.* — «Джорнэл оф контемпорари хистори», 1976, II, с. 129—156.

от «негативной интеграции»¹⁹¹ предвоенного периода и которое в австромарксизме выступает как очевидный организационный коррелят некоей «теории паузы».

Разделение «социального» и «политического», характеризовавшее противоположность взглядов и тактики двух крупнейших социал-демократических партий Европы того времени — СДПГ и СДПА, — стимулировало контрнаступление капитализма, который, опираясь на строго контролируемый им начиная с 1923—1924 годов государственный аппарат, организует в Австрии антирабочий сговор «средних слоев» и мелкой сельской буржуазии, а в Германии, играя на активности союза между различными секторами промышленности и различными частями «корпоративного плюрализма»¹⁹², инспирирует общественное неподчинение (в годы кризиса его стремилась представлять, отстаивая «первенство экономики», Германская коммунистическая партия), направляя его против рабочей партии, которая объективно скомпрометировала себя государственным управлением. Оптимистическая вера в возможность построения некоего социально-правового государства (*sozialer Rechtsstaat*), которая, по остроумному замечанию Франца Неймана¹⁹³, привела Гильфердинга к иллюзии о реальном характере «организованного капитализма» и к фатальной недооценке опасности национал-социализма — недооценке, совпавшей с не менее фатальным отказом от принятия предложенных от имени профсоюзов Войтынским, Тарновым и Бааде антикризисных мер¹⁹⁴, — находит, на наш взгляд, свое дополнение в категорическом отказе Бауэра от участия в коалиционном правительстве с канцлером Зейпелем во главе, чья политика медленного обескровливания социальных траншей рабочего класса доказала свою эффективность в марте 1933 года, когда Дольфус распустил парламент, парализовав в течение одного года все орудия «контрвласти» рабочего класса¹⁹⁵.

И когда в феврале 1934 года вспыхнуло восстание, то сопротивление, которое рабочие оказывали войскам вплоть до падения «красных фортов» Вены, было не столько проявлением героизма, сколько актом отчаяния. Это восстание явилось последним актом великого движения, которое, возник-

¹⁹¹ См.: *D. Groh. Negative Intergration und revolutionärer Attentismus. Frankfurt—Berlin—Wien, 1973.*

¹⁹² См.: *C. S. Maier. Recasting Bourgeois Europe. Princeton, 1975.*

¹⁹³ См.: *Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism. Toronto—New York—London, 1942, p. 51.*

¹⁹⁴ Об их плане см.: *G. Rusconi. La crisi di Weimar; Л. Валиани. Социалистическая левая в период окончательного кризиса Веймарской республики. — «Ривиста сторикиа итальяна», 1970, № 3, с. 704 и след.*

¹⁹⁵ См.: *Г. Ботц. Насилие и общественно-политический конфликт в Первой республике (1918—1933). — «Эстеррайхише цайтшрифт фюр политиквиссеншафт», 1975, IV, № 4, с. 511—534.*

нув из потребности преодоления двух крайностей («коммунистического доктринерства» и «социалистического доктринерства»), закончилось тем, что стало повторять ошибки того и другого, причем в драматических колебаниях. Самым ярким и лапидарным свидетельством этих колебаний является ретроспективная оценка, данная Бауэром в работе «Между двумя мировыми войнами?»: «Социалистическому реформизму мы отдали дань всей деятельностью красной Вены, революционному социализму — героическим актом февральского восстания в защиту республики»¹⁹⁶.

¹⁹⁶ O. Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen? — In: O. Bauer. Werkausgabe, Bd. II, S. 350.

Монти Джонстон

ПЕРЕДОВАЯ ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ — ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОРУДИЕ НОВОГО ТИПА

«...Крах старых «социал-демократических» партий II Интернационала ни в коем случае нельзя изображать как крах пролетарской партийности вообще,— заявил II конгресс Коммунистического Интернационала в июле 1920 года.— Эпоха непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата родит новую партию пролетариата — Коммунистическую партию»¹.

В отличие от II Интернационала, который предвидел и содействовал образованию в каждой стране единой рабочей партии, включающей различные составные части социалистического движения², II Интернационал в своем 21 условии допуска в организацию настоятельно требовал «абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой центра», а также с руководителями, которые отождествляли себя с этой политикой. Так, объединение венгерских коммунистов с левыми социал-демократами в 1919 году приводилось в качестве отрицательного примера³. Старые социал-демократические программы необходимо было заменить другими, коммунистическими⁴. В отличие от старых партий II Интернационала, занимавшихся в основном парламентской деятельностью, мирной и легальной, новые коммунистические партии «не могут питать доверия к буржуазной законности» и они должны быть готовыми к «сочетанию легальной и нелегальной работы»⁵.

Конгресс единодушно принял документ «Роль коммунистической партии в пролетарской революции», в котором пред-

¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. Партиздат, Москва, 1933, с. 105—106.

² G. D. H. Cole. A History of Socialist Thought. Vol. II: The Second International. London, 1963, part I, p. 54. Автор цитирует резолюцию Амстердамского конгресса 1904 года, в которой говорится, что, «поскольку существует лишь один пролетариат», в каждой стране должна существовать лишь одна социалистическая партия.

³ Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932, с. 102, 101.

⁴ Там же, с. 103.

⁵ Там же, с. 101.

сказывалась близость «решительного часа»⁶. В этом документе коммунистическая партия названа «сплоченной организацией лучшей части рабочего класса». Она впитывает в свои ряды «наиболее стойких, наиболее дальновидных, наиболее передовых борцов рабочего класса»⁷.

Необходимо создавать «ячейки» на каждом заводе, в каждом профессиональном союзе, в каждом кооперативе, в любой мастерской, в каждом батрацком комитете, не говоря уже о Советах⁸. «Коммунистическая партия должна быть построена на началах демократического централизма. Главным принципом демократического централизма является выборность высшей ячейки низшей ячейкой, абсолютная обязательность всех директив высшей ячейки для ячейки, подчиненной ей, и наличие властного партийного центра, являющегося бесспорным для всех руководителей партийной жизни от съезда к съезду»⁹.

Предлагая этот документ II конгрессу, председатель Коминтерна Зиновьев в качестве образца ссылался на опыт большевистской партии Ленина: «Если мы хотим использовать опыт русской революции, нам следует прежде всего признать необходимость такой коммунистической партии, которая была бы исключительно централизована и обладала железной дисциплиной. В условиях яростной гражданской войны, которую мы переживаем, другой альтернативы не существует. Нет альтернативы железной партии, сплоченной в едином блоке. У русских рабочих все вы должны учиться тому, с чего действительно следует брать пример... День за днем в течение двадцати лет мы ковали это оружие, партию, большевистскую партию, ставшую коммунистической. Вот вам лучший пример»¹⁰. Большевики одержали первую победу, совершили социалистическую революцию, и было неизбежно, что это увеличит притягательную силу партии, которая могла гордиться столь великой победой. Здесь мы хотели бы рассмотреть ту полемику и тот сложный опыт, в результате которых в течение двух десятилетий «выковалась» эта ленинская партия «нового типа», поскольку тезисы Коминтерна и речь Зиновьева дают нам об этом несколько одностороннее представление.

1. Ортодоксальная традиция

Ни один марксист ни до, ни после Ленина не уделял так много внимания, как он—и в теории, и на практике,—вопро-

⁶ Там же, с. 104.

⁷ Там же, с. 108.

⁸ Там же, с. 110.

⁹ Там же, с. 109.

¹⁰ Речь Зиновьева на II конгрессе 23 июля 1920 года см. в: The Second Congress of the Communist International. London, 1977, p. 58—59.

сам партии. В отличие от Маркса и Энгельса¹¹ большую часть своей жизни Ленин был главой и организатором революционной партии, которая, кроме всего прочего, сыграла беспрецедентную роль образца для других братских партий как в национальной, так и в международной истории, оказывая на нее и прямое, и косвенное влияние. Ленин уделял максимум внимания организационным вопросам. Он говорил: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации», и что «...пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса»¹².

Однако было бы серьезной ошибкой считать Ленина лишь простым «организатором» или сводить его концепцию партии к единственно организационной модели. Как мы увидим ниже, у Ленина так же, как и у Маркса и Энгельса, моделей партии было немало¹³. Основываясь на собственном теоретическом анализе и политической оценке различных условий, преобладающих в определенный момент в определенной стране, Ленин время от времени выступал то за узкокадровую, то за массовую партию и за внутреннюю структуру, которая шла от конспиративной верхушечности и до самой широкой демократии. Постоянно «сохраняя свой коренной тип», писал Ленин в 1913 году, партия «умела приспосабливать *свою форму* к изменившимся условиям, умела видоизменить *эту форму* соответственно требованиям момента»...¹⁴ Общей для всех моделей была идея централизованного авангарда, способного слить воедино теорию и социалистическое сознание со стихийным движением рабочего класса.

Когда в 1902 году в «Что делать?» Ленин сформулировал свои идеи о задачах рабочей партии в России, он еще считал, что к особым условиям в своей стране необходимо применять ортодоксальные марксистские понятия. Эти концепции восходили к «Манифесту Коммунистической партии» 1848 года, в котором Маркс и Энгельс говорили, что «...в теоретическом отношении у них [коммунистов.— *Ред.*] перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода

¹¹ Лишь в 1847—1852 годах Маркс и Энгельс входили в партийную организацию «Союз коммунистов»; с 1864 года (а Энгельс с 1870 года) до 1872 года они руководили деятельностью Международного товарищества рабочих (I Интернационал).

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 403, 403—404.

¹³ H. Bartel, W. Schmidt. Zur Entwicklung der Auffassungen von Marx und Engels über die proletarische Partei. — In: Marxismus und deutsche Arbeiterbewegung, hrsg. von H. Bartel. Berlin, 1970, p. 7—101; M. Johnstone. Marx and Engels and the Concept of the Party. — In: Socialist Register, ed. R. Miliband and J. Favell. London, 1967, p. 121—158.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 29.

и общих результатов пролетарского движения»¹⁵. Ленин также считал, что идея рабочей партии, включающей наиболее прогрессивную часть пролетариата, дополняет, а не противоречит концепции Маркса, согласно которой «освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих»¹⁶. В 1883 году Плеханов в своем произведении «Социализм и политическая борьба» (труд, от которого «берет начало история революционной демократии в России»¹⁷) писал насчет особых условий, в которых действовала «Группа освобождения труда», первая русская марксистская организация, основанная им же в этом же году: «Русские социалисты могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс. Сила рабочего класса, как и всякого другого класса, зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России»¹⁸. Указание, содержащееся в этом абзаце и относящееся к руководящей роли социалистической интеллигенции, Плеханов вновь повторил в 1895 году в «Наших разногласиях»¹⁹, труде, который содержал «практически все основные идеи, являвшиеся профессиональными орудиями труда русского марксизма вплоть до конца века»²⁰.

Ленин находился под довольно сильным влиянием немецкой социал-демократии и ее Эрфуртской программы 1891 года, в которой перед партией ставилась задача «формировать (gestalten) эту борьбу рабочего класса (за политическую власть) в сознательное и единое движение, указывая ему нужную (naturnotwendiges) цель»²¹. В частности, он заимствовал у ведущего немецкого теоретика Карла Каутского (автора одной из важнейших частей программы²², а также очень толкового комментария) в качестве определения название одной из глав — «Социал-демократия: соединение социализма

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 437.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 330.

¹⁷ Д. Рязанов. Предисловие к: G. Plechanov. Fundamental Problems of Marxism. London, 1941, p. IX.

¹⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в пяти томах. М., Госполитиздат, 1954, т. 1, с. 119.

¹⁹ См. там же, с. 115—370.

²⁰ M. N. Pokrovsky. Brief History of Russia. London, 1953, vol. I, p. 230.

²¹ Geschichte der Deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1966, Bd. I, S. 431.

²² M. L. Salvadori. Kautsky e la rivaluzione socialista 1880—1936. Milano, 1976, p. 26.

с рабочим движением»²³. Приводя эту формулу Каутского и предвосхищая «Что делать?», Ленин писал в 1899 году, что задача социал-демократии — «внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки, связать его с систематической политической борьбой за демократию, как средство осуществления социализма, одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с деятельностью революционной партии»²⁴.

Подчеркнув необходимость анализа как революционного опыта Западной Европы, так и опыта России, Ленин продолжал, делая акцент на том, что «готовых образцов нам искать нигде: с одной стороны, русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западно-европейское... А с другой стороны, русская социал-демократия самым существенным образом отличается от прежних революционных партий в России, так что необходимость учиться у старых русских корифеев революционной и конспиративной техники (мы несколько не колеблясь признаём эту необходимость) отнюдь не избавляет нас от обязанности критически относиться к ним и самостоятельно вырабатывать свою организацию»²⁵.

Хотя в «Что делать?» Ленин, как мы увидим дальше, позаимствовал у Каутского одно из ключевых понятий, исключительно большая разница видна между тем, какое значение придавал активной пропагандистской деятельности Ленин, и в какой-то мере фаталистическим отношением к этому в работах Каутского. Характерно, например, что часть комментариев Каутского к Эрфуртской программе, которая называется «Рабочая партия», написана в более общих чертах и проникнута понятиями закона естественной необходимости («*Naturnotwendigkeit*»), которая в капиталистических странах приведет рабочий класс к образованию партии и неизбежно к победе социализма. Для пролетариата это будет «радостной вестью, новым евангелием»²⁶. Все написанное Лениным о партии, наоборот, исключительно специфично, поскольку касается особых организационных задач, связанных с политической обстановкой того времени. Не приемля волюнтаризма, против которого все последующие двадцать лет он будет жестоко биться внутри партии, Ленин особо подчеркивал значение субъективного в революционном процессе. «Говорить же,— писал он в «Искре» в декабре 1901 года,— что идеологи (т. е. сознательные руководители) не могут совлечь

²³ K. Kautsky. Il programma di Erfurt. Roma, 1971, p. 187—189.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 189.

²⁵ Там же, с. 190.

²⁶ K. Kautsky. Il programma di Erfurt, cit., p. 179—182.

движения с пути, определяемого взаимодействием среды и элементов,— это значит забывать ту азбучную истину, что сознательность *участвует* в этом взаимодействии и этом определении»²⁷. Социал-демократы должны взять «в свои руки» руководство «общедемократическим движением», сознавая, что «массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой, и всяким неожиданным взрывом, и, наконец, последним решительным нападением»²⁸.

В «Что делать?» Ленин афористически выразил свою активную позицию в знаменитой фразе: «...дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»²⁹ Существенно различный взгляд на объективный и субъективный факторы у Каутского и у Ленина отражал противоположность между выжидательностью и активностью соответствующей политической практики. Таким образом, уже в начале века в зародыше существовали основные отличительные черты, которые привели впоследствии к великому расколу между традиционными партиями II Интернационала, с одной стороны, и большевизмом, а потом и партиями Коммунистического Интернационала — с другой.

2. Сознательность и стихийность

«Что делать?» ставило целью «полемически» исправить «экономизм»³⁰ (который в немецких условиях и в международном плане Ленин отождествлял с бернштейнским ревизионизмом³¹), с его убеждением, «что можно развить классовое политическое сознание рабочих... *изнутри*»³², то есть отталкиваясь от их стихийной борьбы на рабочих местах. Проблема отношений между стихийностью масс и сознательностью социал-демократии (так озаглавлена вторая глава) занимает основное место в этом труде и, более того, в ленинской концепции партии. Утверждая, что «*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*»³³, Ленин цитировал слова Энгельса об «обязанности» социалистических «вождей» «все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам», изучать со-

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 363.

²⁸ Там же, с. 365.

²⁹ Там же, т. 6, с. 127.

³⁰ Там же, т. 16, с. 107.

³¹ Там же, т. 6, с. 7.

³² Там же, с. 79.

³³ Там же, с. 25.

циализм «с тех пор, как он стал наукой», и «приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием...»³⁴. Выступая против идеи, что «чисто рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию», Ленин цитировал «глубоко справедливые и важные слова Каутского, сказанные им по поводу проекта новой программы австрийской социал-демократической партии» (Вена, 1901), которая должна была заменить Гайнфельдскую программу (1888—1889): «...социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания... Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция* (курсив К. К.): в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное (von aussen Hineingetragenes) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (irgwüchsig) из нее возникшее. Соответственно этому старая Гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) *сознания* его положения и сознания его задачи. В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы»³⁵.

Предоставленный себе, утверждал Ленин, «своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское»³⁶. Однако, добавлял он, «это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой работе. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма... участвуют... лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удастся овладевать знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим *чаще удавалось это*, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще...»³⁷. В течение всей своей политической жизни Ленин придавал огромное значение воспитанию и формированию рабочих кадров («русских Бабелей») в партии. То, что в прошлом эти теоретические

³⁴ Там же, с. 27.

³⁵ Там же, с. 38, 39.

³⁶ Там же, с. 30.

³⁷ Там же, с. 39, примечание.

³⁸ Там же, с. 171.

силы происходили из интеллигентской среды, вовсе не означало, что так будет продолжаться и впредь.

Признавая, что «рабочий класс *стихийно* влечется к социализму», он, однако, подчеркивал, что «...наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему»³⁹. И это потому, что буржуазная идеология более развита, «гораздо старше, чем социалистическая», и к тому же «обладает *неизмеримо* большими средствами распространения». Стихийность и сознательность не разделяются механически; подчеркивается их диалектическая связь. В самом деле, Ленин утверждал, что «стихийность стихийности — рознь» и рабочие вовлечены в борьбу, в которой «„стихийный элемент“ представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности»⁴⁰. Однако эта сознательность не может стать развитой социалистической сознательностью без партии, вооруженной теорией и обладающей теоретиками, анализирующими политическое, экономическое и социальное развитие в самом широком смысле этого слова: «Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне*, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это сознание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами»⁴¹.

При попытке развить гегемонию рабочего класса в борьбе за демократию «...идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а *народный трибун*, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались...»⁴².

В 1907 году Ленин отмечал: «Основная ошибка, которую делают люди, в настоящее время полемизирующие с «Что делать?», состоит в том, что это произведение совершенно вырывают из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии»⁴³. Особые формы организации партии, которую он защищал в своем труде, относились к условиям царской России 1902 года, когда первоочередной задачей партии являлось... «разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также... и азиатской реакции...»⁴⁴.

³⁹ Там же, с. 41, примечание.

⁴⁰ Там же, с. 29—30.

⁴¹ Там же, с. 79.

⁴² Там же, с. 80.

⁴³ Там же, т. 16, с. 101.

⁴⁴ Там же, т. 6, с. 28.

В то время задача заключалась в том, чтобы на место тогда разрозненных социал-демократических кружков с их дилетантскими методами поставить высокоцентрализованную партию, способную вести эффективную борьбу против этого врага. «...В самодержавной стране, чем более мы *сузим* состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию»⁴⁵. Отсюда необходимость воспитать как можно больше «*профессиональных революционеров*», все равно — из студентов или рабочих они выработаются»⁴⁶. В следующем году на втором съезде РСДРП Ленин скажет: «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров»⁴⁷. Затем Ленин будет защищать правильность линии, принятой в 1901—1902 годах, когда «преувеличивали» значение организации профессиональных революционеров, будет защищать эту линию от нападков тех, кто не видел в этом необходимого этапа в развитии партии. На разных этапах организационные формы, принятые большевиками, а затем и коммунистическими партиями, профессиональный революционер и устойчивая, хранящая преемственность организация руководителей сохраняли свое значение, о котором говорил Ленин в «Что делать?».

В разделе «„Заговорщическая” организация и „демократизм”» IV главы «Что делать?» Ленин объяснял, по какой причине нельзя применять демократические принципы к партии, борющейся в условиях подполья против гнета самодержавия: подобные принципы предусматривают «выборность всех функций» и самую «полную гласность» до такой степени, что определенного «деятели могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность *все* члены партии»⁴⁸. Примером демократической организации подобного типа «в стране с политической свободой» и в абсолютно иных условиях Ленин считал немецкую социал-демократическую партию. К тому же он особо подчеркивал, что недемократический централизм, который он считал необходимым для русской партии в 1902 году, был вызван исключительно условиями, в которых ей пришлось действовать⁴⁹. И действительно, как только позволили условия, были введены и демократические нормы. Опыт подпольной работы большевиков и соответствующие организационные формы,

⁴⁵ Там же, с. 124.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, т. 8, с. 247.

⁴⁸ Там же, т. 6, с. 139.

⁴⁹ См. там же, с. 138, 139.

развившиеся в тот период, дали большевикам огромное преимущество по сравнению с социал-демократическими партиями Западной и Центральной Европы, в особенности во время первой мировой войны; «прикровенный... лицемерный... оппортунизм»⁵⁰ этих последних привел к тому, что даже бывшие «левые» марксисты, такие, как Каутский, оказались абсолютно неподготовленными как психологически, так и организационно пойти по пути нелегальной борьбы, обязательной для последовательного сопротивления империалистической войне.

В «Что делать?» уже просматриваются, хотя и применительно к тогдашним условиям, элементы будущей «партии нового типа». В «Письме к товарищу о наших организационных задачах» (сентябрь 1902 года) Ленин развил далее свои идеи по организации партии, придавая особое значение фабрично-заводским организациям: «Каждый завод должен быть нашей крепостью»⁵¹. Подобная организация должна была стать основным звеном коммунистических партий — в противовес традиционным организационным формам социал-демократии, основанным на территориальном принципе избирательного округа ⁵².

3. Большевики и меньшевики

С этого времени великая битва внутри РСДРП развернулась между «экономистами» и «искровцами» (Плеханов, Ленин, Мартов, Аксельрод и Троцкий). На II съезде партии (на самом деле это был первый ее съезд в полном смысле слова) в июле—августе 1903 года «искровцы» разгромили «экономистов» по всем основным программным и политическим вопросам. В ходе дебатов как Плеханов, так и Мартов выступили в защиту ленинской работы «Что делать?», однако довольно быстро присоединились к мнению ее критиков⁵³. Еще до окончания съезда даже сами «искровцы» разошлись во мнениях по вопросу о членстве в партии, альтернативно сформулированном Лениным и Мартовым, в 1-м параграфе ее Устава. Обе стороны признавали, что членом партии «считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию» материально. Но Ленин при поддержке Плеханова хотел добавить: «поддерживающий партию как материальными

⁵⁰ Там же, т. 27, с. 108.

⁵¹ Там же, т. 7, с. 15.

⁵² См.: W. S. Mitzkewitsch-Kapsukas. — In: Lenin über Organisationsfragen, Wien, 1924, S. 11—12; O. Piatnitsky. The Bolshevisation of the Communist Parties. London s. d. (1 ed. 1934), p. 3—4; D. Fricke. Die Organisationsfrage in der internationalen Arbeiterbewegung am Ausgang des 19. Jahrhunderts. — In: „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“, 1974, Bd. XXII, p. 1078 ff.

⁵³ См.: 1903: Second Congress Minutes, p. 152, 158—159.

средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций», вместо формулировки, предложенной Мартовым: «...и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»⁵⁴.

Формулировка Мартова предполагала более «эластичную» идею партии, которую позднее Ленин назовет «анархизмом» и «оппортунизмом в организационных вопросах»⁵⁵. Противники Ленина определяют его попытки ограничить членство в партии, в сущности, «как антисоциалистические, которые могут низвести партию до уровня какого-то союза конспираторов и изолировать ее от рабочего класса»⁵⁶. Но даже обе формулировки, вместе взятые, никак не оправдывают резкий разрыв, который за этим последовал. Сам Ленин скажет, что Каутский, по мнению которого формулировка Мартова более подходила для России, «ошибается, если он думает, что при русском полицейском режиме существует такое большое различие между принадлежностью к партийной организации и просто работой под контролем подобной организации»⁵⁷.

Впоследствии, в 1906 году, в связи с IV съездом партии меньшевики сочли возможным присоединиться к ленинской формулировке 1-го параграфа Устава⁵⁸. Более того, уже в конце 1905 года конференция меньшевиков решила отказаться от старой формулировки, о которой сам Мартов написал, что она «ослабляла строго партийный характер организации, поскольку не обязывала всех членов принадлежать к ее партийным организациям»⁵⁹. Несомненно, на меньшевиков, которые всегда в сильной степени ориентировались на западную социал-демократию, большое влияние оказывало то, что съезд немецких социал-демократов, состоявшийся в Йене в сентябре 1905 года, принял новое постановление об обязательной принадлежности каждого социал-демократа к одной из партийных организаций»⁶⁰.

Именно «действительный характер тех *оттенков в воззрениях*, которые наметились или начали намечаться» в связи с этим «небольшим сравнительно разногласием», придал *огромное значение* голосованию на II съезде по первому параграфу. Это признал сам Ленин⁶¹. После принятия варианта Мартова 28 голосами против 22 при одном воздержавшемся⁶²

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 227—228.

⁵⁵ Там же, с. 366.

⁵⁶ J. Martov und T. Dan. Geschichte der russischen Sozialdemokratie, Berlin, 1926, S. 85.

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 57, примечание.

⁵⁸ Там же, т. 13, с. 56.

⁵⁹ Martov—Dan, Geschichte der russischen Sozialdemokratie, p. 153—154.

⁶⁰ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, S. 100.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 240.

⁶² См.: 1903: Second Congress Minutes, p. 331.

расхождение между «искровцами» вновь проявилось и по другим вопросам, в особенности при голосовании состава руководящих органов партии. Однако на этот раз, после того как съезд покинули делегаты Бунда и органа «экономистов» — «Рабочего дела» (они были несогласны с предшествующими решениями и поддерживали Мартова), большинство завоевали сторонники Ленина. С тех пор сторонники Ленина стали называться большевиками, а сторонники Мартова — меньшевиками.

На съезде выяснилось, что за кажущимся согласием «искровцев» скрывались внутренние расхождения между теми, кто по политическому убеждению и темпераменту являлись сторонниками «твердой линии», и теми, кто, наоборот, склонялся скорее к «мягкой линии». Несомненно, Троцкий ссылался на позиции многих участников съезда, голосовавших, как и он сам, за Мартова, когда позднее писал, что всегда считал себя «централистом», но в то время не мог принять «сурового и властного централизма» Ленина, который требовал подчинения какого бы то ни было личного соображения революционным целям⁶³.

Хотя расхождения между большевиками и меньшевиками сначала касались лишь организационных вопросов, к концу 1904 года они перешли в область политической стратегии, где противоположные мнения об отношении к либералам и различия в понимании гегемонии вызвали нескончаемые принципиальные споры⁶⁴. Начало этих споров уже ощущалось в двух предсъездовских резолюциях об отношении к либералам. Первая, подписанная Старовером (Потресовым), Мартовым, Аксельродом, Троцким и другими, требовала временных соглашений с либералами, в то время как вторая, за подписями Плеханова, Ленина и других, придерживалась более твердой линии и подчеркивала необходимость их «разоблачения»⁶⁵. Тот факт, что были приняты обе резолюции, показывал, что необходимо время для выяснения различных «оттенков мнения», с тем чтобы они оформились и стали настоящими политическими течениями. Прежде чем это произошло, Плеханов перешел на сторону меньшевиков, от которых отошел Троцкий, занявший независимую политическую позицию.

В работе «Шаг вперед, два шага назад», написанной в феврале — марте 1904 года, Ленин дал подробный анализ этого решающего II съезда, подчеркивая расхождения между большевистской и меньшевистской концепциями партии. Полемизируя с «оппортунистическими», политически распыл-

⁶³ L. Trockij. *La mia vita*. 1961, p. 144.

⁶⁴ См.: V. Strada. *La polemica tra bolscevichi et menscevichi Sulla rivoluzione del 1905*. В книге: *Sofia del marxismo*, vol. 2, p. 443—492.

⁶⁵ См.: 1903: *Second Congress Minutes*, p. 465—466.

чатыми идеями меньшевиков, Ленин писал: «Мы — партия класса, и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии...» Постоянная обязанность передового отряда «*поднимать* все более и более обширные слои до этого передового уровня»⁶⁶.

Ленин в особенности старался показать, что, «бойкотирую» партийные органы, образованные на основе решений большинства съезда, законность которых была признана также и Мартовым⁶⁷, Мартов и его меньшевистские соратники показали свою психологию «буржуазного интеллигента, который причисляет себя к «избранным душам», стоящим выше классовой организации и массовой дисциплины»⁶⁸. Их «Edeal-anarchismus» (т. е. анархизму «благородного» господина, барскому анархизму)⁶⁹ он противопоставлял «бюрократическую» идею о том, что партия должна строиться «сверху вниз, от партийного съезда к отдельным партийным организациям»⁷⁰. Ничего странного не было, писал он, во внутренних расхождениях партии и на съезде: «борьба *оттенков* в партии неизбежна и необходима, покуда борьба не ведет к анархии и к расколу, покуда борьба идет *в рамках*, одобренных сообщами всеми товарищами и членами партии»⁷¹. Отвергая бланкизм, с его отказом от агитации и массовой пропаганды, Ленин принимал выдвинутое Аксельродом обвинение в «якобинстве» Ленина в следующем смысле: «Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*»⁷².

Переходя затем к проблеме пролетарской дисциплины, Ленин писал: «Именно фабрика... и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм,— продолжал он,— как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов раз-

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 245.

⁶⁷ См.: 1903: Second Congress Minutes, p. 446.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 343—344.

⁶⁹ Там же, с. 379.

⁷⁰ Там же, с. 394, примечание.

⁷¹ Там же, с. 333.

⁷² Там же, с. 370.

личию между эксплуататорской стороной фабрики... и ее организующей стороной... Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной „школе”»⁷³.

4. Критика со стороны Троцкого и Розы Люксембург

Ссылки Ленина на фабричную дисциплину стали одной из тем, к которым Троцкий также обратился в 1904 году в своей известной книге «Наши политические задачи». В ней он предсказывал, что ленинские методы ведут к такому положению, когда «партия „подменяется” партийными органами (аппаратом), партийные органы — центральным комитетом и, наконец, центральный комитет — „диктатором”»⁷⁴. Полемизируя с «Шаг вперед, два шага назад», где, несомненно, была выражена иная позиция, нежели в «Что делать?», Троцкий писал: «Согласно новой философии Ленина... для пролетариата достаточно пройти через «фабричную школу», чтобы преподать интеллигентам, которые, между прочим, играют командную роль в своей партии, уроки дисциплины... Тот самый пролетариат, который вчера, как вы говорили, стихийно катился по пути «тред-юнионизма», сегодня призван давать уроки политической дисциплины. И кому? Той самой интеллигенции, которая вчера должна была приносить чужие политическую сознательность пролетариату!»⁷⁵

В своей статье «Проблемы организации русской социал-демократии», появившейся в 1904 году как на страницах «Новой цайт», так и в «Искре» (руководство которой уже контролировали меньшевики), Роза Люксембург также критиковала отношение Ленина к фабричной дисциплине. «Рабской покорности угнетенного класса» она противопоставляла «организованное восстание класса, борющегося за освобождение», и «добровольную самодисциплину социал-демократии»⁷⁶.

Она обвиняла Ленина в «ультрацентрализме» и в том, что он выбрал яacobинско-бланкистский тип организации партии, основанный на «слепом, абсолютистском подчинении отдельных органов партии авторитету центрального органа и расширению решающих санкций этого последнего до самой отдаленной периферии партийной организации»⁷⁷. Признавая

⁷³ Там же, с. 379.

⁷⁴ Л. Троцкий. Наши политические задачи. Женева, 1904, с. 54.

⁷⁵ Там же, с. 73, 75.

⁷⁶ R. Luxemburg. Problemi di organizzazione della socialdemocrazia russa. In: Scritti politici, a cura L. Basso. Roma, 1967, p. 223.

⁷⁷ Ibid., p. 222.

необходимость того, что задача социал-демократической организации — вносить «политическое сознание» в классовую борьбу⁷⁸, Роза Люксембург прежде всего заботилась о «прямых и самостоятельных действиях массы»⁷⁹ и настаивала на них. Самые положительные тактические повороты в России за последние десятилетия «были всякий раз стихийным результатом самого движения»⁸⁰.

Как и Ленин, Роза Люксембург и Троцкий отождествляли себя с активным марксизмом и открыто противопоставляли себя марксизму II Интернационала. Поэтому в конце концов после войны и русской революции они присоединились к коммунистической партии. Однако в период, предшествовавший обоим событиям, оба они отказывались видеть в ленинской концепции организации партии ключ борьбы против оппортунизма. Роза Люксембург считала, что это «чисто техническая сторона социал-демократической деятельности», и противопоставляла ей «сознательность и политическое воспитание масс в ходе их борьбы»⁸¹. В то же время, как это ни парадоксально, она писала, что в таких партиях, как французская и немецкая, «более строгое проведение централистского принципа в организации и более жесткая формулировка параграфов устава о партийной дисциплине» могли бы послужить «своевременной защитой от оппортунистического течения»⁸².

В книге «Шаг вперед, два шага назад» Ленин, повторяя замечание Троцкого на II съезде о том, что «оппортунизм создается более сложными (или: определяется более глубокими) причинами, чем тот или другой пункт устава», подчеркивал: «Не в том дело, что пункты устава могут создавать оппортунизм, а в том, чтобы сковать при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие»⁸³. Приводя эти слова Ленина, Роза Люксембург подчеркивала, что оппортунизму может способствовать как чрезмерный централизм, так и децентрализация⁸⁴. И, явно намекая на немецкую партию, выделяла «исключительно консервативную... роль» социал-демократического руководства в том, что касалось тактических новинок, а также отмечала в «буржуазном парламентаризме... особый культурный слой настоящего оппортунистического течения в социалистическом движении Западной Европы»⁸⁵.

⁷⁸ Ibid., p. 218.

⁷⁹ Ibid., p. 221.

⁸⁰ Ibid., p. 224.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid., p. 234.

⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 258, 259, примечание.

⁸⁴ R. Luxemburg. Problemi di organizzazione..., cit., p. 232.

⁸⁵ Ibid., p. 225, 229.

Учитывая несомненную разницу в подходе к этой теме Розы Люксембург и Ленина, необходимо, однако, рассматривать это в связи с различиями в национальной обстановке, на что они оба в то время обращали особое внимание. В 1904 году и в последующие годы для Розы Люксембург самой важной борьбой внутри партии, в которой она приняла активное участие, была борьба против застывшего бюрократического консерватизма и парламентского оппортунизма немецкой социал-демократической партии. Для Ленина, который пытался создать действенную подпольную партию с централизованным руководством, исходя из «бесформенного конгломерата местных партийных организаций»⁸⁶, проблема представлялась диаметрально противоположной.

Именно эти специфические русские проблемы подчеркивал Ленин в одной из ответных статей Розе Люксембург, а также Каутскому («Искра» напечатала письмо Каутского, где он одобрительно отзывался о позиции меньшевиков⁸⁷). В своем ответе Розе Люксембург, который Каутский отказался опубликовать в «Нойе цайт»⁸⁸, Ленин обвинил ее в том, что она «величественно игнорирует конкретные факты нашей партийной борьбы и великодушно занимается декламацией...». Отказываясь принимать во внимание ее обвинения в «ультрацентрализме» и «бланкизме», он утверждал, что речь шла не о «рабской покорности» или «слепом подчинении»: «спор у нас велся, главным образом, о том, должны ли ЦК и ЦО представлять собой направление большинства или не должны»⁸⁹.

Кроме того, то, что именно он представлял себе «партию в виде фабрики», писал Ленин, просто смешно. Тот, кто это утверждает, «смешивает две разные стороны фабричной дисциплины». «Соотношение между якобинством и революционной социал-демократией «смешивает» с отождествлением самих этих направлений»⁹⁰. Истина всегда «конкретна», настойчиво повторял Ленин, и «лекция» Розы Люксембург «об оппортунизме... в странах парламентаризма» ничего общего не имеет с разновидностями русского оппортунизма, о которых идет речь в его книге. К тому же, продолжал Ленин, «я

⁸⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 51.

⁸⁷ Написанное К. Каутским в мае 1904 года большевику Лядову (Мандельштаму), оно было опубликовано в конце месяца в № 66 «Искры».

⁸⁸ Каутский заявил, что считает «бесполезной и даже вредной» дискуссию по русским вопросам, но предложил Ленину «дискуссию по принципиальным организационным вопросам» (см.: D. Geyer. Die russische Parteispaltung im Urteil der deutschen Sozialdemokratie, in „International Review of Social History“, vol. III, 1958, n. 2, p. 217—219).

⁸⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 47, 43.

⁹⁰ Там же, с. 45, 47.

никогда и нигде не говорил подобной бессмыслицы — что устав партии является оружием „сам по себе”»⁹¹.

5. Образец массовой партии (1905—1907)

Реакция Ленина на значительную временную свободу после революции 1905 года показывает, что его организационная практика не могла удержаться в рамках консерватизма и безынициативности, свойственных руководству немецкой социал-демократии. До сего времени он отдавал предпочтение узкому составу партии в противовес широкому, за который выступали меньшевики; теперь же он настаивал на необходимости отбросить всякие предосторожности и привлекать в партию новых членов, расширяя ее состав, несмотря на оппозицию большевистских комитетчиков, замерших на прежних позициях. Уже в феврале 1905 года Ленин говорил о необходимости привлечения молодых сил: «...надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее...* Бросьте все старые привычки неподвижности, чинопочитания и пр. ...Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты... Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей»⁹².

В марте 1905 года в статье «Новые задачи и новые силы» он писал: «...мы должны приспособляться к совершенно новому размаху движения... надо сильно расширить состав всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций, чтобы хоть сколько-нибудь идти в ногу с возросшим во сто раз потоком народной революционной энергии... Нужно создавать... не медля ни минуты *сотни* новых организаций»⁹³.

Теперь это был лучший способ, с помощью которого партия могла ответить на задачу вести за собой класс, «руководить классом, быть его организатором». Естественно, все это не означало, «чтобы следовало оставить в тени выдержанную подготовку и систематическое обучение истинам марксизма»⁹⁴. В мае 1905 года на III съезде партии, в котором меньшевики не участвовали, поскольку собрались на параллельной конференции, Ленин дал бой большевистским комитетчикам, защищая свое предложение (которое с самого начала было обречено на поражение) ввести в партийные комитеты по восемь рабочих против двух интеллигентов, поскольку «у рабочих есть классовый инстинкт»⁹⁵. В ноябре он уже требовал,

⁹¹ Там же, с. 47, 49.

⁹² Там же, с. 247.

⁹³ Там же, с. 301, 302, 304.

⁹⁴ Там же, с. 302, 302—303.

⁹⁵ Там же, т. 10, с. 163.

чтобы «на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции приходилось несколько сот рабочих социал-демократов»⁹⁶.

Насколько изменилось его отношение к этому вопросу по сравнению с тем, что он говорил в «Что делать?», показывает статья «О реорганизации партии», появившаяся в ноябре 1905 года, где он писал: «Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен, а более чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж немало сделала для превращения этой стихийности в сознательность»⁹⁷. Статья отвечала также на возражения, выдвинутые против его проекта массовой партии: «Не забывайте, что во всякой живой и развивающейся партии всегда будут элементы неустойчивости, шатания, колебаний. Но эти элементы поддаются и поддадутся воздействию выдержанного и сплоченного ядра социал-демократов»⁹⁸.

С такой же гибкостью и восприимчивостью к народной инициативе Ленин поддержал в отличие от многих петербургских большевиков стихийное образование местного Совета. «Мне сдается, — писал он в ноябре 1905 года, — что для руководства политической борьбой равным образом безусловно необходимы в настоящее время и Совет... и партия»⁹⁹. Во время революции 1905—1907 годов партия с нескольких тысяч выросла до более чем 30 тысяч членов, которые в апреле 1906 года выбрали своих кандидатов на IV (Объединительный) съезд, затем достигла максимального роста почти в 150 тысяч членов, представленных на V съезде в мае 1907 года¹⁰⁰. Таким образом, партия подошла к этапу, на котором Ленин мог утвердительно констатировать, что большевики стали «массовой» партией¹⁰¹. Однако вскоре эта тенденция в связи с наступлением реакции пойдет в обратном направлении.

6. Демократический централизм, партия и фракционность

Уже в 1903 году были приняты первые меры, направленные на то, чтобы дать партии подробную информацию, что

⁹⁶ Там же, т. 12, с. 90, примечание.

⁹⁷ Там же, с. 86.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, с. 63. Статья была написана Лениным в Стокгольме для большевистской петербургской газеты «Новая жизнь», которая, однако, ее не опубликовала.

¹⁰⁰ В отношении цифровых данных о большевиках и меньшевиках и др. см.: D. Lane. The Roots of Russian Communism. London, 1965, p. 12—13. В 1907 году было уже 46 тысяч большевиков против 38 тысяч меньшевиков; остальные принадлежали к еврейскому Бунду, а также польско-литовской организации партии.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 164.

Ленин считал неотъемлемой чертой внутренней партийной демократии. Опубликование исчерпывающего и подробного доклада на II съезде партии в 1903 году — единственная предосторожность состояла в том, что настоящие имена участников были заменены псевдонимами, — представляло важный шаг вперед в этом направлении. Вся партия, писал Ленин, должна иметь в распоряжении *«весь, решительно весь материал для оценки всех и всяческих разногласий»* в любом дискуссионном вопросе. И добавлял, что подобная информация «по возможности» не должна скрываться даже от «сторонней публики». Он писал, что нельзя быть «слишком... резким по отношению к „анархическому индивидуализму“», и считал возможным «даже некоторые отступления» «от красивых схем централизма и от безусловного подчинения дисциплине»¹⁰².

С начала революции 1905 года партия «воспользовалась временным просветом свободы для осуществления идеального демократического строя открытой организации, с выборной системой, с представительством на съездах по числу организованных членов партии»¹⁰³, — писал Ленин в 1907 году. Если тезисы Коминтерна в отношении демократического централизма, о которых мы говорили вначале, подчеркивали именно сторону централизма, то в тот период, наоборот, предпочли поставить акцент на демократизме в противовес позиции, взявший прежде верх внутри партии. В России термин «демократический централизм» впервые появился в резолюции о реорганизации партии, набросанной Лениным¹⁰⁴ и затем принятой Таммерфорской конференцией большевистской фракции в декабре 1905 года. В ней заявлялось: «Признавая бесспорным принцип демократического централизма, конференция считает необходимым проведение широкого выборного начала с предоставлением выбранным центрам всей полноты власти в деле идейного и практического руководства, наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий... Конференция предлагает всем организациям партии провести немедленно и самым энергичным образом реорганизацию местных организаций на выборных началах...»¹⁰⁵. Принципиальная декларация была расширена в резолюции по организации партии, написанной Лениным для IV (Объединительного) съезда, в которой предлагалось, чтобы отступления от принципа выборности партии сверху донизу были «допустимы лишь при непре-

¹⁰² Там же, т. 8, с. 94, 95. Ленин написал это письмо сразу же после того, как ушел из редакции газеты, перешедшей под контроль меньшевиков.

¹⁰³ Там же, т. 16, с. 102.

¹⁰⁴ Там же, т. 12, с. 83—93.

¹⁰⁵ IV (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 555.

одолимым полицейских препятствиях и в исключительных особо предусмотренных случаях»¹⁰⁶.

Съезд, состоявшийся в апреле—мае 1906 года, на котором присутствовали 62 делегата от меньшевиков и 46 от большевиков, единодушно принял Устав, в котором впервые утверждалось, что «все организации партии строятся на началах демократического централизма». Между прочим, там говорилось: «Все организации партии автономны во внутренней своей деятельности. Всякая утвержденная организация партии имеет право издавать от своего имени партийную литературу... ЦК и ответственная редакция ЦО выбираются на съезде... Верховным органом партии является съезд»¹⁰⁷.

До 1912 года большевики и меньшевики представляли отдельные фракции единой партии. В октябре 1905 года Ленин писал: «Мы не должны смешивать политику объединения *двух* частей с *спутыванием* обеих частей... А сейчас надо бороться самым решительным образом с *спутыванием* двух частей партии... мы ценим свою организацию, хотя бы зачаточную, и будем отстаивать ее кулаками и зубами... Если мы будем хорошо сплочены, вполне организованы... тогда наше твердое ядро... поведет за собой всю ораву „организационной туманности“»¹⁰⁸.

А в январе 1906 года он так развивал эти идеи: «Слияние необходимо... В интересах слияния надо вести борьбу с меньшевиками из-за тактики в рамках товарищества... Идейную борьбу за тактику, признаваемую нами правильной, необходимо вести открыто, прямо и решительно до конца... когда большинство вполне определилось, меньшинство обязано подчиниться ему в своем политическом поведении, сохраняя право критики и агитации за разрешение вопроса на новом съезде»¹⁰⁹.

По этому пункту обе фракции пришли к соглашению. По инициативе большевиков делегаты съезда избирались на основе программ собственных фракций.

Во время съезда Ленин неоднократно подчеркивал, что он «отнюдь не «поддерживал» ...утверждения... что работать вместе в одной партии большевики и меньшевики не могут»¹¹⁰. Непосредственно после съезда, который избрал Центральный Комитет из шести меньшевиков и трех большевиков, Ленин составил обращение, подписанное 26 делегатами большевиков. Его напечатали в виде листовки. В ней говорилось: «Против тех решений съезда, которые мы считаем ошибочными, мы должны и мы будем идейно бороться. Но

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 238.

¹⁰⁷ IV (Объединительный) съезд РСДРП..., с. 533—534.

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с. 80.

¹⁰⁹ Там же, т. 12, с. 173.

¹¹⁰ IV (Объединительный) съезд РСДРП..., с. 454.

при этом мы заявляем перед всей партией, что мы — против всякого раскола. Мы стоим за подчинение решениям съезда... Мы все сошлись на принципе демократического централизма, на обеспечении прав всякого меньшинства и всякой лояльной оппозиции, на автономии каждой партийной организации, на признании выборности, подотчетности и сменяемости всех должностных лиц партии. В соблюдении на деле этих принципов организации, в их искреннем и последовательном осуществлении мы видим гарантию от расколов, гарантию того, что идейная борьба в партии может и должна оказаться вполне совместимой со строгим организационным единством, с подчинением всех решениям общего съезда»¹¹¹.

В мае 1906 года сразу же после окончания съезда Ленин сформулировал свое классическое определение демократического централизма в критической статье по поводу резолюции Центрального Комитета, в которой требовалось, чтобы члены партии воздерживались от критики решений съезда на собраниях: «Резолюция ЦК и неправильна по существу, и *противоречит уставу партии*. Принцип демократического централизма и автономии местных учреждений означает именно *свободу критики*, полную и повсюду, раз не нарушается этим единство *определенного действия*, — и недопустимость *никакой* критики, подрывающей или затрудняющей *единство* решенного партией действия»¹¹².

Чтобы пояснить свою точку зрения, Ленин приводил пример выборов в Думу, которые как раз в это время происходили: «...*критика* решения участвовать в выборах в *такое* время, когда выборы еще не назначены, допустима *везде* со стороны членов партии». На время выборов, в которых партия постановила принять участие, наоборот, «...*никакие* призывы *не выбирать* абсолютно недопустимы *нигде* со стороны членов партии. В это время недопустима и «критика» постановления о выборах...»¹¹³

Большевики, бывшие в меньшинстве в руководстве партией в 1906—1907 годах, напомнили Мартову и Центральному Комитету «о праве *оппозиции*, т. е. о праве *всякой* партийной организации, в пределах воли съезда, оспаривать тактику ЦК и исправлять его уклонения и ошибки... дезорганизует тот, кто нарушает законные права партийных организаций»¹¹⁴.

Даже после V съезда (май—июнь 1907 года), когда незначительным большинством большевики победили на выборах в Центральный Комитет, Ленин продолжал защищать свободу критических выступлений. «Ибо не может быть мас-

¹¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 399—400.

¹¹² Там же, т. 13, с. 129.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же, с. 192—193.

совой партии, партии класса, — писал он в ноябре 1907 года, — без полной ясности существенных оттенков, без открытой борьбы между разными тенденциями, без ознакомления *масс* с тем, какие деятели партии, какие организации партии ведут ту или иную линию. Без этого нельзя сложить партии, достойной этого слова, и мы *складываем* ее» ¹¹⁵.

Однако Ленин делал различие между тем, что приемлемо внутри партии, и тем, что приемлемо внутри ее фракции. «Большевизм, — писал он, — представлен у нас большевистской *фракцией* партии. Фракция же не есть партия. Партия может заключать целую гамму оттенков, из которых крайние могут даже резко противоречить друг другу. В германской партии, рядом с яркоревolutionным крылом Каутского, мы видим архиревизионистское крыло Бернштейна... фракция есть группа *единомышленников*, составившаяся с целью влиять, прежде всего, на партию в определенном направлении, с целью проводить в партии в возможно более чистом виде свои принципы. Для этого необходимо действительное *единомыслие*» ¹¹⁶. Именно на основе этого принципа в июне 1909 года расширенная редакция большевистской газеты «Пролетарий» заявила: в большевистской фракции нет места левым уклонистам-отзовистам. «Отколовшиеся от нашей фракции нисколько не теряют возможности работать в партии, — писал Ленин в июле того же года. — Либо они останутся «дикими», т. е. вне фракций, и общая обстановка партийной работы должна будет втянуть их. Либо они попытаются создать новую фракцию — это их законное право, если они хотят отстаивать и развивать свой особый оттенок взглядов и тактики...» ¹¹⁷

Годы реакции (1908—1912) тяжело повлияли на судьбы партии в России, и большевики констатировали, что их метод работы — в отличие от меньшевиков — более «жесткий», опирающийся на дисциплину, дает им возможность лучше отвечать требованиям момента. Борьба между большевиками (которые с 1910—1911 годов были союзниками Плеханова и его меньшевистской группы, выступавшей за сохранение партии) и «ликвидаторами» — меньшевиками по вопросу нелегальной организации партии приобретала все более резкий характер. «Ликвидаторы» принижали значение этой организации и, наоборот, выступали за легальную деятельность, более широкое понимание партии и за идею широкого рабочего съезда. Однако Ленин говорил, что «...единственно правильным типом организационного строительства в переживаемую эпоху является: нелегальная партия, как сумма партийных

¹¹⁵ Там же, т. 16, с. 164—165.

¹¹⁶ Там же, т. 19, с. 6—7.

¹¹⁷ Там же, с. 49—50.

ячеек, окруженных сетью легальных и полулегальных рабочих обществ»¹¹⁸. Когда фракционная борьба с меньшевиками внутри единой партии, казалось, оттеснила на второй план борьбу большевиков за построение партии на этих организационных принципах, большевики собрались на свою Пражскую конференцию (январь 1912 года), которая избрала новый Центральный Комитет¹¹⁹ и окончательно порвала с меньшевиками. Родилась большевистская партия, «партия нового типа», объединившая марксистов-революционеров. Старое название оставалось до 1918 года. В 1918 году было принято название «Коммунистическая партия».

«Не может быть единства ни федеративного ни какого-либо другого с либеральными рабочими политиками, с дезорганизаторами рабочего движения, с нарушителями воли большинства, — писал Ленин в апреле 1914 года. — Может и должно быть единство всех последовательных марксистов, всех защитников марксистского целого и неурезанных лозунгов независимо от ликвидаторов и помимо них»¹²⁰.

Ленин, однако, не считал еще эту организацию международным прототипом. Сопротивляясь попыткам II Интернационала объединить меньшевиков и большевиков в единой партии, он основывал свою аргументацию на специфике положения в российской социал-демократии. «Отсюда видно, как ошибочно мнение¹²¹, — подчеркивал Ленин, имея в виду Каутского, — будто наши разногласия с ликвидаторами не глубже, а менее значительны, чем разногласия так называемых радикалов и умеренных в Западной Европе. Ни в одной, буквально ни в единой западноевропейской партии нельзя найти ни одного общепартийного решения против людей, желающих *распустить* партию и *заменить* ее новою!... Нигде в Западной Европе вопрос не стоит, как стоит он у нас, о самом *существовании* партии, о *бытии* партии.

Это — разногласие не организационное, не о том, *как* строить партию, а расхождение по вопросу о *бытии* партии. Тут не может быть и речи ни о каком примирении, ни о каком соглашении, ни о каком компромиссе»¹²².

Определяя выдвинутые большевиками условия объединения, которого требовал II Интернационал, условия — он был в этом уверен — неприемлемые для меньшевиков, Ленин определял партию совсем иначе, в отличие от более широкого понятия, которое он защищал до 1912 года и которое вклю-

¹¹⁸ Там же, т. 22, с. 260.

¹¹⁹ Все его члены были большевиками, за исключением одного меньшевика — сторонника партии.

¹²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 79.

¹²¹ См. письмо К. Каутского Г. В. Плеханову от 8 марта 1911 года, цит. в: *G. Haupt. Lenin e la Seconda Internazionale* (Carteggio Lenin-Huysmans). Roma, 1969, p. 62.

¹²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 367.

чало в себя «целую гамму» различных мнений и различных фракционных органов: «Единство возможно лишь, если ликвидаторы готовы решительно порвать со всей своей тактикой и перестать быть ликвидаторами... Признается безусловно недопустимым существование двух конкурирующих газет в одном и том же городе или месте»¹²³. С этого времени и в дальнейшем практика большевиков такой и оставалась. Те же самые ограничения будут применяться в течение всей оставшейся жизни Ленина также и к праву меньшинства «обсуждать перед всей партией программные, тактические и организационные разногласия в дискуссионном журнале»¹²⁴. В 1914 году, после того как Роза Люксембург заявила, что, по ее мнению, в России «„царит“ хаос фракционной борьбы» и что основная ответственность за это падает на «„ленинскую“ фракцию», Ленин уверенно отвечал: «...в России ничего подобного «хаосу фракционной борьбы» не происходит. Там есть *только* борьба с ликвидаторами, и *только* в этой борьбе складывается *действительно* рабочая социал-демократическая партия, которая уже теперь объединила *подавляющее большинство*, $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России»¹²⁵. Вне этого единства рабочих, продолжал он, цитируя слова одного петербургского рабочего, «стоят лишь „генеральные штабы без армий“».

Весьма яркое представление об организационной силе большевистской партии мы находим в рапорте царской полиции 1913 года, опубликованном после революции: «Ленинская фракция всегда организована лучше других, более решительна в достижении собственных целей, обладает более богатой инициативой в распространении собственных идей среди рабочих... Кружки, ячейки и большевистские организации существуют уже почти во всех промышленных центрах... В настоящий момент вся подпольная партия смыкает ряды вокруг большевистских организаций, ставших постоянными представителями рабочей социал-демократической партии»¹²⁶.

На протяжении всей войны организация продолжала свою подпольную работу против монархии и империализма. После Февральской революции она превратилась вскоре в массовую организацию рабочего класса, а затем и в движущую силу Октябрьской революции. Сама Роза Люксембург, сначала не скупившаяся на замечания по поводу важнейших сторон политики и деятельности большевиков в этой революции, все-

¹²³ Там же, с. 384, 387.

¹²⁴ Там же, с. 387. См. решение X съезда Российской Коммунистической партии (большевиков) (1921), по которому запрещалось образование фракций, но говорилось о более регулярном выходе «Дискуссионного листка». — Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 571—573.

¹²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 364.

¹²⁶ «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), с. 437, 439, 441.

таки признала организационную роль большевистской партии, по отношению к которой она вначале была настроена весьма критически. В 1918 году она писала: «Реальная диалектика революций... не идет к революционной тактике через большинство, но к большинству через революционную тактику». Восхваляя решительность Ленина и его товарищей «в решающий момент», она добавляла, что «только партия, способная вести, то есть звать вперед, может ожидать продолжения бури»¹²⁷.

7. Война и Интернационал

До 1914 года большевики подчеркивали, что они «хотят не создать особое направление в социализме, а применить к новым условиям нашей революции основные принципы всей международной революционной, ортодоксально-марксистской социал-демократии»¹²⁸, придерживаться образца партии, единого для всех стран. С началом войны и перед лицом краха II Интернационала, а также, в частности, вследствие того, что немецкие социал-демократы стали сторонниками войны, Ленин наметил новый тип партии в международном масштабе, который следовал бы примеру большевиков. Уже в начале сентября 1914 года в большевистских тезисах о войне, написанных Лениным, со ссылкой на «идейно-политический крах» старого Интернационала и на «капитуляцию» центристов типа Каутского перед лицом оппортунизма, говорилось: «Задачей будущего Интернационала должно быть бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме»¹²⁹. В январе 1915 года Ленин писал, что социалистическая партия старого типа, «которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода», уже пережила себя; «рабочие большинства европейских стран оказались *обманутым фиктивным единством* оппортунистов и революционеров... Единство пролетарской борьбы за социалистическую революцию требует теперь, после 1914 года, безусловного отделения рабочих партий от партий оппортунистов»¹³⁰. Тем более что, подчеркивал он несколько месяцев спустя, «в общем и целом старое, свойственное эпохе II Интернационала (1889—1914), деление социалистов на течение оппортунистическое и революционное *соответствует* новому делению на шовинистов и интернационалистов»¹³¹.

¹²⁷ R. Luxemburg. La rivoluzione russa. — In: Scritti politici, cit., p. 571.

¹²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 48.

¹²⁹ Там же, т. 26, с. 5.

¹³⁰ Там же, с. 115.

¹³¹ Там же, с. 250.

Размышляя о социальных основах оппортунизма, с целью обосновать мнение, что «оппортунизм — не случайность, не грех, не оплошность, не измена отдельных лиц, а социальный продукт целой исторической эпохи»¹³², Ленин приступил к выработке теории, которая связывала это явление с образованием рабочей аристократии, продукта империализма. Он объяснял, что крах II Интернационала имел общий характер, и подкреплял свою аргументацию в пользу нового Интернационала и новых партий с помощью анализа «высшей стадии» капитализма¹³³. Опираясь на некоторые замечания Маркса и Энгельса, которыми крупнейшие руководители и теоретики социал-демократии, начиная с Каутского, по его мнению, намеренно пренебрегали, Ленин писал: «С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почить на лаврах» эксплуатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция *масс*, угнетаемых сильнее прежнего... скинуть с себя это иго...»¹³⁴. Этой борьбе было предназначено стать отличительной чертой «истории рабочего движения» — именно потому, что она была «экономически мотивирована», — в ситуации, способной обусловить существование самих политических институтов демократических государств, и в перспективе ей было предназначено придать глубоко новаторский смысл интернационализму.

На этой основе Ленин осуществлял всю свою деятельность начиная с 1917 года. Победа Октябрьской революции в России и последующий революционный подъем в Западной и Центральной Европе явились необходимым толчком для образования Коммунистического Интернационала в 1919 году. Таким образом, в период между 1919 и 1921 годами все ведущие страны пришли к образованию коммунистических партий, которые поставили под вопрос как политический выбор, так и организационные формы социал-демократических партий.

¹³² Там же, с. 253.

¹³³ См., в частности, гл. VIII работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 396—406) и статью «Империализм и раскол социализма» (там же, т. 30, с. 163—179).

¹³⁴ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 30, с. 175.

Альдо Агости

**ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ТЕЧЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

Для международного коммунистического движения — как только оно утвердилось и укрепилось на международной политической арене в качестве постоянной реальности — характерной чертой была всевозрастающая степень организационного единства и идеологической сплоченности. Это стало особенно очевидным с того момента, когда во второй половине 20-х годов его теоретическая база стала отождествляться с превращенной в догму системой «марксизма-ленинизма». Такая отличительная черта движения в фазе зрелости часто незаслуженно распространяется и на период его формирования. Долгое время наиболее распространенные интерпретации истории III Интернационала отстаивали — с противоположных позиций — следующие, искажающие суть дела оценки. С одной стороны, все еще доминирующая в официальной историографии социалистических стран точка зрения сводится к тому, что вокруг ядра «ленинизма» сплачивались все «здоровые» компоненты рабочего движения и в уже проложенном русле сливались воедино все течения, составившие коммунистическое движение¹. С другой стороны, англо-американская историография видит в Ленине и его соратниках по партии создателей тонкого и дальновидного плана идеологических манипуляций, направленного к тому, чтобы «свести к одному» (*reductio ad unum*) «большевизму» все разнообразие революционных тенденций, вызванных или пробужденных к жизни эхом русской революции².

¹ См., например, книгу «Коммунистический Интернационал», подготовленную Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС: «Он [В. И. Ленин] настойчиво добивался восстановления марксистской идейно-теоретической основы рабочего движения, от которой отреклись социал-предатели. Вокруг Ленина объединялись левые группы, которые постепенно воспринимали ленинские идеи и вместе с большевиками образовали интернационалистское ядро, ставшее зародышем Коммунистического Интернационала». («Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, с. 101.)

² См., например: *B. Lazitch e M. M. Drachkovich. Lenin and the Comintern.* Stanford, 1972.

В действительности от внимания некоторых тогдашних наблюдателей, исполненных стремления понять истинную природу коммунистического движения вне тех жестких схем, под знаком которых проходила борьба двух соперничавших интернационалов, не ускользнул тот факт, что за видимой монолитностью возникли и продолжают существовать по сей день в скрытой форме глубоко различные позиции: «Считать русскую революцию и большевизм самодовлеющими величинами, а не особыми историческими формами, — писал в 1928 году молодой итальянский революционер-интеллигент Родольфо Моранди, незадолго перед тем примкнувший к марксизму, — то есть ограничивать ими исторически коммунизм, ошибочно. Коммунизм — это скорее революционный социализм, возникший вследствие нарушения равновесия, которое сохранялось в Европе перед войной. Поэтому он представляет собой реальность международной жизни, подверженную эволюции, могущую выступать в зависимости от исторических и местных условий в различных формах»³.

С этой точки зрения процесс формирования международного коммунистического движения 1917—1920 гг. заслуживает анализа во всей его идеологической и политической сложности. Подобного анализа удостоились отдельные национальные движения⁴, а сравнительный анализ еще не был (или был недостаточно) проведен⁵. Настоящая работа предполагает дать лишь наброски для исследований в этом направлении.

1. Программа

Безусловно важным исходным моментом (хотя он и недостаточно принимается в расчет) явилось сделанное по радио 24 января 1919 года сообщение Советского правительства, в котором говорилось о предстоящем создании «нового революционного Интернационала»⁶. В тексте документа, составленного Троцким и опубликованного в тот же день в «Правде» под заголовком «О I конгрессе Коммунистического Интернационала», говорилось, что в «конгрессе Коммунистического Интернационала» — срочность созыва которого подчеркивалась, хотя и не указывалось ни место, ни дата его проведения, — примут участие представители тридцати девяти

³ Письмо Р. Моранди к А. Таркиани от 11 июня 1928 г., опубликованное в кн.: S. Merli. Fronte antifascista e politica di classe. Socialisti e comunisti in Italia 1923—1939. Bari, 1975, p. 161.

⁴ По вопросу критического обзора исследований см. статью А. Агости «История III Интернационала». — „Studi storici“, 1977, № 1.

⁵ Наиболее значительным вкладом в этом вопросе является работа: J. W. Hulse. The forming of the Communist International, Stanford, 1964.

⁶ Сообщение опубликовано в кн.: A. Agosti. La Terza Internazionale. Storia documentaria. Roma, 1974 (ниже TISD), vol. I, p. 18—22.

«партий, групп и течений», которые затем перечислялись. Менее чем за месяц до этого, 27 или 28 декабря 1918 года, Ленин просил Чичерина — наркома иностранных дел большевистского правительства — «спешно... подготовить международную социалистическую конференцию для основания III Интернационала» и предлагал примерный список из двадцати организаций, которые следовало пригласить⁷. Карта формировавшегося коммунистического движения, которую можно воссоздать на основании этих двух документов, как мы увидим, весьма показательна. Не менее показательна формулировка основных положений программной платформы нового Интернационала, увиденных Лениным в «теории и практике большевизма» и в статье Розы Люксембург «Чего хочет „Союз Спартака“», которая была опубликована в газете «Роте фане» за две недели до этого и должна была стать программой предстоящего учредительного съезда КПГ. В обращении от 24 января содержалось ясное подтверждение названной статьи и перечислялся ряд пунктов, которые можно резюмировать следующим образом: 1) загнивание и неминуемый крах «всей мировой капиталистической системы» положат конец «европейской цивилизации вообще», если пролетариат не овладеет государственной властью, разрушив государственный аппарат буржуазии и заменив его новыми формами организации, которые явятся выражением пролетарской демократии, самоуправления масс, осуществляемого через Советы; 2) диктатура пролетариата должна стать оружием немедленной экспроприации капитала и уничтожения частной собственности на средства производства; 3) основной метод борьбы — «действия масс, включая открытую борьбу с оружием в руках против государственной власти капитала»⁸.

Все документы, одобренные I конгрессом III Интернационала (2—6 марта 1919 года), подтверждают, уточняя и углубляя, перечисленные программные положения. Эту программу следует рассматривать как слагаемое по крайней мере трех различных компонентов. Первый компонент, собственно теоретический, включает идеологическое наследие II Интернационала, положительным элементом которого Ленин никогда не отказывал ни в исторической, ни в политической роли, настолько, что своему новому детищу, как было справедливо замечено, придал «содержание и форму, испытавшие сильное влияние элементов этой идеологии, даже когда это содержание и форма стремились преодолеть такое влияние»⁹.

⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 227—228.

⁸ A. Agosti. La Terza Internazionale..., vol. I, p. 20.

⁹ E. Racionieri. Lenin e l'Internazionale. — In: La Terza Internazionale e il Partito comunista italiano. Saggi e discussioni. Torino, 1978, p. 42. См. также книгу: Albert S. Lindemann. Socialismo europeo e bolscevismo

Анализ империализма и его неизлечимых противоречий, само выдвижение дилеммы «социализм или варварство» представляют собой развитие и один из возможных моментов (хотя и не единственный) сближения с экономической теорией II Интернационала, и не только его левого течения, но и самого «ортодоксального» центра. Второй компонент — русский революционный опыт, причем даже не столько периода подготовки к захвату власти большевиками (решающий период с февраля по октябрь, который затем будет постоянно приводиться в качестве обязательной основы для сравнения европейскому революционному авангарду), сколько также богатый уроками опыт первого года управления государством и гражданской войны. Третий компонент — стратегическое переосмысление левыми течениями рабочего движения того направления и форм, которые принял революционный процесс в Европе на основе послевоенного кризиса. Связующим звеном между этими компонентами и одновременно фактором, разъяснявшим их внутреннюю сущность, явился поиск новой формы пролетарской демократии в противовес буржуазной парламентской демократии. Напротив, элементом разрыва с традицией социализма II Интернационала (на почве которого западный революционный марксизм раньше смыкался с русским опытом) стала как раз концепция власти, которая понималась как демократия для пролетариата и диктатура по отношению к контрреволюционным классам; она опиралась на новые институты — рабочие, крестьянские и солдатские Советы.

Конечно, аналогии между различными формами массового движения в Центральной и Западной Европе (*Arbeiterräte*, *Shop Stewards Committees*, рабочие Советы и т. д.) и Советами в России оказывались зачастую поверхностными и поспешными. Однако это не исключает того, что тема Советов, отнюдь не являясь достоянием только некоторых западных экстремистских групп [которые затем будут отстаивать ее как свою собственную — например, голландские «трибунисты», германская группа «*Arbeiterpolitik*» («Рабочая политика»)], в период зарождения мирового коммунистического движения была той характерной формой, которую взяло на вооружение идеологическое руководство большевиков и кото-

(1919—1921). Bologna, 1977, p. 57. Автор выявляет идейные взаимосвязи в идеологическом плане, существовавшие между большевиками и левыми из II Интернационала: «[Притягательность теории Ленина определялась не только его успехом как революционера или отсутствием социалистического *leadership* [руководство] на Западе. Еще до 1917 года многие нерусские социалисты были приверженцами весьма сходных идей, которые впоследствии были названы ленинскими. С другой стороны, Ленин глубоко изучил работы крупных западных социалистов, и их работы явились той основой, которая дала начало его оригинальным решениям применительно к условиям России».

рая была затем дополнена результатами исследований, проведенных самостоятельно отдельными направлениями западноевропейской марксистской мысли¹⁰.

Таким образом, перед нами программа с четко выраженными основными положениями, а также стратегия будущих действий, которым, похоже, удавалось привлечь на свою сторону небольшие, но достаточно однородные левые революционные организации, даже если они были глубоко различны по своим организационным принципам (они отразились в разногласиях, которые возникли между большевиками и спартаковцами относительно времени создания нового Интернационала) и часто по несходным тактическим оценкам. Главной исторической задачей периода формирования международного коммунистического движения было овладение этим теоретическим и стратегическим наследием с помощью партий и массовых движений капиталистического мира. Одобренные I конгрессом III Интернационала программные положения, разработанные большевиками на основании их опыта и ознакомления с теоретическими и политическими работами представителей левых революционных сил Запада, положения, понимаемые хотя бы отчасти как некая абстрактная модель, изменялись, иной раз теряя свою остроту, но одновременно и обогащаясь при взаимодействии с реальными силами и движениями, которые Октябрь пробудил к жизни во всем мире. История первого года существования Коммунистического Интернационала — это, в сущности, история сложных и напряженных сопоставлений. Попробуем рассмотреть ее в ее различных национальных формах, взяв за основу ту карту «партий, групп и течений», о которой говорилось в обращении 24 января 1919 года.

2. Кого принимали в III Интернационал

Прежде всего в документе наряду с русской большевистской партией было названо десять уже существовавших национальных коммунистических партий, пять из которых фигурировали как подписавшие обращение о созыве «I конгресса нового революционного Интернационала». Все эти партии были перечислены Лениным в письме к Чичерину и названы как партии, которые «мы имеем полное основание считать *уже* стоящими на базе III Интернационала и достаточно солидарными для *формального* основания III Интернационала»¹¹, но которые еще далеко не представляли собой

¹⁰ См.: D. Ferreri. Note su „estremismo storico“ e leninismo. — „Critica marxista“, 1972, № 1, TISD, I, 1 p. 13.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 228.

однородного блока. Там же перечислялись партии ряда бывших областей Российской империи, история которых вот уже много времени, и уж во всяком случае начиная с 1917 года, была тесно связана с политической и организационной деятельностью русских большевиков, хотя каждая из них по этническому и социальному составу отражала соответствующие национальные черты; для других партий отделение от Российской империи закрепило часто отнюдь не второстепенные различия идеологических устремлений и организационных концепций с русской партией большевиков. Так было отчасти с Коммунистической партией Финляндии, которая (единственная из партий — организаторов III Интернационала) имела за плечами опыт поражения в революции, и это позволило ей резко, с почти сектантских позиций заявлять о своих позициях, противопоставляя их социал-демократическим традициям, которые, благодаря влиянию немецкой и шведской политической культуры, также оставили заметный след в истории Финляндии. Не случайно пять тезисов, одобренных учредительным съездом Компартии Финляндии в конце августа 1918 года, свидетельствовали о полном отказе от «старой парламентской, профсоюзной и кооперативной практики»¹² финского дореволюционного рабочего движения, что уже было признаком экстремизма, который впоследствии критиковал Ленин.

Еще более подчеркивала свои позиции польская рабочая коммунистическая партия, в самом названии которой чувствовалось стремление «примирить название, недавно принятое русской партией, с традиционным выделением Розой Люксембург ведущей роли городского пролетариата»¹³. Эта партия возникла в декабре 1918 года в результате слияния двух партий, отнюдь не тождественных большевизму. Это была, во-первых, Социал-демократия королевства Польского и Литвы, которая (особенно ее варшавское оппозиционное крыло), хотя и разделяла многие теоретические и организационные принципы Ленина, не признавала принципа национального самоопределения, находясь под сильным влиянием Розы Люксембург и Лео Иогихеса, гордилась тем, что она именно рабочая партия, и была не согласна с решением большевиками вопроса о земле. Во-вторых, это была польская социалистическая партия — левица, которая во многом была близка к левым меньшевикам, в частности в своем понимании перехода от демократической революции к социалистической и политики союзов. Первое из этих течений, которое сыграло определяющую роль в создании коммунистической партии

¹² Цит. по: A. E. Upton. The Communist Party of Finland. — In: The Communist Parties of Scandinavia and Finland. London, 1973, p. 115.

¹³ M. K. Dziewanowski. The Communist Party of Poland. An Outline of History. Cambridge (Mass.), 1959, 2 ed., 1976, p. 76.

Польша, приняла сторону большевиков в Циммервальдской левой, но не отказалось от собственной автономии даже тогда, когда после Февральской революции многие ее руководители, действовавшие в русской Польше, вошли в состав большевистской партии; характерно, что в период Брест-Литовского договора почти все польские коммунисты приняли сторону левой оппозиции^{14*}.

Наряду с Социал-демократией королевства Польского и Литвы группа голландских «трибунистов», образовавших ядро Коммунистической партии Голландии, возникшей в ноябре 1918 года, была составной и определяющей частью Циммервальдской левой, а два ее главных представителя — Антон Паннекук и Генриетта Роланд-Гольст — даже издавали ее теоретический и политический журнал «Форботе» («Предвестник»). Может быть, никто более голландских революционеров (которые уже в 1909 году отделились от официальной социал-демократии своей страны) не был так близок к Ленину в годы войны: работы Гортера и Паннекука, несомненно, оказали некоторое влияние на резкую критику Лениным централизма Каутского, а также на его концепции империализма и мировой революции. Тем не менее, хотя это тогда еще и не проявилось, в позициях голландцев и Ленина имелись расхождения и даже явные разногласия: в частности, голландцы поддерживали контакты с анархо-синдикалистскими течениями в профсоюзном движении и испытали на себе их влияние, о чем свидетельствует восхваление ими революционной стихийности, постоянная недооценка роли партии, мифологизация недифференцированной «массы»¹⁵.

Довольно сложной по составу была и еще одна возникшая в 1918 году коммунистическая партия — венгерская. Решающую роль в ее создании сыграли так называемые «большевики», или «интернационалисты», то есть группа бывших военнопленных в России (Бела Кун, Самуэли, Рудянский). Их активность и организаторские способности оказались важным фактором в сплочении в партию представителей различных направлений. Левая оппозиция внутри венгерской социал-демократии, в предвоенный период находившаяся под большим влиянием такой сильной личности, как Эрвин Сабо, занимала, по крайней мере отчасти, анархо-синдикалистские пози-

¹⁴ О процессе формирования Польской компартии см.: *Dziewahowski, F. Tych. La participation des partis ouvriers polonias au mouvement de Zimmerwald.* — In: „Annali dell'Istituto G. G. Feltrinelli“, IV, 1961.

* Речь идет о «левых коммунистах» во главе с Бухариным, которые выступили против «похабного» Брестского мира с Германией.—Прим. ред.

¹⁵ См.: *H. M. Bock. Zur Geschichte und Theorie der holländischen marxistischen Schule*, введение к книге: *A. Pannekoek e H. Gorter. Organisation und Taktik der proletarischen Revolution.* Frankfurt am Main, 1969; *G. M. Bravo. Critica dell'estremismo. Gli uomini, le correnti, le idee del radicalismo di sinistra.* Milano, 1977, p. 178 sgg.

ции. И это отразилось как на ее интеллигентских кружках «революционных социалистов», которые приняли сторону Циммервальдской левой во время войны, так и на деятельности руководителей рабочих и солдатских Советов, для которых «русская революция была «славным примером „непосредственного действия“, руководимого активным меньшинством и осуществляемого под анархо-синдикалистскими лозунгами антимилитаризма, личной свободы и уничтожения авторитарного государства, а русские рабочие и солдатские Советы, которые впоследствии должны были бы быть распущены и заменены свободными ассоциациями производителей, представлялись синдикалистским орудием социальной революции»¹⁶.

В состав Коммунистической партии Венгрии вошла также необычная группа «социалистических инженеров» Дьюлы Хевеши, идеология которой являла собой странную смесь технократического позитивизма и революционного синдикализма. Наконец, в первом Центральном Комитете партии настойчиво заявляла о себе группа левых социал-демократов, некогда (в предвоенный период) партийных функционеров местного значения, таких, как Ваго, Санто и Рудаш.

Совершенно особой по политическому и социальному составу была Коммунистическая партия немецкой Австрии. Традиционно левые позиции австрийской социал-демократии во II Интернационале перед мировой войной и непримиримая оппозиция войне внушительного меньшинства партии в конце 1915 года (наиболее шумевшей ее акцией было убийство Фридрихом Адлером графа Штюргка), не способствовали отделению радикального меньшинства от социал-демократической партии Австрии. Вот почему основание Коммунистической партии Австрии 3 ноября 1918 года произошло по инициативе весьма сложного конгломерата сил, в котором левая социал-демократия, представленная «Линкорадикале Бевергунг» (леворадикальным движением) и так называемой «Райхенбергской левой» Йозефа Штрассера, до конца играла роль посредника, стремясь, с одной стороны, включить в коммунистическую партию Фрица Адлера (Фридриха.— *Ред.*), а с другой — не допустить в нее представителей наиболее ярых экстремистских течений. Последние были представлены группой интеллигенции, входившей в состав «Фрайе Ферайнигунг социалистишер студентен», например Пауль и Эльфрида Фридендеры, анархо-синдикалистской группой Лео Ротцигеля, военными группами анархистского толка, объединившимися вокруг Иоганна Вертхайма и Эгона Эрви-

¹⁶ R. Tökes. Béla Kun and the Hungarian Soviet Republic. The origins and role of the Communist Party of Hungary in the revolutions of 1918—1919. New York, 1967, p. 37.

на Киша. Рабочие были представлены весьма ограниченно, фактически только Карлом Штайнхардтом, типографом, который после исключения его из социал-демократической партии в 1916 году начал группировать вокруг себя отдельные коммунистические элементы. Лишь с возвращением из России военнопленных, покоренных идеалами большевизма (среди них выделялись Карл Томан и Иоганн Коплениг), Коммунистическая партия Австрии стала несколько меньше походить на секту преимущественно интеллигентскую. Однако она по-прежнему объединяла в основном безработных, инвалидов, ветеранов войны, и ей так никогда и не удалось серьезно поколебать влияние социал-демократии на рабочих и солдатские Советы. Подобный социальный состав был причиной многочисленных путчистских увлечений партии немецкой Австрии, экстремистского характера ее требований, категорического осуждения ею парламентской системы и соответствующих методов¹⁷.

Из всех возникших уже в 1918 году коммунистических партий в стратегическом плане большевиков самой важной была Германская компартия, официально основанная в самом конце этого года. Она также объединяла самые разнородные группы¹⁸. В отличие от Австрии здесь объединение происходило вокруг ядра, которое представляло собой немногочисленную, но политически очень авторитетную группу леворадикальных социал-демократов: вклад «Союза Спартака» в партию не сводился лишь к интеллектуальному престижу, который снискали себе теоретические исследования Розы Люксембург, Франца Меринга и Клары Цеткин. Партия имела разветвленную организационную структуру, вокруг которой во многих районах страны спланивалась внушительная рабочая база. Как ни часто прежде расходились во мнениях спартаковцы и большевики (об отношениях партии и класса, по национальному вопросу, по аграрному вопросу), диапазон разногласий теперь ограничился рамками тактических и организационных оценок: решение «Союза Спартака» организационно порвать с НСДПГ устраняло главную причину для разногласий. Различие точек зрения на время образования III Интернационала было объективно второстепенным на фоне почти полной общности взглядов по вопросу стратегической перспективы (актуальность революции) и по проекту будущего общества (демократия Советов)¹⁹. Что это было имен-

¹⁷ Cfr. H. Hautmann. Die verlorene Räterepublik. Am Beispiel der Kommunistischen Partei Deutschösterreichs. Wien, 1971; R. Monteleone. Il partito comunista austriaco. Rapporti e corrispondenza con gli italiani nei primo dopoguerra. Geneva, 1972.

¹⁸ См.: P. Broué. Rivoluzione in Germania (1917—1923). Torino, 1977.

¹⁹ См. анализ: Y. Badia. Rosa Luxemburg e la III Internazionale. — „Problemi del socialismo“, 1971, № 1.

но так, видно из того, сколь настойчиво Ленин требовал включения программы спартаковцев в качестве составной части программной платформы нового Интернационала. Однако гегемония спартаковцев в Коммунистической партии Германии, как показал сам ход учредительного съезда, была отнюдь не бесспорной. Под общим названием «коммунисты-интернационалисты» были объединены многочисленные течения левых экстремистов: группа, объединявшаяся вокруг журнала «Арбайтерполитик», в которой важную роль играл Антон Паннекук; остаток кружка интеллигенции, члены которого группировались вокруг другого революционного журнала левых — «Лихтштрален»; «юнионистское» гамбургское течение, которое под влиянием бывшего активиста американского профсоюза «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) Фрица Вольфхайма требовало положить конец традиционно разделению функций между партией и профсоюзом. Как отметил Пьер Бруэ, для всех этих течений было, в общем, характерно одно: «Критикуя собственную версию революционного марксизма... они за практикой и лозунгами, считающимися «новыми», обнаруживают течения, весьма близкие к тем анархо-синдикалистским течениям, которые марксизм в свое время разгромил в рабочем движении, но которые вновь возникают в результате поражения и бессилия перед бюрократией»²⁰.

Занятая ими позиция по отношению к империалистической войне и решение бороться (начиная с 1915—1916 годов) за полное организационное отделение от социал-демократии надолго приблизили их к Ленину, даже больше, чем спартаковцев; однако «коммунисты-интернационалисты» в значительной степени отличались от большевиков теоретическими воззрениями; по большинству вопросов им предстояло разойтись еще больше.

В числе партий, которые Ленин считал уже полностью стоящими «на почве III Интернационала», он упомянул в письме к Чичерину две партии, которые еще не назывались коммунистическими, но уже тогда полностью отделились от реформистской социал-демократии: Болгарскую рабочую социал-демократическую партию и Левую социал-демократическую партию Швеции. Эти две политические организации в действительности имели мало общего между собой. Болгарская рабочая социал-демократическая партия, более известная как партия «тесняков» за ее строго классовое понимание политической борьбы и доктринерскую непримиримость, возникла в 1903 году в результате раскола болгарской социал-демократии, который в некоторой степени повторил рас-

²⁰ P. Broué. *Rivoluzione in Germania (1917—1923)*. Torino, 1977, p. 297.

кол между большевиками и меньшевиками, происшедший в том же году. С той поры близость ее политических и организационных концепций аналогичным концепциям русских большевиков не раз подтверждалась на практике. «Тесняки» выразили резкий протест против балканских войн и первой мировой войны. В начале мирового конфликта самый авторитетный лидер партии Димитр Благоев считал необходимым вывести свою партию из II Интернационала и выражал пожелание создать новый Интернационал, в состав которого вошли бы только партии, верные революционному социализму. Лишь в одном важном пункте их политическая линия продолжала существенно отличаться от линии большевиков: они продолжали считать крестьянство скорее препятствием развитию пролетарской революции, чем потенциальным союзником рабочего класса, а их аграрная программа основывалась на принципе экспроприации крупных земельных владений и не учитывала чаяний мелких крестьян-собственников, хотя они составляли большинство сельского населения страны ²¹.

Левая социал-демократическая партия Швеции возникла лишь в мае 1917 года, почти одновременно с Независимой социал-демократической партией Германии, в результате раскола, который произошел в связи с тем, что социал-демократическая партия вошла в правительственную коалицию. Ее состав был далеко не однороден. Общим для всех был воинствующий пацифизм; программа партии, в основу которой был положен реформистский гуманизм Карла Линдхагена, с большой натяжкой могла быть названа революционной, ибо в центре ее внимания были реформы избирательного права, налоговые и экономические реформы в рамках существующей системы ²². Отказ от «организационной жесткости» и полемика против «философии власти» дополняли характеристику идеологии партии, весьма далекой от большевистской: «Не власть вождей, которая вырождается в авторитаризм и давление меньшинства и убивает тем самым жизненный нерв движения, свободу мысли или же превращает ее в бесплодную бюрократию, а лишь разум и способность трудящихся масс взять собственную судьбу в свои руки есть путь к достижению цели... Действие масс, которое зависит от все растущих размеров и интенсивности классовой борьбы, может развить в каждой личности сознание ответственности и чувство солидарности и укрепить, таким образом, моральный дух, столь важный для социалистического движения» ²³, — писал Линдхаген.

²¹ J. Rothschild. The Communist Party of Bulgaria. Origins and Development (1883—1936). New York, 1959.

²² A. Sparring. The Communist Party of Sweden. — In: The Communist Parties of Scandinavia, op. cit., p. 64.

²³ K. Bäckström. Socialismen programfragor. Stockholm, 1943, s. 122. Цит. по: A. Sparring. The Communist Party of Sweden, op. cit.

Только ведущая организаторская роль в создании новой партии, которая принадлежала Цету Хёглунду, лидеру молодежной федерации, и выдающемуся деятелю Циммервальдской левой (внутри которой он открыто и безоговорочно разделял позиции большевиков), может объяснить тот факт, что Ленин отнес Левую социал-демократическую партию Швеции к числу партий и групп, «которые мы имеем полное основание считать уже стоящими на базе III Интернационала», считая, что она заслуживает доверия в идеологическом плане. В то же время он отказывал в таком доверии целой группе партий, которые были определены как «близкие к этому, от коих мы ждем сближения и слияния»²⁴.

Из партий этого типа Норвежская рабочая партия имела множество точек соприкосновения со шведскими левыми социал-демократами. Внутри этой партии еще не произошел раскол, и, хотя правое и центристское течения имели в ней определенный вес, весной 1918 года руководство взяли в свои руки левые. Несмотря на то что в партии была небольшая группа последовательных марксистов (теоретиком ее был Арвид Хансен, а организационной основой — молодежная лига), в идеологическом отношении левые в Норвежской рабочей партии ориентировались прежде всего на умеренный анархо-синдикализм Мартина Транмёля (этот руководитель политически сформировался в Соединенных Штатах, также пройдя школу «Индустриальных рабочих мира») и на воинствующий антимилитаризм²⁵.

К категории партий, «близких» к III Интернационалу, Ленин отнес целиком и полностью еще две партии: итальянскую и румынскую. Обе партии отличались твердой антивоенной позицией и активным участием в мероприятиях, направленных на укрепление международной классовой солидарности. Итальянская социалистическая партия в своем большинстве не приняла в Циммервальдском движении ленинской линии на революционное поражение. Однако с окончанием войны она с более радикальных идеологических позиций стала оценивать тот огромный социальный заряд, накопленный страной и искавший выхода, заряд, который грозил с минуты на минуту привести к революционному взрыву. Конечно, Ленин и русские большевики не строили иллюзий относительно того, что «сближение» позиций Итальянской социал-демократической партии с их позициями могло произойти без внутренней перестройки, которая завершилась бы полным исключением реформистского крыла (последнее, впрочем, по словам его лидера Турати, видело и продолжало еще долгие месяцы видеть в III Интер-

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 228.

²⁵ См.: T. Gilberg. The Soviet Communist Party and Scandinavian Communism. The Norwegian Case. Oslo—Bergen—Trömsø, 1972, p. 23 sgg.

национале всего лишь «мираж, мечту, поселившуюся в межзвездном пространстве») ²⁶. Но уже на съезде в Риме в сентябре 1918 года течение максималистов получило значительное большинство, что позволило большевикам питать надежды на скорое достижение Итальянской соцпартией революционной зрелости. Тем не менее в максималистском большинстве имелись лица, занимавшие совершенно иные позиции (хотя поначалу они оставались незамеченными). За непримиримостью на словах и революционным мессианством центрального ядра максималистов, самым ярким представителем которого был Серрати, смутно угадывалось противоречие, которое будет для него характерно в течение долгого времени: противоречие между бесспорным принятием Октябрьской революции и глубоким непониманием большевистской стратегии и тактики. Это непонимание уходило своими корнями в господствовавшее длительное время в партии детерминистское видение исторического процесса, что вскоре нашло выражение в тенденции сводить смысл Советов к простой обновленной форме традиционных институтов рабочего движения, в понимании единства в расширительном и формальном смысле, в формулировании сути политики союзов с позиций II Интернационала ²⁷. Но даже то течение (во главе с Бордигой), которое лучше других понимало неуверенность и противоречивость революционности Серрати и более последовательно боролось за коренную перестройку итальянского социалистического движения в теоретическом и организационном планах, имело с установкой большевиков ничуть не меньше расхождений, чем точек соприкосновения. Крайняя теоретическая жесткость позиции Бордиги (который в марксизме отдавал предпочтение элементу катаклизма и тяготел к пониманию революции главным образом — если не исключительно — как силы разрушения существующего порядка ²⁸, стремясь «вывести из наблюдений над действительностью некоторые общие законы, которые позволили бы открыть постоянные стратегические каноны» ²⁹) отнюдь не легко сочеталась с прагматической гибкостью большевизма, которому, впрочем, лидер абстенционистов отказывал в самостоятельности и оригинальности, считая его просто воплощением учения Маркса на практике. Возникшие вскоре расхождения по тактическим вопросам были прямым отражени-

²⁶ Il partito socialista italiano nei suoi congressi. Vol. III: 1917—1926, a cura di F. Pedone. Milano, 1963, p. 71; это выражение Турати из его речи на болонском съезде Итальянской соцпартии в октябре 1919 года.

²⁷ См. статью Т. Детти «Серрати» в кн.: F. Andreucci. T. Detti. Il movimento operaio italiano. Dizionario biografico. Roma, 1978, vol. IV.

²⁸ См.: R. Martinelli. Il partito comunista d'Italia (1921—1926). Politica e organizzazione. Roma, 1977, p. 43.

²⁹ A. De Clementi. Amadeo Bordiga. Torino, 1971, p. 93.

ем общего положения. Что касается группы, которую Ленин назвал самым верным выразителем платформы III Интернационала в Италии (речь идет о туринской группе «Ordine nuovo»), то в конце 1918 — начале 1919 года она была еще в стадии формирования. Принятие ею Октябрьской революции связано скорее с высокой оценкой воли, действий, реализма большевиков в противовес детерминистскому и эволюционистскому выжиданию, а также с возрождением Лениным революционной диалектики в ее применении к экономике и политике, чем с сознательным принятием теории и практики Советов, которое придет гораздо позже под влиянием ряда факторов и опыта в области культуры и политики, не связанных с большевизмом³⁰.

В конце войны Социал-демократическая партия Румынии (СДПР) стояла на революционных позициях, что отвечало принятому ее IV съездом в ноябре 1915 года решению присоединиться к принципам Циммервальдской левой, в которой представитель этой партии Христиан Раковский был одним из самых близких к Ленину руководителей. 11 декабря 1918 года партия приняла «декларацию принципов», в числе которых было уничтожение эксплуатации человека человеком и установление диктатуры пролетариата. Внутри партии преобладала коалиция сил, подверженных различным влияниям (от марксистско-народнической группы Доброджану-Геря до большевистской — Раковского), для которых была характерна теоретическая путаница того же типа, что и у итальянского максимализма. Как и в случае с ИСП, для которой вступление в III Интернационал привело от первоначального принятия идеологии вообще к обязывающему политическому и организационному выбору, внутреннее единство СДПР (которое уже подверглось суровому испытанию действием центробежных сил различных национальных течений, а также остро стоявшим бессарабским вопросом) было затем окончательно разрушено³¹.

Не меньшие трудности испытала и еще одна политическая организация, которой было адресовано обращение 24 января: Сербская социал-демократическая партия (ССДП), и в частности ее левое большинство. Эта партия твердо выступила против войны и стала инициатором процесса объединения левых сил из различных социал-демократических партий нового югославского государства. По ее инициативе в апреле 1919 года была создана Социалистическая рабочая партия Югославии (коммунистов), внутри которой сосуществовали

³⁰ См.: P. Spriano. „L'Ordine Nuovo“ e i consigli di fabbrica. Torino, 1971.

³¹ См. статью Г. Кастеллана в: Storia del socialismo, a cura di I. Droz. Roma, 1978, vol. III, p. 362 sgg.

как отдельные «противоправительственные» группировки, так и пробольшевистские группы, например университетские кружки Загреба и Белграда и особенно группа бывших военнопленных, которая вернулась из России и в которую входил Тито. Программный документ, в котором было зафиксировано объединение, весьма точно отразил эту разнородность состава: во второй его части почти дословно воспроизводилась Эрфуртская программа немецкой социал-демократии, а в третьей содержался анализ умирающего капитализма. Из этого анализа выводилась главная цель — «захват политической власти пролетариатом, уничтожение органов власти и установление исключительной власти рабочего класса». С другой стороны, «программа действий», одобренная тем же учредительным съездом, ориентировала исключительно на длительную борьбу внутри капиталистической системы: программа не выдвигала революционных требований, зато в ней содержались политические и экономические требования, которые, однако, не выходили за рамки программы какой-либо оппозиционной буржуазной партии³².

Среди партий, которые Ленин назвал «близкими» III Интернационалу, были также две партии в Великобритании: Социалистическая партия Шотландии и Британская социалистическая партия. В обращении от 24 января 1919 года упоминалось по крайней мере о пяти британских «партиях, группах или течениях», не считая тех, которые были названы, в общем, «революционными элементами рабочих организаций Ирландии». Оба документа красноречиво свидетельствуют не только о крайней раздробленности левых революционных сил Великобритании, но также и о неясности и пробелах в информации у большевиков в этом вопросе. Из четырех организаций, которые должны были принять участие в переговорах с целью объединения революционных групп Великобритании в единую коммунистическую партию, обращение от 24 января упоминало лишь две — Британскую социалистическую партию (БСП) и Социалистическую рабочую партию. Другие названные в документе партии существовали практически только на бумаге («Индустриальные рабочие Великобритании») или не существовали вовсе («Индустриальные рабочие мира Англии»). Тем не менее этот список знаменателен, так как свидетельствует о многообразии идеологических течений, существовавших по ту сторону Ла-Манша и объединенных III Интернационалом. Британская социалистическая партия, наиболее влиятельная и многочисленная из всех названных организаций, гордилась тем, что у нее больше, чем у всех других партий, законных оснований, чтобы считаться хранителем весьма хрупкой на Британских островах марксист-

³² См.: *Storia della Lega dei comunisti di Jugoslavia*, a cura di R. Colakovic, D. Jankovic, P. Moraca. Milano, 1965, p. 47—48.

стской традиции: наследница социал-демократической федерации Гайндмана, она исключила его из своих рядов в 1916 году, заняв с той поры решительную антивоенную позицию, и выразила свою безусловную поддержку Октябрьской революции, которую она считала предвестницей неминуемой мировой революции. Хотя БСП долгое время воздерживалась от высказываний о том, назрела ли необходимость создания III Интернационала, большевики выделяли эту партию среди других из-за влияния внутри нее русских эмигрантов (вроде Петра Петрова и Федора Ротштейна)³³, а также потому, что один из ее руководителей-рабочих, Джон Маклин — лидер революционного движения на Клайде во время войны и лидер шотландской секции партии, — пользовался большим авторитетом (вероятно, о нем думал Ленин, когда писал о Социалистической партии Шотландии). Социалистическая рабочая партия (SLP) (которую Ленин в одной из своих работ того периода называл партией, готовой стать открыто «союзником большевиков»³⁴) возникла из совершенно иного политического и идеологического направления. Она также образовалась после раскола Социал-демократической федерации в 1903 году и, имея многочисленных сторонников, особенно в Шотландии, пропагандировала в Великобритании тезисы о промышленном синдикализме Даниеля Де Леона. Она поддерживала тесные связи с немногочисленной партией Де Леона в Соединенных Штатах, которая тоже носила название Социалистической рабочей партии Америки, хотя отличалась³⁵ от первой несколько большей идеологической гибкостью и меньшей склонностью к сектантству. Глубокое недоверие, которое Социалистическая рабочая партия (Англии) всегда питала ко II Интернационалу, ее настойчивость в вопросе создания авангарда рабочего класса — революционной партии, восторженное принятие системы Советов, в которых она видела конкретное воплощение идеалов индустриальной демократии и «управление трудящихся в интересах трудящихся», — все это делало эту партию важным союзником большевиков. Вероятно, этим объясняется внимание к «Индустриальным рабочим Великобритании» — организации, которая между 1910 и 1911 годами в значительной степени выросла как профсоюзное ответвление Социалистической рабочей партии, но не имела с некоторыми пор какого-либо реального веса. Их идеологическое и организационное наследие отчасти было перенято движением шоп-стюардов (фабрично-заводских старост), «революционные элементы» которого фи-

³³ См.: W. Kendall. The Revolutionary Movement in Britain (1900—1921). The Origins of British Communism. London, 1969, p. 82—83.

³⁴ Lenin on Britain. London, 1941, p. 201.

³⁵ На этом различии настаивается в кн.: R. Challinor. The Origins of British Bolshevism. London, 1977, p. 278 ff.

гурировали в числе тех, кому было адресовано приглашение 24 января, и внутри которого было весьма значительно влияние Социалистической рабочей партии. Это движение было выражением охватившего Великобританию революционного брожения³⁶ в его наиболее естественном виде и представляло собой ту массовую силу, которая последовательно противостояла бюрократии тред-юнионов, даже если в начале 1919 года ее влияние пошло на убыль. Но именно неясное сознание отсутствия политического руководства, характерное для их опыта, делало многих представителей шоп-стюардов весьма чувствительными к чарам победоносной Октябрьской революции и привлекательному примеру большевиков.

Другие группы и направления, не названные в обращении 24 января, дополняли общую картину британского коммунистического движения, находившегося в стадии формирования. Руководимая Сильвией Панкхерст Социалистическая федерация рабочих откололась от движения за избирательное право для женщин и представляла собой небольшую, придерживавшуюся твердых убеждений группу, верную принципам прямых, а не парламентских действий. На сходных позициях стояла Социалистическая ассоциация Южного Уэльса, объединявшая небольшую, но боевую группу шахтеров Уэльса. И наконец, наметилось течение, поддерживавшее III Интернационал и в гильдейском социализме, отдельные представители которого, такие, как Р. Пейдж Арно и Р. Палм Датт, видели в системе Советов воплощение их идеи промышленного и политического самоуправления, а также децентрализации власти в результате рабочего контроля снизу. Таким образом, в Великобритании, похоже, сложилось обратное пропорциональное отношение между разнообразием теоретических направлений, оказавшихся в русле зарождающегося коммунистического движения, и политической эффективностью возникшей в итоге партийной организации.

Нечто подобное произошло и в Соединенных Штатах. Обращение 24 января было адресовано в этой стране четырем партиям и группам, но и здесь его формулировка свидетельствовала об устарелости сведений о положении в Америке. Это неудивительно, ибо основным источником информации большевиков по этому вопросу был в тот момент, видимо, Борис Рейнштейн, который к тому времени уже два года как выехал из Соединенных Штатов. Рейнштейн подписал обращение от имени Социалистической рабочей партии Америки, и, хотя у него не было для этого никаких формальных полномочий, у большевиков были все основания считать эту партию весьма близкой к ним по своим позициям. После некото-

³⁶ B. Pringle. *The Shop Steward Movement and Workers' Control (1910—1922)*. Oxford, 1959.

рого замешательства, вызванного положением о возможности построения социализма в такой отсталой крестьянской стране, как Россия, где «значительная часть» населения «была неграмотна и абсолютно не понимала целей рабочего движения и природы социалистической революции»³⁷, группа руководителей Социалистической рабочей партии Америки вынесла из русского опыта убеждение, что «Советы отвечают программе промышленного синдикализма»³⁸. С другой стороны, по свидетельству Артура Рэнсома³⁹, Ленин именно в 1918 году познакомился с работами Де Леона и высказался о них одобрительно, и Социалистическая рабочая партия Америки стала претендовать на роль единственного наследника Де Леона. «Индустриальные рабочие мира», с которыми Де Леон и Социалистическая рабочая партия Америки порвали в 1908 году, выступив с требованием политических действий и основав новую немногочисленную профсоюзную организацию, встретили Октябрьскую революцию более чем благожелательно; именно этим объясняется включение «Индустриальных рабочих мира» в список организаций — возможных членов III Интернационала.

«Развитие событий в России, — писал орган «Индустриальных рабочих мира» «Индастриал уоркер» 26 января 1918 года, — подтверждает убедительность тезиса ИРМ, согласно которому сила рабочих проистекает из промышленности и их союзов в экономической сфере. Только там настоящие производители свободны в своих действиях и принятые профсоюзным съездом законы опираются на силу организованных рабочих»⁴⁰.

Большевики настаивали на необходимости политических действий и захвата государственных учреждений, что противоречило политической философии ИРМ. Однако эта позиция большевиков расценивалась ИРМ как временное явление, вызванное международной изоляцией русской революции и необходимостью немедленно подавить сопротивление внутреннего врага⁴¹.

³⁷ P. S. Foner. The Bolshevik Revolution. Its Impact on American Radicals. Liberals and Labor. New York, 1967, p. 24—25.

³⁸ D. Bo. Sul processo di formazione del Partito comunista negli Stati Uniti. — „Movimento operaio e socialista“, 1976, № 1—2, p. 62.

³⁹ См.: A. Ransome. Conversazioni con Lenin. — „L'Ordine Nuovo“, 13 сентября 1919 (затем они были опубликованы в брошюре „Sei settimane in Russia“, Milano, 1920).

⁴⁰ P. S. Foner. The Bolshevik Revolution..., p. 25.

⁴¹ Знаменательно, что организацию «Индустриальные рабочие мира» считали возможной основой для создания коммунистической партии, которая войдет в III Интернационал, и в Австралии, где накануне войны было сильно влияние этой организации. Оно не было поколеблено даже политическими репрессиями находившейся у власти и ставшей на позиции «социал-патриотизма» Австралийской лейбористской партии. В состав образованной в 1920 году Коммунистической партии Австралии вошла

Последнее из упомянутых в документе от 24 января 1919 года течений американского рабочего движения — левое крыло Социалистической партии США, и особенно «течение, представляемое Дебсом и Лигой социалистической пропаганды», — безоговорочно встало на сторону Октябрьской революции. Сам Дебс, сидевший в тюрьме за свои пацифистские выступления и ставший символом для американского рабочего движения, в 1919 году заявил, что он «большевик с головы до ног и гордится этим»⁴². В левом крыле Социалистической партии США осели представители более сложных идеологических течений: начиная от голландских левых марксистов (Гортер и Паннекук были активными сотрудниками журналов «Интернэшнл соушеллист ревью» и «Нью ревью») и кончая революционным синдикализмом в его индустриалистском варианте, сторонниками Р. Люксембург, немецкими левыми радикалами и собственно большевистским направлением, возникшим в результате активной деятельности эмигрантов из России, Польши и Прибалтики. Общим, что объединяло эти многочисленные течения, были «действия масс», в которых американские социалисты усматривали возможность преодоления «парализующей движение альтернативы: или забастовки в промышленности, или благоразумная политика малых мер». В конечном итоге благодаря русской революции американским *радикалам* всех направлений впервые за много лет представилась возможность выработать общую позицию. В то же время, как справедливо было замечено, «по мере того как Советская власть укреплялась и обретала

большая часть максималистских элементов из Австралийской социалистической партии (это название в 1918 г. приняла Австралийская лейбористская партия) и Социалистической лейбористской партии Австралии (носила то же название, что и аналогичные партии в Великобритании и в Соединенных Штатах); компартия действительно на некоторое время заняла место «Индустриальных рабочих мира», став объединяющим звеном крайне левых сил. См.: A. Davidson. The Communist Party of Australia. A Short History. Stanford, 1969, R. A. Gollan. Revolutionaries and Reformists: Communism and the Australian Labour Movement. London, 1975. Помимо «Индустриальных рабочих мира» Австралии, единственной организацией вне Европы и Америки, к которой был обращен документ от 24 января, были «социалистические группы Токио и Йокагамы (представленные товарищем Катаямой)». На самом деле Катаяма в то время находился в Соединенных Штатах, где еще раньше познакомился с Троцким и Бухариным и под их влиянием стал коммунистом. Активизировавшееся в конце войны рабочее движение Японии испытывало еще преобладающее влияние анархо-синдикализма, так что марксисты-революционеры, такие, как Носака и Ватанабе, в тот момент были в меньшинстве. Тем не менее в последующие годы самые выдающиеся представители японского анархо-синдикалистского движения вошли в состав коммунистической партии. См.: H. Kublin. Asian Revolutionary: The Life of Sen Katayama. Princeton (N. Y.), 1964; G. Beckmann e G. Okubo. The Japanese Communist Party 1922—1945. Stanford, 1969, p. 11 ff.

⁴² P. S. Foner. The Bolshevik Revolution..., p. 21.

притягательность, в американских левых силах возникала тенденция к механическому перенесению на американскую почву и почти формальному прочтению русского опыта»⁴³, что впоследствии тяжело отразилось на американском коммунистическом движении.

Во Франции обращение о создании III Интернационала было адресовано, в общем и вместе с тем в неожиданно ограничительном смысле (что свидетельствовало о весьма приблизительном знании обстановки в этой стране), «группам и организациям внутри французского социалистического и профсоюзного движения, которые солидарны с Лорио»⁴⁴. Действительно, Фернан Лорио с самого начала войны был одним из вдохновителей борьбы против «священного союза» и уже в мае 1917 года выступил за создание нового Интернационала и полный разрыв с «социал-патриотизмом», хотя никогда не был близок к принятию ленинского лозунга о революционном пораженчестве. Он был лидером незначительного революционного меньшинства СФИО и в феврале 1919 года принял участие в Бернской конференции (на которой был восстановлен II Интернационал) только для того, чтобы в полной изоляции разоблачить контрреволюционный характер этого Интернационала и заявить о необходимости безоговорочной солидарности с большевистской революцией. Но за столь общим упоминанием о его позициях виделась широкая панорама множества революционных направлений, которые находились в стадии формирования как раз в начале 1919 года. С момента основания СФИО в 1905 году левое крыло рабочего движения во Франции в отличие от Германии действовало главным образом вне рамок партии; его влияние особенно ощущалось в ВКТ. «Комитет за восстановление международных связей» (который был у истоков Циммервальдского движения) отразил следующую расстановку сил: наряду с Лорио решающую роль играли представители группы «Ви увриер» — наиболее значительного печатного органа революционного синдикализма — Росмер и Монат. Те же силы были представлены в «Комитете за присоединение к III Интернационалу», созданном в мае 1919 года, однако здесь к ним присоединилось более радикальное направление — анархо-коммунистическое, в лице Раймона Перика, который в июне того же года основал коммунистическую партию, просуществовавшую, однако, недолго. Война изменила традиционную расстановку сил во французском рабочем

⁴³ *Bo. Sul processo di formazione...*, p. 62.

⁴⁴ Не случайно, что этому предшествовала двойная порядковая нумерация — «21 и 22», — которая как бы подчеркивала, что внутри левых сил Франции содержится сдвоенный идеологический заряд: собственно социалистический и революционно-синдикалистский.

движении: «священный союз» поддержки войны объединил многих социалистов, синдикалистов и анархистов, но другие социалисты, синдикалисты и анархисты бок о бок боролись против войны и за восстановление международной классовой солидарности. Большевизм, или то, что под ним не вполне отчетливо понималось, соединял в себе следующие положения, которых было достаточно, чтобы вызвать глубокую заинтересованность любого из трех течений и разрушить идеологические барьеры между ними: антипарламентаризм, диктатура пролетариата, интернационализм, враждебность к социалистической бюрократии, государство Советов. В течение 1919 года притягательность большевизма еще более возросла: на «Комитет за присоединение к III Интернационалу» ориентировались и пацифистско-революционные гуманисты из группы «Клартэ», и ассоциации бывших фронтовиков, и геддист Шарль Рапопорт с его ортодоксальным марксизмом, и мятежная интеллигенция типа Раймона Лефевра и Бориса Суварина. Сильное влияние русских эмигрантов-революционеров (и особенно Троцкого и Лозовского) на французское рабочее движение, которого, может быть, не испытала никакая другая страна Европы, несомненно, способствовала объединению⁴⁵.

Среди *«групп и течений внутри социал-патриотических партий более или менее близких к большевизму»* Ленин в письме к Чичерину, помимо «группы Лорио во Франции», назвал «левые и молодые течения в Швейцарской с.-д. партии». В документе от 24 января 1919 года содержалось обращение и к «швейцарским левым социал-демократам». И действительно, общественные волнения в Швейцарии, не имевшие себе равных в прошлом и завершившиеся всеобщей забастовкой в ноябре 1918 года, вызвали к жизни мощное движение солидарности с Октябрьской революцией и критическое отношение к трусливому реформизму II Интернационала. Влияние русских революционных эмигрантов (прежде всего самого Ленина и Зиновьева) способствовало тому, что швейцарская левая социал-демократия эволюционировала от гуманистического пафизма к революционности: наиболее выдающимися представителями последней были Фриц Платтен (который был уже в России; он примет участие в учредительном конгрессе III Интернационала), Фриц Вельти и Жюль Эмбер-Дро. Трудно сказать, по какой причине — в силу политической дискриминации или просто, что наиболее вероятно, из-за отсутствия информации, — не была даже упомянута маленькая компартия, созданная в Цюрихе Якобом

⁴⁵ См.: A. Kriegel. Aux origines du communisme français (1914—1920). Paris — 's Gravenhage, 1964; и особенно R. Wohl. French Communism in the Making 1914—1924. Stanford, 1966.

Герцогом и объединявшая главным образом рабочих анархо-синдикалистов⁴⁶.

Гораздо меньше ощущалось влияние «революционных элементов» внутри ряда других социал-демократических партий: например, робкие действия группы «Жён гард» («Молодая гвардия») в Бельгии, в которой было много экстремистов, пока что не угрожали единству Бельгийской рабочей партии. Малочисленные и к тому же конфликтовавшие между собой революционные группки, уже отделившиеся или находившиеся еще в стадии отделения от Социал-демократической партии Дании, можно было отнести скорее к левым социал-демократам, чем к коммунистам. В Чехословакии процесс формирования пробольшевистского течения протекал также очень медленно. Однако на бумаге существовала Коммунистическая партия Чехословакии, созданная по инициативе бывших военнопленных, вернувшихся из России на родину. Но те «революционные элементы Чехословацкой социал-демократической рабочей партии», к которым был обращен документ 24 января 1919 года (впоследствии они под руководством Богумира Шмерала создали так называемую «Марксистскую левую»), пока еще смотрели на большевизм хотя и с восторгом, но не без недоверия и не спешили отделиться, так как были еще тесно связаны с австромарксизмом. Более радикальных позиций придерживались некоторые немецкие и словацкие социал-демократы, но национальная рознь тормозила процесс объединения на основе программы III Интернационала⁴⁷.

В Испании и Португалии обращение 24 января 1919 года было адресовано «революционным» и «левым» элементам из социалистических партий этих стран. В обоих случаях формулировка не отражала всего диапазона сил, сочувствовавших революционной большевистской программе. Несомненно, что в Испании усиление внутренней напряженности ускорило кризис проантантовского большинства в Испанской социалистической рабочей партии и способствовало формированию вокруг журнала «Нуева палабра» «центристской группы», идеологически родственной меньшинству в СФИО, то есть течению Лонге и Фора. Внутри нее после перемирия 1918 года продолжался процесс коренной перестройки, в результате чего образовалось левое крыло, которое делало упор на сходстве, а не на различиях между Россией и Испанией и было убеждено, что испанская революция, подобно русской,

⁴⁶ См.: *H. Egger. Die Entstehung der Kommunistischen Partei der Schweiz. Zürich, 1952; H. U. Jost. Die Altkommunisten. Linksradikalismus und Sozialismus in der Schweiz. Frauenfeld, 1977.*

⁴⁷ См.: *G. H. Skilling. The Formation of a Communist Party in Czechoslovakia. — „American Slavic and East European Review“, 1955, № 3.*

сможет миновать или быстро пройти буржуазную фазу развития общества, перейдя сразу к социализму. В организации «Социалистическая молодежь» также были сильны симпатии к большевизму; эта организация, имевшая массовую базу в Астурии и единственная среди испанских левых групп безоговорочно принявшая обращение 24 января 1919 года, могла стать прочным ядром коммунистической партии. Она пробила глубокую брешь также среди экс-фабианской интеллигенции так называемой Новой школы и в группе студентов-социалистов Бальбонтин, склонной к волюнтаристской интерпретации марксизма, и казалась способной найти выход своему народническому, прямо-таки религиозному пылу. И все же начиная с ноября 1917 года самыми горячими сторонниками большевистской революции в Испании оказались анархисты и Национальная конфедерация труда. В конце 1918 года в Барселоне и Мадриде появились газеты анархо-синдикалистского толка, которые носили название «Эль Больчевиста» и «Эль Совет» и прославлявшие революцию, в которой они видели живое воплощение «святого коммунизма Кропоткина и Толстого». И если восхищение «чистых» анархистов большевизмом было в значительной степени основано на мифе и недоразумении и ему предстояло вскоре исчезнуть, энтузиазм анархо-синдикалистского большинства Национальной конфедерации труда зиждился на более прочной основе⁴⁸ и был стимулом для переосмысления проблем власти и организации, с обязательной опорой на понятие диктатуры пролетариата и на ленинскую концепцию партии⁴⁹. Тем же путем шла Португальская федерация максималистов (возникшая в 1919 году после самого тяжелого кризиса революционного синдикализма, который стал очевидным в результате поражения всеобщей забастовки в ноябре 1918 года) и газета этой федерации «Бандера вермеля» («Красное знамя») ⁵⁰.

⁴⁸ Хоакин Маурин — одна из наиболее значительных фигур революционного течения, стремившегося в Каталонии соединить анархо-синдикализм с большевизмом, — справедливо выделяет три фактуры, которые определили огромную популярность большевизма у испанских левых анархистов: «Анархо-синдикалистов в большевистской революции привлекали главным образом переворот в сельском хозяйстве и намерение любой ценой положить конец войне. Большевистский лозунг «Мир, хлеб, земля» анархо-синдикалисты взяли на вооружение... Миф о Совете, о рабочем Совете, был очень близок к представлению о роли, которая отводилась профсоюзу, и анархо-синдикалисты тоже взяли его на вооружение». (J. Maurin. *Revolución y contrarrevolución en España*. Paris, 1966, p. 246.)

⁴⁹ См.: G. H. Meaker. *The Revolutionary Left in Spain 1914—1923*. Stanford, 1974, и C. Forcadell. *Parlamentarismo y bolchevización. El movimiento obrero español 1914—1918*. Barcelona, 1978.

⁵⁰ См.: J. Granjo-Pires. *Il movimento comunista portoghese tra il 1919 e il 1929*. — „Movimento operaio e socialista“, 1975, № 3—4.

3. Процесс отбора

Из этого весьма сжатого обзора видно, сколь многообразны и разнородны были течения, готовые в начале 1919 года влиться в коммунистическое движение, которое, казалось, вот-вот разорвет оковы капиталистического строя. Война положила начало глубокому и необратимому кризису в рабочем движении и ускорила возникновение ситуации, в которой два «марксизма»: реформистский и революционный — до 1914 года и позднее сосуществовавшие (не считая редких исключений) внутри партий II Интернационала, — оказались резко противопоставленными друг другу. Роль катализатора в этом процессе сыграла Октябрьская революция; степень сознательности участников этого процесса была весьма различной в зависимости от ситуации. Некоторые силы («спартаковцы», польская социал-демократия, голландские «трибунисты», итальянские «абстенционисты» и сторонники «Ордине нуово») имели много общего с идеологией и программой большевиков, хотя позднее, в период «большевизации» Коммунистического Интернационала, и возникли противоречия, ставшие причиной кризисов и разрывов. У других сил левой социал-демократии (многие из которых представляли лишь незначительное меньшинство собственных партий) обращение к III Интернационалу было вызвано не столько тем, что они разделяли принципы большевизма, основные теоретические положения которого были к тому же еще мало известны или совсем неизвестны в ту пору, сколько Октябрьской революцией как таковой, провозглашением нового порядка, защищавшего справедливость и мир, носителем которого эта революция была, той новой уверенностью, которую она вселяла в потрясенные крушением прежних ценностей умы, символом чего было 4 августа 1914 года *. Людовик-Оскар Фроссар, французский социалист, переживший все эти перипетии и примкнувший в 1920 году (пусть ненадолго) к коммунизму, с характерным пафосом передал в своих воспоминаниях чувства той поры: «Русские социалисты, направляемые неукротимой волей, добивались того, чего социалисты всех стран тщетно желали, хотели, готовили, ждали... Все было направлено на то, чтобы из России Советов сделать центр социалистического мира. Все вращалось вокруг нее... ее чудесные лучи согревали сердца социалистов. Вперед! Человечество не обречено, потому что над Россией встает новый день. Как всегда во время крупных исторических кризисов, истерзанные души алкали мистики, которую они наконец обрели. Отныне и впредь Москва становилась для них „символом веры“»⁵¹.

* День начала первой мировой войны. — *Прим. ред.*

⁵¹ L. O. Frossard. De Jaurès à Lénine. Notes et souvenirs d'un militant. Paris, 1930, p. 34—36.

Если говорить о традиционном отождествлении III Интернационала с церковью, от чего ни один бывший коммунист не в состоянии отвлечься, Фроссар убедительно показал притягательность Октябрьской революции не только для социалистов старой школы, но и для целого поколения борцов, сделавших свой революционный выбор на основании борьбы против войны, а более всего для целого ряда людей, которые до войны не были марксистами, а иногда даже не были политически активны. Было бы небезынтересно попытаться проследить, для скольких людей, ставших марксистами или подошедших к марксизму в 1919 году, пройденный путь был путем от Ленина (то есть от идеи всемирно освободительной роли Октября) к Марксу (то есть к теоретическому и рациональному обоснованию революции). Не полный, зато весьма знаменательный ответ на этот вопрос можно получить, ознакомившись ближе с биографиями тех, через кого между 1917 и 1919 годами в буквальном смысле шло распространение большевизма на Западе. Мы уже имели случай подчеркнуть определяющую роль бывших военнопленных европейцев в России; и все же большинство из них не заняло выдающегося места в социалистическом движении своих стран или вообще не включилось в него. Едва ли не такую же роль сыграли многочисленные корреспонденты иностранных газет, направленные в Россию, такие, как американцы Джон Рид и Роберт Майнор, англичанин Артур Рэнсом, француз Анри Гильбо, китаец Чжоу Кибэй. Независимо от того, стали ли они впоследствии или нет организаторами коммунистического движения в своих странах, очень немногие из них были в прошлом социалистами или активными марксистами.

Таким образом, в той мере, в какой основой зарождавшегося коммунистического движения было социалистическое движение предвоенного периода, нарисованная нами общая картина подтверждает два важных факта, которые, может быть, несколько больше, чем следует, выделяют Лазич и Драшкович⁵²: во-первых, стремление большевизма опереться на молодежные федерации социалистических партий, во-вторых, особое сопротивление этому со стороны профсоюзов, которые, как правило, менее чувствительны к обещаниям «нового общественного строя» и гораздо более стремятся к улучшению условий жизни рабочего класса в рамках существующей системы. Это противостояние, особенно заметное в 1920—1921 годы, уже наметилось в 1918—1919 годы, хотя в профсоюзном движении с самого начала существовало мощное течение, симпатизировавшее Советскому Союзу и всегда готовое выступить в его защиту.

Помимо вклада социалистического движения, в процессе

⁵² См.: *Lazitch—Drachkovitch. Lenin and the Comintern...*, p. 215—225.

формирования коммунистического движения имело место явление, которое на первый взгляд кажется политическим и историческим ребусом: массовое участие в этом движении анархо-синдикалистских и революционно-синдикалистских элементов. В самом деле, то, каким образом эпигоны разбитых марксизмом идейных течений оказались вовлечены в революцию, которая проходила под знаменем того же марксизма, объясняется целым рядом причин. Как разъяснял Хобсбом, общий крах левых перед войной «был также кризисом революционеров-анархистов и антибюрократов с двух точек зрения. Во-первых, многие из них присоединились к большинству социал-демократов, выступая в защиту своего отечества, по крайней мере в течение некоторого времени. Во-вторых, те, кто этого не сделал, оказали в целом совершенно неэффективное сопротивление войне, а в конце ее их попытки противопоставить большевикам революционное движение анархистского толка оказались еще менее удачными»⁵³. Кроме того, большевизм оказался в условиях, позволивших ему пожать плоды кризиса, заняв довольно неопределенную позицию по отношению к анархистской мысли и движению. Этому способствовало относительно слабое распространение анархизма в России и вместе с тем тот парадоксальный факт, что для революционных волнений между Февралем и Октябрем было характерно активное участие анархистов, стремившихся к уничтожению всякой власти, от которой большевики не хотели и не могли отказаться: в результате как до, так и после захвата власти и в течение почти двух лет (1918—1919 годы) большевики на удивление умело использовали антиавторитарные и анархистские лозунги. Да и первые программные документы Коминтерна наводили на мысль о неизбежности социальной революции, которая сметет все социальные и политические структуры, выполняющие функции подавления. Главный упор в этих документах делался на необходимость «разрушить» буржуазные институты и на важность «прямого действия» и «открытой борьбы» против государства, а также на то, что пролетарскому строю в вопросах управления необходимо опереться на массовые организации, символизирующие самоуправление эксплуатируемых, то есть на Советы. А в тот момент, когда часть анархистов начала размышлять о важности «сознания» в революционной борьбе, большевики вдруг открыли значение «стихийности». Чрезвычайно интересно было бы ознакомиться с точными данными о распространении по странам «Государства и революции»; однако трудно отрицать, что эта работа Ленина, как утверждал Хоакин Маурин, является «связующим теоретиче-

⁵³ E. J. Hobsbaum. Il bolscevismo e gli anarchici. — In: I rivoluzionari. Torino, 1975, p. 75.

ским звеном» между большевизмом, с одной стороны, и анархизмом и синдикализмом — с другой⁵⁴.

Позиция Ленина и большевиков в отношении анархистов и революционных синдикалистов не была продиктована лишь тактическим расчетом: она отражала гипотезу развития революционного процесса в европейских масштабах, в основе которой, как отмечалось, была модель России 1905 года, то есть модель «бурного и продолжительного движения масс, которое предваряет инициативы еще плохо организованных политических сил, заставляя их на практике перестроиться в соответствии с интенсификацией борьбы и с формами самоорганизации масс в виде Советов»⁵⁵. В связи с этим сама концепция классовой партии вновь становилась предметом спора. В ранней своей работе, написанной весной 1919 года, Дьёрдь Лукач сводил сущность тяжелого кризиса, потрясшего рабочее движение в предыдущие годы, к тому, что «истинные цели и возможности действия пролетарского класса пришли в диалектическое противоречие с партийной организацией, внутри которой эти действия были единственно возможными», и видел признак зрелости «заключительной фазы» классовой борьбы в «полном разрыве с какой-либо деятельностью, ограниченной одной партийной организацией». Это свидетельствовало бы о том, что «пролетарское движение переросло рамки партии, что развитие производственных отношений позволяет пролетариату овладеть властью полностью»⁵⁶.

Эта гипотеза — в столь категорической форме и неприемлемая для руководящей группы большевиков (хотя она и не была ею открыто опровергнута) — не намного пережила поражение революции в Германии и неудачу «советских» экспериментов в Венгрии и Баварии. Уже во второй половине 1919 года часть руководящей группы III Интернационала (и особенно Ленин и Троцкий) более или менее ясно начала понимать, что революционный процесс в Европе будет развиваться куда медленнее и менее прямолинейно, чем предполагалось, и что необходимо считаться с целым рядом непредвиденных явлений. Не подтвердилась гипотеза о том, будто самостоятельная инициатива масс через стихийное распространение Советов сможет в некоторой степени заменить отсутствующее проверенное политическое руководство и содействовать формированию коммунистических партий непосредственно в борьбе. Теперь по-новому и настойчиво намечалась дискуссия по целому ряду ключевых вопросов, остав-

⁵⁴ Цит. по: G. H. Meaker. *The Revolutionary Left in Spain*, p. 106.

⁵⁵ L. Rapone. *Trotsky e le difficili lezioni dell'Ottobre*. In: *Rivoluzione reazione in Europa 1917—1924*. Roma, 1978, p. 31—32.

⁵⁶ G. Lukács. *Scritti politici giovanili (1919—1928)*. Bari, 1972, p. 40, 45—46.

шихся нерешенными: роль борьбы внутри институтов буржуазного государства; позиция по отношению к традиционным организациям классового движения (социалистические партии и профсоюзы); проблема революционной партии. Итак, начался второй этап процесса формирования коммунистического движения, который, по крайней мере отчасти, противоречил основным направлениям первого. Исчезла «позиция невмешательства» (Л. Рапоне) большевиков по отношению к революции на Западе: если в предыдущее двухлетие в Москве горячо верили не только в то, что эта революция произойдет, но и в то, что она совершенно самостоятельно и естественно, в соответствии с динамическим законом стихийного развития классовой борьбы, встанет на путь, пройденный русской революцией, то теперь появилось требование необходимой помощи извне, для того чтобы коммунистические силы Запада могли пойти в том же направлении⁵⁷. И если раньше вступление в новый революционный Интернационал происходило главным образом на платформе общих вопросов и принципов⁵⁸, то теперь возникла необходимость занять прямую позицию по тактическим и организационным вопросам.

Эта озабоченность была вызвана, впрочем, внутренним развитием коммунистического движения значительного числа стран в 1919 году⁵⁹: неоднократные неудачи революционных выступлений подтолкнули немалую часть их участников на весьма радикальные позиции, побудив их спешно и бессистемно искать новые средства борьбы, которые смогли бы пробудить энергию масс. Отрицание всякого «компромисса»; бойкотирование всех форм парламентских действий как средство освобождения пролетариата от «иллюзий» в отношении демократии; отказ от работы в реформистских профсоюзах, которые считались препятствием разворачиванию стихийной борьбы рабочих и созреванию их классового сознания; стимулирование создания на отраслевой основе «революционных рабочих союзов», сочетающих профсоюзные и политические функции; противопоставление «масс» «вождям» и против-

⁵⁷ См. весьма убедительные страницы работы Л. Рапоне.

⁵⁸ В цитируемом нами письме Чичерину Ленин следующим образом определил рамки приема в новый Интернационал: «Кого мы *зовем* на нашу конференцию? Только... и только тех, кто (1) решительно стоит за раскол с социал-патриотами (т. е. поддерживавшими, прямо или косвенно, буржуазные правительства во время империалистской войны 1914—1918; 2) *за* социалистическую революцию *теперь* и *за* диктатуру пролетариата; 3) *в принципе* за «советскую власть» и против *ограничения* нашей работы буржуазным парламентаризмом, против *подчинения* ему, *за* то, что *тип* советской власти *выше* и *ближе к социализму*». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 228.)

⁵⁹ Я имею в виду соображения, уже изложенные во вступительной части к главе «Политические дебаты между I и II конгрессами». — In: TISD, I, 1, p. 121—134.

поставление стихийности организации — вот главные черты «экстремистского» понимания коммунизма, которое Ленин точно сведет к классовым корням, к тем самым корням, которые всегда в истории рабочего движения порождали аналогичные явления революционного нетерпения и сектантства, а именно к той полупролетаризированной части мелкой буржуазии, нетерпимой к гнету капитализма, но неспособной подчиниться строгой дисциплине, ищущей ответа на свое органическое бессилие в бегстве от действительности и в громком восхвалении собственной революционной «чистоты». Показательно, что полемика Ленина более всего была направлена против *«мелкобуржуазной революционности, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует»*, левых коммунистических групп, а также против анархизма как такового, который, по его мнению, был исторически оправдан, ибо являлся своего рода «наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения»⁶⁰. В самом деле, в основе полемики о парламентаризме и о работе в профсоюзах мишенью для его нападок было не столько анархистское учение в его классической форме, сколько главная (зачастую прямо не выраженная) гипотеза, вокруг которой объединялись весьма разнородные и не связанные между собой силы европейского экстремизма: гипотеза о специфике большевистского опыта и непереводаемости его на язык теоретических и организационных формул, которые были бы действительны и для европейского коммунистического движения. Очень часто «детская болезнь «левизны» в коммунизме» была бессознательным и неясным выражением попытки дать стратегический ответ на запаздывание революции на Западе, а вернее и чаще всего выражением неспособности предложить свой вариант, отличающийся от большевистского.

4. Между I и II конгрессами Коммунистического Интернационала

С другой стороны, полемика о парламентаризме и профсоюзах получила совершенно иную окраску в свете нового отношения III Интернационала к центристским партиям. Пауза в подъеме революционного движения во второй половине 1919 года и первые месяцы 1920 года и большой или меньший провал гипотезы о Советах вынудили большевиков рассмотреть (хотя бы для частичной замены плана, выработанного ими в 1919 году) перспективу, которая возникла в результате процесса «радикализации», имевшего место в некоторых крупных «центристских» партиях. Воодушевленные ре-

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 14, 15.

зультатами съездов СДПГ в Лейпциге (декабрь 1919 года) и СФИО в Страсбурге (февраль 1920 года), на которых оформились получившие значительное большинство течения, готовые выйти из II Интернационала, русские коммунисты все больше укреплялись во мнении, что старые организации претерпели столь разительную трансформацию вследствие полевения их рабочей массы и необходимое теперь отделение от «оппортунистических» элементов могло произойти в результате чистки незначительного руководящего меньшинства. Словом, речь шла о том, чтобы сдвинуть как можно более вправо (естественно, не компрометируя коммунистических принципов) линию раскола внутри старых социалистических партий, сохраняя при этом их массовый характер, который представлял известную ценность в период, когда вопрос о немедленном захвате власти оставался открытым, но еще и, вероятно, был более важен в случае (всегда, кстати, возможном) приостановки и инволюции революционного процесса.

Если для того, чтобы сделать уже существующие коммунистические партии или фракции движущей силой начавшегося в связи с кризисом «центристских» партий процесса перестройки революционных левых сил, достаточно было твердо и бесповоротно осудить экстремистские позиции, то в процессе эволюции социал-демократии возникали все новые и все более опасные формы той угрозы, которую центризм представлял в глазах большевиков. В феврале 1920 года это с глубокой озабоченностью признавал сам Ленин. «Расхождение между словом и делом погубило второй Интернационал. Третьему от роду нет еще и году, а он уже становится модой и приманкой для политиканов, которые идут туда, куда идет масса. Третьему Интернационалу уже начинает грозить расхождение между словом и делом. Во что бы то ни стало, всюду и везде, надо эту опасность разоблачить, всякое проявление этого зла вырывать с корнем»⁶¹. Таким образом, у руководящей группы большевиков создавалось впечатление, что ей придется противостоять «концентрической» атаке. Ленин следующим образом характеризовал двоякую опасность, которая угрожала запятнать теоретическую и политическую чистоту коммунистического движения: «Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 133.

такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими усилиями»⁶².

Опровергая подобные позиции — и именно в этом глубокое историческое значение брошюры Ленина об эстремизме*, — вождь большевиков стремился определить рамки международного распространения опыта Октября. Не желая говорить об абстрактной модели исторического развития революции в других странах, а, напротив, подтверждая, что «после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле) страной»⁶³, он подчеркивал, что некоторые критерии революционного метода и некоторые организационные формы, проверенные большевиками на практике, должны будут побудить к действию коммунистическое движение в Европе и гарантировать его успех. В частности, он настаивал на абсолютной необходимости диктатуры пролетариата, организованной в форме Советов; на централизации партии и на ее неприменимой теоретической однородности и организационной дисциплине; на тактической гибкости и на проникновении в массовые движения для завоевания гегемонии рабочего класса и «трудящейся непролетарской массы».

Между I и II конгрессами произошел, таким образом, первый из множества «поворотов», характеризующих историю Коммунистического Интернационала. Если раньше считалось — воспользуемся распространенной во время дискуссий терминологией, — что «объективный» элемент (то есть революционный характер послевоенного кризиса) мог породить «субъективный» (то есть сознательное политическое руководство), то теперь внимание сосредоточивалось все больше и больше на элементах, которые мешали и задерживали своевременное созревание последнего, и на необходимости устранить их или исправить. Таков был смысл 21 условия приема в Коммунистический Интернационал, которые одобрил II конгресс.

Какое влияние оказал этот поворот на процесс перестройки и пополнения рядов, наметившийся в западном рабочем движении после Октября? Реакция не была немедленной, пройденный путь также не был прямолинейным. В общем, можно сказать, что, если анархисты, как таковые, отступили перед «централистскими» и «авторитарными» последствиями новой линии, то анархо-синдикалисты и революционные синдикалисты (и это гораздо важнее) повели себя по-разному в

⁶² Там же, т. 41, с. 89.

⁶³ Там же, с. 3—4.

* Автор имеет в виду книгу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». — *Прим. ред.*

разных странах. В Великобритании, США, Голландии и Германии большинство из них быстро завершило разрыв с Коммунистическим Интернационалом, что, впрочем, не смогло затормозить их быстрый упадок как массового движения. В Испании и Португалии процесс этот шел медленнее, разрыв происходил постепенно, хотя были и существенные исключения. Во Франции наиболее видные представители революционного синдикализма (Росмер, Монат, Монмуссо) приняли, хотя и с некоторыми оговорками, 21 условие Коминтерна и сыграли важную роль в создании коммунистической партии, от которой они отделились (не все) лишь в конце 1924 года.

Что касается компоненты социалистического происхождения, представители которой «выросли в ходе партийной и профсоюзной деятельности в золотой век II Интернационала и боролись одновременно за социал-демократию и, будучи ее левым крылом, против нее»⁶⁴, то поворот второй половины 1919 года оказал на них двойственное и противоречивое действие. С одной стороны, ужесточение позиций и укрепление дисциплины, которые за ним последовали, а также возрождение некоторых аспектов большевистских концепций, которые уже были предметом полемики у левых во II Интернационале, способствовали тому, что некоторые течения марксистского социализма отделились от Коминтерна. С другой стороны, менее резкое противостояние «центристским» партиям и стремление «придать коммунистическим партиям черты не только «авангарда», но и «части» рабочего класса, свойственные в лучшие времена наиболее боевым отрядам II Интернационала»⁶⁵, позволяли перекинуть мостик к тем элементам социалистического движения, которые в предшествующее двухлетие решительно выступали против слияния с «новым революционным Интернационалом». В каждом отдельном случае решающими факторами были: специфика обстановки в стране, сила традиций и варьировавшийся характер поведения самих большевиков. В Швейцарии (в несколько меньшей степени в Швеции) обстановка в начале 1919 — середине 1920 года сложилась не в пользу III Интернационала и большинство рабочего класса осталось в рядах или в сфере влияния социал-демократии. В Великобритании начало диалога с Независимой рабочей партией совпало с моментом, когда общественное брожение, захлестнувшее страну, уже шло на убыль. Кроме того, принцип неизбежности гражданской войны, подтвержденный Исполкомом Коминтерна в ответном письме в связи с просьбой о разъяснениях, посланной английскими «центристами» (впрочем, этот принцип уже содержался во всех программных докумен-

⁶⁴ H. Gruber. *International Communism in the Era of Lenin*. New York, 1972, p. 2.

⁶⁵ Ragionieri. *Lenin e l'Internationale*, p. 63.

тах 1919 года), был для левых лейбористов куда убедительнее ленинской концепции партии. Независимая партия большинством голосов отвергла 21 условие, а небольшая ее фракция, примкнувшая к Коммунистической партии Великобритании, не внесла сколько-нибудь оригинального вклада в ее идеологическую платформу и не сыграла какой-либо выдающейся роли в ней ⁶⁶. Во Франции большинство «центристского» направления, представленного группой «Реконструксьон», в конце концов приняло 21 условие потому, что руководящая группа Коминтерна, весьма скептически настроенная в отношении способности левых руководить, проявила большую терпимость при практическом исполнении этих условий. Но как стало ясно впоследствии, большая часть сил, влившихся таким образом во Французскую коммунистическую партию, не порвала с политической практикой и идеологическим влиянием «центризма» и течениями, образовавшимися в результате раскола. Так, еще в 1924 году, накануне кампании «большевизации», официальный журнал Французской коммунистической партии описывал идеологический состав партии следующим образом: «20 процентов жоресистов, 10 процентов марксистов, 20 процентов последователей ленинизма, 20 процентов троцкистов и 30 процентов без ясно выраженных позиций» ⁶⁷.

В связи с тем что большевики стали по-иному смотреть на развитие революции на Западе, в иных странах стало возможным привлечение целого ряда течений революционного марксизма, которые первоначально не были на стороне коммунистического движения. Так было в Чехословакии с лево-марксистским течением, которое стало ядром компартии и которому удалось присоединить к себе большую часть левых социал-демократов. Так в основном было и в Германии, где в октябре 1920 года большинство НСДПГ примкнуло к III Интернационалу, а в декабре слилось с КППГ. Таким образом, в этой компартии оказались представленными гораздо шире, чем в начале 1919 года, все течения немецкой левой социал-демократии, включая течения, выступавшие за Советы и представленные берлинскими «революционными делегатами», которые были далеки от веяний авантюрного экстремизма, столь сильно ощущавшегося на учредительном съезде КППГ ⁶⁸. В Италии, напротив, применение на практике 21 условия, проходившее с куда меньшей гибкостью, чем во Франции, дало совершенно неожиданные и нетипичные результаты. Хотя Ленин подверг суровой критике экстремизм

⁶⁶ Kendall. The Revolutionary Movement in Britain, p. 269—277.

⁶⁷ „Cahiers du bolchévisme“, 28 novembre 1924. На эту выдержку обращает внимание Хобсбом. См.: Hobsbawm. Il bolscevismo e gli anarchici, p. 185—218.

⁶⁸ Broué. Rivoluzione in Germania, p. 185—218.

группы Бордиги, большевистские руководители были убеждены в том, что в Италии еще имеет место революционная ситуация, и направили огонь критики против «центризма» Сerratи. На самом же деле в нем, пусть в несколько путаной форме, сплелись подлинно революционные традиции итальянского социализма. Ведь компартия поначалу не имела ни собственной идеологии, ни кадров, и лишь три года спустя в бесконечно более тяжелых условиях ей удалось, хотя бы отчасти, создать их ⁶⁹.

⁶⁹ См.: *T. Detti. Serrati e la formazione del Partito comunista italiano. Storia della frazione terzinternazionalista.* Roma, 1972.

Милош Гайек

ЛЕВЫЙ КОММУНИЗМ

«Левым коммунизмом» было названо одно из активных течений формировавшегося III Интернационала, которое занимало промежуточное положение между большевиками и спартаковцами, с одной стороны, и революционным синдикализмом — с другой. Однако это течение не имело собственной организации; диапазон идей его представителей был действительно довольно широк, хотя все они были объединены общим знаменателем, который вполне оправдывал данное им определение*. Изучая левый коммунизм 1919—1920 годов, следует различать теоретическую и политическую стороны вопроса. Идеи трех выдающихся мыслителей левого коммунизма послевоенного периода — Антона Паннекука, Германа Гортера и Дьёрдя Лукача — в общем были схожи, хотя имелись и некоторые различия. Напротив, политические позиции Амстердамского бюро, левых коммунистов Германии и Болгарии, итальянских «абстенционистов», Коммунистической партии Швейцарии или еженедельника Коммунистического Интернационала «Коммунизм», который публиковался в Вене, если и совпадали по одним вопросам, то по другим были различны, и если по некоторым вопросам принималось общее решение, то по ряду других эти решения были диаметрально противоположны.

1. Концепция социалистической революции

Паннекук и Гортер, естественно, не были радикальнее большевиков в оценке темпов развития мировой революции; более того, можно сказать, что их расчеты были умереннее прогнозов Зиновьева или Ленина. В конце 1919 года Гортер

* Это название использовали как последователи течения, так и их критики—коммунисты. Последние, однако, ставили прилагательное «левый» в кавычки, предпочитая обычно пользоваться термином «экстремизм» (левизна, левачество, *Levičactvi*, *Linksradikalismus*, *gauchisme*).

писал о революции: «Революция, подобно прибою, поднимется и схлынет, вновь начнет нарастать и наконец, через некоторое, может быть, длительное время, победит»¹. Паннекук также в самой значительной своей работе этого времени, написанной в апреле 1920 года, из развития событий в Германии делал вывод, что революция в Западной Европе — «медленный процесс, требующий длительного напряжения»². Это показывает, что определение «левый коммунизм» является в некотором смысле техническим термином, чье содержание выходит за филологические рамки: по столь важному вопросу такой значимости, как оценка развития революции, точка зрения этих двух выдающихся представителей левого коммунизма в действительности была более правой, чем оценка большевиков. Это не относится к Лукачу, который еще в июле 1920 года называл коммунистическим пораженчеством идеи, провозглашенные после падения Венгерской республики Советов, согласно которым европейский капитализм был «менее отвратительным», чем думали вначале коммунисты³. И лишь некоторое время спустя он тоже пришел к мысли о длительности революционного процесса⁴.

Для левых коммунистов отправной точкой в концепции социалистической революции было сознание, что революция на Западе — дело куда более трудное, чем в России. В этом смысле они отчасти соглашались с Лениным и Радеком. Действительно, первый считал, что европейским странам будет труднее «начать» революцию, то есть завоевать власть, но зато будет проще, чем в России, «продолжать» революцию и «довести ее до конца»⁵. По мнению Радека, русская революция могла преподать урок Европе на период, следующий за установлением пролетарской власти, однако путь к победе, как он полагал, должен быть во многом иным⁶. В центре внимания теоретиков левого коммунизма был вопрос об установлении прочной власти. «Проблема тактики,— писал Паннекук,— заключается не в быстром захвате власти (имея в виду, что речь идет о внешне выраженной власти), тем более что рано или поздно власть будет в руках коммунистов,

¹ Die Einheit des Weltproletariat. — „Kommunistische Internationale“, 1919, № 3, p. 42. Статья написана не позднее октября.

² A. Pannekoek. Weltrevolution und kommunistische Taktik. Wien, 1920, p. 7.

³ Warum stürzte die ungarische proletarische Diktatur nicht. — „Proletár“, 19 luglio 1920. — In: G. Lukács. Revolution und Gegenrevolution. Politische Aufsätze. Darmstadt — Neuwied, 1976, II, p. 75.

⁴ Die Einheit des deutschen Proletariats. — „Proletár“, 10 settembre 1920. — „Revolution und Gegenrevolution“, S. 80.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 47—48.

⁶ K. Radek. Der Parteitag der Unabhängigen Sozialdemokratie Deutschlands. — „Kommunistische Internationale“, I, № 4—5, p. 138. Статья написана либо в декабре 1919, либо в январе 1920 года.

речь идет о том, как создать у пролетариата основу для длительного классового господства»⁷.

Но тот же Паннекук охарактеризовал концепции левых коммунистов как радикальные и назвал оппортунизмом идеи, господствовавшие в Коминтерне. О последнем он писал: «В революционной ситуации для него свойственно ожидать от крупного революционного выступления всего и сразу. Самая сущность его заключается в том, что он всегда принимает в расчет то, что характерно именно для данного момента, не для перспективы, и рассматривает явления поверхностно, вместо того чтобы проникнуть в их скрытую и важную сущность. Там, где сил для достижения некоей цели недостаточно, он обычно не увеличивает эти силы, а старается достигнуть цели иным, окольным путем. Чтобы добиться немедленно успеха в достижении цели, он жертвует условиями, которые в будущем могли бы обеспечить окончательный успех»⁸. Паннекук обратил здесь внимание на рискованность захвата власти «окольным путем», когда условия для этого еще не созрели: «Завоевание власти в условиях, когда рабочий класс не созрел для управления государством, ведет либо к потере власти, либо к тому, что этой власти придется пойти на уступки отсталости, а это приведет к ее внутреннему разрушению»⁹. В этих высказываниях чувствуется влияние Розы Люксембург, особенно тех ее утверждений, согласно которым «Союз Спартака» взял бы власть в свои руки только в том случае, если бы эта акция была ясным и бесспорным выражением воли большинства пролетарских масс, при условии недвусмысленной поддержки ими идей, целей и методов борьбы Союза¹⁰. Можно добавить также, что в понимании соотношения «организация — действие» теоретики левого коммунизма были ближе к Розе Люксембург, чем к Ленину. Лукач видел в организации не предпосылки к действию, а, скорее, «непрерывное взаимодействие предпосылки и следствия», даже скорее следствие, чем предпосылку¹¹. Что до Гортера, то он осудил позицию большевиков по отношению к массам, определив ее как «политику, которая объединяет массы, но не соотносится с их убеждениями и чувствами; при этом считается, что вожди смогут победить лишь при условии, что широкие массы пойдут за ними»¹².

Из этих утверждений ясно, что авторы критикуют большевистскую практику в России, и это не замедлило заявить

⁷ *Pannekoek. Weltrevolution...*, p. 15.

⁸ *Ibid.*, p. 8.

⁹ *Ibid.*, p. 9.

¹⁰ *R. Luxemburg. Gesammelte Werke. Berlin, 1974, Bd. IV, S. 450.*

¹¹ *G. Lukács. Opportunismus und Putschismus. — „Kommunismus“, 17, August 1920, p. 1109.*

¹² *H. Gorter. Réponse à Lenine sur „La maladie infantile du communisme“. Paris, s. d., 1920, p. 48.*

о себе в ряде аспектов. Политическую систему, установившуюся в России, Паннекук определил как господство рабочей бюрократии и открыто отказался понимать диктатуру класса как диктатуру партии, которая, по его мнению, была диктатурой руководителей партии¹³.

Освобождение масс от буржуазного влияния — вот что было для Паннекука условием завоевания власти, этим он отличался не только от Ленина, но и от Бордиги; он считал, что массы сами достигнут идеальной степени освобождения, которое другие коммунисты считали возможным лишь при наличии революционной партии. Естественно, Паннекук полагал, что единственный путь к завоеванию масс — пропаганда принципов, благодаря которой коммунисты смогут ликвидировать господство традиционных организационных форм и прежних руководителей и побудить самые массы к более активной деятельности. Он говорил о необходимости воспитывать революционность словом и делом¹⁴. Тем не менее его концепция действия не отличалась ни от большевистской, ни от спартаковской открытием новых революционных форм действия, а лишь характеризовалась тем, что он отказывался от участия в политических выборах и от работы в старых профсоюзах.

Альтернативой направлению, укрепившемуся в Коммунистическом Интернационале и приведшему к основанию коммунистических партий в целом ряде стран, было предложение левых коммунистов создать Интернационал, который бы объединял вокруг большевиков лишь небольшие группы (типа коммунистических партий Голландии и Австрии), в лучшем случае чуть более сильные, чем фракция Бордиги. Сильной стороной левых коммунистов был их критицизм: они острее, чем сами большевики, видели «подводные рифы» их политики.

2. Отношение к левым социалистам, парламенту и профсоюзам

Если теоретические работы 1919—1920 годов Паннекука, Гортера и Лукача продолжают и поныне обогащать социалистическую мысль, то политика, которую предложили и которой следовали левые коммунисты, явилась не только завершенной главой истории, но и заводила в тупик. Разногласия между ними и большевиками и спартаковцами касались главным образом вопроса об установлении границы «справа» для тех, кто собирался вступить в Интернационал, а также по-

¹³ А. *Pannecoeck*. *Weltrevolution...*, S. 15, 29, 48.

¹⁴ *Ibid.*, p. 8, 16.

зиции в отношении парламентаризма и профсоюзов. До середины 1920 года в Германии, во Франции и в Чехословакии у III Интернационала было незначительное число последователей. Мысль Ленина о том, что Коммунистический Интернационал завоюет на свою сторону массы через головы старых руководителей, оказалась нереальной; напротив, подтвердилась концепция Радека, в которой основной упор делался на завоевание левых течений (вместе с их руководителями), социалистических партий (в Германии НСДПГ). Левые коммунисты в принципе отвергали эту концепцию. По мнению Гортера, Западной Европе были нужны партии-ядра, очень прочные, однородные по составу, сильные, пожалуй, даже небольшие поначалу¹⁵. Различие между левым и «оппортунистским» течениями Паннекук выразил следующим образом: «Одно из этих течений думает революционизировать и просветить умы словом и делом и стремится, следовательно, четко противопоставить новые принципы старым концепциям; другое стремится вовлечь в политические действия массы, которые пока стоят в стороне, стремится избежать всего, что может оттолкнуть массы, выделяя при этом главным образом то, что их сближает, а не разъединяет. Первое стоит за неосомненное разделение, второе за объединение масс»¹⁶.

Как видно из сказанного, левые коммунисты намеревались создать на Западе коммунистические партии по большевистской модели именно тогда, когда большевики встали на точку зрения, согласно которой эти партии должны были стремиться к увеличению собственной численности, завоевывая массовую базу. Лукач сравнил приток в большевистскую партию новых членов с притоком левых социалистов в Коммунистический Интернационал в период, когда обсуждалось 21 условие приема. Он подчеркнул, что в то время, как большевики завоевали на свою сторону «бесформенную» массу (*formlos*), спартаковцы завоевали целиком НСДПГ, и в этом он видел известную опасность¹⁷. Таким образом, в то время как в Коминтерне вырабатывалась линия на создание партий, которые должны были бы опираться на те массы, которые в ту пору можно было привлечь программой, левые коммунисты откладывали завоевание масс на последующий период, то есть на тот, когда можно было бы добиться их поддержки во имя чисто революционных принципов.

Другим дискуссионным моментом было отношение к парламентаризму. Дискуссия здесь шла в тактическом, а не в программном плане, так как обе стороны заявляли о своей

¹⁵ *Gorter. Response a Lenine...*, p. 45.

¹⁶ *A. Pannecoek. Weltrevolution...*, S. 8.

¹⁷ *G. Lukács. Der Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands.— „Kommunismus“, 20 Novembre 1920, S. 1563.*

готовности ликвидировать парламент и создать систему Советов. Впрочем, и в тактическом плане расхождение не было абсолютным: действительно, большевики допускали возможность бойкота выборов и неучастия в парламенте, а левые коммунисты со своей стороны допускали возможность участия в выборах. Тем не менее для большевиков, спартаковцев и некоторых других участие было правилом, а бойкот исключением, а для левых коммунистов — наоборот. При первом же серьезном столкновении по этому вопросу на учредительном съезде Коммунистической партии Германии в декабре 1918 года Евгений Левине заметил, что невозможно объяснить членам партии, как это можно быть за ликвидацию парламента и одновременно за участие в выборах. «Мы здесь, может быть, и могли бы объяснить товарищам, по какой причине можно выступать против Национального собрания и в то же время за участие в выборах. Но эти товарищи потом будут не в состоянии объяснить того же своим товарищам по работе. Конечно, массы мыслят примитивно»¹⁸.

Лукач, Пауль Фридендер и Амадео Бордига были среди тех, кто искал более подходящее объяснение абстенционизму. Первый признавал, что парламент мог быть средством защиты пролетариата в нереволюционный период, но подчеркивал, что работа внутри него вредна. Он назвал предвыборную пропаганду крайне рискованным средством, потому что голосование — это чисто внешний акт, порождающий мнимую «армию», которая рассеивается как раз тогда, когда нужно проявить настойчивость. Переходя от реальной (и революционной) политики в план философии, он затем заключал: «Возможной критикой внутри в этой связи может быть только критика буржуазии, а не самокритика пролетариата»¹⁹. Абстенционистская точка зрения, в ее наиболее разработанной форме, была выражена Фридендером в журнале «Коммунизмус». Он перечислял три случая неучастия в выборах (*Enthaltung*): если коммунистическая партия слаба, если налицо революционная ситуация, если близится перспектива революционного развития. Он, наоборот, рекомендовал участие в выборах в случае нереволюционной ситуации при усилении реакционных тенденций²⁰. Среди аргументов, выдвинутых Бордигой, наиболее значительным был тот, где он подчеркивал различие ситуации в России и Западной Европе. Итальянский лидер указывал, что в либерально-демократических странах, где парламент имеет долгую историю, было бы опасно насильственно распустить собрание, в вы-

¹⁸ Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (30. December 1918 — Januar 1919), S. 136.

¹⁹ G. Lukács. Zur Frage des Parlamentarismus. — „Kommunismus“, 1. März 1920, S. 172.

²⁰ Ibid., 26. June 1920, S. 815—818.

борах которого в прошлом принимали участие революционеры²¹.

Аргументация всех сторонников абстенционизма имела общий серьезный недостаток: они весьма убедительно говорили о риске, с которым связано для революционной партии участие в выборах; однако им не удавалось доказать, что бойкот мог бы дать лучшие результаты. В сущности, абстенционизм был выражением политического примитивизма, неспособности перейти от провозглашения принципов к соответствующему способу делать политику.

Если верно, что разногласия по вопросу о парламентаризме были в числе причин раскола германской компартии на съезде в Гейдельберге (октябрь 1919 года), следует также заметить, что это не имело первостепенного значения в Коминтерне: обе стороны подчеркивали, что речь идет о тактическом вопросе, который не может стать причиной раскола. Точки зрения сторон не очень расходились между собой: сторонники участия в выборах и парламентской деятельности считали эту политику лишь критерием определения степени собственного влияния, средством облегчения пропаганды и подпольной работы и совершенно отказывались от работы в законодательных органах. Однако вскоре от этой позиции пришлось отказаться; она оказалась неудобной, как только перед депутатами — коммунистами парламентов земель Саксонии и Тюрингии появилась альтернатива: поддерживать свои социал-демократические правительства или свергнуть их, согласившись на сдвиг вправо. В конце концов спор о парламентаризме был разрешен II конгрессом Коммунистического Интернационала, когда подавляющим большинством голосов точка зрения левых коммунистов была отвергнута, и они подчинились принятому решению.

По общему мнению всех коммунистов, вопрос о профсоюзах был более важным, чем вопрос о парламентаризме. Именно поэтому дебаты по этому вопросу на II конгрессе Коммунистического Интернационала были более бурными, хотя и в этом случае разногласия были определены как второстепенные, которые не должны были стать причиной раскола.

Преобладание в профсоюзах руководителей-реформистов, которые придерживались корпоративистской (в Соединенных Штатах) или контрреволюционной (в Германии) линии, вызывало протест у радикально настроенных рабочих и порождало тенденцию к выходу из профсоюза, а не к вступлению в

²¹ См. письмо А. Бордиги от 11 января 1920 года Исполкому Коминтерна, опубликованное в журнале „Rivista storica del socialismo“, 1966, № 27, p. 188.

него. В результате возникли новые революционные организации и профессиональные союзы, которые в отличие от старых формировались не по профессиональному, а по отраслевому принципу. Тем не менее даже в тех странах, где это движение оказалось более мощным, новые организации поддержало лишь незначительное меньшинство объединенных в профсоюзы трудящихся.

Точку зрения на этот вопрос III Интернационал вырабатывал в течение всего 1919 года. Левые коммунисты выступали за новые революционные профсоюзы и очень часто призывали к выходу из старых. Внутри Итальянской социалистической партии они, однако, не имели поддержки фракции Бордиги; напротив, какое-то время одного с ними мнения были многие спартаковцы, включая Пауля Леви. Внутри Интернационала большинство считало необходимой работу революционеров прежде всего в реформистских профсоюзах (причем они должны были стремиться удержаться в них).

Положение о переходе от профессионального принципа организации к производственно-отраслевому было самым значительным вкладом этого нового течения профсоюзного движения. Ленин и особенно Радек, признавая прогрессивный характер этого перехода, вначале недооценивали его значение и считали, что осуществить его в ближайшие годы невозможно²². Напротив, Антонио Грамши, который был весьма далек от концепций левого коммунизма, считал объединение рабочих и крестьян по производственным единицам (фабрика, сельскохозяйственная ферма, деревня, город, район, страна) «естественным отражением классовой борьбы в странах с наиболее интенсивным капиталистическим развитием»²³. Анджело Таска же, еще более далекий от левого коммунизма, чем Грамши, видел в перестройке профсоюзов по производственному принципу одну из основных обязанностей фабричных комитетов и условие для того, чтобы профсоюзы могли стать одной из главных организационных основ диктатуры пролетариата²⁴. Позднее, как известно, постепенно утвердился принцип организации профсоюзов по производственным отраслям. На II конгрессе Коминтерна дискуссия о профсоюзах завершилась принятием резолюции, обязывавшей коммунистов работать в старых профсоюзах и кратко перечисляв-

²² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 35—39; К. Радек. На службе германской революции. М., 1921, с. 175.

²³ См.: А. Gramsci. Lo sviluppo della rivoluzione, in „L'Ordine Nuovo“, 13 settembre 1919, ora in ID., „L'Ordine Nuovo“ (1919—1920), Torino, 1972, p. 28; cfr. F. DE Felice. Serrati, Bordiga, Gramsci e il problema della rivoluzione in Italia (1919—1920), Bari, 1971, p. 250.

²⁴ См.: „Polemiche sul programma dell'Ordine Nuovo“, in „L'Ordine Nuovo“, 3 luglio 1920, ora in „La cultura italiana del '900 attraverso le riviste“, vol. VI: „L'Ordine Nuovo“ (1919—1920), a cura di P. Spriano, Torino, 1961, p. 538—539.

шей условия, при которых допускалось создание новых профсоюзов, а именно: когда центральное реформистское руководство распускало местные революционные профсоюзы или когда узость его «кастовой» политики препятствовала массовому вступлению в организацию неквалифицированных рабочих²⁵.

Если на II конгрессе были устранены разногласия по вопросу о парламентаризме, то по вопросу о создании революционных профсоюзов этого добиться не удалось; в Коминтерне его обсуждение продолжалось до середины 30-х годов и было иногда весьма бурным. Разногласия обострились из-за красного Профсоюзного Интернационала; это отражало противоречивость позиции Коммунистического Интернационала по отношению к профсоюзному единству: если в условиях некоторых стран, по мнению Коминтерна, следовало оставаться в старых профсоюзах, то тот же Коминтерн выступал за выход национальных профсоюзных организаций, возглавляемых большевиками, из международной конфедерации в Амстердаме, чтобы вместе с революционным меньшинством других профсоюзов создать самостоятельный революционный Профсоюзный Интернационал.

3. Вопрос о путчах

Краеугольным камнем программы III Интернационала с момента его возникновения был вопрос о признании вооруженного восстания единственным путем к победе пролетарской революции. Если большевики продемонстрировали способность умело выбрать благоприятный для переворота момент (причем в июле 1917 года они своевременно пресекли стихийное желание петроградских рабочих и солдат начать сражение), то революционные немецкие рабочие в 1919 году в течение нескольких месяцев участвовали в вооруженных столкновениях, которые были обречены на поражение. Национальная конференция 1919 года откликнулась на этот опыт принятием резолюции, осуждавшей «путчизм». Отметив, что фаза, когда действия преимущественно политического характера могли завершиться благополучно для пролетариата, прошла, резолюция квалифицировала «путч» следующим образом: «Крупные политические выступления (всеобщие забастовки или вооруженные выступления) могут сегодня увенчаться успехом лишь тогда, когда они охватывают наиболее важные экономические области страны или всю

²⁵ См.: Второй конгресс Коминтерна, М., 1934, с. 516, 600. cfr.: *Tesi sul movimento sindacale, i consigli di fabbrica e la Terza Internazionale*, in A. Agosti. *La Terza Internazionale. Storia documentaria*. Roma, 1979, I, 1, p. 261.

страну. Менее крупные по масштабам выступления с политическими целями, направленные на завоевание пролетариатом политической власти, являются „путчем”²⁶.

Отношение к «путчам» было одной из причин, приведших к расколу в Гейдельберге, несмотря на то что левое крыло, которое впоследствии будет называться Коммунистической рабочей партией Германии (КРПГ), отвергло обвинение его в «путчизме». Действительно, опыт КРПГ (как и левых коммунистов Болгарии) был «путчистским» по характеру в отличие от позиций Бордиги и был прямо противоположен работам Паннекука, который был крупнейшим теоретиком левых коммунистов. На путчистский характер политики Коммунистической рабочей партии Германии в сентябре 1920 года обращал внимание и Лукач, который еще в июле писал о неизбежности повторения стихийных революционных выступлений и в их подавлении видел «лишь промежуточный этап на пути к окончательной, реальной победе»²⁷. Иногда желание «ускорить революционный процесс» мотивировалось необходимостью оказать помощь России²⁸.

Трудности борьбы с «путчизмом» были вызваны также тем, что коммунистам не удавалось договориться об определении самого понятия «путч»: спартаковцы пришли к определению путча (которое мы привели) только после приобретения опыта кровопролитной борьбы, а большевики даже после этого обвиняли их (особенно Леви) в излишнем «антипутчизме». Радек со своей стороны все время, пока он находился в тюрьме, предупреждал против несвоевременных вооруженных выступлений, напоминая о событиях первых месяцев 1919 года и осуждая авантюризм Эрнста Беттельхейма в Вене²⁹; напротив, ни Ленин, ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Бухарин никогда подобных предупреждений не высказывали. Общая установка большевиков в этом вопросе сводилась, говоря словами Паоло Сприано, к «использованию

²⁶ См. текст in „Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung“. Berlin, 1957, Bd. VII, Buch 1, S. 105—106.

²⁷ Lukács. Warum stürzte..., p. 37 e 34; „Die Einheit“, cit., p. 77.

²⁸ Лидер Коммунистической партии Австрии Карл Томан 8 августа 1919 года в письме к Джачинто Менотти Серрати писал: «Я думаю, что в интересах России более чем необходимо отыскать в странах Антанты возможность для развития мировой революции. Мне ясно, что нам абсолютно необходимо ускорить развитие революционного процесса и в Германии». R. Monteleone. „Il partito comunista austriaco. Rapport e corrispondenze con gli italiani nel primo dopoguerra“. — In: „Movimento operaio e socialista“, 1972, № 3, p. 62.

²⁹ См.: A. Struthahn (K. Radek). Die Entwicklung der deutschen Revolution und die Aufgaben der Kommunistische Partei. Stuttgart, 1919, S. 9 (письмо Гейдельбергскому съезду 15 сентября 1919 года); K. Radek. Die Lehren eines Putschversuches. Die Krise der deutschösterreichischen kommunistischen Partei. — „Kommunistische Räterkorrespondenz“, 20 novembre 1919.

любой возможности, поощрению любого революционного выступления, разрыву с оппортунистами: все — даже поражение — было предпочтительнее бездействия»³⁰. Убежденность в неизбежности мировой революции в ближайшее время способствовала тому, что на поражение в восстании смотрели как на первую стадию будущей победы.

Поворот в этом плане наметился только после столкновений в Центральной Германии в марте 1921 года, когда Ленин и Троцкий осознали опасность, которая крылась в несвоевременных революционных выступлениях; однако они отвергали определение «путча», которым оперировали в ту пору спартаковцы. Ленин, в частности, дал оценку «мартовскому выступлению» как несвоевременной вылазке и решительно предупредил против повторения подобных ошибок, но отказался расценить его как «путч».

Дискуссией на II конгрессе Интернационала завершился в основном первый этап конфликта, в котором большевизм и левый коммунизм противостояли друг другу. Речь шла о столкновении революционного реализма и течения, зачастую слишком часто не учитывавшего существующих условий.

В апреле 1920 года Ленин выразил убежденность в том, что ход мировой революции, ее развитие вширь и вглубь оправдывает надежду «на быстрое и полное излечение международного коммунистического движения от детской болезни «левого» коммунизма»³¹. Однако, если взглянуть на последующее десятилетие невооруженным глазом, становится ясно, что из всей платформы левого коммунизма удалось исключить лишь один тезис — об антипарламентаризме. В Коминтерне продолжали отрицательно относиться к работе в реформистских профсоюзах так называемые «левые» течения (которые сами называли себя таковыми без кавычек); они продолжали выступать против его линии и по другим основным вопросам, в частности они были против единого фронта. Когда летом 1921 года возник конфликт именно по этому вопросу, Ленин писал, что «надо сказать прямо, точно, ясно» об «обязательности тактики... Коммунистического Интернационала», и ее противников «не позже как через месяц после III конгресса Коммунистического Интернационала *исключить* из Коммунистического Интернационала»³². Однако, экстремизм оказался куда более живучим, чем это предполагали прогнозы, несмотря на его политическое бесплодие и независимо от того, что многие представители левого коммунизма вышли из Интернационала. (Последствием этого

³⁰ P. Spriano. L'occupazione delle fabbriche. Torino, Settembre 1920, 1964, p. 170.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 89, 90.

³² Там же, т. 52, с. 267.

раскола было то, что в 20-е и 30-е годы появилось множество сектантских экстремистских организаций, влияние которых, правда, было невелико.)

Каковы же причины живучести левого коммунизма? Уже Ленин указывал на них: он отмечал, что часто агитация левых коммунистов была гораздо успешнее агитации других коммунистов, и объяснял это тем фактом, что «легче подойти к массе в революционный момент, или при живых воспоминаниях о революции с тактикой «простого» отрицания»³³. Но история международного коммунистического движения подтверждает, что между революционным реализмом и экстремизмом нет четкой разделительной линии: в некоторых своих разработках левые коммунисты были реалистичнее других, а те, кого мы называли революционными реалистами, часто оказывались жертвой иллюзий. Не следует забывать и о том, что ответ на вопрос о реалистичности или иллюзорности направления в каждом конкретном случае может дать лишь история. Революционные иллюзии обычно свойственны левому крылу партии; однако ни одна радикальная организация не застрахована от этой болезни, а борьба с ней не проста, так как ее оружием является упрощенчество — средство, незаменимое при проведении любой политики, особенно массовой агитации (в частности, революционной агитации). Кроме того, политике свойственно противоречие между необходимостью понять определенную ситуацию во всей ее сложности — без чего невозможен объективный анализ — и необходимостью разъяснить массам результаты этого анализа в доходчивой, а значит, упрощенной форме. Схематические, изложенные в популярной форме выводы легче сбъяснить, особенно в периоды революции и большой напряженности, а в течение всего времени между двумя войнами обстановка была чрезвычайно напряженной³⁴. Задачей вождей было разрешить это противоречие; от их политических способностей за-

³³ Там же, с. 95, примечание.

³⁴ Нередко встречается размышления и даже суждения о социальных корнях экстремизма. В действительности проблема социальных корней коммунизма и реформизма 20-х годов очень сложна и отнюдь не снимается утверждением, будто лучше оплачиваемые рабочие шли за социал-демократами, а хуже оплачиваемые — за коммунистами. (Для Германии О. К. Флехтхайм в работе «Компартия Германии в период Веймарской республики» (*O. K. Flechtheim. Die Kpd in der Weimarer Republik. Frankfurt am Main, 1969, S. 314—316*) доказал несостоятельность этого утверждения. Лишь после того, как разразился экономический кризис в начале 30-х годов, рабочие, занятые в производстве, голосовали, главным образом за социал-демократическую партию, а безработные — в большинстве за Коммунистическую партию Германии.) У нас нет оснований утверждать, что итальянские «абстенционисты» или члены КРПГ как-то отличались по социальному происхождению от других сторонников III Интернационала. Весьма важную роль играли и другие факторы — например, региональный, возрастной.

висело овладение ситуацией (а это им не всегда удавалось) в совершенно определенных областях, когда сталкивались «объективные» и «субъективные» факторы, социальная структура движения и всего общества, традиции, степень влияния партий и т. д.

Паннекук, Гортер, руководство и вся организация КРПГ в начале 20-х годов отделились от III Интернационала, но экстремизм продолжал существовать и в Коминтерне. Лукач, Бела Кун и Бордига были как бы выразителями преемственности двух этапов³⁵. Весной 1921 года рядом с ними в левом крыле Коминтерна, пусть временно, заняли место два бывших яростных противника левого коммунизма — Карл Радек и Август Тальгеймер. Весь остальной период истории III Интернационала прошел под знаком борьбы между экстремизмом и политическим реализмом; более того, в 1924 и между 1929 и 1934 годами экстремизм достиг высшей точки своего развития. Обычно его называли сектантством, экстремизмом или ультраэкстремизмом. Его же представители называли себя левым крылом, единственными, подлинными последователями ленинизма, клеймя своих критиков как «правых, оппортунистов, соглашателей». Подобно левому коммунизму послевоенного периода, эти течения были бесплодны и с политической точки зрения и с идеологической. Напрасно мы будем искать в их рядах людей, подобных Паннекуку, Гортеру или Лукачу³⁶. Но если в 1919—1920 годах борьба идей проходила в «химически чистой» форме, то начиная с 1924 года столкновения приобрели конкретный характер в борьбе фракций внутри большевистской партии, и именно этот аспект решил исход дела. Если сравнить левый экстремизм периода между двумя мировыми войнами с предыдущими и последующими этапами развития рабочего движения, он предстанет как связующее звено между анархизмом и революционным синдикализмом времен II Интернационала, с одной стороны, и новыми левыми — с другой, как выражение преемственности сектантско-утопического направления, которое сильно в критике, но неспособно предложить конкретную политическую альтернативу.

³⁵ Пребывание Лукача в левом крыле Интернационала было непродолжительным; Бела Кун тоже не всегда был среди левых.

³⁶ Исключение составляет Карл Корш. Однако пребывание его в ультралевой оппозиции КПГ было непродолжительным, не стало важным этапом в его жизни и не имело прямой связи с его теоретической работой.

Альдо Агости

МИР III ИНТЕРНАЦИОНАЛА: «ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАБЫ»

III Интернационал, несомненно, представляет собой вызывающую особый интерес аналитическую лабораторию, когда речь идет о политической теории марксизма. Поэтому кажется удивительным, что, в то время как в последние годы выражение «марксизм III Интернационала» стало употребляться повседневно в любой дискуссии левых (почти всегда в отрицательном смысле — как синоним жесткого догматизма, схематизма, доведенного до крайности, парализующего тот критический дух, который является сущностью марксизма), до сих пор нет обстоятельного исследования наиболее важных теоретических проблем, вокруг которых развернулись дебаты в III Интернационале. Абсолютно неудовлетворительно выявлено соотношение между каждой данной разработкой и теоретической интерпретацией и реальным движением, которое с ними связано. В этом отношении нам кажется, что гораздо более важно не столь пытаться охарактеризовать марксизм III Интернационала вообще, выявив его «первородные грехи», сколь воссоздать его отличительные черты как исторического явления, а значит, и сложные связи его с организованным коммунистическим движением, которые в любом случае были главной его особенностью. Для того чтобы добиться известных результатов в этом плане, уместно выделить и исследовать специфический, но не второстепенный по значимости момент: здесь следует исходить из предпосылки, что если верно то, что III Интернационал в современную эпоху представляет собой «первый крупный опыт коллективной интерпретации развития мира»¹, то необходимо, помимо направлений, по которым идет эта интерпретация, знать структуры, которые обеспечивали ее распространение, характеры политических деятелей, которые взяли на себя эту задачу. Вот почему обобщенный анализ «генеральных штабов» международного коммунистического движения

¹ F. De Felice. Nodo centrale è il rapporto tra ricerca storica e movimento operaio. — In: La ricerca storica marxista in Italia, a cura di O. Cecchi. Roma, 1974, p. 105.

(в каком смысле мы это понимаем, будет разъяснено ниже) не является, как может показаться, отклонением от центральной оси истории марксизма. Тем не менее, если мы хотим хорошо понять природу и динамику этих структур, нельзя ограничиваться лишь социологическо-организационным аспектом; абсолютно необходимо определить идеологические координаты, в пределах которых идет их развитие. В связи с этим необходимо предварительно, пусть мимоходом, затронуть вопрос о специфической природе интернационализма коммунистического движения, а точнее, о силах и условиях, которые давали его членам «сознание того, что они являются солдатами единой международной армии, которая, применяя разнообразные тактические приемы и гибкость, проводит единую великую стратегию мировой революции»².

1. Мировая революция и «всемирная партия революции»

Согласно широко распространенной версии истории Коминтерна, которая получила хождение главным образом в американской историографии, концепции «мировой революции» и «всемирной партии революции», неотделимые друг от друга, представляют собой соответственно стратегическую перспективу и организационную инструментовку коммунистического движения между двумя войнами: «всемирная партия», понимаемая как проекция в международных масштабах пресловутой большевистской концепции партии, является организационной формой, соответствующей тому плану международного переворота—никогда не предававшемуся забвению, несмотря на некоторые тактические [повороты. — *Ред.*]³,— который нашел свое наиболее яркое выражение в перспективе мировой революции, заложенной в основу фундамента Коммунистического Интернационала в 1919 году. Поскольку это отождествление, несомненно, отражает некоторые аспекты действительности, оно более всего основывается на стереотипном и даже карикатурном представлении о «партии», понимаемой как абстрактная и внеисторическая величина⁴. Ме-

² E. J. Hobsbaum. Problema di storia comunista, in ID. I rivoluzionari. Torino, 1975, p. 8.

³ См., например: K. Mckenzie. Comintern e rivoluzione mondiale 1928—1943. Firenze, 1969.

⁴ Так, например, Драшкович и Лазич, исследователи, о которых трудно сказать, содействовали они больше прогрессу в изучении коммунистического движения или неприемлемому искажению его облика, в одной из крупных своих работ, „Lenin and the Comintern“ (Stanford, 1972, p. 322—323), писали: «После II конгресса... для коммунистов всего мира партия стала тем, чем была для русских коммунистов—синонимом и суррогатом Истории, Армии, Церкви. Партия отождествлялась с Историей, потому что рассматривалась как инструмент непрерывного процесса, который непременно приведет к мировому социалистическому порядку —

нее предубежденное исследование истории Коминтерна ограничивает интерпретацию такого рода определенными рамками. Первым, что поражает и на что хотелось бы обратить здесь внимание, является то, что эволюция понятий «мировая революция» и «всемирная партия революции» протекает в коммунистическом движении отнюдь не по прямой и не по параллельным линиям.

Известно, и это уже нашло широкое отражение в документах, что в ходе анализа составляющих международного коммунистического движения сразу же после Октябрьской революции главный акцент делался на международной природе революционного процесса. Следует подчеркнуть, что такое понимание революции в мировом масштабе будет характерно для анализа коммунистического движения и в последующие годы, оно намного переживет надежду на распространение политического и социального переворота в развитых капиталистических странах. Анни Крижель очень четко уловила этот момент: «Победы (Россия) или поражения (Германия, 1919—1923)... лишь эпизоды в общем процессе; стратегические наступательные (частичные или общие) или оборонительные решения — всего лишь этапы, объединенные обязательной глобальной перспективой. Именно в этом международном измерении обеспечивается единство эпохи, открытой 1917 годом (в этом смысле деление на ленинский и сталинский периоды теряет смысл). И те же самые международные рамки обеспечивают однородность, когерентность продукта истории, то есть коммунистического движения в том виде, в каком оно предстало перед нами между двумя мировыми войнами в двойственной форме — государственной и негосударственной: Советское государство и Коммунистический Интернационал»⁵.

В основе этого взгляда на революционный процесс как исключительно международное явление было два равноцен-

беспрецедентному в истории человечества результату. Она отождествлялась с Армией, потому что для ведения революционной победоносной войны нужны были: верховное командование (Политбюро партии, Исполком или Президиум Коминтерна), солдаты (рядовые члены партии), офицеры (партийные функционеры), планы сражений (революционная стратегия и тактика), дисциплина (демократический централизм) и, естественно, как во всякой армии, дезертиры (ренегаты партии). Она приравнивалась к Церкви, потому что ощущалась потребность в вере и Евангелии (марксизм в трактовке большевиков), святых (Маркс и Энгельс), папе (Ленин), канонах (постановления, тезисы и резолюции Коминтерна) и для дополнения общей картины — еретиках и отлученных (диссиденты, чистки). Эта обобщенная концепция *партии* естественным образом вылилась в тоталитаризм партии». Все сходится, таким образом, как в правильно построенном алгебраическом уравнении; решение промежуточных уравнений позволяет прийти к главному и окончательному решению: коммунизм = тоталитаризм.

⁵ A. Kriegel. La Terza Internazionale. — In AA. VV., Storia del socialismo, a cura di J. Droz. Roma, 1978, vol. III, p. 81—82.

ных источника. С одной стороны, существовал анализ империализма, общий (несмотря на существенные различия) для всего леворадикального крыла II Интернационала (для Ленина и Паннекука, для Розы Люксембург и Троцкого): капитализм, вступив в монополистическую стадию своего развития, не мог не расширить рамок своего влияния и уже поэтому не мог не перенести противоречивого и антагонистического характера классовых отношений на отношения между государствами. В 1919—1920 годы, пытаясь превратить «мировую революцию» из мифа в политическую программу, связанную с «научным» анализом мира (как он сложился в результате империалистической войны⁶), Ленин не раз повторял, что созрело противоречие между производительными силами и производственными отношениями: развитой капитализм высвободил огромные производительные силы, которым было тесно в оболочке империализма, уничтожившей самую возможность существования международного рынка и порождавшей цепную реакцию конфликтов и разрушений. В свою очередь это противоречие обострило отношения между классами, создавая предпосылки для гражданской войны в Европе и США и для восстаний угнетенных народов колоний⁷. Из этого анализа следовал двойной вывод: с одной стороны, что «только пролетарская, социалистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами»⁸, с другой стороны, что эта революция, чтобы отвечать своей главной цели — освобождению человечества, — должна привести к исчезновению национальных государств, ставших препятствием в процессе социализации производительных сил. Этот процесс развивается в международных масштабах и выдвигает как обязательное условие интеграцию разнородных государственных единиц. «Революция, — писал Троцкий 25 мая 1917 года, — может начаться лишь на национальной почве, но в этих рамках она не может развернуться в полной мере вследствие экономической и военно-политической взаимозависимости европейских стран, что более чем убедительно показала последняя война»⁹. Отсюда всемирный характер революционного кризиса, вызванного войной. Отсюда новый круг задач, стоящих перед пролетарским Интернационалом. Отсюда необхо-

⁶ См.: *E. Ragionieri. Lenin e l'Internazionale.* — In: ID., *La Terza Internazionale e il Partito comunista italiano. Saggi e discussioni.* Torino, 1978, p. 61.

⁷ Более подробный анализ позиций Ленина см.: *M. L. Salvadori, Rivoluzione e conservazione nella crisi del 1919—1920.* — In: AA. VV., *Problemi di storia dell'Internazionale comunista (1919—1930)* a cura di A. Agosti. Torino, 1974, p. 36—47.

⁸ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 87.*

⁹ *L. D. Trockij. Programme de paix.* — In: ID., *La guerre et la revolution.* Paris, 1974, vol. II, p. 322.

димось соединить социалистическую революцию в развитых капиталистических странах с борьбой угнетенных народов против колониального господства и защитой советского строя в России. Хотя это и различные, но неразделимые моменты единого процесса, конечная цель которого — создание мировой Советской Республики.

Оптимистический взгляд на судьбы международной революции, характерный для Коммунистического Интернационала на первых порах, а также анализ этого вопроса его руководителями широко отражены в документах, и нет необходимости иллюстрировать их цитатами. Однако важно подчеркнуть, что этот оптимизм не менее, чем строгий, только что законченный «научный» анализ экономического и социального кризиса капиталистического мира, основывался на особой психологической позиции *wishful thinking* [принятия желаемого за действительное. — *Ред.*]. Убеждение большевиков (а его разделяли все течения, входившие в Коминтерн), что русская революция является прологом европейской социальной революции (согласно прогнозу, с которым были согласны после 1905 года политические деятели, стоявшие на разных позициях, — Ленин, Троцкий и Каутский) и что единственной гарантией ее спасения была помощь победившего революционного пролетариата в некоторых крупнейших капиталистических странах Запада, очень часто побуждало коммунистическое движение принимать собственные желания за действительность, переоценивать, с одной стороны, зрелость революционного потенциала на Западе (а также, пусть в несколько ином виде, в колониях) и недооценивать, с другой стороны, как прочность буржуазных режимов, так и специфику рабочих традиций в Европе и Америке. При всем том, что в нем было иллюзорного, этот диагноз касательно соотношения сил лежал в основе стратегии, в которой развитие революционного процесса и защита его первого аванпоста были неразделимо связаны между собой. По мере того как последовавшие после 1921 года события укрепляли все возрастающую веру в возможность самостоятельного выживания первого социалистического государства, концепция революционного процесса как непременно международного процесса более освобождалась от волюнтаристского элемента, который в свое время вдохнул в нее жизнь, и оставалась привязанной к анализу империализма, который превратился в застывшую схему, сильно грешившую чертами экономизма.

На фоне еще не поколебленной уверенности, что революционный процесс непременно примет международные масштабы, возникла и сформировалась концепция всемирной партии революции. Так как послевоенный социальный и политический кризис принял всемирный характер и его разрешение не могло не выйти за рамки отдельных стран, необходи-

мо было не только создать как можно скорее коммунистические партии, способные руководить революцией и избавить массы от влияния социал-демократии, но и скоординировать их действия в международном масштабе. В 1919 году, в момент создания Коммунистического Интернационала, эта убежденность выражалась столь же твердо, сколь туманно. «Конгресс,—говорилось в обращении к 39 коммунистическим и левым социалистическим партиям, организациям и группам о созыве I конгресса Коммунистического Интернационала,—учитывая постоянную связь с движением и методическое руководство им, должен создать объединенный орган борьбы — центр Коммунистического Интернационала, который подчинил бы интересы движения каждой страны общим интересам революции в международном масштабе»¹⁰. А в «Платформе», принятой I конгрессом, говорилось еще более обобщенно: «Интернационал, который окажется способен подчинить так называемые национальные интересы интересам интернациональной революции, осуществит тем взаимную помощь со стороны пролетариата различных стран, а без экономической и других видов взаимной поддержки пролетариат не в состоянии построить новое общество»¹¹.

Даже Ленин не был в ту пору более точным: «...пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала»¹².

Когда перелистываешь документы и протоколы выступлений первого года существования Коминтерна, создается впечатление, что именно в тот момент, когда вера в неминуемость мировой революции была особенно сильной и когда в стратегии коммунистического движения ей отводилось особо важное место, концепция всемирно-революционной партии была наиболее размытой и неточной. Эта аномалия объясняется, безусловно, разными причинами. Объективные условия (изоляция России «санитарным кордоном», несостоятельность и слабость фракций и коммунистических партий в большинстве стран, невозможность влияния Коминтерна непосредственно на ход событий в ситуациях, которые представлялись революционными) сложились так, что в течение всего 1919 года Коминтерн был не тем «генеральным штабом мировой революции», которым надеялся стать, а лишь постоянным яд-

¹⁰ См.: A. Agosti. La Terza Internazionale. Storia documentaria Roma, 1974, vol. I, 1, p. 21.

¹¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., с. 66.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166

ром организации, которую еще предстояло в значительной степени создать, скорее идеей, чем функционирующим органом. Сами решения I конгресса об организационной структуре носили явно временный характер. И это не только потому, что предполагалось перенести принятие окончательного решения на следующий, более представительный конгресс, но и потому, что в глазах многих делегатов и самой руководящей группы большевиков Коминтерну предстояло в течение нескольких месяцев превратиться из движущего центра мировой революции в межгосударственный орган координации деятельности различных социалистических республик, и его структура должна была вследствие этого измениться¹³. Однако более всех этих факторов неопределенность концепции всемирной партии объясняется следующим. Сейчас наиболее внимательные исследователи истории коммунистического движения обычно признают, что в течение почти всего 1919 года «революционные надежды основывались на идее, будто для трудящихся характерен такой антикапиталистический настрой, что цели можно добиться без тактических планов или особых политических уловок, выработанных извне»¹⁴. Делая упор в своих прениях и заключительных резолюциях на создании новых институтов пролетарской демократии в противовес институтам буржуазной демократии, I конгресс Коминтерна исходил из высказывания Ленина: «Мы достигли того, что слово «Совет» стало понятным на всех языках»¹⁵, при всей специфичности форм революционного движения в ключевых странах (*Revolutionäre Obleute* в Германии, *Arbeiterräte* в Австрии, *Shop-stewards Committees* в Великобритании, фабричные советы в Италии), в которых большевики видели отражение своего опыта и подтверждение его всемирного значения. Результатом акцентирования роли организаций типа Советов, которые были выражением самостоятельной инициативы масс в момент создания и в первые месяцы существования Коммунистического Интернационала, явилось то, что, как это ни парадоксально, в тени осталось главное, на чем была построена ленинская концепция революции, откуда исходило самое решение создать новый всемирный орган для руководства пролетарской борьбой, а именно роль партии.

Лишь когда отдалилась перспектива мировой революции, очертания «всемирной партии» приобрели постепенно большую четкость. Крах Советов в качестве средства быстрого и неукротимого распространения революционного пожара

¹³ См.: J. W. Hulse. The Forming of the Communist International. Stanford, 1964, p. 35.

¹⁴ L. Rapone. Trockij e le difficili lezioni dell'Ottobre. — In: AA. VV., Rivoluzione e reazione 1917—1924. Roma, 1978, p. 31.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 37.

на передовые капиталистические страны и в качестве функционального стратегического орудия быстрого захвата власти привел к тому, что по-новому и настоятельно встал вопрос о революционной партии и политическом руководстве революционными выступлениями масс. В этой связи внутри международной организации снова заявило о себе историческое противоречие, в котором впоследствии отразился весь опыт компартий между двумя мировыми войнами: подобно тому, как партии, возникшие как авангард уже начавшейся революции, должны были приспособиться к ситуации, характеризующейся стабилизацией капитализма и буржуазно-демократических институтов, или к откровенно авторитарной и контрреволюционной обстановке, Коммунистический Интернационал должен был утвердиться как всемирная партия революции в эпоху, когда международная революция, казалось, все больше откладывалась на неопределенное будущее. II конгресс вновь настойчиво подтверждает положение о целях («Коммунистический Интернационал ставит своей целью бороться всеми средствами, в том числе и с оружием в руках, за свержение международной буржуазии и создание международной Советской Республики как промежуточной стадии на пути к полному уничтожению государства»)¹⁶. Но если до этого вообще не было пункта об организационной структуре, то теперь четко и подробно вводится формула, в которой концепция всемирной партии становится куда более обязывающей, чем прежде: «Коммунистический Интернационал знает, что для скорой победы объединение трудящихся, которое борется за уничтожение капитализма и утверждение коммунизма, должно обладать строго централизованной организацией. Коминтерн должен на деле и фактически представлять единую коммунистическую партию всего мира. Партии, действующие в каждой стране, являются лишь отдельными его секциями»¹⁷.

Таким образом, с общей идеи «подчинения национальных пролетарских интересов интернациональным» и «взаимопомощи» акцент перемещается на концепцию централизации. Роль Коминтерна определяется как роль головной организации, призванной формулировать и разрабатывать стратегию всего коммунистического движения и ставить перед каждой партией — членом Коминтерна задачи, направленные на укрепление ее позиций в собственной стране и ее роли в содействии развитию и консолидации международного движения¹⁸. Именно в этот момент, а не раньше большевистская модель партии берется за основу и включается на разных ступенях

¹⁶ TISD, I, 1, p. 277.

¹⁷ Ibid., p. 278.

¹⁸ См.: *H. Gruber. International Communism in the Era of Lenin*. New York, 1972, p. 231.

разработки в Устав Коминтерна¹⁹. И именно сейчас, а не раньше Коминтерн «строится как полувоенная организация, строго централизованная, с иерархической лестницей на всемирном уровне, по образу и подобию большевистской партии во время гражданской войны,— потому что ее целью является организация и руководство мировой революцией, которая, в случае ее осуществления, в силу обстоятельств в той исторической ситуации должна была принять форму целого ряда революционных гражданских и международных войн»²⁰. Частота, с которой в документах конгресса используются военные термины и сравнения, объясняется не только этой моделью партии, но, безусловно, и возрождением революционных надежд в связи с наступлением Красной Армии в Польше, кульминация которых приходится как раз на время конгресса Коминтерна. На самом деле, однако, напрашивается вопрос, были ли централизация и милитаризация всемирной партии следствием сильной встряски, вызванной революционной эпохой, или предвестниками того трудного и тернистого пути, который революционному Интернационалу предстояло пройти. Каким бы ни был ответ на этот вопрос, безусловно, что «якобинская модель», принятая в 1920 году «всемирной партией» выжила и упрочилась уже после того, как надежды на неизбежную революционную волну рассеялись. И если призыв к максимальной централизации, к сплочению рядов и укреплению дисциплины, характерный для периода спада движения, становится открытым и периодически повторяющимся (со ссылкой на события, пережитые большевистской фракцией в 1905—1917 годах) только после официального признания наступившей «относительной стабилизации» капитализма, став лейтмотивом выступлений защитников большевизации²¹, то многие данные заставляют предположить, что с 1920 или по крайней мере, бесспорно, с 1921 года в очень сложной обстановке «всемирная партия» перестает быть организационным, политическим и идеологическим орудием мировой революции, а становится, скорее, средством против размыва и распада движения, средством управления и дисциплинирования коммунистического движения *в ожидании* этой мировой революции.

Если эта интерпретация верна, то возникают два соображения в этой связи. Первое из них то, что, несомненно, уто-

¹⁹ См.: TISD, I, 1, p. 277—280.

²⁰ F. Claudin. Crisi generale del capitalismo e rivoluzione mondiale in Lenin. — In: AA. VV., La crisi generale del capitalismo negli anni '20. Analisi economica e dibattito strategico nella Terza Internazionale. Bari, 1978, p. 28.

²¹ См.: E. H. Carr. Il socialismo in un paese solo. Tomo II, La politica estera 1924—1926. Torino, 1969, p. 296—392; W. Eichwede. Revolution und internationale Politik. Die Kommunistische Internationale und die kapitalistische Welt 1921—1925. Köln, 1971, S. 79 ff.

пический характер «всемирной партии» (который трудно было оспаривать, пока оставалась в силе гипотеза о том, что налицо международная революция) в условиях нереволutionной ситуации только усилился и, естественно, пришел в противоречие с реалистическим анализом различий между развитыми и отсталыми капиталистическими странами, опиравшимся на одно из главных положений революционной теории марксизма — о неравномерном развитии капитализма. Может быть, ни один из документов Коммунистического Интернационала не отразил это противоречие так ясно, как программа Коминтерна, написанная в основном Бухариным в 1928 году и принятая VI конгрессом. Второе соображение — это то, что Раджоньери назвал «опасным разрывом между программной установкой и организационной структурой, который с самого начала обрекал на неудачу применение на практике тех новых тактических решений, которые могли быть вызваны обстановкой; этому тезису предстояло выполнять роль необходимого звена в отношении последующих гипотез, в которых могла появиться необходимость в ходе неравномерного развития мировой революции»²². Этот разрыв между политикой и организацией нашел наиболее полное выражение в резолюции об организационной структуре коммунистических партий, принятой III конгрессом (1921 год), где во вступительной части категорически отвергалась рекомендация организационной формы, одинаковой для всех партий, и не менее ясно отрицалось намерение выработать идеальный устав. Но затем выдвигалось требование о необходимости «единого руководства» («Организация коммунистической партии [обратите внимание на единственное число] есть организация коммунистического руководства в период пролетарской революции»); в самом же тексте революции давались детально разработанные предписания, которые являлись не чем иным, как идеальной моделью поведения коммунистических партий на различных фазах политической борьбы²³.

Естественно, наиболее важным и дольше всего просуществовавшим последствием централизации «всемирной партии» была так называемая «русификация» Коминтерна. Отдаление перспективы мировой революции, с одной стороны, неожиданная жизнеспособность Республики Советов во враждебном мире — с другой, привели к радикальному изменению отношений между нею и Коммунистическим Интернационалом. В 1917—1920 годах Советская Россия считалась отсталой страной, которую обстоятельства временно поставили во главе мирового революционного движения: укрепление дик-

²² *Ragionieri. Lenin e l'Internazionale*, p. 77.

²³ TISD, I, 2, p. 449 sgg.

татуры пролетариата в этой стране в ту пору не мыслилось без победоносного развития революционного процесса хотя бы в пределах Европы. Вследствие этого, по крайней мере в теории, политика Советского государства имела тенденцию подчиняться требованиям Коммунистического Интернационала, который считался наивысшим выразителем интересов международного пролетариата. Отвлекаясь от их исхода, споры внутри большевистского руководства во времена Брест-Литовского ультиматума показывают, насколько не считалось невозможным, что Советская Республика должна делать собственный выбор на основе потребностей и перспектив международного революционного движения. Но послевоенная революционная волна исчерпала себя, пролетариат не завоевал власти ни в одной стране, кроме России, и проблема мировой революции начала представлять в новом свете. Так как анализ основных тенденций развития капитализма и его «общего кризиса» оставался неизменным, никто в коммунистическом движении не сомневался, что более или менее скоро будет новый революционный подъем. Тогда должны были появиться новые возможности сломить сопротивление буржуазной системы, поскольку можно было опираться на существование пролетарского государства, располагающего силой, в том числе военной, готового прийти на помощь революционному пролетариату других стран. Сохранить и укрепить этот первый оплот было главной задачей мировой революции.

Если ко всему этому прибавить психологический эффект неоднократных неудач революционных выступлений на Западе между 1919 и 1923 годами, а также военных, социальных и политических побед социалистического строя, то можно представить себе, что закрепление теории построения социализма в одной, отдельно взятой стране стало не только возможным, но и в определенном смысле неизбежным²⁴. Несмотря на то что эта теория построения социализма в одной, отдельно взятой стране была основана на спорных теоретических положениях, она обладала огромной силой. С одной стороны, в ней выражалась вера победоносной русской революции в самое себя и собственные возможности развития, не зависящие от помощи извне. С другой стороны, она отводила революционному движению других стран более подобающую ему роль в соответствии с теми силами, которыми оно располагало в момент, когда завоевание власти откладывалось на более отдаленное и неопределенное будущее. Она давала понять коммунистическим партиям, что, даже если им не удалось свергнуть старый общественный строй за корот-

²⁴ Я повторяю здесь рассуждения, изложенные ранее в: TISD, II, 1 и 2.

кое время, они не изменяют своему историческому долгу, если будут решительно выступать против империалистических планов реставрации капитализма в России и действовать подобно часовым, защищающим первый опыт построения социализма.

Из этой концепции задач различных составляющих революционного движения предположительно следовал важный вывод: наряду с утверждением возможности построения социализма в России, независимо от победы революции в крупных капиталистических странах и колониях, логически признавалась сравнительная самостоятельность (пока еще и первостепенность) мировой революции относительно русской революции, а следовательно, и большая теоретическая, политическая и организационная автономия коммунистических партий, а также необходимость соответствующей перестройки их международной организации. Теперь можно было вновь оспаривать самое понятие «всемирная партия». Рассмотрение проблемы под таким углом зрения было близко Бухарину; именно эта проблема была в основе попыток реформы и децентрализации организации Коммунистического Интернационала, осторожно предложенных в 1926 году. Эти попытки провалились не только в результате поражения, которое потерпел Бухарин в русской компартии (а затем отстранен от дел Интернационала), но и потому, что сама структура «всемирной партии революции» заключала в себе «механизм», который отводил самому сильному члену этой организации решающую роль независимо от его собственных намерений. Этот центростремительный механизм не был ни придуман, ни навязан русскими коммунистами. Он, как мы видели, явился порождением объективной ситуации, в которой решение о максимальной централизации могло показаться функциональным как с точки зрения гипотезы о неизбежности международной революции, так и с точки зрения гипотезы о наступлении фазы зстоя и подготовки к этой революции. Однако несомненно, что это дало большевикам еще большую власть, чем это, естественно, следовало из их политического и морального престижа, а также из того факта, что все бремя расходов и значительная часть организационной работы аппарата Коминтерна ложились на их плечи. Этой властью русские коммунисты научились пользоваться как средством прежде всего во внутренней борьбе в своей партии (особенно цинично это выглядело, когда председателем Исполкома Коминтерна был Зиновьев, причем нерешительность Бухарина в использовании этой власти была одной из причин, объяснявших, каким образом относительно быстро и безболезненно фракция Сталина после 1928 года взяла Коминтерн под свой контроль). Затем, по мере того как в СССР завершалось слияние партии и государства и с упрочением власти

Сталина, прекратились открытые конфликты внутри ВКП(б), большевики научились все шире использовать эту власть в рамках государственной Realpolitik, которая прежде всего была направлена на избавление СССР от участия в военных конфликтах между империалистическими странами и использование потрясавших эти страны противоречий.

На самом деле этот процесс не был столь быстрым и равномерным, как его иногда пытаются представить. Как будет видно далее, его всегда смягчали и противодействовали ему самые различные обстоятельства. Однако несомненно, что еще до политического поражения Бухарина в Коминтерне сложилась концепция мировой революции, которая видела в СССР (воспользуемся определением программы 1928 года) «международный движитель пролетарской революции», «основу всемирного движения всех угнетенных классов, ...самый значительный фактор мировой истории»²⁵. И коль скоро затем говорилось, что угроза войны является «наиболее характерной чертой настоящего момента, рассматриваемого в его совокупности»²⁶, не только защита СССР приобретала более чем когда-либо первостепенное значение, но и с еще большей настойчивостью выдвигалось «требование об общей координации (движения) из единого руководящего центра. С другой стороны, направлению, которое видело в войне окончательное решение капиталистических противоречий, трудно отказать в справедливости утверждения, что руководство должен осуществлять только обладающий реальной силой член социалистического лагеря, а именно опять-таки Советский Союз»²⁷.

В 1929 году международная обстановка еще более способствовала закреплению этой чрезвычайно односторонней точки зрения на революционный процесс. После того как разразился мировой экономический кризис, концепция построения социализма в одной, отдельно взятой стране все настойчивее подается как глобальная теория мировой революции «в той мере, в какой *перспектива* будущего строительства социализма в одной стране, занимающей такую территорию и обладающей такими ресурсами, как СССР, сравнивается с реальным застоем и загниванием капитализма, который считается неспособным развивать производительные силы»²⁸. В противостоянии двух систем — гибнущего капитализма и строящегося социализма — кроется глубоко скрытая пружина мировой революции; реально существующему СССР все чаще

²⁵ Ibid., p. 1032.

²⁶ Ibid., p. 956.

²⁷ E. Galli Della Loggia. La Terza Internazionale e il destino del capitalismo. L'analisi di E. Varga. — In: AA. VV., Storia del marxismo contemporaneo. Milano, 1974, p. 996.

²⁸ Claudin. Crisi generale del capitalismo, p. 33.

приписывают роль катализатора противоречий капиталистического мира, а также функцию политической радикализации угнетенных масс.

Эта установка влияла, очевидно, и на понимание структуры и задач «всемирной партии революции». И здесь надо выделить следующий момент. В теории глубина и беспрецедентные масштабы кризиса капитализма при обнищании и радикализации угнетенных масс должны были бы привести к возникновению не менее острой, чем сразу же после войны, «революционной ситуации», в которой Коминтерн должен был бы взять на себя функции «генерального штаба» революционной армии, участвующей в международной гражданской войне, для чего с самого начала он и был создан. В действительности же, в течение всего кризиса суждения руководящей группы Коминтерна относительно степени зрелости революционной ситуации были весьма осторожны и смягчались многочисленными оговорками и уточнениями. Задачи же, полученные отдельными коммунистическими партиями, не отличались от задач периода «относительной стабилизации», а именно: завоевание на свою сторону большинства пролетариата путем руководства экономической борьбой и разоблачение руководителей-реформистов, подготовка пролетариата к «решающим боям», систематическая пропаганда диктатуры пролетариата, главным образом на примере великих достижений СССР. Революция была скорее мифом, о котором напыщенно говорили, чем программой, которой подчинялись стратегия и тактика. Таким образом, концепция «всемирной партии революции» не потеряла, а, напротив, обрела еще более «защитный» характер, чем в предыдущие годы. Усиление централизации вызывалось не требованием координировать революционные действия в международных масштабах, а становилось все больше средством обеспечения дисциплинарной и идеологической монолитности.

И несмотря на неизменность определений, которые переходили из устава в устав и из одного официального документа в другой, функция «всемирной партии» мало-помалу стала выхолащиваться. Необходимость приспособить модель к социальным, экономическим и культурным особенностям жизни различных стран уже в первые годы существования Коминтерна значительно повлияла на формирование истинной сущности коммунистического движения, хотя этот момент никогда не был предметом теоретизирования. Как убедительно пишет Анни Крижель: «Всякая партия является продуктом взаимодействия двух конкретных составляющих — международного коммунистического движения, с одной стороны, и политической системы данной страны, с другой. В этом смысле однородность Коммунистического Интернацио-

нала как всемирной организации и стратегии не могла не быть под угрозой из-за национальных различий: единство, следовательно, являлось одновременно принципиальным, теоретическим утверждением, которое логически объясняло необходимость такой организации, и результатом непрерывной практической работы, направленной на сведение национальных черт каждой партии до того минимума, который уже нельзя устранить»²⁹.

Начиная с 30-х годов эта «практическая работа» встречала все возрастающие трудности на своем пути, потому что столкнулась с новыми, непредвиденными условиями, которые в свою очередь требовали переоценки модели. Это подтверждает история Коммунистической партии Китая, которая, начиная с 1931 года, первая выдвигала концепцию революционной стратегии, разработанную совершенно независимо от директив Интернационала. Для европейских партий поворот наметился не ранее 1934 года (даже если в отдельных секциях его симптомы появились несколько раньше), когда антифашистские действия, которым сложившаяся международная обстановка придавала отнюдь не второстепенное значение, стали основой для решения задачи защиты Советского Союза, компартии смогли выступать относительно свободно, без помех и оговорок. Некоторые же из компартий — по крайней мере, наиболее крупные — оказались в центре борьбы масс, в которой они сталкивались с новыми стратегическими задачами, новыми союзами, новыми изменившимися организационными принципами, несомненно обусловленными национальными политическими традициями (вспомним комитеты Народного фронта во Франции или рабочие союзы в Испании). Может быть, именно в этом состояло значение той вновь обретенной неабстрактной национальной принадлежности, которую справедливо можно зачислить в актив национальных фронтов.

Еще до VII конгресса в плане своего доклада Димитров пытался предупредить о сложностях, которыми был чреват для структуры «всемирной партии» поворот в политике Коминтерна. В последней части рекомендательной записки к предварительным наброскам доклада он подчеркивал, что необходимо «изменить методы работы и руководства Коминтерна и учесть, что невозможно оперативно руководить из Москвы решением всех вопросов, шестьюдесятью пятью секциями Коминтерна, действующими в самых разных условиях»³⁰. Похоже, что эти директивы сразу по окончании конгресса не должны были оставаться на бумаге: на их основе предстояло

²⁹ Kriegel. La Terza Internazionale, p. 82.

³⁰ «Записка» Димитрова опубликована в: F. De Felice. Fascismo, democrazia, fronte popolare. Il movimento comunista alla svolta del VII congresso. Bari, 1973, p. 270—272.

перестроить руководящий аппарат Коминтерна. Кажется, в октябре 1935 года было решено упразднить генеральные секретариаты и отделы, а также институт представителей и инструкторов Исполкома³¹, что, похоже, подтверждало тенденцию к децентрализации и повышению самостоятельности отдельных партий. Это не означает, что — как полагают советские историки Лейбзон и Шириня — VII конгресс ознаменовал собой «начало перехода к новой фазе в развитии коммунистических партий, в которой международное единство, основанное на верности марксизму-ленинизму и совместно разработанной политической линии, сможет развиваться в обстановке полной автономии и независимости для каждой партии»³². Если новая фаза и началась, то для нее были характерны формы контроля и вмешательство во внутреннюю жизнь различных партий (как результат сталинской системы власти) хотя и не регламентированные, но куда более тяжелые, чем прежде, и приведшие к трагическим последствиям. Сам факт, что их часто применяли в Москве и даже за границей (например, в Испании, где прямое вмешательство осуществила советская политическая полиция), позволяет судить, насколько серьезно был извращен механизм, направлявший деятельность «всемирной партии», и датировать 1934—1935 годами начало сомнений в отношении этой концепции. В истории идей и политических направлений не меньшую роль, чем в экономических и социальных процессах, играет сила инерции: выбор, сделанный коммунистическими партиями в сентябре 1939 года, не был результатом одной лишь монолитности, теперь уже принявшей бюрократические формы, которая понималась как механическое следование внешней политике СССР и как наивысшее выражение концепции, обязывавшей противопоставить всякой другой точке зрения истинные или принимаемые за истинные интересы международного движения³³.

Действительно, именно начавшаяся война со всей очевидностью показала политическую абсурдность тезиса, согласно которому всякая международная ситуация должна была вызывать одинаковую реакцию у партий разных стран, и выявила необходимость установить дифференцированное, а не просто тождественное отношение между советской внешней политикой и позицией Интернационала. Когда позднее, после нападения нацистов на СССР и появления лозунгов, призывавших к борьбе с фашизмом и защите демократических свобод, коммунистические партии возглавили движения Сопротивле-

³¹ Die Kommunistische Internationale. Kurzer historischer Abriss. Berlin, 1969, S. 490.

³² V. M. Leibzon, K. K. Serinija. Il Congresso dell'Internazionale comunista. Roma, 1974, p. 244.

³³ Hobsbawm. Problemi di storia comunista, p. 8.

ния и сумели стать массовыми партиями (чего прежде, как правило, не было), стала формироваться «новая диалектика, которая, применяя на практике свои объективные законы в обход схем монолитного единства, складывалась на основе развития и прогресса движения»³⁴. Отношения между Коминтерном и Коммунистической партией Югославии или между Коминтерном и Коммунистической партией Китая являются наиболее ярким и знаменательным, но не единственным подтверждением сказанного. Было бы наивным заблуждением считать роспуск Коммунистического Интернационала в 1943 году лишь результатом этой новой ситуации: он был вызван в не меньшей мере потребностями внешней политики СССР, который, сделав этот жест (могущий быть истолкованным как окончательный отказ от экспорта социалистической революции в другие страны), стремился, вероятно, избежать того, чтобы союзники после поражения Гитлера обратили свой огромный военный потенциал на Восток, и надеялся, напротив, что сумеет побудить их принять участие в восстановлении советской экономики после войны.

Тем не менее когда в резолюции о роспуске Коммунистического Интернационала (15 мая 1943 года) утверждалось, что «организационная форма объединения рабочих, избранная I конгрессом Коммунистического Интернационала, отвечавшая потребностям начального периода возрождения рабочего движения, все больше изживала себя по мере роста этого движения и усложнения его задач в отдельных странах и становилась помехой дальнейшего укрепления национальных рабочих партий»³⁵, — это было не простым оправданием выбора, сделанного советской дипломатией, а констатацией реального положения вещей в отношениях между центром и секциями. Открыто заявляя о том, что утопия «всемирной партии революции» изжила себя, резолюция способствовала высвобождению энергии, которая прежде сдерживалась и подавлялась, и (говоря о новой международной революционной солидарности, впрочем, в столь неопределенных выражениях, что ясность не смогли внести все последующие десятилетия) создавала предпосылки для новой фазы развития коммунистического движения.

2. Международные руководящие группы

В соответствии с рекомендациями Гаупта, которые он дал в одном своем, можно сказать, образцовом по ясности метода исследовании, можно выделить по крайней мере три ос-

³⁴ A. Guerra. Gli anni del Cominform. Milano, 1977, p. 43.

³⁵ TISD, III, 2, p. 1214.

новых компонента в международной руководящей группе коммунистического движения в период существования Коминтерна: 1) представители советской коммунистической партии в центральных органах Интернационала и созданных им организаций; 2) представители различных национальных коммунистических партий в тех же органах; 3) ответственные работники международного аппарата, как такового (рабочих секций, технических служб, школ по подготовке кадров и т. д.)³⁶. Наряду с этими категориями, но в другой плоскости и в пределах, о которых речь пойдет ниже, следует остановиться на той «неформальной группе», которую составляли «известные теоретики и идеологи международного масштаба... пользующиеся международным авторитетом, независимо от их должностей и званий»³⁷. Придерживаясь аналогичных критериев, Лазич и Драшкович сумели определить рамки этой группы, численность которой составила около семисот человек³⁸. Это руководители, чьи социальные, культурные и политические биографии представляют собой центральную, пока еще мало изученную главу истории международного коммунистического движения.

Как уже отмечалось, организационная структура Коминтерна определилась не ранее II конгресса, а во многом лишь после IV конгресса. Внешне мало похожий на ту символическую железную когорту профессиональных революционеров, прочно спаянных в единое целое, о которой повествовала неизменная «партийная легенда», равно как и пропаганда капиталистических правительств, «генеральный штаб всемирной революции» в течение многих месяцев был бесформенным образованием, очень неоднородным по составу: его компетентность была сомнительна, а возможность реального вмешательства очень ограничена. Внутри него ощущалось влияние идейного наследия многих организаций различных направлений: Циммервальдской левой, Федерации иностранных коммунистических групп в России (основана в марте 1918 г.) и секций Бюро революционной пропаганды в России и за рубежом, непосредственно связанных с большевистской партией и Наркоминделом. Между I и II конгрессами состав первого официального органа Коминтерна — Исполкома — был непостоянным, а распределение должностей в нем —

³⁶ G. Haupt. Gruppi dirigenti internazionali del movimento operaio. — In I.D.: L'Internazionale socialista dalla Comune a Lenin. Torino, 1978, p. 243—244. На самом деле Гаупт перечисляет пять категорий, но третья («представители крупных географических регионов») и пятая («представители крупных массовых организаций») для упрощения схемы включены в названные три.

³⁷ Ibid., p. 235.

³⁸ B. Lazitch, M. M. Drachkovitch. Biographical Dictionary of the Comintern. Stanford, 1973.

довольно неясным. Работу Бюро, которое действовало от имени Исполкома, формально было поручено выполнять «говарищам страны, в которой находился Исполнительный Комитет», то есть русским коммунистам. В то же время активно работали многочисленные заграничные «бюро», компетенция которых была неясна и нередко пересекалась (Амстердам, Берлин, Вена); вскоре они превратились в центры (в том числе политически автономные) и вследствие этого были или распущены, или через несколько месяцев превращены в организации с чисто техническими функциями.

Начиная с весны 1920 года был предпринят ряд попыток, с тем чтобы положить конец этому неопределенному положению в организационной области. Процесс был трудным и относительно длительным³⁹. На II конгрессе были выработаны критерии представительства в Исполнительном Комитете различных секций, а также создан комитет в узком составе (внутри Исполкома) — зародыш будущего Президиума. На III конгрессе был учрежден и сам Президиум, и одна из наиболее важных инстанций — Секретариат; кроме того, пока создавались некоторые важнейшие параллельные организации (Красный Интернационал профсоюзов, Международная рабочая помощь, Международный женский секретариат), были сформированы и первые постоянные рабочие комиссии Исполкома. Уже в середине 1921 года можно было сказать, что начался процесс, для которого было характерно «усиление централизации, переход власти, которой прежде были наделены секции ИККИ и его пленарные заседания, в более «узкие» инстанции — Президиум и политический Секретариат». Этот процесс наложил печать на всю деятельность Коминтерна, его неизбежным следствием явился «рост административного и контролирующего аппарата, который постоянно разрастался и усложнялся»⁴⁰. Поворотным в этом смысле явился IV конгресс (ноябрь — декабрь 1922 года), который рассмотрел проблемы организационной структуры Коминтерна и завершил перестройку его аппарата, создав наряду с Президиумом Организационное бюро (Оргбюро), наделенное широкими полномочиями, а также целый ряд отделов, которые еще больше высвободили членов руководящих органов Коминтерна от повседневной административной работы. К числу этих отделов относится самый известный — Отдел агитации и пропаганды (знаменитый Агитпроп), хотя самым главным из них была, вероятно, Секция международных связей (по-русски она называлась ОМС — Отдел международ-

³⁹ Он блестяще описан в исследовании: *F. Svatok. Gli organi dirigenti dell'Internazionale comunista: loro sviluppo e composizione (1919—1943). — "Movimento operaio e socialista", 1977, № 1 e 2—3.* Впервые было опубликовано в: *History of Socialism Yearbook. Praha, 1968.*

⁴⁰ *Haupt. Gruppi dirigenti, p. 243.*

ных связей), которая занималась всеми вопросами практического характера (паспорта, фальшивые удостоверения личности, организация явок), связанными с нелегальными перемещениями через границы людей, документов, денежных средств, пропагандистского материала и, конечно, оружия⁴¹. Как отмечал Ф. Сватек, растущий спрос на квалифицированный персонал, вызванный расширением всех этих служб, «не мог быть удовлетворен только с помощью членов русской коммунистической партии, так что после V конгресса появилась тенденция интернационализировать этот аппарат, набирая огромное число сотрудников из всех секций Коминтерна»⁴². Можно сказать, таким образом, что процесс бюрократизации руководящих органов Коминтерна начался еще до того, как завершилась «большевизация» отдельных национальных коммунистических партий.

Сведения, которыми мы располагаем о составе и работе этого аппарата, фрагментарны и полны пробелов, что, естественно, объясняется засекреченностью деятельности Коминтерна в период, когда большинство коммунистических партий было на нелегальном положении. По документам многих инстанций Коминтерна в том виде, в каком они до нас дошли, невозможно представить схему его деятельности ни за все время, ни за какой-либо один значительный период его существования. Однако просматриваются по крайней мере общие линии его развития, из которых можно извлечь некоторую информацию. В частности, более подробное знакомство с таким органом Коминтерна, как Секретариат (функции которого почти не менялись — хотя несколько повысилась его роль как политического руководителя по сравнению с «техническими» и административными функциями — на протяжении 1921—1934 годов), может помочь в истолковании коллективной биографии центрального ядра этого аппарата, которое Гаупт называет *decision makers*)⁴³.

Главным образом благодаря важным исследованиям Сва-тека можно восстановить с достаточной достоверностью состав Секретариата за десятилетний период — с 1921 по 1931 год⁴⁴. Если мы, оставив в стороне иные соображения, остановимся на четырех наиболее часто повторяющихся именах (Куусинен, Пятницкий, Ракоши, Эмбер-Дро), то общие черты и различия в их биографиях⁴⁵ позволят нам предста-

⁴¹ См.: A. Kriegel. *La Terza Internazionale*, p. 127.

⁴² *Svatek*. *Gli organi dirigenti*, II, p. 316.

⁴³ *Haupt*. *Gruppi dirigenti*, p. 236.

⁴⁴ *Svatek*. *Gli organi dirigenti*, II, p. 298—336.

⁴⁵ Информация по этому вопросу взята из: "Biographical Dictionary of the Comintern", ad voces, а о Пятницком и Эмбер-Дро дополнена сведениями из: O. Piatnitsky. *Memoirs of a Bolshevik*. Westport (Conn.), 1973; e J. Humbert-Droz. *Mon évolution du tolstoïsme au communisme*. Neuchâtel, 1969.

вить, каким был типичный руководитель аппарата Коминтерна среднего и высшего уровней. Их национальная принадлежность: Пятницкий — литовец, по отчеству Аронович, что свидетельствует о его еврейском происхождении, Куусинен — финн, Ракоши — венгр, Эмбер-Дро — швейцарец. В этой гамме национальностей не случайно отражены черты национального состава аппарата Коминтерна на протяжении длительного периода: преимущество (вначале абсолютное, а в последующие годы несколько меньшее, но не исчезнувшее окончательно) в русском штате Коминтерна отдавалось лицам, «набранным из числа национальностей, представители которых имели призвание и опыт международной работы (евреи, прибалты)»⁴⁶. Значительным было присутствие политэмигрантов — участников революций, потерпевших поражение, — венгров, финнов, а затем в 1923 году — болгар. Большой удельный вес в аппарате имели представители малых и второстепенных партий, которые ввиду незначительной роли коммунистических партий в жизни соответствующих стран имели большую возможность работать в международном аппарате и — по крайней мере теоретически — были в большей зависимости от аппарата, чем члены более влиятельных партий.

Из названных работ можно получить информацию о весьма скромном социальном происхождении руководителей Коминтерна: Пятницкий — сын плотника, Куусинен — портного, Ракоши — мелкого торговца, Эмбер-Дро — ремесленника, работающего по найму, высококвалифицированного часовщика — и об уровне их образования (в общем довольно высоким: Куусинен получил высшее образование, как и Эмбер-Дро, который был протестантским пастором; Ракоши кончил университет за границей; лишь Пятницкий начал в юности работать учеником портного, став в 20 лет профессиональным революционером). Показателен также их возраст: в рассматриваемый период Куусинену и Пятницкому — между 40 и 50, Эмбер-Дро и Ракоши — между 30 и 40. Создается впечатление, что руководитель аппарата старше среднего возраста руководителей национальных партий и имеет за плечами опыт революционной борьбы. Пятницкий стал политическим агитатором уже в 1898 году, но и три нерусских работника аппарата рано вступили на тот же путь: Куусинен — в 1905 году, Ракоши — в 1910, Эмбер-Дро активно участвовал в борьбе с 1916 года, но уже с 1912 года исповедовал социализм. Если на старших по возрасту, безусловно, немалое влияние оказали политические дискуссии и суровая организационная школа, через которые русская социал-демократия прошла на рубеже веков, то на более молодых неизгла-

⁴⁶ *Haupt. Gruppi dirigenti...*, p. 248.

димое впечатление, но в иной форме произвели война и Октябрьская революция. Пребывание Ракоши в плену в России и опыт Эмбер-Дро, приобретенный во время участия в Циммервальдской левой, — факты, которые выходят далеко за рамки их личных биографий.

Другим моментом, который следует отметить, является множество должностей и нагрузок у упомянутых руководителей. Вместе с тем очень трудно отделить в этих должностях функции политического характера от административных. В рассматриваемый период Пятницкий — руководитель ОМС, казначей Президиума, член Оргбюро и Исполкома, кроме того, он — сначала кандидат, а потом член Центрального Комитета ВКП(б). Куусинен — бессменный член Исполкома и Президиума и руководит различными региональными секретариатами, помимо того что занимает руководящие должности в русской партии (он станет членом ее Центрального Комитета в 1941 году). Эмбер-Дро — долгое время секретарь Исполнительного Комитета, член Оргбюро в 1925—1926 годах и Президиума в 1928 году, отвечает за работу Секретариата по романоязычным странам и часто выполняет наиболее сложные поручения Коминтерна в различных национальных партиях. Ракоши (пока он работал в аппарате Коминтерна) — также член различных постоянных комиссий. Некоторым из этих работников аппарата можно лишь с большой натяжкой приклеить ярлык серых и безликих исполнителей приказов, идущих выше. Все это — выдумка авторов разных мемуаров, подхваченная значительной частью историков. Следовало бы как можно внимательнее проанализировать роль Пятницкого, который в 1928—1933 годах часто выступал как руководитель, который (четко и твердо придерживаясь установок Коминтерна) больше других стремился исправить и умерить перегибы, беспристрастно (что тогда уже было не характерно) указывая на отрицательное влияние их на «работу в массах»⁴⁷. Как замечает Гаупт, «даже в среде с такой структурой, стратификацией и дисциплиной, какой был III Интернационал... механизм аппарата и власти не могут объяснить известность и значимость той или иной выдающейся личности»⁴⁸. В том же Куусинене, единственном из упомянутых руководителей, кто неизменно был на первом плане в течение всего периода существования Коминтерна и явился — среди очень немногих — воплощением организационной преемственности, следовало бы выделить такую черту, как способность маневрировать применительно к обстоятельствам, которая сделала его «человеком на все сезоны». Но при этом у него был несомнен-

⁴⁷ См.: TISD, III, 1, p. 293.

⁴⁸ *Haupt. Gruppi dirigenti...*, p. 252.

ный талант систематичности и теоретической последовательности, позволивший ему отнюдь не формально вмешиваться в узловые вопросы разработки теории и практики коммунистического движения.

В целом карьера четырех рассмотренных здесь членов Секретариата позволяет высказать некоторые замечания по вопросу о преемственности в руководящей группе Коминтерна. О Куусинене мы только что сказали. Пятницкого освободили от его обязанностей в Коминтерне на VII конгрессе: это один из немногих случаев, когда руководителя аппарата (здесь речь не идет о таких политических деятелях первого плана, как Зиновьев, Радек или Бухарин) просто приносят в жертву изменившейся политической линии. Арестованный в 1937 году, Пятницкий погиб во время сталинского террора. История Ракоши нетипична, но, с другой стороны, она показательна, ибо помогает понять, что значило быть коммунистическим руководителем в период между двумя войнами. Он был арестован в 1925 году в Венгрии, куда вернулся нелегально, просидел в тюрьме 15 лет, избежав, таким образом, участия в жестокой внутренней борьбе и чисток, которые во второй половине 30-х годов испытала на себе значительная часть венгерской руководящей группы. После обмена политзаключенными между советским и венгерским правительствами Ракоши вновь занял место в аппарате Коминтерна в 1940 году, а в 1943 году был в числе подписавших резолюцию о роспуске Интернационала. Эмбер-Дро, политически связанный с Бухариным, в результате наступления на «правых» в 1928—1929 годах был отстранен и лишен всех основных должностей; однако, за исключением кратких перерывов, он оставался в аппарате, где, несмотря на то что был на относительно второстепенных должностях, продолжал выполнять поручения деликатного свойства. Из четверых он — единственный, кто покинул коммунистическое движение в период существования Коминтерна.

Трудно говорить о принадлежности к аппарату в узком смысле этого слова других членов Секретариата названного десятилетия, так как многие из них исполняли свои обязанности в течение лишь нескольких месяцев и психологически были больше связаны с собственными партиями, чем с московским «центром».

Анджело Таска, который работал в этой организации с сентября 1926 по январь 1929 года, оставил описание Секретариата, которое, будучи написано «по горячим следам», в разгар тяжелого кризиса, довольно хорошо отражает характер исследуемого нами десятилетия: «В нашей литературе очень часто употребляется выражение «генеральный штаб революции». Центр Коминтерна совершенно не заслуживает подобного определения. По составу и по тому, как он дейст-

вует, он ничего общего не имеет с подлинным международным руководящим центром. Почти все, кто в нем работает, руководствуются самыми разными побуждениями, ничего общего не имеющими с главным фактором — заботой об общих интересах нашего движения. Есть целая группа чиновников (*routiniers*), которые прислушиваются к тому, что решают «там», и «существуют»: Бела Кун, Коларов, Шмераль, Куусинен... Затем есть группа провинциалов, чей девиз: оставьте нас в покое в нашей стране, а что до остального — поступайте, как знаете (Белл, Страков, Барбе)... Обзор можно было бы продолжить, но это не стоит того. Политический Секретариат — разношерстный сброд, который держится вместе по самым разным причинам; он органически не способен вести квалифицированную политическую работу. Это может показаться вам преувеличением, но это так»⁴⁹.

Резкая критика Таски, несомненно, во многом бьет в цель. Однако автор не подчеркивает, что «органическая неспособность» делать политику, в которой он обвиняет Секретариат, уходит корнями в структуру самой организации и критерии, лежащие в основе кооптации ее членов. Знаменательно, что остальные 38 руководителей, которые между 1921 и 1931 годами были членами Секретариата, находились на своих постах гораздо меньше по времени, чем Куусинен, Пятницкий, Ракоши и Эмбер-Дро. Это в значительной степени было вызвано — как станет ясно, особенно применительно к нерусским руководителям, — критериями ротации кадров и потребностями соответствующих национальных партий; отчасти же это отражало нестабильность и текучку партийных кадров, характерные для коммунистического движения начала 20-х — начала 30-х годов. Из 42 руководителей, которые были членами Секретариата в этот период, не менее восьми были исключены из собственных партий и еще столько же, раньше или позже, освобождены от ответственных должностей. Насколько это отражало изменение политической линии и насколько фракционную борьбу (направляемую или нет Коминтерном) внутри различных партий — зачастую трудно установить. Рассмотрим несколько случаев. В Секретариат, избранный V конгрессом (июнь—июль 1924 года), помимо Куусинена, Пятницкого и Эмбер-Дро, входили еще два действительных члена (француз Трэн и немец Гешке) и два кандидата в члены (англичанин Мак-Манус и чех Нейрат). Никто из последних четырех не попал в новый, расширенный Секретариат, избранный VII плену-

⁴⁹ Письмо Таски от 5 декабря 1928 года Секретариату Коммунистической партии Италии. — “*Annali dell’Istituto G. G. Feltrinelli*”, VIII, 1966, p. 576.

мом; однако за каждым «невведением» в состав Секретариата — своя история. Для Гешке это не было началом заката политической карьеры: он оставался руководителем высшего ранга в собственной партии по крайней мере до конца 1928 года и переизбирался в Президиум Интернационала на VII, VIII, IX пленумах. Таким образом, его замена на Реммеле вызвана, почти наверняка, простой необходимостью ротации руководящих кадров. То же можно сказать и о замене Мак-Мануса Мёрфи. Исключение Трэна и Нейрата было вызвано явно политическими соображениями. Первый, тесно связанный с Зиновьевым, следует за ним по нисходящей линии (он был затем исключен из Политбюро ФКП на съезде в Лилле в июне 1926 года). Второй вступил в конфликт с руководством Коммунистической партии Чехословакии; отметим, что разногласия здесь не были механическим повторением разногласий в русской партии; они крылись главным образом в сложном и неоднородном характере альянса, который представляла собой руководящая группа этой партии.

Речь о преемственности в руководстве аппарата нельзя сводить к разговору лишь о высших руководителях, таких, как члены Секретариата. Если от самых верхних ступенек аппарата перейти к промежуточным, которые со многих точек зрения не менее значительны, то здесь мы увидим большую стабильность. Немало чиновников среднего звена занимали важные должности в течение 12, 15 и даже 20 лет, хотя сам аппарат претерпел за это время некоторые изменения. Смолянский, например, начал работать в Коминтерне в 1923 или 1924 году. Он работал последовательно в Агитпропе, в профсоюзном отделе и Секретариате для Центральной Европы, активно участвовал в работе многочисленных постоянных комиссий; в 1937 году он пал жертвой сталинских репрессий. Петровский-Беннетт, эксперт Коминтерна по английским вопросам, выполнял различные поручения в аппарате Коминтерна с 1920 по 1937 год, когда его постигла участь Смолянского; Минев (Степанов), болгарский революционер, бывший активист Циммервальдской левой, стал работником аппарата Коминтерна в 1920 году; выполнял многочисленные миссии за рубежом, стал вторым секретарем секции романских стран. Коминтерн направляет его в Испанию во время гражданской войны в этой стране; по возвращении в Москву он стал ближайшим соратником Мануильского; кроме того, он — один из членов небольшой группы работников Коминтерна, эвакуированных в октябре 1941 года в Уфу.

В общем, можно заключить, что небольшого ядра аппарата, состоявшего из работников, постоянно или продолжительное время живущих в Москве и работающих только в

Коминтерне, лишь относительно коснулись повороты в линии Коминтерна и внутренняя борьба в русской партии. Нередки были случаи, когда работники аппарата, открыто скомпрометированные участием в левой или правой оппозиции, после временного перевода на другие должности вновь возвращались на свои места в отделах Коминтерна; например, Сафаров, один из крупнейших специалистов по «восточному вопросу», или уже упомянутый в другой связи Эмбер-Дро — случаи в этом смысле показательные. Исключение составляют перемены, последовавшие за VII конгрессом (как это ни парадоксально, поворот после этого конгресса был единственным, не названным таковым). После конгресса было освобождено гораздо больше работников, которые придерживались прежней политической линии (Пятницкий, Бела Куи, Кнорин, Лозовский), чем осталось тех, кто сохранил свои посты без изменения (Мануильский, Куусинен); кроме того, в аппарате появилось несколько новых людей: наиболее примечательным было появление австрийца Эрнста Фишера, но можно было бы назвать и другие имена. В то же время удивляет тот факт, что в аппарат попало очень небольшое число представителей КППГ, хотя после поражения в 1933 году ее кадры были не заняты и их можно было использовать на международной работе.

После сказанного выше нет необходимости подчеркивать особую роль русских представителей в центральных учреждениях Коминтерна, ибо это, очевидно, перерастает рамки вопроса лишь о численном превосходстве. От русской партии было всегда больше представителей в Исполкоме и Президиуме, чем от любой другой секции, но не настолько, чтобы ее влияние не могло быть — на бумаге — уравновешено влиянием других крупных партий. Например, в Исполкоме, избранном V конгрессом, от ВКП(б) было четыре действительных члена и четыре кандидата, тогда как КППГ и ФКП вместе имели по шесть членов в каждой группе. Правда, это соотношение имеет тенденцию меняться в пользу русской партии в более высоких инстанциях (в Президиуме, избранном VI пленумом, было всего четыре представителя КППГ и ФКП, вместе взятых, и от ВКП(б) — также четыре, однако, помимо этого, еще два представителя ВКП(б) — Лозовский и Ломинадзе — представляли соответственно первый — Профинтерн, а второй — Интернационал молодежи. Вообще с течением времени (например, в Исполкоме, избранном VI конгрессом), количество представителей КППГ и ФКП, вместе взятых, стало уступать числу представителей ВКП(б). Однако не это имело решающее значение. Главную роль играла реальная власть русских, которая, помимо непререкаемого престижа, причины которого мы уже анализировали, держа-

лась на неограниченном контроле средних и низших ступеней аппарата и, естественно, на финансовой зависимости от Советского государства всего Коминтерна и в немалой степени — отдельных секций. С другой стороны, повышению веса русской партии способствовал также политический авторитет ее представителей, который, по крайней мере до 1929 года, был всегда очень высок. Замечание Боркенау о том, что в 1919—1920 годах в руководство Интернационала не был введен ни один действительно крупный представитель руководящей большевистской группы и что это свидетельствует о том, будто русские «уже тогда смотрели на другие партии как на вспомогательные в их деятельности»⁵⁰, абсолютно несостоятельно, если учесть, что в руководящую верхушку Коминтерна входили Зиновьев, Бухарин и Радек, и то, насколько интенсивно и Ленин и Троцкий занимались проблемами Коминтерна. Нам не представляется верным то, что пишут Лазич и Драшкович, по мнению которых «в период между I и II всемирными конгрессами... многие большевистские руководители, работавшие обычными государственными служащими, были переведены в Коминтерн, с 1921 года же положение изменилось и большевистские руководители были отозваны из Коминтерна и направлены на советскую дипломатическую службу»⁵¹. Здесь речь идет об обычной ротации, которая не исключает перемещения в обратном направлении и совершенно не умаляет той роли, которую продолжал играть Интернационал для советской правящей группы. Другое замечание тех же авторов, согласно которому, начиная все с того же 1921 года, в верхушку Коминтерна были введены большевистские руководители, которых понизили в должности в собственной партии (например, упоминавшиеся уже Пятницкий, Сафаров, Стасова, Коллонтай)⁵², кажется по меньшей мере спорным и в общем касается главным образом исполнительных органов. Другое изменение, уже несомненно⁵³, заслуживает более пристального внимания, а именно приток в различные отделы аппарата лиц без большевистского прошлого (Мануильский, Лозовский, Бородин, Петровский, Рафес, Гуральский и позднее Мартынов). Однако это явление свидетельствовало не столько о снижении роли Коминтерна (когда говорят о большевистском руководстве), сколько объяснялось объективной потребностью решить проблемы, связанные с расширением аппарата, используя квалифицированный персонал. Нет сомнения, что среди бывших меньшевиков, бывших бундовцев и

⁵⁰ *F. Borkenau. World Communism, Ann Arbor (Mich.), 1962, p. 165.*

⁵¹ *Lazitch—Drachkovich. Lenin and the Comintern, p. 567.*

⁵² *Ibid.*, p. 568.

⁵³ *Ibidem.*

т. д. было гораздо больше, чем среди самих большевиков, людей с богатым опытом международной работы, близко знакомых с проблемами европейского рабочего движения. Словом, главным является то, что вплоть до 1929 года русские представители в руководящих органах Коминтерна были руководителями высшего ранга и в собственной партии.

Возьмем, например, Исполнительный комитет. После III конгресса от РКП(б) в него входили: Зиновьев, Бухарин, Радек, Ленин и Троцкий (действительные члены) и Каменев и Кобецкий (кандидаты). Первые трое, судя по документам, постоянно участвовали в заседаниях Исполкома. Замены, имевшие место в период между 1923 и 1928 годами, являлись прямым отражением взлета или падения того или иного руководителя в русской партии: после V конгресса действительными членами Исполкома становятся Сталин, Каменев и Рыков, выходят из него Троцкий и Радек. Состав Президиума отражает те же колебания: до V конгресса в него входили Зиновьев, Бухарин и Радек, после V конгресса — Зиновьев, Бухарин и Сталин, а Каменев, Рыков и Сокольников — кандидаты; после VI пленума (февраль—март 1926 года) — Зиновьев, Бухарин, Сталин и Мануильский; после VII пленума — Бухарин, Мануильский и Сталин; Молотов и Пятницкий — кандидаты. Речь не шла просто о формальной дани мифу о «генеральном штабе всемирной революции» (согласно которому не подобало высшим руководителям русской партии не быть членами высших органов Коминтерна). Даже Сталин, которому часто приписывали безразличие к делам Коминтерна, постоянно лично участвовал во многих заседаниях Исполкома и Президиума между 1925 и 1928 годами. Тем не менее в середине 20-х годов наметилась новая тенденция: к высшим политическим руководителям прикреплять работников с богатым опытом, хорошо знакомых с работой аппарата. Кажется, именно поэтому был введен в Президиум Мануильский на VI пленуме (февраль—март 1926 года), а Пятницкий и Лозовский на VI конгрессе.

С наступлением 1929 года и победой Сталина над последней внутренней оппозицией в русской партии реальный объем работы, выполняемой советской делегацией в руководящих органах Коминтерна, и в какой-то степени объем ее политической ответственности начали все больше довлекать над этими бывалыми *goutiers* [стреляными воробьями.—*Ред.*] (на XI пленуме в Президиум как кандидаты в члены были введены еще дополнительно Гусев и Кнорин). Это, несомненно, свидетельствовало о том, что советская руководящая группа стала меньше считаться с Коминтерном. Присутствие в руководстве лидера высшего ранга из русской партии не ослабляло, а, напротив, усиливало контроль (например, присутствие Молотова в руководстве в период между 1928 и 1930 годами).

Следующий поворот произошел на VII конгрессе. Именно тогда, когда в соответствии с требованиями новой политики Народных фронтов возросла роль нерусских руководителей и некоторые из них вошли в высшие органы Коминтерна, стремясь сохранить, пусть ограниченную организационную, автономию (Димитров, Тольятти, Готвальд), присутствия какого-нибудь Мануильского или Куусинена было уже недостаточно, чтобы гарантировать в полной мере контроль русской партии над Интернационалом. И тогда в Исполком попадает Ежов — знаменитый глава сталинской политической полиции, а в числе членов Президиума (а также и в числе кандидатов в члены политического Секретариата Коминтерна) появляется темная фигура Москвина (Трилиссера), человека, который второстепенные должности в аппарате Коминтерна совмещал с куда более высокими должностями в ГПУ. Тот факт, что подобная личность практически заменила в советской делегации в Коминтерне старого большевика Пятницкого (место которого он занял и в ОМСе), знаменателен и свидетельствует об уничтожении «всемирной партии революции».

Из 700 мужчин и женщин, которых можно считать в широком смысле руководящей группой международного коммунистического движения между 1919 и 1943 годами, большинство представляло нерусские коммунистические партии в центральных органах Коминтерна и параллельных организаций. Вряд ли стоит подчеркивать после сказанного выше о роли советских представителей, что это численное превосходство не соответствовало их реальному весу в политическом или организационном планах. Кроме того, бывало и так, что представители национальных партий были ими лишь формально, поскольку они не жили постоянно в Москве и нерегулярно участвовали в заседаниях организаций, в которые входили, или не участвовали совсем. Это относилось не только к делегатам географически наиболее удаленных от СССР стран (Латинская Америка, Южная Африка), но и, как это ни парадоксально, к известным лидерам наиболее крупных партий, включение которых в Исполком или Президиум Коминтерна носило представительский и престижный характер⁵⁴. Одновременно это было связано с риском для организаций, которые они представляли; национальные секции могли бы серьезно ослабнуть, если бы их выдающиеся руководители стали с полной отдачей постоянно работать в органах Комин-

⁵⁴ Одной из «технических» причин, по которой власть постепенно перешла к менее представительным и более гибким инстанциям, было то, что более представительные органы, подобные Исполкому, а после 1928 года Отчасти и Президиуму, практически никогда не собирались в полном составе.

терна⁵⁵. Так, Тельман — бесспорный лидер КПГ после 1925 года и член Президиума Коминтерна с 1926 по 1933 год, в течение этого времени никогда не жил постоянно в Москве, хотя до ареста регулярно участвовал в работе расширенных заседаний Исполкома. Действительными представителями КПГ в Москве в эти годы были поочередно и с разными функциями — Реммеле, Ульбрихт, Денгель, Геккерт и Гейнц Нейманн. Аналогичным образом Торез, избранный членом Исполкома в 1928 году и членом Президиума в 1931 году, никогда не был действительным представителем ФКП в Коминтерне: в этой роли выступали с 1921 по 1936 год Суварин, Селье, Трэн, Жакоб, Креме, Барбе, Ферра, Селор и Марти. Роль представителя от национальной партии в Москве долгое время оставалась чрезвычайно важной и деликатной. Лишь во второй половине 30-х годов она как будто начинает терять свое значение, и на пост представителей партии посылают теперь деятелей более низкого уровня. Это явилось, как можно предположить, следствием того, что реальная власть в Коминтерне была передана более узким его органам, а Исполком, в котором по уставу должно было быть представлено большинство партий-членов, как и Президиум, потерял свое значение. До той поры, как правило, представлять партию мог кто-то из ее высших руководителей. В этом смысле показателен пример ИКП: между 1921 и 1935 годами представителями «фирмы», как тогда говорили, были поочередно Террачини, Дженнари, Грамши, Скоччмарро, Тольятти, Таска, Гриеко, Берти, Монтаньяна, Доща, то есть все высшие руководители. Для всех этих людей назначение представителем в Москву было как бы подтверждением их ведущей роли в партии (которую они сохраняли и по истечении мандата; исключением был лишь Таска) и часто ступенькой для последующего продвижения по иерархической лестнице. В других партиях, где руководящая группа была менее однородной, чем в ИКП, дело обстояло иначе. «Откомандирование» в Москву могло быть поощрением, однако иногда это была лишь видимость поощрения, означая отстранение лидера от действительно руководящей роли в партии. Таким образом, лидер, обретая престиж, лишался власти; так было в чехословацкой партии (между 1924 и 1926 годами) со Шмералем и, несомненно, в ФКП с Суварином в

⁵⁵ Показательна история Тольятти, которого в 1926 году попросили остаться в аппарате в качестве руководителя западноевропейского бюро при ИККИ. Это был момент, когда Бухарин пытался хотя бы отчасти децентрализовать работу по руководству Коминтерном с помощью наиболее способных национальных руководителей. ИКП и сам Тольятти выступили против этого предложения, так что по истечении срока мандата представителя от ИКП при Исполкоме Тольятти снова смог стать во главе Итальянской компартии. Об этом см.: *E. Ragionieri. Palmiro Togliatti. Roma, 1976, p. 312—315.*

1921—1924 годах. «Направление в распоряжение» центральных органов Коминтерна могло быть (правда, случалось это крайне редко) откровенно карательной мерой: в 1929 году Исполком Коминтерна, подвергнув суровой критике политическую линию Компартии США, направил ее руководству письмо, в котором потребовал, чтобы главный руководитель этой партии Джей Ловстон был направлен в Москву в качестве представителя партии, а место секретаря занял Фостер. Отказ Ловстона явился причиной серьезного внутреннего кризиса в Коммунистической партии США, завершившегося исключением его из партии и из Коминтерна. В другом случае аналогичная мера была, напротив, воспринята без особых возражений как партией, так и лицом, о котором шла речь,— Жу Кипэем, которого критиковали за неудачу линии на восстание, избранной Коммунистической партией Китая (1927 год); в 1928 году он был направлен в Москву представителем КПК в Президиуме и работал там несколько лет.

Словом, делать обобщения в этой области весьма затруднительно⁵⁶. Самое большее можно сказать, что, как правило, пребывание руководителя партии в СССР расценивалось как необходимая «производственная практика» и обучение⁵⁷. Гораздо важнее были значение и роль, которую играли представители нерусских секций в руководящих органах международного коммунистического движения, и отношения, которые установились между ними и руководящими группами их собственных партий у них на родине.

Что касается первого пункта, то вскоре стало ясно — как жаловался в начале 1921 года Курт Гейер, отчитываясь перед Центром в своей деятельности представителя объединенной

⁵⁶ Затруднительно еще и потому, что одна и та же мера может быть истолкована двояко. Очень показательна в этом смысле записка немецкого посольства в Праге от 22 апреля 1926 года "Dr. Smerals Moskauer Tätigkeit" («Деятельность д-ра Шмерала в Москве»), в которой, между прочим, говорилось: «В чешскую печать проникли известия о том, будто Шмерала задержат в Москве принудительно, чтобы он был подальше от чехословацкой внутренней политики, поскольку его считают слишком оппортунистически настроенным. Это известие, однако, опровергла местная советская миссия. Мне конфиденциально сообщили, что Шмерала ждет в Москве важное политическое задание, которое состоит в том, чтобы решительно парализовать на месте радикальное влияние Зиновьева на политику в отношении Чехословакии, проводимую московским Интернационалом» (Auswärtige Amt, Politische Abteilung [AAPA], Geheimakten, 6632, E503906).

⁵⁷ Луиджи Лонго по этому поводу писал: «...следовали принципу смежности, если можно так выразиться, как для того, чтобы представитель не отдалялся надолго от работы в итальянской партии, так и для того, чтобы как можно большее число итальянских руководителей познакомилось с ответственными работниками других партий в международном коммунистическом движении, в частности Советского Союза, и чтобы их тоже знали» (L. Longo. Dal socialismo alla guerra di Spagna. Ricordi e riflessioni di un militante comunista. Milano, 1976, p. 100).

Коммунистической партии Германии в Исполкоме Коминтерна, — что довольно часто «представитель партии выполнял... не роль сотрудника, который участвует в обсуждении и принимает решения вместе с другими (mitberatenden und mitbeschliessenden Mitarbeiters), а роль защитника секции, которая должна давать отчет во всех своих действиях»⁵⁸. Укоренившаяся с момента провала «мартовского выступления» в Германии практика сваливать на руководящие группы отдельных партий ответственность за неуспех оправдывала при этом центральную международную организацию даже тогда, когда именно она определяла формулировку точной тактической директивы, что часто ставило национальных представителей в Коминтерне в трудное положение главных обвиняемых и одновременно защитников по назначению. С другой стороны, непохоже, чтобы роль иностранных представителей в Москве также была сведена к роли лишь «приводных ремней» для передачи линии Коминтерна собственным партиям. Конечно, эти люди, будучи в советской столице, располагали большей информацией о проблемах в советской партии и четче представляли себе соотношение сил между ведущей партией и братскими партиями и поэтому острее чувствовали известные ограничения и быстрее — необходимость занять определенную позицию. Когда в октябре 1926 года Грамши от имени Политбюро ИКП направил Центральному Комитету русской партии письмо, в котором выражалось беспокойство итальянских коммунистов в связи с «остротой полемики в ВКП(б)», подчеркивая решающее значение единства руководящей большевистской группы для сохранения ее роли как «организующего и направляющего элемента революционных сил всех стран», а Тольятти, представлявший Итальянскую компартию в Москве, ответил ему, упирая на преемственность политической линии независимо от внутренней обстановки в партии⁵⁹, это столкновение двух руководителей ИКП нельзя сводить лишь (как справедливо подчеркивает и Раджоньери) к двум различным концепциям революционной партии. Его можно и нужно трактовать с учетом различия

⁵⁸ Гейер добавлял: «Если Исполком — это парламент III Интернационала, то он им является в худшем смысле этого слова. Важные решения и постановления Исполкома принимаются не на пленарных заседаниях... Этот Исполком в целом — международная организация, а не международная руководящая группа, состоящая из лиц, которые вместе работают и принимают общие решения». Копия его доклада в ААРА, Geheimakten, K304, K105263. Прочитированные выдержки находятся на с. K105280—281.

⁵⁹ См. документы, связанные с полемикой, в.: *A. Gramsci. La costruzione del Partito comunista 1923—1926*. Torino, 1971, p. 124 sgg. Об этом смотри у *P. Spriano. Storia del Partito comunista italiano, vol. II: Gli anni della clandestinità*. Torino, 1969, p. 43 sgg. *E. Ragionieri. Palmiro Togliatti*, p. 226 sgg.

«институциональной» роли обоих руководителей и в этом смысле считать примером, отражающим всю совокупность отношений между секциями и центральными органами Интернационала в 20-е годы.

Тем не менее, по крайней мере до тех пор, пока существовала некоторая свобода полемики, ограничение могло распространяться и в «противоположном направлении», то есть в отношении линии Коминтерна. Вопрос о влиянии, которое оказывали национальные «группы давления» на общую политическую ориентацию Коминтерна до 1929 года и, пусть в меньшей степени, после этого требует более глубокого изучения. Трудно отрицать, например, что часть руководящей группы КПГ внесла решающий вклад в формулирование и обобщение теории «социал-фашизма»⁶⁰: было бы небезынтересно восстановить, какую роль сыграли в этом плане ее представители, сменявшие друг друга в Москве. Безусловно, что в политических и теоретических публикациях по вопросам международного коммунистического движения именно немецкие коммунисты первыми упорно настаивали на взаимодействии реформизма и фашизма в условиях господства финансового капитала⁶¹.

Несомненно, что после 1929 года свобода деятельности и число представителей от различных партий в центральных органах Коминтерна заметно сузились. Если верить свидетельству Андре Ферра, который представлял ФКП в Москве с января 1930 года по июнь 1931 года, он не только не был в курсе инструкций, направляемых Исполкомом своему эмиссару при французской партии (см. ниже, с. 435—436), но и сама корреспонденция ФКП для Москвы поступала прямо в канцелярию романского Секретариата (комиссии) при Президиуме ИККИ, минуя Ферра, и очень часто вовсе к нему не попадала⁶². Функция связи, которую должен был выполнять представитель в Москве, грубо нарушалась, а возможности его участия в разработке политики Коминтерна ограничивались даже по отношению к его стране. Однако все-таки возможности для вмешательства все же оставались; это видно из свидетельства другого французского делегата — Альбера Вассара, который находился в Москве в 1934—

⁶⁰ Это явствует, например, из обширной переписки и записей Анджело Таски, который в 1928 году представлял в Москве итальянскую партию (см. "Annali dell'Istituto G. G. Feltrinelli", VIII, 1966, p. 579, 582, 609—610).

⁶¹ Показателен в этом смысле даже берлый обзор "Kommunistische Internationale" за 1928 и 1929 годы. См., например, в числе прочих статьи К. Вурма и Й. Ленца.

⁶² Свидетельство Ферра приводится в: B. Lazitch. Two Instruments of Control by the Comintern: the Emissaries of the Ecce and the Party Representatives in Moscow. — In: AA. VV., The Comintern. Historical Highlights, a cura di M. M. Drachkovitch e B. Lazitch. Stanford, 1966, p. 59—61.

1935 годах: «Истинное содержание политики Коммунистического Интернационала определялось исключительно узким генеральным штабом. Тем не менее после принятия собственных «высших» решений относительно политики, которой следовало придерживаться, этот генеральный штаб допускал возможность открытия дискуссии о конкретных методах проведения его политической линии. Таким и только таким образом начиналась «дискуссия» на разных уровнях в Коминтерне. Политическая линия, принятая в верхах, никогда не подлежала обсуждению, хотя проведение этой линии в жизнь могло и не быть механическим. Допускалась еще некоторая инициатива: запретов на то, каким образом будут выполнены директивы, не было»⁶³.

В этой связи не кажется неправдоподобным, что на изменение политики Интернационала во Франции в 1934 году повлияли не только соображения советской внешней политики, которой приходилось считаться с нацистской угрозой, но и осторожное давление части руководства ФКП: в этом смысле важную роль сыграл именно Вассар — представитель от партии в Исполкоме⁶⁴.

Все это возвращает нас ко второму вопросу, сформулированному выше: в какой мере допускалась инициатива и самостоятельность действий представителей национальных партий по отношению к собственным партиям? И здесь дать ответ непросто, а обобщения не вполне заслуживают доверия. В 30-е годы разногласия внутри компартий были незначительны, а представитель национальной секции в Исполкоме или Президиуме полностью разделял официальную линию партии, которая в свою очередь вырабатывалась при определяющем участии руководства Коминтерна. Раньше вовсе не считалось невозможным (поскольку сохранялись и стилизовались различные позиции внутри коммунистических партий) занятие представителем партии в Москве позиции, отличной от позиции его партии. Во всяком случае, как правило, мандат предполагал отношения доверия между секцией и ее представителем, который проходил постоянную политическую проверку. Когда в этих отношениях появлялась трещина, то представителю трудно было сохранить за собой место, если за него не вступалась верхушка руководства Коминтерна — для того чтобы уравновесить или разбить те или иные течения внутри руководящей группы партии на родине представителя. Таких случаев немало: достаточно вспомнить Коларова, который с 1927 по 1936 год был официальным представителем Болгарской коммунистической пар-

⁶³ Ibid., p. 63.

⁶⁴ См.: A. e C. Vassart. The Moscow Origins of the French Popular Front, *ibid.*

тии в Москве; совершенно очевидно, что этим преследовалась цель создать противовес крайне левому крылу в партии на его родине, которое к тому же в течение некоторого зремени поддерживал сам Коминтерн⁶⁵. Или пример Ван Мина, который представлял Коммунистическую партию Китая в Президиуме и был кандидатом в Секретариат между 1933 и 1937 годами, то есть именно в период, когда в китайской компартии утверждалось, в противовес его влиянию, лидерство Мао.

3. «Теоретики» и «теория» в деятельности Коммунистического Интернационала

Нам предстоит коснуться вопроса о последнем компоненте международной руководящей группы коммунистического движения, которая выше, согласно терминологии Гаупта, именовалась «теоретиками и идеологами». По правде говоря, этот историк необычайно тонко подметил самостоятельную значимость этой категории внутри «руководящих групп международного рабочего движения», имея в виду главным образом II Интернационал. Нет сомнения в том, что ее роль в Коммунистическом Интернационале была несравненно слабее, причем до такой степени, что возникает вопрос, есть ли необходимость вообще уделять этой группе особое внимание. Но именно причины, приведшие к такому положению, — сами по себе уже важная глава истории международного коммунистического движения, поскольку в связи с ними приходится, пусть попутно, рассмотреть более широкую и серьезную тему — о роли теории в Коминтерне.

Чтобы понять важность и значение теоретических дискуссий (а также отрицательное влияние идеологии, понимаемой как «ложное сознание») в истории коммунистического движения, вероятно, следует исходить из особенности стисшений, которые с самого начала установились между марксизмом и политическим движением, объединенным III Интернационалом. Действительно, с одной стороны, эти отношения становятся особенно деликатными в связи с тем, что русская революция, то есть историческое событие, легшее в основу нового этапа развития международного рабочего движения, представляла собой, как ее ни рассматривай, нечто вроде аномалии, не предусмотренной теоретической схемой марксизма; и эта революция тем сильнее стремилась закреплиться в этом качестве, чем яснее становилось, что она не является (как предполагалось и как надеялись) прологом революции на Западе. Отсюда первая отличительная черта позиции по-

⁶⁵ См.: *N. Oren. Bulgarian Communism. The Road to Power.* New York, 1972, p. 35 sgg.

литического коммунистического движения по отношению к марксистской теории: нечто вроде «комплекса», сопровождающегося открытым отвращением к «вульгарному марксизму» II Интернационала, который считали неспособным оценить новые проблемы эпохи империализма. В действительности этот комплекс поддерживался неосознанным недоверием к теории *tout court* (как таковой), в котором не без основания можно увидеть отражение общей позиции, приписываемой Коршем Ленину, который, по словам первого, «не столько озабочен *теоретической проблемой* истинности или ложности материалистической философии, которую он исповедует, сколько *практическим вопросом* ее полезности для целей революционной борьбы рабочего класса»⁶⁶. «В противоположность псевдомарксизму II Интернационала,— отмечалось в одном из документов V конгресса Коминтерна,— ленинизм, это возрождение революционного марксизма, не содержит ни одного положения, которое не имело бы практического значения в революционной повседневной борьбе пролетариата»⁶⁷. Добавьте ко всему сказанному, что, как отмечал Хобсбом, именно «гениальность и глубина ленинской стратегии и успех большевиков в 1917 году явились тормозом для дальнейшего развития теории»⁶⁸ и породили явление, которое Клаудин точно определил как «эффект теоретической уверенности» именно в момент, когда гораздо более необходимы были критические размышления»⁶⁹.

С другой стороны, III Интернационал в момент возникновения имел огромный «идеологический» заряд: он прямо поставил перед собой задачу, в выполнении которой увидел свое историческое предназначение — предохранить наследие марксизма от перерождения и искажения, которым оно подверглось в эпоху II Интернационала. Вот почему идеологическая борьба расценивается как основной компонент классовой борьбы, а значит, как составная часть революционных действий коммунистического движения. «В своей борьбе с капитализмом за диктатуру пролетариата,— говорилось в Программе Коминтерна, принятой VI конгрессом,— революционный коммунизм наталкивается на многочисленные течения среди рабочего класса — течения, выражающие большую или меньшую степень идеологического подчинения пролетариата империалистской буржуазии или отражающие идеологическое давление на него со стороны мелкой буржуазии и мещанства...

⁶⁶ K. Korsch. Lo stato attuale del problema "marxismo e filosofia" (Anticritica). — In: ID., Marxismo e filosofia. Milano, 1966, p. 26.

⁶⁷ Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932, с. 430.

⁶⁸ E. J. Hobsbaum. Gramsci e la teoria politica marxista. — In: AA. VV., Politica e storia in Gramsci. Roma, 1979, vol. II, p. 42.

⁶⁹ Claudin. Crisi generale del capitalismo, p. 31.

Всем этим течениям противостоит *пролетарский коммунизм*. Будучи великой идеологией международного революционного рабочего класса, он отличается от всех этих течений, и в первую очередь от социал-демократии, тем, что в полном согласии с учением Маркса — Энгельса он ведет теоретическую и *практическую революционную борьбу за диктатуру пролетариата, применяя при этом все формы пролетарского массового действия*⁷⁰.

Теоретическая интерпретация социальной действительности начинается, таким образом, играть иную роль: она необходима не только для рационального узаконения перспективы неизбежности революции, не только для конкретной оценки условий, в которых революционные действия могут развиваться, — она становится определяющим элементом отмежевания революционного движения от всех его противников, как бы они ни маскировались.

Эта двойственная противоречивая позиция по отношению к теории характерна для III Интернационала на всем протяжении его существования, но и тот и другой аспекты этой позиции приобретают разную значимость на последующих этапах его истории. Попытка периодизации, которую мы здесь предпринимаем, представляет собой первый подход к проблеме. Первый этап в истории марксизма III Интернационала (или, точнее, истории «встречи» и взаимодействия марксистской теории с коммунистическим движением) можно поместить в хронологические рамки между основанием Коминтерна и смертью Ленина. Он, в общем, характеризуется следующими элементами: 1) роль теоретических дискуссий как внутри коммунистического движения, так и в отношении позиций других течений рабочего движения в этот период истории Коминтерна имеет наибольшее значение по сравнению с другими периодами; 2) «большевистский и коммунистический марксизм» — по выражению Бухарина на IV конгрессе Коминтерна — прямо связывается с первоначальным марксизмом Маркса и Энгельса по той причине, что он, как и первый, является продуктом эпохи революционных преобразований⁷¹, при этом подчеркивается, что он чужд «марксизму

⁷⁰ Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932, с. 36, 41.

⁷¹ Корш в своей работе «Marxismo e filosofia» (1923) («Марксизм и философия») (перепечатанной в сборнике его работ под тем же названием, цит.) тонко подметил: «Кажущееся возрождение марксистской теории в ее первоначальной форме внутри III Интернационала объясняется... тем фактом, что в новую историческую революционную эпоху не только классовое пролетарское движение, но и самые теоретические позиции коммунистов, которые его выражают, должны иметь форму недвусмысленно революционной теории. Именно это является причиной, по которой сегодня мы видим возрождение тех разделов марксистской системы, которые в последние годы XIX века казались почти забытыми» (р. 62).

эпигонов», свойственному эпохе II Интернационала; но это обращение к основателям марксизма «вызвано сознанием необходимости исследовать теоретически не изученную обширную проблематику империализма и пролетарской революции»⁷²; 3) вообще в этот период имеется множество центров по разработке марксизма, огромное разнообразие толкований его и школ, в рамках которых сосуществуют идеологически различные, дискутирующие между собой группы (большевики, спартаковцы и люксембургянцы, западные, левые коммунисты и даже вначале анархо-синдикалисты).

Совокупность этих элементов придала на данном этапе «теоретикам» первостепенное значение в руководящих коммунистических группах, как в национальных, так и в международной, чего никогда не будет в последующие годы. И все же эта их роль теоретиков ограничивалась совершенно определенными рамками. Нельзя сказать, чтобы русская партия, которая считалась руководящей в политическом и организационном планах, выполняла роль признанного лидера (причем в течение относительно длительного времени) и в области теории⁷³. Если Раджоньери сумел восстановить процесс формирования марксизма II Интернационала, проанализировав «Нойе цайт»⁷⁴, то провести аналогичное исследование в отношении III Интернационала 20-х годов, опираясь на журналы «Большевик» или «Под знаменем марксизма», не представляется возможным. Вследствие этого и роль «теоретика» — фигуры, которую в самом начале своего существования III Интернационал унаследовал от II Интернационала, — была, как заметил еще Раджоньери, в корне иной: «Авторитет Каутского в СДПГ объяснялся признанием важности того, что его теория играла роль идеологического посредника в решении проблем политического руководства»⁷⁵, тогда как авторитет того же ранга руководителей в русской партии, Бухарина, например, или Тальгеймера в КПГ, объяснялся в неменьшей степени их функциями руководителей партии. Кроме того, рядом с «теоретиком» в III Интернационале постепенно утвердилась фигура так называемого «специалиста»: это люди вроде Варги, не имевшие политического веса; их направляли для того, чтобы они в соответствии со своей

⁷² E. Ragionieri. Il programma dell'Internazionale comunista. — In ID.: La Terza Internazionale, p. 137.

⁷³ В обстоятельном исследовании, на которое обратил внимание также Корш, меньшевистский философ А. Шифрин писал в 1927 году о «взаимонепроницаемости» между общей идеологией русского коммунизма и коммунизма западного. См.: M. Werner (A. Schifrin). Sowjetmarxismus. — "Gesellschaft", IV, 1927, 7, p. 60 ff. О критической оценке этого исследования Коршем см.: ID., Lo stato attuale del problema, p. 133, nota 17.

⁷⁴ E. Ragionieri. Alle origini del marxismo della Seconda Internazionale. — In ID.: Il marxismo e l'Internazionale. Roma, 1968.

⁷⁵ ID.: Il programma dell'Internazionale comunista, p. 125.

компетенцией занимались каким-то определенным вопросом (как, например, Варга экономикой) и поставляли, так сказать, «сырье» для общих теоретических выводов, которые оставались в ведении «политиков». Так, категория «целостности» (*totalità*), в которой наиболее строгие критики теоретического упадка II Интернационала видели основу возрождения «творческого марксизма»⁷⁶, в действительности была отвергнута практикой «разделения труда».

Вторым этапом можно считать период между 1924 и 1929 годами. Для него характерны очень разные и противоречивые тенденции. Именно на этом этапе приводится в систему и принимает все более догматическую форму «ленинизм», определяемый как «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции», причем отдельные положения учения Ленина обретают теперь вид жесткой схемы; при этом ленинизм оказывается в некотором роде симметричным искусственно выделенному «троцкизму» — концентрированному выражению антибольшевистских тенденций внутри рабочего движения. Кроме того, в эти годы исчезает почва для разработки в разных местах марксистской теории в результате официального отлучения «люксембургизма» (1925 год), априорного разрыва со всеми формами «westeuropäischer Kommunismus» (западноевропейского коммунизма)⁷⁷, всестороннего (или считавшегося таковым) разрыва со всеми формами марксизма II Интернационала. Теперь «всемирная партия революции» отличается прежде всего своей идеологической монолитностью («всемирная партия ленинизма», по выражению Зиновьева на V конгрессе)⁷⁸. В процессе большевизации коммунистического движения, как отмечал Корш, «центральную роль играла также чисто философская идеология, которая выдавала себя за возрожденную истинную, а не фальсифицированную марксистскую философию и на этой почве пыталась дать бой всем прочим философским течениям внутри современного рабочего движения»⁷⁹. В результате такой замкнутости именно в эти годы дает о себе знать аналитическая неэффективность концепций, которые использует Коммунистический Интернационал для определения эволюции капитализма («относительная стабилизация», «период упадка» и т. д.), что показывает трудность или нежелание понять главные черты западных обществ (иногда о них просто умал-

⁷⁶ См.: *G. Lukács. Rosa Luxemburg marxista.* — In ID.: *Storiae coscienza di classe.* Milano, 1967.

⁷⁷ О распространении этого термина как самоназвания левой оппозиции в КПГ в 1925—1926 годах см.: *Carr. Il socialismo in un paese solo.* Tomo II, p. 246 sgg.

⁷⁸ *G. Zinoviev. Die Welpartei des Leninismus. Rede bei der V. Weltkongress der K. I. Hamburg, 1924, p. 134.*

⁷⁹ *Korsch. Lo stato attuale del problema, p. 22.*

чивается) и использовать фрагментарные эмпирические поиски и политические поражения для новых теоретических выводов⁸⁰.

С другой стороны, для 1924—1929 годов характерны также явления, которые находятся в противоречии с представлением о прямолинейном и необратимом стремлении к догматической строгости. Подобно вульгаризации марксизма во II Интернационале в 90-е годы прошлого века, с появлением «марксизма-ленинизма» марксизм во второй половине 20-х годов нашего века не только подвергается *искажению*, он еще и *утверждается*, то есть пропагандируется и распространяется в новых географических областях и социальных движениях, которые были раньше вне сферы его действия. Именно кампания большевизации коммунистических партий — об этом небесполезно напомнить — явилась импульсом для новых публикаций и переизданий большими тиражами классиков марксистской литературы⁸¹ и беспрецедентных усилий, направленных на создание «системы коммунистического воспитания», которая включает такие формы, как самые разнообразные вечерние, воскресные заочные школы и т. д.⁸² Несмотря на вульгаризацию, а иногда и на цензуру, марксизм III Интернационала проникает и распространяется среди широких социальных слоев и является стимулом для новых теоретических разработок, главным образом в колониальных и полуколониальных странах.

Кроме того, в Советском Союзе этот период нэпа, во время которого — и это все детальнее отражают многие обстоятельные исследования последнего времени — марксистская мысль еще бурно развивается в первой социалистической стране и характеризуется в разных областях сопоставлением и разнообразием точек зрения; это период, когда достигает зрелости теоретическая мысль Бухарина по основным вопросам, касающимся структурных изменений капитализма и государства, изменений социологического состава рабочего класса, характера и революционного потенциала обществ колониаль-

⁸⁰ М. Telo. Introduzione ad AA. VV., La crisi generale del capitalismo, p. 13.

⁸¹ TISD, II, 1, с. 183—184. Анализ средств и путей распространения марксизма и «марксизма-ленинизма» еще предстоит сделать; он требует кропотливой работы с каталогами издательств легальных компартий, с их журналами, с легально и подпольно издаваемыми брошюрами. При первом общем столкновении с этой проблемой поражает частота, с какой переиздаются, помимо «Манифеста Коммунистической партии», «Классовая борьба во Франции», «18 брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции». Из ленинских работ чаще всего публикуется «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

⁸² Ibid.

ных и полуколониальных стран⁸³; это период, когда, несмотря на множество трудностей и замалчиваний, формируется то, что Хобсбом назвал «новым взглядом на стратегию перехода к социализму»⁸⁴.

В общем, на этом этапе фигура «теоретика» утрачивает прежнюю значимость в коммунистическом движении. Не последней причиной этого упадка является та быстрота, с какой меняется политическая судьба руководителей в вихре фракционной борьбы, и последующая «недействительность» теоретических разработок тех, кто потерпел поражение. В результате совершенно незаслуженную роль начинают играть посредственные теоретики вроде Мартынова, которые специализируются на пустом повторении канонических формул «ленинизма»; возрастает роль «экспертов», которые, однако, меньше, чем прежде, отваживаются на самостоятельные разработки или, если и решаются на это, беззастенчиво приспособливают их к требованиям политической конъюнктуры.

И наконец, третий период охватывает промежуток времени с 1929 года до роспуска Коминтерна. Вообще можно сказать, что тенденция к догматической строгости упрощенного марксизма, которая на предыдущем этапе проявлялась еще весьма противоречиво, теперь развивается без каких-либо ограничений. Теоретический марксизм почти полностью утрачивает критический дух: творческий заряд проявляется либо вне III Интернационала — и весьма часто в форме полемики с его официальной идеологией (взять, например, наиболее оригинальные работы Франкфуртской школы, или самостоятельные исследования Карла Корша, или же разработки Троцкого в ссылке и во время первых дискуссий среди левых коммунистов о социальной природе СССР), — либо в изолированной и скрытой форме и даст о себе знать много лет спустя, как это было с наиболее значительным теоретическим вкладом, который внес Антонио Грамши. Напротив, внутри движения — и это без всяких оговорок можно обнаружить в политической и идеологической позициях III Интернационала — все более очевидной становится подчиненность теоретических исследований политической практике. Вообще, если и можно охарактеризовать сталинизм как идеологическую систему, то о нем следует сказать, что эта теория не руководство к действию, а оправдание постфактум самого действия. Сталинские тезисы об обострении классовой борьбы и усилении государства на продвинутой стадии строительства социализма, может быть, являются с этой точки зрения

⁸³ См.: S. F. Cohen. Bucharin e la rivoluzione bolscevica. Biografia politica 1888—1939. Milano, 1975, e in особенно M. Telo. Analisi del capitalismo e teoria della rivoluzione in Bucharin dirigente del Comintern. — In: AA. VV., La crisi del capitalismo.

⁸⁴ Hobsbawm. Gramsci e la teoria politica marxista, p. 43.

самым ярким примером. На этом фоне особенно поразжает постоянство теоретической схемы, применяемой в отношении переживающей глубокие изменения капиталистической действительности, которое мешает правильному пониманию мирового экономического кризиса и его воздействия на природу государства⁸⁵.

Однако, вероятно, неверно было бы говорить (даже в отношении этого периода) о теоретическом «параличе» или «склерозе» марксизма III Интернационала. Было бы ошибкой забывать, что примерно в середине 30-х годов стратегия политического преобразования, то есть перехода к социализму, получила значительное развитие. Серьезнейший поиск новой стратегии захвата власти был проведен руководящей группой Коммунистической партии Китая. Но нельзя недооценивать или относить исключительно к области тактики и первые попытки исследований, предшествовавшие разработке политики народных фронтов в капиталистических странах Запада, которые, пусть в противоречивой форме и со множеством умолчаний, содержали в зародыше новую теоретическую постановку вопроса о взаимодействии демократии и социализма⁸⁶, или, в особых случаях, например Австрии, стремление коммунистической интеллигенции по-новому, соответственно остроте международной ситуации, дать оценку такому вопросу, как национальный⁸⁷.

Общим для этих исследований явилось стремление подвергнуть неотложному пересмотру теоретические представления, применение которых на практике оказалось неадекватно их содержанию, в частности положения о союзах, об отношении партии и класса, о формах государственной власти и т. д. Но этот пересмотр производился не «посредством открыто осуществляемых оригинальных теоретических разработок, а в основном за счет растущего *décalage* (разрыва) между старыми теоретическими формулами и новой политической практикой»⁸⁸. Не случайно, например, в годы, когда

⁸⁵ См., например, *E. Varga. I due sistemi. Milano, 1976.* Для более подробного и наглядного анализа этих недостатков рекомендуем обратиться к *F. Claudin. La crisi del movimento comunista. Dal Comintern al Cominform. Milano, 1974,* и особенно *F. Sbarberi. I comunisti italiani e lo Stato. Milano, 1980.*

⁸⁶ *De Felice. Fascismo, democrazia, fronte popolare; A. Agosti. Riforme e rivoluzione nell'Internazionale comunista fino al VII Congresso. -- In: AA. VV., Riforme e rivoluzione nella storia contemporanea, A cura di G. Quazza. Torino, 1977.*

⁸⁷ См., в частности: *A. Klahr. Die nationale Frage und Österreichs Kampf um seine Unabhängigkeit. Ein Sammelband, введение И. Копленига. Париж, 1939;* и статьи Э. Фишера, появившиеся в журнале «*Kommunistische Internationale*» после 1934 года.

⁸⁸ *S. Wolikow. Le PCF et l'Internationale Communiste. — "Cahiers d'Histoire de l'Institut Maurice Thorez", 1978, № 25—26, 27.* Это исследование является, может быть, самым значительным методологическим вкладом в историю Коминтерна, появившимся в последнее время.

борьба с фашизмом становится главной в стратегии III Интернационала (1934—1939 годы), все, или почти все, самые оригинальные и новые соображения в коммунистическом анализе этого явления содержатся в подчеркнуто политической работе — докладе Димитрова на VII конгрессе, когда как единственной «теоретической» разработкой (или претендующей быть таковой), продолжавшей рассмотрение этой темы, оказалась книга Палма Датта «Fascism and social Revolution» («Фашизм и социальная революция»), написанная с такой перспективой, которая еще в значительной степени отражала схемы «третьего периода» и социал-фашизма⁸⁹. В условиях, характерных подчинением теоретической деятельности политической практике, не вызывает удивления, что именно такие политические руководители, как Димитров или Мануильский, берут на себя задачу обобщить в теоретической форме действия и импровизации эмпирической политики; именно им выпадает нелегкая задача подогнать это обобщение к тому единственному дополнению к марксизму-ленинизму, которое считалось законным, — теоретическим мыслям Сталина, который теперь абсолютно монополизировал сферу обогащения теории.

4. Национальные руководящие группы

«Мы — также Коминтерн, и пока участвуем в дискуссиях в Коминтерне, и когда появится решение Коминтерна, это будет означать, что мы пришли к общей точке зрения в процессе общей дискуссии». Именно в таких «анархистских и эгалитарных»⁹⁰ выражениях Руджеро Гриeco характеризовал еще в 1929 году отношения между Коминтерном и его секциями. В самом деле, часто отождествляют Коминтерн с его небольшим аппаратом decision makers (принимающих решение), действовавшим в Москве, рискуя забыть, что он действительно был Интернационалом коммунистических партий. Последние никогда не были только центрами, проводившими линию, разработанную и переданную сверху, а представляли собой — в разной степени, в зависимости от роли партии в международном движении — активные элементы в формировании основ международного коммунистического движения. С этой точки зрения национальные руководящие группы можно с полным основанием отнести к «генеральным штабам»

⁸⁹ R. P. Dutt. Fascism and Social Revolution. London, 1934.

⁹⁰ Выражение принадлежит Э. Раджоньери, который нашел его в протоколах итальянской Комиссии на X пленуме, в которых имеется также выступление Гриeco. См.: Togliatti, Grieco e Di Vittorio alla commissione italiana dell'Internazionale comunista. — In: La Terza Internazionale, p. 330.

движения. Сравнительный критико-биографический очерк об этих руководящих группах (или по крайней мере о некоторых из них, наиболее важных) мог бы стать результатом интересного, но сложного исследования, которое до сих пор еще не проводилось и которое из-за отсутствия достаточного количества соответствующих исследований о географии и социальном составе коммунистических партий⁹¹ — задача непосильная для одного ученого. Тем не менее можно привести некоторые наиболее значительные сведения, хотя бы для того, чтобы дать материал для будущих исследований.

Остановимся пока на возрастных данных; они немало важны, если вспомнить, с какой полемической гордостью Поль Вайян-Кутюрье настаивал на эпитете «молодость мира» (*jeunesse du monde*) для коммунистического движения. В самом деле, на протяжении всех 20-х годов коммунистический руководитель был довольно молод: возраст кадровых работников КПГ (а их около 250) в 1924 году составлял в среднем 35½ года, в 1929 — 37⁹². В Центральном Комитете, избранном в 1924 году, 12,5 процента членов моложе 30 лет, 62,5 процента моложе 40; среди избранных в 1929 году лишь 5,5 процента моложе 30 лет, но пока еще 61 процент моложе 40. В Центральном Комитете ИКП, избранном в 1922 году, 4 человека из 14 (то есть 29,5 процента) моложе 30 лет, а 12 (85,7 процента) моложе 40⁹³; в составе, избранном в 1931 году (у нас имеются возрастные данные на 13 из 17 членов), нет никого моложе 30 лет, но 4 человека (20,7 процента) моложе 32 лет, а 11 (84,6 процента) моложе 40. Несомненно, такие данные характерны для большинства коммунистических партий. Более того, состав руководства коммунистических партий колониальных и полуколониальных стран еще моложе: средний возраст членов Политбюро КПК

⁹¹ Исчерпывающих исследований рассматриваемого здесь периода очень мало. Наиболее важной остается работа: *H. Weber. Die Wandlung des deutschen Kommunismus. Die Stalinisierung der Kpd 1924—1929.* Frankfurt—Wien, 1969 (особенно т. II). Кроме того, см.: *A. Kriegel. Aux origines du communisme français.* Paris—La Haye, 1964; *ID., Les communistes français.* Paris, 1968; *N. Glazer. The Social Basis of American Communism.* New York, 1961. Что касается ИКП, то здесь следует обратиться к работам: *R. Martinelli. Il Partito comunista italiano 1921—1926. Politica e organizzazione.* Roma, 1977; *T. Detti. Serrati e la formazione del Pci.* Roma, 1972.

⁹² Данные по КПГ, которые приводятся здесь и далее, взяты из работы: *H. Weber. Die Wandlung; E. Collotti. Die Kommunistische Partei Deutschlands 1918—1933. Ein bibliographischer Beitrag.* Milano, 1961; *H. Duhnke. Die Kpd von 1933 bis 1945.* Köln, 1972; *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* Bd. IV—V. Berlin, 1969.

⁹³ Данные по ИКП, которые приводятся здесь и далее, взяты в: *P. Spriano. Storia del Partito comunista italiano. Voll. I e II.* Torino, 1967 e 1969; *Martinelli. Il Partito comunista italiano; F. Andreucci, T. Detti. Il movimento operaio italiano. Dizionario biografico, voll. I—V.* Roma, 1975—1978.

в 1927 году — 35 лет, а в 1935 году он понижается до 33⁹⁴. Следует отметить, что возраст руководителей остается молодым на протяжении по крайней мере 20-х годов, несмотря на изменение социального состава руководящих групп (см. ниже, с. 428—432). Что касается 30-х годов, то здесь делать обобщения рискованно, поскольку уход в подполье все большего числа партий не позволяет установить детально состав их руководящих органов. Данные, которыми мы располагаем по ФКП (средний возраст членов ее Политбюро увеличивается с 36 лет в 1926 году до 47 лет в 1936 году⁹⁵), во всяком случае, свидетельствуют о тенденции к постарению руководящего состава: это постарение связано не только с тем, что прошло десять лет и это соответственно отразилось на кадрах; нет, ведь по крайней мере до 1930 года текучесть кадров в составе руководящих органов, пусть несколько меньшая, чем в период 1922—1926 годов, все же была значительной (см. ниже, с. 427).

Довольно молодой возраст коммунистических руководителей свидетельствует о том, что они, как правило, не имели большого опыта работы в рабочем движении. Тем не менее кое-какие данные, которые нам удалось обнаружить, могут стать причиной некоторых любопытных открытий. В 1924 году 61 процент состава кадровых работников КПГ принадлежал к организациям рабочего движения до 1916 года и не более 3 процентов составляли члены партии, вступавшие в нее после 1920 года; в целом было лишь 18 процентов парtrаботников, которые вступили прямо в КПГ в период между 1918 и 1924 годами. В Центральном Комитете, избранном в том же 1924 году, процент лиц, принадлежавших к организации до 1916 года, вырос до 81,2 процента. С течением времени соотношение постепенно меняется: в 1927 году 56 процентов состава парtrаботников КПГ участвовало в рабочем движении до 1916 года, а 6 процентов после 1920 года; в том же году число членов Центрального Комитета, бывших членами партии до 1916 года, составляло 64,7 процента, а число членов КПГ, вступивших прямо в нее, составило уже 17,6 процента. Особенно заметный скачок сделан в 1929 году: в этом году только 42 процента парtrаботников участвовало в рабочем движении до 1916 года, а число тех, кто при-

⁹⁴ Данные по КПК, приводимые здесь и далее, взяты у: *J. P. Harrison*. *The Long March to Power. A History of the Chinese Communist Party 1921—1972*. New York, (таблицы на с. 101, 157, 223, 293), и у *D. Klein*, *A. Clark*. *Dictionary of Chinese Communism*. Cambridge (Mass.), 1970.

⁹⁵ Данные по ФКП, приводимые здесь и далее, взяты у: *A. Kriegel*. *Les communistes français*; *J. Fauvet*. *Histoire du Parti communiste français*. Paris, 1977; *R. Wohl*. *French Communism in the Making, 1914—1924*. Stanford, 1966; *M. M. Drachkovitch e B. Lazitch*. *The Third International*. — In *ID.: The Revolutionary Internationals*. Stanford—Oxford, 1966.

шел в движение после 1920 года, составило 20 процентов (в общей сложности число тех, кто вступил непосредственно в КПГ, минуя НСДПГ и СДПГ, составило 18 процентов). Изменения, происшедшие за такой короткий промежуток времени, между 1924 и 1929 годами, очевидно, нельзя объяснить лишь обычной сменой поколений: следует обратить внимание на такой важный аспект процесса большевизации, как решительное намерение вырвать с корнем подлинные или мнимые социал-демократические «пережитки» в коммунистических партиях. Это намерение было исполнено в КПГ тщательнее, чем в какой-либо другой партии, и часто напоминало поспешное сведение счетов со всем теоретическим и организационным наследием партии.

В других партиях обошлись малой кровью. Если обратиться к составу Центрального Комитета Итальянской компартии 1926 года, станет ясно, что соотношение между членами ЦК, вступившими в партию до 1917 года, и теми, кто пришел в нее после, осталось практически неизменным и даже слегка смещается в пользу первых (80 процентов против 20 процентов) по сравнению с 1922 годом (78,6 процента против 21 процента); только в 1931 году это соотношение меняется (61,5 процента пришедших в движение до 1917 года против 38,5 процента после этого года). Весьма показателен тот факт, что никто из 13 членов Центрального Комитета ИКП, о которых у нас имеются данные, не избежал (через 10 лет после основания компартии) хотя бы кратковременного членства в Итальянской соцпартии. Руководящая группа ФКП занимала в этом смысле промежуточную позицию, но гораздо ближе стояла к КПГ. В Политбюро, избранном в 1926 году, 66,6 процента его членов участвовало в движении до 1917 года, 16 процентов вступило прямо в ФКП после 1920 года. В Политбюро в результате VII съезда в марте 1932 года число членов, начавших работать в движении до 1917 года, снизилось до 45,5 процента, при этом возросло число примкнувших к движению между 1917 и 1920 годами (с 16,6 процента в 1926 году до 36,4 процента), и осталось неизменным число вступивших непосредственно в ФКП (18,2 процента).

Обобщение этих данных (в том числе последних, которые убедительнее всего свидетельствуют об общей тенденции) в масштабах всего коммунистического движения было бы слишком произвольным. Ведь и в этом случае у коммунистических партий колониальных и полуколониальных стран была совершенно особая история: ими руководили, как правило, люди, прямо примкнувшие к коммунизму после мировой войны (хотя при этом нельзя недооценивать ни роли предшествовавшего профсоюзного опыта, значительного в некоторых странах Латинской Америки, ни опыта социал-демокра-

тии, например в Индонезии, ни принадлежности многих будущих коммунистических руководителей к радикальным националистическим движениям, как в Китае). В общем, можно сказать, что там, где рабочее движение имело прочные и укоренившиеся традиции, коммунистические руководители 20-х и 30-х годов в большинстве своем состояли в его политических и профсоюзных организациях до 1917, а часто и до 1914 года.

Гораздо труднее определить роль составляющих компонентов коммунистических партий в процессе развития их руководящих групп. Пока трудно выработать критерии классификации для такой нестабильной и зыбкой области, какой является принадлежность к той или иной политической группе или течению. Это попыталась сделать Анни Крижель. Она считает, что в основе всякой коммунистической партии присутствует «крайне левый» и «ультралевый» компоненты. Первый является выражением «некой ортодоксальности, революционной „центральности"», которая уходит своими корнями в леворадикальное крыло II Интернационала. Каковы бы ни были его исходные позиции, этот компонент пришел к принятию «гегемонии ленинизма». Второй время от времени предстает подобно «разливу, выходу из берегов центрального ортодоксального течения, от которого он существенно не отличается», или, напротив, как «сила, которая стремится подменить центральное течение или изгнать его»⁹⁶. Развивая это положение дальше и стремясь применить его с учетом специфики различных условий⁹⁷, можно с большой степенью приближенности выделить следующие компоненты, явившиеся основой коммунистических партий, образовавшихся между 1918 и началом 1921 года: 1) левый радикализм, который с октября 1917 года принял, с разной степенью сознательности, большевистские тезисы о буржуазной диктатуре и пролетарской демократии и о необходимости создания нового Интернационала («Союз Спартака» и другие группы в Германии, «трибунисты» в Голландии, группа из Британской социалистической партии в Англии, Комитет за присоединение к III Интернационалу во Франции, будущие группы «Совет» и «Ордине нуово» в Италии); 2) левый анархо-синдикализм, тоже раздробленный на множество течений с очень разными позициями по отношению к большевизму (группы Сиграна и Перика во Франции, группы Ротцигеля и Киша в Австрии, фракция Бременской группы, а затем «Интернациональных коммунистов» в Германии, различные фракции

⁹⁶ A. Kriegel. La crisi rivoluzionaria 1919—1920. Ipotesi. per la costruzione di un modello.—In: AA. VV., Problemi di storia dell'Internazionale comunista, p. 29.

⁹⁷ См. по этому вопросу более подробное мое исследование «Источники международного коммунизма», помещенное в этом томе.

Национальной конфедерации труда (CNT) в Испании, левые социал-демократы в Норвегии, «Индустриальные рабочие мира» и Социалистическая рабочая партия в Соединенных Штатах, Социалистическая рабочая партия и Федерация рабочих-социалистов в Великобритании); причем вступление левых анархо-синдикалистских течений в III Интернационал часто, хотя и не всегда, оказывалось результатом кратковременного увлечения или заблуждения насчет «антигосударственности» Советов; 3) левые социалисты, образовавшиеся в результате раскола «центристских» течений, происшедшего между 1919 и 1920 годами, и идеологические наследники (со множеством оттенков) «ортодоксального» течения II Интернационала (большинство в сербской и румынской социал-демократических партиях, левые марксисты в Чехословакии, левое крыло группы «Реконструксьон» во Франции, максималистское левое крыло Марабини и Грациаеи в Италии, левые в НСДПГ в Германии и т. д.). Помещение в одну из этих трех групп целого ряда группок и фракций остается под вопросом: например, группа «Ви увриер» во Франции занимала промежуточное положение между первой и второй категориями, подобно «трибунистскому» крылу в Голландии; социалистические молодежные федерации, из которых немало людей вступило в коммунистические партии при их формировании, — все они имели в своем составе представителей всех трех названных выше категорий.

Если обратиться к эволюции руководящих коммунистических групп в ходе последующего десятилетия, нетрудно установить, что удельный вес представителей второй категории (ее в целом можно отождествить с «ультралевыми», по классификации Крижель), который с самого начала не был значительным, хотя не учитывать его было нельзя, постепенно снизился и почти сошел на нет. Зато в каждом конкретном случае в разной степени (в зависимости от специфики истории каждой партии) возрастала роль первой и третьей групп. В Германии политическая судьба спартаковского течения была весьма переменчивой: до 1923 года оно пользовалось значительным, иногда решающим влиянием; в 1924—1925 годах в результате кампании против «люксембургизма», проводимой левыми, его влияние упало; в 1927—1928 годах в связи с присутствием в составе Центрального Комитета «примиренцев» авторитет течения вновь возрос, а с наступлением на «правых» в 1929 году вновь упал. Наиболее важным фактом внутреннего развития руководящей группы КПГ явился рост влияния бывших деятелей левого крыла НСДПГ, которое влилось в состав коммунистической партии на Галльском съезде (октябрь 1920 года): в составе Центрального Комитета 1929 года из 36 членов выходцев из НСДПГ было 18, тогда как спартаковцев — всего 8. В ИКП приход к

власти группы Грамши (в значительной части состоявшей из бывших членов «Ордине нуово») объяснялся ее способностью (в отличие от группы Бордиги) привлечь в партию «левых максималистов» (к ним к тому времени уже присоединились «третьеинтернационалисты»). Во Франции эти процессы протекали сложнее: четыре руководителя, которые постоянно входили в состав Политбюро ФКП с 1926 по 1937 год (Кашен, Монмуссо, Семар, Торез), представляли все те силы, которые приняли участие в создании ФКП (левые из «Реконструксьон», Комитет за присоединение к III Интернационалу, левые профсоюзы). На самом деле здесь больше, чем в Германии или Италии, ощущался «износ» «исторических» компонентов, причем настолько, что в конце 20-х — начале 30-х годов возникло нечто вроде «вакуума» в руководстве, который был заполнен внезапным, но оказавшимся непродолжительным приходом на руководящие посты группы кадров из молодежной федерации (Барбе, Селор, Ферра, Бийу)⁹⁸. В других партиях распределение влияния разных компонентов руководящих групп осложнялось иными причинами. Так, в Коммунистической партии Югославии перипетии с лидерами были неразрывно связаны с более или менее скрытыми распрями между различными национальными группами, в результате которых постепенно разрушилась гегемония сербов⁹⁹; в Компартии США постепенно утратили первоначальное влияние иностранные федерации.

В целом предстает чрезвычайно сложная и пестрая картина коммунистического движения, позволяющая, однако, выделить главный момент: высокую текучесть кадров в руководящих коммунистических группах. Рассмотрим и здесь некоторые данные: в Центральном Комитете КПГ, избранном в 1920 году, только 4 из 13 (30,7 процента) были в составе ЦК, избранного учредительным съездом год назад; в 1921 году переизбрано повторно 28,5 процента, в 1923—42,8, в 1924 — 25, в 1927 — 23,5, в 1929 — 38,8 процента (однако лишь 16,6 процента членов ЦК из числа избранных в 1924 году). В Политбюро ФКП, избранном в 1924 году, лишь 2 из 7 (28,5 процента) входили в состав Политбюро в 1922 году; в 1926 году из старого состава переизбирается в новый 25 процентов (едва 8,3 процента по сравнению с 1922 годом); в 1929 году число переизбранных повысилось

⁹⁸ Замечания по вопросу о составе руководящей группы ФКП и ее истории приводятся в: *Wohl. French Communism in the Making*.

⁹⁹ Из восьми членов Центрального Комитета Коммунистической партии Югославии, избранного в июле 1922 года, было шесть сербов, один словенец, национальность восьмого неизвестна. В реорганизованном Тито в конце 1937 года Политбюро был один серб, три словенца, один черногорец и один хорват. См.: *P. Shoup. Communism and the Yugoslav National Question*. New York, 1968, p. 37.

до 54,5 процента (но из числа избранных в Политбюро в 1924 году осталось всего 9 процентов). Текучесть кадров руководства осталась на высоком уровне с незначительными изменениями до начала 30-х годов, достигнув своего пика между 1924 и 1926 годами (она совпала с периодом наиболее интенсивной большевизации). После 1929 года, то есть когда закончилась острая внутренняя борьба в русской партии, наблюдается обратная тенденция. Собрать данные по КПГ весьма трудно: во-первых, потому, что между 1929 и 1934 годами не было национальных съездов, а во-вторых, потому, что на партию в 1933 году обрушилась волна репрессий, которая имела драматические последствия для КПГ. По данным, приведенным Пиком в 1935 году, из примерно 400 партийных работников 5,5 процента было убито, 51,8 арестовано, 29,6 вынуждено эмигрировать, 10,0 вышло из партии и лишь 3,4 процента осталось на свободе¹⁰⁰. Тем не менее имеются некоторые чрезвычайно важные данные: если из состава партийных работников, работавших в аппарате 1924 года, было исключено из партии добрых 42 процента, а из состава 1927 года еще 24 процента, то из аппаратчиков 1929 года — всего около 4 процентов. В Центральном Комитете, избранном Бернской конференцией (1939), 12 членов из 17 (70,5 процента) уже избирались на Брюссельской конференции (1935), а в составе ЦК, избранного на этой последней конференции, по крайней мере 9 членов из 15 (60 процентов) уже входили в прежние составы ЦК. Данные по ФКП, которыми мы располагаем, менее фрагментарны: 6 из 7 членов Политбюро, избранного в 1930 году, были его членами и в 1929 году; в Политбюро 1932 года, состав которого был расширен до 11 человек, попали 6 из 7 избранных в 1930 году. В Политбюро 1936 года все 9 членов уже были в его составе в 1932 году; в 1937 году 7 из 9 членов были из прежнего состава (а 2 новых члена уже были кандидатами в члены Политбюро за год до избрания в новый состав).

Если эта тенденция совершенно определена (в общем, она подтверждается и теми немногими данными, которыми мы располагаем по другим партиям¹⁰¹), то напрашиваются сами собой два замечания. Во-первых, текучесть руководящих кадров имела тенденцию к снижению как раз тогда,

¹⁰⁰ См.: *Duhnke. Die Kpd von 1933 bis 1945*, S. 105.

¹⁰¹ В этом случае история Коммунистической партии Китая также представляет исключение из правила; текучесть руководящих кадров имеет тенденцию к увеличению, а не уменьшению с течением времени. Если в Политбюро, избранном в 1927 году, 5 членов из 9 (55,5 процента) состояли в нем уже в 1924 году, то в Политбюро 1935 года только 2 из 10 (20 процентов) были его членами в 1928 году. Совершенно очевидно, что это результат того перелома, который произошел в истории Коммунистической партии Китая в трагическом 1927 году.

когда она принимала тревожные размеры во всей партии¹⁰²; во-вторых, как красноречиво свидетельствует пример ФКП, не всегда изменение политической линии отражается на изменении состава руководящих органов. Это подтверждает тот факт, что стабильность руководства коммунистических партий зачастую достигается ценой ограничения диалектического развития их внутренней политики.

Что касается социального состава руководящих коммунистических групп, то здесь сразу же бросается в глаза следующее: численное соотношение между интеллигенцией и рабочими (это те две категории, которые в основном представлены в руководстве) постоянно меняется в пользу рабочих. Лазич и Драшкович видят в этом изменении социологический результат определенного политического выбора, например «постепенной замены профессиональных революционеров ленинских времен профессиональной бюрократией», которую они объясняют действиями Зиновьева во главе Коминтерна¹⁰³. Карр усматривает момент решающего поворота не в 1924—1926 годах, а в начале 1929 года, видя в нем «отражение левой ориентации, преобладавшей тогда в Коминтерне, и... реакцию на хаос, ранее спровоцированный интеллигентами-диссидентами»; он приходит к выводу, что «в основе новых назначений было быстрое и точное выполнение директив Москвы»¹⁰⁴. Несомненно, в этих суждениях есть доля истины, но они рискуют представить процесс слишком схематично, ибо при ближайшем рассмотрении он оказывается весьма сложным, не всегда протекал быстро во всех партиях и не все партии глубоко затрагивал.

Рассмотрим некоторые из тех немногих случаев, о которых у нас имеются достоверные данные. Центральный Комитет КПГ, избранный в начале 1919 года, на 83 процента состоял из интеллигентов. В составе же ЦК, избранного сразу после Галльского съезда, было уже 46 процентов рабочих и 38 процентов интеллигентов. В последующие годы соотношение продолжало изменяться не в пользу последней: в 1924 году это 50 процентов против 31 процента, в 1927 году — 58,5 процента против 17,6 процента, а в 1929 — 69,4 процента против 13,9 процента. Неизменной в эти годы оставалась доля служащих и ИТР (колебавшаяся между 12,5 и 16,6 процента), тогда как крестьяне отсутствовали вовсе. В составе партаппаратчиков, то есть в более широких рамках, число рабочих было еще выше, а процент интеллигенции еще ниже, тогда как число представителей других категорий было

¹⁰² См.: *Borkenau. World Communism*, cap. XXI; e TISD, III, 1, в частности, вступление ко II главе.

¹⁰³ *Drachkovitch, Lazitch. The Third International*, p. 181.

¹⁰⁴ *E. H. Carr. The Russian Revolution. From Lenin to Stalin (1917—1929)*. London, 1979, p. 180.

выше, хотя и незначительно. В период между 1924 и 1929 годами среди рабочих слегка возросла доля неквалифицированных по сравнению с квалифицированными. После 1929 года резко возросло число безработных (рабочих). В конечном итоге в Германии решительный перелом произошел после Галльского съезда, когда в КПГ влились рабочие из НСДПГ. Кампания за большевизацию еще больше усилила уже действовавшую тенденцию: с утверждением организационного построения партии на основе ячеек она прочно и надолго закрепилась на фабриках и заводах (в этом смысле тезис об усилении «профессиональной партийной бюрократии» кажется мало убедительным). Окончательный удар влиянию интеллигенции нанесло исключение «примиренцев».

История руководящей группы ФКП аналогична, хотя здесь решительный перелом произошел как будто в 1923—1924 годах. Между съездами в Марселе (1921) и в Лилле (1926) число рабочих в Центральном Комитете партии возросло с 12,5 процента до 48,7 процента; этот процент почти столь же интенсивно продолжал возрастать и в последующие годы: в 1929 году рабочих было 69,5 процента от общего числа членов Центрального Комитета, в 1932 году — 76,5 процента. Представительство интеллигенции, резко упавшее в первой половине 20-х годов, впоследствии сохраняется на низком, но постоянном уровне: в Политбюро, состоявшем между 1926 и 1937 годами из 6—11 членов, интеллигенция представлена по крайней мере одним членом, точно так же как в его составе всегда есть один ремесленник или один служащий. В ФКП крестьяне тоже не входят в руководящие органы высшего ранга, зато широко представлены в Центральном Комитете. Максимально высокий процент рабочих в Политбюро зарегистрирован в 1930 году (85,7 процента) и в 1936 году (77,7 процента), минимальный (что удивительно) — в 1929 году (54,5 процента).

Нечто почти подобное имело место в целой группе других секций Коминтерна, например в коммунистических партиях Чехословакии, Югославии, США, Японии. Имелись, однако, и отклонения, точнее, исключения, которые заслуживают упоминания. В отношении Коммунистической партии Великобритании мы располагаем лишь фрагментарными и неполными данными, но настолько, насколько они позволяют нам проследить тенденцию, нам представляется возможным утверждать, что соотношение сил рабочих и интеллигенции в Центральном Комитете, избранном на съезде в Манчестере в мае 1924 года (68,75 процента против 31,25 процента)¹⁰⁵, отражает ситуацию, предшествовавшую большевизации. Это

¹⁰⁵ Sixth Conference of the Communist Party of Great Britain, May 17-th, 18-th and 19-th. London, s. d, p. 79.

положение оставалось неизменным и в последующие годы и характеризует лицо партии, которой меньше других коснулась текучесть партийных руководящих кадров. Не менее знаменателен и случай с ИКП¹⁰⁶. В период между Римским (1922 год) и Лионским (1926 год) съездами, то есть в период, когда шла большевизация международного коммунистического движения, процент интеллигенции в Центральном Комитете оставался неизменно очень высоким (57 процентов), а рабочих возросло с 21,4 процента лишь до 33,3 процента (за счет служащих, число которых уменьшалось); в то же время значительным стал процент батраков (9,5 процента в 1926 году). Только в 1931 году отмечается обратная тенденция: в Центральном Комитете, избранном в Кёльне, интеллигентов — 26,3 процента; рабочих — 57,9 процента, к которым можно прибавить 5,2 процента батраков. Нет сомнения, что в таком изменении тенденции следует усматривать результат весьма важного поворота, происшедшего в 1930 году, хотя, как это ни парадоксально, именно тогда были исключены такие видные руководители-рабочие, как Трессо, Раваццоли, Бавассано, Реккья. Во всяком случае, доля интеллигенции в руководящих органах ИКП оставалась еще значительно выше, чем в среднем в других партиях; в Политбюро 1931 года три из шести его членов — интеллигенты, или, точнее, работники нефизического труда.

И наконец, несколько слов о руководящих группах партий колониальных и полуколониальных стран, в развитии которых еще сложнее выделить общую тенденцию. Если обратиться к данным о Коммунистической партии Китая, то можно сделать вывод, что снижение доли интеллигентов в руководящих органах было характерно только для секций Коминтерна, действовавших в тех капиталистических странах, которые в программе Коминтерна 1928 года названы капиталистическими странами высокого и среднего уровня развития; процент интеллигенции в Политбюро КПК упал с 88,8 процента в 1927 году до 80 процентов в 1935 году, и в этом смысле переориентация партии «на крестьянство» взамен курса «на рабочего» никак не повлияла на социальный состав руководящих органов. Если же обратиться к данным по Бразильской коммунистической партии, то здесь мы выявляем совсем иную тенденцию (которая, несмотря на то что мы знаем об этом немного, кажется нам весьма показательной для эволюции латиноамериканских партий): для социального состава руководящей группы характерен высокий процент рабочих (из девяти делегатов учредительного съез-

¹⁰⁶ Значение положения дел в ИКП на общем фоне большевизации партий, принявшей международные масштабы, справедливо подчеркивал Раджоньери в работе: *Ragionieri*. Palmiro Togliatti, p. 164.

да Бразильской компартии, состоявшегося в 1922 году, пятеро были рабочие, двое — ремесленники и двое — интеллигенты; в Центральном Комитете, избранном тогда же, было три рабочих и один ремесленник); в период же максимального роста партии — в 1934—1935 годах¹⁰⁷ — соотношение рабочих и служащих несколько выровнилось.

5. Роль внутренних и внешних факторов в развитии руководящих национальных групп

В результате, понятно, весьма приблизительного анализа отличительных особенностей национальных руководящих групп и изменений, которые они претерпевают с течением времени, создается столь пестрая и сложная картина, что закономерно напрашивается вопрос: в какой степени эти изменения вызваны линией и директивами центральных органов Коминтерна, а следовательно, вмешательством извне, то есть факторами, чуждыми той «национальной основе», которую Крижель считает неотъемлемой чертой каждой коммунистической партии, и в какой мере их можно приписать, так сказать, «физиологическим» факторам, характерным для нормального развития каждой партии, и внутренним переменным, связанным со спецификой взаимоотношений между данной партией и политической обстановкой и социальной реальностью, в которой она действует.

Это равносильно тому, чтобы задаться совершенно определенным вопросом, каковы же были действительные рамки автономии этих национальных руководящих групп. И здесь уместно напомнить о совершенно определенных уставных ограничениях. Согласно Уставу, отдельные коммунистические партии являлись секциями единой всемирной партии, причем состав их руководящих органов зависел от одобрения Исполкома Коминтерна, поскольку последний был наделен властью аннулировать и изменять решения национальных съездов¹⁰⁸ и к тому же требовал их проведения после всемирного конгресса Коминтерна, с тем чтобы Коминтерн, «будучи международной централизованной партией, имел возможность передать отдельным партиям «сверху вниз», на основании принципа демократического централизма, директивы, обобщающие совокупный международный опыт»¹⁰⁹.

На самом деле, как мы уже подчеркивали раньше, положения Устава играли в указанном аспекте второстепенную

¹⁰⁷ См.: R. Chilcote. The Brazilian Communist Party. Conflict and Integration. 1922—1972. New York, 1974, p. 123.

¹⁰⁸ См.: TISD, II, 1, p. 173.

¹⁰⁹ Ibid., I, 2, p. 661.

роль, оформляя сложившуюся ситуацию, потому что отношения между секциями и Исполкомом, равно как и равновесие внутри последнего, регулировались неписаным кодексом (от этого ничуть не менее эффективным), в основе которого было положение о признанной руководящей роли русской партии по отношению к «братским партиям». Приняв за основу этот принцип, отметим, что характер отношений между центром и секциями тем не менее претерпел значительные изменения с течением времени.

Начиная с 1922 года было множество случаев прямого вмешательства Исполкома в вопросы формирования руководящих органов отдельных партий: уже IV конгресс принятием беспрецедентного решения, которое никто, однако, и не думал принципиально оспаривать, попытался положить конец внутреннему кризису, парализовавшему ФКП, самостоятельно определив состав ее руководящего комитета. Год спустя III расширенный Пленум Исполкома проделал аналогичную процедуру в отношении ИКП, указав, каким должен быть удельный вес каждой группы, представленной в Исполнительном комитете. Позднее, в самые трудные годы процесса большевизации, практика направлять назначенной Исполкомом комиссии списки рекомендуемых руководителей каждой данной партии стала почти что правилом, с той лишь разницей по сравнению с прежними временами, что теперь одним из главных критериев доверия данной руководящей группе было принятие ею политической линии большинства русской партии. Тем не менее в этот период Коминтерн действовал относительно гибко. Он не перестал выполнять роль посредника и арбитра во внутренних конфликтах отдельных партий, но продолжал, хотя бы формально, держаться на равном расстоянии и от правых, и от левых «уклонов», что было его отличительной чертой с самого начала. Так было, например, в 1924 году по отношению к Коммунистической партии Чехословакии или в 1926—1928 годах в отношении Коммунистической партии Польши, раздираемой полемикой по вопросу о «майской ошибке», то есть о позиции, занятой в момент путча Пилсудского. Кроме того, до 1929 года не казалось невероятным, что какая-то руководящая группа встанет во главе и будет в течение некоторого времени руководить партией без полного доверия со стороны Коминтерна: на руководство КПГ в 1924—1925 годах, практически контролируемое левыми, Исполком смотрел с подозрением, однако он не мог помешать приходу к руководству этих лидеров, и прошло больше года, прежде чем он смог вмешаться и сместить их. А в 1926 году состав Политбюро ФКП явился результатом сложного конфликта между внутренней логикой фракционной борьбы в русской партии и течениями ФКП; в итоге не были учтены указания, данные Сталиным на заседании ко-

миссии, и в состав руководящей группы вошли главным образом выразители позиций региональных кадров Французской компартии¹¹⁰.

Решающим моментом, изменившим отношения между центром и секциями, был период конца 1928 — начала 1929 года, совпавший с кратким пребыванием Бухарина на посту руководителя Коминтерна, который попытался, как мы уже видели, осуществить некоторую децентрализацию организации. Уже пресловутое «дело Витторфа», которое явилось причиной нового серьезного внутреннего кризиса в КПГ, а также стало первым звеном в цепи вмешательств Коминтерна во внутреннюю жизнь своих секций, чтобы основательно изменить ее, было само по себе свидетельством ужесточения намерений Исполкома действовать «авторитарно». Аннулирование решения Центрального Комитета КПГ об освобождении Тельмана от обязанностей секретаря партии за покрытие административных нарушений, допущенных одним из его товарищей по фракции, было не только явным проявлением авторитарности, не считавшейся с положениями Устава,—это означало отказ Исполкома от всякой претензии на беспристрастность и от роли посредника в решении конфликтов между течениями внутри партий. Это было сигналом к настоящему процессу унификации (*Gleichschaltung*), в который в течение нескольких месяцев оказались вовлечены почти все руководящие группы самых крупных коммунистических партий, вставшие перед альтернативой: безоговорочно подчиниться новой «левой» линии Сталина или уйти из руководства. После 1929 года становится практически невозможным существование руководящей группы, чем-то неугодной Исполкому и сталинскому руководству. Окончательно исчезает всякая возможность дискуссии и даже возможность узнать истинные мотивы решений советской партии. И лишь очень осторожно, часто прибегая к самокритике, отрекаясь от собственных убеждений, еще можно было сохранить некоторую самостоятельность в разработке политической линии, отвечающей национальной специфике каждой партии. Даже VII конгресс существенно не изменил сложившейся ситуации: если ФКП благодаря новой политике стала сильнее и обрела престиж, который позволил ей избавиться от частого прямого вмешательства в ее дела и придал ее руководящей группе известную свободу маневра, то во многих других случаях давление Коминтерна на руководство национальных коммунистических партий и последующие перестановки в них продолжали оставаться тем средством, которое обуславливало и

¹¹⁰ См. новые данные, обнаруженные Воликовым и приведенные в его исследовании; предварительные результаты помещены в кн.: *Le PCF et l'Internationale communiste*.

тормозило развитие «опасных» тенденций в политике Народного фронта.

Было бы интересно раскрыть лучше, чем до сих пор, роль, которую играли представители Коминтерна при разных партиях в процессе постепенного лишения власти руководящих национальных групп. Эта последняя форма контроля Исполкомом (а через него и русской партией) секций была учреждена V конгрессом в 1924 году. 24-й параграф принятого тогда Устава давал право Исполкому и Президиуму направлять «полномочных» представителей в отдельные секции Коминтерна и определял их функции следующим образом: «Уполномоченные инструктируются Исполнительным комитетом Коммунистического Интернационала или его Президиумом и отвечают перед ними за свои действия. Уполномоченные Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала имеют право участия на всех собраниях и заседаниях как центральных органов, так и местных организаций секций, в которую они направлены. Уполномоченные Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала выполняют свои задания в теснейшем контакте с ЦК данной секции; однако выступления их на съездах, конференциях и совещаниях секций в отдельных случаях могут быть направлены и против ЦК данной секции, если линия ЦК расходится с директивами Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Уполномоченным Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала в особенности вменяется в обязанность следить за выполнением постановлений конгрессов Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала»¹¹¹.

В действительности еще до 1924 года институт полномочных представителей был основой взаимоотношений между Исполкомом и секциями. В годы «санитарного кордона» против Республики Советов (1919—1920 годы) это была единственная возможность для установления контактов с рабочим движением капиталистических стран. Представители Коминтерна не ограничивались выполнением функций «курьеров», переправлявших пропагандистский и дискуссионный материал, а также денежные средства; они сыграли важную роль в острой фракционной борьбе, которая предшествовала и сопровождала рождение коммунистических партий. Мемуарная литература насыщена эпизодами и анекдотами из жизни этих людей. В историографии имела место тенденция относиться к этим материалам некритически, сводя деятельность эмиссаров к обычным интригам, как это видно из горького обвинения Паулем Леви тех, кого он называл «драгоманами»: «Они работают не вместе с руководством коммунистических

¹¹¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932, с. 49.

партий, а всегда за его спиной и очень часто против него. Они пользуются доверием Москвы, а не местного руководства... Исполнительный комитет Коминтерна действует подобно «Чрезвычайке» (то есть подобно ЧК, советской секретной полиции) по ту сторону русской границы»¹¹².

То, что нарисованная картина зачастую не была лишена правдоподобия, не оставляет сомнения. Особенно в первые годы некоординированные и часто импровизированные действия некоторых представителей приводили к трениям и неразберихе. По крайней мере до 1921 года «глазом Москвы» был некий одиночка, нечто среднее между профессиональным революционером и авантюристом, склонный весьма широко и субъективно трактовать назначение мандата Коминтерна, который, если он действительно существовал, был весьма расплывчатым документом. История таких людей, как Дего и Абрамович-Залежский во Франции, довольно типична в этом смысле¹¹³. Самое малое, что можно сказать о роли представителей Исполкома в Германии до «мартовского выступления», — это то, что она вызывала разочарование и подвергалась критике со стороны самого Ленина. Однако было немало случаев, в том числе и на первом этапе, когда представители Коминтерна играли первостепенную роль в разработке линии партии не в силу их способности маневрировать, а в силу способности понять и правильно оценить специфику данной конкретной политической обстановки: вспомним о роли Радека в КППГ или сначала Снеевлита, потом Бородина в КПК. Во всяком случае, с течением времени отличительные черты и функции представителей постепенно в корне изменились. После 1924 года «полномочными представителями» стали сотрудники аппарата Коминтерна, отчитывавшиеся перед Исполкомом. Их функции не ограничивались теперь выполнением специальных миссий (самые деликатные поручались руководителям первого плана, таким, как Мануильский, Тольятти или Эмбер-Дро); они теперь приравнивались к функциям постоянных советников при той или иной секции. В результате авторитет представителя необычайно вырос и иногда, главным образом в маленьких партиях, был абсолютно непререкаем. Но бывало и так, что он им пользовался в обидной для местных руководителей форме, и это приводило к ухудшению общей обстановки в партии. Подобные случаи были довольно часты в период руководства Зиновьева. Многие партии жаловались на это, и дело доходило до того, что некоторых «полномочных представителей» Коминтерна партии объявляли персоной нон грата. Так было, например, с

¹¹² P. Levi. Unser Weg. Wider den Putschismus. Berlin, 1921, S. 55—56.

¹¹³ Она приводится в исследовании Лазича "Two Forms of Control", в котором в основном исследуются отношения между Коминтерном и ФКП.

Гуральским (Кляйне) в Германии в 1924 году, с Поганы (Пеппер) в Соединенных Штатах в 1925 году. В других случаях «глаз Москвы» выполнял свои задания с чувством меры и сознанием ответственности, осуществляя кропотливую работу посредника между противоборствующими течениями и становясь выразителем интересов той партии, к которой он был прикомандирован, даже если они были в скрытом противоречии с директивами Исполкома. Кличка Пеликан, которую итальянские коммунисты дали Мануильскому за то, что он выступил в их защиту перед центральным органом Коминтерна, являлась в этом смысле выразительным свидетельством. Естественно, возможности «полномочных представителей» выступать в такой роли перекрывались цепной реакцией, которую вызывали в других партиях внутренние конфликты в русской партии. Между 1924 и 1929 годами их задача все чаще сводилась к тому, чтобы суметь сманеврировать и убедить местные руководящие группы из своей секции встать на позиции большинства в ВКП (б) и изолировать и изгнать оппозиционеров, превращаясь таким образом в орудие логики, которая больше заботилась о партийных группировках, чем о диалектическом развитии политических идей. После 1929 года, когда с установлением непререкаемой власти Сталина прекратилась внутренняя борьба в русской партии и была достигнута известная стабильность в составе руководства других партий, необходимость в таком вмешательстве ослабла. Однако монолитность и климат нетерпимости, которые теперь воцарились в Интернационале, усилили роль представителя Коминтерна как защитника линии, стоящей выше всякой критики, а также как лица, осуществляющего контроль за правильным применением этой линии на практике, что значительно сужало рамки его личной инициативы. Тем не менее представители Коминтерна и в 30-е годы иногда выполняли функции, выходившие за рамки передачи директив сверху и контроля за их исполнением. Фрид, например, который с 1931 года был представителем Исполкома при ФКП, по свидетельству многих, активно содействовал разработке Коминтерном политической линии для ФКП в антифашистском направлении¹¹⁴. Недавно опубликованные документы миссии Тольятти в Испании в 1937 году показывают, как внутри одного и того же руководящего аппарата Коминтерна столкнулись две линии: одна линия — на оказание удушающего давления и опеку над Коммунистической партией Испании, другая же чутко воспринимала ту новизну опыта, который зрел в огне гражданской войны, и была готова помочь росту и самостоятельности руководящей груп-

¹¹⁴ См.: *L. Gallico. Storia del Partito comunista francese. Milano, 1973, p. 109—110, nota.*

пы КПИ¹¹⁵. С другой стороны, именно испанские события 1936—1939 годов показывают, что решение, принятое после VII конгресса, об упразднении института представителей и инструкторов Исполкома (см. выше, с. 394) осталось лишь на бумаге. В 1937 году, помимо Тольятти, к Центральному Комитету КПИ были прикомандированы по крайней мере три руководителя из аппарата Коминтерна (Кодовилья, Гере и Степанов), а другие возглавляли Интернациональные бригады (Марти, Далем и др.). Кроме того, в Испании находилось неустановленное число агентов советской политической полиции, сыгравших важную роль в репрессиях, которые обрушились на предполагаемых троцкистов. Немало свидетельств бывших коммунистов наводит на мысль о том, что агенты ГПУ (потом НКВД) с середины 30-х годов «осуществляли надзор» за деятельностью других коммунистических партий в тесном контакте со сталинским аппаратом власти; этот надзор осуществлялся и за руководящими национальными партийными группами, и за представителями Коминтерна, и за самим Секретариатом Коминтерна в Москве.

Итак, после необходимых уточнений относительно того, каким образом они выполняли свою роль, не вызывает сомнения, что всевозможные «эмиссары» центральных органов Коминтерна и Советского государства при отдельных партиях (финансовые курьеры, полномочные представители, инструкторы, военные советники и агенты политической полиции) оказывали на руководящие группы давление, которое вкупе с прямыми положениями Устава и «неписаным кодексом» (о нем говорилось выше) было последним штрихом в характеристике режима сильно «ограниченного суверенитета» национальных руководящих групп. Любой лидер, не порвавший открыто с коммунистическим движением, научился отдавать себе отчет, что именно такую цену приходится платить за идею «всемирной партии революции».

Тем не менее, признавая существование этого ограниченного суверенитета, не следует думать, что отношения между центром и секциями представляли собой односторонний процесс, а руководящие группы национальных партий были простой креатурой Коминтерна и всего лишь исполнителями его распоряжений. Даже в годы, когда вмешательство Коминтерна в формирование руководства партий было особенно откровенным, смена различных руководящих групп в национальных партиях всегда была результатом не только давления извне, но и действия внутренних сил, отражавших сочетание двух тенденций: к послушному следованию за Комин-

¹¹⁵ См.: "Relazioni dalla Spagna 1937—1939", опубликованные в: *P. Togliatti. Opere*, vol. IV, 1, p. 253—410, и «Вступление» П. Сприано, р. XCVII sgg.

терном и к самостоятельной выработке политических позиций. Взять, к примеру, изменения, которым подверглось руководство КПГ после «фиаско» октября 1923 года: несомненно, на решение Коминтерна лишить власти группу Брандлера — Тальгеймера оказали влияние как их политическая связь с Радеком и Троцким, так и стремление снять всякую ответственность с Исполкома за провал его политической линии. Но нельзя не учитывать также и того факта, что усиление роли левых и так называемой буферной группы (*Mittelgruppe*) во главе партии было отражением заметной «радикализации» рядовых кадров. Если затем обратиться к приходу группы Грамши к руководству итальянской партией, то можно констатировать, что этот момент лишь с трудом укладывается в рамки классического клише большевизации. Здесь перед нами парадоксальная ситуация, когда «правоцентристское» руководство пришло на смену «левому» именно в момент поворота политики Коминтерна в радикальном направлении. Кажущуюся непоследовательность можно объяснить лишь при учете всего комплекса факторов, которые подорвали гегемонию Бордити. Даже в годы, когда исчезла возможность свободной выработки позиций и в Коминтерне утвердился самый жесткий «монотизм», появление новых руководящих групп нельзя считать лишь результатом авторитарного вмешательства «из Москвы». Когда в конце 1928 — начале 1929 года Коммунистическая партия Великобритании после долгих колебаний присоединилась к политике «класс против класса», выработанной IX Пленумом Коминтерна, группа, пришедшая к руководству в этой партии (Поллит, Датт, Арнот), не была просто «навязана» партии Коминтерном; она явилась выразителем широко распространенных тогда нетерпеливости и недовольства, которые переживали рядовые члены этой партии после катастрофического поражения всеобщей забастовки 1926 года; наиболее последовательными выразителями этого недовольства были представители Федерации молодежи. Или еще: группа лидеров Коммунистической партии Чехословакии, сформировавшаяся в 1929 году вокруг Готвальда, была готова искать поддержки Исполкома, приняв к сведению критику в адрес предыдущего руководства партией в лице Иллека-Болена, обвиненного в «оппортунистической пассивности», но черпает свою силу она в поддержке, которую ей оказывали молодежная федерация и большинство немецких и словацких секций¹¹⁶.

Естественно, в истории отношений между центром и секциями Коминтерна имелись и случаи, когда замена руководящей группы или корректирование политической линии но-

¹¹⁶ Более подробно об этих событиях см. во вступительной статье к TISD, I, 2; II, 1 и 2 и III, 1.

сили явно искусственный и принудительный характер. Подобные случаи чаще всего имели место там, где коммунистическим партиям не удалось преодолеть рамок секты и они продолжали строить собственный престиж исключительно на принадлежности к «„всемирной партии” революции» и своем согласии с линией Советского Союза, оставаясь инородным телом, отвергаемым в своей стране. Но там, где посаженное большевиками растение прижилось и срослось с исторической и социальной почвой страны в результате слияния местной, рабочей и социалистических традиций, а также самобытного и трудного переосмысления опыта русской революции, там история руководящих коммунистических групп не была лишь результатом ловкой и циничной режиссуры извне. Она была — пусть искаженным — косвенным выражением импульсов и тенденций эволюции политически активных слоев угнетенных классов и в конечном счете того массового движения, которое благодаря Октябрьской революции стало главной силой на сцене современной истории.

Милош Гайек

ДИСКУССИЯ О ЕДИНОМ ФРОНТЕ И НЕУДАВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

Большевики решили захватить власть в России, считая свое выступление — за которым, по их мнению, должно было последовать множество аналогичных в других странах — всего лишь началом мировой социалистической революции. Идея скорой победы (через несколько месяцев или лет) пролетарской революции в наиболее развитых странах была основным моментом идеологии III Интернационала в послевоенный период.

Правда, в конце войны и после ее окончания общественно-политический кризис поразил почти все европейские страны, однако степень его тяжести была разной. В странах Антанты упоение победой, где больше, где меньше, сводило на нет усилия, направленные на осуществление глубоких социальных преобразований; поэтому господство буржуазии здесь продолжало оставаться относительно стабильным. Чувство подлинного националистического восторга охватило страны, завоевавшие независимость, и, хотя их экономика переживала глубокие потрясения — особенно в Польше, — новой государственной власти революционное движение всерьез не угрожало. Наиболее сильную встряску пережили Германия, Австрия и Венгрия. Эти последние два государства, возникшие в результате распада империи Габсбургов, были слишком малы, чтобы противостоять интервенции Антанты. Венгерская республика Советов была задушена румынской и чехословацкой армиями через четыре месяца после ее основания; Австрию можно было задавить через несколько дней, прекратив ввозить в страну продовольствие и уголь. Решающая роль в развитии дальнейших событий принадлежала Германии.

Военное поражение означало конец полуабсолютистской империи Гогенцоллернов, в которой правительство не было подотчетно имперскому парламенту, а многие земельные парламенты, в том числе и парламент земли гегемона — Пруссии, избирались путем трехстепенных выборов. Когда 5 октября 1918 года было объявлено, что Германия просит пе-

ремирия, настроение масс резко изменилось. Со скоростью лавины стало расти движение за мир, начались антивоенные демонстрации. 3 ноября восстали матросы в Киле, революционная волна достигла других портов, а затем перекинулась в глубь страны. 9 ноября берлинские рабочие вышли на улицы и вместе с революционными солдатами захватили город. Филипп Шейдеман и Карл Либкнехт в двух разных местах провозгласили республику; император бежал в Голландию. Первыми результатами Ноябрьской революции были: провозглашение республики, создание правительства, состоявшего из представителей двух существовавших тогда социал-демократических партий во главе с президентом Фридрихом Эбертом, и учреждение Советов рабочих и солдатских депутатов¹.

Советы действительно были хозяевами положения в городах, или, точнее, в первые недели (до начала 1919 года) они могли управлять ситуацией по своему усмотрению, поскольку власть, хотя и очень ограниченная, была в их руках. Обычно они не избирались, а формировались на основании соглашения между компетентными органами социал-демократических партий. В Центральной Германии, в Берлине, в Рурском бассейне в первые месяцы Советы контролировали производство и сильно ограничивали власть капиталистов на предприятиях. Тем не менее они были лишь средством непосредственной организации борьбы — особенно экономической — в момент, когда не существовало профсоюзов. Можно сказать, что они с разной степенью интенсивности боролись за свое существование, и лишь незначительная часть из них взяла на вооружение лозунг захвата власти. Действительно, I Национальный съезд Советов рабочих и солдат, собравшийся 16—21 декабря, решил передать законодательную и исполнительную власть правительству вплоть до созыва Национального собрания. Несомненно, что в ноябре и декабре рабочий класс был еще в состоянии решать судьбы страны.

1. Революционный подъем

Социалистическое большинство немецкого пролетариата было разделено на три партии. Руководителям Sozialdemokratische Partei Deutschlands (СДПГ), которые еще в конце ок-

¹ Функция Советов в Ноябрьской революции была предметом оживленной дискуссии историографов. Наибольшие споры вызвал вопрос о том, можно ли, ведя речь о революции в Германии, говорить о двоевластии. В то время как Е. Маттиас категорически его отрицает, другие исследователи, признавая наличие двоевластия, приходят, однако, к очень осторожному заключению: они говорят о двоевластии, крайне ограниченном во времени, или о некоторых его элементах.

тября удовлетворились бы парламентской монархией с некоторой социальной позолотой, 9 ноября пришлось возглавить революцию, развитию которой они до того дня стремились воспрепятствовать. Их кредо была постепенная демократизация юнкерско-буржуазной республики, и для того, чтобы удержать революцию в буржуазно-демократических рамках (в противоположность революционным устремлениям пролетариата), они вступили в союз с прусскими генералами. Независимцы² не имели единой ориентации. Представители их правого крыла подчеркивали, что новая республика непременно должна быть социалистической. Гильфердинг, например, считал, что необходимо демократизировать администрацию и социализировать экономику еще до созыва Национального собрания. Правое крыло НСДПГ сторонилось союза СДПГ с верховным военным командованием, а с другой стороны, не прекращало добиваться сотрудничества между обеими партиями, даже когда в декабре НСДПГ под давлением левого крыла вышла из правительства. Левое крыло, напротив, было близко к спартаковцам, которые входили в НСДПГ, но действовали автономно и в конце декабря создали Коммунистическую партию Германии «Союз Спартака» (Kommunistische Partei, Spartakusbund). Самым крупным их теоретиком была Роза Люксембург, которая считала, что социалистическая революция невозможна без гражданской войны, то есть без насильственного свержения правительства Эберта—Шейдемана, хотя это могло быть лишь началом революции. «Мы должны взять власть, — заявила она на учредительном съезде КПГ, — и должны поставить проблему захвата власти следующим образом: что делает, что может и должен сделать в Германии каждый Совет рабочих и солдат? Вот где власть, мы должны разрушить буржуазное государство снизу, не разделяя, а объединяя общественную, законодательную и управленческую власть, и передать ее повсеместно в руки Советов рабочих и солдат»³. Ее концепция революции вызвала на съезде оживленную дискуссию. Макс Левин согласился с заявлением Люксембург, но дополнил его замечанием о том, что «завоевание власти означает также захват ее в Zentrale (Центре)»⁴. Вопрос о революции «сверху» или «снизу» обсуждался в ходе дебатов также на другом уровне: Пауль Фрëлих высказал предположение, что революция постепенно победит в разных местах, но эту мысль решительно

² Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ) была основана в апреле 1917 года социалистами, выступавшими против войны.

³ Дискуссия о программе. — В: R. Luxemburg. Scritti politici, a cura di L. Basso. Roma, 1967, p. 629.

⁴ Protocoll des Gründungspartei der Kommunistischen Partei Deutschlands (30 Dezember 1918—1 Januar 1919). Berlin, 1972, S. 240.

отверг Эрнст Мейер⁵. Речь шла о чрезвычайно важном для политической практики вопросе, как это выяснилось в последующие месяцы; поэтому тот факт, что вопрос остался невыясненным, очень осложнил работу.

В проекте программы КПП Роза Люксембург утверждала, что социалистическая революция может победить лишь тогда, когда она завоюет на свою сторону большинство рабочих: «„Союз Спартака“ не возьмет бразды правления в свои руки без ясно выраженной на то воли подавляющего большинства пролетарских масс всей Германии, без ясной поддержки ими идей, целей и методов борьбы „Союза Спартака“»⁶.

И тем не менее КПП, поставив себе в программе задачу завоевать значительное и прочное большинство рабочих на свою сторону, на практике сумела привлечь лишь незначительное меньшинство революционных масс. Большинство пошло за левыми из НСДПГ, ориентировавшимися на диктатуру пролетариата, опиравшуюся на систему Советов как носителей политической власти. Представители левых (в их числе Эрнст Деймиг) занимались больше теоретической разработкой новой системы, чем политической деятельностью, направленной на захват власти. Но если левые из НСДПГ имели больше последователей, чем спартаковцы, то большинство рабочих все же голосовало за СДПГ: среди делегатов I Национального съезда Советов было 289 членов СДПГ и 90 независимых, из которых лишь 10 — спартаковцы.

Слабым местом СДПГ были отношения между членами партии и избирателями, с одной стороны, и руководством партии — с другой, характерные серьезными конфликтами. Социал-демократические руководители потерпели серьезное политическое поражение, когда I Национальный съезд Советов против их воли почти единогласно проголосовал за резолюцию о разоружении контрреволюции. Аналогичное поражение они потерпели при голосовании другой резолюции, в которой съезд поручал правительству немедленно начать обобществление тех экономических секторов, которые он счел созревшими для этого, в частности добывающую промышленность. Правда, правительство отнеслось к обеим резолюциям как к ничему не значащим листкам бумаги, и в результате между ним и Советами установились натянутые отношения. Несмотря на то что Советы в большинстве состояли из членов СДПГ, руководители партии обращались с ними как с организациями революции, которой они не желали и которую

⁵ Ibid., S. 226 и 227.

⁶ Was will der Spartakusbund, in "Rote Fahne", 14 декабря 1918, in: R. Luxemburg. Gesammelte Werke. Berlin, 1974, Bd. IV, S. 450.

не собирались развивать⁷. Напротив, многие социал-демократы, входившие в местные Советы, не считали эти органы временными; поэтому они стремились их сохранить и повысить их роль, всячески препятствуя их роспуску. Так, в Баварии большинство СДПГ выступило за Республику Советов.

Конфликты руководства СДПГ с рядовыми членами партии и с ее сторонниками значительно снизили авторитет руководителей партии в массах. Этот процесс начался как раз в начале 1919 года и шел одновременно с целым рядом вооруженных столкновений, завершившихся поражением революционных рабочих. Действительно, результат этой борьбы определялся главным образом соотношением военных сил. После декабря 1918 года обстановка была следующей: внутренние гарнизоны были «расформированы», что означало невозможность их использования против революционных рабочих, хотя в большинстве своем они были на стороне СДПГ; матросы занимали радикальные позиции; войска на фронте, особенно на Западном, находились под влиянием офицеров, а значит, были контрреволюционными; полиция была разоружена. Правительство и верховное командование начали немедленную демобилизацию и принялись создавать отряды добровольцев (Freikorps), в которые вошли офицеры, унтер-офицеры, антиреспубликански настроенные представители средних слоев и те элементы, которые, несмотря на свое рабочее происхождение, не хотели оставлять армию и возвращаться к необеспеченной гражданской жизни. «Белогвардейцы», как их называли рабочие, стали главной военной опорой социал-демократического правительства. Местные рабочие и солдатские Советы создали собственную постоянную милицию (Volkswehren, Sicherheitwehren), в которой насчитывалось от 100 000 до 200 000 человек; из них 50 000—60 000 были в отрядах, находившихся под влиянием революционного левого крыла, или в отрядах, которые, несмотря на директивы руководства СДПГ, сохранили унитарный характер⁸.

Соотношение военных сил в решающем столкновении в январе 1919 года характеризовалось превосходством Freikorps над революционными рабочими, которые были плохо организованы. 4 января правительство сместило независимого социалиста Эмиля Эйхгорна с должности префекта берлинской полиции. На другой день полумиллионная рабочая демонстрация завершилась захватом здания, в котором находилась редакция газеты «Vorwärts», центрального органа СДПГ, и некоторых других важных зданий. Вечером того же 5 января был создан Революционный комитет, состоявший из

⁷ См.: *E. Kolb. Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik. Düsseldorf, 1972, S. 172.*

⁸ См.: *E. Oeckel. Die revolutionäre Volkswehr 1918—1919. — In: Militärhistorische Studien. Berlin, 1968, II, S. 138.*

«революционных делегатов» (revolutionären Obleute)⁹ независимых и спартаковцев, который объявил об отставке правительства Фридриха Эберта, однако ничего не сделал для его устранения. В свою очередь правительство назначило министра внутренних дел Густава Носке командующим всеми военными силами в зоне Берлина. Носке собрал под Берлином всех Freikorps которые, войдя в Берлин, в несколько дней разогнали революционных рабочих и учинили террор, жертвами которого стали Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Январское поражение революционных рабочих изменило расстановку сил, стоявших у власти. После Берлина Носке направлял отряды добровольцев то в одну, то в другую землю, где Советы отказывались подчиниться центральному правительству. В течение месяца власть правительства была восстановлена сначала в Северной Германии, потом в Рурском бассейне, в центральных зонах, часто ценой кровавых вооруженных столкновений. Между январем и февралем Республики Советов были провозглашены в четырех местах: Бремен сопротивлялся 25 дней, но и в других местах Советы не уступили без жестокой борьбы.

Однако революционное брожение продолжалось и после названных поражений. Вслед за венгерскими событиями лозунг захвата власти Советами вмиг охватил Баварию, и 5 апреля в Мюнхене была провозглашена Республика Советов. Это было результатом соглашения между независимыми, анархистами и некоторыми социал-демократами. КПГ отказалась присоединиться, но приняла участие в защите революционной власти, и, когда 13 апреля после подавления контрреволюционного путча власть перешла в руки Комитета действия, коммунисты стали в нем главной силой, хотя и составляли меньшинство. Комитет действия удерживал власть в течение 20 дней, а затем превосходящие вооруженные силы контрреволюции потопили Баварскую республику Советов в крови. На этом революционный подъем закончился.

2. «Марна германской революции»

Ноябрьская революция началась с выступления матросов, солдат и рабочих против продолжения войны и против монархии; и единственным важным результатом революции стало создание республики, причем республики без республиканцев, поскольку неизменными остались старый государственный аппарат и производственные отношения, в том числе и отношения земельной собственности. Таким образом, при

⁹ Группа профсоюзных представителей берлинских предприятий сформировалась во время войны и входила в состав НСДПГ, сохраняя при этом автономию.

ближайшем рассмотрении немецкая революция не решила даже задач буржуазно-демократической революции. С другой стороны, главной движущей силой революции были рабочие, конечной целью которых, естественно, не было учреждение буржуазной республики. Хотя пролетариат в подавляющем большинстве следовал за СДПГ, он мечтал о социалистической республике и, безусловно, поддерживал идею о том, что республика должна опираться на обобществленную промышленность. Однако, хотя делегаты I Национального съезда Советов и проголосовали за социализацию и выбрали «Центральный совет Германской социалистической республики», на деле они оставили власть в руках правительства Эберта и одобрили созыв избирательных комитетов по выборам в Национальное собрание.

Ноябрьская революция, для которой в значительной степени характерно стихийное начало, произошла в специфической обстановке политического кризиса, разразившегося в момент, когда стало ясно, что война проиграна. Революционному чувству рабочих масс, выступавших за прекращение кровавой бойни и против монархии, противостояли чрезвычайно сильные контрреволюционные настроения чиновников, офицеров, унтер-офицеров, аристократов, крупных и мелких предпринимателей, боявшихся утратить благоденствие «золотых дней Империи». Это была массовая реакция — антирабочая, антидемократическая, антисемитская. Тот факт, что Ноябрьская революция разразилась вслед за военным поражением, наложил отпечаток на восприятие ее большинством: если 1789 или 1848 годы означали для французов «революцию», то для немцев 9 ноября означало «крушение» (Zusammenbruch).

Немецкая революция не достигла своих целей именно потому, что она разразилась перед самым концом войны: лозунг о мире не мог стать лозунгом революционеров, как в России; зато он стал лозунгом правительства Эберта. Хотя рабочие в большинстве были за социализм, лишь очень немногие из них готовы были завоевать его с оружием в руках. Кроме того, не было целого ряда факторов, которые в ноябре 1917 года помогли большевикам: в Германии не существовало крестьянского движения, которое стремилось бы завладеть землями крупных собственников, в гораздо меньшей степени была разложена армия. Эти неблагоприятные условия не уравновешивались позитивными факторами — экономическим развитием страны и высоким уровнем организации рабочей массы. Для победы социалистической революции с самого начала отсутствовало необходимое объективное условие: собственное представление рабочего класса о необходимых в тот момент формах перехода к социализму. Преодоление же иллюзорных концепций протекало параллельно

изменению соотношений классовых сил, то есть параллельно ухудшению объективной ситуации¹⁰. Само международное положение Германии в этом плане не было благоприятным.

В то время большевики, спартаковцы и независимые левые социал-демократы, а также руководители СДПГ и многие другие политические деятели Германии и стран Антанты считали, что пролетарская революция может победить только в результате вооруженной борьбы. Смотревшие на вещи более реалистически некоторые социалисты из правого крыла НСДПГ и австрийской партии считали, что в Центральной Европе созрели условия лишь для демократических преобразований. В последнее двадцатилетие эта проблема была предметом обсуждения историков, большинство которых склоняется к мысли, что в Германии сразу после войны не было условий для победы социалистической революции¹¹.

Со своей стороны мы считаем, что нельзя исключать возможной альтернативы, ибо революционные социалисты могли в ходе событий выступить и более удачно. В самом деле, история Германии раньше не знала ничего подобного периоду от восстания матросов в Киле 3 ноября 1918 года до поражения Красной армии Рура в апреле 1920 года, и не было никаких причин для создания коммунистической партии обязательно на такой узкой основе, как это произошло в действительности. Следует также учесть, что среди главных событий борьбы в январе 1919 года определяющим оказался случайным момент, а именно: личное решение Либкнехта и Георга Ледебура провозгласить отставку правительства Эберта. Это решение приняли Либкнехт и Вильгельм Пик, которые в революционном комитете представляли спартаковцев,

¹⁰ G. D. Feldmann, E. Kolb, R. Rürup. Die Massenbewegungen der Arbeiterschaft in Deutschland am Ende des ersten Weltkrieges (1917—1920) (гектографированные материалы VII конференции в Линце, 14—18 сентября 1971 года, с. 23).

¹¹ К такому заключению приходят: E. Matthias. Einleitung. — In: Die Regierung der Volksbeauftragten 1918—1919. Düsseldorf, 1969, XVII—XIX; E. Kolb. — In: G. D. Feldmann, E. Kolb, R. Rürup. Die Massenbewegungen der Arbeiterschaft in Deutschland am Ende des ersten Weltkrieges (1917—1920), S. 99; A. J. Ruder. The German Revolution of 1918, London, 1967, p. 271; W. Ulbricht. — In: "Einheit", S. 33 — специальный номер, август 1962 года, с. 33. Противоположное мнение см.: R. Broué. Révolution en Allemagne 1917—1923, Paris, 1971 p. p. 809 sgg. (trad. it: Rivoluzione in Germania 1917—1923, Torino, 1977, p. 761 sgg.); F. Tych. — In: "Z pola walki", Warszawa, 1966, n. 3, s. 99; P. Lösche. Der Bolschewismus im Urteil der deutschen Sozialdemokratie 1903—1920, Berlin, 1967, S. 269 — считают, что победа КПГ была возможной; Лёше считает, что она была возможна в конце 1920 года после раскола НСДПГ. Отметим еще мнение: W. T. Angress. Stilborn Revolution. The communist Bid for Power in Germany 1921—1923 Princeton, 1963, p. 475, e L. Valiani. Pour une histoire de la Troisième Internationale. — "Cahiers Vilfredo Pareto", 1967, № 13, оба они считали невозможной победу пролетарской революции в Германии после января 1919 года.

хотя само решение шло вразрез с мнением большинства КППГ. Коммунистическая партия, более многочисленная по составу, способная избежать январского поражения, сильная руководством не только Пауля Леви, но и Люксембург и Либкнехта (если бы они оба не были убиты), сумела бы стать более значительной силой, чем стала КППГ после 15 января. События того же 1919 года и ликвидация капповского путча в следующем году могли бы принять совершенно иной оборот. Так или иначе, ретроспективный взгляд на события тех лет позволяет полагать, что возможности пролетарской революции в Германии были не такими, каких боялись руководители СДПГ и на которые надеялись революционные социалисты. Иными словами, нельзя было исключать возможность победы революции, которая стала бы не копией, а вариантом русского Октября.

Январские сражения 1919 года были для Рудольфа Гильфердинга «Марной германской революции»¹²: революционное движение было так ослаблено целым рядом поражений, что продолжало чувствовать их последствия в течение длительного времени и было не в состоянии использовать для изменения соотношения сил ситуацию, сложившуюся после поражения контрреволюционного путча весной 1920 года. Выводы спартаковцев о причинах январского поражения были разными. Вначале преобладало мнение, что оно явилось следствием слишком долгих колебаний. Лишь в результате других кровавых столкновений обнаружились и иные ошибки¹³. В июне 1919 года конференция КППГ одобрила документ, в котором осуждался также путчи́зм: «Такие крупные политические выступления, как всеобщие забастовки или вооруженные выступления, могут увенчаться успехом только тогда, когда они охватывают наиболее важные экономические области или всю страну. Действия более мелкого масштаба, преследующие политические цели, которые рассчитаны на захват политической власти, являются путчами. Коммунистическая партия их отвергает»¹⁴.

Строительство массовой коммунистической партии в Германии было долгим и трудным. Первый камень в развитие немецкого коммунизма был заложен расколом КППГ. Центральный Комитет во главе с Леви, состоявший почти исключительно из спартаковцев, постановил исключить левую оппозицию, которая в апреле 1920 года основала Коммунистическую рабочую партию Германии (КАРД, *Kommunistische*

¹² R. Hilferding. Die Einigung der deutschen Arbeiterklasse. — "Der Kampf", Bd. XIV, 1921.

¹³ Broue. Révolution, p. 256.

¹⁴ Erklärung gegen den Syndikalismus. — In: Dokumenten und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1957, Bd. VII, B. 1, S. 105—106.

Arbeiterpartei Deutschlands). Хотя в тот момент из СДПГ ушло много рабочих, их радикализацией воспользовались отнюдь не коммунисты, а независимцы. На парламентских выборах 1920 года СДПГ вместо 37,9 процента в 1919 году получила лишь 21,6 процента, тогда как НСДПГ увеличила число голосов с 7,6 процента до 18 процентов; КПП получила 2 процента. О массовой коммунистической партии в Германии можно говорить (хотя всегда в меньшей степени, чем о социал-демократической) лишь с того момента, когда большинство делегатов съезда НСДПГ в Галле, проходившего в октябре, приняло 21 условие приема в III Интернационал, а затем левое большинство этой партии влилось в КПП. Однако в тот момент государственная власть была столь прочной, что ей не могли угрожать отчаянные попытки коммунистов поднять восстание (март 1921 года и октябрь 1923 года).

В конце мировой войны большевистские лидеры считали, что другие пролетарские революции победят в ближайшие месяцы. Их оптимизму был нанесен первый удар, когда потерпела поражение Венгерская Советская республика; однако они продолжали делать ставку на победу в ближайшие годы в других странах. Ленин и Исполком Коминтерна в дни капповского путча рассчитывали на скорейшее установление Советской власти в Германии. Новая волна оптимизма достигла своего апогея летом 1920 года, когда Красная Армия дошла до Варшавы. Наступление на Польшу началось после того, как было отбито польское наступление, в результате которого был временно оккупирован Киев, и после решения руководства большевистской партии, которое далось ему нелегко. Ленин высказался в пользу наступления на исконно польские земли, несмотря на предупреждения польских коммунистов, а также Карла Радека, Троцкого, Рыкова и Сталина: было ясно, что он боялся изоляции русской революции и в военном поражении польского государства видел возможность ускорить революцию в Германии или где-либо еще. После поражения Красной Армии на Висле надежды Москвы сосредоточились на Италии, где рабочие взяли заводы и фабрики в свои руки. Исполком Коминтерна направил обращение к итальянскому пролетариату с призывом развивать свое движение и переходить ко всеобщему восстанию. Призыв противоречил мнению руководителей итальянских коммунистов главным образом потому, что был направлен тогда, когда борьба в основном уже завершилась; это свидетельствовало о том, что из Москвы было трудно вмешиваться в действия партий далеких стран. Действительно, еще в ноябре 1920 года Ленин говорил о возможности ускорить революцию в Англии, Франции и Соединенных Штатах, «если эти страны решатся блокировать пролетарскую и советскую итальян-

скую республику»¹⁵, но развитие событий заставляло осторожнее соразмерять надежды со временем.

Тем не менее революционный оптимизм был характерной чертой всего Коминтерна. Даже скептики в нем считали, что победа революции в других странах — дело нескольких лет. При этом обсуждались не только расчеты сроков революции, но и отношение к путчам. Характерно, что руководство Коминтерна до той поры старалось говорить об этом как можно меньше. Один лишь Радек отмечал, что целый ряд выступлений немецких рабочих был несвоевременным: аналогичных мнений никогда не высказывали ни Ленин, ни Зиновьев, ни Бухарин. Спартаковцев, в частности Леви, большевики обвиняли в чрезмерном «антипутчизме». В этом плане, как говорил Сприано, «генеральной линией» «было использовать любую возможность, вызывать любые революционные столкновения, идти на разрыв с оппортунистами, ибо все, даже поражение, было лучше бездействия»¹⁶.

Поворот в этой ориентации наметился постепенно к 1921 году и вызвал множество острых конфликтов.

3. Путчизм и пролетарский класс

Начало новой политике положил Центральный Комитет КПГ, направивший 7 января 1921 года «Открытое письмо» в адрес других партий (СДПГ, НСДПГ, КРПГ) и профсоюзов. Этот документ, написанный Радеком и Леви¹⁷, призывал к совместным действиям рабочих и служащих за удовлетворение их насущных экономических и политических требований, в числе которых были: повышение заработной платы, разоружение и ликвидация военных формирований буржуазии, создание пролетарских организаций для защиты интересов рабочих. А относительно генеральной линии в «Открытом письме» говорилось: «Предлагая этот план действий, мы не скрываем ни от себя, ни от рабочих масс, что названные требования не помогут избавиться от нищеты. Не отказываясь в настоящий момент от продолжения пропаганды в рабочих массах идеи борьбы за диктатуру пролетариата как единственного пути к полному освобождению, не отказываясь призывать рабочие массы и руководить ими в каждый подходящий момент для борьбы за достижение этой цели, Объединенная коммунистическая партия готова к совместным дей-

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 420.

¹⁶ J. Spriano. L'occupazione delle fabbriche (Settembre 1920). Torino, 1964, p. 170.

¹⁷ Существуют различные предположения относительно того, кто именно из них написал текст; с обзорным материалом по этому вопросу можно ознакомиться у: *Angress. Stilborn Revolution*, p. 92.

ствиям за достижение перечисленных выше целей с другими партиями, которые опираются на пролетариат»¹⁸.

Политика, о которой шла речь в «Открытом письме», была выработана с учетом предыдущего опыта, например: решения, принятого Центральным Комитетом КПГ после поражения капповского путча, встать в конструктивную оппозицию к правительству СДПГ—НСДПГ; решения о совместных действиях рабочих партий по отношению к блокаде Польши; резолюции II конгресса Интернационала о вступлении Коммунистической партии Великобритании в лейбористскую партию и т. д. Однако все названные моменты укладывались в рамки ориентации, целью которой было быстрее разгромить социал-демократию. Напротив, в основе «Открытого письма» лежало подтверждение относительной жизнеспособности реформистских партий. Совместные же действия с ними рассматривались не как некое исключительное явление, а как обычный способ делать политику, именно потому, что отправным моментом была констатация замедления темпов развития революции, как давно уже считали Радек и Леви. И все же в тексте не содержалось это предположение, и в последующие месяцы «Открытое письмо» стало предметом споров в КПГ и в Коминтерне, в основе которых, в категорически ли выраженной форме или нет, содержалась различная оценка темпов развития революции. Уже в феврале, месяц спустя после опубликования документа, большинство руководителей Интернационала — и в их числе Зиновьев, Бухарин и Бела Кун — высказалось против политики «Открытого письма», которую защищали только Радек и немецкий делегат Курт Гейер. Тем не менее, поскольку Ленин не был согласен с мнением большинства, не было принято никакой резолюции и решение вопроса было перенесено на III конгресс Коминтерна¹⁹.

Однако столкновение двух позиций было вызвано отнюдь не разногласиями по поводу письма, которое поначалу оставалось в стороне (вопрос о нем всплыл уже в ходе конгресса): в центре дискуссии были мартовские события (1921 год) в Германии, и началась она после того, как в руководстве КПГ разразился кризис в связи с расколом итальянских социалистов в Ливорно. В Интернационале обсуждался вопрос, справедливо ли было устанавливать для вступления в Коминтерн итальянцев такие условия, при которых большинство максималистов оставалось за бортом. Противники этой линии были и среди французских коммунистов, и в рядах

¹⁸ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1966, Bd. III, S. 612.

¹⁹ См.: A. Reisberg. Lenin und die Aktionseinheit in Deutschland. Berlin, 1964, S. 79, 80, 106.

только что созданной Коммунистической партии Чехословакии. Напротив, Ливорно стал лозунгом для левого крыла французской секции Коминтерна; оно требовало «вычистить» из партии «центристские» элементы. Матиаш Ракоши, который вместе с Христо Кабакчевым представлял в Ливорно Исполком Коминтерна, выступил за аналогичные меры для Германии, не говоря уже о Франции и Чехословакии. И именно в Германии имели место самые драматические последствия «операции Ливорно».

В конце января Центральный Комитет КПГ после бурного обмена мнениями между Леви и Радеком принял резолюцию, которая высказывала оговорки в отношении поведения представителя Исполкома Коминтерна в Ливорно. Однако на пленуме Центрального Комитета (22—24 февраля) за этот документ было подано лишь 23 голоса, а 28 человек проголосовали за документ, предложенный Тальгеймером и Вальтером Штеккером, в котором выражалось полное согласие с поведением Кабакчева и Ракоши. После этого Леви, Деймиг, Клара Цеткин, Отто Брасс и Адольф Гоффманн вышли из состава ЦК. Отставка этих пяти руководителей свидетельствовала о том, что внутри Интернационала началась борьба двух его течений. Это происходило в момент, когда усилилась напряженность как в международных отношениях (оккупация Дуйсбурга и Дюссельдорфа войсками Антанты 8 марта, ожидание плебисцита в Верхней Силезии), так и внутри Советской России, где разразился Кронштадтский мятеж. Усиление напряженности было на руку левому течению Коминтерна: там больше, чем несвоевременных выступлений, боялись, что в критический момент различные партии не будут в состоянии принять участие в действиях, характерных для левых. Ленин был куда осторожнее, когда заявил: «Мы научились за три года понимать, что ставка на международную революцию не значит — расчет на определенный срок и что темп развития, становящийся все более быстрым, может принести к весне революцию, а может и не принести»²⁰.

Душой левого течения было немногочисленное Бюро Исполкома Интернационала, состоявшее из Зиновьева, Радека, Бухарина, Эджидио Дженнари, Фрица Геккерта, Бела Куна и Бориса Суварина. Благоприятным для этого течения обстоятельством было то, что после Ливорно «главный огонь» всей большевистской партии был направлен против Джачинто Менотти Серрати и тех, кто его защищал. X съезд РКП(б), закрывшийся 16 марта, требовал от Исполкома Коминтерна оказать самое энергичное сопротивление той группе германской партии, которая пытается оказать идейно-по-

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 19.

литическую поддержку итальянским «центристам» и вообще повернуть политику Коминтерна направо»²¹.

Однако события того же месяца заставили Ленина и других большевистских руководителей переключить внимание на другие вопросы. В начале марта в Берлин прибыл Бела Кун, направленный Исполкомом Интернационала. Сведения о его беседах с представителями немецкой и польской партий дают ясное представление о его позиции. По словам Леви, он заявил: «Россия находится в чрезвычайно тяжелом положении. Абсолютно необходимо, чтобы Россию поддерживали западные движения, и в этом смысле немецкая партия должна перейти к немедленным действиям»²². Позиция Куна, вызвавшая смятение у Леви, Клары Цеткин, Адольфа Варского и Левинсона-Запинского, напротив, нашла поддержку у большинства Центрального Комитета КППГ. 16 и 17 марта 1921 года Центральный Комитет принял решение о подготовке вооруженной борьбы, не назначив при этом даты и не разработав плана восстания. В те же дни полиция заняла промышленную зону Мерзебургской области в Центральной Германии, и 22-го, в связи с митингом в Эйслебене, дело дошло до стычек с забастовщиками. Бои продолжались больше недели; 24 марта КППГ призвала трудящихся ко всеобщей забастовке, но в ней приняли участие чуть больше 200 тыс. рабочих, из которых 100 тыс.—в центральных районах. В результате коммунистическая партия оказалась в изоляции, число ее членов значительно сократилось.

Мартовская акция до предела обострила противоречия в партии. Большинство руководства считало ее позитивным моментом: «КППГ, если она не собирается изменять своему историческому долгу... должна твердо придерживаться линии на революционное наступление, которая была в основе мартовских действий, и твердо и уверенно продолжать идти по тому же пути»²³. Появилась так называемая теория наступления, которая была на вооружении левого крыла Коминтерна до III конгресса. Коммунистические руководители придерживались преимущественно этого направления²⁴. Леви и его последователи держались противоположного мнения. В письме к Ленину Леви обвинил Куна в безответственном пове-

²¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, 1898—1924. М., 1954, с. 567.

²² Письмо П. Леви Ленину от 27 марта 1921 года.

²³ Leitsätze über die Märzaktion. Angenommen vom Zentralausschuss der Kpd. — In: Taktik und Organisation der revolutionären Offensive. Die Lehren der Märzaktion. Leipzig—Berlin, 1921, S. 37—40.

²⁴ Доказательством тому является обследование, проведенное Исполкомом Интернационала в конце апреля. См.: К. К. *Шириня*. Разработка В. И. Лениным и Коминтерном курса международного коммунистического движения в новых условиях. — В кн.: Третий конгресс Коминтерна (под ред. Ф. И. Фирсова). М., 1975, с. 37—40.

дении и предсказал, что руководство КПГ всего за полгода приведет партию к полному краху: «У нас нет иного пути, кроме совместных действий и сотрудничества с пролетарским классом как таковым. Мы можем считать себя авангардом только в случае, если пролетариат как таковой вступит в борьбу, и должны поддерживать с ним отношения с учетом его стремлений, если не хотим надолго потерять возможность оказывать все большее влияние на массы»²⁵.

Политический спор осложнился выступлением организационного характера: Леви опубликовал брошюру, в которой определил мартовское выступление как «самый крупный бакунинский путч в истории»²⁶.

Столкновение двух концепций достигло апогея во время III конгресса Интернационала, проходившего с 22 июня по 12 июля 1921 года. Официальная делегация КПГ приехала на съезд с твердым намерением протащить «теорию наступления» и с требованием очистить Интернационал от «центристских» и «полуцентристских» элементов, считая, что исключение Леви дает прекрасный прецедент. На конгрессе делегация была центром левого течения, в которое входили также итальянцы, австрийцы, большинство венгерских и польских делегатов, немцы из Чехословакии. Их противниками были французы, которые очень боялись «французского Ливорно», делегация Коммунистической партии Чехословакии, которая только что приняла решение о вступлении в Коминтерн, и делегация немецкой оппозиции во главе с Кларой Цеткин. Соотношение сил нерусских представителей было в пользу левых, и победе их могли помешать лишь русские большевики.

Но не было единства и у большевиков: Зиновьев и Бухарин питали сильные симпатии к левым, к ним тяготел и Радек (кстати, заметим, что его поведение с февраля до лета 1921 года очень трудно объяснить)²⁷. Таким образом, Ленину еще больше, чем на предыдущих конгрессах, принадлежала решающая роль. Он никогда не разделял негативного отношения большинства Интернационала к «Открытому письму», а мартовские выступления убедили его в опасности путчизма (даже если он отказался квалифицировать их как путч). Относительно мартовских выступлений Ленин во многом был согласен с Леви; кроме того, он был довольно низкого мнения о способностях Бела Куна. Первый известный документ, с которым Ленин выступил в дискуссии на конгрессе, начинался словами: «Суть дела в том, что Леви *политически* в очень многом *прав*. К сожалению, он сделал ряд поступков,

²⁵ Письмо П. Леви Ленину от 27 марта 1921 года.

²⁶ P. Levi. Unser Weg. Wider Putschismus. Berlin, 1921, S. 31.

²⁷ Cfr. Broué. Revolution, p. 851.

нарушающих дисциплину, за которые партия его исключила». Аналогичную позицию Ленин занял и в отношении Серрати: «Серрати виновен: в чем? Надо сказать точно, ясно по *итальянскому* вопросу, а не по вопросу об общей тактике»²⁸. Тогда же он назвал политику, отстаиваемую в «Открытом письме» (которая левым течением расценивалась как устаревшая, поскольку от нее отказались, или ее следовало интерпретировать в свете «теории наступления»²⁹), образцовой и обязательной для всех стран; по его мнению, в течение месяца после конгресса всех ее противников следовало исключить из Интернационала. Во время встреч, предшествовавших конгрессу, Ленин отверг как платформу левых, нашедшую выражение в тезисах, разработанных Куном и Тальгеймером, так и уступки этой линии, которые допускали Бухарин, Зиновьев и Радек в тезисах русской и немецкой делегаций. Так как левое течение не собиралось отступать со своих позиций, Ленин решил преодолеть несогласие Зиновьева и Бухарина и колебания Радека, прибегнув к положению о партийной дисциплине, чтобы русская делегация могла выступить с единых позиций. Политбюро русской партии в составе Ленина, Троцкого, Сталина, Каменева и Зиновьева решило опубликовать тезисы о тактике, разработанной в духе ленинских идей, и обязало всех членов делегации вести себя соответственно.

Первым пунктом повестки дня конгресса был доклад Троцкого о мировом экономическом кризисе. Оратор удивил многих делегатов своими оценками и особенно утверждением: «Сегодня мы впервые ощущаем и видим, что мы больше не так близки к конечной цели, к завоеванию власти, к мировой революции. В 1919 году мы говорили себе: это вопрос месяцев, сегодня мы говорим себе, что это вопрос, может быть, нескольких лет»³⁰. Эта концепция показалась слишком пессимистичной сторонникам «наступательной теории». Тальгеймер отверг ее открыто на пленарном заседании, венгр Йожеф Поганьи, соглашаясь с немецкой делегацией, потребовал на комиссии определить экономический кризис как «эпоху роста пролетарских выступлений, гражданской войны»³¹.

Водоразделом между двумя «крыльями» конгресса была общая оценка ситуации, и в частности оценка возможностей революционного развития. Ощущение стабильности политической обстановки на Западе побудило Ленина и Троцкого

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 265, 267.

²⁹ Cfr. Taktik und Organisation, S. 3, 13, 23; A. Reisberg. An der Quellen Einheitsfrontpolitik. Berlin, 1971, S. 142.

³⁰ Protokoll des III Kongress der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1921, S. 90.

³¹ См.: Reisberg. An der Quellen, S. 175.

впервые с момента основания Интернационала решительно выступить против несвоевременных действий. Их речи были образцом наиболее резкой критики экстремизма за весь период существования Интернационала. И впервые в Коминтерне Ленин в числе задач, которые предстояло решить, указал задачу завоевания большинства рабочего класса до начала борьбы за власть³². Этот поворот вызвал немалое удивление делегатов, большинство из которых не было к нему подготовлено. Ленин считал необходимым без обиняков и тактических компромиссов показать левым убожество их точки зрения, употребив резкие слова, вроде «оппортунизм», «правый», которые вызвали у них священный ужас. В предпоследний день конгресса на заседании с участием нескольких делегаций он заявил: «Наша единственная стратегия теперь— это стать сильнее, а потому умнее, благоразумнее, «оппортунистичнее», и это мы должны сказать массам»³³.

Несомненно, на результаты конгресса решающим образом повлияла позиция большевистской партии, личный авторитет Ленина и Троцкого. «Завоевание исключительного влияния на большинство рабочего класса, вовлечение наиболее активной части его в непосредственную борьбу является в настоящий момент важнейшей задачей Коммунистического Интернационала»,— говорится в начале третьего раздела тезисов «о тактике», принятых III конгрессом³⁴. Тем не менее правое крыло конгресса одержало победу ценой компромисса. Предложение Ленина определить в тезисах «Открытое письмо» как «образцовый политический шаг» данной тактики³² было принято, но определение оказалось в контексте, который давал широкие возможности для различных толкований: «Принимая во внимание, что в Западной Европе и Америке, где рабочие массы организованы в профессиональные союзы и политические партии и где поэтому можно лишь в очень редких случаях рассчитывать на непосредственно возникающие движения, коммунистические партии обязаны стремиться путем утверждения своего влияния в профессиональных союзах, путем усиления давления на другие партии, опирающиеся на пролетариат, начинать совместную борьбу за ближайшие интересы пролетариата. Причем в случае, если в эту борьбу будут втянуты некоммунистические партии, задача коммунистов будет состоять в том, чтобы заранее подготовить рабочие массы к возможности предательства со сто-

³² См. также письмо Ленина Зиновьеву от 10 июня 1921 года См.: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 52, с. 265—269.

³³ Там же, т. 44, с. 59.

³⁴ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., с. 183.

³⁵ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 44, с. 25.

роны некоммунистических партий в любой момент борьбы. Коммунисты должны по возможности обострять положение и доводить дело до того, чтобы в случае необходимости быть способными самостоятельно продолжать ее (ср. «Открытое письмо» Объединенной коммунистической партии Германии, являющееся образцовым изложением данной тактики). Если давление коммунистической партии в печати и в профессиональных союзах окажется недостаточным, чтобы повести пролетариат единым фронтом в бой, то коммунистическая партия обязана самостоятельно вести в бой значительные массы пролетариата. Она обязана нарушить пассивность масс путем организации боевого пролетарского меньшинства»³⁶.

4. Политика единого фронта

Итак, поворот вправо, то есть переход к политике единого фронта, имел свои объективные и субъективные рамки. Социал-демократия была очень мало настроена действовать вместе с коммунистами; со своей стороны большевики не собирались ни прекращать преследования меньшевиков и эсеров, ни допускать их легального существования. Это было наибольшим препятствием для примирения Коминтерна и европейских социалистов, в частности, с 2¹/₂ Интернационалом. Эти и без того узкие рамки впоследствии сузились еще больше не только вследствие компромисса с левым крылом по тезисам «о тактике», но в основном из-за того, что два выдающихся лидера, которые могли провести на практике новую политическую линию, были выведены из III Интернационала: Серрати временно, а Леви окончательно. Пространство для проведения политики единого фронта оказалось ограничено также географически: оно включало лишь те страны, где коммунистические партии были так сильны, что могли заставить социал-демократов считать себя их партнерами. (В действительности речь шла только о нескольких европейских капиталистических государствах; именно они были основой проведения политики Коминтерна.)

И лишь в этих рамках постепенно после III конгресса стала приниматься политика единого фронта. Решающей для ее судьбы была эволюция дел в Германии. Хотя официальная делегация КПГ заняла левые позиции и отвергла «Открытое письмо», развитие событий в Германии заставило руководство партии изменить свои взгляды. Убийство Маттиаса Эрцбергера вызвало антимонархические демонстрации, в ходе которых усилилось стремление рабочих к единству действий.

³⁶ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932, с. 193.

Кроме того, коммунистам приходилось считаться с вопросом, какую позицию занять в отношении социал-демократических правительств Саксонии и Тюрингии, которые могли держаться только при их поддержке. Именно в силу этих обстоятельств политика единого фронта могла быть постепенно принята на вооружение КППГ, второй по значимости после русской партии секции Интернационала. В декабре 1921 года Исполком Интернационала одобрил «тезисы о едином рабочем фронте и об отношении к рабочим, которые входят во 2½ и Амстердамский Интернационалы, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации». Это был первый документ Коминтерна, в котором последовательно была изложена новая политика. Помимо соглашения между коммунистическими и социалистическими партиями, тезисы предусматривали также возможность соглашений между международными организациями. (Речь шла о реакции на призыв 2½ Интернационала провести совместную конференцию со II и III Интернационалами, которая состоялась в апреле 1922 года в Берлине.)

Постепенно политика единого фронта утвердилась и в других секциях Интернационала. Дольше всех ей сопротивлялись итальянская и французская партии, хотя причины для этого у них были разные. Итальянцы решительно осуждали ее с левых позиций; их позиция отражала сектантство и политический примитивизм, которые воплощал Бордига. Отношение французов к единому фронту было разным: его полностью принимало правое крыло, которое считало, что это шаг к воссоединению с СФИО. Другая часть правых и Центр отвергали единый фронт, потому что не могли представить его иначе, как в виде неперемennого блока на выборах с социалистами и радикалами (к чему, впрочем, они и пришли во время всеобщих выборов 1922 года, несмотря на словесный радикализм местных коммунистических организаций). Левое крыло отказалось от своей прежней сдержанности в отношении новой линии больше из соображений дисциплины в рамках Интернационала, чем по убеждению.

В утверждении политики единого фронта в секциях, которые первоначально этому противились, наряду с авторитетом Интернационала совершенно определенную роль сыграл тот факт, что в этой политике нашло выражение осознание иллюзорности какого бы то ни было расчета на быструю победу революции. В результате возникал другой вопрос: как долго продержится новая ориентация и как ее определять. В начале декабря 1921 года Бухарин в споре с Радеком заявил, что единый фронт не программа, а тактика, которая может быть изменена в течение суток. Радек, напротив, полагал, что здесь следует говорить о программе, Бухарин возразил, что программа составляет несколько лет, и предложил

понимать под единым фронтом тогда уж стратегию³⁷ (заметьте, что в то время в Интернационале не делалось различий между концепциями стратегии и тактики). Во время III конгресса новая линия была названа «новой тактикой», в конце 1921 года возникло и распространилось определение «тактика единого фронта», которое продолжали употреблять и позднее, когда уже была установлена разница между тактикой и стратегией. Как бы то ни было, чтобы избежать терминологической двойственности, в Интернационале стали считать политикой единого фронта политику, рассчитанную на длительный срок. В ноябре 1922 года Зиновьев отметил, что речь идет не об эпизоде, а о целом периоде и, может быть, даже о целой эпохе³⁸. То, что делался допуск на длительное проведение политики единого фронта, было как бы «предохранительным клапаном» в расчетах, согласно которым победа других революций становилась теперь делом ряда лет. И все же такой «клапан» был новым элементом предвидения будущего, что было характерно не только для Зиновьева. Руководители Коминтерна, хотя и приняли политику единого фронта, с тревогой подходили к вопросу о перспективе. Они боялись ликвидировать барьер между ними и социал-демократией и продолжали держать этот вопрос в центре внимания. В июне 1923 года Зиновьев заявил, что опасности будут расти одновременно с успехами, а Троцкий опасался, что в новой политике кроется «несомненная опасность раскола и даже полного перерождения коммунистических партий, если повседневная деятельность западных партий не будет оплодотворена живой теоретической мыслью, заключающей в себе динамику развития всех основных исторических сил»³⁹. Очень скоро в Коминтерне резко ухудшились условия как раз для развития теории.

После окончания III конгресса в течение нескольких месяцев дали о себе знать одновременно два момента одного и того же процесса: новая политика начала заволакивать признание в ряде секций Интернационала; в то же время она получила дальнейшее развитие в ходе практического применения, наполнилась конкретным содержанием, позволив пойти на новые эксперименты и дав возможность решить некоторые проблемы. Очевидно и взаимовлияние обоих моментов. Наиболее важным случаем конкретного применения политики единого фронта был лозунг рабочего (или рабо-

³⁷ Cfr. Die Tätigkeit der Executive und des Präsidiums der Executive der Kommunistischen Internationale vom 13. Juli 1921 bis 1. Februar 1922. Petrograd, 1922, S. 312, 315, 317—318.

³⁸ Protokoll des IV Kongress der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1923, S. 63.

³⁹ Расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (12—13 июня 1923 года). М., 1923, с. 15.

че-крестьянского) правительства, вызванный к жизни требованием коммунистов выработать позицию в отношении социал-демократических правительств Швеции, Саксонии и Тюрингии, которые не могли удержать власть без их поддержки. Впервые дискуссия по этому вопросу возникла на IV конгрессе Интернационала, в резолюциях которого назывались различные типы рабочего правительства: от «либерального», или социал-демократического (за которые коммунисты могли голосовать), до рабоче-крестьянского и социал-демократического и коммунистического. Два последних типа считались отправной точкой для завоевания диктатуры пролетариата. Зиновьев отдавал предпочтение коалиционному правительству, состоящему из социал-демократов и коммунистов, которые смогут постепенно вытеснить социал-демократов. По мнению авторов резолюции, рабочее правительство могло появиться лишь в результате борьбы масс, хотя они и допускали возможность создания его парламентским путем. Однако они считали, что и в этом случае пролетариату не избежать гражданской войны, и видели залог победы единственно в диктатуре пролетариата, понимаемой как диктатура коммунистической партии ⁴⁰.

5. Стабилизация капитализма и «социал-фашизм»

Политика единого фронта была, с одной стороны, приглашением социал-демократии к сотрудничеству и в то же время призывом к борьбе в новой сфере — в области реформ. Коммунисты сделали этот выбор, поскольку он означал для них выход из изоляции, в которой они оказались из-за альтернативы: или революционное ниспровержение капитализма, или его сохранение. Изоляция коммунистов была на руку социал-демократии, которая, следовательно, не была заинтересована в сотрудничестве, ибо последнее было сопряжено с риском ослабления антикоммунистического настроения рядовых членов социал-демократических партий, а значит, с конкретной потерей влияния. Как бы то ни было, рабочие массы стремились к единству, так что социал-демократы в принципе от сотрудничества не отказывались, но выдвигали условия, невыгодные для коммунистов. Обе стороны настаивали на собственных условиях, в результате чего возможности сотрудничества были ограничены жесткими рамками.

Всякий союз политических партий имеет определенные границы, если, конечно, он не воспринимается как шаг к органическому единству. Кратковременные соглашения, заклю-

⁴⁰ См.: Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., с. 301—302.

чавшиеся между политическими партиями в 20-е годы, были ограничены столь узкими рамками потому, что ни одна из сторон не верила в жизнеспособность другой и рассматривала сам союз как видоизмененную форму борьбы. Перед конференцией в Берлине представителей трех Интернационалов Ленин писал: «Мы должны найти повод заявить официально, что мы рассматриваем II и II^{1/2} Интернационалы не иначе, как непоследовательных и колеблющихся участников в блоке с контрреволюционной всемирной буржуазией, и что мы идем на совещание об едином фронте в интересах достижения возможного практического единства в непосредственном действии масс и в интересах разоблачения политической неправильности всей позиции II и II^{1/2} Интернационалов, точно так же, как эти последние (II и II^{1/2}) идут на совещание с нами в интересах практического единства непосредственного действия масс и в интересах политического разоблачения неправильности нашей позиции»⁴¹.

Применение политики единого фронта было для коммунистов нелегкой задачей, ибо эта политика заключала в себе противоречие: с одной стороны, она предполагала сотрудничество с рабочими-социалистами, с другой стороны, усилия Интернационала были направлены на то, чтобы превратить их в коммунистов. Условием создания единого фронта было постоянное преодоление этого противоречия.

Весь предшествовавший опыт показал, что единство между коммунистами и социалистами могло быть достигнуто в борьбе за демократические цели и за удовлетворение каких-то конкретных требований, то есть в условиях, когда противоречие между реформизмом и революционным радикализмом могло быть временно отодвинуто на второй план. Политика единого фронта была несовместима с ориентацией на немедленный захват власти путем вооруженной борьбы, согласно концепции коммунистов. Все это нашло отражение в Германии в октябре 1923 года. В региональные правительства Саксонии и Тюрингии вошли коммунисты. Их целью была подготовка почвы для вооруженного восстания в соответствии с решением Исполкома Интернационала, принятым на совместном заседании с представителями немецкой, польской и чехословацкой компартий. Но едва Брандлер на конференции фабричных Советов Саксонии призвал провести всеобщую забастовку, которая затем должна была перейти в вооруженное восстание, как социал-демократы выступили с угрозой о том, что они покинут конференцию. Руководство КПГ отступило; правительства Саксонии и Тюрингии были свергнуты рейхсвером без всякого сопротивления с их стороны, было подавлено восстание коммунистов в Гамбурге,

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 378.

начавшееся в результате ошибки совершенно изолированно. И здесь, кстати, рабочих было больше на стороне полиции, чем в рядах восставших.

Реакцией на поражение в октябре 1923 года было снятие Коминтерном идеи о едином фронте. Отказ от этой линии произошел не вдруг, а лишь после дискуссий, которые прошли в первые месяцы 1924 года и завершились V конгрессом (июнь — июль 1924 года), на котором она была полностью пересмотрена. В резолюциях конгресса тактика единого фронта приравнивается к простому маневру, к чисто агитационному и мобилизующему методу; в них же содержится тезис, который называет социал-демократию левым крылом фашизма⁴². Концепция единого фронта как коалиции коммунистических и социал-демократических партий была отвергнута как перегиб, допущенный правыми течениями. Для Коминтерна главной целью тактики единого фронта была борьба «прежде всего против предательских вождей контрреволюционной социал-демократии». «Тактика единого фронта,— отмечалось там же,— это метод революционной агитации и мобилизации масс для целого периода». В то же время отмечалось, что «лозунг „рабоче-крестьянское правительство“» был извращен «оппортунистическими элементами» Коминтерна и что этот лозунг «является для Коммунистического Интернационала переводом на язык революции, на язык народных масс лозунга „диктатура пролетариата“»⁴³.

С такой ориентацией Коммунистический Интернационал вступал в новую фазу своего развития, характеризовавшуюся явной стабилизацией капитализма, смертью Ленина и расколом руководящего ядра большевистской партии.

⁴² «Социал-демократия уже издавна переживает процесс превращения из правого крыла рабочего движения в левое крыло буржуазии, а местами и в крыло фашизма... Фашизм и социал-демократия... — это правая и левая рука современного капитализма». Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932, с. 401.

⁴³ Там же, с. 406, 407, 408, 409.

Милош Гайек

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В истории коммунистических партий годы, последовавшие за 1924-м, обычно называют периодом большевизации (этот термин на политическом языке принадлежит к числу терминов, употребляющихся в разных значениях). Мы не думаем, чтобы на вопрос «Что такое большевизация?» можно было ответить, дав ее определение или краткую характеристику. Для этого следует прежде ответить еще на ряд вопросов: как появился лозунг о большевизации? Что под ним понималось? Как его интерпретировали? Каково было реальное развитие коммунистических партий к моменту выдвижения этого лозунга?

1. Появление лозунга большевизации

Появление этого лозунга следует отнести к периоду, следовавшему за осенним поражением 1923 года немецкого революционного движения и событиями, обозначившими конец послевоенного кризиса капиталистического общества, после чего стал возможен переход к периоду стабилизации. Но в этом III Интернационал отдаст себе отчет лишь год спустя. Прямое влияние на появление этого лозунга оказали два момента: неспособность нерусских партий завоевать власть и раскол руководящей группы большевистской партии.

Разочарование, вызванное поражением западных коммунистических партий, заставило задуматься над его причинами. Это привело к выделению из множества одного элемента: к сравнению с партией победившего Октября, осознанию того, что она в том виде, в каком существует, создавалась для целей захвата власти, чего нельзя было сказать о других секциях Коминтерна. Из этого следовало логическое заключение: необходимо изменить их согласно модели, предложенной ВКП (б). Между тем в это же самое время стал очевидным раскол в руководящей группе этой партии: Троцкий и его сторонники вступили в конфликт со старой боль-

шевистской гвардией. Большинство Центрального Комитета, во главе которого стоял триумвират в лице Сталина — Зиновьева — Каменева, выступало в данной ситуации как выразитель большевистских традиций, а Зиновьев со своей стороны характеризовал троцкизм как антитезу большевизму. И именно на фоне сказанного начали называть «большевизацией» стремление коммунистических партий к усовершенствованию. Связь между двумя самыми важными моментами, которые предшествовали появлению лозунга, можно уловить в словах Альбера Трэна, когда он в марте 1924 года призвал свою партию выступить против «дебольшевизации» в ВКП(б) и поддержать большевизацию других секций Коммунистического Интернационала¹.

Первая характеристика лозунга, выработанного V конгрессом Интернационала (17 июня — 8 июля 1924 года), была дана Зиновьевым: «Большевизацию не следует понимать как механическое перенесение русского опыта в немецкую или другие партии. Уже товарищ Ленин предостерегал нас от такого пути. Под большевизацией мы понимаем усвоение партиями того, что есть значительного, интернационального в большевизме и о чем говорил товарищ Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме». Под большевизацией партий мы понимаем... допустимость любого стратегического маневра в борьбе с врагом. Большевизация означает твердую волю в борьбе за гегемонию пролетариата, горячую ненависть к буржуазии, к реакционным вождям социал-демократии, к центризму и центристам, к полументристам и пацифистам, ко всем вырождакам буржуазной идеологии. Большевизация — это создание крепкой, монолитной, хорошо централизованной организации, которая дружелюбно и по-братски преодолевает разногласия в собственных рядах, как учил нас товарищ Ленин. Большевизация — это марксизм в действии, это преданность идее диктатуры пролетариата, идею ленинизма»². Характеристика, данная Зиновьевым и отражавшая как атмосферу конгресса, так и мнение главных руководителей Коминтерна, стала основой тезисов, в которых, кроме того, подчеркивалась необходимость массового характера большевизации, а также необходимость «регулярной и постоянной» работы в армии. Тезисы завершались словами: «Только в меру того, как основные секции Коммунистического Интернационала действительно превращаются в большевистские партии, Коммунистический Интернационал не на словах, а на деле будет превращаться в единую всемирную большевистскую партию, проникнутую идеями ленинизма»³.

¹ R. Wohl. The French Communism in the Making. Stanford, 1966, p. 396.

² Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 года. Стенографический отчет. М.—Л., 1925, I, с. 482—483.

³ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932, с. 412.

Таков был фон, на котором развернулась разработка подробных тезисов о «большевизации коммунистических партий», принятых V расширенным пленумом Исполкома Коминтерна (21 марта — 6 апреля 1925 года). В них открыто говорилось о замедлении темпов развития мировой революции, утверждалось, что в сложившейся обстановке лозунг большевизации приобретает все большее значение: «...если темп революционного развития замедляется, если в связи с этим колебания в известных слоях пролетариата увеличиваются и настроения в пользу контрреволюционной социал-демократии растут, то отсюда с еще большей необходимостью вытекает лозунг большевизации партий. Ибо именно при таком положении вещей коммунисты должны с еще большей настойчивостью работать над тем, чтобы создать оплот против колебаний, удержать в наших рядах лучшие элементы пролетарского авангарда и увеличить их число, удержать самое знамя пролетарской революции и тем самым суметь в самой трудной обстановке сплотить такое пролетарское ядро, которое будет готовить и организовывать пролетарскую революцию *при всех и всяких условиях*»⁴.

В то же время Д. З. Мануильский отдавал себе отчет в том, что невозможно дать законченную формулировку большевизации, ибо она все равно окажется схематичной⁵.

Чтобы уточнить концепцию большевизации, необходимо ответить на вопросы, связанные с ее возникновением и снятием с повестки дня. Мы уже говорили, что процесс большевизации начался еще до появления этого лозунга. Относительно его продолжительности мнений было несколько: одни предсказывали ему долгую жизнь, для других это был постоянный процесс⁶. На самом деле лозунг продержался недолго: в начале 30-х годов он постепенно сошел на нет, о нем будут вспоминать лишь время от времени. Сам по себе этот лозунг означал стремление направить развитие по пути русской модели. Как бы то ни было, те, кто принял участие в середине 20-х годов в дискуссии по этому вопросу, прекрасно отдавали себе отчет в рискованности копирования этой модели и формулировали свое мнение таким образом, как его уже позднее никто не формулировал внутри Коммунистического Интернационала. Гейнц Нейман считал необходимым утверждать, что незачем было предупреждать против механического повторения русского опыта. Тем не менее и он заметил, что механическое подражание рискованно, но

⁴ Там же, с. 475.

⁵ Д. Мануильский. К вопросу о большевизации партии. — «Коммунистический Интернационал», 1925, № 2, с. 11.

⁶ Protokoll der Erweitern Exekutive der Kommunistischen Internationale, Moskau, 21. 3—6. 4. 1925. Hamburg, 1925, S. 46.

настаивал, чтобы в формулировках были отражены характерные черты русской революции, имеющие универсальную значимость⁷. А Карл Крейбих отмечал: «Вопрос о различии ситуаций в России после 1917 года и современной ситуации в западных странах, а также вопрос о последствиях, которые из этого вытекают, для метода большевизации должен быть тщательно проанализирован»⁸. Но Крейбих принадлежал к правому крылу, и Нейман подчеркнул, что предупреждения относительно «механического перенесения» — неотъемлемая часть багажа всех «ревизионистов»⁹. Впрочем, стремление провести последовательное изучение различий между Россией и Западом тоже имело свои границы. Более глубокое исследование непременно затронуло бы проблему вооруженного восстания, хотя ее лишь едва коснулись в дискуссиях, предшествовавших V конгрессу. В ту пору также не было подходящей почвы для дебатов на эту тему — которая затрагивала важный пункт программы, — а в 1924 году внутренняя обстановка в Коммунистическом Интернационале еще больше ухудшилась.

Лозунг большевизации не внес ничего нового в жизнь III Интернационала. Им резюмировались достижения с момента основания Интернационала. Главной предпосылкой его была линия на вооруженное восстание, и это признавали все, никто не высказал существенных возражений: от Рут Фишер до Богумира Шмерала, — все выступившие на V конгрессе высказали свое согласие по этому вопросу. Даже Генрих Брандлер, ставший козлом отпущения после октябрьского поражения в Германии, подчеркивал, что он стремился сделать из КПГ партию, способную к борьбе, и это было сказано, когда еще не вошел в обиход термин «большевизация», ставший затем модным. Единственно новым элементом было то, что все прежние достижения, копившиеся постепенно, нашли отражение в одном лозунге, явившемся указателем «момента штурма» для всех секций Коминтерна¹⁰, проблематике которого был посвящен специальный расширенный пленум Исполкома. Эта ориентация на внутренние проблемы шла от сознания того — как уже говорилось, — что темпы развития революции замедлились, и на повестке дня стояла теперь не сама революция, а подготовка к ней. Таким образом, большевизация не была политической линией и еще меньше была импульсом к конкретным действиям отдельных секций: речь шла об очень общем ло-

⁷ См.: Zur Bolschewisierungsfrage. Protokoll der I. Sitzung der Bolschewisierungscommission. Verlagsabteilung des EKKI, Moskau, 1925 (на ректоргафе), p. 17 e 44.

⁸ Protokoll der Erweitern Executive, S. 166.

⁹ Zur Bolschewisierungsfrage..., S. 13.

¹⁰ Д. Мануильский. К вопросу о большевизации партий, с. 13.

зунге — а иным он и быть не мог, — который открывал широкие возможности для самых разных политических решений.

2. Эволюция коммунистических партий в период стабилизации

Если лозунг большевизации часто повторялся (как уже говорилось) до конца 20-х годов, последующее развитие Коммунистического Интернационала определялось главным образом развитием внутренней борьбы в советской партии. Идея большевизации особенно повлияла на организацию и несколько меньше на идеологию. В главной области — политической — эволюция проходила помимо нее; лозунг был всего лишь формальностью.

Основная политическая проблема, стоявшая перед коммунистами, определялась отношением к другой, более сильной рабочей партии — социал-демократической. Эта проблема остро ощущалась уже в первые годы существования III Интернационала и нашла выражение в проведении политики единого фронта. Тесно связан с ней был вопрос о профсоюзах, тогда как другие тактико-стратегические вопросы (отношение к крестьянству, к городским средним слоям, национальный вопрос) считались второстепенными по крайней мере в главных странах, а в колониальном вопросе Коминтерн едва делал первые шаги. Политика единого фронта была основополагающей в ориентации Коминтерна до второй мировой войны. Следует, однако, заметить, что решения по этому вопросу не были результатом только объективных оценок или идейных столкновений на этой основе. Борьба течений в отдельных секциях, как и во всем Интернационале, была следствием фракционной борьбы внутри советской партии, и именно этот момент зависимости первых от второй явился основой эволюции Коммунистического Интернационала.

Лозунг большевизации появился в период борьбы с «правыми» течениями, представителями которых считались в основном члены старого руководства КППГ, отказавшиеся пойти на компромисс с левым крылом партии (Брандлер, Тальгеймер, Цеткин), а также руководящая группа польской партии (Варский, Кошущка, Валецкий, Прухняк). Ориентация на внутреннюю борьбу против правых была прежде всего следствием того факта, что поиски выводов из событий 1923 года совпали по времени с борьбой между Троцким и триумvirатом в составе Сталина — Зиновьева — Каменева. Обе стороны стремились использовать дискуссию о немецких октябрьских событиях, чтобы выйти победителями из спора с противником. В какой-то момент решающим оказался тот

факт, что Радек — представитель Исполкома Коминтерна в Германии, полностью солидарный с мнением старого brandлеровского Центрального Комитета, — во внутреннем столкновении в советской партии принял сторону Троцкого. Руководство польской партии, которое отвергло обвинение его Радеком и старым Центральным Комитетом КПГ в оппортунизме, выразило также озабоченность в связи с методами внутренней борьбы в большевистской партии и подвергло критике, в частности, триумвират¹¹.

Результатом всего этого был поворот влево. В январе 1924 года Президиум Исполкома Коминтерна принял решение «модифицировать» политику единого фронта для Германии: отказался от каких-либо переговоров с социал-демократами, включая левых, и назвал немецкую социал-демократию фракцией фашизма¹². Формулировка, которая полностью исключала любые переговоры с руководством социал-демократии, позднее, на V конгрессе, была смягчена, но теперь она не ограничивалась только Германией и отражала более «левую» линию, чем та, которая была выработана на предыдущем конгрессе Интернационала. И в основном докладе, и в резолюции формула Зиновьева имела следующий смысл: единый фронт создавался почти всегда с низами при одновременных переговорах с верхами в тех странах, где сильно влияние социал-демократии; неприемлемым считался единый фронт только с верхами. «Тактика единого фронта есть только метод агитации и революционной мобилизации масс для целого периода. Всякие попытки истолковать эту тактику как политическую коалицию с контрреволюционной социал-демократией являются оппортунизмом, отвергаемым Коммунистическим Интернационалом»¹³.

При обсуждении вопроса о рабоче-крестьянском правительстве Зиновьев сумел протащить собственную точку зрения (чего он не смог сделать на IV конгрессе), суть которой сводилась к тому, что это правительство отождествлялось с диктатурой пролетариата.

Но и поворот влево имел свои пределы. Коминтерн никогда не отождествлял себя с позицией левого крыла КПГ (Фишер, Маслов, Тельман), которое пришло к руководству партией. Впрочем, в Италии он поддерживал не левых — сторонников Бордиги, а группу центра, объединившуюся вокруг Грамши. На V расширенном пленуме ИККИ, когда были приняты тезисы о большевизации, Зиновьев заявил также следующее: «Лозунг большевизации возник в результате

¹¹ См.: Die Lehren der deutschen Ereignisse. Hamburg, 1924, S. 92—93; H. Gruda. Sprawa polska na V Kongresie Komunyusznej. — "Z pola walki", 1965, № 4, str. 39—40.

¹² Die Lehren..., S. 105—107.

¹³ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932, с. 407.

борьбы с правыми течениями»¹⁴. Однако вскоре в Коминтерне поняли, что линия левых ведет лишь к большей изоляции коммунистических партий, и попытались уменьшить ее влияние. В ходе сложного развития (с середины 1925 по 1927 год), когда шло столкновение мнений о позиции в отношении социал-демократии, что затрагивало сферу отношений между ИККИ и различными национальными секциями, а также соответствующие моменты внутренней борьбы в советской партии, была изменена линия, выработанная V конгрессом, и утвердилась более гибкая концепция единого фронта. Целая группа руководителей, отстраненных в 1924 году за «оппортунизм», вновь попала на руководящие должности (Эрнст Мейер, Цеткин, Штёкер, Варский, Прухняк, Кошутка, но не Брандлер, Тальгеймер, Радек и др.). Поворот вправо, как до этого поворот влево, был расценен как шаг вперед в процессе большевизации.

Хотя возвращение к более широкому пониманию политики единого фронта дало некоторые результаты (например, существенно было приостановлено падение влияния коммунистических партий), но это были не те результаты, которых ожидало большинство коммунистов. Социал-демократические партии продолжали по-прежнему выступать против единства действий, но теперь рост их влияния (когда он имел место) был невелик. Вновь рухнули, как и прежде, упорные надежды на внезапный крах реформизма. В других случаях, напротив, коммунистическое движение (и не только оно) терпело жестокие поражения. Всеобщая забастовка в Великобритании, как и тамошняя забастовка шахтеров, закончилась поражением, в результате чего Англо-русский профсоюзный комитет был распущен¹⁵. Переворот Пилсудского в мае 1926 года показал, насколько были дезориентированы обе существовавшие тогда в Польше рабочие партии; вооруженные столкновения в Вене в июле 1927 года не поколебали основ государственной власти в стране. В том же году альянс китайских коммунистов с гоминьданом завершился катастрофой. Международное положение СССР ухудшилось после того, как британское правительство порвало дипломатические отношения с советским. Нельзя сказать, что нависла конкретная угроза конфликта, но руководители большевистской партии и Коминтерна остро ощутили страх перед возможной войной¹⁶. Подобная обстановка является прекрас-

¹⁴ Protokoll der Erweiterten Executive, S. 57.

¹⁵ Комитет был учрежден в 1925 году как орган связи между британскими и советскими профсоюзами; он был выражением стремлений к единству профсоюзного движения в международном масштабе.

¹⁶ См.: *L. Schapiro. The Communist Party of Soviet Union. London, 1960, p. 303—304; K. E. Mckenzie. Comintern and World Revolution 1928—1943. London—New York, 1964, p. 122.*

ной почвой для радикализма. В этой ситуации фракционная борьба внутри большевистской партии достигла апогея: против большинства Центрального Комитета, руководимого Сталиным и Бухариным, встал оппозиционный блок во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым.

Эти обстоятельства заставили коммунистов искать выхода из кажущегося тупика главным образом слева, в более жесткой позиции по отношению к социалистическим партиям. Эту идею разделяли как оппозиция, так и Сталин и Бухарин. В руководстве Коминтерна инициаторами нового поворота влево были как раз те, кто год спустя будет тщетно пытаться остановить этот процесс: Эмбер-Дро, Тольятти и Бухарин. Появилась новая линия «класс против класса». К моменту ее появления имело место обострение борьбы против социал-демократии, и в частности против ее левого крыла. Французских коммунистов Исполком Коминтерна обязал представить во втором туре выборов список только собственных кандидатов, хотя в целом ряде случаев это делало возможной победу кандидатов правых над социалистами.

Альтернативой новому курсу «влево» явилась, пусть несколько общая по характеру, разработка Брандлера, составившая его «Дополнения к программе действий для Германии» (написанные совместно с Тальгеймером). В этой работе отвергалась линия на борьбу с левой социал-демократией и подчеркивалась необходимость выяснения связи между повседневными требованиями и конечной целью: «Задачей программы действия является связать частичные требования с конечными так, чтобы одни вытекали из других. Таким образом программа действия должна включать как последующую фазу частичных, повседневных требований (зарплата, продолжительность рабочего дня и т. д.) целую серию мер, которые были бы понятны трудящимся массам. В них должны быть учтены их настоящие потребности и требования (естественно, при учете также степени зрелости сознательности трудящихся масс), а их реализация уже будет означать революционное вмешательство в экономическую систему капитализма и поставит под вопрос власть буржуазии. Речь идет о частичных мерах и о частичных требованиях, но не в том смысле, в каком об этом говорится в Эрфуртской программе, то есть о претворении их в жизнь внутри буржуазного государства. Речь идет о том, чтобы выполнение этих требований на практике — которое будет достигнуто в ходе борьбы — привело к решительному столкновению, к окончательным решениям»¹⁷. Политбюро Центрального Комитета КПГ отвергло точку зрения Брандлера, а по вопросу

¹⁷ H. Brandler. Beiträge zu einem Aktionsprogram für Deutschland. — "Kommunistische Internationale", 1928, № 2, S. 79.

отношения к группе правых остальная часть партии постепенно разделилась на левых и группу так называемых «примиренцев», сплотившуюся вокруг Эверта и Мейера. Аналогичное размежевание произошло и в верхах Интернационала, на VI конгрессе которого (17 августа — 1 сентября 1928 года) была выработана тактика «класс против класса», сдвинувшая Интернационал еще более влево. Политика единого фронта сошла почти на нет, единственным ориентиром в этом смысле была фраза Бухарина: «Теперь тактику единого фронта в большинстве случаев мы должны проводить *снизу*. Никаких обращений к верхам социал-демократических партий! Лишь в исключительных случаях допустимы обращения к отдельным местным организациям социал-демократической партии»¹⁸.

Решения VI конгресса были приняты после острых конфликтов между двумя основными течениями: немецкие «примиренцы», итальянская делегация, Бухарин и «большинство» польской партии заняли правые позиции, левые же заняло большинство немецкой делегации, «меньшинство» польской партии, Сталин и его сторонники. Несмотря на сползание влево, резолюции явились результатом компромисса. Уступка правому крылу состояла главным образом в отказе от концепции «социал-фашизма».

Как бы то ни было, изменения в политике Коминтерна в 1928 году вновь явились результатом внутренней борьбы в советской партии и в КППГ. В русской партии началась борьба Сталина и Бухарина, которая, впрочем, во время конгресса Коминтерна оставалась закулисной. Основные рычаги власти были в руках Сталина, а Бухарину, хотя он и стоял во главе Коминтерна, приходилось принимать его точки зрения. Решительная борьба внутри Коминтерна началась в конце сентября, когда большинством ЦК КППГ Тельман был отстранен от должности председателя партии, а Бухарин вслед за этим решением предложил Исполкому Коминтерна утвердить решение немецкой партии. Однако Сталин не склонен был допустить, чтобы руководство самой сильной секции партии из капиталистического мира оказалось в руках лиц, близких Бухарину. Поэтому Президиум Исполкома постановил восстановить Тельмана на прежнем посту. В течение нескольких месяцев правые в КППГ были исключены из партии, «примиренцев» лишили всех важных должностей, прочим секциям Интернационала пришлось постепенно подчиниться, а тех, кто упорствовал в оппозиции, отстранили или исключили. Шведская партия, Центральный Комитет которой большинством голосов выступил против новой линии, была з ре-

¹⁸ VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. М.—Л., 1929, I, с. 52.

зультате вмешательства Коминтерна раскола. Тезисы о «социал-фашизме», отвергнутые VI конгрессом, прошли и стали определяющим фактором политической линии III Интернационала до 1934 года. И эти аспекты эволюции Коминтерна были определены как большевизация, хотя этим термином теперь стали пользоваться реже, пока его употребление и вовсе не стало случайным.

3. Большевизация в организационной сфере

В организационной сфере знаменосцы большевизации стремились добиться решительного поворота в плане активизации партий: покончить с социал-демократической традицией, согласно которой большинство членов партии более или менее регулярно участвует в собраниях, провести большевистский принцип выполнения каждым членом партии совершенно определенной нагрузки. Во время дискуссии, однако, не очень углублялись в вопрос, как добиться такого результата в партиях с большим числом членов. Один Куусинен обратил на это внимание: он сказал, что в партиях, находящихся в подполье, можно было бы требовать активного участия ее членов в повседневной работе, но в легальных партиях, где не нужно заходить так далеко, следовало бы потребовать «увеличения числа руководящих кадров»¹⁹.

Вопрос остался нерешенным, и наиболее сильные партии оказались в противоречивом положении: Устав партии подходил для кадровой партии, но применить на практике они его не могли, боясь потерять большинство своих членов²⁰. Коминтерн намеревался добиться активизации членов партии путем перестройки, в результате которой фабрично-заводские ячейки стали бы основой организации. Пятницкий называл эти ячейки фундаментом большевизации, да и перестройка впоследствии подавалась как политическая, а не только как организационная проблема²¹. Организация, опирающаяся на уличные или местные ячейки, считалась повторением социал-демократической концепции партии как машины для проведения избирательных кампаний. В перестройке партии по принципу фабрично-заводских ячеек ее сторонники видели предпосылку для того, чтобы превратить партию в орудие осуществления пролетарской революции. Хотя решение о переходе к созданию фабрично-заводских ячеек было принято еще III конгрессом Коминтерна, серьезно работать в этом направлении начали лишь в 1925 году. Дейст-

¹⁹ Zur Bolschewisierungsfrage..., S. 32.

²⁰ См.: H. Weber. Die Wandlung des deutschen Kommunismus. Die Stalinisierung der KPD in der Weimarer Republik. Frankfurt am Main, 1969. S. 281.

²¹ Пятый всемирный конгресс..., I, с. 948.

вительно, результатом перестройки явилось создание множества фабрично-заводских ячеек; тем не менее эта перестройка была неполной, большинство членов партии продолжало быть связанным с организациями, созданными по месту жительства. Еще в 1930 году приходилось констатировать, что во всех секциях Коммунистического Интернационала было очень мало фабрично-заводских ячеек, и хотя они и имелись на крупных предприятиях, но были слабы и не пользовались влиянием²².

Что касается внутрипартийного режима, то здесь следует особо отметить централизм. И здесь тоже в качестве модели брали большевистскую партию, но не ту, что была до 1921 года, в которой еще существовали фракции, и не ту, что была в 1921—1923 годах, когда допускалась еще выработка платформ и оппозиция могла высказывать в печати свое мнение. За основу бралась модель, которая появилась в ходе борьбы между Троцким и триумvirатом в конце 1923 года, то есть в период, когда оппозиционеры, правда, еще не были изгнаны из партии, но их уже заставили замолчать. Тогда уже говорили о монолитности, хотя было еще далеко до употребления этого термина в сталинском понимании. В дискуссиях о большевизации, кроме того, звучали призывы о необходимости соблюдения внутренней демократии, даже если (как говорили) эти призывы носили общий характер и иногда были обращены против тех групп, которые Исполком Коминтерна собирався вывести из руководства различных секций (Фишер—Маслов в 1925 году, Трэн—Жиро в 1926 году).

Рост аппарата отдельных партий был также благоприятной почвой, для того чтобы усилить момент централизации. Как показала дискуссия на первом заседании комиссии Исполкома Коминтерна по большевизации 6 февраля 1925 года, осуществление проекта вначале встретило сильное сопротивление. Все ораторы весьма робко касались концепции «профессионального революционера». Бела Кун предложил вообще не пользоваться этим термином, Гейнц Нейман и Отто Куусинен пытались попросту лишить его содержания, ставя знак равенства между профессиональным революционером и членом партии, ведущим повседневную работу. В заключительной речи Зиновьев счел необходимым заявить, что считает «мещанством страх перед словами „профессиональный революционер“»; тем не менее он, как и другие ораторы, предостерег от механического применения ленинских идей, содержащихся в работе «Что делать?»²³. В тезисах о боль-

²² См. письмо «О работе фабрично-заводских ячеек» организационной секции Исполкома Коминтерна, утвержденной Политическим секретариатом. — "Mezinárodní tisková korespondence", 2 Leden 1931, S. 4.

²³ Cfr. Zur Bolschewisierungsfrage, S. 7—8, 50—51 (выст. Зиновьева); 10—11, 22—23 (выст. Куна); 19—20 (выст. Неймана); 25 (выст. Левина); 31, 35 (выст. Куусинена).

шевизации, одобренных V расширенным пленумом Исполкома, речь шла не о профессиональных революционерах, а о коммунистических «функционерах», находящихся всегда в распоряжении партии, которых она может послать куда угодно, если «этого требуют интересы дела», и об аппарате партии. Отмечалось также, что в отдельных партиях аппарат чрезмерно раздут, тогда как другие им не располагают²⁴. На деле победила тенденция к укреплению аппарата.

Постепенно в 20-е годы в сложной и противоречивой обстановке утвердился метод разрешения внутренних политических споров путем исключений. Как бы то ни было, заметим, что этот процесс начался до выдвижения лозунга большевизации, и его нельзя свести лишь к вмешательству из Москвы или к подражанию русской модели. Все коммунистические партии появились в результате раскола существовавших ранее социал-демократических партий, и с самого начала часть руководителей считала, что раскол произошел «недостаточно влево», и требовала «чисток». Случалось, что эти руководители оказывались в меньшинстве, и тогда ссылались на авторитет Коминтерна. Во Франции Исполком Интернационала поддерживал и провел постановление об исключении Верфёя и других против воли выступавшего за них большинства партии. Примерно до середины 20-х годов предложения об исключениях поступали обычно от отдельных секций. Уже в 1919 году спартаковский Центральный Комитет под руководством Пауля Леви разрешил спор с левым крылом посредством раскола; два года спустя был исключен Леви (оба раза Ленин был против). Исключение из партии Суварина было предложено Трэном и его сторонниками, которые затем исключили также Росмера и Монатта; Исполком же Коминтерна был против. Руководство партии во главе со Шмералем в Чехословакии в 1922 году исключило ультралевую группу Йилека, но Коминтерн не одобрил его действий. Точно так же в 1926 году он отверг просьбу об исключении, направленную Центральным Комитетом КПГ в отношении Брандлера, Тальгеймера и Радека. Только когда столкновения блоков во главе со Сталиным и Бухариным, с одной стороны, и Троцким, Зиновьевым и Каменевым — с другой, достигли апогея, исключения из партии утвердились как норма партийной жизни. Именно в ходе этого процесса деградировал внутрипартийный режим; идейные дискуссии стали занимать все меньше места, стала невозможной критика снизу принятой линии, гегемония русской партии выродилась в диктаторский нажим. Интернационал гордился собственной монолитностью, но это был лишь фасад. Именно позитивные моменты демократии и исчезли: открытая дискуссия, критика, неформаль-

²⁴ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932, с. 493—494.

ные выборы. На самом деле фракционная и личная борьба переместилась за кулисы²⁵.

Одной из целей, выдвигавшихся большевизацией, была подготовка новых рабочих-руководителей. «Мы должны выковать новых вождей из самих масс, — утверждал Зиновьев. — Никто не может вести международный рабочий класс к победе, кроме самого рабочего класса. И это могут сделать только избранные из фабрично-заводских рабочих, которые должны быть попросту вовлечены в руководящую деятельность со всеми их дефектами, иногда даже с их предрассудками... Мы требуем, чтобы во главе всех коммунистических партий стояло как можно больше настоящих рабочих»²⁶. Это предложение не следует рассматривать как перенесение русского опыта: большевистская партия той поры имела в своем руководстве меньше рабочих, чем партии Германии, Франции и Чехословакии. Речь шла просто об одном предложении, содержавшемся в «Завещании» Ленина: расширить Центральный Комитет на несколько десятков членов, главным образом за счет занятых в производстве рабочих. В этой связи мог иметь значение также тот факт, что во время дискуссий в партии в конце 1923 года студенты в большинстве своем приняли сторону Троцкого, который не нашел поддержки у руководителей из рабочих. Словом, из формулировок Ленина и Зиновьева следовало, что ориентация на увеличение числа партийных работников из рабочих еще не затрагивала руководящей верхушки — членов центрального руководящего ядра (в русской партии в 1924 году было 13 членов и кандидатов в члены Политбюро). Установка на формирование новых руководящих кадров из рабочих и крепкие рабочие традиции в экономически зрелых странах привели к тому, что во главе некоторых коммунистических партий оказались бывшие рабочие (Тельман, Готвальд, Поллит; наиболее выдающийся пример — Торез, которого представляли как рабочего до конца его жизни). Однако это не помешало тому, что целый ряд рабочих-руководителей был исключен из партии (Монатт, Брандлер, Репосси). С другой стороны, расширение Центрального Комитета большевистской партии за счет включения большего числа рабочих не привело к тому, на что надеялся Ленин, — не остановило бюрократизации. Аналогичное явление имело место и в других коммунистических партиях.

4. Большевизация в идеологической сфере

И в сфере идеологии конфликты в руководстве большевистской партии, имевшие место еще накануне смерти Лени-

²⁵ Weber. Die Wandlung..., S. 238.

²⁶ Пятый всемирный конгресс..., I, с. 1006.

на, сужали сферу для дискуссий. В тезисах V конгресса Интернационала о пропагандистской деятельности Коминтерна и его секций Ленин был назван «воплощением ортодоксального марксизма», и было принято определение ленинизма, данное Сталиным в 1924 году²⁷. Провозглашение ленинизма единственно возможным марксизмом современности сопровождалось решительным осуждением «люксембургизма» и «троцкизма». В этой связи в тезисах о большевизации 1925 года ставился акцент на необходимости уделять соответствующее внимание идеологии, однако формулировка носила «оборонительный» характер: «Все, что отклоняется от ленинизма, является отступлением и от марксизма. Равным образом необходимо решительно бороться со всеми отклонениями от ленинизма в области так называемой «чистой теории» — философии, политической экономии и т. д. Недостаточное внимание к теории, замечающееся в ряде партий, служит крупнейшим препятствием к подлинной большевизации Коммунистического Интернационала. При «терпимом» отношении к теоретическим уклонам и т. п. не может быть и речи о подлинной большевизации партий. Овладение теорией ленинизма есть *предпосылка* успешной большевизации партий. Особенно опасный уклон от ленинизма представляет троцкизм — разновидность меньшевизма, сочетающая «европейский» оппортунизм с «леворадикальной» фразой, зачастую прикрывающей политическую пассивность. Троцкизм — это не единичный уклон в сторону меньшевизма, это — многолетняя система борьбы против ленинизма, троцкизм — это также не только русское явление, это — явление международного порядка. Осуществить ленинизм в Коммунистическом Интернационале — это значит разоблачить троцкизм во всех партиях и ликвидировать его, как течение»²⁸.

Подобная «забота о теории» не была, конечно, благоприятной почвой для развития политической мысли. Это обнаружилось, например, во время дискуссии по программе Интернационала, которая продолжалась в течение почти всех 20-х годов. И действительно, в ходе того же десятилетия создалось как само понятие программы, так и возможность ее обсуждения.

На заседании программной комиссии Исполкома Коминтерна, состоявшемся в июне 1922 года, были выдвинуты две противоположные концепции. Радек и Шмераль были за более широкий вариант программы. Первый считал, что нельзя ограничиваться только иллюстрацией переходного перио-

²⁷ Пропагандистская деятельность Коммунистического Интернационала и его секций. Тезисы. — В кн.: Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932, с. 429, 430.

²⁸ Там же, с. 481—482.

да от капитализма к коммунизму, что необходимо выработать не программу-минимум (которую он считал приемлемой лишь в случае длительного периода стабилизации капитализма, что не принималось в расчет даже самыми пессимистически настроенными коммунистами), а «программу действий, целую серию лозунгов по конкретным вопросам, которые одновременно стали бы средством сплочения масс, учитывая будущую диктатуру пролетариата»²⁹. Он назвал эту программу действий переходной (временной) программой, и в ней должны были содержаться, по его мнению, лозунги переходного характера. «Эпоха социальной революции, которая в мировом масштабе продлится, вероятно, десятилетия, уже по одной причине своей длительности не позволит ограничиться общей перспективой: она ставит коммунистические партии перед множеством конкретных проблем, которые до сих пор решались ими чисто эмпирическим путем», — писал Радек. И далее продолжал: «Мы отличаемся от всех остальных рабочих партий не только лозунгом диктатуры пролетариата и правительства Советов, но также и нашими требованиями переходного характера. В то время как во всех социал-демократических партиях такие лозунги должны осуществляться не только на почве капитализма, но должны также служить его реформе, наши лозунги служат целям борьбы за захват власти рабочим классом, с тем чтобы уничтожить капитализм»³⁰. В своей концепции программы Радек видел логическое продолжение политики единого фронта.

Еще яснее выразил те же идеи Шмераль: «Мы должны... уточнить тактику единого фронта, немедленно подтвердив, собираемся ли мы ограничить наши практические действия экономическими вопросами текущего момента или собираемся распространить их и на область политики». И далее: «Вопрос, как он стоит сегодня, состоит в том, чтобы определить, должна ли эволюция на пути к установлению рабочего правительства расцениваться только как метод борьбы или же она может в некоторых странах охватывать целый период, и, следовательно, для этого понадобится программа»³¹. В этой связи Шмераль поставил вопрос: нельзя ли было бы технических специалистов, занятых в промышленности, считать в Европе союзниками рабочих, подобно тому как в Со-

²⁹ Протокол заседания программной комиссии Исполкома 28 июня 1922 года. — В кн.: S. Bahne. *Origines et débuts des partis communistes des pays latins (1919—1925)*. Les archives de J. Humbert-Droz, Dordrecht, 1969, p. 217.

³⁰ K. Radek. *Zur Frage des Programms der Kommunistischen Internationale. Vorläufige Bemerkungen*, статья от 7 июля 1922 года. — In: *Materialien zur Frage des Programms der Kommunistischen Internationale*. Moskau, 1924, S. 7, 12—13.

³¹ Протокол заседания программной комиссии ИККИ 28 июня 1922 года, с. 221—222.

ветской России трудящиеся крестьяне считаются союзниками рабочих? ³²

В отличие от Радека и Шмеряля Бухарин защищал точку зрения, которую он, впрочем, отстаивал еще с 1921 года: единый фронт—это вопрос тактики, а не пропаганды. Эта позиция была неприемлема и для Зиновьева, для которого рабочее правительство было лишь синонимом диктатуры пролетариата ³³.

Противоположность позиций выявилась на IV конгрессе Интернационала (1922). Бухарин был за выработку программы действий, которая включала бы тактические вопросы, даже если он не считал их составной частью программы как таковой; он считал выражением оппортунизма включение вопроса о едином фронте и рабочем правительстве ³⁴. Как бы то ни было, идея была отвергнута в заявлении представителей русской делегации: напротив, было принято предложение Президиума ИККИ, согласно которому «теоретическая база для всех временных и частичных требований должна быть точно определена в общей программе». Дискуссию о программе затем было решено перенести на следующий конгресс ³⁵. По свидетельству Тальгеймера, «Ленин мотивировал необходимость отложить окончательную редакцию программы главным образом потому, что о стратегии отступления, великолепным примером которой является нэп, следовало еще как следует подумать» ³⁶.

На V конгрессе Коминтерна, на котором появился лозунг большевизации, программа была сокращена. Та часть, в которой шла речь о дальнейшем развитии «тактики единого фронта» и о лозунге рабоче-крестьянского правительства, была исключена из проекта резолюции и передана Программной комиссии для доработки.

Программа Коммунистического Интернационала была наконец принята VI конгрессом в 1928 году. Дискуссия была весьма широкой и отражала, естественно, общий характер работы конгресса: в Коминтерне еще дискутировали, но время для дебатов по сравнению с предыдущими годами было сокращено. Относительно свободно еще дискутировали по вопросам экономики (об империализме, о военном коммунизме, о нэпе), а также по колониальному вопросу. Что касается кардинальных проблем, таких, как единый фронт и связан-

³² B. Smeral. Zur Programmdiskussion. — In: Materialien zur Frage des Programms, S. 16.

³³ Протокол заседания программной комиссии ИККИ 28 июня 1922 года, с. 218 и 219.

³⁴ См.: Protokoll des IV Kongresses der Kommunistischen Internationale, Hamburg, 1923, S. 421.

³⁵ Ibid., S. 542—543.

³⁶ A. Thalheimer. Der Stand der Programmdiskussion nach dem 4. Kongress. — In: „Die Internationale“, 6 Januar 1923, S. 22.

ный с ним вопрос об оценке фашизма, то здесь явно ощущалось значительное ограничение внутренней демократии. Идеи, которые высказывались на VI конгрессе и вокруг него, были куда более скудными по сравнению с идеями начала 20-х годов. Политика единого фронта сошла почти на нет из-за определения, данного ей Бухариным, а выработка лозунгов момента была приостановлена ввиду отсутствия революционной ситуации. Левое крыло социал-демократии было определено в качестве «наиболее опасных проводников буржуазной политики в рабочем классе»³⁷. Характеристика фашизма не пошла дальше моментов, которые были отмечены в ранее проходивших дискуссиях; несколько утратил свое значение тезис, согласно которому социал-демократия «принимает более или менее фашистский характер»³⁸. Положительные моменты выступлений о фашизме и социал-демократии имели место не на теоретическом, а на политическом уровне: еще раз был отвергнут сектантский план, который был изложен в тезисе о социал-фашизме.

5. Национальный вопрос в Европе

В материалах по национальному вопросу в Европе имеется особенно много пробелов. В этом вопросе Коммунистический Интернационал сделал шаг вперед в первой половине 20-х годов. Но когда национальный и колониальный вопросы были поставлены в повестку дня Коминтерна на II конгрессе, дискуссия пошла в совершенно ином направлении, не так, как ожидал Ленин: европейские делегаты проявили полное равнодушие к национальной проблеме на их континенте, и все вылилось в обсуждение только колониального вопроса. Может быть, это объяснялось тем фактом, что те, кто действительно знал цену истинному интернационализму (а не чисто словесному), считали, что проблема решена простым отречением от национализма. Тем не менее если франко-германские или германо-британские отношения не казались чрезвычайно сложными, то проблема отношений в Центральной Европе и на Балканах была столь запутанной, что V конгресс посвятил ей специальную резолюцию. Эта резолюция была шагом вперед по сравнению с результатами дискуссий в 1920 году, когда у коммунистов региона не было желания конкретно заниматься национальной проблемой. В резолюции, в частности, говорилось: «Национальный вопрос в Европе... после мировой войны получил новую окраску и стал в настоящее время одной из наиболее важных политических

³⁷ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932, с. 777.

³⁸ Там же, с. 448.

проблем в Центральной Европе и на Балканах»³⁹. Для ряда стран V конгресс утвердил принцип, согласно которому коммунисты должны были бороться против буржуазного национализма в собственных странах (Верхняя Силезия, Словакия, немецкие области Чехословакии, например). В ту пору Коминтерн мог уже использовать опыт Советского Союза, национальная организация которого была не только скачком вперед по сравнению с царскими временами, но и привлекательным примером для тех, кто боролся или испытывал национальный гнет.

Однако V конгресс не вышел за рамки существовавшей марксистской концепции национального вопроса. Рамки заключались в недооценке относительной самостоятельности этого вопроса (исключением в этом смысле были австромарксисты). Суть подхода к национальному вопросу содержалась в словах Мануильского: «Я думаю, что... мы найдем практические решения, которые помогут нам активизировать национальное движение в разных странах, придав ему революционную форму»⁴⁰. Этот подход был односторонним, ибо движение становилось орудием борьбы за социалистическую революцию; кроме того, такой подход недооценивал положительное значение, которое имело для угнетенных народов освободительное движение до 1918 года. Ни в резолюции, ни в докладе Мануильского нельзя было отыскать позитивной оценки отношений между чехами и словаками или сербами, хорватами и словенцами и их стремления жить в одном государстве. Решение национального вопроса в Центральной Европе и на Балканах требовало умения мастерски разрубить гордые узел противоречий (некоторые жгучие национальные проблемы не разрешены и по сей день, другие были «решены» Сталиным в духе Александра Македонского). Если и нельзя утверждать, что Коминтерн видел возможность решения национального вопроса только после социалистической революции, то тенденция к решению задачи именно таким образом была, поскольку иначе (путем преодоления присутствующих этой проблеме противоречий) решить ее не удалось. Не достигли успеха в этом и другие политические силы. То же следует сказать и о главном лозунге о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Ответ на вопрос, даже если коммунисты предлагали конкретное отделение угнетенных наций от существовавших государств, был также весьма противоречив. С одной стороны, считалось, что полное освобождение наций, права которых ущемлялись, возможно лишь в результате свержения власти капитала. В резолюции ут-

³⁹ Резолюция V конгресса Коминтерна по национальному вопросу в Центральной Европе и на Балканах (июль 1924 года). — В кн.: *Agosti. La Terza Internazionale*, p. 159.

⁴⁰ Пятый всемирный конгресс..., I, с. 603.

верждалось не только право, но и выражалось конкретное требование хорватов, словенцев и македонцев об отделении от Югославии и создании независимых республик. Точно так же чехословацкой компартии поручалось поддерживать борьбу словаков за независимость, и в то же время отвергался лозунг об автономии Словакии. Равным образом и предложение Бошковица выдвинуть лозунг о федерации для Хорватии, Словении и других областей не нашло отражения в резолюции. Зато было выдвинуто требование о независимости Фракии и Добруджи. Полемизируя с Крейбихом, который напомнил, что для решения национального вопроса в Чехословакии следовало исходить из конкретной исторической обстановки, Мануильский в заключительном выступлении подчеркнул, что в данном случае коммунисты не могут исходить из того, что существующие границы различных государств были установлены в процессе бесконечных войн и насилия. Однако Мануильский утверждал, что коммунисты не выступают за отделение любой ценой: в резолюцию включили положение, осуждавшее обособленность.

Словом, в конкретной разработке национального вопроса на V конгрессе не было особых сдвигов; предполагалось, что будут предприняты другие шаги в этом направлении, но этого в последующее десятилетие не произошло. Высказанные на VI конгрессе пожелания об аналитической разработке вопроса для капиталистических стран⁴¹ остались без внимания, а в программе ограничились подтверждением самых общих принципов. В последующие годы продолжалось развитие еще более односторонней концепции национального вопроса, который рассматривался как орудие борьбы за социалистическую революцию.

Дискуссия о программе (пусть ее рамки были и ограничены) была последней публичной дискуссией в истории III Интернационала. Ее результатом как раз и явилась программа, положительным моментом которой был отказ от сектантских мнений, высказанных во время дебатов. Но эта программа никак не отразилась на дальнейшей деятельности Коминтерна, определявшейся теперь эволюцией большевистской партии, в которой после поражения правобухаринского крыла установилась диктатура сталинской фракции, а немного позднее личная диктатура Сталина. И разработка политики Коминтерна велась теперь так, будто программа и вовсе никогда не принималась.

⁴¹ VI конгресс Коминтерна..., III, с. 36 (выступление П. Реймана), с. 72 (выступление Хоразы, псевдоним Юлиуса Фолека), с. 97 (выступление Семара).

В результате создалась парадоксальная ситуация: внутренний режим Коммунистического Интернационала, деятельность которого должна была строиться на основе ленинской идеи о том, что не может быть революционной практики без революционной теории, на деле свел к минимуму возможность политических разработок. Почти все, что относится к европейской марксистской мысли 30-х годов (если исключить Грамши, в то время находившегося в тюрьме), исходило от людей, которые были на «периферии» Коминтерна, а то и вовсе вне его рядов.

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА
Том третий
МАРКСИЗМ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА
Часть первая
Выпуск первый

Технический редактор *Л. Н. Шупейко*
Корректор *Т. А. Шустина*

Сдано в набор 14. 06 1983 г.

Подписано в печать 30.06 1983 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Условн. печ. л. 30,25. Уч.-изд. л. 31,45

Изд. № 24/37492. Заказ № 25

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Прогресс»

Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17
